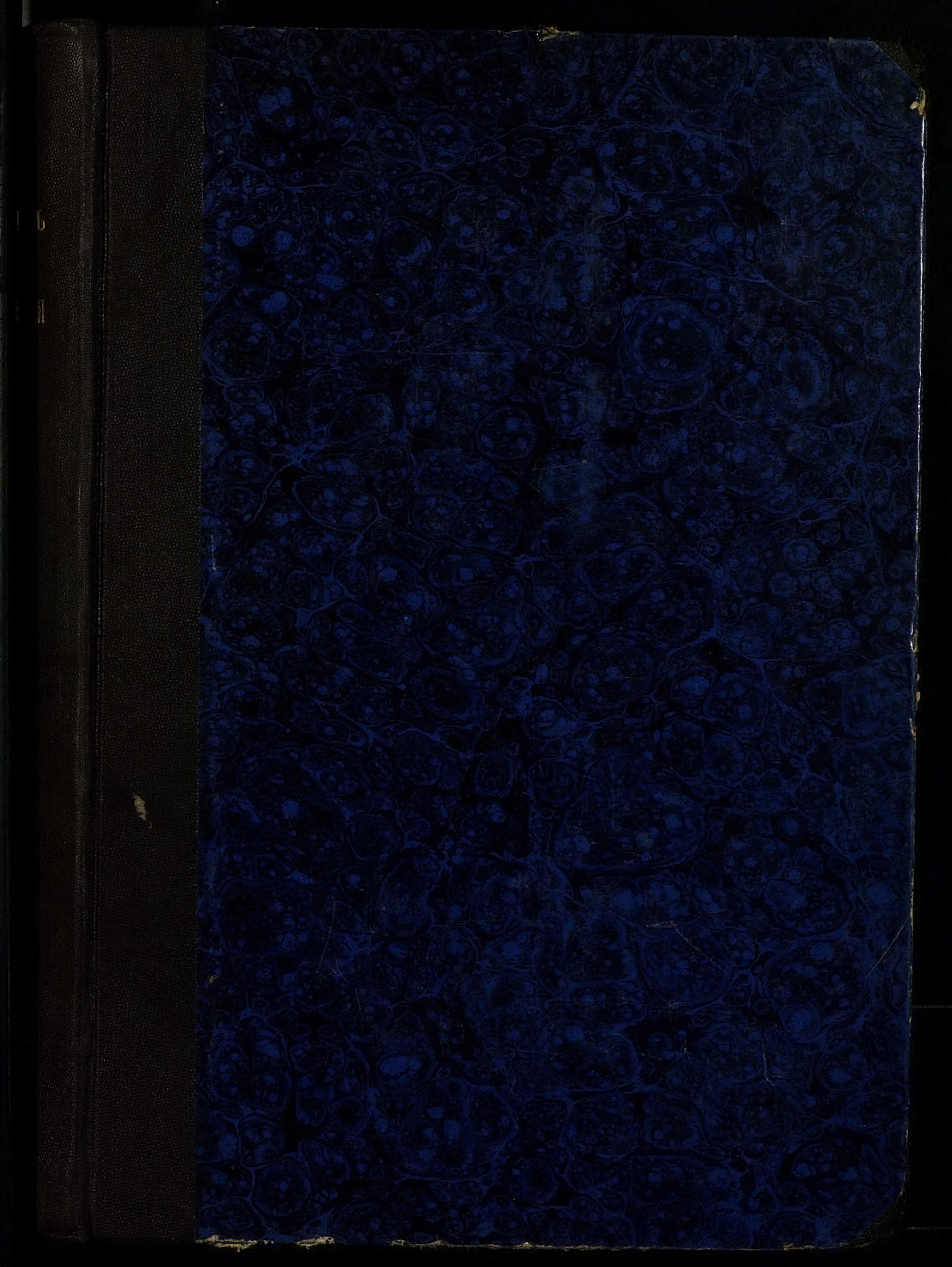

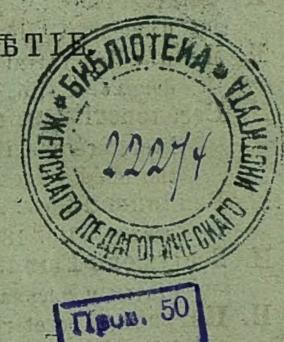
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLVI.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 1-го марта).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCLV.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2821.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го октября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день октября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе капитала въ 15,900 рублей, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевой, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала употреблялись на уплату за слушаніе лекцій недостаточными студентами означеннаго университета.

2. (14-го ноября 1887 года). О порядкѣ производства пенсій профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на оную до изданія новаго положенія о семъ институтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день ноября 1887 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на пенсію выслугою 25 и 30 лѣтнихъ сроковъ до изданія новаго положенія о названномъ институтѣ 23-го марта 1887 года, производить таковыя пенсіи, сверхъ содержанія, до выслуги ими сроковъ, на которые они были утверждены на службѣ, съ тѣмъ, чтобы означенные профессоры, по наступленіи таковыхъ сроковъ, подлежали дѣйствію ст. 33 и 37 приведеннаго институтскаго положенія.

3. (1-го декабря 1887 года). О правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I, изд. 1886 г.), постановить:

„Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Тургайской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній, по отбыванію воинской повинности".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (1-го декабря 1887 года). О порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденнаго 8-го іюня 1869 года устава Императорскаго Варшавскаго университета, постановить, относительно порядка увольненія и оставленія на службѣ преподавателей, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, слѣдующее правило:

Для продолженія на новое пятилѣтіе службы при университетѣ профессорамъ, прослужившимъ по учебной части двадцать пять лѣтъ (§ 82), требуется ходатайство попечителя учебнаго округа и разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ университета необходимо въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

Подлинноое мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (25-го декабря 1887 года). О введеніи въ Пермской губерніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта врача.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія по ходатайству Пермскаго губернскаго земскаго собранія о введеніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта врача.

Комитетъ полагалъ:

I. Разрѣшить участіе земскаго врача въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Пермской губерніи съ правомъ голоса по вопросамъ, относящимся до санитарно-гигіеническаго состоянія народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы самое приглашеніе означеннаго врача къ присутствованію въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ по объясненнымъ вопросамъ зависѣло отъ предсѣдателя совѣта и чтобы въ случаѣ невозможности для земскаго врача прибыть на собраніе совѣта, обстоятельство это не служило препятствіемъ къ признанію засѣданія совѣта состоявшимся.

и II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ возбужденія подобныхъ же ходатайствъ земскими собраніями другихъ губерній, разрѣшать примѣненіе въ сихъ губерніяхъ упомянутой въ предыдущемъ пунктѣ временной мѣры.

Государь Императоръ, въ 25-й день декабря 1887 г., положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1888 г.) Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II-го при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго Елабужскимъ уѣзднымъ земствомъ капитала въ три тысячи руб., за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, учреждается при Елабужскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Императора Александра II-го.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Елабужскаго реальнаго училища и составляетъ неотъемлемую собственность онаго, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатъ избирается Елабужскимъ земскимъ собраніемъ изъ дѣтей беднѣйшихъ жителей Елабужскаго уѣзда.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія въ училищѣ, если только не будетъ лишенъ таковой по опредѣленію педагогическаго совѣта, за неодобрительное поведеніе или малоуспѣшность въ наукахъ.

§ 5. Могущія образоваться сбереженія отъ стипендіи, по случаю временнаго незамѣщенія ея или по какимъ-либо другимъ причинамъ, пріобщаются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіату, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Елабужскаго реальнаго училища стипендія переходитъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Христофоровича Грекова при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 2,000 рублей, пожертвованнаго женою коллежскаго секретаря Анною Александровною Гре-

ковою и заключающагося въ 2-хъ билетахъ государственной 5% желѣзнодорожной непрерывной ренты, учреждается при университетѣ св. Владиміра стипендія имени Александра Христофоровича Грекова въ размѣрѣ 100 рублей.

§ 2. Стипендія имени А. Х. Грекова, согласно волѣ жертвовательницы назначается студентамъ юридическаго факультета изъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Выборъ стипендіата принадлежитъ юридическому факультету, при чемъ факультетъ отдаетъ преимущество бѣднѣйшему студенту, отличному по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Право назначенія стипендіата принадлежитъ правленію университета съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатъ имени Александра Христофоровича Грекова обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности въ университетѣ; не выдержавшій же по причинамъ неуважительнымъ испытанія, равно неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (27-го января 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени умершаго мануфактуръ-совѣтника Герасима Хлудова при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ мануфактуръ-совѣтникомъ Герасимомъ Ивановичемъ Хлудовымъ, за удержаніемъ суммы, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, учреждается при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетахъ, признается неприкосновеннымъ, а на содержаніе стипендіата употребляются одни проценты въ размѣрѣ установленной за содержаніе пансіонеровъ платы. Излишніе проценты причисляются къ капиталу. Капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ спеціальными суммами Императорскаго Московскаго техническаго училища.

§ 3. Стипендія должна быть предоставляема только круглымъ сиротамъ, изъ дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей города Москвы, право-

славнаго вѣроисповѣданія. Выборъ стипендіата принадлежитъ дочерямъ Герасима Ивановича Хлудова: Прасковьи Прохоровой, Клавдіи Востряковой, Александрѣ Найденовой и Любови Лукутиной, по ихъ взаимному соглашенію, послѣ же ихъ смерти—московскому купеческому обществу.

§ 4. Стипендія предоставляется лицу, удовлетворяющему требованію § 3 и выдержавшему пріемное испытаніе въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ на общемъ основаніи.

§ 5. Стипендіатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта уволенный изъ числа учениковъ за неодобрительное поведеніе, лишается стипендіи, о чемъ немедленно доводится до свѣдѣнія лицъ или учрежденія, коимъ принадлежитъ выборъ стипендіата, для избранія другаго лица. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, тяжкой продолжительной болѣзни, и при томъ во время всего курса лишь одинъ разъ.

§ 6. Начальство Императорскаго Московскаго техническаго училища два раза въ годъ, по истеченіи каждаго полугодія, увѣдомляетъ лицъ или учрежденіе, поименованныхъ въ п. 3 сего положенія, объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (2-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Екатерины Григорьевны Тепловой при Иркутской женской прогимназіи И. С. Хаминова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ 950 рублей, пожертвованнаго неизвѣстнымъ лицомъ, учреждается при Иркутской женской прогимназіи одна стипендія имени Е. Г. Тепловой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на сумму 500 руб., 4-хъ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа по 100 руб. каждая, на сумму 400 рубл., и одной облигаціи того же займа въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ 5% налога, употребляются на взносъ платы за ученіе въ упомянутой про-

гимназіи одной ученицы, остатокъ же отъ стипендіи, за взносомъ платы за ученіе, выдается стипендіаткѣ на учебныя пособія.

§ 4. Стипендіей пользуется бѣднѣйшая изъ воспитанницъ прогимназіи, по преимуществу изъ круглыхъ сиротъ, отличающаяся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки, а равно и лишеніе стипендіи за неодобрительное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи предоставляются попечительному совѣту прогимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

5. (7-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго при Лебедянской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемьсотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Лебедянской прогимназіи и нѣкоторыми членами мѣстнаго общества, въ память двадцатипятилѣтней педагогической дѣятельности бывшаго инспектора названной прогимназіи статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго, учреждается при означенной прогимназіи одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго".

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Лебедянской прогимназіи въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означенныхъ облигацій въ тиражъ, онѣ замѣняются другими государственными процентными бумагами соотвѣтственной стоимости.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, одежды, обуви или на другія нужды одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣй-

шихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ, безъ различія сословій, во все время ученія его въ прогимназіи.

§ 4. Избраніе и назначеніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Лебедянской прогимназіи.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта Лебедянской прогимназіи.

§ 6. Могущіе оказаться вслѣдствіе какихъ-либо причинъ остатки отъ суммы стипендіи употребляются въ слѣдующіе годы пребыванія стипендіата въ прогимназіи на необходимые для него расходы, или выдаются стипендіату по окончаніи имъ ученія въ Лебедянской прогимназіи, въ томъ случаѣ, если стипендіатъ поступитъ въ другое учебное заведеніе для продолженія образованія, или причисляются къ основному капиталу стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (12-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи девятьсотъ пятьдесятъ рубл., завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждаются при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Обезпечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Саратовскаго реальнаго училища въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія двухъ стипендіатовъ и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для нихъ.

§ 4. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій, или по другимъ причинамъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 5. Стипендіями имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуются, по избранію педагогическаго совѣта, двое изъ бѣднѣйшихъ учениковъ

Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатами, оставшимися на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендіи могутъ быть сохранены только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, пріобрѣтаются училищемъ новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

7. (12-го февраля 1888 года). **Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовской мужской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждается при Саратовской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Саратовской гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія одного стипендіата и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для него.

§ 4. Могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Стипендіей имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуется, по избранію педагогическаго совѣта, одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Саратовской гимназіи, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатомъ, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважи-

тельнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, пріобрѣтаются гимназіею новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

8. (13-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго представителями тюменскаго купечества капитала въ девятьсотъ рублей учреждается при Тюменскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ би летахъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, хранится въ мѣстномъ окружномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, назначаются для уплаты за право ученія стипендіата, на учебныя пособія и платье.

§ 4. Право пользованія стипендіей предоставляется дѣтямъ лицъ недостаточнаго состоянія, христіанскаго вѣроисповѣданія, всѣхъ сословій.

§ 5. Право назначенія стипендіата, а равно и лишенія стипендіи ученика, оказавшагося недостойнымъ, предоставляется Федору Логиновичу Миллеру, а послѣ смерти его—педагогическому совѣту Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища.

6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (16-го февраля 1888 года). Положеніе о капиталѣ имени проживающихъ въ Китаѣ сибиряковъ при Троицкосавской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память двадцатипятилѣтняго существованія Троицкосавской женской гимназіи учреждается при означенномъ учебномъ заведеніи капиталъ имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ, въ суммѣ до шести тысячъ рублей, пожертвованной упомянутыми сибиряками.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составляя неотъемлемую собственность упомянутой гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ оной.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, передачѣ въ казну, поступаютъ ежегодно въ распоряженіе попечительнаго совѣта Троицкосавской женской гимназіи на производство стипендій недостаточнымъ ученицамъ означенной гимназіи.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(31-го января 1888 года). Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фолькъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 8-го іюня 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мюлау—деканомъ богословскаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Кеннель—ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ зоологіи, съ 8-го декабря 1887 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Праховъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 12-го декабря 1887 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ химіи Сорокинъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ агрономіи, съ 1-го января 1888 года; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-

филологическаго института, докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ Латышевъ—наставникомъ-руководителемъ гимназіи сего института по греческому языку и завѣдывающимъ этою гимназіею, съ 27-го ноября 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реальнаго училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Любарскій—директоромъ Ломжинской мужской гимназіи, съ 1-го ноября 1887 года; дѣйствительный тайный совѣтникъ Батюшковъ, дворянинъ Собанскій, почетный гражданинъ Улановъ и купецъ Ѳемелиди—почетными попечителями прогимназій на три года: Батюшковъ—Устюженской мужской, Собанскій—Херсонской, Улановъ—Бѣлевской мужской и Ѳемелиди—Аккерманской; изъ нихъ Собанскій—съ 10-го декабря 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Тверскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Висьневскій—директоромъ реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, съ 13-го ноября 1887 года; учитель Екатеринбургской гимназіи, надворный совѣтникъ Стешинъ—директоромъ Екатеринбургскаго Алексіевскаго реальнаго училища, съ 1-го декабря 1887 года; директоръ Московскаго архива министерства юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій ассессоръ Бычковъ и дѣлопроизводитель VI класса Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассессоръ Улявицкій—членами археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 20-го ноября 1887 года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; коллежскій совѣтникъ Круликовскій, коллежскій ассессоръ Кульвецъ, сарапульскіе купцы: Барановъ, Осиповъ, Ижболдинъ и Новокшеновъ—членами попечительства Сарапульскаго Алексіевскаго реальнаго училища, на три года; кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета Новосильцевъ—почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: старшій врачъ Мясницкаго отдѣленія больницы для чернорабочихъ въ Москвѣ, докторъ медицины Поспѣловъ — сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, съ 30-го ноября 1887 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Болдыревъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ общей терапіи, съ 1-го декабря 1887 г.; доценты института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, статскій совѣтникъ Краузе и на-

дворный совѣтникъ Быковъ—профессорами сего института, съ 10-го декабря 1887 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Владиміръ Майковъ — сотрудникомъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 22-го декабря 1887 года.

Перемѣщены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шварцъ, на каѳедру древне-классической филологіи въ томъ же университетѣ, съ 11-го декабря 1887 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондаковъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 1-го января 1888 года.

Опредѣлены: изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ Гадзяцкій — вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ Якутской прогимназіи, съ 23-го декабря 1887 г.; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ивановъ — дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 14-го января 1888 г., и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Егоровъ—исправляющимъ должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1888 г.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: доцентъ С.-Петербургскаго лѣсного института, коллежскій совѣтникъ Сомовъ—съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ механики, съ 14-го ноября 1887 г.; канцелярскій служитель Новгородскаго дворянскаго депутатскаго собранія, не имѣющій чина баронъ Борисъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ — въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя, съ 18-го ноября 1887 года.

Оставлены на службѣ: на два года: директоръ Вольской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій—съ 19-го ноября 1887 г.; профессоръ православнаго богословія Демидовскаго юридическаго лицея, протоіерей Лавровъ — съ 29-го декабря 1887 г.; на три года: директоръ Тверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Овсянниковъ, съ 25-го ноября 1887 г., директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ

дѣйствительный статскій совѣтникъ Ставровичъ, съ 27-го декабря 1887 г. и директоръ Ливенскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлинъ, съ 31-го декабря 1887 г.; на пять лѣтъ: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Голевинскій, съ 19-го сентября 1887 г.; Московскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Клейнъ, съ 10-го октября 1887 г. и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь, съ 18-го октября 1887 г.; окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чеховичъ, съ 19-го октября 1887 г.; директоръ Псковской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кестнеръ, съ 17-го ноября 1887 г.; директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ, съ 20-го ноября 1887 г., ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ и директоръ Великолуцкаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Вейнбергъ, съ 7-го декабря 1887 г.; директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ Жаворонковъ, съ 11-го декабря 1887 г. и директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ, съ 10-го января 1888 года.

Оставлены на службѣ: по выслугѣ 30-ти лѣтъ по учебной части: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ, съ 19-го ноября 1887 г. и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бредихинъ, съ 23-го октября 1887 г.; по выслугѣ 40-ка лѣтъ по учебной части, профессоръ православнаго богословія Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей Добротворскій, съ 31-го октября 1887 года.

Командированы съ ученою цѣлью въ Россіи: ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, статскій совѣтникъ Суворовъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора сего лицея Щегловъ—въ Москву и С.-Петербургъ,—первый на мѣсяцъ и послѣдній—на полтора мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Трачевскій—въ С.-Петербургъ, на весеннее полугодіе 1888 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлюдзинскій—во внутреннія губерніи, съ 25-го января по 1-е сентября 1888 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ— на три недѣли, въ С.-Петербургъ; директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Аничковъ—на 28 дней, въ С.-Петербургъ; за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Новицкій—на 25 дней; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ Камовскій—на два мѣсяца, по болѣзни; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройцъ и сверштатный ординаторъ Императорскаго Харьковскаго университета Данилевскій—на четыре мѣсяца.

Уволены: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сергѣевскій, согласно прошенію, отъ должности декана юридическаго факультета сего университета, съ 20-го ноября 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Бялецкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Преображенскій и наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавриловъ, отъ службы, первый—за выслугою срока, съ 19-го сентября 1887 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, и согласно прошенію: Преображенскій—съ 1-го декабря 1887 года и Гавриловъ—съ 4-го января 1888 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителямъ гимназій: Царицынской — надворному совѣтнику Гендри и Симбирской — Пору; учителю Алатырской мужской прогимназіи, надворному совѣтнику Красовскому; учителю Вятскаго реальнаго училища, надворному совѣтнику Асаткину учителю-инспектору Малмыжскаго, Вятской губерніи, городского трехкласснаго училища, коллежскому ассессору Соколову; сверхштатному учителю Московской 5-й гимназіи Касицину; преподавательницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи Аѳанасьевой и преподавательницѣ и надзирательницѣ сей гимназіи Бородиной— за отлично-усердную и ревностную ихъ службу; владѣлицѣ мукомольной мельницы въ Полтавской губерніи графинѣ Капнистъ, предсѣдателю хозяйственнаго комитета и главному химику экспеди-

ціи заготовленія государственныхъ бумагъ, завѣдывающему нефтянымъ заводомъ при экспедиціи, дѣйствительному статскому совѣтнику Дешевому; исправлявшему должность начальника адмиралтейскихъ ижорскихъ заводовъ, инженеръ-механику полковнику Геймбруку; директору рельсоваго механическаго завода общества путиловскихъ заводовъ, инженеръ-технологу Ясюковичу; директору общества франко-русскихъ заводовъ (бывшихъ Берда), инженеру Дю-Бюи; завѣдывающему мѣдно-прокатнымъ отдѣломъ на заводѣ общества франко-русскихъ заводовъ, горному инженеру Радлову; правленію общества с.-петербургскихъ водопроводовъ, главному инженеру сего общества, инженеръ-технологу Ермолину; директору с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, инженеру путей сообщенія, титулярному совѣтнику Сумарокову; владѣльцу крупчато-пшенично-вальцовой мельницы, рыльскому купцу Рыловникову; управляющему верхъ-исетскими заводами графини Стембокъ-Ферморъ, инженеръ-технологу Роджеру; владѣльцу невской писчебумажной фабрики въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Варгунину; владѣльцу писчебумажной фабрики въ Красномъ-Селѣ, инженеръ-технологу, потомственному почетному гражданину Печаткину; владѣльцу кожевеннаго завода въ С.-Петербургѣ, коммерціи-совѣтнику Брусницыну; директору правленія Высочайше утвержденнаго товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и К°, дворянину Зайдлеру; владѣльцу маслобойнаго завода въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Жукову; управляющему главнымъ заводомъ общества столичнаго освѣщенія, инженеръ-технологу Скиндеру; исправляющему должность инженеръ-техника на заводѣ общества освѣщенія газомъ города С.-Петербурга, въ 1835 году учрежденнаго, Кубе и директору с.-петербургскаго газоваго общества (для освѣщенія Петербургской и Выборгской частей), французскому гражданину Гарсону — за содѣйствіе ихъ успѣхамъ учебнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ; почетному блюстителю Едровскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Герке—за заботливость его о семъ училищѣ; начальникамъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскаго — коллежскому совѣтнику Кедрову и Соколовскаго — коллежскому ассессору Кескевичу — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія; законоучителю Сожинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народ-

наго просвѣщенія, Смоленской губерніи и уѣзда, священнику Конокотину и попечительницѣ Вешковскаго сельскаго училища Гжатскаго уѣзда той же губерніи, графинѣ Уваровой — за заслуги ихъ на пользу дѣла народнаго образованія; предсѣдателю попечительнаго совѣта Троицкой женской прогимназіи, городскому головѣ Дмитріеву — за усердную и полезную для сей прогимназіи дѣятельность; попечителю Петровичской, Минской губерніи Игуменскаго уѣзда, школы плодоводства и хмелеводства, дѣйствительному статскому совѣтнику Мышенкову — за оказанное имъ содѣйствіе учебному вѣдомству въ предоставленіи учителямъ начальныхъ училищъ возможности теоретически и практически ознакомиться съ веденіемъ сихъ отраслей сельскаго хозяйства; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, тайному совѣтнику Захарьину — за пожертвованіе его въ пользу Саратовской мужской гимназіи; почетному попечителю С.-Петербургской 7-й гимназіи, коллежскому совѣтнику Русанову — за пожертвованіе дома для Мезенскаго двухкласснаго приходскаго училища; администратору завода Черекъ Берсону — за постройку новаго каменнаго дома для мужскаго и женскаго училищъ, въ деревнѣ Лешно, Блошскаго уѣзда Варшавской губерніи; попечителю Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, потомственному почетному гражданину Нечаеву — за пожертвованія въ пользу сей школы.

Исключенъ изъ списковъ умершій, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія Русской Словесности. Составилъ А. Галаховъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888“ — рекомендовать какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Составилъ А. Камковъ. Изд. 7-е. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку (по христоматіи Буслаева). Въ 8-ку

стр. 64. Казань. 1887. Цѣна 30 к." — одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи церковно-славянскаго языка.

— Книгу: „Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Тихомировъ, преподаватель Орловской гимназіи. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.—Стр. 400" — одобрить, какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ (за исключеніемъ дополнительнаго класса).

— Книгу: „Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ К. Раевскимъ. 5-е исправленное изданіе съ 203 рисунками. С.-Пб. 1887"—одобрить, какъ руководство для реальныхъ училищъ и училищныхъ институтовъ и какъ учебное пособіе для мужскихъ и женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Руководство къ изученію православной христіанской вѣры. Учебное пособіе при изученіи пространнаго христіанскаго катихизиса православной церкви, въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ законоучитель Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ священникъ Петръ Мазановъ. Изд. 4-е. Полтава. 1887. Цѣна 80 к." — одобрить, въ 4-мъ изданіи, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи пространнаго катихизиса митрополита Филарета въ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру: „О построеніи и черченіи картъ. Главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Н. И. Раевскаго (вновь измѣнено и исправлено). Съ 34 чертежами. Цѣна 45 коп. С.-Пб. 1886 г. Стр. 33 въ 8-ку"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Географія, какъ наука и учебный предметъ. Н. И. Раевскаго (Измѣненное и дополненное сочиненіе „О преподаваніи географіи"). Цѣна 75 коп. С.-Пб. 1887 г. Стр. 142 въ 8-ку"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Славянскія повѣсти для юношества. Болгарія, Сербія, Черногорія. М. Ляпиной. Съ рисунками Каразина и Михайлова. С.-Пб. Изданіе Девріена. Въ 8-ку стр. 220. Цѣна 1 р. 75 коп."—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „А. Князева, директора Динабургскаго реальнаго

училища подъ заглавіемъ „Методика преподаванія естественной исторіи въ основномъ отдѣленіи Динабургскаго реальнаго училища. Вильна. 1887 г.“—одобрить для пріобрѣтенія въ библіотеки реальныхъ училищъ.

— Брошюры проф. Н. М. Любимова: 1) „Чахотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Изд. 2-е исправленное и дополненное, книгопродавца А. А. Дубровина. Казань. 1887 г. Стр. 80 въ 16 д. л.“ и 2) „Бактеріи и вліяніе ихъ на здоровье человѣка, съ 18 рис. Казань. 72 стр. въ 16 д. л.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ школъ и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Arriani Anabasis. Для учениковъ третьяго класса гимназій и прогимназій по эвристическому методу обработалъ Вячеславъ Ракушанъ, учитель Тифлисской гимназіи. Часть первая. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку стр. 177. Цѣна 65 к.“ — допустить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ Будиновъ. Москва. 1888. Стр. 74 въ 8-ку. Цѣна 30 к.“ — допустить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Анатомія и физіологія человѣка. Въ объемѣ курса женскихъ гимназій, институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ школъ. Составилъ Д. К. Влахопуловъ, кандидатъ естественныхъ наукъ Императорскаго Московскаго университета. Въ приложеніи: Анатомическій атласъ (хромолитографированный). Москва. 1888. 91 стр. въ 16-ю д. л. Цѣна 50 к.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ введено преподаваніе естественныхъ наукъ.

— Книгу: „Учебная книга священной исторіи, для еврейскаго юношества (отъ сотворенія міра до Неемiи включительно). Составили М. Вольперсъ и В. Л. Каганъ. Вильна. 1887. Цѣна 80 к.“ — одобрить какъ учебникъ для еврейскаго юношества, обучающагося въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, реальныхъ и еврейскихъ училищахъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа" Е. Н. Тихомировой: 1) Младшій возрастъ. М. 1887. Стр. 392. Цѣна 50 к.—2) Старшій возрастъ. Выпускъ первый. М. 1887. Стр. 412. Цѣна 50 к.—3) Старшій возрастъ. Выпускъ второй. М. 1887. Стр. 314. Цѣна 50 к." — одобрить младшій возрастъ для ученическихъ, а старшій для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ сельскихъ и городскихъ.

— Книгу: „Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда. „Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома". Составлено по Тэйеру Е. А. Сысоевой. Съ портретомъ и 3-мя картинками. 2-е, исправленное и удешевленное, изданіе. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 161 стр. Цѣна 60 к."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и старшаго возраста городскихъ училищъ.

— „Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ. Русскія прописи. Учебное пособіе для народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и воскресныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ и для начальнаго домашняго обученія. Изд. 2-е, исправленное. Тетрадь въ 48 стр. С.-Пб. Цѣна 25 к."—одобрить для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Сказки А. С. Пушкина. Рязань. 1887. Въ 12-ю д. л. 94 стр. Цѣна 10 к."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. (Подъ редакціей О. Ѳ. Миллера). С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 85 стр. Цѣна 15 к." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 134 стр. Цѣна 15 к." — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Поэма въ

стихахъ (для дѣтскаго чтенія). Сочиненіе Ан. Лѣсничаго. Одесса. 1888. Въ 8-ку 43 стр., съ 6-ю рисунками. Цѣна не обозначена" — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя Ѳ. И. Егоровымъ книги: 1) „Ариѳметика и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. М. 1887. Въ 8-ку 232 стр. Цѣна 40 к." и 2) „Для учителей. Отвѣты и рѣшенія задачъ (помѣщенныхъ въ предыдущей книгѣ). М. 1887. Въ 8-ку 30 стр. Цѣна 15 к." — допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ руководства, а вторую—въ учительскія библіотеки.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Николаевской—Александровской гимназіи до шестидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика, съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года.

— Въ сентябрѣ и началѣ октября прошлаго года преосвященный Анастасій, епископъ Брестскій, при обозрѣніи церквей Волковыскаго и Гродненскаго уѣздовъ, между прочимъ, испытывалъ, обыкновенно въ церквахъ же, по окончаніи богослуженія, знанія учениковъ мѣстныхъ сельскихъ училищъ въ законѣ Божіемъ, церковно-славянскомъ чтеніи и въ церковномъ пѣніи. При этомъ преосвященный, выражая похвалу многимъ учителямъ и преподавая каждому изъ учениковъ свое благословеніе, награждалъ ихъ иконами, крестиками, Евангеліями и другими книгами религіозно-нравственнаго содержанія, а нѣкоторыхъ изъ учителей—брошюрою собственнаго сочиненія подъ названіемъ: „Храните православіе".

Оставшись вообще доволенъ отвѣтами учениковъ и ихъ пѣніемъ, преосвященный Анастасій вынесъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе при посѣщеніи церкви въ м. Новомъ-Дворѣ, Волковысскаго уѣзда, гдѣ хоръ изъ 15 учениковъ мѣстнаго народнаго училища и 9 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ, подъ управленіемъ учителя Гуляя, весьма стройно пропѣлъ многія молитвы. Его Преосвященствомъ обращено было также вниманіе на дѣятельность учителя въ м. Мстибовѣ, того же уѣзда, Писаревича, который въ этой сильно окатоличенной мѣстности устроилъ приличный церковный хоръ изъ 12 дѣтей и 3 взрослыхъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, 29-го ноября минувшаго года послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ селеніи Слободкѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, при 175 учащихся.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ [1].

II.

Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.

Въ польской исторіографіи XIX вѣка различаютъ три главныя школы, изъ которыхъ двѣ первыя называются именами своихъ основателей, а третья—по мѣсту своего возникновенія: это—школы Нарушевича, Лелевеля и краковская [2]. Такое дѣленіе еще не обозначаетъ того, что всѣ историческіе труды на польскомъ языкѣ непремѣнно должны принадлежать къ одной изъ этихъ школъ, но существованіе послѣднихъ не въ томъ и заключается: вопервыхъ, указанное дѣленіе относится, главнымъ образомъ, лишь къ тѣмъ историческимъ трудамъ, въ коихъ выражается извѣстное политическое міровоззрѣніе, а къ числу такихъ относятся, главнымъ образомъ, общія исторіи Польши; вовторыхъ, школы знаменуютъ собою самыя видныя, если не господствовавшія въ извѣстное время направленія исторической мысли. Съ послѣдней точки зрѣнія въ развитіи польской исторіографіи можно различить три періода. Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это—школа уже извѣстнаго намъ Нарушевича. Второй охватываетъ тридцатые, сороковые и пятидесятые годы: это—

---

[1]) *Продолженіе.* См. январьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) *Bobrzyński.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa. 1880. Wstęp. II: o nauce historyi polskiej i jej umiejętnem badaniu. *Smoleński.* Szkoły historyczne w Polsce. Ср. нашъ критико-библіографическій очеркъ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ польской исторіографіи“—*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, ноябрь, 1 sq. Новѣйшая польская исторіографія, 537.

школа Іоахима Лелевеля, ученаго виленскаго профессора и дѣятеля революціи 1830 года. Наконецъ, третью школу представляетъ изъ себя направленіе краковскихъ ученыхъ, и къ ней принадлежатъ многіе исторические труды послѣдней четверти вѣка.

Мы уже знаемъ, какія политическія идеи высказывалъ Нарушевичъ: вся его школа въ XIX вѣкѣ повторяетъ взгляды публицистовъ XVIII вѣка, то-есть, является продолжательницей традиціи монархическаго лагеря польской публицистики. Направленіе краковскихъ ученыхъ можетъ быть названо вторымъ изданіемъ школы Нарушевича, явившимся на смѣну лелевелевской доктрины, которая сама была возобновленіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, ученія публицистовъ республиканцевъ въ родѣ гр. Вельгорскаго. Таковъ генезисъ и взаимныя отношенія польскихъ историографическихъ школъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся, что можно прослѣдить, какъ историки изъ школы Нарушевича восприняли идеи монархическихъ публицистовъ прошлаго вѣка, и какъ тѣ же идеи, на время оттѣсненныя на задній планъ противоположнымъ взглядомъ на прошлое Польши, возродились у писателей краковскаго направленія. Съ другой стороны, намъ очевидно станетъ и то, что школа лелевелевская тѣсно связана съ теоріями, подобными воззрѣнію гр. Вельгорскаго. Конечно, съ теченіемъ времени въ старыя идеи привзошло много новаго, и напримѣръ, особенно о Лелевелѣ можно сказать, что его взглядъ былъ исправленіемъ взгляда республиканцевъ XVIII в., потому что знаменитый историкъ дополнилъ его кое-чѣмъ новымъ, такъ какъ его демократизмъ болѣе соотвѣтствуетъ духу новаго времени, нежели шляхетскій демократизмъ гр. Вельгорскаго, то-есть, демократизмъ въ античномъ смыслѣ, исключавшемъ изъ „демоса“, народа, именно то, что̀ принято называть народомъ въ наше время.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о польской историографіи въ текущемъ столѣтіи перейдемъ къ отдѣльнымъ ея явленіямъ.

Итакъ, основателемъ первой историографической школы въ Польшѣ былъ Нарушевичъ. Продолжателями его дѣла, какъ историка, усвоены были и его политическіе взгляды. Говоря здѣсь о его школѣ, мы имѣемъ въ виду именно не то, что̀ составляетъ, такъ сказать, технику исторической науки, а политическую мысль, вложенную въ историческое представленіе. Въ эпоху Варшавскаго герцогства мѣстное „Общество любителей наукъ“ (Towarzystwo przyjaciół nauk) напечатало въ Pamiętniku warszawskim (ноябрь 1809 г.) выработанный Станиславомъ Потоцкимъ и прелатомъ Пражмовскимъ „Про-

спектъ исторіи польскаго народа“ [1]), въ которомъ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе рекомендуемое авторами дѣленіе польской исторіи на періоды. За основу этого дѣленія совѣтуется взять „перемѣны, какимъ подвергался народъ“, а между ними особенно перемѣны въ „правящей власти“ (we władzy rządzącej), ибо въ ней—сказано тамъ—заключается „первѣйшая причина какъ прежней силы, такъ и позднѣйшаго паденія народа“. Вотъ характеристика пятаго періода въ этомъ „Проспектѣ“: упадокъ королевской власти, вліяніе заграничныхъ державъ, увеличивающееся безнарядье шляхетской демократіи и можновладства до утраты національной независимости. За проспектомъ въ томъ же изданіи слѣдовалъ „Краткій очеркъ исторіи народа польскаго“ [2]) въ видѣ программы большаго труда. Здѣсь эта характеристика пятаго періода развивается подробнѣе, но въ общемъ—какъ замѣчаетъ г. Смоленскій—весь очеркъ былъ только схематизированной квинт-эссенціей (ujętem w szemat zsumowaniem) взглядовъ Нарушевича и разсѣянныхъ въ разныхъ брошюрахъ XVIII вѣка аналогичныхъ воззрѣній. Работу надъ составленіемъ исторіи Польши раздѣлили между собою нѣсколько человѣкъ, но исполнили свою задачу только трое (Нѣмцевичъ, Квятковскій и Краевскій), взявшіе на себя царствованія Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра. Въ историческихъ трудахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому плану [3]), проводится та же мысль, а Нѣмцевичъ, кромѣ того, формулировалъ свою идею, въ „Мысляхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа“, составляющихъ послѣдній отдѣлъ „Śpiewów historycznych“ [4]). Будучи писателемъ совсѣмъ посредственнымъ, но человѣкомъ живымъ и отзывчивымъ, Нѣмцевичъ затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ „всѣ животрепещущіе современные вопросы и ударялъ постоянно въ чувствительную струну патріотизма“ [5]). Не смотря на всю слабость его „Историческихъ пѣсенъ“, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить поль-

---

[1]) Изложенъ у *Смоленскаго*, стр. 19—21.

[2]) Krótki zbiór dziejów narodu polskiego. Изложеніе у *Смоленскаго*, стр. 21—23.

[3]) *Niemcewicz*. Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. *Kwiatkowski*. Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV. Warszawa. 1823. *Krajewski*. Dzieje panowania Jana Kazimierza. Warszawa. 1846.

[4]) Uwagi nad upadkiem i charakterem narodu polskiego. См. Spiewy historyczne z muzyką i rycinami przez Jul. Urs. Niemcewicza. Warszawa. 1816. Стр. 433—441.

[5]) Слова г. *Спасовича*. О. с., 455.

скую исторію въ картинахъ, но именно благодаря его умѣнію ударять въ чувствительную струну, эти пѣсни были въ свое время очень популярны, такъ что публика заучивала ихъ наизусть: онѣ были положены на музыку и распѣвались въ салонахъ и шляхетскихъ усадьбахъ [1]). Сущность указанныхъ „Мыслей“ заключается въ томъ, что шляхта „уничтожила равновѣсіе между собою, народомъ (ludem) и трономъ“. „Пріобрѣтеніе одною частью народа богатствъ и власти“, говоритъ Нѣмцевичъ,—„подчиненіе другихъ сдѣлалось причиною ослабленія цѣлаго. Вскорѣ среди этой шляхты, по видимости допущенной до равнаго участія въ свободѣ, вслѣдствіе неизмѣримой разницы въ имуществѣ болѣе бѣдная часть сдѣлалась простымъ орудіемъ вельможъ: такимъ образомъ вельможи управляли всѣмъ и часто, несогласные между собою, враждебные королямъ, они, захвативши въ вихрь своихъ страстей все отечество, постепенно погрузили его съ высоты могущества въ вѣчную пропасть. Въ злосчастномъ ослѣпленіи не было обращено вниманія на то, что подобныя злоупотребленія, бурные выборы королей, удаленіе отъ вольностей мѣщанъ и простого народа, приведутъ когда-нибудь къ ужаснымъ слѣдствіямъ. Въ одной саблѣ видѣли только защиту безопасности и цѣлости: въ пренебреженіи были науки, торговля, промышленность“ и т. д. [2]). Во время общихъ перемѣнъ въ Европѣ, въ эпоху усиленія исполнительной власти и улучшенія по ея иниціативѣ положенія народныхъ массъ, въ Польшѣ только одна шляхта считалась за народъ; короли были подчиненными ей чиновниками, народъ—орудіемъ доходовъ и богатствъ. Виня въ гибели отчизны слѣпоту вельможъ и снисходительность (powolność) королей [3]), Нѣмцевичъ замѣчаетъ, что и въ каждомъ другомъ народѣ было бы подобное угнетеніе простого люда, гдѣ только почувствовали бы, что „бразды правленія находятся въ слабыхъ рукахъ“. По автору, поляки собственно склонны къ повиновенію и дисциплинѣ: „нѣтъ“, говоритъ онъ,—„другаго народа, болѣе годнаго, чѣмъ нашъ, чтобы быть управляемымъ, когда король—дѣльный и знающій наши склонности“ [4]). Любопытны и политическія мысли, которыя высказываются въ самыхъ „Śpiewach“. Напримѣръ, пѣснь о Стефанѣ Баторіи начинается словами:

[1]) *A. Kuliczkowski.* Zarys dziejów literatury polskiej. Lwów. 1884. Wydanie trzecie, стр. 265.

[2]) *Niemcewicz*, 434.

[3]) Ibid., 435.

[4]) Ibid., 436.

Uczą nas dzieje, i obraz niesprzeczny
Ciągłych zwycięstw pod Stefanem,
Co może Polska, kiedy król waleczny
Umie być wodzem i Panem [1]).

Собственно говоря, школа Нарушевича не произвела ничего крупнаго, надъ чѣмъ мы могли бы еще здѣсь остановиться. Въ этотъ періодъ польской исторіографіи писатели любили останавливаться на отдѣльныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни, касаясь которой они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, государство и политическіе вопросы, весьма мало вниманія посвящая, чтобы не сказать больше, вопросамъ общественнымъ и соціальнымъ. [2]) Въ старой Рѣчи Посполитой важно было не одно политическое безнарядье, но и соціальное угнетеніе шляхтою другихъ общественныхъ классовъ.

Мысль о томъ, что много зла Польшѣ причинило угнетеніе мѣщанства и хлоповъ, встрѣчается нерѣдко у монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, равно какъ и у писателей изъ школы Нарушевича [3]), но въ этомъ угнетеніи они видѣли фактъ второстепенный сравнительно съ слабостью правительства, которая и была для нихъ главною причиною бѣдствій. Среди польскихъ публицистовъ прошлаго вѣка преимущественно Станиславъ Сташицъ, бывшій самъ мѣщанскаго происхожденія, доказывалъ, что „шляхта есть только одно сословіе, а не весь народъ“ (szlachta są jednym stanem, nié całym narodem), и что „гдѣ народъ уцѣлѣетъ, тамъ удержится и сословіе“ (gdzie naròd ocaleje, tam otrzyma się stan). Шляхта, по его словамъ, не сумѣла охранить Польшу отъ раздѣла (рѣчь идетъ о первомъ), а потому не можетъ править ею по прежнему. Крѣпостное право, говоритъ онъ еще,—больше зла надѣлало Польшѣ, чѣмъ всѣ враги вмѣстѣ взятые, татары, шведы, москали. „Паденіе Польши, наконецъ“, пророчитъ онъ,—„будетъ наказаніемъ за притѣсненіе хлопа“. [4]) Но на

---

[1]) *Niemcewicz*, 227. Разборъ „Śpiewów historycznych“ былъ сдѣланъ Лелевелемъ (помѣщенъ въ XVII т. изданія сочиненій этого историка подъ заглавіемъ Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1884. Стр. 57 и слѣд. Объ Uwagach см. стр. 74 и слѣд.).

[2]) Хорошій для своего времени учебникъ польской исторіи написалъ *Jerzy Bandtkie*. Dzieje Królestwa Polskiego. Wrocław. Эта книга есть и въ русскомъ переводѣ.

[3]) Напримѣръ, въ „Uwagach“ Нѣмцевича.

[4]) Przestrogi dla Polski. 1790, безъ обозначенія мѣста.

такія мысли въ свое время мало обращали вниманія [1]), и ихъ нечего принимать въ расчетъ при обозрѣніи польской публицистической и исторической литературы въ первую треть нашего столѣтія. Только послѣ 1831 г. польскіе историки съ исключительно политической точки зрѣнія, на которой стояли прежде, начали переходить на точку зрѣнія соціальную, то-есть, кромѣ вопроса объ организаціи государственныхъ властей и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стали интересоваться и исторіей общественныхъ классовъ. Отчасти подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, заставившихъ наконецъ подумать о томъ, что сила націи можетъ заключаться лишь въ народѣ, отчасти и подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей, среди поляковъ образовалась демократическая партія, представителемъ которой въ исторіографіи былъ Лелевель. Тезисъ о первоначальной свободѣ крестьянства легъ въ основу его „Мыслей объ исторіи Польши и ея народа“ [2]), гдѣ причиною паденія Польши было выставлено пренебреженіе исконными, лежащими въ народномъ духѣ и осуществленными въ первоначальной Польшѣ основами всеобщаго равенства и свободы.

„Объясненіе судебъ польской націи—имѣли мы уже случай говорить—Лелевель далъ чисто апріористическое: это была въ умственной жизни Европы пора, когда рядомъ съ значительными успѣхами исторической науки, все болѣе и болѣе основывавшейся на критическомъ изученіи источниковъ и объективномъ построеніи фактовъ, распространяла свое вліяніе идеалистическая философія, вносившая въ исторіографію привычку къ апріорному мышленію. Лелевель, который своими трудами оказалъ важныя услуги наукѣ, находился подъ вліяніемъ этой философіи, когда взялся за построеніе своего общаго взгляда на исторію польской націи: онъ вообразилъ себѣ извѣстный исконный идеалъ своей націи, осуществленіе котораго ему, такъ сказать, мерещилось въ формахъ быта первоначальной Польши, ... и причиной паденія Рѣчи Посполитой было объявлено то, что нація

---

[1]) Объ этомъ сочиненіи Сташица *Kalinka* говоритъ: „czy wówczas była czytana (książka) nie wiemy .... czy wywarła wpływ na opinią szlachty, twierdzić nie smiemy“. Sejm czteroletni, II, 434.

[2]) *Lelewel*. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. 1844. Помѣщено въ изданіи „Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela“. Poznań. 1855. Томъ III. Въ этомъ же изданіи помѣщены (т. II) Dsieje Polski potocznym sposobem opowiedziane (перв. изд. въ Варшавѣ 1830 г.), затѣмъ (т. VI) Panowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego и (въ т. VII) Polska odradzająca się.

не только не развила этого своего идеала, но съ извѣстнаго момента стала ему измѣнять, его искажать“ (Новѣйшая польская исторіографія, стр. 539). Эта общая концепція сильно напоминаетъ намъ ту, съ которою мы уже встрѣтились у Вельгорскаго, хотя между обоими писателями есть и разница.

Теорія Вельгорскаго была примѣненіемъ къ польской исторической дѣйствительности политической доктрины Руссо и потому можетъ идти въ сравненіе съ извѣстными „Разсужденіями объ исторіи Франціи“ аббата Мабли, доказывавшаго, что исконное политическое устройство французовъ было именно таково, каково идеальное государство Руссо; на Лелевелѣ же сказалось вліяніе не только современнаго ему французскаго радикализма, ведущаго начало отъ того же Руссо, но и апріорной философіи, родственной нѣмецкому идеализму, и романтизма, получившаго у другихъ поляковъ мистическую, религіозную окраску. Еще важнѣе та разница, что Вельгорскій подъ „народомъ“, какъ носителемъ верховной власти, разумѣетъ одну шляхту и даже старается оправдать исключеніе другихъ классовъ, хотя и признаетъ, что первоначально крестьяне не были порабощены [1]), между тѣмъ какъ Лелевель именно въ исключеніи народной массы изъ политическихъ правъ видѣлъ отступленіе отъ первоначальнаго устройства Польши [2]): если для республиканцевъ XVIII вѣка виновниками паденія Польши были короли и магнаты, то для Лелевеля значительная доля вины падаетъ, кромѣ нихъ, и на самую шляхту.

Концепцію Лелевеля въ общемъ можно представить слѣдующимъ образомъ: „У польскаго народа есть искони свой политическій и общественный идеалъ, и когда народъ къ нему приближался, онъ шелъ впередъ,—и приходилъ въ упадокъ, отъ него удаляясь. Идеалъ этотъ—свобода въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; во всей своей широтѣ онъ былъ осуществленъ только разъ въ славянскомъ

---

[1]) *Wielhorski.* Essai sur le rétablissement, 292—293.

[2]) Въ своихъ историческихъ трудахъ Лелевель очень часто говоритъ, что о состояніи Польши нужно судить по положенію бѣднѣйшаго класса, и выставляетъ вины шляхты по отношенію къ хлопамъ. Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań 1859. II, 105, 131). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej (тоже изд. Poznań 1855. III, 188 sq. 214 sqq. до 252; 328 sqq., 394 sqq. См. также стр. 430 sq., гдѣ говорится о равнодушіи и бездѣйствіи народа во время паденія). Одинъ изъ эпиграфовъ „Uwag“—слова Руссо: quiquonque veut ôter aux autres leur liberté, finit presque toujours par perdre la sienne.

общинномъ быту (gminowładztwo, верховенство общины), насторожѣ котораго стояли первые Болеславы. Когда можновладство, то-есть, аристократическіе элементы общества, уничтожило свободу народа и княжескую власть, съ середины XII в. почти до конца XIV-го, Польша находилась въ упадкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ совершился подъемъ гражданскаго духа въ лучшей части народа: аристократическое правленіе было сломлено и разцвѣло шляхетское гминовладство. Послѣднее, однако, не исполнило своей задачи, а этою задачей было — возвращеніе свободы деревенскому люду и совершенное осуществленіе республиканской формы правленія; потому-то Рѣчь Посполитая съ начала XVII в. приходитъ опять въ упадокъ, приводящій ее къ окончательному паденію" [1]).

Намъ прійдется еще возвратиться къ разсмотрѣнію собственно идеализаціи польскаго духа, находимой нами у писателей эмиграціи послѣ 1830 г., — прійдется именно при разборѣ славянофильскихъ взглядовъ на предметъ, — а тутъ при общемъ сочувствіи ко взгляду, до нѣкоторой степени являющемуся развитіемъ пророчества Сташица, нельзя не замѣтить, что построеніе польской исторіи, только-что представленное, грѣшитъ не въ одномъ отношеніи. Не говоря о произвольномъ представленіи „гминовладства", весьма невѣрно освѣщена роль Болеславовъ, этихъ самодержцевъ древнѣйшей Польши, которыхъ историкъ ставитъ насторожѣ общинной свободы. Лелевель прославляетъ, далѣе, XV и XVI вѣка, но это именно была эпоха закрѣпощенія въ Польшѣ народныхъ массъ. Впрочемъ, Лелевель и его преемники отступили отъ того представленія о первобытной польской конституціи, какое составилось у республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка: историки этой школы признаютъ развитіе княжеской власти въ началѣ польской исторіи [2]). Установленіе полной республики въ Польшѣ Лелевель относитъ только къ прекращенію династіи Ягеллоновъ [3]). „Трудно предвидѣть", говоритъ

[1]) Новѣйшая польская исторіографія, 552—553.

[2]) *Lelewel.* Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. 1830 (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. II, 13 sq. 34). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. (То же изд. Poznań. 1855. III). См. названіе перваго періода, стр. 49. Samowładztwo, создавшее государство, Лелевель называетъ противнымъ духу славянскому, принципамъ, коихъ держалось племя цѣлые вѣка. Стр. 73. Лелевель хвалитъ бытъ низшихъ слоевъ общества въ эпоху шляхетскаго гминовладства. Dzieje Polski p. sp. opow., 70.

[3]) *Lelewel.* Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane. II, 96. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. III, 162.

онъ въ другомъ мѣстѣ,—„что произошло бы отъ попытки Баторія замѣнить въ Польшѣ республику монархіей. Такая перемѣна въ другихъ странахъ Европы безъ кровопролитія и тяжкихъ насилій не обошлась. Богъ знаетъ, что изъ этого вышло бы! Одно вѣрно, что Польша и Литва были не монархіей, какъ другія въ Европѣ государства, но полной республикой, въ которой господствовало шляхетское сословіе“ [1]). Шляхта, однако, не исполнила своей задачи, какъ слѣдуетъ [2]). „Избраніе королей сдѣлалось вреднымъ для Польши, ибо имъ пользовались неумѣло“ [3]); но въ принципѣ Лелевель стоитъ за него, находя, что „наслѣдственный роялизмъ“ противорѣчитъ славянскому духу [4]), а въ попыткахъ установленія монархіи видитъ причину порчи Рѣчи Посполитой [5]). Справедливо здѣсь то, что шляхта, ревниво относясь къ правамъ короны, все болѣе и болѣе ихъ ограничивала при каждой дѣйствительной или мнимой попыткѣ королей установить „роялизмъ“, но отнятыя у короля права она не переносила ни на какой другой органъ власти, и это, дѣйствительно, было причиной разложенія государства. Нельзя еще не отмѣтить, что Лелевель указывалъ на печальныя послѣдствія для Польши отъ католической реакціи съ притѣсненіемъ иновѣрцевъ [6]) и паденіемъ образованія [7]).

Отъ общихъ взглядовъ Лелевеля на всю польскую исторію перейдемъ къ разсмотрѣнію его отношенія къ самымъ послѣднимъ временамъ Рѣчи Посполитой.

Лелевель занимался и эпохой паденія Польши. Обзоры царствованія Станислава Августа входятъ, конечно, въ его общія сочиненія по польской исторіи [8]), но кромѣ того, онъ написалъ объ этой эпохѣ особое сочиненіе, полное заглавіе котораго такое: „Царствованіе

[1]) Dzieje Polski p. sp. op., 103.

[2]) Ibid., 104.

[3]) Ibid., 105.

[4]) Uwagi nad dziejami Polski, 73, особенно 307 слѣд.

[5]) Ibid., 310.

[6]) Dzieje Polski pot. sp. opow., 132, 139—140. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej, 301 sq., 437.

[7]) Dzieje Polski p. sp. opow., 133.

[8]) Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane, стр. 144—160. Эта книжка вышла первымъ изд. 1830 г. въ Варшавѣ. Въ Uwagach nad dziejami Polski i ludu jej послѣдніе 55 §§ (стр. 307—469) посвящены вообще эпохѣ паденія. Посмертная Historya Polska (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1863. XIII) доведена только до конца царствованія Стефана Баторія.

польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость" [1]). Въ предисловіяхъ къ 3-му и 4-му изданіямъ этого труда самъ авторъ разказываетъ намъ его исторію. „Исторія царствованія, подъ которымъ Рѣчь Посполитая дожила до своего паденія", говоритъ Лелевель,—„нескоро будетъ начертана дѣйствительно историческимъ перомъ. Прежде нежели это будетъ, для цѣлей простаго знанія нужно было краткое изложеніе этой исторіи. Я рѣшился исполнить такое дѣло въ 1818 году. Мое маленькое сочиненіе было хорошо принято, что̀ побудило меня повторить изданіе въ 1819 г. Эти слишкомъ краткія извѣстія объ эпохѣ не могли быть перепечатаны въ послѣдующіе годы вслѣдствіе стѣсненія свободы печати. За это время я задумалъ развить ихъ нѣсколько обширнѣе и, дождавшись болѣе благопріятной для напечатанія минуты (писано въ 1831 г.), пускаю ихъ въ свѣтъ въ третій разъ... Первыя изданія", продолжаетъ предисловіе къ третьему,—„опирались единственно на устныхъ разказахъ и собственной памяти. Въ теперешней, третьей редакціи я воспользовался разными сочиненіями, уже бросающими большой свѣтъ на дѣло падавшей Рѣчи Посполитой... Быть можетъ", говоритъ далѣе Лелевель,—„прійдетъ время, когда найдутся искусныя перья, которыя изложатъ зрѣло (dojrzale) эту часть нашей исторіи; быть можетъ, въ дальнѣйшей жизни и самому мнѣ удастся нѣсколько зрѣлѣе обработать этотъ періодъ времени, а пока вслѣдствіе того, что на польскомъ языкѣ нѣтъ другаго изложенія этой исторіи, печатаю это мое сочиненіе" [2]). Въ предисловіи къ четвертому изданію

---

[1]) Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usilności narodu podźwignięcia sie, ocalenia bytu i niepodległości (Въ указанномъ изд. Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. VI).

[2]) O. c., 1—2. Лелевель вѣрно замѣчаетъ, что матеріалы для исторіи Ст. Авг. еще мало собраны и мало извѣстны. Вотъ какіе источники и пособія называетъ Лелевель въ предисловіи къ 3-ему изданію: печатные діаріи сеймовъ и брошюры (pisma ulotne), записки Килинскаго и Китовича, извѣстную книгу о конституціи 3-го мая, сочиненія *Рюльера* и *Феррана* („najcelniejsze do przytoczenia dzieła"). *Лейденскую газету,* Histoire de la révolution de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'à l'année 1774 (par *Jaubert*. Varsovie 1775. Paris. 1807), путешествіе по Польшѣ Вильяма Кокса, Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772, соч. *Раумера* о паденіи Польши (франц. пер. 1837 г.), Coup d'oeil sur les causes réelles de la décadence de la Pologne par *Komarzewski* (P. 1897), Histoire de la révolution de Pologne en 1791 par *Mehée* (P. 1792), Hist. de la révolution de Pologne en 1794 par un té-

(1839 г.) Лелевель разказываетъ о цензурныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ сначала третьимъ изданіемъ, и о судьбѣ его послѣ подавленія революціи въ 1831 г.: авторъ воспользовался событіями того времени, чтобы выпустить въ свѣтъ 3-е изданіе, но оно почти все погибло. Выпуская четвертое, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что эта работка (dziełko) есть одна изъ тѣхъ, которую онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ въ теченіи двадцати лѣтъ, чтобы ее поправить, расширить, не выпуская изъ рамокъ краткихъ извѣстій о событіяхъ [1]. Затѣмъ авторъ, дополнивъ кое въ чемъ этотъ свой трудъ, выпускалъ его въ свѣтъ пятымъ и шестымъ изданіями [2], изъ коихъ послѣднее относится къ 1845 г. [3].

Изъ всего этого видно, что Лелевель не придавалъ особаго значенія своему сочиненію, хотя и работалъ надъ нимъ постоянно, дополняя его новыми извѣстіями, и перепечатывалъ его нѣсколько разъ: его „dziełko“ въ собственныхъ его глазахъ было еще недостаточно „зрѣлымъ“. Самые размѣры сочиненія въ послѣдней его переработкѣ (238 небольшихъ страницъ не очень мелкой печати,—въ примѣчаніяхъ прямо разгонистой,—заключающихъ въ себѣ текстъ и примѣчанія) вполнѣ соотвѣтствуютъ этому названію—„dziełko“.

Начинаетъ Лелевель свою исторію паденія Рѣчи Посполитой съ указанія на ослабленіе Польши, бывшее результатомъ событій второй половины XVII в. вплоть до 1717 г., событій, непрерывно наносившихъ удары народу и землѣ: послѣ этого, при Саксонскихъ короляхъ, Польша была какъ бы въ параличѣ [4]. Въ числѣ другихъ явленій саксонской эпохи онъ отмѣчаетъ французское вліяніе, которому приписываетъ распространеніе въ Польшѣ монархическихъ идей: послѣднія, по его словамъ, „свободно распространялись между шляхтою, ибо она, при паденіи народнаго просвѣщенія и въ собственномъ оцѣпенѣніи, не оказывала никакого противодѣйствія и не знала

---

moin oculaire (*J. Zajączek.* P. 1797), Mémoire sur la rév. de Pologne trouvé à Berlin (*Пистора.* P. 1807), Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Insurrection (*Karola Woyda.* Zurich. 1796), Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution im Jahre 1794 (Frankfurt und Leipzig. 1796) и нѣкот. др.

[1]) Ibid., 5—7.

[2]) Для дополненій *Bartoszewicz.* Znakomitsi mężowie polscy. *Henryk Schmitt.* Materjały do dziejów bezkrólewia i lat dziesięciu panowania St. Aug. Lwów. 1857. *Wojcicki.* Archivum domowe и нѣкот. др.

[3]) Соч. это имѣется въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ.

[4]) Ibid., 11.

потребностей своей Рѣчи Посполитой, а вельможные паны получили вкусъ къ придворной жизни для бо́льшаго отличія отъ обыкновенной шляхты" [1]). Въ томъ же духѣ дѣйствовала и школа, реформированная Конарскимъ. Далѣе онъ указываетъ на потребность реформы: „разныя болѣе знатныя фамиліи увидѣли, какъ низко пала и испортилась Рѣчь Посполитая, а для многихъ тѣмъ болѣе она казалась испорченной, чѣмъ больше сами они были наполнены монархическими мыслями и свою Рѣчь Посполитую разсматривали какъ монархію" [2]). Таковы главныя мысли „вступленія". Въ приведенныхъ словахъ замѣтно нѣкоторое несочувствіе къ новымъ идеямъ, значеніе коихъ въ тогдашней Польшѣ Лелевель преувеличиваетъ. Отсюда не совсѣмъ сочувственное отношеніе историка къ реформаторской „фамиліи" (Чарторыскихъ), съ изложенія политики коихъ и начинается исторія перваго періода царствованія Станислава Августа. Здѣсь стоитъ только указать въ исторіи этого періода на взглядъ Лелевеля по диссидентскому вопросу: дѣло, по его представленію, шло не о терпимости, какъ кричали въ Европѣ, а о томъ, чтобы усилить политическое значеніе диссидентовъ, чрезъ которыхъ иностранныя державы могли бы дѣйствовать на внутреннюю жизнь Польши [3]). Послѣднее едва ли было нужно, потому что, по крайней мѣрѣ, одна изъ иностранныхъ державъ и чрезъ католическихъ сановниковъ и пословъ въ сеймѣ умѣла оказывать вліяніе на внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой [4]). Самъ Лелевель при всей своей краткости не щадитъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выставить сеймовыхъ пословъ, согласившихся на первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой [5]), который притомъ сопровождался расхищеніемъ староствъ и поіезуитскихъ фундушей польскими фамиліями [6]). Въ Барской конфедераціи, приведшей къ первому раздѣлу, Лелевель видитъ пробужденіе шляхты отъ прежней оцѣпенѣлости, но „народъ находился въ такомъ недужномъ состояніи, что, выходя изъ него, не могъ сразу возвратить себѣ преж-

---

[1]) Ibid., 13.

[2]) Ibid., 15.

[3]) Ibid., 33.

[4]) Лелевель еще прямо обвиняетъ Екатерину въ подстрекательствѣ къ бунтамъ русскихъ хлоповъ. Ibid., 45, 108.

[5]) Ibid., 72—73, 75. Побужденіе къ раздѣлу вышло изъ Пруссіи, а Екатерина была вынуждена послѣ нѣкотораго сопротивленія. Ibid., 71—72.

[6]) Ibid., 79—80.

нія свои силы“ [1]). Слѣдующія за тѣмъ пятнадцать лѣтъ глубокаго мира рисуются историку, какъ эпоха важныхъ улучшеній въ Рѣчи Посполитой [2]), хотя „подлые люди, руководимые предразсудками или интересомъ“, старались все портить [3]). Указывая на разныя улучшенія, Лелевель однако не забываетъ упомянуть, что дѣлались многія перемѣны „подъ могущественнымъ вліяніемъ россійскаго посольства, такъ что россійскій посланникъ правилъ Польшей“. Развивающійся общественный духъ сказался на лучшемъ ходѣ сеймовыхъ дѣлъ, а liberum weto не столько, впрочемъ, въ силу убѣжденія, сколько по принужденію „пало вмѣстѣ съ другими установленіями, поддерживавшими республику. Все это“, говоритъ историкъ,—„замѣняется новыми формами, болѣе подходившими къ умѣренной монархіи, къ смѣшанному образу правленія, о которомъ все больше и больше мечтали, къ которому возростала склонность“ [4]). Впрочемъ, обо всемъ у Лелевеля говорится такъ кратко, что отношеніе его ко многимъ явленіямъ польской жизни въ 1772—1787 гг. остается для насъ неяснымъ. И вообще Лелевель часто просто только разказываетъ, приводя факты безъ всякаго освѣщенія.

Въ исторіи четырехлѣтняго сейма Лелевель также очень кратокъ. Объ отношеніи его къ конституціи 3-го мая мы скажемъ еще особо по поводу другаго его сочиненія [5]). По мнѣнію историка, сеймъ, поручивъ Станиславу Августу оборону края и разошедшись, сдѣлалъ два пагубные шага [6]).

Въ описаніи краковскаго возстанія стоитъ упомянуть объ указаніи, сдѣланномъ на цѣль его, и объ отношеніи къ нему шляхты и крестьянъ. Цѣлью его не было непремѣнно вернуть конституцію 3-го мая [7]), а отношеніе къ нему шляхты стало охладѣвать, когда Костюшко обратился къ простому люду, хотя въ послѣднемъ знаменитый вождь не нашелъ той моральной силы, на какую расчитывалъ [8]). Разказъ оканчивается капитуляціей Варшавы.

---

[1]) Ibid., 81.
[2]) Ibid., 82—95.
[3]) Ibid., 96.
[4]) Ibid., 100—101.
[5]) Здѣсь можно только отмѣтить § 113 подъ заглавіемъ: czas rewolucyjny dostarcza gabinetom języka przeciw Polszcze, стр. 129—130, гдѣ порицается политика державъ.
[6]) Ibid., 123.
[7]) Ibid., 142.
[8]) Ibid., 149—150.

Въ заключеніе авторъ даетъ нѣсколько общихъ соображеній. Сравнивая двѣ бурныхъ эпохи, изъ коихъ одна привела къ первому раздѣлу, а вторая—къ двумъ другимъ, Лелевель указываетъ на совершившійся прогрессъ: сначала немногіе хотѣли реформы и то при иноземной помощи, а потомъ безъ послѣдней все народное представительство желало реформы; сначала массы недовольныхъ реформами породили конфедераціи, покрывшія Польшу и Литву, а потомъ лишь нѣсколько измѣнниковъ употребило противъ новыхъ порядковъ иноземную силу; въ первомъ возстаніи въ защиту независимости приняла участіе одна шляхта, въ послѣднемъ—и мѣщане, и сельчане, и войско. Но въ умаленной странѣ не было силъ бороться съ тремя державами, когда ни откуда не было помощи. Въ своемъ паденіи польскій народъ „объявилъ всему міру, что, приближаясь къ паденію, онъ возвращался послѣ долгаго оцѣпенѣнія къ жизни,—показалъ, что въ самомъ его паденіи начинается его быстрое возрожденіе" [1]). Въ общемъ исторія царствованія Станислава Августа представляется Лелевелю такимъ образомъ. Въ началѣ этой эпохи Польша была въ упадкѣ. Тогда „аристократическій эгоизмъ, желая возвыситься, сталъ проповѣдывать монархическіе принципы, сдѣлалъ попытку обособленія съ ущербомъ для республиканскихъ началъ. Но гражданская мысль стремилась воздвигнуть свободу и независимость на стародавнихъ національныхъ основахъ. На откликъ этимъ планамъ пробудились всѣ классы; зрѣлище этихъ предпріятій потрясло ихъ до основанія. Шляхта бросилась спасать свои привилегіи, которымъ грозила опасность; диссиденты, мѣщане вспомнили въ свою очередь объ утраченныхъ правахъ; гуманность (ludzkość) начала говорить за несвободный людъ, сдѣлала попытку двинуть впередъ его дѣло. Столько общественныхъ элементовъ оживило послѣднія тридцать лѣтъ падавшей Рѣчи Посполитой... Врагъ не упустилъ случая извлечь пользу изъ замѣшательства, употребить все, что было негоднаго изъ прежней порчи, изъ прежняго сподленія". Въ Рѣчи Посполитой происходила соціальная революція, а внѣшній врагъ дѣлался все грознѣе, опираясь на возроставшую беззастѣнчивость внутреннихъ польскихъ измѣнниковъ [2]), которые готовы были дѣлать и другъ другу уступки. „Аристократія выхлопотала наслѣдственность престола для упроченія

[1]) Ibid., 163—164. Ср. слѣдующій параграфъ подъ заглавіемъ—„Postęp towarzyskości".

[2]) Ibid., 165.

придворнаго быта, почестей, титуловъ, орденовъ... Шляхта сохранила свое всемогущество и прерогативы". Впрочемъ, Лелевель видитъ въ дѣятельности шляхты и другую сторону, указывая на уступки, сдѣланныя мѣщанству, уступки, которыя тотчасъ же прибавили силы Рѣчи Посполитой. „Какую бы силу она пріобрѣла", восклицаетъ онъ,—„еслибы сумѣли двинуть самый сильный и трудолюбивый классъ" [1]).

Въ этомъ взглядѣ знаменитаго историка есть вѣрныя и невѣрныя стороны. Вѣрно то, что въ Польшѣ было замѣшательство, которое было вызвано выступленіемъ Рѣчи Посполитой на путь реформъ и которымъ воспользовались сосѣднія державы, нашедшія союзниковъ внутри самой Польши. Невѣрнымъ нужно признать преувеличеніе происходившаго въ Польшѣ прогресса, ибо не такъ ужъ значительно, какъ представляетъ Лелевель, исправились поляки отъ шестидесятыхъ годовъ къ концу восьмидесятыхъ и началу послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Также съ чисто партійной точки зрѣнія объясняетъ онъ перемѣну избирательнаго трона въ наслѣдственный. Самая же вѣрная мысль его та, что шляхта одна не могла спасти Рѣчи Посполитой [2]). Съ бóльшимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла доказываетъ тезисъ о прогрессѣ въ Польшѣ, какъ мы увидимъ, новѣйшій польскій историкъ г. Корзонъ.

Въ текстѣ исторіи царствованія Станислава Августа мы напрасно стали бы искать сколько-нибудь опредѣленнаго взгляда Лелевеля на конституцію 3 го мая. Свое къ ней отношеніе историкъ высказываетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ разсматриваемому труду и въ отдѣльной статьѣ, на которую въ этомъ примѣчаніи и ссылается. Съ болью въ сердцѣ смотритъ онъ на это „уклоненіе (zboczenie) отъ стародавнихъ началъ, какое народъ и его представители своею верховною волею признали и утвердили. Рѣчь Посполитая, объясняетъ онъ, была превращена въ монархію, республиканскія учрежденія поставлены подъ наслѣдственное правленіе" [3]). Лелевель не хочетъ соглашаться съ „софи-

---

[1]) Ibid., 166.

[2]) Не касаемся здѣсь отношенія Лелевеля къ самому Станиславу Августу. См. его краткую характеристику, въ которой много вѣрнаго, на стр. 170—171. Отмѣчу еще примѣчаніе 22, гдѣ авторъ также бросаетъ coup d'oeil на послѣднія времена Рѣчи Посполитой. Между прочимъ важно мѣсто, гдѣ Лелевель говоритъ о двухъ дорогахъ для Польши: одна—исправленіе стараго, другая—замѣна его новымъ. Первое значило сохраненіе республики, второе—превращеніе ея въ монархію, 210. Л. сочувствуетъ первому пути, но въ подробности не входитъ, 215.

[3]) Ibid., 220.

стическими аргументами" въ пользу этой перемѣны: дѣлали это для спасенія отчизны, вводя принципъ, противъ коего народъ боролся четыре вѣка (1370—1791 гг.), а между тѣмъ перемѣна не удержала бытія Польши. Тутъ сама судьба показала, что „наслѣдственность трона не согласна съ вольностью народа" [1]). Лелевель высказывается далѣе противъ неотвѣтственности короля, противъ запрещенія veto и конфедерацій: эти постановленія помѣшали дать отпоръ бунту тарговичанъ и т. д. Подробнѣе свой взглядъ развиваетъ авторъ въ брошюрѣ „Сравненіе трехъ польскихъ конституцій", изданной въ первый разъ въ Варшавѣ въ 1831 г., перепечатанной въ 1832 г. въ Парижѣ и во Львовѣ, переведенной на французскій языкъ и выпущенной въ свѣтъ въ Аррасѣ въ 1833 г. и наконецъ прилагавшейся къ 4-му изданію „Panowania Stanisława Augusta" [2]). Лелевель здѣсь насчитываетъ существованію республики въ Польшѣ четыре съ половиной вѣка („по крайней мѣрѣ, отъ короля Локотка"), а паденіе приписываетъ тому, что народъ „заснулъ на лонѣ своихъ вольностей" [3]). „Составилось", продолжаетъ онъ, —„фальшивое мнѣніе, яко бы наши стародавнія республиканскія учрежденія сдѣлались причиной паденія польскаго народа". Авторъ иного мнѣнія: „не учрежденія Рѣчи Посполитой (которыя были не безъ недостатка, которыя несомнѣнно время отъ времени требовали измѣненій и исправленія), но ихъ дурное выполненіе, частныя ими злоупотребленія вліяли на упадокъ народа". Онъ думаетъ, что сама судьба дѣлаетъ поляковъ особенно способными къ политической жизни [4]). Конституція 3-го мая все-таки оставляла власть у народа [5]). Сравнивая ее съ конституціями герцогства Варшавскаго (1807 г.) и царства Польскаго (1815 г.), онъ ей въ этомъ, да и въ иныхъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество, а потому

---

[1]) Ibid., 222.

[2]) Trzy konstitucje polskie 1791, 1807, 1815, porównal i róznice jich rozważył *Joachim Lelewel* w roku 1831. (См. VII томъ изданія Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. Здѣсь помѣщено и предисловіе къ французскому изданію, стр. 189—203. Самый текстъ съ обращеніемъ къ „reprezentantom narodu polskiego obu jizb sejmu 18 grudnia 1830 i dalszego ciągu tegoź sejmu w roku 1831" занимаетъ стр. 205—258).

[3]) Trzy konstitucje, 210—211.

[4]) Ibid., 211. Tak do bytu narodu polskiego, zdaje się, pomysł swobód konstytucyjnych przywiązany i zdaje się jakody narod polski bez tych swobód nie mogł mieć bytu. Pewnie źe to jest dla narodu zaszczytne, bo to okazuje jego usposobienie do bytu prawdziwie politycznego.

[5] Ibid., 237.

мирится съ нею, хотя и видитъ въ ней уклоненіе отъ національныхъ основъ. Въ концѣ концовъ она была все-таки своя, и въ ней все-таки сохранялся шляхетскій республиканизмъ [1]). Нѣкоторая двойственность въ отношеніи Лелевеля къ конституціи 3-го мая объясняется тѣмъ, что для него эта конституція была, съ одной стороны, измѣной національнымъ основамъ, съ другой, дѣломъ самой націи, сохранявшей за шляхтой прежній суверенитетъ.

Лелевель создалъ въ польской исторіографіи цѣлую школу, но вскорѣ его взгляды встрѣтили критику со стороны защитниковъ шляхетскаго принципа, особенно послѣ событій 1846 и 1848 гг. Изъ сторонниковъ теоріи Лелевеля особаго вниманія заслуживаютъ Морачевскій и Шмиттъ. Первый въ 1843 — 1855 годахъ издалъ въ девяти томахъ Польскую исторію [2]). Удалось ему довести этотъ трудъ только до отреченія Яна Казиміра, но ему очень хотѣлось охватить въ своемъ трудѣ и всю исторію XVIII вѣка. Его интересовалъ вопросъ, пала ли Польша вслѣдствіе неисправимой порчи народа, или же порча эта была только на поверхности и не касалась основъ, и вотъ для рѣшенія этого вопроса онъ собиралъ матеріалы по исторіи прошлаго столѣтія, которые дали ему возможность составить себѣ довольно опредѣленное представленіе объ этомъ столѣтіи: „Это мои времена", говорилъ онъ друзьямъ,—„мнѣ кажется, что я въ нихъ жилъ; буду же вамъ описывать все, на что въ это время я смотрѣлъ, какъ будто бы былъ очевидцемъ" [3]).

Въ духѣ республиканской теоріи написаны и историческіе труды Генриха Шмитта, одинъ изъ которыхъ былъ переведенъ по русски [4]). Для насъ важна въ сочиненіяхъ Шмитта идеализація шляхетскаго

---

[1]) Nie wyzuwał sie naród-szlachta ze swojich praw, tylko dozwalał przewodnictwa nieodpowiedzialnemu królowi i do swojich praw znaczną cześć mieszkańców przypuszczał, 253.

[2]) *Moraczewski.* Dzieje rzeczypospolitej polskiej. Poznań. Отзывъ *Куличковскаго:* Przy całej sumienności i krytyczności rozwija Moraczewski w ciągu dzieła pewne właściwe sobie zapatrywania na dzieje narodowe, które wszystke znajdują wyjaśnienie swoje w republikańskiem stanowisku pisarza. O. c., 477.

[3]) *Zdanowicz-Sowiński.* Rys dziejów literatury polskiej. Wilno. 1877. IV, 423.

[4]) *Schmitt.* Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane. Lwów. 1861. Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu. Lwów. 1869.—Rys dziejów narodu polskiego. Lwów. 1869. Русскій переводъ одного изъ этихъ трудовъ, принадлежащій г. Ю. Шрейеру, вышелъ въ Петербургѣ въ 1864—1866 гг. (Исторія польскаго народа, *Генриха Шмитта*). Цитуемъ по этому переводу. (Кромѣ того, тотъ же авторъ написалъ Dzieje Polski od 1733 do 1832 r. Kraków. 1867).

гминовладства. Пятый періодъ польской исторіи, который у него обнимаетъ XVI и первую половину XVII вѣка (съ 1496 по 1648 гг.), обозначенъ въ заголовкѣ словами: „Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчь Посполитая“ [1]); характеризуется же періодъ такимъ образомъ: „Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благопріятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самопожертвованію и шляхетское равенство отличаютъ тогдашнее польское общество. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что на Западѣ „начали возникать явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ человѣка и общества“, авторъ высказываетъ мысль, что „Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, еслибы къ несчастью сама не сошла съ пути своего развитія“ [3]). Причины послѣдняго явленія, по Шмитту, лежали въ предоставленіи общественнаго воспитанія іезуитамъ, въ религіозныхъ спорахъ и въ проискахъ двора. „Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религіозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были фундаментомъ Рѣчи Посполитой“. Впрочемъ, и „въ устраненіи большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляющемъ темную сторону этого (то-есть, пятаго) періода“, онъ видитъ также причину позднѣйшихъ бѣдствій [4]). Шмиттъ постоянно обвиняетъ дальнѣйшую политику королей и, напримѣръ, заключая разказъ о царствованіи Августа II, говоритъ такъ: „Постоянныя сношенія короля, стремившагося къ единодержавію, съ сосѣдними монархами, давали послѣднимъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой“ [5]), то-есть, онъ часто однихъ королей обвиняетъ въ томъ, въ чемъ не одни они были виноваты.

Кромѣ того, Шмиттъ написалъ „Польскую исторію XVIII и

---

[1]) *Schmitt.* Dz. n. p., II, 1.
[2]) Ibid., II, 242.
[3]) Ibid., II, 243.
[4]) Ibid., II, 242.
[5]) Ibid., III 208.

XIX вѣковъ“ [1]) и „Царствованіе Станислава Августа“ [2]). Первые три тома перваго изъ этихъ сочиненій обнимаютъ исторію отъ 1733 по 1795 г., а четвертый, подъ заглавіемъ „Dzieje Polski porożbiorowej“, доводитъ изложеніе до 1832 года. Въ предисловіи ко второму труду авторъ говоритъ, что до того времени (1868 г.) никто не изложилъ исторіи Станислава Понятовскаго „исчерпывающимъ образомъ“: „Быть можетъ“, думаетъ онъ,—„главнѣйшею причиною этого было отвращеніе къ изображенію событій, въ которыхъ народъ нашъ игралъ довольно печальную роль.... Къ этому присоединялась еще дѣтская боязнь, что обнаженіе отрицательныхъ сторонъ тогдашняго нашего общества лишитъ насъ симпатіи другихъ народовъ“ [3]). Этотъ трудъ доведенъ только до 1768 года, и въ немъ помѣщено нѣсколько документовъ, которые до того времени не были нигдѣ напечатаны.

Исходный пунктъ составляетъ теорія Лелевеля и въ сочиненіи, которое однако написано было съ прямою тенденціей защитить шляхту отъ демократическихъ нападокъ. Мы говоримъ о „Словѣ польской исторіи“ Врублевскаго [4]). Основной идеалъ польскаго народа сводится имъ къ тремъ принципамъ: ко всеобщимъ свободѣ и равенству, къ единогласію въ совѣщаніяхъ и къ избирательному началу, и въ смыслѣ этого идеала рисуется у него первоначальный бытъ Польши. Если въ Рѣчи Посполитой зародилась анархія, то виноваты въ этомъ паны и короли. „Пока“, говоритъ онъ о первыхъ,— „они опасались за свободу, до тѣхъ поръ они не мѣшали шляхтѣ въ ея стремленіи стать во главѣ народа; но со времени Люблинской уніи, лишь только исчезла всякая боязнь передъ наслѣдственной Литвой, лишь только не стало нужды въ приманкѣ литовской шляхты сладостями польскихъ вольностей,—начали они своимъ безполымъ (bezpłciowym?) можновладствомъ устранять рыцарское сословіе отъ

---

[1]) Dzieje Polski XVIII и XIX w. Kraków. 1866—1867. Lwów. 1868.

[2]) Panowanie Stanisława Augusta. Lwów. 1868—1870. Два тома. Этому изданію предшествовало другое, популярное и иллюстрированное подъ заглавіемъ Szkic historyczny trzydziestoletniego panowania Stanisława Augusta króla polskiego. Kraków. 1872. Въ сущности это нѣкоторымъ образомъ повтореніе III тома Driejów Polski XVIII i XIX w. Наконецъ, укажемъ еще на его труды Pogląd na żywot i pisma Hugona Kołłątaja (1860 г.) и Ksiądz Hugo Kołłątaj (Lwów. 1873).

[3]) Panowanie St. Aug. I, przedsłowie, стр. V—VI.

[4]) *Waleryan Wróblewski.* Słowo dziejów polskich. 1858—1860. Сочиненіе издано собственно подъ псевдонимомъ *В. Короновича.* „Слово“ значитъ здѣсь verbum, λόγος въ смыслѣ основной идеи.

его значенія, не допуская его до вершины преобладанія, которой оно уже достигало, и произвели анархію". Съ другой стороны, говоритъ Врублевскій,—„нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ то, что Польша, управляемая наслѣдственно и самодержавно (samowładne), достигла бы великаго значенія и силы и на вѣки упрочила бы свое существованіе, но также нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ и то, что чрезъ это поляки сдѣлались бы чуждыми своему призванію и природѣ свободнаго народа". По этой теоріи, причина паденія Польши—въ томъ, что исторія не сумѣла разрѣшить борьбу національной идеи (=„слова") съ противными ей принципами: все спасеніе было въ развитіи шляхетской республики, а для него необходимо было лишить королей опаснаго права раздачи должностей и наградъ, ибо безъ этого права короли не могли бы деморализовать гражданъ, можновладство должно было бы подчиниться рыцарству, какъ высшему распорядителю почестями и матеріальными благами. „Народъ" (ogół narodu, то-есть, шляхта), говоритъ Врублевскій,—„всегда послушный своему призванію, своему первоначальному „слову", совершенно чистъ отъ вины въ гибели отечества".

Сваливая всѣ несчастія Польши на королей и магнатовъ, авторъ „Слова польской исторіи" въ сущности возвращался вполнѣ къ республиканскимъ теоріямъ XVIII вѣка, но въ его концепціи была новая сторона, которая роднитъ его взгляды на польскую исторію съ националистическимъ мистицизмомъ, встрѣчавшимся и въ другихъ литературахъ нашего вѣка, а въ польской эмиграціонной литературѣ приведшимъ къ такъ называемому мессіанизму. По представленію экзальтированныхъ патріотовъ, своимъ исконнымъ идеаломъ, или своимъ „словомъ", логосомъ, употребляя терминъ Врублевскаго, „Польша рѣшительнымъ образомъ выдѣлялась изъ другихъ европейскихъ націй: она становилась чѣмъ-то исключительнымъ въ человѣчествѣ, и апріорное построеніе ея исторіи, далеко не соотвѣтствующее дѣйствительному ходу этой исторіи, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ догмата національной вѣры, поддерживая патріотическое упованіе на лучшее будущее" [1]). Доктрина Лелевеля, особенно въ передѣлкѣ Врублевскаго, и сдѣлалась наиболѣе популярною въ польскомъ обществѣ [2]).

Перваго важнаго критика политическія идеи лелевелевской школы нашли въ лицѣ Гофмана, автора „Изображенія правленія и законо-

---

[1]) Новѣйшая польская исторіографія, 539.

[2]) *Smoleński*. Szkoły historyczne, 43.

дательства старой Польши" [1]), „Исторіи политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ" [2]) и „Причинъ раздѣла Польской монархіи послѣ Болеслава Кривоустаго въ XII вѣкѣ" [3]). Разрушивъ построеніе первоначальной исторіи Польши, созданное цѣлымъ рядомъ писателей, начиная отъ Вельгорскаго, видѣвшаго народовластіе à la Rousseau въ древнѣйшемъ строѣ Польши, и кончая Врублевскимъ, который поднялъ Польшу надъ всѣми народами земли, Гофманъ по вопросу о причинахъ паденія Рѣчи Посполитой высказался такъ: „На несчастье",—передаемъ его основную мысль словами г. Смоленскаго—„на несчастье Польшѣ недоставало національнаго и сильнаго городского сословія (mieszczaństwa), которое, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ, пришло бы, съ помощью къ королямъ, подало бы руку земледѣльческому классу и распространяло бы представленія о всеобщей свободѣ. Послѣ ослабленія монархизма, такъ какъ демократическій элементъ, угнетаемый невѣжествомъ и бѣдностью, не могъ еще мечтать о власти,—пришла очередь аристократіи, а такъ какъ послѣдняя не имѣла никакой организаціи, никакой іерархіи, то правленіе перешло не къ нѣсколькимъ лицамъ или не къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, а въ руки каждаго въ отдѣльности. Масса шляхты, упорно державшаяся приманки мнимаго равенства, увлекаемая мѣняющимися теченіями выгоды, предразсудковъ или страстей, переливалась, какъ потокъ, поочередно отъ одного магната къ другому, никому не обѣщая вѣрности, никому не оказывая постоянной поддержки,—ничего не создавала, все уничтожала. Слѣдствіемъ отсутствія феодализма было то, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ,—монархическій ли, аристократическій или демократическій,—не могъ взять перевѣса, не сумѣлъ забрать въ сильныя руки бразды правленія. Трудно добраться, какая форма правленія была при Ягеллонахъ; не легко отгадать, гдѣ находился суверенитетъ (wszechwładztwo): у короля, въ представительствѣ страны или же въ отдѣльныхъ земляхъ. Каждый изъ этихъ факторовъ заявлялъ на него претензіи, но ни одинъ не могъ одержать рѣшительную побѣду. Одинъ мѣшалъ дѣлу (psuł rządy) другаго, вслѣдствіе чего внутреннее развитіе на-

---

[1]) *Hoffman.* Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski (*Przegląd Poznański.* 1847, 48, 49).

[2]) Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867.

[3]) Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym w wieku XII. Kraków. 1872. Ср. статью проф. *Adolfa Pawińskiego* подъ заглавіемъ Karol Boromeusz Hoffman въ журналѣ *Tygodnik Illustrowany* № 397.

рода остановилось. Привилегированное сословіе, вмѣсто того, чтобы подѣлиться властью съ королемъ или народомъ, монополизировало въ свою пользу всѣ существенные интересы; не создавъ внутри себя организаціи, не обезпечивъ за сеймами значенія и силы за дѣйствующимъ правомъ, оно посѣяло еще въ эпоху золотого вѣка просвѣщенія зерно анархіи" [1]).

„Исторія политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ" Гофмана раздѣляется на три части. Въ первой идетъ рѣчь о реформахъ временъ совершенной независимости Польши отъ середины XV вѣка до конца XVII, во второй—о реформахъ эпохи „чужеземнаго протектората" съ начала XVIII в. до 1775 г., а въ третьей—о реформахъ времени „номинальнаго существованія Польши" отъ 1775 до 1791 г. Изложеніе царствованія Станислава Понятовскаго начинается съ середины второй главы. Кончается все сочиненіе анализомъ конституціи 3-го мая, такъ какъ она была „ostatnim objawem politycznym życia narodowego".

До сихъ поръ мы видѣли, что при всемъ разнообразіи въ пониманіи причинъ паденія Польши, причинъ этихъ искали въ однихъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ прежней Рѣчи Посполитой. Явленія культурныя польской исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ лишь отмѣчались попутно въ томъ случаѣ, если содѣйствовали общему упадку, въ какомъ находилась польская нація на канунѣ катастрофы. Напримѣръ, въ упомянутомъ „Краткомъ очеркѣ исторіи народа польскаго", составленномъ по мысли Общества любителей наукъ, указывалось на то, что одною изъ причинъ анархіи была ошибочная система народнаго просвѣщенія (błędna publiczna instrukcya), породившая и духъ религіозной нетерпимости въ польскомъ народѣ [2]). При той роли, какую въ исторіи Польши игралъ „диссидентскій вопросъ", трудно было, чтобы польскіе историки не коснулись религіозныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о паденіи послѣдней. Въ спеціальномъ очеркѣ литературы по исторіи реформаціи въ Польшѣ [3]) мы объяснили при-

---

[1]) *Smoleński.* Szkoły historyczne, 36. О соч. *Гофмана* Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski: „obszerna ta praca jest po dziś dzień najlepszą u nas historyą instytucyj politycznich w dawnej Polsce i słuszny Hoffmanowi daje tytuł do sławy". *Zdanowicz-Sowiński.* IV, 529.

[2]) *Smoleński.* Szkoły historyczne, 22.

[3]) Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. *Ж. М. Нар. Пр.* 1885, ноябрь. Эта статья вышла и отдѣльною брошюрою.

чину того, почему поляки занялись сравнительно поздно исторіей своихъ диссидентовъ,—и отмѣтили то общее явленіе, что до самаго недавняго времени въ изученіе этого предмета вносились вѣроисповѣдныя тенденціи. Изъ этой литературы надлежитъ отмѣтить здѣсь сочиненія протестанта гр. Валеріана Красинскаго, видящаго причину политическихъ бѣдствій Польши въ паденіи въ ней реформаціи, и іезуитскаго воспитанника, гр. Маврикія Дзѣдушицкаго, который находилъ, что единственное спасеніе Польши заключалось, на оборотъ, именно въ проведеніи программы Сигизмунда III—уничтожить разновѣрство. Гр. Красинскій высказалъ свой взглядъ въ изданномъ по англійски „Историческомъ очеркѣ происхожденія, успѣховъ и упадка реформаціи въ Польшѣ и вліянія, которое евангелическое ученіе оказало на эту страну въ литературномъ, моральномъ и политическомъ отношеніяхъ“ [1]). „Быть можетъ“, говоритъ въ предисловіи авторъ,—„ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Св. Писаніи, и что, на оборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славой и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей“. Этотъ взглядъ мы разобрали въ другомъ мѣстѣ подробно [2]), а здѣсь лишь укажемъ на то, что̀ въ немъ есть вѣрнаго: это именно—печальныя культурныя слѣдствія, которыя вытекли для Польши изъ католической реакціи, предводимой іезуитизмомъ. Хотя точка зрѣнія гр. Красинскаго подсказана ему его вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ, но въ общемъ онъ болѣе правъ, нежели панегиристъ іезуитовъ гр. Дзѣдушицкій. Послѣдній на реформацію сваливаетъ всѣ бѣды Рѣчи Посполитой. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ онъ въ своей книгѣ о „Петрѣ Скаргѣ и его вѣкѣ“,—„съ тѣхъ поръ началось разъединеніе; разладъ (niezgoda) сдѣлался однимъ изъ признаковъ польскаго характера, разладъ, въ которомъ всегда справедливо обвиняютъ нашъ народъ. Odtąd zaczęła

---

[1]) Historical sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland and of the influence which the scriptural doctrines have exercised on that country in literary, moral and political respects. London. 1838—1840. Есть въ нѣмецкомъ переводѣ *Линдау* (Leipzig. 1841).

[2]) Вопросъ о религіозной реформаціи, 22.

Polska stać bezrządem" [1]). Между прочимъ онъ приписываетъ реформаціи, какъ слѣдствіе, „рѣшительное раздвоеніе между паномъ и подданнымъ" [2]), хотя это раздвоеніе было уже совершившимся фактомъ до начала реформаціи, и если послѣдняя не удержалась въ Польшѣ, то отчасти именно благодаря ему и исключительно шляхетскому характеру польскаго протестантизма [3]). Если гр. Красинскій правъ, обвиняя въ разложеніи Польши политику іезуитовъ, то гр. Дзѣдушицкій забываетъ, что религіозный раздоръ, игравшій роль въ паденіи Рѣчи Посполитой, не былъ слѣдствіемъ одной реформаціи, и что именно церковная унія 1596 г., введенная іезуитами, содѣйствовала подъему враждебнаго полякамъ чувства въ русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой.

Разсмотрѣвъ взгляды польскихъ историковъ двухъ старыхъ школъ (Нарушевича и Лелевеля) на причины паденія Польши, мы могли бы перейдти прямо къ успѣхамъ польской исторіографіи за послѣднее время и къ характеристикѣ основныхъ воззрѣній современной исторіографической школы (краковской) относительно причинъ гибели Рѣчи Посполитой, еслибы не имѣли еще передъ собою особнякомъ стоящей книги Антона Валевскаго подъ заглавіемъ „Философія польской исторіи и методъ ея изслѣдованія" [4]), изданной въ Краковѣ въ 1875 г. и очень нелюбезно въ свое время принятой критикою [5]). Авторъ проводитъ ту мысль, что основная черта польскаго характера — лояльность, и что главная причина паденія Польши въ утратѣ націей этой своей основной черты. Здѣсь было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать всю исторіософію и философію исторіи автора, то-есть, его общія философскія разсужденія относительно сущности исторіи и его разсужденія о всемірной исторіи, составляющія обширное (75 стр.) вступленіе, равно какъ общіе его взгляды относительно хода польской

---

[1]) *Rychcicki* (псевдонимъ *hr. Dzieduszyckiego*). Piotr Skarga i jego wiek. Kraków. 1850. I, 138. II, 26. Второе изд. вышло въ 1868—1869 гг.

[2]) Ibid., I, 141.

[3]) *Lukaszewicz*, авторъ нѣсколькихъ монографій о польскомъ протестантизмѣ, видитъ въ реформаціи одну изъ причинъ паденія Польши, ибо она раздѣлила народъ на два враждебные лагеря и отдала его пронырливому ордену іезуитовъ.

[4]) *Antoni Walewski.* Filozofija dziejów polskich i metoda ich badania. Kraków. 1875.

[5]) *Schmitt.* Rozbiór krytyczny pomysłów historyozoficznych i odkryć dziejowych pana...Lwów. 1875. *Zdanowicz—Sowiński.* IV, 571. *Smoleński.* Szkoły historyczne. 38—41.

исторіи [1]), а потому ограничимся уже сдѣланнымъ указаніемъ на основную идею этой и въ другихъ отношеніяхъ курьезной книги [2]).

Послѣдняя четверть вѣка представляетъ изъ себя время весьма быстраго и плодотворнаго движенія впередъ въ польской національной исторіографіи, что было нами уже отмѣчено раньше [3]). Издавая въ 1879 г. свой „Очеркъ исторіи Польши", краковскій профессоръ Михаилъ Бобржинскій замѣтилъ въ предисловіи, что современная детальная и монографическая разработка польскими историками прошлаго Рѣчи Посполитой бросаетъ на исторію послѣдней, взятую въ цѣломъ, совершенно новый свѣтъ, и взгляды, къ которымъ приходитъ національная исторіографія, отличаются какъ небо отъ земли, отъ всего того, чему училось поколѣніе автора изъ школьныхъ руководствъ [4]). „Работа надъ исторіей прежней Польши", говоритъ и Іосифъ Шуйскій въ своемъ компендіумѣ польской исторіи,—„находится въ стадіи полнаго развитія; съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, съ каждымъ годомъ ростетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются отдѣльные эпизоды на основаніи бо̀льшаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія, и", прибавляетъ Шуйскій,—„въ виду этихъ успѣховъ въ области спеціальныхъ и частныхъ работъ, весьма быстро старѣютъ общія изложенія польской исторіи, и взгляды, которые добываются ученымъ міромъ, постоянно разрушаютъ распространенныя въ публикѣ представленія

---

[1]) Содержаніе сочиненія: Часть I. Кн. I. Отчего Польша выступила на историческое поприще въ X в.? Кн. II. Какъ возникла монархія въ Польшѣ? Кн. III. Возникло ли Польское государство путемъ завоеванія или развитія? Кн. IV. Политическое и общественное воспитаніе польскаго народа въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ и причины анархіи. Кн. V. Польскія событія послѣ разборовъ.—Часть II. Кн. I. Церковное воспитаніе Польши. Кн. II. Отношеніе польской исторіи къ человѣчеству, Западу и Востоку. Прибавленіе о примѣненіи историческихъ теорій къ практическому положенію.

[2]) Отмѣтимъ здѣсь кстати еще болѣе публицистическую, чѣмъ историческую книжку варшавскаго каноника *Домагальскаго*, вышедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границей подъ заглавіемъ „Prawdą, a nie fałszem". Здѣсь доказывается, что Екатерина II не только не была виновницей паденія Польши, но даже хотѣла спасти ее отъ паденія.

[3]) Вопросъ о религіозной реформаціи, 5—6 и 52. Новѣйшая польская исторіографія, 535—536, 540 и др. Ср. при этомъ IV главу исторіографической работы Смоленскаго, стр. 42 и слѣд.

[4]) *M. Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Kraków. 1880. I. Przedmowa do pierwszego wydania.

о прошломъ Польши"[1]). Мы нарочно привели слова этихъ двухъ новѣйшихъ историковъ, такъ какъ оба они сдѣлали попытку воспользоваться результатами указанной работы для общаго построенія польской исторіи, а ихъ взгляды принадлежатъ третьей (послѣ Нарушевича и Лелевеля) исторической школѣ, которая слыветъ подъ названіемъ краковской[2]). Не касаясь вопросовъ о матеріалѣ, какимъ располагали, съ одной стороны, Нарушевичъ съ послѣдователями, а съ другой—корифеи краковской школы, и о методѣ, который, конечно, въ обѣихъ школахъ далеко не одинъ и тотъ же, обращая все вниманіе на политическую мысль, лежащую въ основѣ взглядовъ на прошлое Польши у этихъ историковъ, мы придемъ къ тому общему выводу, что краковская школа продолжаетъ традиціи школы нарушевичевой, какъ послѣдняя повторяла аргументы монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка. Въ эпоху господства лелевелевскихъ взглядовъ эта традиція нашла пріютъ въ партіи эмигрантовъ, образовавшейся около Адама Чарторыскаго и имѣвшей свои органы и въ періодическихъ изданіяхъ (Kronika emigracyi polskiej, 1834—1839. Trzeci Maj, 1839—1848), и въ парижскомъ Историко-литературномъ обществѣ (Towarzystwo historyczne-literackie). Отсюда традиція эта перешла къ историкамъ, группирующимся около Краковской академіи наукъ (Akademija umiętności), возникшей въ 1872 г. изъ болѣе ранняго Научнаго общества. Установленію сходства между обѣими школами г. Смоленскій въ своей брошюрѣ объ историческихъ школахъ въ Польшѣ посвящаетъ цѣлую главу[3]), утверждая даже, что краковскіе ученые въ историко-философскомъ отношеніи ничего новаго не дали сравнительно съ Нарушевичемъ[4]). Не отрицаетъ родства своихъ взглядовъ съ воззрѣніями первой исторической школы въ Польшѣ и Шуйскій, сначала раздѣлявшій теорію Врублевскаго. Въ пре-

[1]) *J. Szujski.* Historyi polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście. Warszawa. 1880. Wstępne słowo.

[2]) Основателемъ краковской школы былъ Калинка, о которомъ ниже въ VII-й главѣ. Въ этой главѣ будетъ сказано нѣсколько больше объ идеяхъ этой школы.

[3]) Подъ заглавіемъ Stosunek szkoły historycznej krakowskiej do Naruszewiczowskiej i stanowisko jej w dziejopisarstwie, стр. 76 и слѣд.

[4]) Z powierzchownej krytyki, jaką Bobrzyński dotknął dziejopisów XVIII i pierwszej ćwierci XIX wieku wypadałoby sądzić, ze pomiędzy szkołą Naruszewiczowską a krakowską pokrewieństwa nie ma żadnego; rzetelniejsze zbadanie rezczy prowadzi do wniosku, ze historyozoficne poglądy uczonych podwawelskich są echem głosów dawno przebrzmiałych. Ibid., 79. Nic w zasadzie pod względem historyozoficznym uczeni krakowscy nie wymyślili nowego, стр. 80.

дисловіи къ своимъ „Двѣнадцати книгамъ польской исторіи“ онъ говоритъ объ этомъ прямо, прибавляя, что Нарушевичу и его послѣдователямъ нужно отдать справедливость въ томъ, что зрѣлище паденія Рѣчи Посполитой оказало благотворное вліяніе на ихъ способъ пониманія исторіи, на ихъ сужденіе о ней, которое было сужденіемъ и наиболѣе серьезной и зрѣлой части народа: „они“, поясняетъ Шуйскій,— „видѣли слишкомъ близко недостатки Рѣчи Посполитой, чтобъ ихъ не знать, были слишкомъ хорошо знакомы съ дѣйствительностью, чтобы могли ошибиться въ указаніи политическихъ ошибокъ, какія встрѣчали въ исторіи“ [1]). На оборотъ, проф. Бобржинскій старается представить обѣ школы, какъ діаметрально-противоположныя, но въ данномъ случаѣ онъ либо обращаетъ вниманіе на научные пріемы старой школы, либо преувеличиваетъ значеніе такихъ ея сторонъ, которыя должны были бы имѣть второстепенное значеніе [2]). Во всякомъ случаѣ основаніе краковской исторической школы было возвращеніемъ отъ лелевелевскихъ взглядовъ къ тѣмъ, которые въ XVIII вѣкѣ высказывались монархическими публицистами, и это возвращеніе воочію совершилось въ переходѣ Шуйскаго отъ доктрины Врублевскаго къ идеямъ такъ называемыхъ „станьчиковъ“ [3]).

Въ этотъ же періодъ появились и главные историческіе труды по эпохѣ паденія Польши. Нигдѣ, по отзыву проф. Бобржинскаго, перемѣна въ пріемахъ изслѣдованія и въ выводахъ науки, происшедшая въ польской исторической литературѣ послѣ Лелевеля, не бросается въ глаза съ такою силою, какъ именно въ новѣйшихъ сочи-

---

1) W traktowaniu dziejów od Naruszewicza czasów wchodzimy dzisiaj w epokę różną od tej, która czas od r. 1825 do 1861 wypełniała; ròżną też, acz poniekąd bardziej pokrewną tej, ktorą reprezentował Naruczewicz i jego epigonowie. Cokolwiekbądź pozostawiał do życzenia biskup łucki i jego następcy, oddać im trzeba słuszność, że sam fakt zapamiętania lub czynnego przebycia ostatnich zapasòw upadającego państwa wpłynął korzystnie na ich sposòb pojmowania dziejòw, na sąd, ktòry o nich wydawali, a ktòry był zarazem ugruntowanym sądem poważniejszej i dojrzalszej części narodu. Wadom rzeczy pospolitej zbyt byli blizkiemi, aby ich nie znali; doświadczenia zbyt naocznemi, aby się mylić mogli w wskazywaniu obłędow politycznych, jakie spotykali w dziejach, стр. II.

2) См. въ первомъ томѣ исторіи *Бобржинскаго* отдѣлъ подъ заглавіемъ: O nauce hystoryi polskiej i jej umiejętnem badaniu, стр. 40—63. Довольно строго критикуетъ за это Бобржинскаго г. Смоленскій, приписывая его характеристику школы Нарушевича „игноранціи“, незнакомству съ литературой XVIII вѣка. Szkoły historyczne, 79 и 80.

3) Политическая партія консервативнаго характера, о которой будетъ рѣчь идти въ главѣ VII по поводу трудовъ кс. Калинки.

неніяхъ, посвященныхъ послѣднимъ днямъ Рѣчи Посполитой [1]). Можно сказать, что работы Крашевскаго (Polska w czasie trzech rozbiorów, 1874—1875), Калинки (Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, 1868. Sejm czteroletni, 1880—1886) и Корзона (Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, 1881—1886), не считая другихъ болѣе мелкихъ работъ [2]), совершенно упразднили все сдѣланное по этому предмету самимъ Лелевелемъ и его послѣдователями. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, однако, что и въ послѣдней стадіи польской исторіографіи нѣтъ единообразнаго взгляда на эпоху паденія Польши: именно авторы двухъ главныхъ трудовъ, посвященныхъ этому времени, кс. Калинка и г. Корзонъ стоятъ на двухъ различныхъ точкахъ зрѣнія, такъ что можно говорить о противоположности между ними, если и не столь значительной, какъ между Нарушевичемъ и Лелевелемъ, то во всякомъ случаѣ напоминающей ее. Большіе труды, разсматривающіе паденіе Польши, будутъ подвергнуты нами разбору въ концѣ этой работы, а здѣсь мы остановимся на взглядахъ общихъ историковъ и главнымъ образомъ на взглядахъ Бобржинскаго, какъ наиболѣе радикальнаго въ своей оппозиціи противъ лелевелевской школы. Нѣкоторые критики ставили ему даже въ вину, и не всегда безъ основанія, что онъ слишкомъ преклоняется иногда предъ византійскимъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ нѣмецкаго полицейскаго государства.

„Dzieje Polski w zarysie“ Бобржинскаго вышли въ свѣтъ въ 1879 году въ одномъ томѣ, а вторымъ изданіемъ—въ 1881 году въ двухъ томахъ. Появленіе книги произвело сильную сенсацію и въ обществѣ, и въ прессѣ, что только способствовало оживленію полемики, которая возникла вслѣдствіе замѣчаній на книгу, сдѣланныхъ компетентными

---

1) *Bobrzyński*, II, 296.

2) *R. Pilat*. Literatura polityczna sejmu czteroletniego. (*Przegląd polski* 1872). *L. Wegner*. Dzieje dnia 3 i 5 maja 1791 r. Poznań. 1865. Konfederacya województw wielkopolskich 1792 r. Poznań. 1863. Sejm grodzieński ostatni. Poznań. 1866. Hugo Kołłątaj na posiedzeniu rady królewskiej z dnia 23 lipca 1792 r. Poznań. 1869. Ostatnie dni powstania Kościuszkowskiego. Poznań. 1871. *Br. Zaleski*. Korespondencya krajowa Stanisława Augusta. Poznań. 1872. *E. Tyszkiewicz*. Króla Stan. Aug. ostatni pobyt w Grodnie. Poznań. 1878. *Dr. Antoni Rolle*. Czartoryscy i Repnin (*Przewodnik naukowy*. 1877). *Z. Gloger*. Antoni Tyzenhaus podskarbi nadworny litewski 1733—1785. (Kwartalnik *Kłosow*. 1887). *M. Chyliński*. Hugo Kołłątaj w obec Targowicy. Lwów. 1875. *K. Chlędowski*. Tractat handlowy między Austryą a Polską z r. 1775 (*Przewodnik naukowy*. 1880). Zajęcie Galicyi (*Ateneum* 1880), *J. J. Kraszewski*. Polska w połowie XVIII w. (*Ateneum* 1877). *Smoleński*. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885 и мн. др.

критиками [1]). Въ общемъ можно сказать, что газетная критика напала на Бобржинскаго вслѣдствіе мотивовъ болѣе публицистическаго, чѣмъ научнаго свойства, и въ этомъ отношеніи такіе историки, какъ Шуйскій, Смолка и Калинка, явились скорѣе защитниками основныхъ идей книги. „Извѣстно", писалъ Смолка въ статьѣ „О задачѣ, понятіи и положеніи исторіи" (Ateneum, 1879),—„что въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ совершился въ нашей исторіографіи важный переворотъ, результаты котораго большею частью еще не проникли въ читающую публику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ болѣе оживленнаго движенія въ области нашего бытописанія выработались среди историковъ взгляды, съ которыми соглашаются почти всѣ, принадлежащіе къ этому цеху, хотя большая публика не имѣла еще случая съ ними познакомиться. Книга Бобржинскаго прежде всего имѣетъ ту заслугу, что стремится стать выраженіемъ этихъ взглядовъ, хорошимъ ихъ проводникомъ въ болѣе широкую среду читающей публики". Но, продолжаетъ Смолка,—„на этомъ не кончается заслуга и достоинство этой книги. Никто не станетъ спорить, что, кромѣ указаннаго элемента, трудъ Бобржинскаго заключаетъ много сужденій и взглядовъ, которые принадлежатъ исключительно самому автору и, по скольку удержатся, будутъ личной его заслугой. Съ общимъ основнымъ взглядомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи, со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя выраженіе единогласнаго приговора современной исторической школы, эти взгляды имѣютъ такое несомнѣнное сходство, что имъ нельзя отказать въ общемъ источникѣ, который есть, безспорно, нынѣшнее положеніе исторіографической работы" [2]).

Мы не станемъ здѣсь входить въ разборъ всѣхъ сторонъ труда Бобржинскаго, а остановимся исключительно на его пониманіи причинъ паденія Польши. Эти причины онъ ищетъ въ условіяхъ, породившихъ въ Рѣчи Посполитой политическое безнарядье, которое и погубило Польшу. „Не границы и не сосѣди", говоритъ онъ,—„только нашъ внутренній разладъ довелъ насъ до потери государственнаго существованія" [3]). Свою основную мысль онъ развиваетъ слѣдую-

[1]) Большая часть статьи нашей „Новѣйшая польская исторіографія" посвящена разбору книги Бобржинскаго. О вызванной ею полемикѣ см. стр. 546—551. Съ точки зрѣнія лелевелевскихъ идей книгу разбиралъ *Schmitt*. Rozbiór dzieła p. t. Dzieje Polski w zarysie przez M. Bobrzyńskiego. Kraków. 1882.

[2]) *Stanisław Smolka*. Szkice historyczne. Warszawa. 1882. Serya pierwsza. Статья „Słowo o historyi", стр. 283—284.

[3]) *Bobrzyński* II, 336.

щимъ образомъ: „Какія бы мы ни находили теперь причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненіе народа шляхтой, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи, все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ именно въ другихъ мѣстахъ", сейчасъ же поясняетъ Бобржинскій,—„существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У однихъ только насъ недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе. Если поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ, въ концѣ XVIII столѣтія мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безнарядьѣ. Тѣ, которые насъ дѣлили, не разъ находились между собою въ грозномъ раздорѣ; не одинъ изъ нихъ намъ помогъ бы, еслибы только и мы могли, и хотѣли съ своей стороны оказать ему хотя бы самую незначительную помощь противъ его соперниковъ" [1]). Весь второй томъ (по 2-му изданію) своего труда Бобржинскій посвящаетъ, главнымъ образомъ, только выясненію причинъ, почему въ Польшѣ не возникло сильной центральной власти, находя вообще, что кто пишетъ исторію Польши съ XVI в., тотъ долженъ выдвинуть на первый планъ ту сторону національной жизни, „тѣмъ болѣе", прибавляетъ онъ,—„что около этого важнаго вопроса (то-есть, организаціи правительственной власти) вращались тогда всѣ усилія націи" [2]). Новую исторію Польши Бобржинскій начинаетъ съ конца XV в., и какъ разъ въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ Лелевель видѣлъ возвращеніе страны къ ея исконному идеалу, усматриваетъ причины, погубившія Польшу. „Знакомясь со взглядомъ Лелевеля", говоритъ онъ,—„мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такія заблужденія и ошибки. Слыша постоянно, какъ прославляется свобода, мы удивляемся, какъ можно было проглядѣть другое условіе здороваго развитія каждаго народа, именно силу и упругость его правительственной власти" [3]). Съ этой точки зрѣнія новый польскій историкъ смотритъ даже на самое отдаленное прошлое Польши, какъ бы

[1]) *Bobrzyński*, II, 335.
[2]) Ibid., II, 342.
[3]) Ibid., I 50.

сожалѣя, что оно не заключало въ себѣ условій для развитія не только правительственной власти вообще, но даже абсолютизма. Первоначальнымъ славянамъ онъ ставитъ въ упрекъ, что у нихъ не было „poszanowania prawa i despotycznej władzy“ [1]), и какъ бы завидуетъ Руси и Болгаріи въ томъ отношеніи, что они рано испытали на себѣ вліяніе автократической Византіи [2]). Въ дальнѣйшей исторіи Польши онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ факты, которые свидѣтельствовали объ усиленіи власти. Говоря о возникновеніи въ Польшѣ „парламентаризма“, онъ спрашиваетъ: „не былъ ли онъ преждевременнымъ въ ту эпоху, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была суровая школа абсолютнаго правленія“,—и отвѣтъ даетъ въ смыслѣ преждевременности [3]). Очень часто Бобржинскій всю бѣду видитъ въ томъ, что Польша въ своемъ развитіи не шла дорогой другихъ континентальныхъ государствъ [4]), и что въ ней не было монарховъ въ родѣ Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV, Карла V, Филиппа II или Ивана Грознаго [5]). Не нужно, однако, думать, что авторъ „Dziejów Polski w zarysie“ совсѣмъ не видѣлъ для Польши иного пути образованія правительственной власти, помимо установленія западно-европейскаго абсолютизма. Онъ очень сочувственно относится къ той программѣ „направы Рѣчи Посполитой“, которую на сеймахъ середины XVI в. проводили протестантскіе послы, къ программѣ, какъ онъ выражается, „парламентарной монархіи“, и въ паденіи этой программы видитъ большое несчастье для Польши. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить преобладаніе общаго сейма надъ мѣстными сеймиками, добиться для пословъ совершенныхъ полномочій отъ избирателей, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ, и лишить сенатъ самостоятельности, чтобы король могъ идти и за мнѣніемъ меньшинства сенаторовъ. „Это“, говоритъ Бобржинскій,—„была несомнѣнно самая широкая политическая программа, какая только была въ польскомъ народѣ на протяженіи десяти вѣковъ его существованія“ [6]). Говоря о цар-

---

1) *Bobrzyński*, I, 68.
2) Ibid., I, 69—71.
3) Ibid., II, 21.
4) Ibid., 337 и др. мѣста.
5) Ibid., II, 340.
6) Ibid. II, 71. См. вообще въ этомъ томѣ § подъ заглавіемъ „Program naprawy Reczypospolitej“, 68 sq. Ср. также нашъ Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. См. гл. III.

ствованіи Сигизмунда III, авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Думать объ абсолютизмѣ у народа, который уже сто лѣтъ привыкъ къ политической свободѣ, было вещью трудной, но за то тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбраннымъ изъ сеймоваго большинства, могло бы управлять и приказывать отъ имени короля, но въ духѣ націи" [1]). Другими словами, Бобржинскій вполнѣ раздѣляетъ взглядъ на сеймъ, какой въ прошломъ вѣкѣ былъ высказанъ Руссо и повторенъ Вельгорскимъ: сеймъ былъ безсиленъ, и въ этомъ безсиліи сейма заключалась и для новѣйшаго историка причина безнарядья.

По нашему мнѣнію, Бобржинскій весьма основательно разобралъ причины того, что паденіе королевской власти въ Польшѣ не сопровождалось переходомъ этой власти къ сейму, вслѣдствіе чего элементъ власти не нашелъ себѣ помѣщенія въ польскомъ обществѣ, исчезъ изъ него, такъ сказать, чтобы ввергнуть это общество въ анархію [2]). Но очень странно, что, резюмируя въ концѣ книги [3]) свой взглядъ на причину того, что Польша не создала себѣ сильнаго правительства, авторъ молчитъ обо всемъ этомъ и указываетъ на другія условія, которыя сами по себѣ не могли произвести указаннаго результата. „Одно изъ нихъ", именно говоритъ онъ,—„есть наша молодость, ибо мы на пять вѣковъ позднѣе, нежели Западъ, выступили на поприще его цивилизаціи; другое—обширность преимущественно земледѣльческой страны въ отношеніи къ народонаселенію; а сверхъ этого, то, что наши лучшія силы бросились на востокъ, на Русь и Литву, вслѣдствіе чего силы, оставшіяся въ краѣ, уменьшенныя и ослабленныя, не могли выполнить задачи—создать правительство въ духѣ новаго времени" [4]). Но такія же условія—и молодость, и слабая населенность обширной земледѣльческой страны, и эмиграція за ея первоначальные предѣлы—существовали и для русской исторіи, а между тѣмъ Московское государство пошло по совсѣмъ иной политической дорогѣ, чѣмъ Польское.

Бобржинскій въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ и развитіе шляхетско-хлопскихъ отношеній и, конечно, не оппонируетъ Леле-

---

[1]) *Bobrzyński*. II, 169.

[2]) Ibid. II, 333 sq.

[3]) Краткое изложеніе этого см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія", стр. 560—564.

[4]) *Bobrzyński*. I, 19.

велю, когда тотъ усматриваетъ въ неволѣ деревенскаго люда одну изъ причинъ паденія Польши; но и здѣсь онъ указываетъ на то, что неволя эта существовала и въ другихъ мѣстахъ, но что въ другихъ мѣстахъ существовало и правительство, которое такъ или иначе боролось со зломъ, хотя бы не давая превратиться крѣпостному праву въ полное рабовладѣльчество и все-таки ограничивая произволъ господъ по отношенію къ ихъ подданнымъ [1]). Вліяніе косныхъ началъ католицизма и развращающей педагогики и политики іезуитовъ также нашло прекрасное освѣщеніе въ книгѣ Бобржинскаго: онъ совершенно свободно отнесся къ католической реакціи въ Польшѣ и выставилъ на видъ все зло, какое принесли обществу и государству іезуиты [2]). Шуйскій въ своихъ „Замѣчаніяхъ на исторію Польши Бобржинскаго" [3]), соглашаясь въ общемъ съ его объясненіемъ причинъ паденія Польши, находитъ, такъ сказать, неловкимъ, что авторъ книги не сумѣлъ лишить печальную картину національнаго упадка „черезъ-чуръ рѣжущихъ глаза, яркихъ красокъ", и отвѣчая на это, какъ и вообще на упреки въ пессимизмѣ, Бобржинскій во второмъ изданіи своей книги говоритъ: „упрекъ въ пессимизмѣ можно было бы сдѣлать только моему очерку двухъ послѣднихъ вѣковъ. Я ихъ представилъ, не спорю, ярко" [4]). Съ нѣкоторыми оговорками можно сказать, что, постоянно признавая русскую силу въ Литвѣ и справедливо порицая польскую политику по отношенію къ русскому населенію Рѣчи Посполитой, онъ довольно вѣрно въ общемъ изображаетъ необходимость борьбы Польши съ Россіей за русскія земли и, пожалуй, неизбѣжность невыгоднаго для поляковъ результата этой борьбы [5]).

Извѣстно, что вслѣдствіе своего безнарядья Рѣчь Посполитая съ самаго почти начала XVIII вѣка попала подъ опеку Россіи. Это время (1717—1773 гг.) разсматривается у Бобржинскаго въ главѣ, которая названа „Преобладаніе Россіи" [6]), а за нею слѣдуетъ и послѣдняя съ характернымъ названіемъ „Возрожденіе въ упадкѣ" [7]):

---

1) *Bobrzyński*, II, 335.

2) Ibid., II, 131 sq.

3) *I. Szujski.* Kilka uwag o Dziejach Polski Michała Borbzyńskiego. Warszawa. 1879. Было прежде помѣщено въ журналѣ *Niwa*.

4) *Bobrzyński*, I, 23.

5) Эта сторона историческихъ воззрѣній была мною разобрана въ „Новѣйшей польской исторіографіи", стр. 574—583.

6) *Bobrzyński*, II, 262 sq.

7) Ibid., II, 296 sq. Odrodzenie w upadku.

здѣсь въ сущности онъ и разказываетъ исторію паденія Польши. На первый планъ въ этихъ главахъ выдвигается иностранная политика. „Пока", говоритъ Бобржинскій,—„Россія думала, что она одна будетъ въ состояніи включить въ свой составъ всю Польшу, до тѣхъ поръ, полагаясь на существующее уже свое преобладаніе, ожидала только удобнаго момента, чтобы не оглядываться на Пруссію и Австрію и не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Пруссія и Австрія стояли однако на стражѣ своихъ интересовъ, готовыя помѣшать занятію всей Польши Россіей и сильному вслѣдствіе этого увеличенію послѣдней. Такъ до поры, до времени оправдывался на самомъ дѣлѣ девизъ тогдашней польской шляхты, что Польша держится своимъ безнарядьемъ" [1]). Изъ двухъ единственно возможныхъ для тогдашней Рѣчи Посполитой перспективъ: раздѣла между сосѣдями и подчиненія Россіи—историкъ отдаетъ предпочтеніе второй и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ всю эпоху раздѣловъ, между прочимъ очень сочувственно относясь къ установленному въ Польшѣ Екатериною послѣ перваго разбора „постоянному совѣту" (rada nieustająca), какъ къ „исполнительной власти, къ правительству, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша", какъ къ „постепенному переходу отъ безнарядья къ сильному правительству" [2]). Въ сохраненіи этого учрежденія онъ видитъ единственное средство, которое оставалось у Польши для проведенія необходимой внутренней реформы. Съ этой точки зрѣнія онъ высказывается противъ конституціи 3-го мая, введенной вопреки желаніямъ Россіи, хотя именно творцы этой конституціи полагали причину упадка Рѣчи Посполитой тамъ, гдѣ ее указываетъ и современная исторіографическая школа. Впрочемъ, это все относится уже къ подробностямъ факта паденія Польши, и оцѣнка воззрѣній новыхъ польскихъ историковъ на этотъ предметъ будетъ дана въ другомъ мѣстѣ [3]).

Къ „Dziejam Polski w zarysie" можно вполнѣ приложить слова Шуйскаго въ концѣ „Двѣнадцати книгъ польской исторіи". „За эпохой", говоритъ этотъ историкъ,—„въ которую апологія была главнымъ знаменемъ польской исторіографіи, наступаетъ другая, когда среди серьезныхъ работъ, среди все болѣе ростущаго историческаго мате-

---

[1]) *Bobrzyński*, II, 266.

[2]) Ibid., II, 299 sq.

[3]) Ср. разборъ этой части труда Бобржинскаго въ статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія", стр. 583—587.

ріала, рушатся прежнія апологетическія системы, а прошлое должно выступить въ свѣтѣ сравнительнаго метода и общихъ законовъ, познаваемыхъ изъ историческаго опыта. Въ новомъ этомъ направленіи могутъ быть увлеченія и односторонность, появляющіяся время отъ времени; оно однако имѣетъ будущее и непоколебимое право на существованіе, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направленіе это положило конецъ несчастному и столь долговременному заблужденію—защитѣ и апоѳеозу анархичной Польши" [1]). Авторъ, писавшій эти слова въ 1880 году, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ самъ отдавалъ дань такому „заблужденію", раздѣляя историческіе взгляды Врублевскаго. „Ежели", писалъ онъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—„ежели мы должны опереться на прошлое, то можемъ опереться только на шляхетское прошлое, ибо оно есть единственно и исключительно прошлое народа... Шляхта есть альфа и омега народа, ибо она одна обладаетъ секретомъ ассимиляціи нешляхетскихъ и даже чуждыхъ элементовъ и т. д." [2]). Съ этими взглядами и приступилъ Шуйскій къ работѣ надъ своею „Исторіей Польши", вышедшею въ свѣтъ въ четырехъ томахъ въ 1861—1866 годахъ [3]). Оптимистическому эпиграфу, поставленному на заголовкѣ: „Все Ты намъ далъ, Господи, что могъ дать" (Wszystko nam dałeś, co dać mogłeś, Panie!),—вполнѣ соотвѣтствуетъ въ этомъ сочиненіи идеализація Польши въ духѣ теоріи Врублевскаго и мистическихъ фантазій поэтовъ эмиграціи. Но, по вѣрному замѣчанію г. Смоленскаго, Шуйскій долго все-таки колеблется, чему приписать вину паденія Польши — безнравственности ли тогдашнихъ кабинетовъ, или исключительному положенію Польши среди народовъ Европы [4]), положенію, въ которомъ онъ сначала усматриваетъ превосходство Польши. Уже отступленіемъ отъ лелевелевской традиціи были слова, въ которыхъ онъ склоняется къ рѣшенію вопроса во второмъ смыслѣ. „Каждый народъ и каждое человѣческое общество", говоритъ онъ,—„зависятъ отъ извѣстныхъ условій порядка, справедливости внутри и мощи извнѣ, не удовлетворяя коимъ, они утрачиваютъ силу развитія, независимость и свободу (niepodległość). Не освобождаетъ ихъ отъ этихъ условій никакая высшая идея, хотя бы самая возвышенная (najszczytniejsza),

---

[1]) *Szujski.* Historyi polskiej ksiąg dwanaście, 383.

[2]) Portrety przez Nie-Van-Dyka. Lwów. 1861. Приведено у *Смоленскаго*, стр. 65—66.

[3]) *Szujski.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów. 1861—1866.

[4]) Szkoły historyczne, 67.

ибо для этой идеи нужно найдти подлежащую форму... Паденіе Рѣчи Посполитой совершила наша собственная вѣковая вина"[1]). Въ ближайшемъ прошломъ Польши онъ видитъ исканіе этой формы то въ видѣ соединенія силъ посредствомъ диктатуры конфедерацій, то въ монархическихъ стремленіяхъ, проявившихся въ политическомъ завѣщаніи 3-го мая 1791 г. Такой взглядъ, заявленный въ послѣднемъ томѣ Dziejów Polski, уже проникъ въ книгу подъ вліяніемъ нѣкотораго сближенія автора съ идеями парижскаго Историко-литературнаго общества. Образованіе въ Краковѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ партіи „станьчиковъ", въ чемъ самъ Шуйскій игралъ видную роль, повліяло окончательно на перемѣну его воззрѣній, которая выразилась съ наибольшею полнотою въ „Двѣнадцати книгахъ польской исторіи", изданныхъ имъ въ одномъ томѣ въ 1880 году. Въ этомъ сочиненіи „монархическая идея" соединилась съ католическимъ доктринерствомъ, которое у Шуйскаго особенно ясно проявляется въ книжкѣ „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ"[2]), такъ что приближается къ восхваленію іезуитовъ. Здѣсь не мѣсто сопоставлять Бобржинскаго и Шуйскаго, почти одновременно издавшихъ по очерку польской исторіи съ точки зрѣнія краковской школы[3]), и достаточно только указать на то, что и Шуйскій заявляетъ о своей оппозиціи къ лелевелевской школѣ. „Изъ одного изъ самыхъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада", говоритъ онъ,—„мы стали въ собственныхъ глазахъ народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у насъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій политической мысли мы свили себѣ идеальные лавровые вѣнки, очень вредные; въ вольной элекціи, королей, въ конфедераціяхъ, даже въ „liberum veto" мы усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться. Борьбу съ идеей правительства мы переносили въ тѣ времена, когда

---

[1]) *Szujski.* Dzieje Polski, IV, 723. Самъ Шуйскій въ предисловіи (wstępne słowo) къ Польской исторіи въ XII книгахъ говоритъ о себѣ (въ третьемъ лицѣ), что za przekonywającemi i bijącemi prawdą plastycznemi postaciowaniami Szajnochy poszło zastowienie całości dziejów J. Szujskiego jako reakcya przeciwko doktrynie Lelewela i jego stronników, стр. IV.

[2]) Odrodzenie i reformacya w Polsce. Kraków. 1881. Объ этомъ сочиненіи см. въ указанной выше статьѣ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой", стр. 34.

[3]) См. въ „Новѣйшей польской исторіографіи" стр. 544—545, 542—550 и друг.

это правительство находилось въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и только одно оно представляло интересы государственной самостоятельности"[1]). Онъ сходится съ Бобржинскимъ въ мнѣніяхъ и относительно преждевременности польскаго „парламентаризма"[2]), то-есть, въ этомъ вопросѣ краковская школа пошла далѣе писателей XVIII в., бывшихъ ея предшественниками въ пониманіи польской исторіи, такъ какъ они стояли именно за „парламентарную монархію". Въ общемъ и Шуйскій, и Бобржинскій полагаютъ, что гибель Польши происходила отъ того, что государство это развивалось не такъ, какъ другія страны, въ коихъ окрѣпъ абсолютизмъ, опирающійся на бюрократію, хотя Бобржинскій и отмѣчаетъ бывшую въ Польшѣ возможность образованія болѣе сильнаго правительства инымъ путемъ.

Въ духѣ монархической традиціи написана и большая исторія Польши Теодора Моравскаго[3]), о которой очень хорошо отзываются Шуйскій[4]) и др. критики.

Замѣтимъ въ заключеніе этой главы, что далеко не всѣ современные польскіе историки принадлежатъ къ краковской школѣ, хотя и отдаютъ должное ея заслугамъ[5]). Это, между прочимъ, мы увидимъ при разсмотрѣніи спеціальныхъ трудовъ по исторіи послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Прежде однако мы разсмотримъ другія историческія литературы, на сколько онѣ заключаютъ въ себѣ что-либо по исторіи паденія Польши.

III.

Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка.

Польскія дѣла въ эпоху раздѣловъ обратили на себя вниманіе и тогдашнихъ западно-европейскихъ писателей. Вопервыхъ, многіе изъ

---

[1]) *Szujski.* H. p. ksiąg XII, стр. III.

[2]) Ibid., 194.

[3]) *Teodor Morawski.* Dzieje narodu polskiego. Poznań. 1870—1871. Drezno. 1872.

[4]) Слова Шуйскаго: w tymż samym kierunku, o dawną monarchiczną szkołę oparte poszły w ostatnich latach *Dzieje Teodora Morawskiego*,—praca źródłowa i monograficzna tym czasem, szersze coras przybrała i przybiera rozmiary, starają się o dosięgnięcie zagranicy w dwóch kierunkach—uporządkowanego i krytycznego nagromadzenia źródeł, obrobienia wybitniejszych lub sporniejszych kwestyj dziejowych. Historyi polskiej kciąg XII, стр. IV.

[5]) Ср. всю брошюру г. *Смоленскаго* объ историческихъ школахъ въ Польшѣ. Въ числѣ критиковъ Бобржинскаго былъ и Генрихъ Шмиттъ.

нихъ имѣли случаи высказывать свое мнѣніе объ этихъ дѣлахъ мимоходомъ, не посвящая имъ отдѣльныхъ сочиненій, и конечно, собрать все, что говорилось такимъ образомъ о Польшѣ въ XVIII вѣкѣ различными писателями, было бы очень трудно. Вовторыхъ, о польскихъ дѣлахъ писали еще въ видѣ политическихъ совѣтовъ цѣлые трактаты, по приглашенію самихъ поляковъ, видные публицисты прошлаго столѣтія. Втретьихъ, послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой по собственному почину или по стороннему внушенію нѣкоторые писатели стали составлять историческія описанія событій, приведшихъ къ концу Польское государство.

Мы остановимся вкратцѣ на отношеніи ко всѣмъ этихъ дѣламъ нѣсколькихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, которые были руководителями и выразителями тогдашняго общественнаго мнѣнія Европы. Извѣстный клерикальный писатель нашего столѣтія, Вёльо, обвиняетъ философію XVIII вѣка въ томъ, что и она участвовала въ польскихъ раздѣлахъ [1]). Вѣрно въ этомъ взглядѣ то, что общественное мнѣніе Европы, руководимое философами, было сначала, какъ извѣстно, за союзъ, образовавшійся между Россіей и Пруссіей въ пользу польскихъ диссидентовъ, коимъ отказывали въ вѣротерпимости. Далѣе, можно еще сослаться въ частности на Вольтера, находившагося въ перепискѣ съ главными дѣятелями перваго раздѣла Рѣчи Посполитой [2]). На отношеніе его къ польскимъ дѣламъ уже указывали историки этого событія. „Вольтеръ", говоритъ Ферранъ,—„въ своемъ посланіи къ барскимъ конфедератамъ, представляетъ польскія смуты, какъ религіозныя войны, и говоритъ, что сосѣди вступили въ Польшу по праву, которое имѣютъ входить въ домъ сосѣда, когда въ немъ пожаръ" [3]). Извѣстно еще, что къ Фридриху II онъ писалъ: „Говорятъ, что раздѣлъ Польши—ваше дѣло, и я этому охотно вѣрю, потому что это—вещь геніальная". То, что ду-

---

[1]) „La Russie, la Prusse, l'Autriche ne furent pas seules coupables du meurtre de la Pologne: une quatrième puissance y a contribué non moins cruellement et en quelque sorte odieusement que les autres: c'est la philosophie du XVIII siècle. Elle a pressenti le crime, elle l'a conseillé, elle y a participé". *Veuillot*. Mélanges, III, 282. Цитировано у *Laurent*. Études sur l'histoire de l'humanité. XI, 350—351.

[2]) За приведенными словами у *Veuillot* идетъ обвиненіе Вольтера: L'homme qui la représenta, qui parla en son nom, qui stipula pour et qui reçut sa part, ce fut Voltaire. Il eut un cadeau de Frédéric, un sourire de Catherine.

[3]) Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820. III, 584.

малъ или, по крайней мѣрѣ, высказывалъ Вольтеръ, было обобщено и распространено вообще на всѣхъ философовъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ, нужно различать отдѣльныхъ писателей и разныя эпохи въ исторіи западно-европейскаго общественнаго мнѣнія по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Между тѣмъ, и очень еще недавно, одинъ солидный польскій историкъ, спеціально занимавшійся этою эпохой, приписалъ писателямъ XVIII вѣка одно общее и притомъ крайне неблагопріятное мнѣніе о польской націи. „Европа", говоритъ указанный историкъ паденія Польши, г. Корзонъ,—„смотрѣла равнодушно, безъ всякаго протеста на раздѣлъ государства нѣкогда славнаго и цвѣтущаго, объявивъ весь народъ глупымъ, бездѣятельнымъ (niedołężnym) и подлымъ. Такъ-называемые тогдашніе философы нашли для нея только слова брани [1])". Въ сущности дѣло было не совсѣмъ такъ, и мы это увидимъ сейчасъ изъ краткаго обзора, который теперь сдѣлаемъ.

Кромѣ Вольтера, о польскихъ дѣлахъ высказалъ свое мнѣніе и Монтескье. Нѣсколько краткихъ замѣчаній о польскихъ порядкахъ при Саксонскихъ короляхъ можно найдти именно въ его „Духѣ законовъ". Напримѣръ, въ третьей главѣ второй книги, гдѣ авторъ говоритъ о законахъ, относящихся къ сущности аристократіи, дѣлается общее замѣчаніе о томъ, что чѣмъ болѣе аристократія приближается къ демократіи, тѣмъ она совершеннѣе, и что, на оборотъ, она дѣлается менѣе совершенною по мѣрѣ приближенія своего къ монархіи. „Самая же несовершенная изъ всѣхъ аристократій", продолжаетъ Монтескье,—„есть та, гдѣ часть народа, которая повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ, какова аристократія въ Польшѣ, гдѣ крестьяне—рабы дворянства". Въ знаменитой XI-й книгѣ „Esprit des lois" пятая глава трактуетъ „о предметѣ разныхъ государствъ": для Польши таковымъ Монтескье называетъ „независимость каждаго частнаго лица и, что̀ отсюда проистекаетъ, притѣсненіе всѣхъ". То-есть, вообще авторъ „Духа законовъ" былъ, дѣйствительно, не очень лестнаго мнѣнія о польскомъ государственномъ устройствѣ, и таково было въ его время общее мнѣніе.

Монтескье не пришлось видѣть „начала конца" Рѣчи Посполитой. Но и послѣ перваго раздѣла Польши отношеніе къ ней не

---

[1]) *T. Korzon.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1885—1886. IV, 643.

измѣнилось: политику дворовъ, разбиравшихъ это государство по частямъ, однако не одобряли; въ самомъ же фактѣ все-таки видѣли естественное слѣдствіе внутреннихъ причинъ, доводившихъ Польшу до разложенія, вслѣдствіе чего къ полякамъ стали иногда проникаться жалостью. Еще большее сочувствіе къ ихъ падающему государству явилось послѣ конституціи 3-го мая, войны 1792 г., втораго раздѣла, возстанія 1794 г. и окончательнаго исчезновенія Рѣчи Посполитой съ политической карты Европы. Въ видѣ примѣра перваго отношенія можно привести слова Рэйналя, писавшаго въ промежутокъ между первымъ и вторымъ польскими раздѣлами.

„Польша", говоритъ этотъ писатель,—„Польша, которая, имѣя внутри себя только народъ рабовъ, заслуживаетъ того, чтобы внѣ себя находить лишь однихъ притѣснителей,—сохраняетъ однако тѣнь и имя свободы. Она (по отношенію къ внутреннему устройству) въ настоящее время представляетъ изъ себя то, чѣмъ были всѣ европейскія государства десять вѣковъ тому назадъ" [1]). Въ польскомъ государственномъ строѣ онъ видитъ именно полное господство феодализма, профанацію имени республики, лигу мелкихъ деспотовъ противъ народа, а сеймъ называетъ горстью тирановъ. Изобразивъ въ немногихъ словахъ польскія смуты, Рэйналь замѣчаетъ, что „какой бы оборотъ ни принимали дѣла, судьба народной массы не испытываетъ отъ этого никакой счастливой перемѣны" [2]). Извнѣ Польша слаба, и если сосѣди не воспользовались ея слабостью, то лишь вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. „Особыя обстоятельства ихъ соединили", говоритъ далѣе авторъ.—„Нашимъ временамъ было предназначено видѣть, какъ это государство разрывалось тремя соперничающими державами, которыя присвоили себѣ наиболѣе для нихъ подходящія провинціи, при чемъ ни одинъ европейскій монархъ не пошевелилъ даже пальцемъ, чтобы помѣшать вторженію. Среди безопасности мира, безъ права, безъ предлога, безъ основаній, безъ тѣни справедливости этотъ переворотъ былъ сдѣланъ примѣненіемъ ужаснаго принципа силы, который, къ несчастью, есть лучшій аргументъ королей." Впрочемъ, Рэйналь ожидаетъ и хорошаго результата отъ раздѣла. „Да будетъ угодно небу, восклицаетъ онъ, чтобы преступленіе честолюбія обратилось на пользу человѣчеству, и чтобы муд-

---

[1]) *Raynal*. Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes. Genèwe. 1782. X, 36.

[2]) Ibid., 37.

рымъ возвращеніемъ къ добрымъ принципамъ здравой политики узурпаторы разбили цѣпи самой трудолюбивой части своихъ новыхъ подданныхъ! Народъ этотъ, сдѣлавшись менѣе несчастнымъ, будетъ развитѣе, дѣятельнѣе, лучше расположенъ и болѣе вѣренъ по отношенію къ правительству" [1]).

По вѣрному замѣчанію одного новѣйшаго историка, „польская революція 1791 г. имѣла рѣдкую привилегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи, и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ" [2]). Дѣйствительно, конституція 3-го мая сразу измѣнила европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Знаменитый Бёркъ, видѣвшій вообще въ раздѣлѣ Польши гибель политической системы, которая до того времени охраняла независимость Европы [3]), превознесъ похвалами конституцію 3-го мая въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей [4]). Съ своей стороны и Фоксъ въ краснорѣчивой парламентской рѣчи 18-го февраля 1793 г. восхвалялъ конституцію 3-го мая и оплакивалъ судьбу Польши [5]). Томасъ Пэнъ, не придавая большого значенія самой конституціи, признавалъ однако, что польское правительство хотѣло дать примѣръ исправленія своихъ недостатковъ [6]). Далѣе, Мэкинтошъ, бывшій оппонентомъ Бёрка въ пониманіи французской революціи, видѣлъ въ раздѣлѣ Польши убійство націи. Онъ находилъ, что этому дѣлу можно было бы помѣшать, такъ какъ оно произошло не сразу, и „Англія съ Франціей", говоритъ онъ,—„имѣли бы за себя всѣхъ государей, потому что всѣмъ одинаково угрожало покушеніе, отдававшее судьбу націй господству силы" [7]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „убійца не можетъ предвидѣть зла, которое произойдетъ отъ его преступнаго дѣла; онъ убиваетъ силу, назначеніе коей извѣстно единому Богу. Что же будетъ, если это—цѣлая нація, которая погибаетъ отъ злодѣйскаго покушенія? . . . . . Убить націю есть преступленіе про-

---

[1]) *Raynal*, 38.

[2]) *A. Sorel*. L'Europe et la révolution française. P. 1887. II, 215.

[3]) *Burke* въ Annual Register 1772 г. Приведено у *Laurent*. O. c., XI, 352.

[4]) См. длинную выписку на стр. 249—252 перваго тома книги Vom Entstehen und Untergange der poln. Constitution vom 3-ten May 1791. Ср. краткое примѣч. у *Лелевеля* (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. VI. Panowanie St. Aug. Poniatowskiego, 217.)

[5]) Vom Entstehen etc. I, 252-253. *Lelewel*. O. c., 217.

[6]) Vom Entstehen etc. I, 253.

[7]) *Edinburgh Review*. Selections, IV, 42 (*Laurent*, XI, 353).

тивъ человѣчества. Съ точки зрѣнія политики это столь же виновное дѣяніе" [1]). Мэкинтошъ, какъ и Бёркъ, оплакиваетъ гибель европейскаго равновѣсія: „съ 1772 года", говоритъ онъ,—„международное право сдѣлалось пустымъ словомъ, ибо царствуетъ насиліе".

Кромѣ того, сочувствіе къ Польшѣ по поводу конституціи 3-го мая и судьбы послѣдней было высказано аб. Сійесомъ, Вольнеемъ, членомъ конвента Garran de Coulon и др. [2]).

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно ясно видѣть, что приписывать философамъ XVIII в. однообразное отношеніе къ тогдашнимъ польскимъ дѣламъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, цитированные мною Вёльо и г. Корзонъ, положительно не приходится. Это разъ. Вовторыхъ, и тѣ немногіе примѣры, которые были приведены, даютъ намъ до нѣкоторой степени возможность познакомиться съ исторіей общественнаго мнѣнія на Западѣ по польскому вопросу и сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, какое образовалось у самихъ поляковъ относительно причинъ ихъ политической гибели: это очень важно, ибо предопредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ какой и на Западѣ должны были писаться первыя исторіи раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Собирая вмѣстѣ приведенныя и имъ подобныя мнѣнія западныхъ писателей и политическихъ дѣятелей о Польшѣ, мы во всей совокупности этихъ мнѣній находимъ три существенные пункта. Первый—порицаніе старо-польскихъ порядковъ, то-есть, анархіи въ политическомъ отношеніи (напримѣръ, у Монтескье), угнетенія народной массы въ соціальномъ (напримѣръ, у Рэйналя) и духа нетерпимости въ религіозномъ (напримѣръ, у Вольтера). Отсюда дѣлается выводъ, что Польша заслужила свою судьбу. Другой пунктъ—порицаніе политики державъ, дѣлившихъ Польшу: если въ самомъ началѣ диссидентскаго вопроса независимое общественное мнѣніе было за союзъ Екатерины II и Фридриха II, то когда изъ этого союза вышелъ первый раздѣлъ, это мнѣніе отнеслось къ нему неодобрительно, хотя и было признано, что поляки пострадали заслуженно. Третій пунктъ—сочувствіе возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, вѣра въ это возрожденіе, а затѣмъ и негодованіе на то, что ему помѣшали. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ независимый взглядъ на паденіе Польши, образовавшійся на Западѣ, до извѣстной степени со-

---

[1]) *Ed. B.* Sel., IV, 45 (*Laurent*, XI, 353).

[2]) Vom Entstehen etc. I, 254. *Lelewel*, 218. *Garran de Coulon* написалъ Recherches politiques sur la Pologne. 1794.

впалъ съ тѣмъ общимъ представленіемъ, какое составилось обо всемъ дѣлѣ въ польскомъ обществѣ.

Ко второй категоріи авторовъ, писавшихъ о Польшѣ, нужно отнести тѣхъ, которые посвятили ей цѣлыя сочиненія. Таковы были, главнымъ образомъ, аббатъ Мабли, составившій цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ „О правительствѣ и законахъ Польши", и Жанъ-Жакъ Руссо, издавшій также „Разсужденіе о польскомъ правительствѣ". Оба названныя сочиненія обязаны своимъ происхожденіемъ просьбѣ польскихъ патріотовъ, доставившихъ знаменитымъ французскимъ публицистамъ и необходимый матеріалъ для такой работы, и свои собственныя соображенія.

„Мы"—такъ начинаетъ Мабли свое сочиненіе, обращаясь къ гр. Вельгорскому [1]) — „мы часто разговариваемъ, графъ, о несчастіяхъ, удручающихъ ваше отечество, мы отыскиваемъ ихъ причины, такъ какъ ваше стремленіе къ общему благу заставляетъ васъ искать лѣкарства, полезнаго для вашихъ согражданъ, а разъ вы этого желаете, я сообщу вамъ свои размышленія. Я очень желалъ бы, чтобъ они были въ состояніи принести какую-либо пользу націи, которую могли сдѣлать несчастною недостатки ея правленія, но которая, боясь рабства и любя свободу, быть можетъ, еще способна отказаться отъ своихъ предразсудковъ и исправить свои ошибки. Еслибы вы мнѣ сказали о вашихъ соотечественникахъ то, что говорилъ Титъ Ливій о современныхъ ему римлянахъ: nec vitia nostra, nec remedia pati possumus, вы должны были бы рѣшиться на то, чтобы видѣть гибель своей республики. Любовь къ свободѣ, любовь къ отечеству, презрѣніе къ смерти, храбрость, терпѣніе, ваши конфедераціи, на которыя вы возлагаете такія надежды,—ничто изъ всего этого не помѣшаетъ вамъ пасть.... Но еще не все потеряно, если правда, какъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ, что ваши вельможи, начиная понимать, что ихъ благосостояніе не удержится, если республика рухнетъ, теперь уже менѣе предаются взаимной непріязни и обнаруживаютъ болѣе способности къ сближенію" [2]).

---

[1]) Abbé de *Mably*. Du gouvernement et des lois de la Pologne. A. M. le comte Wielhorski. Цитуемъ по изданію Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Toulouse. 1793. Tome XI. Объ этомъ политическомъ писателѣ, нѣсколько позабытомъ исторической литературой, есть французская книга проф. Моск. унив. *В. И. Герье.*

[2]) *Mably*, 1—3.

Единственное спасеніе видитъ Мабли въ „мудромъ правленіи“: „конфедераты“ (барскіе), говоритъ онъ,—„убѣждены въ этой истинѣ, и они надѣются, что ихъ отечество, наученное несчастьями, произведетъ у себя реформу. Я охотно желалъ бы вѣрить этому съ вами, но позвольте мнѣ сказать вотъ что: эти надежды изчезнутъ, если въ минуту заключенія мира, сеймикамъ и общему сейму не будетъ представлена совсѣмъ готовая система правленія“ [1]). Что безъ реформы Польша погибнетъ, эта мысль проходитъ черезъ весь трактатъ Мабли [2]), а онъ однако вездѣ даетъ понять, какъ трудна эта реформа, по его мнѣнію. „Сказать ли мнѣ“, объявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„что по счастью или несчастью слишкомъ серьезное изученіе переворотовъ, которые испытывали народы, меня убѣдило, что ничто не встрѣчается такъ рѣдко и не бываетъ такъ трудно, какъ реформа націй?.... Не долженъ ли всякій знать, что характеръ полученный націей отъ старыхъ законовъ и старыхъ обычаевъ, долго еще борется противъ нововведеній, принять которыя заставила ее политика.... Но даже, допуская, что произойдетъ счастливый переворотъ въ польскихъ нравахъ, я все-таки, графъ, еще боялся бы, какъ бы ваша республика не стала прозябать въ крайней слабости или, по крайней мѣрѣ, какъ бы не упустила случая извлечь все изъ своихъ силъ, пока она остается республикой дворянской. Взгляните, пожалуйста, въ какомъ уничиженіи держитъ ваше дворянство своихъ подданныхъ. Они, конечно, совсѣмъ не интересуются ни благополучіемъ вашимъ, ни вашими бѣдствіями; и еслибы они не были доведены до скотскаго состоянія (abrutis) своимъ невѣжествомъ и тяжестью своего рабства, они были бы открыто вашими врагами, и вы испытали бы возстанія рабовъ, которыя отчаяніе дѣлало иногда столь ужасными“ [3]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что авторъ сочиненія „О правительствѣ и законахъ Польши“ смотрѣлъ довольно-таки пессимистически на будущее Рѣчи Посполитой. Есть всѣ основанія полагать, что такой тонъ сочиненія Мабли не понравился полякамъ. Но идемъ далѣе. Разсмотримъ, въ чемъ этотъ политическій писатель видѣлъ главные недуги Польши. Взявшись дать полякамъ политическіе со-

---

[1]) *Mably*, 7. Cf. 8—9.

[2]) Cf. стр. 13—14, 27 и др. Замѣчательно, что авторъ стоитъ противъ крутыхъ переворотовъ, стр. 149 sq.

[3]) Ibid., 230—231.

вѣты, онъ въ началѣ своего трактата „начертываетъ въ двухъ словахъ исторію правленія и несчастій“ Польши [1]). „Польша“, говоритъ онъ,—„ускользнула отъ произвольной власти, только все чаще и чаще прибѣгая къ конфедераціямъ. Голоса покупались на сеймахъ, и чтобы воспрепятствовать этимъ собраніямъ продать королю свободу націи, установили наконецъ liberum veto... Въ концѣ концовъ всѣ несчастья происходятъ отъ уничтоженія (anéantissement) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящаго veto... Начните же съ того, чтобъ установить законодательную власть, и дайте ей силу, которой ничто не могло бы сопротивляться“ [2]). Указывая на конфедераціи, единогласіе и liberum veto, какъ на самыя характерныя польскія учрежденія, Мабли высказываетъ о нихъ такое мнѣніе: „такимъ образомъ, чтобы избѣжать тираніи, ваша республика впала въ самую чудовищную анархію“ [3]). И въ liberum veto, и въ конфедераціяхъ онъ видитъ выгодныя стороны лишь потому, что само польское правленіе чудовищно: „это порокъ (vice), служащій палліативомъ противъ другаго порока“ [4]). Но недостаточно одной организаціи законодательной власти: нужно, продолжаетъ Мабли, „разрушить еще въ провинціяхъ духъ независимости и анархіи, который тамъ царствуетъ и который онѣ ревниво оберегаютъ“ [5]). Авторъ затронулъ здѣсь ненормальныя отношенія, существовавшія въ Польшѣ между сеймомъ и сеймиками. Переходя къ вопросу о королевской власти, онъ остроумно замѣчаетъ, что поляки для униженія короля возвысили министровъ, а противъ нихъ придумали „гражданскую войну“, то-есть, конфедераціи [6]). Самую королевскую власть онъ совѣтуетъ сдѣлать наслѣдственною, указывая на подкупъ и застращиванія, рѣшающіе выборъ королей. „Избраніе“, говоритъ онъ,—„ведетъ за собою дурное царствованіе, а дурное царствованіе подготовляетъ ошибочное избраніе“. Но наслѣдственному королю Мабли оставляетъ мало дѣйствительной власти [7]). Что ка-

[1]) *Mably*, 11 sq.

[2]) Ibid., 12—13.

[3]) Ibid., 17.

[4]) Ibid., 31. Je n'ai pas étudié votre histoire, monsieur le comte, mais il me semble, qu'il suffit de connoître vos confédérations et votre *veto*, pour être convaincu que vous êtes dans la plus parfaite anarchie, 48.

[5]) Ibid., 34.

[6]) Ibid., 55.

[7]) Ibid., 59—60. Любопытно, что Мабли находитъ слишкомъ много власти

сается до соціальныхъ отношеній, то Мабли высказывается объ ихъ реформѣ очень осторожно, съ оговорками въ родѣ: „если возможно", „нѣтъ времени думать о такихъ установленіяхъ" [1]). Только о крѣпостномъ состояніи крестьянъ онъ говоритъ рѣшительнѣе [2]). Диссидентскій вопросъ даже совсѣмъ не былъ разсмотрѣнъ авторомъ. Мабли касается и разныхъ важныхъ подробностей государственной жизни, отмѣчая отсталость Польши въ весьма различныхъ отношеніяхъ. „Я слышалъ", говоритъ онъ,—„отъ иностранцевъ, что полиція въ вашемъ отечествѣ не лучше татарской" [3]). —„У васъ нѣтъ ни искусствъ, ни мануфактуръ, ни рабочихъ. Вы смотрите на евреевъ, какъ на своихъ рабовъ, а я уже бралъ на себя смѣлость утверждать, что они—господа Польши" [4]). — „Пора, чтобы философія проникла наконецъ въ Польшу и изгнала изъ вашихъ университетовъ жалкую систему, болѣе опасную, чѣмъ невѣжество" [5]). —„Войска теперь въ Польшѣ такъ же дурно устроены, какъ въ Европѣ три вѣка тому назадъ... Въ то самое время, какъ всѣ націи начали дисциплинировать своихъ солдатъ и воевать при помощи ученой методы, которой мы удивляемся у древнихъ, одна Польша не выходила изъ своего стараго варварства" [6]). Мѣстами встрѣчаются у Мабли и далеко не лестныя мнѣнія о господствующемъ сословіи, то-есть, о шляхтѣ. „Что касается до меня", говоритъ онъ,—„признаюсь вамъ, я не могу видѣть безъ нѣкотораго рода страха это многочисленное дворянство, властительное, хотя и униженное, то-есть, дерзкое, мстящее на народѣ за уничиженіе, съ какимъ оно ползаетъ въ ногахъ вельможъ, коихъ оно ненавидитъ,—полное своихъ старыхъ предразсудковъ, незнакомое съ обязанностями гражданина" [7]). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ сомнѣніе въ силѣ польскаго патріотизма [8]). Пред-

---

у Англійскаго короля и пророчитъ парламенту гибель, 70, 72, 74, 113—114, 128—129. Онъ рекомендуетъ подражать шведамъ, 75, 77, 105, 292 (cf. у *Rousseau* въ сочиненіи, о которомъ ниже, такіе же отзывы объ Англіи, стр. 434, 439, 444, 446, 457, 470 и др.).

[1]) *Mably*, 170, 171.

[2]) Ibid., 231 sq.

[3]) Ibid., 185.

[4]) Ibid., 189.

[5]) Ibid., 191.

[6]) Ibid., 196—197.

[7]) Ibid., 41. Другія подобныя характеристики шляхты, стр. 37, 125.

[8]) Si j'osais le dire, cette indifférence des plus grands personnages de la répu-

водителей Барской конфедераціи онъ прямо обвиняетъ въ нерѣшительности и бездѣйствіи [1]). Замѣчательна еще звучащая иногда нота вѣжливаго сомнѣнія въ томъ, что̀ автору сообщали барскіе конфедераты, бывшіе не прочь, по видимому, прихвастнуть относительно возможности хорошаго оборота дѣлъ,—въ такомъ случаѣ Мабли оговаривается: „если только это правда, въ чемъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ", „я готовъ вѣрить этому вмѣстѣ съ вами" и т. д. [2]), но сами эти оговорки очень плохо прикрываютъ сквозящее въ нихъ сомнѣніе.

Мабли не ограничился указаніемъ на явленія внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, онъ обратилъ вниманіе и на ея международное положеніе. Поляки, какъ мы видѣли, говорили, что Польша стоитъ безнарядьемъ, и это было вѣрно, по скольку каждая изъ сосѣднихъ державъ зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы другія не поживились на счетъ слабаго польскаго государства. Въ соперничествѣ державъ шляхта видѣла гарантію своей безопасности, и такъ, дѣйствительно, было до поры, до времени. Авторъ разсматриваемаго трактата предостерегаетъ поляковъ отъ слишкомъ большой безпечности въ этомъ отношеніи, и его соображенія, касающіяся даннаго вопроса, сто̀итъ отмѣтить. „Я", говоритъ онъ,—„хорошо это вижу, графъ: ваши соотечественники слишкомъ расчитываютъ на силу равновѣсія, которое, по ихъ словамъ, управляетъ Европой и не позволяетъ, чтобы ихъ притѣсняли. Беру на себя смѣлость доказать вамъ, что эта политика равновѣсія не что иное, какъ химера" [3]). Не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ равнодушіе Европы къ несчастьямъ Польши? Если Россія сдѣлаетъ попытку подчиненія Польши, кто можетъ поручиться, что Европа будетъ въ состояніи этому воспротивиться? Пока Польша не можетъ быть по крайней своей слабости полезна своимъ союзникамъ, кто станетъ жертвовать за нее своими интересами? „Всякая нація, которая не можетъ держаться собственными силами, не будетъ вѣчно держаться силами своихъ союзниковъ" [4]). Въ другомъ

---

blique me persuaderoit que l'amour de la patrie n'est qu'un sentiment bien foible en Pologne, et qu'il n'a pas formé toutes ces confédérations qui se sont vantees de s'armer pour défendre la liberté". 118—119.

[1]) *Malbi*, 310 sq.

[2]) Ibid., 3, 7 и др.

[3]) Ibid., 80.

[4]) Ibid., 81.

мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Если мнѣ позволено свободно выразить свою мысль, я признаюсь, что меня удивляетъ, какимъ образомъ Польша уже не сдѣлалась провинціей Россіи“ [1]). Съ другой стороны, онъ указываетъ и на то, что „если Австрійскій домъ не воспользовался безпорядками польской анархіи, чтобы подчинить себѣ Польшу или, по крайней мѣрѣ, добиться въ ней вліянія, какимъ пользуется Россія, то Польша обязана этимъ только важнымъ дѣламъ, коими Австрія два вѣка была занята на югѣ Европы“ [2]). Мабли еще не предвидитъ опасности отъ Пруссіи и за союзъ съ нею—противъ Россіи, конечно,—совѣтуетъ уступить Прусскому королю кое-какія земли. Въ это время Екатерина вела первую свою войну съ Турціей: „Еслибы“, говоритъ Мабли,—„она окончила эту войну, принудивъ султана васъ покинуть, для Польши не осталось бы болѣе никакихъ рессурсовъ.... Вѣнскій и берлинскій дворы не суть ваши враги, какъ дворъ русскій; но они и не друзья ваши: до сихъ поръ не дѣлали вамъ ни добра, ни худа. Конечно, у нихъ есть свои причины любить вашу анархію: для нихъ такъ удобно имѣть подъ бокомъ сосѣда, котораго нечего бояться“ [3]). Вѣнскій дворъ онъ совѣтуетъ ублаготворить установленіемъ наслѣдственной короны и выборомъ пріятнаго ему лица на наслѣдственный польскій престолъ, а съ Прусскимъ королемъ „можно было бы вступить въ переговоры и купить его согласіе (на реформу), предоставивъ ему кое-какія земли, которыя будутъ для него подходящи и которыя вамъ самимъ никоимъ образомъ ненужны, чтобы образовать счастливую и уважаемую республику“ [4]).

Мемуаръ Мабли, написанный по просьбѣ барскихъ конфедератовъ[5]), былъ сообщенъ гр. Вельгорскимъ многимъ лицамъ, которыя письменно сдѣлали на него замѣчанія. Послѣднія были переданы автору и, возражая на нихъ, онъ написалъ вторую часть своего трактата. „Мнѣ кажется“, говоритъ Мабли,—„я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, что очень часто ихъ авторы разсматриваютъ общее благо только по отношенію къ своимъ частнымъ интересамъ.

---

[1]) *Mably*, 89.
[2]) Ibid., 97—98.
[3] Ibid., 288.
[4] Ibid., 289.
[5] Peut-être, говоритъ Мабли въ первой части,—monsieur le comte, que la publication de ce mémoire que les confédérés m'ont fait l'honneur de me demander, ne seroit pas entièrement inutile. Ibid., 162.

Они судятъ о недостаткахъ и безпорядкахъ республики только по тому злу, какое испытали лично, либо по отношенію къ своимъ землямъ“ [1]). Но это мимоходомъ. Укажемъ на главныя возраженія, сдѣланныя аббату Мабли.

Прежде всего возстали противъ его мнѣнія, что польскій государственный строй никуда не годится. Сущность этого возраженія сводилась къ тому, что „законы хороши, и что всѣ безпорядки, жертвою коихъ стала Польша, нужно приписать испорченности нравовъ“ [2]). Но откуда эта испорченность? По мнѣнію Мабли, она обусловлена въ концѣ концовъ все-таки худымъ законодательствомъ [3]). Далѣе, одинъ изъ оппонентовъ находилъ, что Польша вовсе не нуждается въ общей реформѣ, что достаточно было бы частныхъ мѣръ, которыя проводились бы при случаѣ и по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ [4]). Возразивъ противъ этой мысли по существу [5]), Мабли совѣтуетъ пользоваться зарождающеюся среди поляковъ мыслью о крайнемъ несовершенствѣ ихъ политическаго быта и о необходимости реформы. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„еслибы урокъ, который получаетъ Польша, не былъ въ состояніи открыть ей глаза и излѣчить ее отъ ея предразсудковъ, нужно было бы согласиться, что только одна полная гибель будетъ въ состояніи научить поляковъ объ ихъ ошибкахъ“ [6]). Въ дальнѣйшемъ авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ болѣе частныя замѣчанія о королевскихъ прерогативахъ, о veto, о конфедераціяхъ, объ избирательности престола и т. д.

Мы оставили въ сторонѣ самые совѣты Мабли полякамъ, хотя объ одномъ изъ нихъ—объ установленіи наслѣдственной монархіи и пришлось упомянуть. Изложеніе этихъ совѣтовъ не входитъ въ нашъ планъ, по скольку цѣль наша—представить, какъ понимались въ разное время и разными лицами причины упадка Рѣчи Посполитой. Совѣты Мабли не внушили большаго довѣрія тѣмъ, кто за ними

---

[1]) *Mably*, 238—239.
[2]) Ibid., 239.
[3]) Ibid., 240 sq.
[4]) Ibid., 247.
[5]) Tant que je n'aurai pas un plan fixé et arrêté de législation, comment jugerai-je que la loi que je porte aujourd'hui ne nuira pas à celle que je croirai important de publier demain? Ibid., 249.
[6]) Ibid., 253. Ср. аналогичную мысль въ концѣ второй главы II части, стр. 246.

къ нему обращался, и точно такое же предложеніе было сдѣлано въ 1771 году Руссо [1]). Отвѣтомъ на это были его „Considérations sur le gouvernement de Pologne". Къ анализу этого трактата мы теперь и приступимъ, выдѣливъ при этомъ изъ него все существенное для характеристики общаго взгляда Руссо на польскія дѣла и оставивъ въ сторонѣ какъ преподанные полякамъ совѣты, такъ и все, что̀ относится къ политической философіи самого Руссо.

„Читая исторію польскаго правленія"—почти съ этихъ словъ начинаетъ Руссо свои разсужденія—„съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ долго" [2]). Не смотря на такое заявленіе, Руссо совѣтуетъ однако полякамъ держаться своей конституціи. „Храбрые поляки", восклицаетъ онъ,—„остерегайтесь! Какъ бы не испортить своего положенія изъ-за слишкомъ большого желанія блага. Думая о томъ, что̀ вы хотите пріобрѣсти, не забывайте того, что̀ вы можете потерять. Исправьте, если возможно, злоупотребленія своей конституціи, но не презирайте ее, сдѣлавшую васъ тѣмъ, чѣмъ вы есть" [3]). Свое заявленіе о томъ, что нужно удивляться существованію Польши, Руссо объясняетъ гораздо дальше, именно въ началѣ III главы. „Польша", говоритъ онъ здѣсь,—„государство большое, окруженное еще болѣе значительными государствами, которыя, благодаря своему деспотизму и военной дисциплинѣ, имѣютъ большую наступательную силу. Слабая, напротивъ, вслѣдствіе своей анархіи, она, не смотря на польскую храбрость, открыта со всѣхъ сторонъ для ихъ несправедливостей" [4]).

Первымъ радикальнымъ недостаткомъ польскаго устройства Руссо считаетъ обширность территоріи Рѣчи Посполитой: республиканское правленіе не годится, по его теоріи, для большаго государства. Объ этомъ можно было бы не упоминать, еслибы Руссо не высказалъ такой мысли, что Польшу полезно было бы обрѣзать: „быть можетъ", говоритъ онъ,—„ваши сосѣди думаютъ оказать вамъ эту услугу. Это было бы, конечно, великимъ зломъ для отдѣленныхъ частей, но за

---

[1]) *Джонъ Морлей.* Руссо. М. 1881. Стр. 441. Авторъ этой монографіи говоритъ, что въ „Considérations" нѣтъ ничего такого, о чемъ стоило бы распространяться. Согласиться съ этимъ нельзя. Полное заглавіе: „Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projettée". En avril. 1772.

[2]) Цитую по „Oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Paris. 1793. Tome premier contenant la politique". Приведенныя слова см. на стр. 404.

[3]) Ibid., 405. Cf. стр. 406.

[4]) Ibid., 412.

то было бы громаднымъ благодѣяніемъ для остальной націи" [1]). Другой недостатокъ польскаго устройства—существованіе въ республикѣ трехъ чиновъ (короля, сената и рыцарскаго сословія), когда одна только шляхта (если ужь не весь народъ) должна имѣть верховную власть [2]). И это опять имѣетъ болѣе отношенія къ собственной политической теоріи Руссо, нежели къ польской дѣйствительности. Но вотъ мѣсто, гдѣ „женевскій гражданинъ" прекрасно отмѣтилъ коренной недостатокъ польской конституціи. „Ослабленіе законодательства", говоритъ онъ,—„произошло въ Польшѣ совсѣмъ особеннымъ и, можетъ быть, безпримѣрнымъ образомъ: дѣло въ томъ, что оно потеряло свою силу, не бывши подчинено исполнительною властью. Въ настоящую еще минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она находится въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя надъ собою. Сейму также принадлежитъ верховенство, какъ и во время его установленія, и однако онъ безсиленъ; ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется (rien ne la domine, mais rien ne l'obéit). Это состояніе замѣчательно и заслуживаетъ размышленія" [3]). Организація исполнительной власти, которой не удалось въ Польшѣ подчинить себѣ власть законодательную, также имѣетъ крупные недостатки. „Исполнительная власть, раздѣленная между многими лицами, лишена гармоніи между своими частями и производитъ постоянныя судороги, несогласныя съ хорошимъ порядкомъ. Каждый носитель части этой власти становится, въ силу этой части, во всѣхъ отношеніяхъ выше магистратовъ и законовъ. Правда, онъ признаетъ авторитетъ сейма, но признавая только его, когда сеймъ распущенъ, онъ не признаетъ въ сущности никакого; онъ презираетъ суды и бравируетъ ихъ приговоры. Каждый изъ нихъ есть маленькій деспотъ, который, не похищая верховной власти въ буквальномъ смыслѣ слова, не упускаетъ случая притѣснять по одиночкѣ гражданъ и даетъ пагубный, находящій слишкомъ много подражателей примѣръ нарушенія, безъ совѣсти и страха, правъ и свободы частныхъ лицъ" [4]). Указываемъ на эти два мѣста, такъ какъ въ нихъ вѣрно схвачены двѣ главныя особенности польскаго госу-

---

[1]) *Rousseau*, 428.

[2]) Ibid., 429 sq. Въ этой же главѣ (VI) находится и знаменитое мѣсто объ освобожденіи крестьянъ.

[3]) Ibid., 433—434.

[4]) Ibid., 435.

дарственнаго строя, и обходимъ молчаніемъ предложенныя въ данныхъ отношеніяхъ Руссо реформы, чтобы перейдти прямо къ сдѣланному имъ анализу причинъ господствующей въ Польшѣ анархіи. Этому вопросу онъ посвящаетъ IX главу. „Презрѣніе къ законамъ", говоритъ онъ въ началѣ этой главы,—„и анархія, въ коихъ Польша жила доселѣ, имѣютъ бросающіяся въ глаза причины. Изъ нихъ я уже указалъ на главную прежде;.... другія, содѣйствующія ей, причины суть: 1) liberum veto, 2) конфедераціи и 3) злоупотребленіе частныхъ лицъ правомъ имѣть у себя на службѣ вооруженныхъ людей. Это послѣднее злоупотребленіе таково", продолжаетъ авторъ,—„что если не начать съ его отмѣны, всѣ остальныя реформы будутъ безполезны. По скольку частные люди будутъ имѣть возможность сопротивляться исполнительной силѣ, по стольку они будутъ считать себя въ правѣ это дѣлать, а пока между ними будутъ маленькія войны, какъ хотите вы, чтобы государство пользовалось миромъ?" [1]). Что касается до liberum veto, то Руссо считаетъ его вовсе не дурнымъ установленіемъ, но „лишь только оно переступаетъ свою границу, оно дѣлается опаснѣйшимъ изъ злоупотребленій: оно представляло собою гарантію общественной свободы, но въ настоящее время оно только орудіе притѣсненія." По отношенію къ нему Руссо рекомендуетъ нѣкоторыя реформы [2]). Столь же осторожно онъ относится къ конфедераціямъ, совѣтуя только ихъ упорядочить и находя, что когда всѣ злоупотребленія изчезнутъ, конфедераціи сами собою сдѣлаются излишними [3]). Мы могли бы привести еще мѣсто, гдѣ говорится о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, еслибъ оно не было болѣе характернымъ для самого Руссо, чѣмъ для пониманія имъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой.

Общее впечатлѣніе отъ отношенія Руссо къ польскимъ порядкамъ гораздо болѣе для нихъ благопріятное, нежели впечатлѣніе,

---

[1]) *Rousseau*, 461. На это указывалъ и Мабли. Je vois avec chagrin, говоритъ онъ,—un vice énorme dans votre constitution. Je veux parler de ces espèces de souverainetés que se sont faites quelques seigneurs. Ils ont des forteresses, et y tiennent une garnison qui ne dépend que d'eux. Vos lois ont toléré cet abus, ou parce qu'elles ne pouvaient le réprimer, ou etc.... Mais la société est menacée des plus grands dangers quand un citoyen est assez fort par lui-même pour ne pas craindre la loi. O. c., 206.

[2]) *Rousseau*, 462.

[3]) Ibid., 466 sq.

какое оставляетъ по себѣ сочиненіе Мабли о томъ же предметѣ [1]). Но и у него попадаются мѣста, какъ будто говорящія о безнадежномъ состояніи Рѣчи Посполитой. „Если"—сказано, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — „если Польша дошла уже до того, что все въ ней продажно и развращено до корня, то напрасно она пытается реформировать свои законы и сохранить свою свободу; нужно, чтобы она отъ этого отказалась и склонила голову свою подъ иго" [2]). Въ другомъ мѣстѣ, къ самому концу „Considérations", Руссо говоритъ: „Ну, а если не смотря на храбрость и твердость конфедератовъ и не смотря на справедливость ихъ дѣла, счастье и всѣ державы ихъ оставятъ и отдадутъ отечество его угнетателямъ........ Но я не имѣю чести быть полякомъ, и въ положеніи, въ какомъ вы находитесь, дозволяется подавать свое мнѣніе только своимъ примѣромъ" [3]).

Только что указанное благопріятное отношеніе Руссо къ принципамъ польскаго политическаго строя находитъ объясненіе въ томъ, что въ немъ женевскій философъ видѣлъ какъ бы осуществленіе своей теоріи о народовластіи. Поэтому и въ польскомъ обществѣ Руссо сдѣлался очень популяренъ. „Руссо", говоритъ Калинка, изслѣдовавшій его вліяніе на Польшу, — „приносилъ съ собою то, что находилъ у насъ, приходилъ къ своимъ, и свои его узнали. Было бы", прибавляетъ онъ,—„любопытною и заманчивою вещью разсмотрѣться поосновательнѣе въ столь великомъ количествѣ сходныхъ чертъ между „Общественнымъ договоромъ" Руссо и политическими парадоксами, которые высидѣлись въ шляхетскихъ головахъ въ эпоху нашей анархіи" [4]). Приведши нѣкоторыя мѣста изъ „Contrat social", польскій историкъ замѣчаетъ, что все это какъ бы политическій кодексъ изъ саксонскихъ временъ, и читая его, словно слышишь польскихъ сеймовыхъ пословъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Руссо требовалъ отъ единицы и абсолютнаго повиновенія государству [5]). Не смотря на все это, Руссо находитъ важные недостатки въ польской конституціи,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руссо критикуетъ политическіе совѣты Мабли не называя, впрочемъ, ихъ автора. См. стр. 436, 451, 456, 522, 525.

[2]) Ibid., 501.

[3]) Ibid., 526. О трактатѣ Руссо см. статью *Реппеля*, въ *Zft d. hist. Geselsch. für d. Prov. Posen*, 1887, № 3.

[4]) *Kalinka*. Sejm czteroletni. 1886. II, 411 (по 3 изд.).

[5]) Ibid., II, 451. Калинка страннымъ образомъ пропустилъ Мабли.

и то, что̀ онъ говоритъ о слабости законодательной власти и о̀ дурной организаціи власти исполнительной, совершенно вѣрно [1]).

Третью категорію западно-европейскихъ писателей, которыхъ мы должны включить въ свой обзоръ, составляютъ первые историки раздѣловъ Рѣчи Посполитой, излагавшіе дѣло по устнымъ разказамъ, газетнымъ извѣстіямъ, разнымъ публицистическимъ брошюрамъ и офиціальнымъ публикаціямъ и обсуждавшіе его съ точки зрѣнія наиболѣе распространенныхъ тогда взглядовъ [2]). Уже послѣ перваго раздѣла Польши на западѣ появилось нѣсколько сочиненій полупублицистическаго, полуисторическаго характера, имѣвшихъ значеніе въ свое время по своему вліянію на образованіе общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ относительно польскихъ дѣлъ, но въ настоящее время едва заслуживающихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что ихъ авторамъ иногда было достаточно нѣсколькихъ общихъ идей и общихъ мѣстъ, кое-какихъ отрывочныхъ знаній по исторіи Польши, да ходячихъ разказовъ о томъ, что̀ творилось съ этою страною, чтобы считать себя въ правѣ судить и рядить. Переходъ отъ этихъ писателей къ историкамъ XIX вѣка, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ на основаніи разработки архивныхъ матеріаловъ, представляютъ изъ себя два историка, сочиненія коихъ, не смотря на свой публицистическій характеръ, долгое время были чуть не единственными источниками по исторіи паденія Польши.

Я не думаю останавливаться подробно на многочисленныхъ пи-

---

[1]) Въ „Contrat social“ (кн. III, гл. VII) Руссо говоритъ, что раздѣленіе исполнительной власти на независимыя магистратуры, какъ въ Польшѣ, дурно: cette dernière forme est mauvaise, parce qu'il n'y a pas d'unité dans le gouvernement et que l'État manque de liaison.

[2]) Въ первой главѣ нашего обзора были уже названы: 1) сочиненія объ этомъ предметѣ, изданныя поляками на иностранныхъ языкахъ, 2) иностранныя сочиненія, основанныя на польскихъ источникахъ, и 3) переводы съ польскаго (1) *Łojko*, *Komarzewski*, *Łobarzewski*, *Woyda* и др.; 2) *Jaubert*, *K. Glave* и т. п., 3) Vom Entstehen und Untergange der polnischen Konstitution“, „Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution“ и пр.). Кромѣ того, во второй главѣ при разсмотрѣніи книги Лелевеля о царствованіи Станислава Августа приведены еще названія другихъ сочиненій, коими пользовался этотъ историкъ (*Wil. Coxe*, *Vioménil*, *Mehée*, *Zajączek*, *Pistor* и др.). Наконецъ, укажемъ на Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau. Berlin. 1795—1797 (польскій переводъ изданъ въ Дрезденѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: Polska w roku 1793 według podróży *Fryderyka Szulca*), *Wraxall*. Memoirs of the courts of Berlin, Dresden, Warsaw and Wienna in the years 1777—1779. London. 1800.

саніяхъ прошлаго вѣка, посвященныхъ паденію Польши. Какъ историческій источникъ, они имѣютъ большею частью значеніе самое маловажное, а ихъ взгляды, не отличаясь ни глубиною, ни оригинальностью, и вліянія особеннаго не имѣли на послѣдующую западно-европейскую исторіографію. Въ видѣ примѣра этой литературы можно привести здѣсь только кое-что. Прежде всего одинъ примѣръ того, съ какимъ плохимъ знаніемъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ брались иногда за обсужденіе польскихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ „Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ" [1]. „Событіе, о которомъ она повѣствуетъ, заслуживаетъ", по словамъ ея автора,—„всеобщаго вниманія: оно показываетъ намъ, что можетъ сдѣлать сила и какимъ опасностямъ всегда подвержено слабое правительство" [2]. Книжка представляетъ изъ себя очень бѣглый и поверхностный обзоръ польской исторіи и государственнаго устройства Рѣчи Посполитой; нѣсколько подробнѣе изложена исторія царствованія Станислава Понятовскаго, хотя и тутъ авторъ нерѣдко плохо знаетъ то, о чемъ пишетъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Екатерина вступилась „за польскихъ протестантовъ, которыхъ называютъ диссидентами", и не упоминаетъ ни единымъ словомъ [3] о православныхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что польская республика никогда не обижала протестантовъ, и если въ Европѣ была, оворитъ онъ,—нація вѣротерпимая, такъ это именно были поляки [4]. Подробное утвержденіе является у автора вовсе не изъ желанія защитить поляковъ во что бы то ни стало, потому что вообще этого желанія въ книжкѣ незамѣтно, но просто авторъ былъ мало знакомъ даже съ самыми важными фактами польской жизни. Онъ самъ заявляетъ о своемъ безпристрастіи, и на дѣлѣ его размышленія надъ судьбами Польши отличаются спокойствіемъ. „Каждому философу",— говоритъ онъ,—„который внимательно взвѣшиваетъ то, что мы изложили и что произошло чуть не на нашихъ глазахъ, есть о чемъ

[1]) La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera. 1775. A Varsovie et se trouve à Poitiers. Въ концѣ цензурное разрѣшеніе печатать, помѣченное изъ Парижа въ 1774 г. Сочиненіе это приписываютъ *Caraccioli* (1721—1803).

[2]) Ibid., часть первая, стр. V.

[3]) Ibid, II, 13. Ср. II, 21, 24 и др., гдѣ также рѣчь идетъ объ одномъ лютеранизмѣ.

[4]) Ibid, III, 13.

тутъ поразмыслить, будетъ ли это непостоянство дѣлъ человѣческихъ или способъ умаленія и увеличенія государствъ" [1]). И входя въ обсужденіе факта съ точки зрѣнія политической, а не съ такой отвлеченной, авторъ по прежнему остается спокойнымъ [2]). Значитъ, то, что̀ можно было бы приписать сознательному искаженію истины, объясняется тутъ просто ея незнаніемъ.

Съ другой стороны, были, конечно, сочиненія и основательныя, но въ наше время они большею частью утратили свою цѣну, да и на ближайшихъ даже къ той эпохѣ историковъ не оказали особаго вліянія. Въ видѣ примѣра я укажу здѣсь на одно нѣмецкое изданіе, которое можно разсматривать, какъ ученый комментарій къ конституціи 3-го мая. Именно въ годъ костюшковскаго возстанія (1794 г.) вышла въ Вѣнѣ книжка Франца Іосифа Іекеля подъ заглавіемъ „Изображеніе государственныхъ перемѣнъ въ Польшѣ" [3]), заключавшая въ себѣ краткую исторію государственнаго права Польши до конституціи 3-го мая включительно. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ изъ этой книжки введеніе въ болѣе обширный трудъ, который вышелъ въ шести частяхъ въ 1803—1814 годахъ подъ названіемъ „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи" [4]). Все сочиненіе получило характеръ анализа конституціи 3-го мая 1791 г. по отношенію къ коему роль введенія играетъ именно болѣе ранняя работа; самый же анализъ ведется такъ, что каждая часть „устава правленія" разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Напримѣръ, первая статья конституціи 3-го мая посвящена религіи, и вотъ авторъ разсматриваетъ исторію религіи въ Польшѣ, то-есть, исторію католической церкви и иновѣрныхъ исповѣданій (вся вторая часть). Также разбираются статьи конституціи о шляхтѣ, городахъ, крестьянахъ (III часть), о правительствѣ и сеймѣ, вслѣдъ затѣмъ начинается описаніе Польши въ физическомъ отношеніи (IV часть), представляющее переходъ къ исторіи польской торговли (V и VI части). Конецъ такимъ образомъ не вполнѣ подходитъ къ заглавію книги, такъ что послѣднія статьи конституціи остались не разобранными. Для насъ нѣкоторый интересъ можетъ еще представить первая часть

---

[1]) *Caraccioli*, II, 122.

[2]) Ibid., II, 123 sq.

[3]) *Franz Ios. Iekel.* Darstellung der Staatsveränderungen Pohlens. Wien. 1794.

[4]) *Franz Ios. Iekel.* Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Первыя три части—1803 г., четвертая—1806 г., пятая и шестая—1814 г.

болѣе общаго содержанія, которая была выпущена въ свѣтъ въ 1794 г. Въ ней первые 9 параграфовъ разсматриваютъ польскую исторію до смерти Августа III, а послѣдній (17-й) заключаетъ въ себѣ самый уставъ правленія 3-го мая. Такимъ образомъ на исторію царствованія Станислава Августа приходится семь параграфовъ, занимающихъ около 50 страницъ. Эпиграфъ на заглавномъ листкѣ введенія гласитъ:

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη · εἷς κοίρανος ἔστω
Εἷς Βασιλεύς,

—стихъ изъ Гомера, осуждающій многоначаліе во имя одного господина, одного царя. Самое однако содержаніе введенія имѣетъ чисто повѣствовательный и описательный характеръ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ два французскіе историческіе труда о польскихъ раздѣлахъ, долгое время, какъ было упомянуто, остававшіеся главными источниками, изъ коихъ черпали свои свѣдѣнія объ эпохѣ другіе историки [1]).

Первое изъ этихъ сочиненій есть знаменитая „Исторія анархіи въ Польшѣ и расчлененія этой республики" Рюльера [2]). Прежде всего два-три слова объ авторѣ. Получивъ образованіе у іезуитовъ, онъ 25 лѣтъ отъ роду попалъ въ секретари французскаго посольства въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ съ небольшимъ годъ, какъ разъ во время переворота, доставившаго престолъ Екатеринѣ II. Возвратившись въ Парижъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ описаніемъ этого переворота (Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'an-

---

[1]) Lange Zeit hindurch beherrschten Rulhière und sein Fortsetzer Ferrand die Auffassung über die Genesis des Theilungsvertrages. *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Vorwort, III. Лелевель въ предисловіи къ 3 изд. Panowania Stanisława Augusta, перечисляя сочиненія, коими пользовался, при указаніи на Феррана замѣчаетъ: dzieło najważniejsze, obejmujące ogół do końca, a poczytujące Rulhièra za swój wstęp. Кромѣ того, онъ особенно выдѣляетъ оба сочиненія изъ массы другихъ: w języku francuzkim najcelniejsze są do przytoczenia dzieła którymi się Francuzi, a mianowicie Rulhière i Ferrand dziejom ostatnich czasów Rzeczypospolitej przysłużyli.

[2]) *De Rulhière*. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. P. 1807. Ссылки дѣлаются у насъ по парижскому изданію 1819 г. въ четырехъ томахъ. Въ этомъ изданіи помѣщены еще: „notice historique sur la vie et les écrits de Rulhière", „extrait de la discussion qui s'éleva dans le sein de l'Institut de France au sujet de l'Hist. de l'anarchie de Pol." и знаменитые Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Это сочиненіе было издано еще въ Парижѣ въ 1863 г. въ трехъ томахъ.

neé 1762), и ему былъ открытъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда можно было бы почерпнуть матеріалъ для заказанной ему исторіи польской анархіи. Эта исторія назначалась въ буквальномъ смыслѣ ad usum delphini (въ 1768 г.). Ему хотѣли даже поручить секретную миссію въ Польшѣ, но дѣло не состоялось, и только черезъ восемь лѣтъ послѣ начала работы надъ польскою анархіей удалось Рюльеру побывать въ этой странѣ (1776 г.) и то въ качествѣ частнаго человѣка: онъ посѣтилъ Польшу, чтобы собрать кое-какія свѣдѣнія на мѣстѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ подготовлялъ Рюльеръ свою работу, и откуда онъ почерпалъ для нея матеріалъ: разборъ бумагъ министерства иностранныхъ дѣлъ и личныя сношенія съ французскими дипломатическими агентами на мѣстѣ должны были поставить его au courrant всего, что творилось въ Польшѣ. Работая надъ своимъ историческимъ трудомъ двадцать-два года, онъ такъ-таки его и не окончилъ; изданъ же былъ этотъ трудъ только черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти автора. Появленіе книги въ свѣтъ въ 1807 г. надѣлало много шуму, который еще болѣе увеличился, когда во французскомъ институтѣ не хотѣли ей присудить одинъ изъ такъ называемыхъ „grands prix décennaux", распредѣлявшихся въ 1810 году [1]).

Все сочиненіе Рюльера о польской анархіи раздѣляется на пятнадцать „книгъ", не имѣющихъ особыхъ заглавій [2]), но уже конецъ тринадцатой пришлось издателю возстановлять на основаніи оставшихся отъ автора замѣтокъ и набросковъ, такъ какъ самъ онъ не далъ окончательной обработки послѣдней части указанной книги; книги же XIV-я и XV-я существуютъ только въ видѣ краткихъ précis, въ значительной степени принадлежащихъ перу издателя, такъ что,

---

[1]) См. вышеуказанный „extrait de la discussion", занимающій въ изданіи 1819 г. около 125 стр. перваго тома (XLIII—CLXVI).

[2]) Въ I книгѣ излагается вкратцѣ польская, а во II русская исторія до Августа II и Петра Великаго. III книга охватываетъ событія въ Россіи и въ Польшѣ съ начала царствованія Екатерины I до начала семилѣтней войны, IV доводитъ параллельный разказъ о русскихъ и польскихъ дѣлахъ до вступленія на престолъ Екатерины II, книга V—до смерти Августа III, книга VI—до избранія Станислава Понятовскаго, VII—до диссидентской конфедераціи, VIII—до Барской конфедераціи, IX—до турецкой войны, книги X—XII обнимаютъ исторію этой войны и дальнѣйшихъ судебъ Барской конфедераціи, XIII посвящена австро-прусской политикѣ, XIV—продолженію разказа о Барской конфедераціи до похищенія короля, XV оканчивается первымъ раздѣломъ.

напримѣръ, сочиненіе оканчивается указаніемъ на событія 1794 г., которыхъ авторъ не могъ знать, такъ какъ умеръ въ 1791 году [1]).

Рюльеръ описывалъ современныя ему событія, разсматривая ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, обусловливавшимся и вліяніемъ на него тогдашняго общественнаго мнѣнія, и отношеніемъ къ Польшѣ со стороны Франціи. Своею цѣлью онъ прямо ставитъ изобразить „борьбу духа національной независимости противъ насилія чужеземнаго господства [2])“, и онъ не скрываетъ своего сочувствія къ полякамъ, тѣмъ болѣе, что системою правительства, коему онъ служилъ, было противодѣйствовать все болѣе и болѣе возроставшему вліянію Россіи на Рѣчь Посполитую. Отсюда его пристрастія, его симпатіи и антипатіи, идеализація польскихъ сторонниковъ Франціи и совсѣмъ иного рода отношеніе къ Станиславу Августу. Самая постановка вопроса внушена была Рюльеру его партійностью: при обсужденіи достоинствъ и недостатковъ его труда во французскомъ Институтѣ, извѣстный Дюпонъ де-Немуръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что „главный недостатокъ его плана“ заключается въ принятіи слѣдствія за причину: „если ему вѣрить“, говорилъ этотъ академикъ,—„именно вліяніе Россіи породило анархію въ Польшѣ, тогда какъ, на оборотъ, сама польская анархія, предшествовавшая возвышенію Россіи, дала послѣдней и поводъ, и средства къ развитію этого вліянія, а затѣмъ стала вводить и другихъ сосѣдей въ искушеніе подобнаго рода“ [3]). „Когда“, говоритъ еще тотъ же критикъ,—„князь Радзивиллъ и его конфедерація обращаются къ покровительству сначала Россіи, а потомъ Турціи, еще болѣе опасному, такъ какъ войска послѣдней безъ всякой дисциплины производятъ гораздо бо́льшія опустошенія, это происходитъ, по автору, изъ любви къ свободѣ, ради поддержанія старыхъ законовъ. Ихъ продажность, ихъ интриги, попытки, которыя дѣлаетъ въ Петербургѣ гр. Огинскій, ихъ раболѣпіе предъ иностранцами, у коихъ они вымаливаютъ помощь,—все это ему всегда кажется извинительнымъ. Онъ видитъ здѣсь только хорошія побужденія; онъ говоритъ о лицахъ, которыя такъ себя вели, какъ о гра-

---

[1]) Ainsi s'annonçaient, dès 1774, les envahissements nouveaux qui, vingt ans plus tard, devaient absorber la Pologne entière. IV, 253.

[2]) Выраженіе издателя въ „notice historique“, т. I, стр. XX.

[3]) Extrait du mémoire de M. Dupont de Nemours. Ibid., I, стр. LXI. Ниже мы приведемъ собственныя слова Рюльера, которыя находятся, по видимому, въ противорѣчіи съ такимъ обвиненіемъ, но критикъ вѣрно передаетъ общій тонъ книги.

жданахъ, исполненныхъ чести, высокихъ намѣреній (d'élévation) и добродѣтели. Но если король Понятовскій или его дяди пользуются русскою мощью, чтобы помочь установленію еще лучшихъ законовъ, необходимыхъ даже для самаго существованія республики, онъ видитъ въ нихъ лишь интригановъ и деспотовъ. Если большинство поляковъ остается спокойнымъ, если конфедераціи могутъ собрать только самыя незначительныя силы, это со стороны шляхты лишь необходимое благоразуміе, чтобы выждать болѣе благопріятное время, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Если, на оборотъ, король медлитъ, если онъ ждетъ, чтобъ улеглись страсти и истинная любовь къ отечеству привела всѣхъ къ единственно полезнымъ законамъ, которые позволили бы націи возвратить свою прежнюю силу извнѣ и управлять внутренними дѣлами, Рюльеръ обвиняетъ его въ нерѣшительности и въ трусости, за привязанность къ этимъ законамъ и къ этимъ учрежденіямъ, предложеннымъ его дядями, принятымъ его разумомъ и его сердцемъ.... Рюльеръ вынужденъ согласиться, что законъ объ единогласіи и разрывъ сеймовъ однимъ голосомъ дѣлали невозможнымъ какое бы то ни было правленіе, и что обычай оставлять тѣ незначительные финансы, какіе только были у поляковъ, въ произвольномъ распоряженіи великихъ казначеевъ и отдавать войска, притомъ безъ жалованія, на добрую волю великихъ гетмановъ—имѣлъ также весьма важныя неудобства. Но именно удерживаніе этого безпорядка онъ называетъ патріотизмомъ и добродѣтелью, а усилія помочь злу получаютъ у него названіе низости и тиранніи. Хотя онъ соглашается, что въ 1573 году совершенное равенство политическихъ правъ польской шляхты не было нарушено существованіемъ различія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, и что сами католики подразумѣвались въ формулѣ inter nos de religione dissidentes, тѣмъ не менѣе онъ порицаетъ некатоликовъ за то, что они потомъ протестовали противъ отмѣны политическихъ правъ, которыми они такъ долго пользовались и которыя были столь согласны съ естественнымъ правомъ" [1]). Другой академикъ, также высказавшій свое мнѣніе о книгѣ, именно Левекъ, отмѣтилъ другую сторону пристрастнаго изложенія Рюльера. „Когда Рюльеръ писалъ, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что Россія находится на канунѣ своей гибели... Рюльеръ непремѣнно хочетъ, чтобы русскіе были трусы" [2]) и т. п. Въ этомъ пристрастномъ отношеніи

---

[1]) Ibid., I, стр. LXII—LXIV.

[2]) Extrait des observations de M. Levesque. Ibid. I, стр. LXXXV—LXXXVI.

къ Россіи упрекали автора еще при жизни, когда онъ читалъ знакомымъ отрывки изъ своей книги. Въ 1788 или 1789 г., напримѣръ, академикъ Шабанонъ въ письмѣ къ Рюльеру говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Позвольте мнѣ сдѣлать общее замѣчаніе. Вы всегда изображаете русскихъ, какъ народъ подлый и достойный презрѣнія; вы показываете у поляковъ больше благородства, величія, дѣятельности; вы приписываете имъ патріотическія чувства и великую любовь къ свободѣ. Вы создаете среди нихъ великіе характеры, по истинѣ равные характерамъ древнихъ республикъ. Между тѣмъ во всемъ теченіи вашей исторіи, эти гордые и дѣятельные поляки находятся всегда подъ игомъ. Они всегда зависятъ отъ презрѣнныхъ тиранновъ, которымъ вы ихъ порабощаете.... Не боитесь ли вы возможности упрека въ томъ, что вы провозгласили великихъ людей, которые никогда ничего не дѣлаютъ, хотя и имѣютъ передъ собою только трусовъ!“ [1]) Сочувственный Рюльеру авторъ „Histoire des trois démembrements de la Pologne“ соглашается съ тѣмъ, что въ книгѣ, дѣйствительно, часто проявляется неблагопріятное чувство по отношенію къ русскимъ. „Не менѣе вѣрно и то“, прибавляетъ онъ,— „что, разказывая долговременныя и достойныя слезъ несчастья поляковъ, Рюльеръ, такъ сказать, отожествился съ ними и раздѣлялъ чувство угнетенныхъ по отношенію къ ихъ притѣснителю“ [2]).—Разсмотримъ теперь самое содержаніе книги. На первыхъ же ея страницахъ [3]) Рюльеръ говоритъ о польской анархіи, что̀ и понятно при заглавіи сочиненія, имѣющаго впрочемъ, болѣе богатое содержаніе, нежели описаніе одной польской анархіи. Причины послѣдней, по его словамъ, коренятся очень глубоко. „Послѣднія событія“, говоритъ онъ,—„на которыя часть поляковъ сваливаетъ всѣ несчастья своего отечества, были ея послѣдовательными симптомами (occasions), но не суть ея настоящія причины. Всѣ эти бѣдствія имѣютъ болѣе глубокіе корни, распространяющіеся, такъ сказать, подъ послѣдними вѣками, такъ что еслибы судьба привела другія конъюнктуры, эти печальныя сѣмена нашли бы какой-нибудь другой способъ дать

Наиболѣе вѣскія замѣчанія о книгѣ Рюльера и о польскихъ дѣлахъ, имъ описываемыхъ, принадлежатъ Дюпонъ-де-Немуру.

[1]) Приведено въ Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820. I. Avertissement, p. XI—XII.

[2]) Ibid., I. Avertissement, IX. Объ этой книгѣ см. ниже.

[3]) Ibid., I, 5, 6.

ростки" [1]). Описывая устройство этого государства, давно уже пришедшаго въ „совершенное почти разложеніе" [2]), авторъ находитъ, что польская конституція, не имѣя въ себѣ ничего феодальнаго [3]), была въ сущности тѣмъ же устройствомъ, какое мы встрѣчаемъ у варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію [4]). „Таково", говоритъ онъ,—„въ своей первой простотѣ древнѣйшее республиканское устройство, какое только существуетъ на землѣ, и мы можемъ въ немъ видѣть, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, первобытное состояніе почти всѣхъ новыхъ націй" [5]). Это устройство впослѣдствіи только подверглось измѣненіямъ, исказившимъ его сущность: Рюльеръ подробно останавливается на причинахъ этихъ измѣненій [6]), приведшихъ съ другими условіями быта, особенно въ союзѣ съ католическимъ фанатизмомъ, какъ выражается авторъ, къ „единственной въ своемъ родѣ анархіи (anarchie singulière), которая, подъ предлогомъ приданія коституціи непоколебимости, разрушила въ Польшѣ всю верховную власть (tout le pouvoir souverain), не оставивъ надежды ни для одной корпораціи и ни для одного гражданина когда-либо захватить эту власть въ свои руки" [7]). Польша должна была остановиться въ своемъ развитіи: „если", говоритъ Рюльеръ,—„Польша въ предыдущіе вѣка шла наравнѣ со всѣми другими государствами, она остановилась на той точкѣ, какой достигла, или вѣрнѣе—пошла вспять на нѣсколько вѣковъ" [8]). Единственнымъ средствомъ что-либо сдѣлать хорошее, да и то палліативнымъ и обоюдоострымъ были конфедераціи [9]). Частое срываніе сеймовъ сдѣлало Рѣчь Посполитую неспособною быть всегда наготовѣ противъ сосѣдей, честолюбіе коихъ стала привлекать къ себѣ столь богатая добыча [10]). „Ничего подобнаго не случалось ни у одного народа" [11]). Подъ вліяніемъ

---

[1]) Ibid., I, 9.

[2]) Ibid., I, 10.

[3]) Ibid., I, 11 sq.

[4]) Ibid., I, 14.

[5]) Ibid., I, 19.

[6]) Ibid., I, 21 sq. Эти причины: увеличеніе территоріи, установленіе представительныхъ сеймовъ, раздѣленіе дворянства на вельможъ и простую шляхту и новый духъ въ Рѣчи Посполитой послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ

[7]) Ibid., I, 42.

[8]) Ibid., I, 49.

[9]) Un palliatif, ... dont le patriotisme et la tyrannie se soient servis tour à tour. I, 54.

[10]) Ibid., I, 58.

[11]) Ibid., I, 62.

анархіи и характеръ польской націи исказился: „Благородная гордость поляковъ, ихъ великодушная увѣренность въ самихъ себѣ, отличавшая ихъ прежде, должны были необходимо измѣниться и выродиться... Прежде ихъ обвиняли въ легкомысліи, теперь ихъ начали обвинять въ вѣроломствѣ" [1]). Все это было на руку Россіи, для которой, по Рюльеру, съ Петра Великаго Рѣчь Посполитая сдѣлалась главною цѣлью честолюбія [2]), и „еслибы", говоритъ онъ еще,—„русскій тронъ былъ болѣе долгое время занятъ однимъ изъ этихъ честолюбивыхъ государей, способныхъ хвататься за всѣ предлоги, какіе имъ только посылаетъ судьба, то, вѣроятно, фатальный періодъ Польши наступилъ бы уже тогда", то-есть, при Петрѣ Великомъ [3]). Большинство поляковъ этого не понимало, видя даже въ своей анархіи „самую прекрасную систему правленія, какая когда-либо существовала на землѣ". „Только очень небольшое число гражданъ чувствовало, что столь странное состояніе не можетъ продолжаться много времени, что не можетъ быть настоящаго благополучія для людей безъ защиты и что при первомъ же случаѣ республика падетъ въ великомъ смятеніи. Но даже въ этомъ числѣ нѣкоторые, удерживаемые боязнью причинить такое гибельное потрясеніе, еслибы сдѣлана была попытка реформы, охлаждали свой пылъ, не хотѣли рисковать какою-либо попыткой и предоставляли участь свою и отечества времени и фортунѣ. Другіе, болѣе рьяные и убѣжденные въ настоятельной необходимости предупредить неизбѣжныя иначе бѣдствія, не скрывали отъ себя того, что для успѣха въ такомъ великомъ и трудномъ предпріятіи имъ нужна была крайняя осмотрительность, что одна мысль о перемѣнѣ была бы въ глазахъ большей части націи преступленіемъ, и что сосѣднія державы для ускоренія гибели республики ухватились бы, какъ за предлогъ, за эти самыя реформы, лишь только онѣ стали бы вводиться" [4]). Рюльеръ становится на сторону поляковъ, видѣвшихъ необходимость въ реформѣ, а въ какомъ направленіи должна была, по его мнѣнію, произойдти эта реформа, можно усмотрѣть изъ того, что имъ говорится, между прочимъ, о безкоролевьѣ по смерти Августа III: „Въ это междуцарствіе, наступленія котораго ожидали самые добродѣтельные граждане, чтобы легче исполнить

[1]) Ibid., I, 107—108. Cf. 184 sq.
[2]) Ibid., I, 110.
[3]) Ibid., I, 125.
[4]) Ibid., I, 188—189.

задуманныя ими преобразованія, дѣло не могло уже ограничиваться, какъ въ предыдущія междуцарствія, удовлетвореніемъ нѣкоторымъ жалобамъ націи, исправленіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, вкравшихся при послѣднемъ королѣ. Было очевидно, что польскіе законы не соотвѣтствовали болѣе нравамъ; нужно было установить совсѣмъ новое правленіе. Желаніемъ самыхъ мудрыхъ было изъять свое отечество изъ-подъ анархической власти дворянства, отмѣнивъ этотъ нелѣпый законъ объ единогласіи, но въ то же время спасти республику отъ всѣхъ опасностей деспотизма, установивъ національный совѣтъ для назначенія на всѣ должности" [1]).

Такъ понимаетъ Рюльеръ потребности Рѣчи Посполитой, и съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Польшѣ вообще и въ поднятомъ Екатериною диссидентскомъ вопросѣ въ частности. „Эта государыня", говоритъ онъ,—„видя, что Польша какъ будто сама подставляла шею подъ ярмо, что, ловко играя всѣми интересами и антипатіями, ей удалось всѣхъ поляковъ, заставить повиноваться ея приказаніямъ, — эта государыня думала что поляки дозволили себя ослѣпить до готовности охотно пожертвовать своею независимостью, что республикѣ предстояло подчиненіе, и что наступилъ моментъ самой сдѣлаться ея неограниченною госпожею. Какую славу", продолжаетъ Рюльеръ,—„пріобрѣла бы на самомъ дѣлѣ эта государыня, еслибы, дѣлая въ дѣйствительности то, что она дѣлала только по видимости, она оказала покровительство у сосѣдней и дружественной націи новому законодательству, ставшему необходимымъ, и къ этой прекрасной идеѣ не примѣшала всѣхъ противорѣчій, которыя его разрушаютъ? Какую выгоду она могла бы пріобрѣсти и для себя, еслибы, сдѣлавшись благодѣтельницей этой націи, всегда вѣрной трактатамъ, она привязала ее къ себѣ узами благодарности, не угрожая этимъ несчастнымъ республиканцамъ игомъ, которое они съ ужасомъ отталкивали и тяжесть котораго она уже давала имъ чувствовать, еще не успѣвъ его на нихъ наложить? Это великодушіе только послужило бы ея честолюбію. Лишь возстановляя былую свободу Греціи и сохраняя по отношенію къ ней кажущееся равенство, римляне сдѣлали ее своею данницею. Но Екатерина, ... вообразила, что она сдѣлается владѣлицей этой республики посредствомъ политики, которая была бы равносильна завоеванію: она задумала у націи, еще независимой, перемѣнить и ре-

[1]) Ibid., II, 122.

лигію (!), и законы, то-есть, все то, что ловкіе завоеватели, обладавшіе искусствомъ укрѣплять свое владычество, всегда уважали у покоренныхъ народовъ" [1]). Разказавъ о репнинскомъ рѣшеніи диссидентскаго вопроса, авторъ предается аналогичнымъ же размышленіямъ: „Если бы императрица дѣйствительно желала совершить дѣло, за которое хвалили ее эти философы, то, вмѣсто того, чтобы умножать злоупотребленія церковной власти, она уничтожила бы всѣ старыя злоупотребленія, на которыя жаловались сами поляки, когда нація сохраняла еще свои сеймы; она уменьшила бы всѣ тѣ узурпированныя права, которыя получилъ римскій клиръ, благодаря древнимъ суевѣріямъ: вотъ за что философы, слѣдуя своимъ правиламъ, могли бы ее хвалить. Но установить вооруженною рукою собственную свою религію (!) въ сосѣдней странѣ подъ предлогомъ вѣротерпимости; дать участіе ея священникамъ и ея дворянству въ чужой верховной власти вопреки самому духу религій, которымъ покровительствовала; сдѣлать ихъ столь же обременительными для государства, какъ и римскій клиръ, однимъ словомъ, умножить злоупотребленія религіи",—за все это панегиристы Екатерины не должны были ее хвалить [2]).

Немногія выписки, сдѣланныя нами изъ книги Рюльера показываютъ, что и этотъ писатель, вопервыхъ, находилъ старое польское устройство никуда не годнымъ, вовторыхъ, порицалъ политику раздѣловъ и, втретьихъ, не прочь былъ помечтать о возрожденіи Польши. Его анализъ причинъ польской анархіи, не представляя для насъ ничего новаго и оригинальнаго, сравнительно съ мнѣніями на этотъ счетъ другихъ тогдашнихъ писателей, заслуживаетъ однако вниманія, потому что, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своей исторіи апологію падавшей Рѣчи Посполитой, онъ не могъ не видѣть, въ чемъ заключается истинная причина политическихъ бѣдствій Польши Въ данномъ случаѣ Рюльеръ выражалъ только общее мнѣніе о польской конституціи. То же выраженіе общаго мнѣнія представляетъ собою и осужденіе Рюльеромъ политики раздѣловъ, хотя въ послѣдней и ему самому, равно какъ и его современникамъ, не все было извѣстно хорошо и вполнѣ ясно: говоря это, я имѣю въ виду невѣрное пониманіе сущности диссидентскаго вопроса, а еще болѣе—общее молчаніе публицистовъ и историковъ прошлаго столѣтія о томъ,

[1]) Ibid., II, 392—394.
[2]) Ibid., II, 464.

что можно назвать русскимъ вопросомъ [1]). Наконецъ, хотя Рюльеръ и не довелъ своего изложенія до тѣхъ временъ въ исторіи падавшей Рѣчи Посполитой, когда появились дѣйствительные признаки возможнаго, по крайней мѣрѣ, возрожденія націи, но онъ хочетъ въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ симпатичной ему партіи видѣть нѣчто такое, что заключало въ себѣ спасеніе Польши и даже его осуществило бы, еслибъ этому не препятствовали внѣшнія обстоятельства.

Продолжателемъ Рюльера явился Ферранъ, издавшій въ 1820 году въ Парижѣ „Исторію трехъ раздѣловъ Польши" [2]). До извѣстной степени предшественникъ помогъ въ работѣ своему продолжателю, оставивъ ему значительное количество собраннаго и не обработаннаго еще матеріала [3]). Ферранъ издавалъ свою книгу уже послѣ того, какъ совершился послѣдній передѣлъ польскихъ земель на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г., а это обстоятельство дало ему поводъ въ предисловіи предупредить читателя, что его отношеніе къ польскимъ раздѣламъ прошлаго столѣтія отнюдь не распространяется на новый порядокъ вещей. „Справедливые упреки", говоритъ онъ,— „которыхъ не могутъ избѣжать виновники трехъ раздѣловъ, падаютъ на старую политику, подготовившую, проведшую и окончившую это несправедливое дѣло. Справедливыя похвалы (hommages), которыми слѣдуетъ покрыть современное состояніе того, что составляло прежнюю Польшу, касаются теперешней политики, и нѣтъ никого, кто не согласился бы съ тѣмъ, что эта политика обратилась къ выгодѣ разныхъ жителей расчлененныхъ провинцій. Стоитъ только вспомнить всевозможныя бѣдствія, удручавшія поляковъ въ прошломъ столѣтіи, особенно послѣ 1733 г., чтобы прійдти къ тому заключенію, что они потеряли только свое прежнее политическое существованіе, которое было для нихъ лишь источникомъ раздора и несчастій и которое, можетъ быть, не могло бы никогда улучшиться, среди препятствій, какія оно встрѣчало въ ихъ предразсудкахъ, ихъ привычкахъ и ихъ дурныхъ законахъ: теперь они пріобрѣли существованіе, находящееся въ гармоніи съ государствами, часть коихъ они нынѣ составляютъ,

---

[1]) См. гл. V и V нашего обзора.

[2]) Histoire des trois démembremeus de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhiére, par l'auteur de L'esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. Paris. 1820. Ср. похвальные отзывы о Рюльерѣ на первыхъ страницахъ „avertissement".

[3]) Avertissement стр. V—VII.

и если ихъ новое существованіе упрочится, какъ все заставляетъ этого ожидать, полякъ, въ болѣе истинномъ смыслѣ свободный, нежели тогда, когда онъ безпрестанно говорилъ о свободѣ, будетъ въ состояніи, пользуясь выгодами, какія ему даетъ природа, оживить свое земледѣліе, бывшее всегда въ пренебреженіи, и наконецъ освободить свою торговлю отъ разорительной монополіи, какой подчинили ее евреи" [1]). Мы привели это мѣсто, какъ бросающее свѣтъ на общій взглядъ автора. Вопервыхъ, Ферранъ заявляетъ здѣсь, что онъ будетъ несочувственно относиться и къ самому дѣлу польскихъ раздѣловъ, и къ его виновникамъ. Вовторыхъ, онъ высказываетъ однако сомнѣніе относительно того, могла ли бы Польша придти къ лучшему политическому состоянію, предоставленная сама себѣ,—и не очень высоко ставитъ прежнюю польскую свободу, если не жалѣетъ о ея потерѣ. Втретьихъ, для будущаго онъ рекомендуетъ полякамъ нѣчто такое, что̀ напоминаетъ позднѣйшую программу „органической работы" (pracy organicznej). По первому пункту авторъ даетъ намъ знать, что его трудъ былъ оконченъ за двѣнадцать лѣтъ до появленія его въ свѣтъ, но онъ находилъ тогда неполитичнымъ издавать сочиненіе, заключающее въ себѣ нападки на политику державъ, раздѣлившихъ Польшу, неполитичнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ исключить изъ книги разныя рѣзкости [2]).

Сочиненіе Феррана, состоящее изъ трехъ томовъ, раздѣлено на введеніе, четырнадцать „книгъ" и общій обзоръ всего содержанія. Во введеніи авторъ разсматриваетъ à vol d'oiseau всю польскую исторію, останавливаясь на концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ первыхъ шести книгахъ (томы I и половина II) разказывается исторія перваго раздѣла, седьмая заключаетъ краткое изложеніе всего происходившаго въ Турціи и Польшѣ со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и перваго раздѣла до 1788 г., книги VIII—XII [3]) повѣствуютъ о сеймѣ 1788 г. и о второмъ раздѣлѣ, двѣ остальныя посвящены костюшковскому возстанію и окончательному раздѣлу, и вездѣ авторъ слѣдитъ за дипломатическими и военными дѣлами, вліявшими на судьбу Польши. Въ заключительномъ обзорѣ подводятся итоги и высказываются общіе взгляды.

---

1) Avertissement, стр. XXVII—XXVIII.
2) Avertissement, XXIV.
3) Третій томъ начинается съ IX книги.

Въ краткомъ очеркѣ польской исторіи Ферранъ, по собственному признанію, слѣдовалъ, главнымъ образомъ, Солиньяку, автору извѣстной исторіи Польши, доведенной до бѣгства Генриха Валуа[1]). Но какъ разъ съ этой эпохи въ польскую политическую жизнь вошли новые принципы, которые придали Польшѣ особый характеръ среди другихъ государствъ Европы. Ферранъ слѣдитъ за измѣненіями въ польской конституціи, открывшими, какъ онъ выражается, „эру бѣдствій" [2]), но, собственно говоря, въ его изложеніи польской исторіи нѣтъ ни одной сколько-нибудь оригинальной мысли, которую слѣдовало бы отмѣтить. Гораздо важнѣе заключеніе (recapitulation), занимающее около пятидесяти страницъ третьяго тома, такъ какъ здѣсь авторъ подводитъ итоги [3]). По представленію Феррана, и съ точки зрѣнія интересовъ „Европы", Польша была „назначена" предохранять „цивилизованную Европу отъ татарскихъ нашествій" и отдѣлять ее отъ обширныхъ странъ, долгое время коснѣвшихъ въ варварствѣ [4]). Поэтому, говоритъ онъ,—послѣ Петра Великаго Европа должна была почувствовать необходимость „удержать Польшу, какъ охранительную плотину", а этого можно было достигнуть, только предупреждая или успокоивая внутреннія польскія несогласія. Европа, однако, этого не сдѣлала [5]). Съ такой точки зрѣнія Ферранъ входитъ далѣе въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей европейской политики XVIII вѣка указывая на то, что Франція имѣла даже и спеціальный интересъ поддерживать Польшу, которою хотѣла завладѣть Россія [6]). Среди полнаго мира беззаботность Европы дозволила совершиться первому раздѣлу Польши. Этотъ актъ, говоритъ Ферранъ,—„разложилъ Польшу, но еще ранѣе такого топографическаго разложенія Польша уже давнымъ-давно подверглась политическому и нравственному разложенію.

---

[1]) *Ferrand*, I, 2. Замѣчу кстати, что въ 1790 г. въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ появилась Continuation de l'histoire générale de Pologne par Mr. le chevalier de Solignac par les auteurs de la grande édition de Hollande de l'histoire universelle. Этотъ маленькій томикъ заканчивается царствованіемъ Станислава Августа, доведеннымъ до 1774 г.

[2]) *Ferrand*, I, 21.

[3]) Ibid., III, 549—682.

[4]) Ibid., III, 550.

[5]) Ibid., III, 551.

[6]) Le premier projet de Catherine étoit de dominer seule dans la Pologne... Elle ne se décida au partage que subsidiairement. III, 552—553. См. вообще 552 sq. О Екатеринѣ ср. 577.

Первый шагъ въ политическомъ разложеніи она сдѣлала, когда изъ ревниваго недовѣрія къ власти ослабила свое правительство; вторымъ шагомъ было дозволеніе и даже желаніе, чтобъ иностранные принцы стремились стоять во главѣ этого ослабленнаго правительства. Наконецъ, правительство могло найдти средства своего возстановленія въ сеймахъ, одушевленныхъ благими намѣреніями: Польша лишила себя и этого средства, или вѣрнѣе она легально себя противъ него вооружила, давая безумцу или интригану право разорвать или парализировать сеймъ. Свойство дурного правительства", заключаетъ авторъ,—„деморализировать тѣхъ, которые ему подчинены". Но, замѣчаетъ онъ, указавъ въ немногихъ словахъ на то, въ чемъ заключалась эта деморализація, — въ Польшѣ былъ еще національный духъ, и онъ послѣ воцаренія Станислава-Августа сдѣлалъ-было попытку уничтожить внутренніе безпорядки; попытка однако не удалась, ибо въ ней не было общаго плана, и притомъ безпорядки при поддержкѣ со стороны Россіи взяли верхъ [1]). Далѣе авторъ излагаетъ дипломатическую сторону польскаго раздѣла, изображая его, какъ нѣчто, происшедшее противъ первоначальной мысли Фридриха II [2]), и перечисляетъ приведшія къ этому ошибки и Станислава-Августа (вступленіе его безъ малѣйшихъ правительственныхъ способностей на польскій престолъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ и съ иностранною помощью и всѣ слѣдствія этого факта) [3]), и Барской конфедераціи (отсутствіе осторожности, силы и общаго плана въ ея дѣйствіяхъ [4]), и самихъ державъ, дѣлившихъ Польшу, и наконецъ, всей Европы. Любопытны соображенія Феррана объ ошибкахъ державъ. Австріи,—ея ошибка самая большая,—не слѣдовало переступать Карпаты [5]). Россія должна была думать о внутреннемъ преуспѣяніи и о господствѣ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, сохраняя неприкосновенность Польши, какъ оплота противъ Европы, и поддерживая ея слабость [6]). И Фридрихъ яко бы сначала былъ противъ раздѣла,

---

[1]) Ibid., III, 558.

[2]) Ibid., III, 559 sq.

[3]) Ibid., III, 563 sq. Это—цѣлый обвинительный актъ противъ Станислава-Августа.

[4]) Ibid., III, 567 sq. Неосторожнымъ, хотя и легальнымъ, дѣломъ Ферранъ объявляетъ низложеніе Станислава-Августа.

[5]) Ibid., III, 574—575.

[6]) Ibid., III, 575 sq.

видя въ немъ для себя болѣе вреда, чѣмъ пользы [1]). Ферранъ указываетъ также и на то, что и самимъ полякамъ не слѣдовало полагаться на соперничество державъ, какъ на гарантію ихъ политическаго бытія, тѣмъ болѣе, что предусмотрительные люди пророчили объ опасности [2]). Польша, говоритъ онъ,—„не имѣла силы сопротивляться вторженію трехъ державъ, и за это нельзя ее упрекать; но у нея не было силы и возстать противъ многочисленныхъ злоупотребленій, которыя готовили ея гибель. Была ли это безпечность или ослѣпленіе,—первой нельзя извинить, какъ нельзя понять и втораго" [3]). По крайней мѣрѣ, первый раздѣлъ, говоритъ Ферранъ,—оказалъ благодѣтельное вліяніе на національный духъ поляковъ. Начались реформы, которыя уже достигали цѣли, когда все дѣло было испорчено, какъ онъ выражается, измѣною того, кто указалъ на эту цѣль и способствовалъ ея достиженію. Тутъ-то, по его словамъ, и заключается интересъ сейма 1788 года: „въ этой революціи національный духъ стяжалъ всю славу успѣха, и позоръ неудачи его не коснулся" [4]). Ферранъ восхваляетъ четырехлѣтній сеймъ и отказывается видѣть „въ презрѣнныхъ вождяхъ Торговицкой конфедераціи" людей, принадлежащихъ къ націи [5]). Революцію 1794 г. онъ считаетъ также дѣломъ національнаго духа, хотя послѣдній, по его словамъ, едва имѣлъ время въ ней вполнѣ проявиться [6]). Послѣднія страницы книги заняты разсмотрѣніемъ отношенія державъ къ конституціи 3-го мая [7]) и общими разсужденіями моральнаго и политическаго свойства [8]). Нельзя и у Феррана не отмѣтить 1) признанія полной негодности старой польской конституціи, 2) порицанія раздѣловъ и 3)

---

[1]) Ibid., III, 578—579. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о нарушеніи относительно Польши державами „всего, что священно въ глазахъ цивилизованныхъ націй", 583.

[2]) Ibid., III, 580—582.

[3]) Ibid., III, 582—583.

[4]) Ibid., III, 585.

[5]) Ibid., III, 586.

[6]) Ibid., III, 587.

[7]) Ibid., III, 591 sq.

[8]) Отзывъ объ этомъ сочиненіи Костомарова въ спискѣ источниковъ его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой" (С.-Пб. 1886. I, стр. IV): „Въ высшей степени пристрастное сочиненіе съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложенія". Въ концѣ отдѣльныхъ книгъ помѣщены pièces justificatives, представляющія изъ себя часто лишь выписки изъ *Лейденской газеты*.

сочувствія къ возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, не смотря на всѣ сомнѣнія въ возможности для поляковъ улучшенія собственными силами. Для современной исторіографіи сочиненія Рюльера и Феррана можно назвать совершенно устарѣлыми [1]), но, какъ было уже сказано въ началѣ ихъ разбора, обѣ книги долгое время были главными историческими трудами по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой.

Н. Карѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. напр. отзывъ *Beer*'a: Diesen Männern standen recht umfassende Hilfsmittel zu Gebote: mündliche Ueberlieferungen und schriftliche Aufzeichnungen. Dennoch waren sie nicht in der Lage, einen ganz richtigen Einblick in die Verhandlungen zu gewähren und die vielfach verschlungenen Fäden vollständig zu entwirren. Die ihnen zur Verfügung stehenden Quellen waren blosz secundärer Natur. In vielen Punkten streifen sie hart an die Wahrheit, ohne jedoch in's Schwarze zu treflen. Die erste Theilung Polens. Wien, 1873. I. Предисловіе, стр. III.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ДРАМЫ [1].

V.

Попытки Симеона Полоцкаго ввести въ Москвѣ южно-русскій обычай драматическихъ дѣйствъ по времени почти совпадаютъ съ появленіемъ у насъ новаго театра, который не имѣлъ уже ничего общаго съ представленіями школьными. Этотъ новый театръ былъ однимъ изъ знаменательныхъ признаковъ поворота въ умственной жизни русскаго общества XVII столѣтія, однимъ изъ плодовъ западной культуры, носителями которой въ Москвѣ явились нѣмцы. Въ началѣ своего царствованія, молодой государь Алексѣй Михайловичъ, отвѣчая внушеніямъ духовенства, стремившагося удержать русскую жизнь въ кругу старыхъ отеческихъ преданій и обычаевъ, и руководясь собственною набожностью, относился ко всѣмъ, даже самымъ невиннымъ проявленіямъ народнаго веселья совершенно отрицательно. Въ 1648 году по всѣмъ городамъ разосланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтвержденіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжкамъ въ городахъ, волостяхъ, станахъ, погостахъ не по одиножды всѣмъ вслухъ. По этимъ грамотамъ, какъ выразительно замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ [2], вся земля святорусская должна была обратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Строго предписывалось въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить (то-есть, въ хороводы не играть) и игръ не слу-

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за 1888 годъ.

[2]) Дом. бытъ русск. царицъ, гл. V.

шать; на свадьбахъ пѣсенъ не пѣть и не играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на святкахъ въ бѣсовское сонмище не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, праздксловіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, — такими помраченными и беззаконными дѣлами, — душъ своихъ не губить, личины и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить, зернью и въ карты и въ шахматы не играть; на Святой на доскахъ не скакать, на качеляхъ не качаться, скоморохомъ не быть, съ гуслями, бубнами, зурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, медвѣдей не водить, съ собаками не плясать, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (бабки) не играть, — не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи. Словомъ, изъ жизни изгонялись всѣ общественныя и домашнія удовольствія. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батоги, а въ третій или въ четвертый — ссылать въ ссылку въ украйные городы; гусли, домры, зурны, гудки и всѣ подобные бѣсовскіе гудебные сосуды, а также и хари (маски) велѣно было отбирать, ломать и жечь безъ остатку. Скомороховъ же на первый разъ бить батоги, вдругорядь—кнутомъ и брать пеню по пяти рублей съ человѣка. Подобныя же грамоты были разосланы повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ всякаго милосердія и отлученіемъ отъ церкви Божіей [1]).

Девять лѣтъ спустя, въ 1657 году, послѣдовало новое подтвержденіе этого строгаго запрета, наложеннаго на мірское веселье... Между тѣмъ, время шло, и духъ новой культуры постепенно, но все сильнѣе и сильнѣе подкапывался подъ русскую старину и отчину; русская земля, увлекаясь небывалыми новизнами, начинала „переставливать обычьи свои"; въ общественной жизни, въ литературѣ, въ искусствѣ мало по малу пробивались новыя идеи, болѣе живыя и свободныя, устранявшія прежнюю исключительность. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, въ первое время старавшійся подавать примѣръ строго благочестиваго житія по правиламъ стараго Домостроя, не могъ устоять противъ вѣяній времени и влеченій своей благодушной природы. Назначая „дѣлу время и потѣхѣ часъ", онъ любилъ послушать пѣсенниковъ и игрецовъ на органахъ, віолахъ и флей-

---

[1]) Акты Историч. IV, № 35; Акты Арх. Эксп. IV, № 59 и 98; *Ивановъ*, Опис. Госуд. Архива, 296.

тахъ, не прочь былъ посмотрѣть на пляски шутовъ и скомороховъ, которыхъ не мало жило „у государя на верху", — не прочь былъ иногда позабавиться и запрещенною его же указами игрою въ тавлеи или въ шахматы; словомъ, на практикѣ онъ не могъ долго оставаться такимъ строгимъ ревнителемъ „старческаго устава", какимъ хотѣлъ быть по внушенной ему теоріи. Мало по малу отвыкая отъ преданій и обычаевъ старины, онъ заинтересовался тѣми новинками европейской культуры, которыя все чаще и чаще появлялись въ Москвѣ и не могли остаться безъ вліянія на окружавшую его обстановку. Нѣмецкая слобода, населенная заѣзжими иноземцами всевозможныхъ профессій, пріобрѣтала для русской жизни все болѣе и болѣе важное значеніе, становилась все болѣе и болѣе необходимою: во всѣхъ областяхъ практической жизни нѣмцы оказывались незамѣнимыми людьми, и какъ правительству, такъ и отдѣльнымъ лицамъ все чаще и чаще приходилось пользоваться ихъ услугами. Ближайшіе къ царю люди,—бояре Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ и въ особенности—знаменитый Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ Гамильтонъ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранцами и въ своемъ домашнемъ быту не стѣснялись перенимать заморскіе обычаи и повадки, если это доставляло имъ пользу или удовольствіе: интересовались научными свѣдѣніями, разными художествами и, наконецъ, не виданными до того времени развлеченіями. Вторая супруга царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, выросшая въ домѣ Матвѣева „отца и друга нѣмцевъ" была воспитана въ новыхъ условіяхъ быта; своимъ личнымъ характеромъ и вліяніемъ она содѣйствовала измѣненію образа жизни въ царскихъ теремахъ до такой степени, что Алексѣй Михайловичъ сталъ допускать многое такое, о чемъ не смѣлъ бы и подумать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда церковные ходы и царскіе выходы доставляли чуть ли не единственную пищу его врожденной любви къ художеству.

Въ числѣ новыхъ иноземныхъ развлеченій, которыми сильно заинтересовался и успѣлъ заинтересовать царя бояринъ Матвѣевъ, первое мѣсто занималъ театръ. Изъ разказовъ русскихъ пословъ, бывавшихъ за границей, давно уже было извѣстно, что въ нѣмецкихъ земляхъ и въ Польшѣ при дворахъ бываютъ „комедіи, по русски— потѣхи"; пріѣзжіе иностранцы, изъ которыхъ иные, можетъ быть, и сами игрывали въ подобныхъ „потѣхахъ", могли сообщать еще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ ихъ обстановкѣ и содержаніи; иноземныя посольства, постоянно наѣзжавшія въ Москву, нерѣдко имѣли въ

своей свитѣ музыкантовъ, фокусниковъ и тому подобныхъ артистовъ; иногда въ Нѣмецкой слободѣ устроивались и настоящія театральныя представленія. Англійскій посолъ графъ Карлейль, въ описаніи своихъ трехъ поѣздокъ въ Россію, разказываетъ, что въ 1664 году въ посольскомъ домѣ была представлена комедія, доставившая зрителямъ нѣсколько пріятныхъ часовъ [1]). Быть можетъ, подобные любительскіе спектакли бывали въ Нѣмецкой слободѣ и не одинъ разъ, и разказы о нихъ при дворѣ еще сильнѣе возбуждали въ Алексѣѣ Михайловичѣ желаніе познакомиться съ нѣмецкою потѣхой. Увлеченный этимъ желаніемъ, царь, наконецъ, рѣшилъ выписать изъ-за границы труппу актеровъ и завести у себя въ Москвѣ постоянный театръ: 15-го мая 1672 года Матвѣевъ объявилъ своему „пріятелю", полковнику Николаю фанъ-Стадену, царскій указъ: ѣхать къ курляндскому Якубусу князю (герцогу Іакову, 1642—1681 гг.) и, будучи въ Курляндской землѣ, приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бъ руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самихъ добрыхъ и ученыхъ, да к о т о р ы е б ъ у м ѣ л и в с я к і я к о м е д і и с т р о и т ь; при этомъ было прибавлено, что если фанъ-Стаде такихъ людей въ Курляндіи не добудетъ, то ѣхать ему во владѣніе короля Свейскаго и въ Прусскую землю" [2]). Исполняя это порученіе, фанъ-Стаденъ въ іюлѣ нанялъ въ Ригѣ восемь человѣкъ актеровъ, а въ октябрѣ сообщилъ Матвѣеву, что ему удалось приговорить „еще три человѣка молодыхъ, которые на всѣхъ играхъ играютъ, чего никогда впредь сего на Москвѣ не слыхано". Черезъ мѣстныхъ рижскихъ актеровъ онъ вступилъ въ сношенія съ наиболѣе извѣстными изъ германскихъ странствующихъ труппъ. Во главѣ одной изъ этихъ труппъ стоялъ чрезвычайно популярный сценическій дѣятель того времени, магистръ Іоганнъ Фельтенъ, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ „Чарлусомъ" (по видимому, англичаниномъ) и труппою изъ двѣнадцати человѣкъ соглашался на предложеніе фанъ-Стадена ѣхать въ Москву. Съ такимъ же предложеніемъ обратился царскій посланецъ и къ примадоннѣ

---

[1]) La relation des trois ambassades etc., nouv. édition, revue et corr. par le pr. *Aug. Galitzyne.* P. 1857, p. 76. Cp. *Wesselofsky,* Deutsche Einflüsse, 11.

[2]) *Тихонравовъ,* Русск. драм. произв. I, стр. VII—VIII. Подробные документы о миссіи фонъ-Стадена, которыми мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться, находятся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, 1671, № 3; 1672—1677, № 1. См. *Цвѣтаева* Генералъ Н. Бауманъ и его дѣло. М. 1884, стр. 50.

копенгагенской оперы, Аннѣ Паульсонъ. Такимъ образомъ, фанъ-Стаденъ, какъ человѣкъ образованный и, очевидно, любитель театра, предполагалъ познакомить московскій дворъ со всѣмъ тѣмъ, что̀ представляла тогдашняя нѣмецкая сцена самаго новаго и лучшаго. Драматическій репертуаръ Фельтена былъ въ то время, такъ сказать, послѣднимъ словомъ нѣмецкаго театра; опера только что начинала входить въ моду въ Германіи, и еслибы желанія фанъ-Стадена исполнились, то русская сцена, при самомъ своемъ основаніи, была бы поставлена наравнѣ съ нѣмецкою. Но эти ожиданія не сбылись. Нѣмецкіе актеры, сначала заявившіе готовность принять условія фанъ-Стадена (вѣроятно, очень заманчивыя), потомъ отказались отъ поѣздки въ Россію: они были напуганы трудностями пути и неблагопріятными разказами объ этой далекой, варварской странѣ, откуда очень трудно выбраться, и гдѣ иностранцамъ грозятъ иногда „кнутомъ и Сибирью". Вернувшись изъ своей поѣздки въ декабрѣ 1672 года, фанъ-Стаденъ привезъ съ собою только одного трубача да четырехъ музыкантовъ.

Между тѣмъ желаніе царя поскорѣе увидать нѣмецкую театральную потѣху было такъ сильно, что отправивъ фанъ-Стадена за иноземными „экомендіантами", онъ рѣшилъ не дожидаться результатовъ этой поѣздки и устроить театръ домашними средствами, при помощи своихъ московскихъ нѣмцевъ. Матвѣевъ обратился въ Нѣмецкую слободу съ запросомъ, нѣтъ ли такого человѣка, который могъ бы сочинить и представить комедію. Ему было указано на пастора Іоганна Готфрида Грегори, которому, такимъ образомъ, волей-неволей пришлось заняться неожиданнымъ и не подходящимъ для него дѣломъ,—устраивать театръ, собирать и обучать труппу актеровъ и музыкантовъ и сочинять комедіи.

Іоганнъ Готфридъ Грегори (Gregorii), уроженецъ Мерзебурга [1]),

[1]) Главнымъ источникомъ для біографіи Грегори служатъ записки *Лаврентія Рингубера*: Relation du voyage en Russie fait en 1684 par *L. Rinhuber*. Berl. 1883 (см. объ этой книгѣ статью проф. *Брюкнера* въ *Historische Zeitschrift* 1884, тетр. 5 и *А. И. Фехнера* въ *Spb. Ztg.* 1883, № 232) и дѣло генерала Ник. Баумана въ Моск. Гл. Архивѣ М-ва Ин. Д. См. *Цвѣтаева*, „Дѣло ген. Баумана" и „Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи", т. I. Далѣе—нѣкоторыя документальныя данныя можно найдти въ книгѣ: Die evangelische Ecclesia militans in Moskau vor zwei Jahrhunderten, Berl. 1865 и въ соч. пастора *Fechner*'а: Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, B. I, M. 1876. Что Грегори родомъ изъ *Мерзебурга*, а не изъ Марбурга (какъ сказано въ трудахъ гг. *Тихонравова* и *Цвѣтаева*), объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, у *Рингубера*, о. с. 10.

былъ сынъ медика Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго медика, извѣстнаго впослѣдствіи Лаврентія Блюментроста. Въ Москву онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ октябрѣ 1658 года и опредѣлился учителемъ церковной школы въ приходѣ пастора Фадемрехта; раньше служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ, въ Швеціи, а потомъ — въ Польшѣ, въ Ганчевскомъ рейтарскомъ полку. Ко времени прибытія Грегори въ Москву, въ Нѣмецкой слободѣ было двѣ лютеранскія церкви: одна, при которой служилъ Фадемрехтъ, имѣла прихожанами такъ называемыхъ „старыхъ нѣмцевъ", то-есть, такихъ, которые вели свой родъ отъ первыхъ жителей слободы—плѣнныхъ эпохи Грознаго или вообще были въ Москвѣ старожилами; другая церковь, называвшаяся обыкновенно „офицерскою", принадлежала нѣмцамъ нововыѣзжимъ, и при ней находился сначала пасторъ Якоби, а затѣмъ, по смерти его, пасторъ Фокеродтъ. Послѣдняго вызвалъ въ Москву „Датскія земли полковникъ и инженеръ и гранатный мастеръ Миколай Бовманъ" (Бауманъ), приглашенный на русскую службу, вмѣстѣ съ другими офицерами, въ 1657 году. Бауманъ содержалъ Фокеродта на свой счетъ и взялъ его въ 1659 году вмѣстѣ съ собою въ Малороссію, въ походъ противъ гетмана Выговскаго и Крымскаго хана. Возвратившись изъ этого похода уже въ генеральскомъ чинѣ, Бауманъ занялъ среди жителей Нѣмецкой слободы почетное и весьма вліятельное положеніе, въ особенности въ церковныхъ дѣлахъ, какъ старшина прихода офицерской церкви, на перестройку и содержаніе которой онъ жертвовалъ свои деньги. Съ увеличеніемъ количества прихожанъ этой церкви, благодаря наплыву нѣмецкихъ офицеровъ въ началѣ 1660 годовъ, Бауманъ пожелалъ имѣть при ней втораго пастора. Его вниманіе остановилось на Грегори, который уже успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность своею смѣтливостью, начитанностью и въ особенности—краснорѣчіемъ. Въ это время Грегори, желая докончить свое образованіе, собирался уѣхать изъ Москвы. Генералъ послалъ за нимъ въ погоню стрѣльцовъ, призвалъ его къ себѣ и потребовалъ клятвеннаго обѣщанія и поручительства, что онъ вернется въ Москву пасторомъ [1]). Грегори отправился въ Іену, получилъ тамъ степень

[1]) Generalis Baumannus eum per strelizas imperatorios iterum accersi jubet, jurare eum cogit et per fide jussores se reversurum in Moscoviam pastorem spondere. *Rinhuber*, 43. „Просили его генералъ Бовманъ съ начальными людьми и дали ему писмо, чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву"—показаніе Грегори, у *Цвѣтаева*, Па-

магистра, а затѣмъ былъ рукоположенъ въ пастора въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфирста Саксонскаго Іоанна Георга II и его сановниковъ, вѣроятно, въ апрѣлѣ 1662 года. Отпуская его въ Москву, оба правителя Саксоніи, курфирстъ Іоаннъ-Георгъ и герцогъ Христіанъ, спабдили его грамотами къ царю, въ которыхъ заключались просьбы о благосклонности къ живущимъ въ Россіи лютеранамъ и очень лестные отзывы о новомъ пасторѣ. „Магистръ Іоаннъ-Готфридъ Грегори", писалъ курфирстъ отъ 16-го апрѣля 1662 года,—„отличается ревностнымъ благочестіемъ, чрезвычайною ученостью и замѣчательнымъ умомъ; изъ любви къ слову Божію, онъ сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ, отказавшись отъ всего имущества, покинулъ родину, отцовскій домъ и родственниковъ и въ дальнихъ странствованіяхъ подвергалъ свою жизнь многимъ опасностямъ, повинуясь единственно призванію Божію и желая свято и ненарушимо исполнить данное имъ обѣщаніе возвратиться въ Россію" [1]).

По возвращеніи въ Москву, Грегори занялъ мѣсто младшаго пастора въ офицерской церкви и поочередно съ старшимъ пасторомъ Фокеродтомъ долженъ былъ, время отъ времени, отправляться съ офицерами, для исполненія церковныхъ требъ, въ походы и объѣзжать гарнизоны [2]). Молодой ученый проповѣдникъ скоро возбудилъ противъ себя неудовольствіе и зависть старыхъ пасторовъ, которые не могли простить ему его магистерской степени и краснорѣчія, привлекавшаго къ нему множество слушателей. У старой церкви убавилось число прихожанъ, а слѣдовательно, и доходовъ; вслѣдствіе этого пасторъ Фадемрехтъ сдѣлался крайнимъ недоброжелателемъ Грегори, считая его креатурой Баумана, котораго старые нѣмцы вообще очень не любили; въ новой, офицерской церкви сослуживецъ Грегори, Фокеродтъ, вынужденный дѣлить доходы пополамъ, просто его возненавидѣлъ, всѣми средствами старался его выжить, устраивалъ ему сцены, распускалъ о немъ сплетни, такъ что Бауманъ сталъ пригла-

---

мятники, 15. Кажущееся противорѣчіе между обоими свидѣтельствами объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Бауманъ, лично настаивая на возвращеніи Грегори, желалъ оформить дѣло и поручилъ церковнымъ старшинамъ снабдить его рекомендаціею. При томъ вліяніи, какимъ пользовался Бауманъ, ему не трудно было это сдѣлать.

[1]) *Fechner*, Chronik, 298.

[2]) Bey der Officir Kirch zwey Priester, der älteste Herr Joh. Fockerodt, der ander Mag. Joh. Gregorii. Reisen eins umbs andere bey die Armeen so auff Tartar, Casack undt polnischer Gräntze liegen, wie auch in die Guarnisonen, umb daselbst die Tauffen undt sonst die Gottesdienst zu verrichten. *Rinhuber*, 2.

шать Грегори для проповѣди къ себѣ на домъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ представителями прихода взялъ съ Фокеродта письменное обязательство, съ поручительствомъ четырехъ лицъ, (8-го января 1663 года) не опорочивать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его, какъ честнаго человѣка и достойнаго пастыря церкви [1]).

Кромѣ обязанности пастора, Грегори завѣдывалъ также и устроенною Бауманомъ при церкви школою. Содержаніе церкви и школы требовало значительныхъ расходовъ, которые далеко не покрывались сборомъ съ прихожанъ; Бауманъ расходовалъ частью свои деньги, частью дѣлалъ займы у купцовъ, въ надеждѣ на будущія пожертвованія. Между тѣмъ, пожертвованія не оправдывали ожиданій, такъ что чувствовалась большая нужда въ деньгахъ. Въ виду этого, въ 1667 году, Бауманъ и ближайшія къ нему лица рѣшили отправить Грегори въ Германію для сбора пожертвованій, снабдивъ его рекомендаціями и просительнымъ письмомъ [2]). Выборъ палъ на Грегори, потому что онъ лично былъ извѣстенъ Саксонскому курфирсту, къ которому именно въ это время правительство намѣревалось обратиться съ просьбою о присылкѣ въ Россію рудознатцевъ и добрыхъ суконнаго дѣла мастеровъ. Грегори взялъ на себя передачу царской грамоты курфирсту и вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ Баумана, выхлопоталъ у сильнаго въ то время вельможи, князя Юрія Ивановича Ромодановскаго, призывную грамоту для своего отчима, доктора Блюментроста, котораго обѣщано было сдѣлать царскимъ „архіятеромъ“ то-есть, лейбъ-медикомъ. Съ этими грамотами Грегори, въ качествѣ почти офиціальнаго агента русскаго правительства, явился прежде всего въ Дрезденъ, затѣмъ побывалъ въ Готѣ, Аугсбургѣ и многихъ другихъ городахъ, вездѣ былъ принятъ съ почетомъ, собралъ довольно крупную сумму пожертвованій и въ маѣ 1668 года возвратился въ Москву съ новыми рекомендательными грамотами отъ саксонскаго курфирста. Вмѣстѣ съ пасторомъ пріѣхалъ и его отчимъ Блюментростъ, пригласившій съ собою, въ качествѣ ассистента, лейпцигскаго студента Лаврентія Рингубера.

Между тѣмъ враги пастора, съ Фокеродтомъ во главѣ, и завистники Баумана, уже произведеннаго въ полные генералы, не теряли времени и усердно раздували неудовольствіе на того и другаго.

---

[1]) *Цвѣтаевъ*, Дѣло Баумана, 15.
[2]) Тамъ же, 16 и сл., *Rinhuber*, 44.

Противъ Грегори были пущены въ ходъ всевозможныя сплетни: разказывали, будто въ Австріи онъ былъ лишенъ чина и чести, въ Польшѣ бѣжалъ изъ рейтарской службы, за что его имя было прибито къ висѣлицѣ и т. п. Воспользовавшись тѣмъ, что Романовскій впалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора, враги Грегори стали распускать слухъ, что пасторъ возилъ отъ князя Юрія въ Саксонскую землю подарки и какія-то секретныя письма; что онъ поносилъ Московское государство въ Германіи, называя русскихъ варварскимъ народомъ; что онъ умалялъ честь государя, потому что по возвращеніи своемъ изъ-за границы молился въ церкви сперва за курфирста, а потомъ уже за царя. Такимъ образомъ выработался уже настоящій политическій доносъ, который Фокеродтъ и его сторонники не замедлили подать по начальству вмѣстѣ съ жалобой на своеволіе Баумана въ церковныхъ дѣлахъ. Они доказывали, что офицерская церковь, хотя и построенная преимущественно на средства Баумана, принадлежитъ не ему, а Фокеродту, и просили о возстановленіи правъ послѣдняго и объ удаленіи Грегори. Началось дѣло, очень непріятное для Грегори и его покровителя и тянувшееся нѣсколько мѣсяцевъ, со всевозможными интригами, жалобами, доносами, допросами и т. д. [1]). Грегори оправдывался, но все-таки, былъ оставленъ въ подозрѣніи; царскимъ указомъ 22-го декабря 1668 года велѣно было „у богомольной хоромины въ Нѣмецкой слободѣ пасторомъ быть Ивану Ѳокроту по прежнему, магистру же отъ той богомольной хоромины отказать“. Послѣ этого приговора Бауманъ, ссылаясь на свои не возмѣщенные расходы по постройкѣ офицерской церкви, сломалъ ее, перенесъ на новое мѣсто и поставилъ въ ней пасторомъ Грегори, котораго содержалъ отчасти на свой счетъ, отчасти на деньги, пожертвованныя нѣмецкими князьями, въ особенности — Саксонскимъ герцогомъ Эрнстомъ Благочестивымъ. Эта новая или Бауманóвская церковь была торжественно освящена 2-го февраля 1669 года; при ней была устроена школа, и чтобы занятія въ ней не мѣшали богослуженію, для Грегори былъ выписанъ изъ Нарвы помощникъ, Герардъ Линау. Обученіе въ школѣ было безплатное; въ нее брали богатыхъ и бѣдныхъ юношей, служанокъ, плѣнныхъ или купленныхъ турокъ, татаръ, поляковъ, холоповъ и холопокъ, и учили ихъ закону Божію, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ.

---

[1]) Дѣло это впервые по подлиннымъ документамъ изложено г. *Цвѣтаевымъ* въ названной выше брошюрѣ.

Школа быстро развивалась, но матеріальное положеніе ея, точно также, какъ и положеніе самого Грегори, было далеко не блестящее, въ особенности послѣ того какъ его покровитель Бауманъ уѣхалъ (въ началѣ 1671 года) изъ Россіи. Старые недруги магистра не оставляли своихъ интригъ, и ему, какъ человѣку уже заподозрѣнному, было очень трудно возстановить въ глазахъ правительства свое прежнее достоинство и защититься отъ навѣтовъ. Лаврентію Блюментросту и Рингуберу жилось также очень плохо: вопреки обѣщанію, данному въ призывной грамотѣ, Блюментростъ не только не получилъ мѣста лейбъ-медика, но и самыя его знанія въ медицинѣ и даже въ латинскомъ языкѣ были заподозрѣны, такъ что ему пришлось держать экзаменъ въ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ митрополита Газскаго Паисія Лигарида; однако, и послѣ того онъ все еще оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Что касается до Рингубера, то онъ сначала нѣкоторое время жилъ у Блюментроста и обучалъ его сына медицинѣ и химіи, а затѣмъ въ теченіе года (1671—1672) былъ учителемъ въ школѣ Грегори. Пасторъ, видя, что ему въ Москвѣ не удается пристроиться, хотѣлъ уже отпустить его въ Лейпцигъ; но именно въ это время на Грегори было указано Матвѣеву, какъ на человѣка, способнаго „строить комедіи". Рингуберъ даетъ понять, что это указаніе было сдѣлано врагами Грегори, съ цѣлью поставить его въ еще болѣе затруднительное и непріятное положеніе [1]). Отказаться отъ порученія было не возможно, потому что это значило бы окончательно погубить себя; но и исполнить его, при отсутствіи всякихъ средствъ и при совершенной необычности дѣла, было очень нелегко. Однако Грегори энергично взялся за комидійное строеніе и, при дѣятельномъ участіи своихъ друзей и преданныхъ людей, сумѣлъ обратить это дѣло себѣ въ пользу. На родинѣ пастора, въ его ученическіе годы, повсюду процвѣтали школьныя представленія; можетъ быть, онъ и самъ, будучи студентомъ, не разъ принималъ участіе въ подобныхъ спектакляхъ, такъ какъ въ XVII вѣкѣ большинство странствующихъ труппъ въ Германіи состояло на половину изъ студентовъ, которые любили примкнуть ненадолго къ обществу актеровъ, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, и кое-что зарабо-

---

[1]) Magnus Moscoviae Czar de rebus comicis audiens videre comoediam havet. Num quis esset, qui id praestare posset, quaesitum. *Nemine id audiente, clam defertur* dom. mag. Gregorii pastor: hunc comoediam scribere posse dicunt. En nolentem volentem eo adigit vel czarea clementia, vel periculum. *Rinhuber*, 29.

тать. Словомъ, для Грегори комидійное дѣло не могло быть совершенно неизвѣстнымъ [1]). Но, живя почти уже 14 лѣтъ въ Россіи и посвятивъ себя совершенно инымъ занятіямъ, онъ, естественно, отсталъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о современномъ положеніи драматической литературы и театра въ Германіи, такъ что когда ему пришлось выбирать пьесу, пригодную для представленія, онъ обратился не къ новому репертуару фельтеновской труппы (пьесы котораго, впрочемъ, трудно было и достать въ Москвѣ), а къ старому, изданному за полвѣка передъ тѣмъ (1620 г.) сборнику такъ-называемыхъ „англійскихъ комедій", которыя въ 70-хъ годахъ въ Германіи уже сошли со сцены. Въ этомъ сборникѣ [2]) на первомъ мѣстѣ стоитъ „Комедія о королевѣ Эсѳири и высокомѣрномъ Аманѣ". На ней-то Грегори, по видимому, и остановилъ свое вниманіе. Можетъ быть, впрочемъ, что онъ предложилъ Матвѣеву на выборъ нѣсколько пьесъ, подходящихъ для обработки и представленія „предъ свѣтлыя очи царскаго величества", и самъ Матвѣевъ выбралъ именно эту пьесу. Какъ бы то ни было, 4-го іюня 1672 года, на шестой день по рожденіи Петра Великаго, которое было отпраздновано во дворцѣ большимъ пированьемъ, въ приказѣ Володимірской и Галицкой чети было объявлено, что „царь указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есѳирь, и для того дѣйства устроить хоромину вновь, а на строенье тое хоромины и что на нее надобно покупать изъ приказу володимірской чети. И по тому великаго государя указу камидѣйная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину надобно. А сколько въ тое хоромину лѣсныхъ запасовъ и всякаго наряду, и сколько по цѣнѣ чего пошло, и тому смѣтную роспись подалъ окольничему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву приказу володимерские чети подъячей Аѳанасей Дмит-

---

[1]) Г. *Цвѣтаевъ* (Дѣло Баум., 50) высказываетъ предположеніе, что драматическія представленія бывали и въ школѣ при Баумановской церкви; но въ такомъ случаѣ Грегори могъ бы просто повторить передъ государемъ одну изъ свохъ школьныхъ пьесъ; между тѣмъ, этого онъ не дѣлалъ, а ставилъ пьесы совершенно иного характера.

[2]) Engelische Comedien und Tragedien, das ist: sehr schöne, herrliche und ausserlesene geist- und weltliche Comedi und Tragedi Spiel sampt dem Pickelhering, и пр. gedruckt im Jahr M. DCXX. Перепечатано *Tittmann*'омъ въ изданіи Deutsche Dichter des XVI Jahrhunderts, B. 13, Lpz. 1880.

ріевъ" [1]). Прежде чѣмъ дать этотъ указъ и такимъ образомъ узаконить небывалую до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ театральную потѣху, царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ, можно ли допустить нѣмцевъ играть во дворцѣ комедію, и духовникъ, протопопъ Андрей Савиновъ—далъ разрѣшеніе, ссылаясь на примѣръ прочихъ христіанскихъ государей и въ особенности — православныхъ византійскихъ императоровъ, которые устроивали театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ [2]). Такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая старую Русь все ближе и ближе къ европейскому міру.

Покуда строилась комидійная хоромина, Грегори и Рингуберъ сочиняли „трагико-комедію" объ Эсѳири и Артаксерксѣ, затѣмъ собрали дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка и, при помощи учителя Юрія Михайлова и переводчика посольскаго приказа Георга Гюбнера [3]), стали упражнять ихъ in exercitio comico на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ [4]). Одинъ изъ друзей пастора, голландскій живописецъ „Петръ Гавриловъ" Инглисъ, писалъ декораціи и, вѣроятно, распоряжался устройствомъ сцены; церковный органистъ Симонъ Гутовскій и другой „игрецъ", Тимоѳей Гасенкрухъ, вмѣстѣ съ дворовыми музыкантами Матвѣева, составили оркестръ. Дѣло представляло, конечно, не мало трудностей, но, благодаря энергіи пастора и его помощниковъ, черезъ четыре съ половиною мѣсяца все было готово, и 17-го октября 1672 года [5]) состоялось первое представленіе „Артаксерксова дѣйства". Царь былъ очарованъ не виданнымъ дотолѣ спектаклемъ и внимательно слѣдилъ за ходомъ пьесы, впродолженіе десяти часовъ не вставая съ мѣста. Грегори и участники дѣйства, въ особенности сынъ доктора Блюментроста (впослѣдствіи — знаменитый архіатръ Петра Великаго и первый президентъ Академіи Наукъ), исполнявшій главную роль (вѣ-

---

[1]) *Лѣтописи*, изд. *Тихонравова*, т. III, отд. 2, стр. 28. Расходныя книги приказа Галицкой чети—во *Временникѣ Общ. Ист. и Др.* 1856, кн. 24 и у *Калачева—Архивъ юрид. и практич. свѣд.*, 1869, вып. VI.

[2]) *Пекарскій*, Н. и Л., I, 392.

[3]) По русски его звали „Гивнеръ"; самъ онъ подписывался Hübner или, можетъ быть, Hühner, но не Hähner, какъ у *А. Н. Веселовскаго*, Deutsche Einfl., 18.

[4]) Scripsit ergo, me socium sibi adjungens, tragico-comoediam Ahasveri et Esthrae, quam et germanice, et slavonice trium mensium spatio pueros edocui agentes. *Rinhuber*, 29.

[5]) Эта дата установлена съ полною несомнѣнностью свидѣтельствомъ Рингубера. Ср. также Ecclesia militans, S. 14.

роятно, роль Эсѳири), были обласканы и вскорѣ щедро награждены: 21-го января 1673 года Матвѣевъ объявилъ царское распоряженіе „взять въ посольскій приказъ сорокъ соболей во сто рублевъ, да пару въ восемь рублевъ, а изъ посольскаго приказу отдать тѣ соболи его, великаго государя, на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строенье, что объ Артаксерксовѣ царствованіи". На свѣтлой недѣлѣ, 6-го апрѣля того же года, „были у великаго государя у руки и видѣли его, великаго государя, пресвѣтлыя очи магистръ, пасторъ Яганъ Готфридъ, да учитель Юрья Михайловъ, да съ ними экомедіанты Артаксерксова дѣйства. А напередъ сего изъ посольскаго приказу пасторы и иноземческія дѣти у великаго государя у руки не бывали" [1]). Еще раньше, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1672 года, иноземецъ Фридришко Госенъ, бывшій по указу великаго государя въ комидійномъ дѣйствѣ, просилъ вправить его въ поручецкій чинъ и дать ему жалованье. Просьба эта была исполнена. Экземпляръ Артаксерксова дѣйства, поднесенный царю, велѣно было переплести въ сафьянъ съ золотомъ. Не смотря, однако же, на эту заботливость о комедіи, до нашего времени она, все-таки, не сохранилась. Текстъ ея, несомнѣнно, былъ написанъ по русски; изъ показанія Рингубера, обучавшаго будущихъ актеровъ germanice et slavonice при помощи русскаго учителя Юрія Михайлова, слѣдуетъ заключить, что и представлена была пьеса также на русскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы предположить, что царь или слѣдилъ за ходомъ дѣйствія по рукописному экземпляру пьесы, или все время слушалъ переводчика, толковавшаго ему каждое слово дѣйствующихъ лицъ: и то, и другое было, конечно, очень неудобно. Можетъ быть, однако, что нѣкоторые изъ актеровъ, не зная русскаго языка, вели свои рѣчи по нѣмецки.

Комидійная хоромина, выстроенная по царскому указу въ селѣ Преображенскомъ, была не очень велика: приблизительно 10 саженъ въ квадратѣ, при вышинѣ въ 6 аршинъ, и огорожена заборомъ со створчатыми воротами [2]). Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество заграничнаго сукна, краснаго и зеленаго, ковровъ и другихъ предметовъ для украшенія театра. Стѣны и полы

---

[1]) *Тихонравовъ*, Русск. драм. произв., I, стр. XI.

[2]) Записка объ употребленномъ на ея постройку лѣсномъ матеріалѣ, стоившемъ болѣе тысячи рублей, напечатана у *Забѣлина*, Бытъ русск. цариц, 474.

кругомъ были обиты войлоками, а по нимъ убраны сукнами и коврами. Царское мѣсто, конечно, впереди другихъ, было обито краснымъ сукномъ; остальные зрители сидѣли на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ; устроены были также полки, то-есть, мѣста амфитеатромъ. Сцена была отдѣлена отъ зрительнаго зала брусомъ съ перилами и, вѣроятно, нѣсколько поднята; занавѣсъ, долго сохранявшій нѣмецкое названіе „шпалеръ" (Spalier), былъ раздвижной на обѣ стороны и висѣлъ на мѣдныхъ кольцахъ на толстомъ желѣзномъ прутѣ. Какъ сцена, такъ и зрительная зала, освѣщались большими сальными свѣчами, вставленными на утвержденные на доскахъ подсвѣчники. Декораціи, называвшіяся „рамами перспективнаго письма" изготовлялись уже упомянутымъ голландцемъ Петромъ Инглисомъ, котораго титуловали „перспективнаго дѣла мастеромъ"; въ записи 1674 года такихъ декораціонныхъ рамъ насчитывается уже 36 штукъ разной величины. На костюмы, парики и прочія принадлежности не жалѣли расходовъ. Грегори подавалъ Матвѣеву „роспись, что ему надобно на комедію", и получалъ деньги изъ приказа Галицкой чети. Такъ, напримѣръ, въ записномъ расходномъ столбцѣ этого приказа подъ 6-мъ октября 182 (1673) года отмѣчено: „По указу государя царя и пр. окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ магистру Іягану Готфриту ко исправленію комедіи на платье ангеловъ и на молодого Товію и на одѣяніе его спутьшественниковъ дать изъ доходовъ приказу галицкие чети тридцать рублевъ съ роспискою" (дѣло шло о представленіи комедіи о Товіи, которое и состоялось 2-го ноября того же года); 9-го октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комединную хоромину на обивку стѣнъ 216½ аршинъ суконъ анбурскихъ червчатыхъ (гамбургскихъ красныхъ); далѣе упоминается, что „на бороды евреевъ и на иную меньшую починку" выдано 5 рублей; мастеру Энрику заплачено за починку вѣнца; Грегори заявлялъ, что для комедіи „платья многово нѣтъ" и костюмы шились по его указаніямъ особыми портными [1]). Вообще, видно, что Матвѣевъ, покровитель и любитель театра, старался доставлять новоустроенной потѣхѣ всѣ средства для приличнаго устройства сцены и тщательной постановки дѣйствъ. Оркестръ состоялъ

---

[1]) Изъ одной записки Грегори, отъ 22-го января 1673 года, видно, что роли, для заучиванія ихъ актерами, расписывались также, какъ это дѣлается и теперь: пасторъ проситъ выдать ему „четыре дести бумаги, *написать робятомъ комедія*".

изъ нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева, которые играли на органахъ, на віолахъ (рылѣ) и въ страменты; вѣроятно, въ этомъ оркестрѣ находились и музыканты, привезенные фанъ-Стаденомъ, имя котораго иногда упоминается въ замѣткахъ о спектакляхъ. Нѣкоторыя представленія сопровождались танцами. Иногда весь комидійный нарядъ перевозился изъ Преображенскаго въ Москву, и спектакли устроивались въ кремлевскихъ палатахъ, надъ придворною аптекою; отсюда театръ временами опять перевозился въ Преображенское, смотря по желанію царя [1]). Представленія происходили обыкновенно по вечерамъ и затягивались иногда до поздней ночи [2]). Зрителями комидійнаго дѣйства были всѣ приближенные царя: „бояре

---

[1]) „181 года генваря въ 22-й день великій государь царь... указалъ надъ оптѣкою, что на дворцѣ въ полатахъ, построить какъ быть комидѣйному дѣлу... 181 года генваря въ 23-й день, по указу великаго государя царя... и по приказу околничаго А. С. Матвѣева, перевезены изъ села Преображенскаго ис комидійной хоромины рамы перспективаго письма къ Москвѣ и взнесены въ палаты, что надъ оптѣкою; а для взносу, что болшие и середние рамы въ двери не прошли, перстерты и построены здвижными, и къ тѣмъ рамамъ придѣлано сто задвижекъ да двѣсти скобъ желѣзныхъ. За желѣзо и за дѣло по уговору кузнецу Сенке Троѳимову три рубли десять алтынъ, да провозу отъ тѣхъ рамъ отъ тридцати ото шти штукъ отъ села Преображенскаго къ Москве до дворца на десять подводъ извощикамъ Андрюшке Яковлеву с товарищи по три алтына на подводу, всего четыре рубли шесть алтынъ четыре денги... 182 г. февраля въ 24-й день, по указу... околничей Матвѣевъ приказалъ изъ полатъ, что построены надъ оптекою для комидѣйнаго дѣйства, рамы и ковры и сукна и стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидѣйнаго жь дѣйства въ село Преображенское въ комидѣйные хоромы *наскоро*, на наемныхъ подводахъ... Того жь числа посылано изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по Симона органиста и по ево учениковъ, да въ Новонѣмецкую слободу по игрецовъ по Тимоѳея Гасенкруха съ товарищи, да по музыкантовъ... Да въ село жь Преображенское въ комидѣйные жь хоромы х комидѣйному дѣйству купленъ на Москвѣ-рѣкѣ на льду столъ дубовой... Да февраля жь въ 27-й день изъ села Преображенскаго ис комидѣйныхъ хоромъ тѣ жь рамы и ковры и сукна и всякой нарядъ и органы перевезены къ Москвѣ въ полаты, что надъ оптекою, для комидѣйного жь дѣйства“. На время поста 1673 г. театральные уборы, ковры, сукна и всякое потѣшное платье были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ зданій, хотя все еще, по старой памяти, назывался дворомъ Милославскаго. Это—такъ называемый потѣшный дворецъ, или теперь комендантскій домъ. *Забѣлинъ*, 475.

[2]) „Началась комидія въ пятомъ часу ночи (то-есть, по нашему счету—въ десятомъ); *отошла* до свѣту за три часа“, слѣдовательно, въ пятомъ часу утра.

и околничіе, и думные дворяне и думные дьяки, и ближніе люди всѣ, и стольники, и стряпчіе". Когда въ Преображенскомъ была поставлена „Іудиѳь" (въ ноябрѣ 1674 г.) царь разослалъ ко всѣмъ приближеннымъ, не сопровождавшимъ его въ Преображенское, нарочныхъ сокольниковъ и конюховъ стремянныхъ, съ приказомъ: „быть съ Москвы нарошно къ великому государю въ походъ, въ село Преображенское" [1]). Въ томъ же году, на представленіи „Эсѳири", кромѣ придворныхъ, были съ одной стороны, „государыня царица и государи царевичи и государыни царевны", а съ другой — всякихъ чиновъ люди [2]). По свидѣтельству Рейтенфельса [3]), для царицы и царевенъ были устроены особыя мѣста, въ родѣ ложъ, отгороженныхъ частою рѣшеткою, сквозь которую они и смотрѣли на сцену, не будучи видны остальной публикѣ, наполнявшей залу. Такимъ образомъ, даже и женская половина царской семьи, хотя и не открыто, но все-таки любовалась новою нѣмецкою потѣхой и не считала этого развлеченія зазорнымъ.

Существованіе театра, по видимому, было упрочено; его старались обставить какъ можно лучше, старались дать комидійному дѣлу возможность правильнаго дальнѣйшаго развитія. Въ половинѣ 1673 года пастору Грегори было поручено обучать спеціально комидійному строенью 26 человѣкъ мѣщанскихъ и подъяческихъ дѣтей, набранныхъ въ „его царскаго величества экомедіанты" изъ Новомѣщанской слободы; такимъ образомъ устроилась настоящая театральная школа. Матеріальное положеніе этихъ первыхъ дѣятелей русской сцены было, однакоже, въ первое время совершенно не обезпечено, такъ что крайняя нужда заставила ихъ, наконецъ, обратиться къ царской милости съ такою характерною челобитною:

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержцу, бьютъ челомъ подъячишка Васка Мешалкинъ с товарищи. В нынешнем государь во 181 году июня въ 16-й день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, въ немецкую слободу для научения камидѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя к нему магистру

---

[1]) Дворцовые Разряды, III, 1131.

[2]) *Строевъ*. Выходы государей царей. М. 1844, указатель, 41.

[3]) De rebus Moschoviticis. Patav. 1680, p. 105.

и учася у него, платьишком ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержецъ! пожалуй насъ холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитанье поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комедиінаго дѣла, голодною смертію не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!" [1])

Просьба обнищалыхъ и голодныхъ актеровъ была исполнена: „По указу великаго государя царя . . . и по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Григорья Богданова, велѣно давать великаго государя жалованья поденнаго корму комедиантом, мѣщанским дѣтем 26-ти человѣкомъ, с того числа какъ почели быть въ ученье у магистра и впредь, покамѣсть въ ученье побудутъ, по 4 денги человѣку въ день. Дано іюня съ 16 числа прошлаго 181 году сентября по 1 число нынѣшняго 182 году по 4 деньги человѣку на день, и того 34 рубли 10 алтынъ 4 денги. А сентября съ 1 числа нынѣшняго 182 году тѣм комедиантом поденной корм давать ли— и о томъ великій государь какъ укажетъ.—182 года октября въ 10 день по указу великаго государя . . . давать имъ его великаго государя жалованья поденнаго корму с сего числа на день по 4 денги с **свидѣтельством**",—то-есть, съ аттестаціею Грегори, который самъ и расписывался въ полученіи этихъ денегъ. [2]) Изъ другихъ русскихъ актеровъ этого времени, товарищей Василія Мѣшалкина, по роспискамъ въ полученіи кормового жалованья извѣстны имена Николая и Родіона Ивановыхъ, Тимоѳея Максимова и Луки Степанова.

Этими данными исчерпываются наши свѣдѣнія о внѣшней сторонѣ перваго русскаго театра. Что касается до внутренней его стороны, до содержанія тѣхъ пьесъ, которыя ставилъ Грегори на своей сценѣ, то самаго поверхностнаго знакомства съ уцѣлѣвшими до нашего времени образцами достаточно для того, чтобы убѣдиться, что эти дѣйства не имѣютъ почти ничего общаго съ драматическими произведеніями нѣмецкихъ или южно-русскихъ школьныхъ учителей и Симеона Полоцкаго. Грегори, подобно школьнымъ драматургамъ, „дѣйствовалъ изъ Библіи": вслѣдъ за „Эсѳирью" онъ далъ комедіи

---

[1]) *Тихонравовъ*, I. с. 30.

[2]) Расходный столбецъ приказу Галицкія чети.

объ Іудиѳи, о Товіи, объ Іосифѣ; но при обработкѣ библейскихъ сюжетовъ онъ руководился совершенно иными правилами и воззрѣніями. Школьная драма на первый планъ выдвигала нравоученіе, морализацію сюжета, обыкновенно при помощи аллегорій и риторическихъ параллелей, при чемъ на развитіе дѣйствія не обращалось почти никакого вниманія. Грегори, на оборотъ, не задаваясь спеціально нравоучительными цѣлями, прежде всего имѣлъ въ виду литературный или, точнѣе, сценическій интересъ пьесы, заботился не столько о морали сколько о самой драмѣ. Онъ далъ только одну пьесу строгаго школьно-нравоучительнаго характера—комедію объ Адамѣ и Евѣ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ [1]), онъ самъ выдвинулъ эту серьезную, строго выдержанную въ стилѣ духовной драмы, каноническую пьесу изъ ряда другихъ дѣйствъ своего репертуара, назвавъ ее „жалостною", въ отличіе отъ остальныхъ—„прохладныхъ" или „потѣшныхъ" комедій. Выборъ библейскихъ сюжетовъ обусловливался какъ общимъ направленіемъ литературы XVII столѣтія, такъ и тѣми особенными условіями, въ какія былъ поставленъ первый русскій театръ: нѣмецкая потѣха представилась бы слишкомъ безчинною и зазорною, еслибы сцена сразу приняла свѣтскій характеръ; не слѣдуетъ, конечно, забывать и духовнаго сана Грегори. Но съ другой стороны нѣмцы относились къ библейскимъ сюжетамъ съ большою свободою и самостоятельностью: они дѣйствовали Библію въ духѣ старинныхъ мистерій, и наконецъ, вслѣдъ за библейскими драмами поставили на сцену пьесу уже чисто свѣтскаго содержанія, „Темиръ-Аксаково дѣйство" или комедію о Баязетѣ и Тамерланѣ. Всѣ эти отличительныя черты репертуара Грегори роднятъ его съ особымъ видомъ западно-европейской драматической литературы XVI—XVII вв., съ такъ-называемыми **англійскими комедіями**.

Въ Англіи, гдѣ театръ уже въ началѣ XVI вѣка достигъ блестящаго и оригинальнаго развитія,—въ Англіи раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, появляются и профессіональные актеры, люди, не знающіе другаго дѣла, кромѣ сцены. Во второй половинѣ XVI вѣка представители этой свободной профессіи, — сначала всевозможные „игрецы", то-есть, музыканты, фокусники, веселые потѣшники, а затѣмъ и настоящіе актеры начинаютъ предпринимать поѣздки на европейскій континентъ,—особенно въ Данію, Голландію и, нако-

---

[1]) Русск. драм. произв., I, стр. XIII.

нецъ, въ Германію. [1]) Въ 1585 году знаменитый покровитель Шекспира, графъ Лейстеръ, явился въ Голландію съ войскомъ, посланнымъ королевою Елизаветою на помощь Генеральнымъ Штатамъ противъ Филиппа II. Графа сопровождала труппа актеровъ, которую онъ содержалъ на свой счетъ; другую труппу онъ рекомендовалъ Датскому королю Фридриху II; въ 1586 году пятеро англичанъ изъ этой датской труппы являются при дворѣ Саксонскаго курфирста Христіана I и увеселяютъ его игрою на скрипкахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, а также „танцами и другими искусствами, которымъ они обучались". Успѣхъ этой труппы вызвалъ появленіе на континентѣ другихъ, подобныхъ ей, странствующихъ компаній сначала „инструментистовъ", а затѣмъ уже и актеровъ. Въ 1591—1600 годахъ по Голландіи, а затѣмъ и по Германіи разъѣзжала небольшая труппа, показывавшая свое искусство въ музыкѣ, гимнастикѣ (agilitez) и представленіи комедій, трагедій и „исторій". Впослѣдствіи (въ 1602—1617 гг.) одинъ изъ принципаловъ этой труппы, Томасъ Сэквиллъ, съ товарищами, находился при дворѣ герцога Брауншвейгскаго Генриха-Юлія, который былъ страстнымъ любителемъ театра и самъ писалъ трагедіи и комедіи въ англійскомъ стилѣ; другую подобную же труппу держалъ при своемъ дворѣ ландграфъ Морицъ Гессенскій. Обѣ эти труппы, время отъ времени, предпринимали поѣздки по всей Германіи; ихъ примѣру слѣдовали многія другія, пріѣзжавшія, обыкновенно, черезъ Голландію и потому получившія названіе „англійсконидерландскихъ" или даже просто „нидерландскихъ" компаній. Въ первой половинѣ XVII столѣтія онѣ являются повсюду, при дворахъ нѣмецкихъ князей, во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бельгіи, Моравіи, Польшѣ (1616—1617 гг.), быстро пріобрѣтая широкую популярность. Первоначально эти труппы состояли изъ однихъ англичанъ и давали свои представленія на англійскомъ языкѣ, что̀, однако,

[1]) Извѣстія о странствованіяхъ англійскихъ комедіантовъ по средней Европѣ собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ у *Gödecke*, Grundriss, II-e, 524—542; краткій очеркъ исторіи этихъ бродячихъ компаній сдѣланъ *Tittman*'омъ въ изданіи Deutsche Dichter des XVI Jahrh., III (Lpz. 1868), Einleitung. См. также *I. Meissner*, Die englische Comoedianten in Wien, W. 1884; *Zeitschr. für vergl. Liter.*, hrsg. v. *M. Koch* und *E. Geiger*, N. F., Bd. I. 1-tes Heft (1887), статья *Gust. Könnecke*, Neue Beiträg zur Gesch. der engl. Komödianten; Anglia 1887, Bd. X, 2-fe Heft, S. 289: *E. Soffé*, Eine Nachricht über engl. Komödianten in Mähren. Хронологическій перечень Gödecke обнимаетъ періодъ съ 1585 по 1666 гг.

не мѣшало публикѣ усердно посѣщать эти спектакли и очень ими интересоваться (вѣдь посѣщались же даже латинскія школьныя дѣйства). Въ англійскихъ представленіяхъ привлекали зрителей, даже не понимавшихъ языка, музыка, пѣніе, танцы и шутовскія выходки клоуна, бывшаго непремѣннымъ участникомъ всѣхъ этихъ спектаклей. Эта „дурацкая персона“ уже въ первые годы дѣятельности англійскихъ комедіантовъ въ Германіи овладѣла нѣмецкимъ языкомъ и потѣшала публику въ антрактахъ между дѣйствіями [1]). Съ теченіемъ времени, съ одной стороны, англичане выучивались по нѣмецки, а съ другой—и составъ англійскихъ труппъ понемногу измѣнялся; къ нимъ присоединялись актеры голландскіе и нѣмецкіе, такъ что явилась возможность уже совершенно оставить англійскій языкъ. Наконецъ, нѣмецкіе актеры взяли уже рѣшительный перевѣсъ: бывали такія компаніи, въ которыхъ не было ни одного англичанина, и которыя, не смотря на то, все-таки продолжали называться „англійскими“, потому что это названіе было въ то время въ модѣ и указывало на извѣстный, опредѣленный характеръ представленій. Послѣ тридцатилѣтней войны англійскіе комедіанты мало по малу сходятъ со сцены; послѣднія извѣстія о нихъ не идутъ далѣе 1666 года; но ихъ вліяніе долго еще чувствовалось въ нѣмецкой драматической литературѣ и существеннымъ образомъ отозвалось на ея характерѣ и развитіи. Эти профессіональные сценическіе дѣятели принесли въ Германію и надолго утвердили на нѣмецкой сценѣ особенный репертуаръ, рѣзко отличавшійся отъ нѣмецкой школьной драмы какъ формою, такъ и содержаніемъ пьесъ. Отвергая всякія „правила драматическаго сочиненія“, всякую нравоучительную тенденцію и не соблюдая никакого единства дѣйствія, англичане брали содержаніе своихъ пьесъ изъ священной и свѣтской исторіи, изъ рыцарскаго романа и легенды, изъ народнаго преданія, старой баллады, италіанской новеллы, англійской хроники и т. д. и обработывали выбранный сюжетъ съ полною свободою, заботясь только о возможно болѣе

[1]) Diesolbige agerden... *in ihrer engelscher sprache.* Si hetten bi sich vielle verschieden instrumente, dar sie uf speleden, als luten, zitteren, fiolen, pipen und dergelichen; sie dantzeden vielle und froemmede dentze (so hir zu lande nicht gepruechlich) in anfange und ende der comedien. Sie hetten bei sich einen schalkes narren, so *in duescher sprache* vielle boetze und geckerie machede under den ageren, wan sie einen neuwen actum wolten anfangen und sich umbkleiden, darmidt ehr das volck lachent machede. Изъ Мюнхенской хроники 1601 г., *Gödecke*, l. c.. 528, № 36.

эффектномъ сценическомъ впечатлѣніи. Ужасныя, кровавыя сцены убійствъ и казней съ самыми реальными подробностями безпорядочно переплетаются въ этихъ пьесахъ съ шутовскими эпизодами обыденной жизни, надутое многословіе трагическихъ героевъ смѣшивается съ грубою, часто циничною прозою черни; напыщенныя любовныя сцены въ стилѣ италіанскихъ пасторалей смѣняются дракою шутовъ; вообще, быстрая смѣна событій поражаетъ всякаго рода неожиданностями, а для усиленія эффекта къ дѣйствію прибавляется еще музыка, пѣніе (такъ-называемыя Singetspiele); антракты наполняются пляской, представленіями акробатовъ, фокусниковъ и выходками клоуновъ,—часто импровизированными.

Огромный успѣхъ и популярность, выпавшіе на долю англійскихъ комедіантовъ въ Германіи, объясняются тѣмъ, что они были актеры по профессіи, а не дилеттанты, какъ ихъ предшественники и, слѣдовательно, были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нравиться публикѣ и привлекать ее зрѣлищемъ всевозможныхъ эффектовъ, въ особенности — сраженій и всякаго рода кровопролитія, щекотавшаго нервы толпы, которая шла въ театръ съ тѣмъ же любопытствомъ, какое гнало ее къ эшафоту или заставляло въ мистеріи Страстей Христовыхъ изображать распятіе со всѣми его подробностями. Съ другой стороны, не менѣе притягательною силою обладалъ, конечно, и ничѣмъ не сдерживаемый юморъ шута, обильно приправленный крѣпкими словами и выразительною пантоминой.

Съ точки зрѣнія литературной, „англійскія комедіи" представляютъ не что иное, какъ эпическій разказъ, переложенный въ разговоры и разбитый на сцены. Дѣйствіе въ нихъ совершенно лишено внутренней связи: мы видимъ рядъ явленій, удовлетворяющихъ любопытству публики и дающихъ ей возможность поплакать или посмѣяться, всевозможныя приключенія, странствованія героевъ и героинь по всему свѣту, различныя опасности, которымъ они при этомъ подвергаются, — но почти не видимъ центральнаго событія, которое было бы ядромъ пьесы: до такой степени она загромождена массою постороннихъ подробностей. Драма развивается совсѣмъ на эпическій ладъ, подобно сказкѣ: она изображаетъ отдѣльныя событія рядомъ одно съ другимъ, предоставляя зрителю отыскивать связь между ними и догадываться о душевномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Самый способъ выраженія отличается постояннымъ схематизмомъ: дѣйствующія лица обыкновенно говорятъ: „Теперь я сдѣлаю то-то и то-то", а затѣмъ: „вотъ, теперь я это сдѣлалъ"; о дѣйствіи, только-что

совершенномъ передъ публикою со всѣми подробностями, разказываютъ очень обстоятельно, какъ будто бы оно и не происходило на сценѣ; событія, раздѣленныя многолѣтними промежутками, помѣщаются рядомъ, иногда въ одномъ и томъ же явленіи; словомъ, эта драма еще не успѣла освободиться отъ повѣствовательной формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣетъ очень много общаго съ кукольнымъ представленіемъ: кукла не имѣетъ внутренней драматической жизни и потому всѣ ея движенія должны быть объяснены словами и всѣ психическіе мотивы, вся игра страстей излагаются какъ можно подробнѣе; актеры XVII столѣтія, въ сущности, были такими же куклами на проволокахъ изображаемой ими исторіи; они „слишкомъ усердно пилили воздухъ руками, разрывали страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ушахъ райка, который не смыслитъ ничего, кромѣ неизъяснимой нѣмой пантомины и крика; старались переиродить самого Ирода; въ словахъ и походкѣ не походили ни на христіанъ, ни на язычниковъ, ни вообще на людей; выступали и орали такъ, точно какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно,—такъ ужасно подражали они человѣчеству...“ [1]) Но настоящей драмы, внутренней психической жизни во всемъ этомъ, все-таки, не было, потому что не было ея въ самыхъ пьесахъ, которыя, при всемъ нагроможденіи трагизма и внѣшнихъ эффектовъ, были, повторяемъ, лишены живого дѣйствія.

Постояннымъ дѣйствующимъ лицомъ „англійскихъ комедій“ является дурацкая персона клоуна, народнаго шута, представляющая особенный, характерный типъ, разработанный въ подробностяхъ актерами-спеціалистами. Фигура, многими чертами напоминающая средневѣкового нѣмецкаго Совѣстдрала и, конечно, имѣющая длинный рядъ предковъ въ лицѣ средневѣковыхъ народныхъ потѣшниковъ и древне-римскихъ глумотворцевъ, выступаетъ на сцену подъ разными прозвищами, большею частью означающими любимое народное кушанье [2]): въ Англіи—Jack Pudding или Posset (молочный пуншъ), въ Италіи—Giovanni Maccaroni, во Франціи — Jean Potage (въ нѣмецкой передѣлкѣ—Schampitasche), въ Германіи — Hans Wurst, въ Голландіи—

---

[1]) Гамлетъ, III, 2.

[2]) Это замѣтилъ еще Аддиссонъ въ своемъ „Зрителѣ“: „There is a set of merry-drolls, whom the common people of all countries admire, and seem to love so well, *that they could eat them*, according to the old proverb: J mean those circumforaneous wits whom every nation calls by the name of that dish of meat which it loves best“. *The Spectator*, №47, April 24.

Jan Pickelhering, и т. д. [1]). Имя Гансвурста, впервые встрѣчающееся въ нижне-нѣмецкомъ „Narrenschiff" 1497 года, является на сценѣ лишь въ половинѣ XVI столѣтія [2]); но этотъ типъ выработался въ опредѣленную комическую маску только подъ вліяніемъ англійскихъ комедіантовъ и достигъ полнаго своего развитія лишь въ XVIII вѣкѣ, въ фарсахъ неистощимаго вѣнскаго глумотворца Іосифа Страницкаго и Франца Шуха.

Въ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ обработкахъ „англійскихъ комедій" шутовская персона является обыкновенно съ именемъ Пикельгеринга (pickled herring, маринованная селедка). Принадлежность этой разновидности шутовского типа именно англійскимъ комедіантамъ удостовѣрена документально свидѣтельствомъ 1631 года: „Diesen Monsieur Pickelhäring haben die Engelländischen Comödianten erstmalen in Deutschland eingeführet" [3]), происхожденіемъ же своимъ она обязана классической странѣ сельдей — Голландіи [4]). Англійскіе комедіанты вначалѣ выводили шута подъ его нарицательнымъ именемъ—клоуна (съ этимъ именемъ онъ является даже въ пьесахъ нѣмецкихъ послѣдователей англійскаго стиля,—герцога Генриха-Юліуса и Якова Айрера), но вскорѣ дали ему собственное имя Пикельгеринга, которое едва ли не пережило на нѣмецкой сценѣ самую „англійскую комедію". Подобно своему нѣмецкому товарищу Гансвурсту, Пикельгерингъ соединяетъ въ своей особѣ всевозможныя комическія черты: онъ и неповоротливый, грубый обжора (Tölpel), и ловкій пройдоха-плутъ, и глупый лѣнтяй, и предпріимчивый, веселый малый, на всѣ руки мастеръ, — все смотря по обстоятель-

---

[1]) Въ нѣмецкихъ пьесахъ XVII вѣка встрѣчаются еще названія: Jahn Possenreisser, Kurzweiler (потѣшникъ), Narr, Tanzmann, Jahn Clam или Klan (clown), Jan Panser (толсторожій, франц. panse, нѣм. Panze) и др.

[2]) Въ пьесѣ Петра Пробста: Fastnachtspiel vom Kranken Bauern, 1553. См. *Archiv für Literaturgesch.* IV, 409—425.

[3]) *Albert Cohn*, Shakespeare in Germany, Lond. 1865, p. XCVIII.

[4]) Не довольствуясь простымъ объясненіемъ имени Пикельгеринга, нѣмцы придумывали для него разныя мудреныя этимологіи, напримѣръ, производили Pickel отъ древне-нѣмецкаго pickeln=Possen treiben, или отъ pikiren = играть въ пикетъ, или отъ голландскаго guichelaar = Gaukler; въ словѣ же „Hering" видѣли древне-нѣмецкое hringi, знатнѣйшій (такъ что, стало быть, Pickelhering должно было значить: „оберъ-шутъ"), или hring, собраніе, или даже haar. *Flögel's* Gesch. des Grotesk-Komischen, bearb. v. *Ebeling*, 5-te Aufl. 1888, S. 175. Въ миніатюрахъ фламандскихъ рукописей XV столѣтія дурацкій колпакъ часто украшается селедкой, какъ эмблемою національнаго шутовского типа. *Wesselofsky*, o. c. 27, примѣч.

ствамъ. Не представляя индивидуальнаго комическаго типа, онъ въ каждую данную минуту можетъ выдвинуть на первый планъ ту или другую смѣшную сторону, всегда съ оттѣнкомъ насмѣшки надъ самимъ собою, и ни при какихъ обстоятельствахъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. „Роль Пикельгеринга", говоритъ Девріентъ,— [1]) „собственно даже не роль, а общее мѣсто, какое-то попурри изъ плутовства, глупости, насмѣшливости, наивности и пошлости; это условный сценическій типъ, комическій хоръ, въ которомъ отражаются смѣшныя стороны дѣйствія, олицетвореніе народнаго юмора, который дерзко врывается въ самыя серьезныя сцены и тутъ потѣшается надъ всѣмъ знатнымъ, высокимъ или напыщеннымъ или являетъ ему противоположность собственною грубою фигурою". Иногда ему даются второстепенныя роли, требующія, однако, частаго появленія на сценѣ: онъ является слугою, вѣстникомъ, стражемъ, воиномъ; знаетъ много такого, что̀ неизвѣстно другимъ дѣйствующимъ лицамъ; все подмѣчаетъ и всѣмъ пользуется, чтобы вызвать комическій эффектъ; иногда онъ бываетъ лѣкаремъ, иногда — палачемъ, послѣднее еще по старой, средневѣковой привычкѣ. Но вообще его роль, какая бы она ни была, не имѣетъ непосредственной, органической связи съ пьесою; оттого она часто и не писалась цѣликомъ, а исполненіе ея предоставлялось импровизаторской изобрѣтательности актера: въ упомянутомъ уже сборникѣ „англійскихъ комедій" 1620 года иногда вмѣсто цѣлой сцены просто находится отмѣтка: „Здѣсь дѣйствуетъ Пикельгерингъ". Эти импровизаціи въ грубо-народномъ вкусѣ часто доходили до крайнихъ предѣловъ безстыдства, вызывавшаго протесты даже со стороны далеко не церемонныхъ зрителей XVII вѣка [2]), такъ что иногда „англійскимъ комедіантамъ" по этой

---

[1]) Gesch. d. deutsch. Schauspielkunst, I, 178.

[2]) О шуткахъ Пикельгеринга можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ изъ Маркса Мангольдта, 1597 г.:

Wie der Narr drinnen, *Jan* genennt,
Mit Bossen wer so excellent:
Welches ich auch bekenn fürwar,
Dass er damit ist Meister gar.
Verstellt also sein Angesicht,
Dass er keim Menschen gleich mehr sicht.
Auff tölpisch Bossen ist sehr geschickt,
Hat Schuch, der Keiner jhn nicht trückt.
In sein Hosen noch einr hett Platz,
Hat dran ein unhehewren Latz.

причинѣ не разрѣшали представленій [1]). Слѣды этого безстыдства остались и въ пьесахъ репертуара Грегори, которыми, впрочемъ, зрители были очень довольны. До насъ дошло современное изображеніе Пикельгеринга на заглавномъ листѣ небольшой брошюры, изданной около 1649 года: „Gesprech zwischen dem englischen Bickelhering und frantzösischen Schanpetasen (то-есть, Jean Potage) über das schändliche Hinrichten Königl. Majestät in Engelland, Schott und Ireland". Пикельгерингъ костюмированъ по-военному; на головѣ у него шляпа въ родѣ тирольской, но вдвое выше, украшенная двумя довольно длинными пѣтушьими перьями; одѣтъ онъ въ короткую, плотно стянутую и застегнутую на двѣ пуговицы куртку съ очень широкимъ отложнымъ воротникомъ, въ короткіе, но широкіе штаны; на ногахъ башмаки; за поясомъ короткій мечъ или ножъ [2]).

Въ сборникѣ 1620 года (который былъ перепечатанъ въ 1624 году) находятся комедіи: объ Эсфири и Аманѣ; о Блудномъ сынѣ; о Фортунатѣ; о королевскомъ сынѣ изъ Англіи и королевской дочери изъ Шотландіи; Сидонія и Теагена; Нѣкто и Никто; Юлій и Гипполита; Титъ Андроникъ; двѣ пьесы съ Пикельгерингомъ въ главной роли и шесть „Auffzüge" или „Singetspiele" въ стихахъ и съ нотами, для пѣнія въ антрактахъ. Во второй части сборника, изданной въ 1630 году подъ заглавіемъ: „Liebeskampff", помѣщено восемь пьесъ, въ томъ числѣ комедія о могуществѣ Купидона, объ Аминтѣ и Сильвіи, Испытаніе вѣрной любви, о королѣ Манталорѣ и двѣ Singe-Comödien. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ комедій вошли въ изданный

Sein Juppen jhn zum Narren macht,
Mit der Schlappen die er nicht acht
Wann er da fängt zu löffeln an,
Vnd dünckt sich sein ein fein Person.
Der *Wursthänsel* ist abgericht,
Auch zimlicher massen, wie man sicht . . .
Dass solches fürwar ein Lust zu sehen,
Wie glatt die Hosen jhm anstehen,
Welche mit Fleiss so zugericht,
Dass man was zwischen Beinen sicht:
Darnach etwan pflegen zu schawen
Glüstige Weiber und Jungfrawen . . .

(*Marx Mangoldt*, Marckschiffs Nachen, цит. у *Gödecke*, Grundr. II², 527, № 19)

[1]) *Gödecke*, o. c. 537, № 62 и 65; 536, № 120; 537, № 126; 542, № 179, 180.

[2]) *H. C. Loffelt*. English actors on the continent, Shakespeare Jahrbuch, VI (1869), S. 377—380. Позднѣйшее (XVIII в.) изображеніе Гансвурста см. у *Flögel-Ebeling*, o. c., Taf. 9. Ср. *Devrient*, o. c. I, 196.

въ 1670 году въ Франкфуртѣ трехтомный сборникъ, подъ заглавіемъ: „Schaubühne Englischer und französischer Comödianten", вмѣстѣ съ переводами мольеровскихъ и другихъ французскихъ пьесъ. Кромѣ того, изъ извѣстій о спектакляхъ „англійскихъ комедіантовъ" мы знаемъ, что въ составъ ихъ репертуара входили передѣлки трагедій Марло (Фаустъ) и Шекспира (Венеціанскій еврей, Гамлетъ, Ромео и Джульета, Король Лиръ), мольеровскій „Амфитріонъ", „Неистовый Орландъ" и цѣлый рядъ пьесъ, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ рыцарскихъ романовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ потомъ отысканы и напечатаны Когеномъ и Мейснеромъ. Какъ видно изъ этихъ текстовъ, составители „англійскихъ комедій" относились и къ Шекспиру съ тою же свободою, съ какою они передѣлывали рыцарскіе романы или италіанскія новеллы: и его пьесы служили для нихъ только канвой, на которой они вышивали собственные узоры, большею частью очень грубые и нескладные. Впрочемъ, надо замѣтить, что тѣ нѣмецкія пьесы, которыя дошли до насъ подъ названіемъ „англійскихъ комедій", сами по себѣ представляютъ, по всей вѣроятности, переводы или переработки пьесъ, которыя дѣйствительно разыгрывались „англійскими комедіантами", такъ какъ послѣдніе, конечно, вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ подлинные тексты распространялись въ публикѣ помимо представленія. Притомъ, такъ какъ „англійскія" труппы въ Германіи XVII столѣтія пользовались широкою популярностью, то всѣ остальныя актерскія компаніи, образовавшіяся по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ, также или прямо выдавали себя за „англійскія" или, во всякомъ случаѣ, старались имъ подражать и для своихъ представленій сочиняли пьесы въ подходящемъ тонѣ и духѣ. Подобныя-то пьесы, по всей вѣроятности, и служили образцами для московскаго пастора и его помощниковъ, призванныхъ устроить русскій театръ и создать для него драматическій репертуаръ.

Изъ репертуара Грегори до насъ дошли только четыре пьесы (двѣ изъ нихъ—въ неполныхъ спискахъ), извѣстіе о представленіи одного балета и заглавія двухъ пьесъ. Хронологическій порядокъ ихъ представленій опредѣляется (приблизительно) слѣдующими соображеніями [1]).

Первый спектакль („Артаксерксово дѣйство") состоялся 17-го октября 1672 года. Затѣмъ, въ теченіе мясоѣда, то-есть, до 14-го но-

[1]) *Забѣлинъ*, 475—481; *Тихонравовъ*, о. с.

ября, представленія, вѣроятно, повторялись, хотя мы и не имѣемъ объ этомъ извѣстій. Въ наступившій постъ царь, конечно, уже не могъ смотрѣть подобныя зрѣлища, и потому они возобновляются опять въ мясоѣдъ, уже въ январѣ 1673 года. Въ годовщину бракосочетанія съ Натальей Кирилловной, 22-го января, царь отдалъ приказъ объ устройствѣ комидійной палаты въ Кремлѣ, надъ аптекою; работа шла очень спѣшно, и къ 29-му января все было готово, а представленія происходили, конечно, уже на масляницѣ, которая началась 2-го февраля. Въ это время въ два дня перевезено изъ Нѣмецкой слободы до дворца 60 человѣкъ дѣтей, которыя участвовали въ комидійномъ дѣйствѣ: это число должно обозначать всю труппу, бывшую на представленіи. Соображая его съ количествомъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Іудиѳь" (63), мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что между 2-мъ—9-мъ февралемъ 1673 года была представлена именно эта комедія. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ прологѣ „Іудиѳи", точно также, какъ и въ прологѣ кіевскаго дѣйства объ Алексѣ Божьемъ человѣкѣ (1673 г.), находятся, какъ увидимъ ниже, намеки на современную войну съ турками, почти повторяющіе слова кіевской пьесы, что царь

Съ непріятелемъ Креста дѣло зачинаеть,
Але, яко Константинъ, никгды не програеть.

Кромѣ дѣтей, въ комедіи дѣйствовали и нѣмцы, Тимоѳей Гасенкрухъ съ товарищи, названные игрецами. Ихъ привозили во дворецъ три раза и, слѣдовательно, одинъ разъ они играли уже одни, безъ актеровъ-дѣтей. Вѣроятно, ими и былъ представленъ, въ субботу на масляницѣ, тотъ балетъ, о которомъ разказываетъ Рейтенфельсъ [1]), и о которомъ еще будетъ рѣчь ниже. Это предположеніе подтверждается извѣстіемъ, что при постройкѣ комидійной хоромины надъ аптекой „выкрашены голубцомъ четыре балѣты", то-есть, вѣроятно, подвижныя пирамиды, требовавшіяся для упомянутаго представленія.

Съ наступленіемъ великаго поста театръ былъ, разумѣется, оставленъ и возобновился только весною, уже послѣ Троицына дня, въ Преображенскомъ, куда царь переѣхалъ на другой день послѣ праздника, 19-го мая. На пятнадцати подводахъ были свезены туда 32 рамы декорацій, 9 ковровъ, сукна, скамьи, органы; семеро плот-

---

[1]) De rebus moschovit., 105—107.

никовъ, подъ руководствомъ декоратора Петра Инглиса, устанавливали рамы и устраивали все нужное. О дняхъ и содержаніи спектаклей извѣстій нѣтъ. Осенью, 7-го октября, были выданы деньги на постановку комедіи о Товіи младшемъ, а 2-го ноября, ввечеру, царь, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся въ Преображенское отъ Троицы, „ходилъ въ комидію смотрить дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали“ [1]). Вѣроятно, до заговѣнья 14-го ноября эта комедія была повторена.

Въ началѣ 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда она 24-го февраля, во вторникъ на масляницѣ, наскоро перевозится въ Преображенское, а въ пятницу, 27-го, опять въ Кремлевскую хоромину; на масляницѣ было, слѣдовательно, не менѣе двухъ спектаклей. Затѣмъ, въ ноябрѣ „была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія, и тѣшили его, великаго государя, иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла“, то-есть, „Іудиѳь“ [2]); вслѣдъ за нею, въ тотъ же мясоѣдъ, была „другая комедія: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью“, то-есть, „Эсѳирь“. Наконецъ, на заговѣнье, 14-го ноября, снова была потѣха, а тѣшили великаго государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матвѣева, на органахъ и на фіоляхъ и на страментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами розными (тѣшили); комедія въ числѣ этихъ потѣхъ не упоминается.

Въ 1675 году, въ четвергъ на масляницѣ, 11-го февраля, была комедія, вѣроятно, въ Кремлѣ и продолжалась около семи часовъ. Тѣшили великаго государя тѣ же дѣйствующія лица: иноземцы да люди Матвѣева. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домомъ прожилъ на Воробьевыхъ горахъ, оттуда перешелъ въ Ко-

---

[1]) Выходы, 563.

[2]) Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ *Н. С. Тихонравова*, что „Іудиѳь“ поставлена 8-го декабря: во время рождественскаго поста комедія едва ли могла быть допущена. Въ указателѣ *Строева* къ Выходамъ (стр. 41) отмѣчено, что извѣстіе о представленіи „Іудиѳи“ записано безъ чиселъ *въ ноябрѣ*. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Тихонравовъ ссылается на свои примѣчанія къ этой пьесѣ (Русск. драм. произв., I, стр. XLIII); но въ его изданіи „Русск. драм. произведеній“ и, сколько намъ извѣстно, вообще въ печати никакихъ примѣчаній къ „Іудиѳи“, къ сожалѣнію, не находится. См. по этому поводу нашу замѣтку о сборникѣ г. Тихонравова въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. 226, отд. 2, стр. 270—282.

ломенское и потомъ уже, 9-го ноября, въ Преображенское, гдѣ и оставался до половины декабря. Можетъ быть, въ концѣ масоѣда, между 9-мъ и 14-мъ ноября, и дано было, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какое-нибудь представленіе. Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ этомъ году въ Москвѣ, разказываетъ, что въ посольской свитѣ былъ, между прочимъ, одинъ фокусникъ, чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ: напримѣръ, онъ скрещивалъ между собою нѣсколько ножей, которые безъ всякаго посторонняго дѣйствія поднимали вещи и деньги. Нѣмецкіе комедіанты, узнавъ объ его искусствѣ, просили пословъ позволить ему участвовать въ представленіи, которое они должны были устроить черезъ нѣсколько дней; но послы не могли исполнить этой просьбы, потому что 7-го ноября должны были уѣхать изъ Москвы. По отъѣздѣ пословъ, слухъ о фокусникѣ дошелъ до царя, который тотчасъ же отправилъ вслѣдъ за ними барона Менезеса, бывшаго прежде посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, чтобы воротить фокусника, обѣщая, что онъ безъ всякаго затрудненія и съ наградою будетъ отпущенъ на родину. Послы исполнили желаніе царя и отпустили фокусника, который два раза давалъ свои представленія, удивилъ царя и царицу и воротился съ подарками [1]).

Скудость свѣдѣній о театральныхъ потѣхахъ этого времени лишаетъ насъ возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить время представленія трехъ дошедшихъ до насъ пьесъ изъ репертуара Грегори. Эти пьесы — малая прохладная комедія объ Іосифѣ, малая комедія Баязетъ и Тамерланъ и жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ, — несомнѣнно были представлены въ 1637—1675 годахъ учениками школы Грегори, которые въ послѣсловіи „Баязета“ называютъ себя „еще неискусными и несмышленными отрочатами“, а въ прологѣ „Іосифа“ просятъ снисходительности къ своему „дѣтскому дѣйствію“. На основаніи эпилога къ „Баязету“ мы можемъ предположить, что эта пьеса была представлена вскорѣ послѣ „Іосифа“, такъ какъ въ этомъ эпилогѣ упоминается о поклоненіи Іосифу снопбвъ [2]). Что касается до комедіи объ Адамѣ и Еввѣ, то по особенностямъ ея содержанія, сближающимъ ее съ школьными moralités, можно думать, что она была представлена въ концѣ масляницы, какъ бы въ видѣ напоминанія о постѣ и покаяніи.

Въ началѣ іюня 1675 года Грегори скончался [3]), и молодой театръ

[1]) *Пекарскій,* o. c., 393.

[2]) Русск. драм. произв., I, 242.

[3]) *Fechner,* Chronik, I, 365.

потерялъ, такимъ образомъ, главнаго своего руководителя. Это обстоятельство не могло не отразиться очень невыгоднымъ образомъ на дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ представленій при дворѣ Алексѣя Михайловича, которыя, впрочемъ, по смерти Грегори продолжались очень короткое время, такъ какъ въ зимній мясоѣдъ 1676 года самъ царь заболѣлъ и 30-го января скончался.

Изъ приведенныхъ нами извѣстій о первыхъ шагахъ русскаго придворнаго театра 1672—1675 годовъ видно, что комидійныя дѣйства этого времени заключали въ себѣ тѣ же самые внѣшніе элементы, какими отличались представленія „англійскихъ комедіантовъ": здѣсь кромѣ собственно комедіи, были танцы, пѣніе, музыка, фокусники и, всякіе иные игрецы. Этой внѣшней обстановкѣ соотвѣтствовало и внутреннее содержаніе тѣхъ драматическихъ произведеній, которыя до насъ дошли и которыя (за исключеніемъ одной лишь комедіи объ Адамѣ и Еввѣ) носятъ на себѣ весьма выразительный отпечатокъ „англійскаго" стиля. По содержанію дошедшихъ до насъ комедій мы считаемъ возможнымъ судить и о характерѣ утраченныхъ пьесъ, къ числу которыхъ относится, прежде всего, Артаксерксово дѣйство; на этомъ основаніи мы и высказали выше предположеніе, что эта первая пьеса репертуара Грегори была, вѣроятно, переработкою „англійской" комедіи „Von der Königin Esther und hoffärtigem Haman".

Разказъ объ Эсѳири, занесенный въ Библію, какъ достопамятный и поучительный примѣръ чудеснаго попеченія Божія о возлюбленномъ израильскомъ народѣ, отличается несомнѣнными литературными достоинствами. Эта несложная исторія, въ которой дѣйствіе развивается очень быстро и мотивируется вполнѣ естественно, а характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы ярко и живо, еще въ первой половинѣ XVI вѣка обратила на себя вниманіе писателей, занимавшихся драматическою обработкою библейскихъ сюжетовъ. Въ нѣмецкой литературѣ, начиная съ „Эсѳири" Ганса Сакса (1536 г.) и до появленія въ печати „англійской" комедіи 1620 года, то-есть, за 84-лѣтній періодъ времени, насчитываютъ до 15-ти пьесъ на эту тему [1]), въ томъ числѣ два или три латинскихъ школьныхъ дѣйства. На французской сценѣ „Эсѳирь" является еще во времена мистерій, въ XV вѣкѣ, и держится въ различныхъ переработкахъ до эпохи класси-

[1]) Общія замѣчанія и анализъ нѣкоторыхъ пьесъ см. въ статьѣ *Hugo Holstein*'a, въ *Archiv für Litt.-Gesch.* X, 147—154, XI, 442 и XII, 46—60. Ср. *Tittmann*, Schauspiele der engl. Comödianten in Deutschland (Deutsche Dichter des XVI Jahrh., B. XIII), Einleitung, S. XXI—XXII.

цизма (трагедія Расина 1689 г.). Въ англійской драматической литературѣ извѣстна интерлюдія of godly Queen Esther и драма „Эсѳирь и Агасферъ", представленная въ 1594 году актерами лорда Чемберлэна (къ числу которыхъ принадлежалъ и Шекспиръ). Титманнъ высказываетъ предположеніе, что именно эта пьеса послужила оригиналомъ для нѣмецкой обработки 1620 года, въ которой многіе обороты и отдѣльныя слова прямо указываютъ на переводъ съ англійскаго. Комедія 1620 года, о представленіи которой по разнымъ городамъ Германіи до насъ дошли точныя извѣстія, въ свою очередь, послужила предметомъ для латинской передѣлки Jo. Val. Andreae (†1654), который самъ говоритъ въ своей біографіи, что написалъ эту пьесу „ad aemulationem anglicorum histrionum". Такимъ образомъ, эта тема, и въ особенности „англійская" комедія объ Эсѳири, была въ Германіи очень популярна. Ею-то, вѣроятно, и воспользовались Грегори и Рингуберъ, сочиняя свое Артаксерксово дѣйство.

„Комедія объ Эсѳири и высокомѣрномъ Аманѣ" дѣлится на четыре акта. Содержаніе ея, въ общемъ, вѣрно передаетъ библейскій разказъ, только сокращая его въ интересахъ бо̀льшей выразительности дѣйствія. Пьеса открывается рѣчью царя Артаксеркса, который, восхваляя свою славу и могущество, заявляетъ, что онъ устроилъ роскошные пиры съ цѣлью показать своимъ подданнымъ всѣ свои богатства и, наконецъ, желая показать народу величайшее свое сокровище—красавицу-жену, приказываетъ привести ее на пиръ. Царица, считая такую выставку унизительною и неприличною, отказывается придти на пиръ. Тогда разгнѣванный царь, по совѣту ближайшаго и любимѣйшаго своего вельможи Амана, разводится съ женою, такъ какъ безнаказанность ея поступка побудила бы и всѣхъ другихъ женъ не почитать мужа за главу и господина. Затѣмъ онъ приказываетъ Аману созвать со всего государства прекрасныхъ дѣвицъ на смотръ, для выбора новой жены. Аманъ съ двумя царедворцами отправляется на поиски за красавицами, встрѣчаетъ Мардохея съ его племянницею Эсѳирью и, плѣнившись ея красотою, приводитъ ее во дворецъ. Царь, которому не понравилась ни одна изъ созванныхъ невѣстъ, увидѣвъ Эсѳирь, беретъ ее себѣ въ жены и награждаетъ Амана величайшими почестями. Эти награды возбуждаютъ завистъ двухъ царедворцевъ, которые рѣшаются извести царя; но Мардохей, подслушавъ ихъ разговоръ, сообщаетъ объ этомъ Эсѳири, и царь велитъ казнить виновныхъ. Награда за спасеніе царской жизни достается опять-таки Аману: по царскому указу, при встрѣчѣ съ нимъ

всѣ должны преклонять колѣна. Мардохей, считая это идолопоклонствомъ, не слушается царской воли и не падаетъ ницъ передъ гордымъ временщикомъ. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отомстить; онъ клевещетъ царю на іудеевъ и выпрашиваетъ повелѣніе истребить въ одинъ день все это, ненавистное ему, племя по всему царству. Іудеи трепещутъ и молятся; Мардохей заклинаетъ царицу спасти ихъ и умолить царя объ отмѣнѣ страшнаго указа. Эсѳирь принимаетъ на себя этотъ подвигъ и достигаетъ цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умилостивила царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего только она захочетъ. На первый разъ Эсѳирь проситъ только одного: чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пожаловалъ къ ней на пиръ. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость, а для Мардохея, который осмѣлился ему перечить, приказываетъ построить высокую висѣлицу. Но обстоятельства мѣняются. Царь случайно вспоминаетъ заслугу Мардохея, нѣкогда раскрывшаго заговоръ, хочетъ его наградить и обращается къ Аману съ вопросомъ: какой почести заслуживаетъ человѣкъ, котораго царь желаетъ почтить? Аманъ, принимая этотъ вопросъ на свой счетъ, отвѣчаетъ, что такого человѣка надо облечь въ царскую одежду, возложить на него царскій вѣнецъ и, посадивъ на царскаго коня, торжественно провести по всему городу. Царь одобряетъ предложеніе и приказываетъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ, не ожидавшій такой развязки, долженъ подчиниться царской волѣ. Послѣ этой унизительной для него церемоніи, онъ является на пиръ, на которомъ царь снова обѣщаетъ Эсѳири исполнить все, чего она пожелаетъ. Тогда царица разказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи, и проситъ казнить высокомѣрнаго злодѣя со всѣмъ его родомъ, а іудеевъ избавить отъ смертнаго страха. Амана вѣшаютъ (на сценѣ) на той самой висѣлицѣ, которую онъ готовилъ Мардохею, а Мардохей заступаетъ его мѣсто и становится ближайшимъ совѣтникомъ царя.

Параллельно съ этимъ библейскимъ сюжетомъ въ комедіи развивается балаганная исторія шута Ганса Knapkäse и его сварливой жены. Эта исторія занимаетъ добрую половину 1-го, 2-го и 4-го актовъ и служитъ, такимъ образомъ, веселою интермедіею. Жена Ганса, взбалмошная баба, заставляетъ его таскать корзины и нещадно колотитъ; по совѣту добраго сосѣда, Гансъ вооружается палкою и начинаетъ отплачивать женѣ за побои; силою или хитростью палка, символъ супружеской власти, нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ

руки; наконецъ, супруги идутъ къ царю жаловаться другъ на друга. Царь, согласно своему закону, объявляетъ, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, какъ главѣ и господину, и рѣшаетъ, что Гансъ долженъ развестись съ своею бабой. „Я очень этимъ доволенъ", говоритъ Гансъ;—„но вѣдь ночью мы будемъ по прежнему вмѣстѣ?" — „Нѣтъ, вы уже никогда не должны видѣть другъ друга". „О, возлюбленный государь, этого я не могу перенести! Возлюбленный государь, днемъ намъ вмѣстѣ тошно, а ночью порознь скучно". „Ну, въ такомъ случаѣ, чудакъ, ты будешь съ нею въ разводѣ только днемъ".

Въ другихъ сценахъ комедіи этотъ же Гансъ является въ роли слуги и палача. Онъ строитъ висѣлицу для Мардохея, и онъ же потомъ вѣшаетъ на ней Амана.

По свидѣтельству Рейтенфельса, „Эсѳирь" дѣйствовали комически: по всей вѣроятности, и въ русской передѣлкѣ находились шутовскія сцены, подобныя этой исторіи Ганса.

Что касается до выбора именно этого сюжета, то И. Е. Забѣлинъ [1]) высказываетъ предположеніе, что исторія объ Эсѳири давала много намековъ на современныя придворныя обстоятельства и что роль Эсѳири походила на роль царицы Натальи во время ея избранія въ невѣсты, также какъ роль Мардохея—на роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана—не извѣстно; но Матвѣевъ могъ прямо думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ Алексѣя Михайловича, какъ это разказывается и записками о такихъ отношеніяхъ сына Матвѣева, Андрея. Очень понятно, прибавляетъ г. Забѣлинъ, на сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

Та же самая основная идея — посрамленіе гордыни и торжество невинно-угнетенныхъ—развивается и въ другой библейской комедіи „Іудиѳь", представленной вслѣдъ за „Эсѳирью". Эта пьеса, очень обширная, дошла до насъ вполнѣ [2]), и относительно ея представленія вскорѣ послѣ „Эсѳири" сохранилась довольно подробная замѣтка въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, конца XVII столѣтія. Въ виду скудости матеріаловъ для исторіи первоначальнаго русскаго театра, приводимъ эту замѣтку цѣликомъ [3]).

[1]) О. с., 473.

[2]) Напечатана первоначально въ Древн. Рос. Вивліоѳ., VIII², 187—328. Русск. драм. произв., I, 76—203.

[3]) Рук. Имп. П. Б-ки, F. IV. 558, русская, но написанная на половину латинскими буквами (какъ это было въ обычаѣ у малороссовъ), заключаетъ въ

„Во рпа-в-г годѣхъ на Москвѣ в Преображинскомъ селѣ учинена была комѣдия по библийному писанию древніхъ в подобие бытей, якожь было при древнихъ царехъ, при Давидѣ и Соломоне; і како Іюдиѳь отсече главу, пришествіем своим, лѣпотою зрака и одѣянием ризъ преукрашенныхъ, на главѣ имѣя митру царску, и пришедше в полкъ людей асирийских сиречь вавилонская, иже видѣ она град свой в погибели і ко взятию предваряюще от людей асприйскихъ. И возвѣстиша онаго полку воеводе, асирийскому мужу Алоѳерну. Он же возрадовася о ней, яко пришед жена от града того, егоже онъ хощет взяти, и сказа ему словеса утѣшителная, яко прекланяяся она до градовзятия ему. Собра же воевода тогда чиноначалства людиі от полку его, и вечеря съ ними вѣселяся, и упився от вина и шед в ложницу, ляже на одръ свой, никому же ту входити повѣле, токмо единая Іюдиѳь. И упився от вина, усне сномъ. Іюдиѳ же стояше близ одра его, видѣ спяща Алоѳерна, возопи ко Господу Богу, яко да спасетъ градъ ихъ и свободитъ от пленения Ізраиля своего, взем его мечъ і отсече главу асирийскому воеводе Алоѳерну, і тело его обертевъ одевалом, а главу взем в ризы своя і ізыде из ложніцы его и крепи ю. И вопроси ю стража о изходе ея, она же сказа им, яко ідет до істочніка измытися, понеже возвѣщенно бѣ о ней стражем. I пришед ко стене града, і возопи людем своим, да примут во град, і сказа еже бысть і да изыдут із града люди противъ асириян, понеже обезглавенъ Алоѳернъ. I показа им главу его, оне же, вышед из града, поби асирцян малыми людми многие тысящи. I град свой спасе от погибели, о том же пишет в книге Іюдиѳь.

„Тако же дѣло і о царице Езвирь, како упроси у царя своего весь род свой ізраилтеский от посѣченія меча и болярина своего Мардохана от смерти избави, ему же древо приготови Аман, болярин царевъ, по упрошении же царь на том древѣ повѣле Амана обвѣсити пред враты дому его. В книге Езвирь, противъ того действоваху и сим веселяшеся в нощи тако Car z blizhnimi swoimi boliary. Siu sze igru uczini немецъ, якоже во Амбурхе і в прочихъ римских градѣх на откупу его (*ее*?) держатъ и многую казну тем збирают. А кто хощетъ смотрети,—по дукату імѣетъ дати, сиречь червонному златому. Із иных земель приезжают смотрети многие чесные их люди і кролевичи закрытыми лицы [1]). Овогда же пущаютъ гром, овогда же дождь и снегъ, сицѣ козньми дѣйствоваху".

„Takova ubo igra byla na moskwe komediia.

себѣ рядъ небольшихъ статей о событіяхъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и первыхъ годовъ Петра Великаго. Большая часть статей касается политическихъ отношеній Московскаго государства къ Польшѣ. На верхней доскѣ современнаго рукописи переплета еще можно разобрать остатки слова: „Kronika". Листы не перенумерованы и никакихъ помѣтъ о принадлежности рукописи кому-либо не имѣется. Приводимый нами отрывокъ уже былъ напечатанъ *И. А. Шляпкинымъ* въ журналѣ *Искусство* 1883, № 16, стр. 184, но съ ошибками. Мы соблюдаемъ правописаніе подлинника, только отдѣляя слова и разставляя знаки препинанія, въ рукописи поставленные совершенно произвольно.

[1]) Incognito?

„Некто поведал от галанцов Izbrant [1]) яко того ради
прияхъ Амбурхъ град многое разорение, іже бы он был в нем и се видел.
Anno Domini 1686—go,
Sruskimi posly widel Wanburhe" [2]).

Исторія Іудиѳи также пользовалась въ Германіи XVI—XVII столѣтій большою популярностью, какъ драматическій сюжетъ. Гансъ Саксъ обработалъ ее въ двухъ пьесахъ (1533 и 1553 гг.); Сикстъ Биркъ (Xystus Betulius, 1500—1554 гг.), въ своей латинской комико-трагедіи примѣнилъ ее къ современнымъ обстоятельствамъ, — къ войнѣ противъ турокъ [3]). Пьесы на эту тему (по перечню Гёдеке ихъ насчитывается до десяти) разыгрывались и на школьной сценѣ, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а впослѣдствіи вошли въ репертуаръ странствующихъ актеровъ (напримѣръ, драма Мартина Бёме, 1618 г.). Опицъ сдѣлалъ изъ „Іудиѳи" полу-оперу, съ аріями и хорами, на которые была написана Чернингеномъ особая музыка (1646 г.). Наша „Іудиѳь", несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго; оригиналомъ для нея служила комедія, сочиненная въ „англійскомъ" стилѣ и, можетъ быть, близкая къ той, которую видѣли наши послы въ 1634 году во дворцѣ Польскаго короля, гдѣ въ то время дѣйствовали тоже „англійскіе комедіанты". Комедія, какъ мы уже сказали, очень обширна. Она раздѣлена на семь д ѣ й с т в ъ, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на с ѣ н и; всѣхъ сѣней—29; кромѣ того, между третьимъ и четвертымъ дѣйствами вставлено довольно большое м е ж д о с ѣ н і е, не имѣющее, однако, обычнаго характера интермедіи. Число дѣйствующихъ лицъ доходитъ до 63.

Сохраняя въ общихъ чертахъ направленіе и характеръ „англійскихъ" комедій, „Іудиѳь", какъ и всѣ другія дошедшія до насъ пьесы репертуара Грегори, отличается отъ нихъ одною существен-

---

[1]) Елизарій Избрантъ (Evert Ysbrandszoon Ides) въ концѣ XVII столѣтія ѣздилъ, по порученію русскаго правительства, въ Китай и затѣмъ, по грамотѣ 1700 года, получилъ дозволеніе печатать въ Голландіи и продавать въ Россіи книги. *Пекарскій*, I, 7, 12.

[2]) Въ Гамбургѣ. Въ числѣ гамбургскихъ дѣйствъ XVII столѣтія есть пьеса Христіана *Розе* (1609—1667), напечатанная въ 1648 году подъ заглавіемъ: „Holofern, aus Heil. Schrift Anweisung allen des Teutsch-Landes Friedenstörern und Blutgierigen Kriegern in einem lustigen Schauspiel vorgestellt". *Gödecke*, III², 214, № 15.

[3]) Judith, drama comico-tragicum. Exemplum reipublicae recte institutae, unde discitur, quomodo arma contra Turcam siut capienda. Augsb. 1540. *Gödecke*, II², 134, № 8.

ною чертою: „англійскіе“ комедіанты отбросили прологъ и эпилогъ, эти непремѣнныя принадлежности старинной и затѣмъ школьной драмы; въ нашихъ пьесахъ прологи и эпилоги сохранены, потому что они были необходимы для объясненія комедіи, какъ дѣйства новаго и еще не вошедшаго въ обычай, и для нравоучительныхъ выводовъ изъ ея содержанія. Здѣсь нашла себѣ пріютъ морализація, удаленная изъ самаго текста комедій, но все еще продолжавшая считаться непремѣннымъ условіемъ (и оправданіемъ) театральнаго дѣйства. „Іудиѳь“, въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, не имѣетъ эпилога (можетъ быть, онъ затерялся); прологъ, конецъ котораго представляется сильно попорченнымъ и темнымъ, въ первой своей половинѣ позволяетъ разбить прозаическую рѣчь на стихи, хотя и очень нескладные, но, все-таки, кое-какъ риѳмованные.

Великій Алексѣй Михайловичъ, о царю,
Самодержче, къ сему многихъ странъ государю,
Тебѣ же весь народъ великія, малыя
Россіи ся скланяетъ, купно жь и бѣлыя!
О, великій князю, превосходитель міра,
Обладателю востока и сѣвера,
И запада жь къ тому. Но и то тебѣ мало,
Достойно бо и быть второму міру было.
Ей, что вселенная едина предъ тобою,
Когда многихъ царей наслѣдіе есть съ тобою.
Ты убо еси можнѣйшій во вселеннѣй,
Зане царству славы ты далъ еси презѣльной:
Весь христіанской родъ скифетръ твой почитаетъ,
Божіею бо милостью онъ всѣхъ ихъ защищаетъ
Отъ врага Крестова, лютаго бусурмана,
Да христіанъ ему одолѣти нѣсть дано...

Дальнѣйшій текстъ пролога не поддается подобному раздѣленію на стихи [1]), да трудно поддается и вообще пониманію.

---

[1]) Кромѣ, впрочемъ, трехъ мѣстъ:

Богъ же всевышній соблюдаетъ твое царство,
Зане оградою есть всему христіанству...
. . . .
И твои, о царю, ограждены предѣлы
Отъ непріятелей огненными ангелы...
. . . .
Зри, великій царю: здѣ ти, ей, изъяснится,
Въ комедіи сіе объявится, (въ рук. *объявляя*)

какъ Богъ нашъ чудесно хранитъ въ странной земли благочестиво (*благочестно*?) и безопасно, и какъ премѣняетъ печаль зѣльную въ счастье, и т. д. Рукопись

Самая пьеса, очень длинная, является подробною передачею, въ діалогической формѣ, библейскаго разказа, при чемъ различныя, даже второстепенныя его части значительно распространены. Дѣйствіе развивается крайне медленно, теряясь среди безконечныхъ разговоровъ, напыщенныхъ и многословныхъ рѣчей множества дѣйствующихъ лицъ. Большая часть этихъ рѣчей дословно взята изъ Библіи; иногда библейскія рѣчи переданы съ прибавками и украшеніями; многое, о чемъ въ Библіи только разказывается, также переложено въ рѣчи. Такъ, пьеса открывается совѣщаніемъ Навуходоносора съ своими вельможами о походѣ на Іудею; царь призываетъ Олоферна и вручаетъ ему начальство надъ войскомъ. Во второмъ дѣйствіи изображается скорбь іудеевъ и посольство къ Олоферну отъ азіатскихъ царей. Въ третьемъ дѣйствіи, ближе къ библейскому тексту и отчасти уже дословно, передаются разспросы Олоферна объ іудеяхъ и гнѣвныя рѣчи вождя, оскорбленнаго замѣчаніями богобоязненнаго мужа Ахіора („Книга Іудиѳь", гл. 5 и 6, послѣдняя въ значительно распространенномъ видѣ). Разказъ Ахіора о происхожденіи и исторіи еврейскаго народа, очень длинный, взятъ цѣликомъ изъ Библіи [2]), какъ и дальнѣйшія рѣчи Ахіора, наказаннаго Олоферномъ. Іудиѳь является только въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ она бесѣдуетъ съ своею служанкой Аброй о крайнемъ бѣдствіи іудеевъ; до сихъ поръ драма, въ сущности, еще ни на шагъ не подвинулась въ своемъ развитіи. Въ пятомъ дѣйствіи опять видимъ плачъ іудеевъ (по книгѣ Іудиѳь VII, 24—30); Іудиѳь убѣждаетъ ихъ не сдаваться еще въ продолженіе пяти дней (VIII, 10 и сл.) и молится Богу о помощи и объ укрѣпленіи ея на подвигъ (IX, 2—14). Въ шестомъ дѣйствіи она прощается съ іудейскими старѣйшинами (X, 7—22) и приходитъ въ

Императорской Академіи Наукъ, напечатанная *Новиковымъ* въ Вивліоѳикѣ и *Тихонравовымъ* въ Русск. драм. произв., вооббще неисправна и сильно попорчена; между прочимъ, въ текстѣ пьесы (стр. 114) пропущенъ цѣлый листъ, отчего произошла безсмыслица, не замѣченная издателями (объ этомъ см. ниже). Кромѣ того, Н. С. Тихонравовъ отмѣтилъ испорченныя мѣста на стр. 78, 104, 130, 136.

[2]) Въ этомъ-то разказѣ и находится указанный выше большой пропускъ. Ахіоръ говоритъ: „Егда же отягчаше ихъ царь египетскій работою въ созиданіи градовъ своихъ съ блата и плинѳы, и воззваша ко Господу Богу своему; *сій же порази, и взыдоша на горы сія вся*, и паки владѣютъ Іерусалимомъ". Въ Библіи же сказано: „сій же порази *всю землю египетскую язвами различными.* Егда же изгнаша ихъ египтяне" и т. д. Слѣдуетъ исторія странствованія евреевъ по исходѣ изъ Египта, заключающаяся словами: „*И соединишася во единство*, и взыдоша на горы сія вся", и т. д., какъ въ пьесѣ.

лагерь Олоферна (X, 23—XI, 22). Наконецъ, седьмой актъ представляетъ Іудиѳь на пиру у Олоферна (XII, 17—20), смерть послѣдняго (XIII, 3—7) и возвращеніе Іудиѳи въ Веѳулію (XIII, 14—20, XIV, 1), и заключается побѣдною пѣснью іудеевъ (XVI, 1—5). Указанныя нами мѣста изъ книги „Іудиѳь“ воспроизведены въ комедіи лишь съ самыми незначительными измѣненіями.

Какъ въ англійской „Эсѳири“, такъ и въ нашей „Іудиѳи“ параллельно серьезному дѣйствію идетъ рядъ шутовскихъ сценъ, полныхъ живого комизма. Такъ какъ драма разыгрывается во время похода и осады крѣпости, то и эти шутовскія сцены взяты изъ военнаго быта; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является солдатъ Сусакимъ („облезьянова порода“, какъ называетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ), воплощающій въ себѣ характерныя свойсва Гансвурста: обжорство, тупоуміе, трусость и издѣвательство надъ самимъ собою. Солдаты и ихъ ближайшіе начальники радуются походу, потому что онъ даетъ имъ случай награбить вдоволь всякаго добра; одинъ желалъ бы, чтобы война никогда не прекращалась и чтобы такое беззаботное и богатое житье продолжалось вѣчно: вѣдь если, чего добраго, заключатъ миръ, такъ придется вернуться къ себѣ въ деревню и снова хлѣбъ молотить. „Не опасайся, брате!“ утѣшаетъ его товарищъ,—„мы столько накрадемъ, разбоемъ и грабежомъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; аще ли умремы, тогда пси и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ“. Сусакима тревожитъ только одно обстоятельство: „Сказываютъ, что жиды свиного мяса не ѣдятъ; тогда и намъ свиныхъ жаринъ и колбасъ не будетъ?“ Колбасы и жарины составляютъ любимый предметъ его вожделѣній: не даромъ же Сусакимъ—родной братъ Гансвурста. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ о немъ: „Всегда опасался еси, что колбасами не удоволишися; нынѣ же, чаю, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися“. „Ни, брате“, отвѣчаетъ Сусакимъ,—„не хощу свиніею быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатися“... Вмѣстѣ съ товарищами онъ стоитъ на часахъ у колодца; іудеи нападаютъ на нихъ и захватываютъ его въ плѣнъ. „Пощадите, господа мои!“ молитъ Сусакимъ,—„пощадите мя, даруйте ми животъ, азъ бо отъ роду моего ни единаго жида убилъ есмь“! Когда же его спрашиваютъ, для чего у него ружье и сабля, онъ увѣряетъ, что ружьемъ тѣмъ только свиней убивалъ, а саблею рубилъ мясо въ колбасы. Іудейскій

„поручикъ“ Ванея приводитъ его въ Веѳулію; здѣсь тотчасъ же приговариваютъ его къ смертной казни. Узнавъ о томъ, что ему готовится, Сусакимъ разсуждаетъ такъ:

„Азъ есмь отъ природы моей доброй ковалеръ, и господина поручика Ванея отъ кладязевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но въ Веѳуліи градѣ весьма грубогордые люди обрѣтаются, которые ковалера въ малой чести имѣютъ, понеже никто мя не хочетъ нынѣ паки назадъ на станъ мой проводити“...

„Азъ нѣсмь воръ, ни осля, ниже скотъ, и не есмь ни собака и никакой человѣкъ“.

Ахіоръ. Что же тогда еси?

Сусакимъ. Азъ есмь вещь, кая деревенскимъ мужикамъ досаждаетъ пущи таракановъ, но имяни мнѣ нѣтъ.

Ахіоръ. О висяльнику! Не знаю ли тя азъ? Не зовутъ ли тя Сусакимомъ?

Сусакимъ. Ни, милостивый господине! то имя азъ въ то время въ кладязь уронилъ, какъ меня Ванея въ полонъ взялъ.

Его собираются повѣсить. „Нѣтъ, господа мои“, говоритъ онъ,—„не шутите со мною такъ: шея моя висѣть не привыкла“. Тогда іудейскій начальникъ приказываетъ отрубить ему голову, но, для потѣхи, велитъ палачу ударить его по шеѣ, вмѣсто меча, лисьимъ хвостомъ. Видя неизбѣжную смерть, Сусакимъ начинаетъ прощаться съ міромъ, нѣсколько разъ выпрашивая себѣ позволеніе сказать еще слово:

„Прости, чюдный и изрядный свѣтъ честной!.. Не вельми печальтеся о моемъ скоромъ умерщвленіи: останутся еще многіе воры и злодѣи по смерти моей къ покоренію. Простите мя, пять мои братія, иже въ Ниневѣ обитаете!... Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ и имѣеши сѣрными трески, веревками, сапожными колодками, и вшаною отравою... Простите вы благородные сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярыжки, чуры, трубочистники, бренія возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаютца... Простите жь мя вы, девять художествъ, яже плоти моей угождаете: блудодѣяніе, убивство, костарничество, оболганіе, обманство, крадежство, разбойничество и мошенничество!... Простите седмь (?) вы веселія годовые времена, младые цыплятка, ягнятка, яица свѣжія вешнія, кормленые каплуны и телята жареные, къ пасцѣ молоко, сметана, калачи крупичатые съ масломъ и молодые голуби жареные, лѣтніе скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы молодые осенніе, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье въ пирогахъ, шуба и рукавицы да шапка теплая, зимнія кишки жареныя свиныя, окороки и головы свиныежъ, студени ребры свиныя и желуди во всѣхъ корчмахъ,—простите, простите!...

Когда палачъ продѣлываетъ надъ нимъ потѣшный обрядъ казни, ударяя его лисьимъ хвостомъ по шеѣ, Сусакимъ долго лежитъ, какъ мертвый; наконецъ встаетъ, и со страху не знаетъ, живъ онъ или умеръ; ему мнится, что „животъ его отступилъ изъ нутренныхъ

потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа"; понемногу приходя въ себя, онъ собираетъ разбросанное свое платье, только не знаетъ, куда дѣвалась его голова и обращается къ публикѣ, „покорно, безъ шляпы" прося отдать ему голову, „аще ли кто изъ любви и пріятства ее скрылъ".

Лисій хвостъ былъ одною изъ постоянныхъ принадлежностей Гансвурста [1]), а сцены казни лисьимъ хвостомъ или платкомъ вмѣсто меча и затѣмъ исканіе головы принадлежали, по видимому, къ числу любимыхъ потѣхъ нѣмецкаго народнаго театра. Н. С. Тихонравовъ указываетъ [2]), что еще въ первой четверти XVIII столѣтія въ одной изъ вѣнскихъ Haupt- und Staatsactionen воспроизведенъ этотъ комическій эпизодъ Юдиѳи, потѣшавшій нѣкогда царя Алексѣя Михайловича.

Другое комическое лицо въ пьесѣ—Абра, служанка Іудиѳи. Это „отроковица" уже далеко не первой молодости, сильно желающая „сподобиться мужа", хотя бы и изъ числа ассирійскихъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ отзывается объ ея наружности крайне неучтиво. Она такая же трусиха и буфонка, какъ и Сусакимъ. Всюду сопровождая свою госпожу, она ищетъ приключеній, но неудачно, и прибавляетъ къ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ разныя шутовскія замѣчанія. Когда Іудиѳь, отрубивъ голову Олоферну, приказываетъ служанкѣ положить ее въ мѣшокъ и бѣжать изъ ассирійскаго лагеря, Абра восклицаетъ: „Охъ! таковому храброму воину главу отсѣкла! Бѣсъ таковымъ обычаемъ госпожу мою да возлюбитъ. Что же тотъ убогій человѣкъ скажетъ, егда пробудится, а Іудиѳь съ главою его ушла?"

Гораздо болѣе тонкимъ и замысловатымъ комизмомъ отличается сцена Іудиѳи съ Олоферномъ. Ассирійскій полководецъ говоритъ еврейкѣ о своей любви; Іудиѳь отвѣчаетъ ему согласіемъ, но такъ, что въ ея рѣчахъ для зрителя ясно ея намѣреніе убить Олоферна: напримѣръ, Олофернъ говоритъ: „Спріятствую, да сея нощи главу свою на лонѣ ея держу"; Іудиѳь отвѣчаетъ: „Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ"; на его слова, что она обладаетъ его сердцемъ, она замѣчаетъ, что, дѣйствительно, очень хотѣла бы имѣть это сердце и вообще сдѣлать съ Олоферномъ то, чего она желаетъ, и т. д.

---

[1]) *Prutz*, Vorlesungen, 179.

[2]) Русск. драм. пр., I, стр. XXII, со ссылкою на *Weiss*, Wiener Haupt- und Staatsactionen. Этой книги мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ.

Совершенно въ стилѣ „англійскихъ комедій" въ пьесу вставлены аріи и хоры (Singetspiele). Въ „междосѣніи" послѣ 3-го акта цари, взятые въ плѣнъ Олоферномъ, „поютъ зѣло жалобно" стихи о своей горькой участи: въ пятомъ дѣйствіи изображена солдатская попойка, съ веселыми застольными пѣснями въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

О, братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь:
Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?
Смѣло дерзайте,
Пока живете,
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,
До коихъ мѣстъ сердце въ тѣлѣ живетъ.

Пируя съ Іудифью, Олофернъ приказываетъ Вагаву „пѣть нѣчто" о любви его. Пѣснь Вагава, очень краткая, передана прозой, при чемъ въ концѣ пѣсни, вмѣсто словъ: жена въ свойство получила храбраго Олоферна", послѣднему слышится: „убила": пріемъ, отчасти напоминающій игру въ эхо, довольно часто встрѣчаемую въ „англійскихъ комедіяхъ [1]). Заключается „Іудифь" побѣднымъ хоромъ іудеевъ (пять 10-строчныхъ куплетовъ), переложеннымъ изъ библейской пѣсни.

Въ пьесѣ находится очень много подробныхъ сценическихъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что она была опытною рукою приспособлена къ представленію. Такъ, напримѣръ: Селумъ бьетъ на барабанѣ и кличъ чинитъ (85); царь скифетръ на главу Олоферна кладетъ (90); Савалъ глаголетъ дрожаще, яко бы ужаснувся (99); Финеесъ плачетъ: у, у, у! и вси возопіютъ, рыдающе (146); Олофернъ держитъ кубокъ въ руцѣ и говоритъ (191); сполохъ чинится со трубы и тимпаны (201) и т. д.

Отмѣтимъ еще одну литературную подробность. Имя царя Навуходоносора было хорошо знакомо нашимъ предкамъ не только по Библіи, но и по многочисленнымъ спискамъ сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, гдѣ Навуходоносоръ представляется царемъ сильнымъ и мудрымъ, съ оттѣнкомъ волшебства. Между прочимъ, онъ повелѣлъ сдѣлать себѣ „мечъ самосѣкъ аспидъ змій" и однажды, когда нечестивые цари съ силою многою напали на вавилонянъ и стали ихъ побивать, онъ опоясался этимъ мечемъ и выѣхалъ на помощь своему

---

[1]) См., напримѣръ, первую сцену комедіи о Фортунатѣ, *Tittmann*, 77.

войску. Тогда мечъ самосѣкъ аспидъ змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и нача безъ милости сѣчь, тотчасъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами [1]). Въ нашей пьесѣ Навуходоносоръ, посылая Олоферна на войну, говоритъ: „Се дарствую тя моимъ мечемъ, его же сильная моя мышца самая носила въ то время, во еже извоевахъ Арфаксада, царя медского, на поли, еже имянуется Рагавъ... Той мечъ во всѣхъ походѣхъ твоихъ да носятъ предъ тобою, да очи силою моею возгорятся и сердце твое къ храбрости возбудится". Начитаннымъ зрителямъ XVII вѣка этотъ мечъ Навуходоносора могъ напоминать чудесный самосѣкъ, служившій Вавилонскому царю.

„Іудиѳь", несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго. На это указываетъ множество германизмовъ, отличающихъ языкъ пьесы [2]); изрѣдка попадающіяся, очень немногія, южнорусскія выраженія заставляютъ предполагать въ переводчикѣ малороссійскаго уроженца. Такъ, напримѣръ, Олофернъ называется *вельможнымъ гетманомъ* (115)—выраженіе, вѣроятно, соотвѣтствующее нѣмецкому Feldherr; хозяйка названа *господыней* (105); далѣе встрѣчаемъ слова: *можнѣйшій* царю (79), *клейноты* (83), *войсковой маршалокъ* (105), *укусъ*, *укусны* (102), *ходи брате*, (104); *отчините врата* (197). Палачъ именуется *спекулаторомъ*, какъ и въ переводѣ „Римскихъ Дѣяній", но и *майстеръ Никелемъ* (meister Nickel),—очевидно, съ нѣмецкаго (158). Есть много спеціально военныхъ терминовъ: взять *языковъ* (106); *подъѣздъ* (рекогносцировка, 106); *шанцы* (111); *передняя стража* (аванпостъ, 141); *Марсово мѣсто* (85); *генеральной смотръ* (85) и т. п.; изъ военныхъ чиновъ встрѣчаются: *воевода* (и *генеральный* воевода, 158), *капитанъ* (84), *ротмистръ* (106) *поручикъ* (158), *сотники* (140), *рейтары* (113). Языческіе храмы названы *мечетями* (95, 97). Есть и спеціально русскія подробности, какъ, напримѣръ, приведенный выше перечень кушаній, съ которыми прощается Сусакимъ, или названіе подарковъ—*поминками*.

---

[1]) Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ—въ *Лѣтоп. русск. лит. и древн.*, III, отд. 3, стр. 20—26.

[2]) Вотъ примѣры: окомгновеніе=Augenblick, 77; безпутныя горы=weglose, 80; похожденіе (потомство)=Nachkommenschaft, 146; мертвостуденой=todtkalt, 86; въ посреди = inmitten, 86; идите тогда = gehen sie also 89, 95; вредительное (испорченное)=schadhaft, 112; предвступленіе=Vortritt, 79; живите благо=leben sie wohl, 97; поѣзжай благо=fahre wohl, англ. farewell, 185; одежду низъ ложити = niederlegen, 195; клянуся *при* Навуходоносоровѣ мечѣ = bei dem Schwerte, 168 и т. п.

Слогъ пьесы, за исключеніемъ комическихъ сценъ, вообще очень тяжелъ и утомителенъ; стремленіе къ риторической напыщенности и многословію слишкомъ сильно чувствуется. Встрѣчаются иногда сравненія и выраженія провербіальнаго характера, напримѣръ: „Не обрѣтшу соколу прилету, безопасна въ пещерѣ своей пребываетъ горлица" (96); „многажды кошка, въ утѣсненіи сущи, вредительнѣе драти, нежели песъ кусати можетъ" (135); „Коликократно похульные враны и пресильнѣйшаго льва снѣдоша, и крѣпчайшее желѣзо ежедневно ржа истребляетъ, яже точію прахомъ нарицается" (109).

Авторомъ „Іудиѳи" долго считали Симеона Полоцкаго—единственно на томъ основаніи, что Новиковъ, впервые напечатавшій эту пьесу, далъ ей заглавіе: „Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лапидоѳъ, четыре протазанщики, четыре спальники", принявъ такимъ образомъ за названіе комедіи перечень дѣйствующихъ лицъ перваго явленія. А такъ какъ Симеонъ Полоцкій тоже написалъ комедію „О Навходоносорѣ царѣ", то изъ этого чисто внѣшняго и случайнаго совпаденія и позволяли себѣ положительно заключать о принадлежности ему „Іудиѳи": одинъ изъ довольно многихъ въ исторіи нашей литературы примѣровъ недостаточно строгаго критическаго отношенія къ историческому матеріалу. Ошибочное заключеніе потомъ было отвергнуто; но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣды его все же остались. Пекарскій, ничего не говоря объ авторѣ комедіи, однако, считалъ ее произведеніемъ русскаго писателя, и притомъ—близко знакомаго съ Польшей: по его мнѣнію, въ ассирійскихъ солдатахъ „Іудиѳи" легко узнать представителей мелкой польской шляхты, любившей въ старину выпить и подраться и смотрѣвшей на войну, какъ на средство пограбить и повеселиться [1]). Къ этому мнѣнію присоединяется, отчасти, и Алексѣй Ник. Веселовскій, указывая на подходящіе типы солдатъ въ польсихъ комедіяхъ XVI и XVII вв. (O polskim Scilurusio, Albertus Rotmistrz и др.). Это приводитъ его къ предположенію, что такъ какъ при польскомъ дворѣ еще во времена Сигизмунда III (1587—1652 гг.) часто давались спектакли на латинскомъ, италіанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то весьма возможно, что „Іудиѳь" была сочинена именно въ Польшѣ какимъ-нибудь нѣмецкимъ актеромъ, можетъ быть, даже изъ „англійской" труппы Спенсера, дѣйствовавшей тогда въ Польшѣ; этимъ и объясняются мѣстныя, польскія черты

[1]) Наука и Лит., I, 398.

въ пьесѣ [1]). И. Е. Забѣлинъ, справедливо замѣчая, что представленная въ пьесѣ характеристика солдатства не имѣетъ въ себѣ ничего спеціально-польскаго, совершенно неожиданно и категорически заключаетъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкій". [2]) Это положеніе ничѣмъ не доказывается; напротивъ, сотрудничество Симеона болѣе чѣмъ сомнительно хотя бы уже потому только, что онъ вовсе не зналъ по нѣмецки (по крайней мѣрѣ, изъ его сочиненій и изъ свѣдѣній о немъ нигдѣ не видно, чтобы нѣмецкій языкъ былъ ему извѣстенъ). Переводъ исполненъ, по нашему мнѣнію, въ посольскомъ приказѣ, откуда и впослѣдствіи выходило много переводовъ для нашей сцены XVII и XVIII вв.

Что касается до солдатскихъ типовъ, то они представляются совершенно обще-европейскими: подобныя фигуры можно указать, напримѣръ, еще въ сводной Mystère du vieux testament XV вѣка, гдѣ именно въ „Іудиѳи" выведены два солдата Олоферновой арміи— Granchevuyde и Turelututu, олицетворяющіе собою грубое фанфаронство, пьянство, обжорство и трусливость. [3]) Если искать ближайшихъ родственниковъ нашего Сусакима, то гораздо проще обратиться не въ Польшу, а въ Германію, откуда пришла къ намъ и сама „Іудиѳь", и гдѣ Тридцатилѣтняя война расплодила множество представителей этого типа. Впрочемъ, на сценѣ они являются еще въ XVI столѣтіи: напримѣръ, въ пьесѣ Самуила Гебеля „Объ осадѣ Ветуліи" (1566 г.) на ряду съ Юдиѳью и Олоферномъ стоятъ ландскнехты

---

[1]) Deutsche Einflüsse, 30—31.

[2]) Бытъ русск. царицъ, 485—486.

[3]) Замѣтимъ кстати, что французская „Judith", также какъ и наша, начинается напыщенною похвальбою Навуходоносора:

Los immortel par triumphant proesse,
Hardiesse de pompeuse noblesse
Si nous dresse grant gloire deifique,
Deifiez par sublime hautesse,
Gentillesse, resplendissant richesse,
De nous qu'esse? Police magnifique
Pareil de nous n'est trouvé en cronique
Soit antique, car sans nulle replique
On s'applique de nous craindre sans cesse, и пр.

Petit de Julleville, Les Mystères, II, 373. Сводная мистерія ветхаго завѣта состоитъ изъ 40 отдѣльныхъ мистерій разной величины, заключающихъ въ себѣ болѣе 49.900 стиховъ.

Veit Rausch и Hans Saufer, достаточно характеризуемые уже своими именами. [1])

„Эсѳирь" и „Іудиѳь" связаны между собою единствомъ основной идеи—что „гордымъ Господь Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; Богъ бо не любитъ высокія мысли нашея, возносящагося смиряетъ". Эта идея, одна изъ самыхъ распространенныхъ въ нашей до-петровской литературѣ, вводитъ обѣ комедіи Грегори въ длинный рядъ весьма разнообразныхъ литературныхъ произведеній, начиная съ поученій и лѣтописей и кончая благочестивыми легендами, народными духовными стихами, повѣстью о Горѣ-Злочастіи. Такимъ образомъ, первыя пьесы, явившіяся на подмосткахъ комидійной хоромины села Преображенскаго, строго говоря, были новостью только съ формальной стороны, сущностью же своею не противорѣчили господствовавшему въ литературѣ поучительному направленію: это была „потѣха", но потѣха, въ концѣ концовъ, дающая все тотъ же моральный урокъ; оттого-то она и не вызвала, по видимому, протеста со стороны ревнителей благочестія. Даже въ строгой старовѣрческой литературѣ, вообще рѣшительно осуждающей всякія мірскія развлеченія, мы не находимъ укоровъ, которые были бы направлены спеціально противъ комидійнаго дѣйства. Грамотные люди, которымъ случалось отмѣчать извѣстія о театрѣ, относятся къ нему, по видимому, съ любопытствомъ и безъ всякаго порицанія, при чемъ останавливаютъ свое вниманіе именно на „Эсѳири" и „Іудиѳи", какъ на комедіяхъ, въ которыхъ указанная нами нравоучительная идея проведена съ особенною полнотой и выразительностью. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ, Выходахъ Государей и въ приведенномъ выше рукописномъ извѣстіи изъ всѣхъ комедій, представленныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, названы только эти двѣ [2]). Такимъ образомъ, Грегори, съ точки зрѣнія русскихъ литературныхъ понятій XVII вѣка, сдѣлалъ выборъ удачный и вполнѣ подходившій къ требованіямъ и вкусамъ зрителей. Если обработка „Эсѳири" была, можетъ быть, подсказана Матвѣе-

---

[1]) *Kehrein*, Dram. Poesie der Deutschen, I, 112.

[2]) Слова рукописной замѣтки, со ссылкою на свидѣтельство Избранта, „яко того ради пріяхъ Амбурхъ градъ многое разореніе"—по видимому, звучатъ укоромъ; но по смыслу даннаго мѣста трудно опредѣлить, къ чему именно относится этотъ укоръ: къ театру ли вообще, или къ тому, что за посѣщеніе театра брали деньги, или, наконецъ, къ тому, что въ Гамбургъ стало съѣзжаться, ради театра, много посторонней публики. Во всякомъ случаѣ, конецъ замѣтки не ясенъ.

вымъ, то въ выборѣ другаго сюжета—„Іудиѳи"—Грегори полагался уже на собственное усмотрѣніе и руководился, по всей вѣроятности, мнѣніемъ Лютера, который въ этой библейской исторіи прежде всего ставилъ на видъ ея поучительность. „Можетъ быть", говоритъ Лютеръ въ предисловіи къ своему переводу „Іудиѳи",—„можетъ быть, евреи разыгрывали это сказаніе, какъ у насъ представляютъ Страсти Христовы и другія священныя исторіи, чтобы общедоступною картиною или дѣйствіемъ научить народъ и юношество надѣяться на Бога, блюсти благочестіе и ожидать отъ Бога помощи и утѣшенія во всѣхъ напастяхъ, противъ всѣхъ враговъ. Потому эта книга хороша, священна и полезна для чтенія намъ, христіанамъ, и рѣчи, произносимыя дѣйствующими въ ней лицами, слѣдуетъ понимать такъ, что онѣ исходятъ отъ духовнаго, святого поэта или пророка, отъ Святого Духа, который представляетъ этихъ лицъ въ дѣйствіи и ихъ устами поучаетъ насъ" [1]).

Поучительное направленіе, съ прибавкою, для привлекательности легкаго шутовства и театральныхъ эффектовъ во вкусѣ „англійскихъ" комедій, характеризуютъ и всѣ прочія, извѣстныя намъ, пьесы репертуара Грегори. Сильнѣе всего нравоучительная тенденція выразилась въ „жалостной" комедіи объ Адамѣ и Евѣ, которая остается строго вѣрною типу старой духовной драмы и потому исключаетъ всякіе комическіе эпизоды. Далѣе, та же тенденція, и даже одинаковая общая мысль о наказаніи гордости и о наградѣ за смиреніе, объединяетъ между собою комедіи о Товіи, объ Іосифѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, имѣющее уже совершенно свѣтскій характеръ: во всѣхъ этихъ пьесахъ мораль, въ указанномъ нами смыслѣ, составляетъ основную идею.

П. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Vorrede zum Buche Judith, у *Gödecke*, II², 329—330.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ [1]).

IV.

Обратимся теперь къ произведеніямъ о смутѣ князя Семена Ивановича Шаховскаго-Хари. Онъ составилъ Житіе царевича Димитрія и сказаніе о первомъ самозванцѣ подъ названіемъ Повѣсти о нѣкоемъ мнисѣ, како посланся отъ Бога на царя Бориса. Оба произведенія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ, оба одинаково сильно зависятъ отъ Повѣсти Катырева-Ростовскаго въ своихъ фактическихъ показаніяхъ и оба составлены въ духѣ обычнаго витійства князя Шаховскаго.

Благодаря своимъ литературнымъ трудамъ, князь Семенъ Шаховской получилъ достаточную извѣстность въ исторіи нашей письменности. О немъ сохранилось много біографическихъ свѣдѣній [2]); установилось и опредѣленное представленіе о характерѣ его литературной дѣятельности [3]). Обиліе отзывовъ о Шаховскомъ, какъ писателѣ,

---

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ. Здѣсь помѣщается вторая половина IV-й главы.

[2]) Его автобіографія, написанная, вѣроятно, около 1649—1650 гг. (судя по тому, что ея извѣстія кончаются началомъ 7158 года), напечатана подъ заглавіемъ: „Домашнія записки князя С. Шаховскаго" въ *Моск. Вѣстникѣ* за 1830 г. (ч. V, № 17 — 20, Науки, стр. 61 — 70) съ новаго списка, принадлежавшаго П. П. Бекетову, а нынѣ хранящагося въ библ. Имп. Общества Ист. и Древностей (Отд. I, № 227: это, какъ кажется, списокъ единственный). Біографическія замѣчанія о кн. С. И. Шаховскомъ собраны, кромѣ того, въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—281. Отдѣльныя данныя о Шаховскомъ будутъ указаны ниже.

[3]) Рядъ справедливыхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи трудовъ Шаховскаго находимъ въ трудѣ г. *Смирнова*: „Св. патріархъ Филаретъ Никитичъ" (въ *Чт. Общ. любит. дух. просв.* за 1874 г., февраль, стр. 244—245; мартъ, стр. 455—456; апрѣль, стр. 620—622).—См. также: митр. *Макарія* Ист. русск.

даетъ намъ возможность не останавливаться долго на его литературной характеристикѣ. Но отсутствіе хотя бы краткой его біографіи вынуждаетъ насъ привести въ порядокъ тѣ данныя о его жизни, какими мы располагаемъ. Знакомясь съ ними, мы убѣждаемся, что Шаховской многое обошелъ молчаніемъ въ своемъ собственномъ жизнеописаніи.

Князь Семенъ Ивановичъ Шаховской [1]), сперва стольникъ или стряпчій, затѣмъ дворянинъ московскій [2]), началъ свою службу еще во время смуты. Въ 1606 году, во время возстанія Сѣверскихъ городовъ противъ Шуйскаго, онъ былъ посланъ на службу подъ Елецъ. Но здѣсь его постигла царская опала. Привезенный „за приставомъ“ въ Москву, князь Семенъ не узналъ тамъ причины царскаго гнѣва и былъ сосланъ „въ Новгородъ въ моръ“. Однако, прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста ссылки, ему дано было приказаніе „жить до указу въ деревнѣ“. Указъ послѣдовалъ только чрезъ два года: осадивъ Тулу въ 1608 году, царь Василій пожаловалъ Шаховскаго, „велѣлъ взять къ Москвѣ“ [3]). Годы 1608—1609 князь Семенъ провелъ въ Москвѣ на

церкви, XI, стр. 227—231, и *Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 417. Литературные труды Шаховскаго наиболѣе полно исчислены митр. *Макаріемъ* и *П. М. Строевымъ* (Библіол. Словарь, стр. 291—298). Мы пользовались сборникомъ его произведеній, составленнымъ трудами самого автора и сохранившимся въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213 и № 214. Строевъ зналъ эти списки подъ № 191 и № 192).

[1]) Его родословіе въ книгѣ *А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137, № 502, и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, Родословныя книги, стр. 59, 150, 234.—О прозвищѣ его (Харя) см. въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, 149, 150, и Дворц. Разряды I, 341, 389; II, 17, 568.—С. И. Шаховской былъ человѣкомъ состоятельнымъ; его вотчины, какъ видно изъ его автобіографіи и переписки, были подъ Москвой и въ Галичѣ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69.—*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, Переписка дьяка Третьяка Васильева, стр. 5); кромѣ того, онъ имѣлъ крупный помѣстный и денежный окладъ (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 280, 281).

[2]) Подъ 7114 (1606) г. самъ Шаховской говоритъ о себѣ въ своей автобіографіи: „послали насъ стольниковъ и стряпчихъ пятнадцать человѣкъ“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62) Позднѣе же, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, онъ писанъ былъ „во дворянѣхъ“ (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—281.—Дворц. Разряды, II, 718. — Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ. М. 1853 г., стр. 468).

[3]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62 — 63. Этотъ эпизодъ изъ жизни Шаховскаго весьма любопытенъ. Князь Семенъ, разсказывая о своей опалѣ, замѣчаетъ, что Шуйскій ему „не сказалъ...... никакія вины“. Подобной жалобы не находимъ въ запискахъ Шаховскаго, когда онъ говоритъ о другихъ своихъ

службѣ Шуйскому, и не разъ бился съ тушинцами; но въ самомъ началѣ 1610 года, „въ великой мясоѣдъ", онъ измѣнилъ царю Василію и отъѣхалъ изъ Москвы въ Тушино. Въ Тушинѣ ему пришлось быть не долго: уже въ февралѣ того же года отправился онъ къ Сигизмунду, получилъ отъ него помѣстья, а затѣмъ въ 1611 году, неизвѣстно какъ, очутился въ Новгородѣ около того времени, когда Новгородъ взяли шведы: „и я, князь Семенъ, на томъ новгородскомъ взятьѣ былъ", — говоритъ онъ о себѣ [1]). Однако онъ не остался ни въ плѣну у шведовъ, ни въ польскомъ лагерѣ, а пришелъ подъ Москву въ русское ополченіе. Подмосковные воеводы еще до освобожденія Москвы отправили князя Семена „походнымъ воеводою" въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже во время избранія Михаила Ѳедоровича [2]).

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, какъ много впечатлѣній долженъ былъ вынести Шаховской изъ смутной эпохи. Но эти личныя впечатлѣнія и воспоминанія совершенно не отразились на его произведеніяхъ о смутномъ времени. Ему, конечно, не совсѣмъ было удобно писать со всею откровенностью о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время смутъ: пришлось бы вспоминать свою тушинскую службу и награды, полученныя отъ короля. Послѣ прекращенія смуты, когда общественное мнѣніе безповоротно осуждало всякую измѣну, откровенность въ этомъ отношеніи могла бы повредить князю Семену, и только въ интимной своей автобіографіи рѣшился онъ записать нѣсколько воспоминаній, весьма краткихъ и сдержанныхъ, о томъ, что дѣлалъ онъ въ смутные годы. Знало или не знало московское правительство времени царя Михаила, какъ держалъ себя Шаховской раньше, рѣшить трудно; но князь Семенъ съ первыхъ же дней царствованія Михаила Ѳедоровича началъ служить новому государю. Въ 1613—1615 годахъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ

ссылкахъ и опалахъ. И мы можемъ повѣрить ему, что въ данномъ случаѣ онъ пострадалъ безъ личной вины: Шуйскій сослалъ князя Семена, всего вѣроятнѣе, потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григ. Петр. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 году противъ Шуйскаго (*А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137). Если эта догадка вѣрна, мы имѣемъ право предполагать, что Шуйскій очень скоро забылъ свое клятвенное обѣщаніе „безъ вины ни на кого опалы своей не класти" и не преслѣдовать братьи, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 44.—Ник. Лѣт. VIII, 77).

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 63—64. — Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 322, § XIII, и стр. 321. Дата 2-го марта здѣсь новаго стиля.

[2]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 64.

поляковъ и два раза былъ раненъ. Трудности походной жизни заставили его бить челомъ о томъ, что онъ „заволоченъ со службы да на службу"; но это челобитье навлекло на него кратковременную опалу и ссылку на Унжу и не избавило отъ новой службы. Въ 1616 году онъ былъ посланъ воеводою въ Ядринъ, гдѣ и пробылъ до августа 1618 года. Осенью этого года онъ участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава, а „на весну" 1619 года былъ отправленъ въ Пронскъ полковымъ воеводою противъ татаръ. Съ лѣта 1619 до лѣта 1620 г. оставался онъ свободнымъ отъ служебныхъ посылокъ, а на вторую половину 1620 года былъ отправленъ вторымъ воеводою въ Вязьму, но скоро оттуда возвратился [1]).

Съ 1620 года начались для князя Семена большія непріятности. Произошли онѣ отъ разныхъ причинъ, и самъ Шаховской былъ виноватъ въ нихъ лишь отчасти. Въ концѣ 1619, кажется, года, послѣ смерти своей третьей жены, онъ женился въ четвертый разъ, и это навлекло на него преслѣдованіе патріарха [2]). Въ то же приблизи-

---

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 65—67. — Дворц. Разряды, I, 102; 181—182; 247, 349; 336, 341, 359; 389—390, 407; 421; 456.—Книги Разрядныя, I, 47—48; 196, 545; 507, 566, 568; 621—624, 640, 653; 717—718. — Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—280. Здѣсь ошибочно показано, что князь Семенъ былъ на службѣ въ Можайскѣ въ 7122 (1614 г.) вмѣсто 7142 (1633—1634 г.).—Самъ князь Семенъ неправильно говоритъ, что былъ посланъ въ Ядринъ „во 125 году": другіе источники согласно показываютъ 7124 годъ. Въ Вязьмѣ онъ былъ очень короткое время: въ 7129 (1620—1621) году тамъ уже были другіе воеводы (Книги Разрядныя, I, 762).

[2]) О своихъ женахъ Шаховской говоритъ въ автобіографіи, въ посланіи къ патріарху Филарету и въ молитвахъ своего сочиненія. Въ первомъ произведеніи читаемъ подъ 122 (1614) годомъ: „того году у меня, князь Семена, жены первыя не стало"; подъ 127 (1619) г.—„тое весны у меня другія жены не стало послѣ Свѣтлова Воскресенія вскорѣ"; подъ 128 (1619) г.—„того же лѣта на Филипово заговѣнье (то-есть въ ноябрѣ) женился я, князь Семенъ, на нынѣшней своей княгинѣ" (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., стр. V, 65—67). Такимъ образомъ можно думать, что князь Семенъ женатъ былъ въ молодости три, а не четыре раза. Но въ посланіи къ патріарху онъ говоритъ слѣдующее: „Умершу ми тремъ женамъ въ маловременней годинѣ и ни со единою довольно пожихъ, толко очима своима видѣхъ я. Со единою пожихъ тригодинное число, со второю полтора года, съ третьею девятнадцать недѣль... И удаляяся отъ различнаго многаго блудодѣянія, сочтался есмь бракомъ съ дѣвицею сущею и жилъ съ нею два годы, и дѣтки, государь великій, даровалъ ми Богъ съ нею" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 20 об.—21; № 214, лл. 28 об.—29). Въ молитвахъ своихъ Шаховской молится за упокой трехъ своихъ женъ и проситъ долгоденствія для четвертой: „Помяни, Господи, рабы своя законоданныя ми жены: Матрону и Настасѣю и Татьяну..."

тельно время случилось событіе, въ которомъ князь Семенъ не былъ виноватъ, но за которое постигла его опала уже отъ самого государя. Въ 1620 г. въ Москвѣ нѣсколько Шаховскихъ были уличены въ „великихъ винахъ" политическаго характера и приговорены къ смерти, но помилованы и сосланы „въ понизовые города по тюрьмамъ" [1]). Хотя князя Семена въ то время не было и въ Москвѣ, когда его родня впала въ „беззаконіе", однако и его привлекли къ дѣлу, обвинивъ, какъ кажется, въ недонесеніи и укрывательствѣ [2]). Источники не позволяютъ точно опредѣлить, когда именно и какое наказаніе понесъ за свои вины князь Семенъ. Въ своихъ запискахъ онъ отмѣтилъ только, что въ 7130 (1622) году онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ „въ опалу въ чужомъ дѣлѣ и того же году пожало-

---

„Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою, аще и незаконно поятъ ю, и чада моя, еже ми еси даровалъ" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 314 об.—315; № 214, лл. 422—423.—Библіол. Словарь *Строева*, стр. 291). Такимъ образомъ, можно съ полнымъ основаніемъ думать, что князь Семенъ не упомянулъ въ своихъ запискахъ одной изъ своихъ умершихъ женъ и подъ „нынѣшней своей княгиней" разумѣлъ не третью, а четвертую супругу. Всего вѣроятнѣе, не упомянулъ онъ ту, съ которой жилъ не годы, а недѣли. Мы ошибемся во всякомъ случаѣ немного, если временемъ его четвертаго брака будемъ считать 7128 годъ (то-есть, конецъ 1619 г.).

[1]) Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 550 и 529. — „Великія вины" Шаховскихъ были сказаны имъ въ такихъ словахъ: „Во 128 (1620) году извѣщалъ на васъ государю... Ондрей Голубовской, что вы въ вечеру у Илейки Бочкина были и затѣйнымъ воровскимъ обычаемъ вы, князь Ѳѳонасей, и князь Ондрей, и князь Иванъ, и Илейка Бочкинъ называлъ тебя, князя Матвѣя, царемъ, а ты, князь Матвѣй, князя съ братьею называлъ бояры, и сами вы въ томъ воровствѣ винились".— Князья Андрей, Аѳанасій, Матвѣй Ѳедоровичи Шаховскіе по роду были довольно близки къ князю Семену и имѣли съ нимъ общаго прадѣда князя Андрея Александровича Шаховскаго.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что князь Семенъ былъ привлеченъ къ этому именно дѣлу. Въ посланіи къ митрополиту Кипріану, прося о милости къ себѣ, онъ приводитъ такія оправданія: „имъ, государямъ, всяко вѣдома суть о сихъ, что моея худости и на Москвѣ не было въ тѣ дни, въ нихъ же случися братіямъ нашимъ въ таковое беззаконіе впасти, и не разумѣхъ о томъ". Намекъ на „братій" здѣсь очень ясенъ. Изъ другаго же мѣста этого посланія видно, что князя Семена обвинили въ томъ, что онъ не донесъ о проступкѣ родныхъ: „Свидѣтельствуютъ о мнѣ самомъ дѣла мои", говоритъ онъ, — „яко ниже по умышленію, ниже по лукавству нѣкоему сицевое дѣло приключися ми, о нихъ же по невѣдѣнію умолчахъ и за то расхищенъ и различными озлобленіи озлобленъ" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 50, л. 52; № 214, л. 65, л. 67 об.).

ванъ, взятъ къ Москвѣ". Въ своихъ посланіяхъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что благополучно жилъ съ четвертою женой „два года", прежде чѣмъ его съ нею разлучили. Такъ какъ послѣдняя его женитьба по всѣмъ соображеніямъ была въ концѣ 1619 года, то разлученіе съ женой, по всей вѣроятности, произошло одновременно съ ссылкою его въ 1622 году [1]). Но ссылкою и разлученіемъ бѣды Шаховскаго не ограничились. Прося ходатайства у митрополита Кипріана, князь Семенъ говоритъ, что четыре года онъ терпитъ безъ вины, „гонимъ и прогонимъ и всячески озлобленъ и расхищенъ", въ нищетѣ и убожествѣ [2]). Это даетъ поводъ думать, что имущество его было конфисковано. А изъ другихъ его произведеній видно, что онъ одно время былъ заключенъ и въ тюрьму [3]). Болѣе опредѣленныхъ показаній о бѣдахъ князя Семена не находимъ ни у него самого, ни въ офиціальныхъ документахъ. Можемъ только догадываться, что въ 1625 году положеніе Шаховскаго уже улучшилось: въ маѣ этого года онъ пишетъ, по порученію патріарха, официальное посланіе Персидскому шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе, а въ іюлѣ 1625 г. князь Семенъ служитъ во дворцѣ [4]). Но опала съ него не была снята: на службу его не посылали до 1628 г., а затѣмъ отправили воеводой въ Енисейскъ, гдѣ онъ и пробылъ до начала 1631 г.

---

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 21; № 214, л. 29.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 51, л. 52 об.; № 214, л. 66 — 66 об., л. 68.

[3]) Въ первомъ посланіи Шаховскаго самое заглавіе показываетъ, что авторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ: „егда ми случися стрегому быти, въ царстей опалѣ сущу неповинну". И въ текстѣ этого посланія говорится: „Ты бо, господине мой и друже, не тако просто въ темницу пріидохъ посѣтити убогаго мя, но и потребна принесохъ". Это первое посланіе писано къ Семену Гавриловичу: по указателю къ Книгамъ Разряднымъ можно видѣть, что изъ замѣтныхъ людей того времени имя Семена Гавриловича носилъ одинъ Коробьинъ, дворянинъ московскій. Въ предисловіи къ сборнику своихъ произведеній Шаховской также свидѣтельствуетъ, что былъ „въ заключеніи и во изгнаніи" и писалъ оттуда своимъ друзьямъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 2, л. 3 об.; № 214, л. 2, л. 3 об.). Не знаемъ, откуда почерпнулъ митроп. *Евгеній* свое извѣстіе о томъ, что князь Семенъ былъ заключенъ въ Чудовѣ монастырѣ (Словарь русск. свѣтскихъ писателей, II, стр. 248).

[4]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 24 об. — 43; № 214, лл. 32 — 55.— Дворц. Разряды, I, 699.— Митр. *Макарія* Ист. р. церкви, XI, стр. 65 — 66 и 228 — 229.

Потомъ въ качествѣ опальнаго человѣка онъ жилъ въ Тобольскѣ еще около года и возвратился въ Москву только въ августѣ 1632 года [1]).

Со смертью патріарха Филарета въ 1633 г., Шаховскіе, дѣйствительно виновные, были помилованы и возвращены въ Москву; имъ былъ данъ совѣтъ „впередъ свои великіе вины покрывать службою". И неповинный князь Семенъ, вмѣстѣ съ прочею роднею, снова началъ служить по смерти Филарета, какъ служилъ до своей опалы. Въ 1633—1637 гг. онъ ходилъ въ походы противъ поляковъ и участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшей [2]). Въ 1638 году, съ апрѣля по ноябрь, былъ онъ противъ крымцевъ воеводою на Крапивнѣ и мѣстничался съ княземъ С. Гагинымъ, при чемъ былъ обвиненъ и въ февралѣ 1639 года за Гагина сидѣлъ въ тюрьмѣ [3]). Вслѣдъ затѣмъ его отправили воеводою на Терекъ, гдѣ онъ оставался до 1642 года [4]). Въ самомъ концѣ 1643 г. его посылали въ Тверь встрѣчать королевича Вольдемара на его дорогѣ въ Москву [5]). Такъ

[1]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Дворц. Разряды, II, 17, 186.—Книги Разрядныя, II, 208, 299, 365. — Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 149 (и 147), 150; IX, 280.

[2]) Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 529, 551. — *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67 — 68 (слич. Дворц. Разряды, II, 349, 355, 373, 380, 413, 438, 445). Въ 1637 г., 20-го февраля, онъ былъ даже отправленъ посланникомъ въ Польшу (Дворц. Разряды, II, 530, 873. — Доп. къ Акт. Ист., VI, № 138, стр. 430.—Памятники дипломатич. сношеній, III, стр. 89, 121, 212. — Акт. Западн. Россіи, V, № 14 и 15.—Протоколы засѣданій Археографич. Коммиссіи, I, 345 — 346.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 377—378).

[3]) *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 68. — Дворц. Разряды, II, 568, 590—591, 599—600.—Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 110, 113—114, 127.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, стр. 280—281.—Въ 1637—1639 гг. видимъ иногда князя Семена за государевымъ столомъ (Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 100, 180).

[4]) О Терской службѣ князя Семена показанія источниковъ разнорѣчивы: Самъ Шаховской говоритъ, что на Терекъ его послали въ 147 (1639) году (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69); въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ (изд. 2-е, IX, стр. 281) пребываніе его на Терекѣ показано въ 149—150 (1641—1642) годахъ; а изъ Дворц. Разрядовъ (II, 633, 639) видно, что назначеніе его на Терскую службу состоялось 5-го мая 7148 (1640) года. И о концѣ этой службы извѣстія не согласны: по однимъ показаніямъ, князь Семенъ остался на Терекѣ и въ 7150 (1642) году, по другимъ же—въ этомъ 7150 г. воеводою Терскимъ былъ М. П. Волынскій (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 281.—Дворц. Разряды, II, 662 и 688).

[5]) Дворц. Разряды, II. 718.—*Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 291—292.—Самъ князь Семенъ ошибочно написалъ, что эта его служба

обычнымъ московскимъ порядкомъ шла жизнь Шаховскаго до тѣхъ поръ, пока весною 1644 года не разразилась надъ нимъ, неизвѣстно за что, новая опала. Онъ былъ посланъ на далекое воеводство въ Усть-Колу и служилъ тамъ до апрѣля 1646 года; оттуда былъ переведенъ въ Устюгъ и тамъ оставленъ до начала 1647 года. Тамъ ждалъ онъ государевой милости и прощенія: „ожидалъ,.... что велятъ мнѣ быть къ Москвѣ (такъ писалъ онъ дьяку Васильеву), а вмѣсто таковаго чаянія подвинули меня подалѣ, указалъ мнѣ государь быть у Соли у Вычегодской". Князя Семена хотѣли, кажется, вмѣсто Москвы отправить на Лену, гдѣ тогда только что былъ построенъ „городъ Якутской". Но эта посылка не состоялась: въ февралѣ 1648 г. отъ государева гонца узналъ Шаховской, что государь велѣлъ его „отъ Ленскіе службы отставить, а до своего государева указу велѣлъ еще побыть у Соли". И только въ концѣ 1648 года его отпустили изъ Сольвычегодска въ его вотчину въ Галичъ, а затѣмъ позвали и въ Москву. Но опала миновала не надолго: уже на масляницѣ 1649 года князь Семенъ снова поѣхалъ въ ссылку въ Томскъ [1]). Хотя свѣдѣній о его жизни послѣ 1649 года совсѣмъ нѣтъ, однако является возможность утверждать, что онъ въ Сибири не умеръ, но возвратился въ Москву и еще въ 1653 году переписывался съ Троицкимъ келаремъ Симономъ Азарьинымъ [2]). Въ это время ему

была въ 1642 году: „во 151 году... на Рождество Христово" (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69).

[1]) Въ своихъ запискахъ Шаховской не объясняетъ причины опалы (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69). Въ перепискѣ же съ тобольскимъ дьякомъ Т. Васильевымъ, которая относится къ 1647—1648 годамъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, № 1—4), князь Семенъ объясняетъ свои бѣды не преступленіемъ или проступкомъ, а вообще своими грѣхами: „А напасти, государь мой (пишетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ), за грѣхи постизаютъ мя, а иного не вѣмъ въ себѣ ничесо же". Ту же мысль развиваетъ онъ очень пространно и въ третьемъ письмѣ.—Обстоятельства этой ссылки Шаховскаго изложили мы по его запискамъ и перепискѣ съ Васильевымъ. Кромѣ того, см. Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, 176 (здѣсь показано, что Шаховской былъ въ 1647 году въ Томскѣ; это опровергается его перепиской); III, 161; IX, 281.—При переѣздѣ изъ Колы моремъ къ Архангельску, Шаховской и его спутники едва не погибли отъ бури. Спасеніе свое они приписывали чудотворенію преп. Сергія Радонежскаго; князь Семенъ составилъ святому „кондаки и икосы по подобію несѣдалныхъ" и принесъ ихъ къ Троицкому келарю Симону Азарьину, когда возвратился изъ ссылки. Симонъ же описалъ все это въ своей Книгѣ новоявленныхъ чудесъ преп. Сергія (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 93—95).

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 202, л. 108: „161 (1653) году... писалъ ко мнѣ, келарю Симону, съ Москвы князь Семенъ княжь Ивановъ сынъ Шахов-

шелъ по крайней мѣрѣ седьмой десятокъ лѣтъ (около пятидесяти лѣтъ онъ уже находился на службѣ); вѣроятно, князь Семенъ и скончался въ 50-хъ годахъ XVII вѣка.

Трудно догадаться, почему такъ много потерпѣлъ въ концѣ своей жизни такой благочестивый человѣкъ, какъ князь Семенъ. Его знакомый дьякъ Т. Васильевъ называлъ его человѣкомъ „предивнымъ, шествующимъ путемъ правды, и не мало разумѣющимъ божественнаго писанія, и пріимшимъ по дару Божію много здраваго ученія“. Патріархъ Филаретъ, преслѣдовавшій Шаховскаго, именно ему поручилъ составленіе своего посланія къ шаху; очевидно, онъ считалъ князя Семена способнымъ къ такому важному труду, въ которомъ должны были сочетаться и правыя богословскія знанія, и литературныя способности. Изъ сочиненій князя Семена видно, что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Изучая его произведенія, мы дѣйствительно убѣждаемся въ большой начитанности Шаховскаго въ книгахъ священныхъ и церковныхъ. Какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ. Его излюбленныя темы — похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы; въ просительныхъ своихъ посланіяхъ и въ частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непремѣнно обработываетъ его

ской...“. Въ этомъ письмѣ князь Семенъ сообщаетъ келарю, что пожаръ въ его вотчинѣ былъ остановленъ иконою преп. Сергія. Такъ какъ онъ упоминаетъ здѣсь объ икосахъ „своего творенія“, то нѣтъ сомнѣнія, что это былъ именно писатель Шаховской. Но другія извѣстія о Семенѣ Ивановичѣ Шаховскомъ, дошедшія отъ второй половины XVII в., не могутъ относиться непремѣнно къ С. И. Шаховскому-Харѣ. Въ родѣ Шаховскихъ былъ другой Семенъ Ивановичъ, поколѣніемъ младше князя Семена Хари, приходившійся ему, если не ошибаемся, троюроднымъ племянникомъ (*А. А. Титова* Ярославль. М. 1883, стр. 136). Онъ началъ свою службу стряпчимъ около 1640 года и былъ потомъ стольникомъ; упоминанія о его службѣ въ Москвѣ встрѣчаемъ въ 1640 и 1647 гг., какъ разъ тогда, когда старшаго князя Семена въ Москвѣ не было (Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 215, 366, 372, 377). Зная о существованіи втораго С. И. Шаховскаго и не имѣя точныхъ указаній на жизнь князя Семена Хари послѣ 1649 года (на которомъ онъ прекратилъ свои записки), мы не можемъ рѣшить, къ кому изъ нихъ отнести слѣдующія, напримѣръ, данныя: въ 1652 г. С. И. Шаховской упоминается въ одномъ изъ богомольныхъ походовъ государыни; въ Боярскихъ книгахъ 7166 (1657—1658) и 7176 (1667—1668) годовъ С. И. Шаховской показанъ двоpяниномъ московскимъ. Сомнѣваемся, чтобы князь Семенъ могъ дожить и дослужить до 1670, приблизительно, года.

въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія. Таково его Слово о пожарѣ московскомъ 1626 года [1]). Въ немъ находимъ лишь нѣсколько словъ о самомъ событіи, и то довольно общихъ и риторичныхъ; но пожаръ даетъ автору поводъ сказать москвичамъ обширную обличительную проповѣдь на ту тему, что несчастіе было Божьимъ наказаніемъ за грѣхи московскихъ людей. Такимъ же точно характеромъ благочестиваго поученія отличаются и произведенія Шаховскаго о смутѣ. Въ нихъ изображеніе фактовъ не играетъ главной роли; событія смуты интересуютъ автора по стольку, по скольку на нихъ оправдываются его религіозно-нравственные взгляды. Излагая эти взгляды и въ нихъ полагая главное значеніе своего труда, Шаховской счелъ болѣе удобнымъ для себя при описаніи фактовъ воспользоваться готовымъ разсказомъ о смутѣ, находящимся въ повѣсти Катырева.

Оба произведенія Шаховскаго, касающіяся смутнаго времени, такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ правильнѣе считать одною повѣстью, раздѣленною на двѣ части только заглавіями [2]). Въ первомъ изъ этихъ произведеній описаны преступленія Бориса Годунова, во второмъ — то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за эти преступленія. Основная мысль, одинаково замѣтная и въ томъ, и въ другомъ повѣствованіи, такова: ни одинъ грѣхъ не остается безъ наказанія, какъ не остается безъ награды терпѣніе и страданіе. Борисъ, много согрѣшившій властолюбія ради, могъ бы загладить свою вину передъ Богомъ, если бы началъ „по волѣ Божіи... власть свою строити"; но онъ не сдѣлалъ этого и погибъ отъ само-

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 113 об.—140; № 214, лл. 149—185 (самое же описаніе пожара находится въ ркп. № 213 на лл. 115—116 об.; въ ркп. № 214—на лл. 151—153).

[2]) Оба произведенія находятся въ сборникѣ сочиненій Шаховскаго непосредственно одно за другимъ. Первое носитъ заглавіе „Повѣсть, извѣстно сказуема, на память великомученика благовѣрнаго царевича Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси, и о язвѣ людстѣй. Списано Семіономъ Шаховскимъ" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 267—285 об.; № 214, лл. 362—386). Часть этого заглавія („о преславнемъ обрѣтеніи тѣлеси") относится къ содержанію уже втораго произведенія, въ которомъ повѣствуется объ открытіи мощей царевича. Второе произведеніе озаглавлено: „Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго царевича Димитрія" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—301; № 214, лл. 387—404 об. Существуетъ и отдѣльный списокъ: см. *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1879 г. II, Протоколы засѣданій, стр. 4).

званца, въ свою очередь скоро ниспровергнутаго за свои беззаконія. Невинно же пострадавшій Димитрій сподобился дара чудесъ и былъ прославленъ, какъ святой [1]).

Свой разсказъ о страданіяхъ Димитрія Шаховской начинаетъ пространнымъ описаніемъ того, какъ угождаютъ Богу Его святые или отшельничествомъ, или подвигами труда и послушанія въ общежитіи, или, наконецъ, мученичествомъ. Мученическаго вѣнца достигъ и царевичъ Димитрій. Приступая къ изображенію его судьбы, авторъ боится, что не сумѣетъ этого сдѣлать по своему невѣжеству и „юродству ума". Рѣшается онъ писать лишь въ надеждѣ на Божью помощь и съ тѣмъ соображеніемъ, что житія святыхъ можно описывать „не витѣйскими словесы и риторскимъ разумомъ", а простою рѣчью. „Житія святыхъ и мученія и доблести ихъ ясно да сказуются", говоритъ онъ,—„яко же и не книжнымъ мочно простымъ глаголемая внимати". Въ судьбѣ царевича Димитрія прежде всего занимаетъ автора его „многобрачное рожество", то-есть, то, что царевичъ родился „отъ шестыя жены" Грознаго. „Не осудится бо всякъ родивыйся отъ многобрачія родительскимъ согрѣшеніемъ", пишетъ онъ и указываетъ затѣмъ, что даже въ книгѣ родства Іисуса Христа можно найдти примѣры неправильныхъ браковъ. За этимъ обширнымъ вступленіемъ начинается у Шаховскаго и самое житіе царевича.

Помянувъ о смерти Грознаго, о возвышеніи Годунова, авторъ характеризуетъ степень власти Бориса словами Катырева: „и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити" [2]). Послѣ краткихъ самостоятельныхъ замѣчаній о честолюбіи Бориса и ссылкѣ въ Угличъ царевича [3]), Шаховской въ разсказѣ о смерти царевича, о безсиліи царя Ѳедора узнать правду въ этомъ дѣлѣ, о московскомъ пожарѣ 1591 года, о кончинѣ царя Ѳеодора,—прямо слѣдуетъ словамъ Катырева, изрѣдка дополняя ихъ риторическими

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 281 об.—284 об., лл. 293—296; № 214, л. 381 об.—385, л. 395 об.—399.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 278 об.; № 214, л. 377.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 285.

[3]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 278 об.—279; № 214, л. 377 об.: по словамъ Шаховскаго, Борисъ „посылаетъ юнѣйшаго брата царева Димитрія царевича и съ матерію его на Угличъ лестію, якобы власть даруя ему". Обыкновенно въ сказаніяхъ читаемъ, что Димитрія на Угличъ отправилъ царь Ѳедоръ; къ показанію Шаховскаго близки только Хронографъ 2-й редакціи (Изборникъ, стр. 186—187) и „Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся"..., стр. 1.

вставками [1]). Измѣнивъ затѣмъ со стороны слога и сокративъ извѣстіе Катырева объ избраніи Бориса въ цари, Шаховской приступаетъ къ обстоятельному развитію основной идеи своего произведенія, уже указанной нами. Вспоминая судьбу Саула, говоритъ онъ, что Борисъ, ставъ царемъ, не избѣжалъ этимъ суда и кары Божьей. Спасти его могло бы благочестивое правленіе и добрыя дѣла. Но Борисъ „слѣпотою объятъ бысть и братоненавидѣніемъ"; онъ сталъ гордиться, сталъ подозрѣвать и преслѣдовать своихъ подданныхъ. Словами Катырева излагаетъ Шаховской опалу на Романовыхъ [2]) и затѣмъ замѣчаетъ, что именно съ тѣхъ поръ, какъ обнаружились грѣхи Бориса-царя, Господь послалъ ему казнь, поразивъ его народъ голодомъ и моромъ. Немногимъ позже голода явился Борису новый мститель отъ Бога—самозванецъ, котораго Шаховской сравниваетъ съ Фокою, убійцею имп. Маврикія. Но разсказъ объ этомъ мстителѣ авторъ обѣщаетъ дать уже въ другой повѣсти. Борисъ „судъ пріятъ подобенъ своему нечестію", пишетъ Шаховской,—„и многожелаемаго своего владычества лишается образомъ симъ, яко же здѣ явственно Повѣсть предложити вамъ хощу".

Такимъ образомъ Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, по признанію самого автора, является непосредственнымъ продолженіемъ Повѣсти о смерти царевича. Начинается она разсказомъ о похожденіяхъ самозванца на Руси и въ Польшѣ, при чемъ этотъ разсказъ, съ чисто-внѣшними стилистическими измѣненіями, прямо взятъ изъ Повѣсти Катырева [3]). Затѣмъ, опуская всѣ подробности борьбы самозванца съ войсками царя Бориса, Шаховской беретъ у Катырева лишь немногія строки о томъ, какъ распространился на Руси слухъ о самозванцѣ и какъ Борисъ приготовился къ борьбѣ съ своимъ врагомъ [4]). Душевное состояніе Бориса при этомъ онъ рисуетъ обстоятельнѣе, чѣмъ Катыревъ: хотя Бориса и мучила совѣсть, тѣмъ не менѣе онъ „мужески"

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 279—281; № 214, лл. 378—380 об.— Изборникъ, стр. 285, отъ словъ: „послалъ таибниковъ своихъ", и стр. 286, до словъ: „аки овца не имѣюще пастыря". — Изъ дополненій Шаховскаго историческій характеръ имѣетъ только одна замѣтка, что царь Ѳедоръ не могъ узнать о смерти брата, „понеже удержанъ бысть властью убійцы оного", то-есть, Бориса.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 284 об.; № 214, л. 385.—Изборникъ, стр. 287: „Не усрами же ся и славна роду" и т. д.

[3]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—289; № 214, лл. 387—390 об.— Изборникъ, стр. 287—288 (до словъ: „и отпускаетъ досягати царства отеческаго").

[4]) Изборникъ, стр. 287.—Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 213, лл. 289—290; № 214, лл. 390 об.—391 об.

ополчался на самозванца, напрасно думая избѣжать Божьяго мщенія. Оно скоро постигло его: самъ Борисъ умеръ внезапною смертью, а семья его стала жертвою Разстриги. При описаніи смерти Бориса, гибели его семейства и торжества самозванца Шаховской возвращается къ тексту Катырева и передаетъ его въ сильно сокращенномъ видѣ съ измѣненіями и вставками, мало интересными въ историческомъ отношеніи. Словами Катырева характеризуетъ онъ и царствованіе Разстриги [1]), при чемъ, сообщая о женитьбѣ самозванца, даетъ самостоятельный отзывъ о поведеніи Гермогена при Лжедимитріи [2]). Очень близокъ къ тексту Катырева и разсказъ о сверженіи самозванца и поруганіи его тѣла, объ избіеніи поляковъ въ Москвѣ и о тѣхъ физическихъ явленіяхъ, которыя совпали съ переворотомъ 17-го мая [3]).

Отъ описанія погибели самозванца Шаховской переходитъ къ отвлеченнымъ размышленіямъ и окончательно выясняетъ главную мысль своего повѣствованія. Онъ показываетъ читателю, что и Борисъ, и самозванецъ пали вслѣдствіе своихъ грѣховъ; ему остается для полнаго раскрытія темы показать, что награда не замедлила явиться тому праведному страдальцу, судьба котораго была связана съ судьбою описанныхъ авторомъ злодѣевъ. И Шаховской обращается къ

---

[1]) При описаніи царствованія самозванца заимствованія Шаховскаго идутъ приблизительно въ такомъ порядкѣ: разсказавъ о сверженіи и заточеніи Годуновыхъ (Изборникъ, стр. 292), онъ въ двухъ самостоятельныхъ фразахъ говоритъ о воцареніи Лжедимитрія; затѣмъ сообщаетъ словами Катырева о замыслахъ самозванца противъ православія (Изборникъ, стр. 293 въ концѣ), о сверженіи Іова, о поставленіи въ патріархи Игнатія, о судьбѣ царевны Ксеніи (Изборникъ, стр. 292), о призваніи въ Москву Мнишка и другихъ поляковъ, о женитьбѣ самозванца съ позволенія Игнатія (Изборникъ, стр. 293—294).

[2]) Послѣ сообщенія, со словъ Катырева, что Игнатій благословилъ самозванца на женитьбу „безо всякаго прекословія“ (Изборникъ, стр. 294), Шаховской пишетъ: „Митрополиту же казанскому Ермогену, единому по благочестію поборнику, ревностію всяко Божіею много запрещающе ему (то-есть, Разстригѣ) о скверномбрачіи семъ, глаголюще: яко не достоитъ ти есть, царю, совокупитися со иновѣрною отроковицею, не омывъ ю духовною банею паки бытія, сіирѣчь святымъ крещеніемъ. Онъ же, окаянный, никако сего восхотѣ послушати, яко аспидъ глухій затыкая уши своя, и многу ненависть и рвеніе воздвизаетъ на блаженнаго сего отца. Аще не бы Богъ прекратилъ дніе его, безъ сумнѣнія убилъ быхъ того окаянный“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 291 об.—292; № 214, л. 394. Сравн. отзывъ Катырева о Гермогенѣ въ Изборникѣ, стр. 295).

[3]) Изборникъ, стр. 294, отъ словъ: „Во десятый же день“...... до словъ: „волненіе въ царствующемъ градѣ даже и до третьяго дня“.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 292—293; № 214, лл. 394 об.—395 об.

разсказу объ открытіи мощей царевича. Кратко говоритъ онъ, заимствуя фразы у Катырева, объ избраніи на царство царя Василія и о возведеніи въ патріархи Гермогена; затѣмъ даетъ самую общую характеристику послѣдующей смуты „даже и до благочестиво царствующа великого князя Михаила Ѳедоровича“ [1]). Эта характеристика служитъ для него какъ бы введеніемъ въ разсказъ объ обрѣтеніи мощей Димитрія. „Внегда убо царю Василью скипетры царскія удержавшу и мятежу велію бывшу, той же..... Ермогенъ воспоминаетъ царю, да послется отъ него на взысканіе тѣлеси праведнаго царевича“,—такъ начинаетъ Шаховской свой разсказъ [2]). Изъ лицъ, посланныхъ въ Угличъ за мощами, называетъ онъ одного Филарета Никитича и повторяетъ о немъ почти буквально отзывъ Катырева [3]). Самое же обрѣтеніе и перенесеніе мощей описываетъ онъ такими общими фразами, въ которыхъ нельзя уловить сколько-нибудь цѣнныхъ показаній. Очевидно, съ подробностями этого дѣла онъ былъ мало ознакомленъ и не зналъ такого обстоятельнаго источника, изъ котораго могъ бы черпать свои свѣдѣнія въ данномъ случаѣ такъ-

[1]) Этотъ обзоръ смуты не даетъ исторически-цѣнныхъ свѣдѣній, благодаря своей чрезвычайной краткости. Читая его, невольно думаешь, что онъ писанъ подъ впечатлѣніемъ шестой главы Сказанія Палицына. На это же какъ будто намекаютъ и слѣдующія слова Шаховскаго: „Не азъ, иже невѣжда по всему, но и мудръ нѣкто не бы моглъ писаніемъ представити нужду тогдашняго времени; и нѣсть мощно подробну глаголати нынѣ, паче же и слову удолжитися. Хотяй навыкнути о сиковыхъ да прочита: въ лѣтописныхъ исторіяхъ мало что изъявлено суть любомудрецы“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 297—297 об.; № 214, л. 400—400 об.). Въ то время, когда писалъ Шаховской (въ царствованіе Михаила Ѳедоровича), еще не появились историческіе труды С. Азарьина и Ив. Насѣдки; Сказаніе Палицына было единственною „исторією“, гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной поры и бѣдствія русскихъ людей.

[2]) Приведенная фраза Шаховскаго заключаетъ въ себѣ двѣ неточности: съ одной стороны перенесеніе мощей царевича состоялось до появленія открытой смуты при Шуйскомъ; а съ другой—Гермогенъ не участвовалъ въ дѣлѣ перенесенія мощей. Эти ошибки нашего автора показываютъ, что онъ не руководился ни офиціальными грамотами Шуйскаго, ни Повѣстью о перенесеніи мощей Димитрія, составленною въ 1607 году (показанія этихъ памятниковъ разсмотрѣны нами въ первой главѣ нашего труда). Источники Шаховскаго въ данномъ случаѣ опредѣлить трудно; но нельзя не замѣтить, что въ Хронографѣ 2-й редакціи находятся подобныя же фактическія неточности (Изборникъ, стр. 195—196).

[3]) Изборникъ, стр. 312—313.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 297 об.—298; № 214, л. 401.

же удобно, какъ въ другихъ случаяхъ изъ Повѣсти Катырева [1]). Повѣствованіе свое князь Семенъ оканчиваетъ молитвою къ святому царевичу Димитрію и проситъ помощи отъ всѣхъ бѣдъ „благовѣрному царю Михаилу“.

Двукратное упоминаніе о царѣ Михаилѣ свидѣтельствуетъ, что Шаховской писалъ не позже 1645 года, а его зависимость отъ Повѣсти Катырева говоритъ намъ, что онъ не могъ писать раньше 1626 года. Точнѣе указать время составленія его Повѣстей мы не можемъ, да въ этомъ не представляется и нужды въ виду ничтожнаго историческаго значенія произведеній князя Семена. Для того, чтобы окончить рѣчь о нихъ, замѣтимъ, что Шаховской передѣлывалъ Повѣсть Катырева иногда очень небрежно, какъ бы спѣша, и поэтому допускалъ въ своемъ изложеніи нѣкоторыя несообразности и неловкости. Отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто. Разсказывая о смерти Бориса, Шаховской затѣмъ такъ сокращаетъ повѣствованіе Катырева: „Слышана же бысть смерть царева воемъ и всѣмъ людемъ, и сотвориша совѣтъ, да отоимутъ скипетръ отъ дому его (то-есть, Бориса).... и предадутъ царство въ руцѣ грядущаго (то-есть, самозванца). И тако утверждаютъ совѣтъ и предаются въ руцѣ злокозненнаго мниха оного“. Читатель думаетъ, что рѣчь идетъ о Москвѣ и всемъ государствѣ, но сейчасъ же встрѣчаетъ фразу: „Слышана же бысть сія въ царствующемъ градѣ, яко предашася все многособранное воинство въ руцѣ оного, и воздвигоша оружіе и пріидоша на царскій дворъ и пограбиша вся царская сокровища“ [2]). При сопоставленіи этихъ мѣстъ съ Повѣстью Катырева, становится яснымъ, что Шаховской въ первой фразѣ очень неудачно сократилъ разсказъ Катырева объ измѣнѣ Ѳедору Борисовичу въ полкахъ, а вторую фразу объ измѣнѣ въ Москвѣ частью списалъ у Катырева, частью же составилъ самъ. Далѣе, сокращая изложеніе Катырева, Шаховской постоянно выбрасывалъ изъ повѣствованія собственныя имена [3]) и отдѣльныя извѣстія и не всегда заботился о возстанов-

---

[1]) Шаховской, на сколько можно судить, не зналъ даже мѣсяца и дня принесенія мощей царевича въ Москву. Онъ оставилъ пробѣлъ для того, чтобы вписать число и мѣсяцъ, и почему-то не вписалъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 298 об.; № 214, л. 402).

[2]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 290—290 об.; № 214, л. 392—392 об. Изборникъ, стр. 290—291, 292.

[3]) Такъ, при описаніи жизни самозванца въ Литвѣ, Шаховской выпустилъ всѣ личныя и географическія имена, находящіяся у Катырева, кромѣ имени Мнишка.

леніи нарушенной пропусками грамматической правильности рѣчи. Въ этомъ отношеніи любопытна такая частность: Шаховской говоритъ о трупѣ Лжедимитрія, что его положили на площади „нага суща, ничимъ покровенна и лежаху трупъ его три дни". Неправильное употребленіе формы „лежаху" объясняется текстомъ Катырева: „Положиша его.... на площади, нага суща, въ знакъ ничѣмъ прикровенна; подъ ногами же положиша болярина П. Басманова.... и тако лежаху трупія ихъ" [1]). Такія литературныя оплошности Шаховскаго ясно показываютъ (если только въ этомъ можетъ быть сомнѣніе), что именно онъ дѣлалъ заимствованія у Катырева, а не на оборотъ.

Отъ произведеній кн. Шаховскаго, представляющихъ собою типичный образецъ риторическаго искусства его эпохи, перейдемъ къ безыскусственной по формѣ „Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ". Въ XVII вѣкѣ она была распространена во множествѣ списковъ [2]); богатствомъ своихъ показаній она рано обратила на себя вниманіе историковъ и была издана два раза въ прошломъ столѣтіи и одинъ разъ въ настоящемъ [3]). Въ наше время извѣстія Но-

---

[1]) Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 292 об.; № 214, л. 395.—Изборникъ, стр. 294.

[2]) Трудно перечислить всѣ списки этого памятника: они находятся во всѣхъ нашихъ древнехранилищахъ. Мы лично не могли принять на себя громадный трудъ ихъ сличенія и ограничили свои занятія одними напечатанными текстами въ той увѣренности, что одно изъ печатныхъ изданій счастливо воспроизвело первоначальный текстъ памятника (Ник. Лѣт. VIII).

[3]) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ" и т. д. (изд. 1-е: С.-Пб. 1771 г.; изд. 2-е: М. 1788).—„Руская Лѣтопись по Никонову списку", VIII, С.-Пб. 1792.—„Новый Лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, изданъ по списку кн. Оболенскаго". М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII).—Изъ этихъ печатныхъ текстовъ первоначальнымъ мы считаемъ тотъ, который помѣщенъ въ Никоновой Лѣтописи. Онъ сохранилъ свое первоначальное заглавіе: „Книга, глаголемая Новой Лѣтописецъ; степень ц. и в. кн. Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, въ ней же сперва степени немногіе главы ц. и в. кн. Ивана Васильевича всеа Русіи; въ началѣ убо книги о взятіи царства Сибирского; нача писати съ 92 (1584)-го году и *донынѣ*" (то-есть, до 1630 г., которымъ оканчивается списокъ. См. Ник. Лѣт. VIII, стр. 1 и 256.—П. Собр. Р. Лѣт., IX, стр. VIII). Въ этомъ текстѣ находимъ много указаній на то, что онъ составлялся дѣйствительно при патр. Филаретѣ (эти указанія будутъ приведены ниже) и именно около 1630 года. Другой печатный текстъ (въ Лѣт. о мн. мятежахъ) сохранилъ вообще неприкосновенною первоначальную редакцію памятника, но утратилъ нѣсколько первыхъ статей его и имѣетъ позднѣйшія приписки (Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 343—366). А тотъ текстъ Новаго Лѣтописца, который

ваго Лѣтописца пользуются большимъ вниманіемъ со стороны историковъ смуты, но и до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы освѣтить происхожденіе этого цѣннаго памятника.

Изученіе текста Новаго Лѣтописца не даетъ никакихъ прямыхъ указаній на его автора. Авторъ очень немного говоритъ о себѣ самомъ. Въ первый разъ, описывая чудесное видѣніе 1611 года и не довѣряя ему, онъ замѣчаетъ: „обаче азъ написахъ се, а не мимо идохъ". Въ другомъ мѣстѣ при разказѣ о томъ, что поляки, осажденные въ Кремлѣ, питались человѣческимъ мясомъ и дѣлали запасы этого мяса, авторъ прибавляетъ: „то сами видѣхомъ очима своима" [1]). На основаніи этихъ фразъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о личности писателя; можно только считать его современникомъ смуты. Мы не остановились бы на вопросѣ о личности составителя Новаго Лѣтописца, еслибы не встрѣтили въ „Исторіи Россійской" Татищева намека на то, что авторомъ этого произведенія Татищевъ считалъ Іосифа, келейника патріарха Іова, или же самого Іова [2]). Нельзя, конечно, думать съ Татищевымъ, что лѣтопись,

---

начинается краткимъ обзоромъ всей русской исторіи и который былъ принятъ кн. Оболенскимъ за „первобытный" текстъ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII), есть не что иное, какъ позднѣйшая литературная переработка, стершая указанія первоначальной редакціи на автора и время составленія. Мы будемъ руководиться при разборѣ памятника его первоначальнымъ текстомъ и въ своемъ мѣстѣ дадимъ рядъ сопоставленій, которыя оправдаютъ изложенныя здѣсь замѣчанія.

[1]) Ник. Лѣт., 173, 197.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 233, 265.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ оба эти указанія выпущены (стр. 143, 157—158), что свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ происхожденіи текста.

[2]) Исторія Россійская, I, Предъизвѣщеніе, стр. XII.—Татищевъ не говоритъ прямо о Новомъ Лѣтописцѣ. Приписывая митр. Макарію описаніе первыхъ 26 лѣтъ „жизни" Ивана Грознаго, онъ затѣмъ говоритъ: „Іосифъ келейникъ Іова Патріарха или самъ Іовъ нѣкоторыя дѣла онагожъ Государя послѣднихъ 24 года, но весьма кратко, а по немъ до избранія царя Михайла довольно пространно (описалъ)". Не смотря на всю неточность выраженій Татищева, думаемъ, что онъ здѣсь разумѣетъ именно Никонову Лѣтопись съ ея продолженіемъ Новымъ Лѣтописцемъ. Макарьевская лѣтопись, по представленію Татищева, обнимала 26 лѣтъ „жизни" Грознаго, и, стало быть, должна была кончаться 1556 годомъ, а лѣтопись Іова (Іосифа) обнимала послѣдніе 24 года жизни Грознаго и, стало быть, должна была начинаться 1560 годомъ. Изъ московскихъ сводовъ до конца 50-хъ годовъ XVI в. доведены Воскресенская и Никонова Лѣтописи и Степенная Книга. Но только одна Никонова Лѣтопись имѣетъ краткія приписки о концѣ царствованія Грознаго (Ник. Лѣт. VII, 313—316) и добавленія о Грозномъ, царѣ Ѳеодорѣ и смутѣ—въ Житіи ц. Ѳеодора и въ Новомъ Лѣ-

доходящую до 1630 года, составилъ Іовъ, умершій въ 1607 году. Но келейникъ патріарха могъ на много лѣтъ пережить его и, какъ современникъ смуты, могъ быть авторомъ Новаго Лѣтописца. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ извѣстій объ этомъ келейникѣ Іосифѣ, мы не можемъ поэтому провѣрить показанія о немъ Татищева; но мы интересуемся этимъ показаніемъ потому, что оно даетъ намъ извѣстную точку зрѣнія на памятникъ, даетъ поводъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ при патріаршемъ дворѣ. Къ такому же взгляду на происхожденіе Новаго Лѣтописца приводятъ и нѣкоторыя другія соображенія.

Въ источникахъ сохранились указанія на то, что московскіе патріархи XVII вѣка, и особенно—Гермогенъ, были прикосновенны къ дѣлу составленія, переписки и храненія лѣтописей. Эти указанія, какъ ихъ ни мало, вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Ту лѣтопись, которая теперь извѣстна подъ названіемъ Воскресенской, люди XVII вѣка считали патріаршею: они называли ее „лѣтописцемъ святѣйшаго патріарха Гермогена“ [1]). Списокъ этой лѣтописи былъ позднѣе, въ 1658 году, въ рукахъ патріарха Никона, который и пожертвовалъ его въ только что основанный Воскресенскій монастырь [2]). Та-

---

тописцѣ (Ник. Лѣт. VII, VIII). Это даетъ уже поводъ догадываться, что приведенныя слова Татищева должны относиться къ Никонову своду. Еще большее основаніе для такой догадки заключается въ томъ обстоятельствѣ, что въ V томѣ своей Исторіи Татищевъ пересказывалъ именно послѣднія части Никонова свода со всѣми отрывочными извѣстіями о времени Грознаго и съ Житіемъ Ѳеодора патр. Іова (Исторія Россійская, V, М. 1848, стр. 490—530.—Ник. Лѣт. VII, 313—359). При такихъ условіяхъ ясно, что Татищевъ считалъ Іова и Іосифа авторами послѣднихъ частей Никоновой Лѣтописи (и Новаго Лѣтописца), а не другаго какого-нибудь произведенія.

[1]) Мы утверждаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: въ одной изъ Родословныхъ книгъ, писанныхъ, какъ думаютъ, въ началѣ XVII в., включено родословіе Литовскихъ великихъ князей. Предъ нимъ находится статья: „Предисловіе родомъ великихъ князей литовскихъ“ и при ней замѣчаніе: „Списано съ Лѣтописца Святѣйшаго патріарха Гермогена Московскаго“ (Родословныя книги во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, стр. 74 и предисловіе, стр. I.—*Барсукова* Рукописи Археографич. Коммиссіи, стр. 23). Сравнивая это „предисловіе родомъ“ съ московскими сводами, убѣждаемся въ томъ, что выписка о Литовскихъ князьяхъ сдѣлана изъ Воскресенской Лѣтописи и ея добавочныхъ статей (Сравн. Родословную книгу, стр. 74—75, и П. Собр. Р. Лѣт., VII, 253—254 и 165; см. также „Русскую Лѣтопись съ Воскресенскаго списка“. С.-Пб. 1793—1794, т. I, 48—49; т. II, 239—240).

[2]) П. Собр. Р. Лѣт., VII, Предисловіе, стр. VI.

кимъ образомъ исторія одного изъ подробнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ московскихъ связана съ именами двухъ московскихъ патріарховъ, и это даетъ поводъ думать, что послѣ историческихъ трудовъ митр. Макарія (Степенная книга) и патр. Іова (Житіе царя Ѳеодора), послѣдующіе московскіе іерархи не пренебрегали лѣтописнымъ дѣломъ. На ту же мысль наводитъ и весьма вѣроятное, какъ мы видѣли, преданіе о происхожденіи Филаретовой Рукописи. Наконецъ, имѣемъ мы и прямое свидѣтельство самого Гермогена о томъ, что онъ записывалъ „въ лѣтописцѣхъ“ замѣчательныя событія его времени [1]). Рядъ подобныхъ указаній невольно возбуждаетъ вопросъ: если при патріаршемъ дворѣ существовали лѣтописные своды, если Гермогенъ, какъ онъ самъ говоритъ, дѣлалъ записи о событіяхъ, то гдѣ искать патріаршую лѣтопись за позднѣйшіе (XVI—XVII) вѣка и гдѣ искать тѣ записи Гермогена, которыя относятся къ смутному времени? Помимо Новаго Лѣтописца, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ повѣствованій о смутѣ безусловно ни одно не можетъ считаться произведеніемъ патріаршимъ, кромѣ Рукописи Филарета. Но изучая всѣ тѣ дополненія, какія привнесены въ этомъ послѣднемъ памятникѣ къ Повѣсти Катырева, не находимъ никакихъ слѣдовъ литературнаго творчества Гермогена. Остается, стало быть, предположить, что записи Гермогена или не дошли до насъ вовсе, или же находятся именно въ Новомъ Лѣтописцѣ, который чрезвычайно богатъ свѣдѣніями, пользовался, очевидно, офиціальными источниками и былъ въ рукахъ патр. Никона, какъ дополненіе къ Никоновой Лѣтописи [2]).

Было бы довольно легко оправдать это послѣднее предположеніе, еслибы намъ удалось отыскать въ текстѣ Новаго Лѣтописца изло-

---

[1]) „И то чюдо въ Лѣтописцѣхъ записали мы“,—таковы слова патріарха (Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290—291).

[2]) Описаніе списка Никоновой Лѣтописи, отданнаго Никономъ въ Воскресенскій монастырь,—въ П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VIII—IX. Мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ, чтобы установить офиціальное происхожденіе этого свода, но не можемъ не указать на слѣдующее: въ Никоновой Лѣтописи находится офиціальное повѣствованіе Іова о Житіи царя Ѳеодора; Никонова лѣтопись очень близка по составу къ Воскресенской; Никоновою лѣтописью въ XVII в. интересовались офиціально: въ 1637 году одинъ изъ ея списковъ, принадлежавшій Тр.-Сергіеву монастырю, былъ доставленъ „по государеву указу“ въ Приказъ Большаго Дворца (П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VII—VIII). Совокупность этихъ признаковъ, вмѣстѣ съ общимъ офиціальнымъ тономъ этой лѣтописи, даетъ нѣкоторое право считать памятникъ офиціальнымъ.

женіе того факта, который хотѣлъ занести патр. Гермогенъ въ свой лѣтописецъ. Въ грамотѣ своей къ русскимъ измѣнникамъ, отъѣхавшимъ отъ царя Василія, Гермогенъ свидѣтельствуетъ, что самъ Богъ немедленно наказалъ людей, возставшихъ на законнаго государя Шуйскаго. „Преславно, Божіимъ праведнымъ судомъ", говоритъ патріархъ,—„тѣ враждотворцы сами отъ Бога въ мгновеніи ока месть возспріяша и разоришася, ни отъ кого, но сами отъ себя... И то чюдо въ Лѣтописцѣхъ записали мы", — прибавляетъ Гермогенъ [1]). Естественно было бы ожидать, что въ Новомъ Лѣтописцѣ (если онъ дѣйствительно былъ составленъ при Гермогенѣ) мы встрѣтимъ разсказъ объ этомъ чудѣ, на которое патріархъ только намекаетъ въ своей грамотѣ. Обращаясь къ тексту памятника, мы находимъ въ немъ повѣствованіе о тѣхъ событіяхъ, по поводу которыхъ составлены грамоты Гермогена: Новый Лѣтописецъ перечисляетъ нѣсколько отъѣздовъ изъ Москвы въ Тушино [2]). Но при этомъ онъ не упоминаетъ о скорой погибели измѣнниковъ и не говоритъ ни о какомъ чудѣ [3]). Такимъ образомъ мы лишены возможности подтвердить свою догадку текстомъ разбираемаго памятника. Въ немъ не оказывается того, что̀ записывалъ Гермогенъ въ своей лѣтописи.

Однако на этомъ основаніи еще нельзя заключать, что Гермогеновская лѣтопись исчезла для насъ совершенно безслѣдно. Мы можемъ только утверждать, что она не дошла до насъ въ томъ видѣ, какой имѣла при Гермогенѣ. Но легко можетъ быть, что матеріалъ, собранный Гермогеномъ для исторіи смуты, не пропалъ, а былъ сведенъ и переработанъ позднѣе, уже по смерти Гермогена. Не представляетъ ли собою Новый Лѣтописецъ именно такого свода данныхъ, официально собранныхъ при патріаршемъ дворѣ для исторіи смуты? Въ такую форму облекается въ концѣ концовъ вопросъ о

---

[1]) Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290, и примѣчаніе 19.

[2]) Слич. Акт. Арх. Эксп. II, № 169, и Новый Лѣтописецъ (Ник Лѣт. VIII, 101—102, 111—112, 122—123.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 136—137, 150—151, 165.—Нов. Лѣт., 95, 101—102, 107).

[3]) Правда, въ Новомъ Лѣтописцѣ есть разсказъ о необычайной, чудесной кончинѣ измѣнниковъ, просившихъ „съ лестію" патріаршаго благословенія. Но объ этомъ повѣствуется уже послѣ разсказа о сверженіи Шуйскаго; измѣнники, проклятые Гермогеномъ и погибшіе страшною смертью, были уже не тушинцы, а слуги Сигизмунда и поляковъ. Поэтому нѣтъ возможности отожествить это чудо Новаго Лѣтописца съ чудомъ Гермогеновой грамоты (Ник. Лѣт. VIII, 141—142.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191.—Нов. Лѣт., 121—122).

происхожденіи Новаго Лѣтописца, и для разрѣшенія этого вопроса негдѣ искать указаній, кромѣ текста самаго памятника.

Наблюденія надъ этимъ текстомъ прежде всего приводятъ къ мысли, что Новый Лѣтописецъ не есть лѣтопись въ строгомъ смыслѣ этого слова. Его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ разновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ разсказомъ, составленнымъ, такъ сказать, за одинъ пріемъ. Много данныхъ говорятъ намъ, что этотъ разсказъ во всѣхъ его частяхъ былъ писанъ не въ смуту, а послѣ нея,—въ то приблизительно время, къ которому относятся послѣднія извѣстія Новаго Лѣтописца. (1630 г.). Укажемъ эти данныя. Онѣ находятся уже въ началѣ Лѣтописца, въ статьѣ о ссылкѣ Романовыхъ отъ Бориса Годунова [1]). Здѣсь Ѳедоръ Никитичъ Романовъ названъ „государемъ,“ а всѣ Романовы—„царскимъ послѣднимъ сродствіемъ“. Понятно, что такого отношенія къ семьѣ Романовыхъ въ смуту у лѣтописца, современнаго событію, быть не могло. Статья эта написана, очевидно, тогда, когда Филаретъ Никитичъ уже сталъ „государемъ“: послѣ 1619 г. и никакъ не раньше 1613 года. Послѣ 1619 года составленъ и разсказъ о Ростовскомъ плѣнѣ Филарета въ 1608 году: въ немъ Филаретъ названъ „великимъ государемъ“ [2]). И далѣе, въ нѣсколькихъ статьяхъ, посвященныхъ судьбѣ Филарета въ смуту, авторъ Лѣтописца не разъ даетъ понять, что писалъ въ патріаршество Филарета, послѣ 1619 года. Такъ, говоря о отправленіи великаго посольства подъ Смоленскъ въ 1610 году, онъ замѣчаетъ о митрополитѣ Филаретѣ: „многую бѣду и скорбь въ девять лѣтъ за православную христіанскую вѣру претерпѣ“ [3]). То же повторяетъ онъ, говоря о плѣненіи Филарета и пословъ: „и былъ онъ, государь, въ такихъ великихъ бѣдахъ девять лѣтъ [4]). И въ разсказѣ о взятіи Смоленска находимъ подобное же свидѣтельство, касающееся участи воеводы Шеина съ

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 42—45.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 56—61.— Нов. Лѣт., 49—51.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 103.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 139.—Иначе въ Нов. Лѣт., 96: здѣсь находимъ литературную переработку первоначальнаго разсказа.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 192 (здѣсь варіантъ: „десять лѣтъ“).—Нов. Лѣт., 122 („до девяти лѣтъ“).

[4]) Ник. Лѣт. VIII, 160.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 215.—Нов. Лѣт., 134 „велію скорбь оніи послы претерпѣша въ девять лѣтъ“).—Подобный же намекъ на позднее время составленія Лѣтописца встрѣчаемъ и въ статьѣ о посылкѣ въ Литву къ плѣнному Филарету игумна Ефрема: Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 283.—Нов. Лѣт., 165.

его семьею: „быша въ полону девять лѣтъ“ (1611—1619 гг.) [1]). Всѣ эти признаки ясно говорятъ, что обработка Новаго Лѣтописца завершилась не ранѣе 1619 года. Другія же данныя болѣе опредѣленно свидѣтельствуютъ, что Новый Лѣтописецъ составленъ около 1630 года: въ это время были занесены въ него не только послѣднія его извѣстія, но и показанія о событіяхъ довольно раннихъ. Такъ, помѣщая въ началѣ своего повѣствованія о времени царя Михаила разсказъ о Казанской иконѣ Божьей Матери, авторъ Новаго Лѣтописца приводитъ въ этомъ разсказѣ фактъ 7133 года—признакъ, что статья эта составлена не ранѣе 1625 года [2]). Говоря о состояніи Новгорода подъ шведскимъ владычествомъ въ 1613—1617 гг., авторъ свидѣтельствуетъ, что Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, едва не убитый шведами, былъ впослѣдствіи Новгородскимъ митрополитомъ. Назначеніе митрополита Кипріана въ Новгородъ состоялось въ 1626 году, и, стало быть, ранѣе этого года не могли появиться замѣтки о Кипріанѣ въ Новомъ Лѣтописцѣ [3]). Наконецъ, въ разсказѣ о кометѣ 7127 (1618) года, авторъ Лѣтописца прямо указываетъ, что писалъ этотъ разсказъ въ 7138 (1630) году [4]). Такимъ образомъ рядъ указаній заставляетъ насъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ и законченнымъ много лѣтъ спустя послѣ смуты, въ 1630 году.

Намъ можно возразить противъ такого вывода. Всѣ приведенныя нами хронологическія показанія могли быть внесены въ первоначальный текстъ Лѣтописца его позднѣйшимъ поправщикомъ во время Филарета, самый же Лѣтописецъ могъ по частямъ составляться и

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 163.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 219.—Нов. Лѣт., 136.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 282.—Нов. Лѣт., 165.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 223.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 299—300.—Нов. Лѣт., 173—174.—*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 36.—П. Собр. Р. Лѣт., III, 188.

[4]) Ник. Лѣт. VIII, 238.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 320—321.—Комета явилась въ 1618 году: „въ тое же пору пришелъ подъ Москву“ королевичъ Владиславъ. По мнѣнію автора, небесное знаменіе пророчило войну въ Германіи, и междоусобія среди нѣмцевъ дѣйствительно произошли: „Бывшимъ у нихъ межъ себя войнамъ великимъ *по 138* (1630) *годъ, а впрѣдь объ нихъ Богу свѣдущу*, покамѣста у нихъ Богъ велитъ быти войнамъ“,—говоритъ авторъ. Ясно, что онъ писалъ эту статью въ 1630 году и тогда же закончилъ свой трудъ, потому что послѣднія извѣстія Никонова списка оканчиваются именно 1630 годомъ. Въ спискѣ Новаго Лѣтописца кн. Оболенскаго (стр. 183) это мѣсто о войнахъ въ Германіи пропущено, что прямо указываетъ на позднѣйшее происхожденіе списка.

раньше, даже въ самую смуту. Однако знакомство съ содержаніемъ памятника устраняетъ такое соображеніе. Новый Лѣтописецъ отличается внутреннею цѣльностью повѣствованія. Съ одной стороны, онъ весь проникнутъ единствомъ взгляда на событія, и это единство указываетъ на трудъ одного автора. Съ другой стороны, въ Лѣтописцѣ нѣтъ и слѣда личныхъ симпатій и антипатій его составителя; авторъ очень спокойно относится ко всѣмъ лицамъ и дѣятелямъ смуты и нигдѣ не измѣняетъ разъ принятому тону. Въ этомъ мы видимъ ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца: еслибы его авторъ работалъ въ самую эпоху смуты, онъ не могъ бы съ такимъ успѣхомъ скрыть свои личныя чувства подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Постараемся оправдать свои предположенія текстомъ памятника.

Авторъ на все смотритъ съ религіозной точки зрѣнія. Всѣ бѣды, постигающія Русь, приписываетъ онъ Божьему гнѣву и кознямъ діавола. И въ началѣ, и въ концѣ своего Лѣтописца многія статьи онъ начинаетъ однообразными фразами, въ родѣ такихъ: „Богу же попущающу, а врагу дѣйствующу, видя Богъ наши неправды и лукавство, наипаче жъ любви не имѣхомъ, всякіе козни наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ: аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая воставаетъ“... или „Врагъ же искони вѣкъ не хотя видѣти добра роду христіянскому, а хотя видѣти души въ пагубѣ, вложи мысль на Москвѣ многимъ людемъ“... [1]). Этими и подобными фразами исчерпывается стремленіе автора къ прагматизму. Благочестивыя размышленія нашъ авторъ охотно вводитъ и по поводу различныхъ мелочей своего повѣствованія: такъ, о лукавомъ поступкѣ кн. В. Голицына, который при переходѣ на сторону Лжедимитрія велѣлъ себя связать, чтобы казаться не измѣнникомъ, а плѣннымъ, авторъ замѣчаетъ: „хотя у людей утаити, а у Бога не утаити ничто же“. Говоря о преданности и повиновеніи русскихъ людей самозванцу, авторъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „не восхотѣша отъ Бога приняти вѣнца страстотерпческаго“. По поводу зависти Шуйскихъ къ М. В. Скопину авторъ высказываетъ такія мысли: „Видяще, кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяху;

---

[1]) Сравн. начала статей въ Ник. Лѣт. VIII, 6, 15, 20, 29, 40, 53, 54, 80 89, 111, 116, 122 и т. д.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 24, 31—32, 36, 41, 52, 57, 78, 87, 101, 105, 107) эти вступительныя фразы часто выбрасываются.

силою жъ никому у Бога не взять: всякъ бо званный отъ Бога честь воспріемлетъ; власть даетъ Богъ: кому хощетъ, тому и даетъ" [1]). Благочестивое настроеніе автора вызываетъ въ немъ сожалѣніе, что Датскій „королевичъ Еганъ", пріѣхавшій при царѣ Борисѣ на Русь, „умре не крещенъ" [2]). Преобладаніе религіознаго чувства въ авторѣ сказывается на всемъ его разсказѣ объ избраніи королевича Владислава и отправленіи къ нему посольства: авторъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о вѣроисповѣданіи Владислава и даже отмѣчаетъ, что Гермогенъ избиралъ такихъ священниковъ и дьяконовъ въ посольство, „которые бъ умѣли говорити съ Латыни о православной христіянской вѣрѣ" [3]). При такомъ настроеніи писателя естественно то вниманіе, съ какимъ онъ относится къ дѣламъ церкви и духовенства: онъ нерѣдко описываетъ открытіе мощей или освященіе новой раки того или другаго святаго; онъ упоминаетъ объ установленіи новыхъ праздниковъ, о приходѣ греческихъ іерарховъ на Русь, о бѣдствіи монастырей русскихъ, о крещеніи иновѣрцевъ и т. п. [4]). Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы уяснить себѣ господствующую точку зрѣнія автора. И кто дастъ себѣ трудъ сравнить тѣ статьи Новаго Лѣтописца, какія были составлены несомнѣнно въ патріаршество Филарета, съ остальными частями памятника,—тотъ убѣдится, что авторомъ и тѣхъ, и другихъ было одно лицо. Статьи позднѣйшаго происхожденія ничѣмъ не выдѣляются отъ прочаго повѣствованія: на нихъ лежитъ печать того же строго религіознаго міровоззрѣнія. Это—первое основаніе для того, чтобы считать Новый Лѣтописецъ такимъ произведеніемъ, которое было написано послѣ смуты и однимъ лицомъ.

Другое основаніе заключается въ отношеніи автора къ описаннымъ въ Лѣтописцѣ событіямъ и лицамъ. Авторъ не безстрастенъ: къ однимъ дѣятелямъ смуты онъ относится съ рѣзкимъ осужденіемъ, къ другимъ же—съ похвалою. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія личной или партійной. Всѣ тѣ лица, которыхъ онъ осуждаетъ,—„отметники" и „измѣнники"; тѣ же, кото-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 66, 72, 132—133.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 88, 97, 178. Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 66, 72, 114) всѣ эти мѣста выпущены.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 50.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 67.—Нов. Лѣт., 56.

[3]) Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 192—Нов. Лѣт., 122.

[4]) См., напримѣръ, Ник. Лѣт. VIII, 12, 27—28, 31, 32—33, 49, 79, 128—130, 167—168, 190, 209—210, 245.

рыхъ онъ хвалитъ,—защитники православія и русской народности. Такимъ образомъ авторъ является не представителемъ политической партіи, а выразителемъ всей православно-русской народности [1]). При этомъ самый тонъ повѣствованія автора остается спокойнымъ и не переходитъ ни въ страстное обличеніе, ни въ страстную похвалу. Уже то обстоятельство, что авторъ сумѣлъ возвыситься до такого отношенія къ событіямъ смуты, можетъ навести на мысль, что онъ писалъ по окончаніи смутной эпохи, когда тяжелые годы, пережитые русскимъ обществомъ, стали простымъ воспоминаніемъ и не будили острыхъ чувствъ въ русскихъ людяхъ. Если же мы обратимся къ частностямъ повѣствованія автора и разберемъ его отношеніе къ нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ смуту, то для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ не стоялъ близко ни къ кому изъ дѣятелей смутной поры (кромѣ патріарха Филарета), не зависѣлъ ни отъ кого изъ нихъ, даже мало былъ знакомъ съ нѣкоторыми событіями смуты. Это — уже ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца.

Посмотримъ, напримѣръ, какъ относится авторъ къ Борису Годунову. Онъ совершенно объективно излагаетъ борьбу Годунова съ боярами при царѣ Ѳеодорѣ, обвиняетъ Бориса въ томъ, что онъ погубилъ въ этой борьбѣ много народа и „оболгалъ“ передъ царемъ митрополита Діонисія; разсказываетъ затѣмъ подробно, какъ Борисъ изыскивалъ средства умертвить царевича Димитрія, какъ онъ велѣлъ ослѣпить Симеона Бекбулатовича. Далѣе, отмѣчая, что Бориса избрали въ цари, „видяще его при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ праведное и крѣпкое правленіе къ землѣ“, авторъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ въ первое время царствованія оправдывалъ свою репутацію, „объявляяся всѣмъ добръ“. Но вслѣдъ затѣмъ находимъ въ Лѣтописцѣ рядъ новыхъ обличеній Годунова: авторъ говоритъ о доносахъ, опалахъ и казняхъ, бывшихъ при Борисѣ, и даетъ понять, что въ успѣхахъ самозванца самъ Борисъ „слышавъ на себя гнѣвъ Божій“ [2]). При такомъ отношеніи къ Борису автора Новаго Лѣто-

---

[1]) Единственнымъ уклоненіемъ отъ обычной широты воззрѣнія автора является необъяснимая вражда его къ Прокопію Ляпунову. Онъ называетъ Ляпунова „льстивымъ человѣкомъ“, упрекаетъ его въ томъ, что онъ „не по своей мѣрѣ вознесся и гордость взя“ (Ник. Лѣт. VIII, 123—124, 133—134, 165 — 167. —Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 166, 178—179, 222—225.—Нов. Лѣт., 108, 118, 138).

[2] Ник. Лѣт. VIII, 7—10, 15—20, 23, 30, 36—39, 40—45, 62.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 8—13, 19—26, 30—31, 39—40, 48—52, 54—61, 83.—Нов. Лѣт., 25—27, 33—35, 38, 42, 46—48, 49—53, 64.

писца нельзя и думать, чтобы Лѣтописецъ составлялся кѣмъ-нибудь изъ приверженцевъ Годунова. Не могъ, конечно, написать такое произведеніе и патріархъ Іовъ, на котораго, какъ мы видѣли, намекалъ Татищевъ. Не могъ, наконецъ, написать его и патріаршій келейникъ Іосифъ: еслибы составителемъ Лѣтописца былъ этотъ Іосифъ, отношеніе Лѣтописца къ Іову было бы и внимательнѣе, и теплѣе, чѣмъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Объ Іовѣ говорится весьма мало и довольно холодно. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ разсказываетъ авторъ только о поведеніи Іова въ тѣ минуты, когда его свергли съ престола. Но такое отношеніе вызвано въ данномъ случаѣ не близостью къ пострадавшему патріарху, а тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ пострадалъ отъ еретика самозванца [1]. Такимъ образомъ можно высказать увѣренность, что Новый Лѣтописецъ составлялся не при Годуновѣ и не при Іовѣ. Увѣренность эта усиливается и тѣмъ, что авторъ, говоря о времени Бориса, впадаетъ въ такія противорѣчія и неточности, какихъ могъ бы избѣжать современникъ событій [2].

Къ подобному же выводу приводитъ и разборъ отношенія автора къ лицамъ времени царя Шуйскаго. Самъ Василій Шуйскій рисуется въ Новомъ Лѣтописцѣ, какъ Богомъ вѣнчанный государь, много терпѣвшій отъ мятежниковъ и измѣнниковъ. Это привлекаетъ къ нему сочувствіе благочестиваго автора; но, сочувствуя монарху, онъ иногда не щадитъ въ Шуйскомъ человѣка. Такъ онъ не скрываетъ, что Шуйскій солгалъ царю Ѳеодору о смерти царевича Димитрія и что онъ вступилъ на престолъ не вполнѣ законно; не

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 11—12, 36, 55—56, 67—69.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 14—16, 48—49, 74—75, 90—93.—Нов. Лѣт., 29, 46—47, 58—59, 68—69.

[2]) Такъ, повѣствуя о посылкѣ царевича Димитрія въ Угличъ, авторъ заявляетъ, что съ нимъ поѣхали и убійцы его Д. Волоховъ и Н. Качаловъ. А ниже онъ говоритъ, что эти лица посланы въ Угличъ передъ самымъ убіеніемъ царевича (Ник. Лѣт. VIII, 5 и 17.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 6 и 22. — Нов. Лѣт., 21 и 33). Это грубое противорѣчіе отмѣчено между прочимъ въ статьѣ *Е. А. Бѣлова:* „О смерти царевича Димитрія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 г., августъ, стр. 286—287). Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскіе не хотѣли избранія Бориса въ цари, ибо знали „что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію: они же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша“ (Ник. Лѣт. VIII, 36.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 48.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ, стр. 46, этого нѣтъ). А между тѣмъ извѣстно, что Шуйскіе при Борисѣ уцѣлѣли отъ „многихъ бѣдъ“.

оправдываетъ авторъ и непріязни царя Василія къ М. В. Скопину [1]). Объективно отношеніе Новаго Лѣтописца и къ патріарху Гермогену до тѣхъ поръ, пока авторъ не подходитъ къ концу царствованія Шуйскаго. О дѣятельности Гермогена при Шуйскомъ говоритъ онъ очень мало, отзывается о патріархѣ сдержанно и вообще при описаніи царствованія Шуйскаго на столько же далекъ отъ Гермогена, на сколько былъ далекъ отъ Іова при описаніи царствованія Бориса [2]). Словомъ, нѣтъ въ Лѣтописцѣ ни одной черты, которая давала бы право заключать о близости автора къ царю Василію и къ его патріарху, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что Новый Лѣтописецъ не былъ офиціальнымъ произведеніемъ времени Шуйскаго. Рядомъ съ этимъ не найдемъ мы въ Лѣтописцѣ никакихъ слѣдовъ пріязни автора къ какой-нибудь партіи времени Шуйскаго. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ статьяхъ Лѣтописца, которыя посвящены Романовымъ, и позднее происхожденіе которыхъ, какъ мы показали выше, несомнѣнно. Ихъ нельзя принимать въ расчетъ; остальныя же статьи памятника ясно показываютъ, что авторъ Новаго Лѣтописца не вынесъ изъ царствованія Шуйскаго личныхъ впечатлѣній; онъ даже не ясно представлялъ себѣ нѣкоторыя видныя событія этого времени и дѣлалъ фактическія ошибки [3]).

Иного рода признаки появляются въ изложеніи событій, послѣдовавшихъ по сверженіи царя Василія. Борьба Москвы съ иновѣр-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 19, 75—77, 124, 131—132.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 26, 102—104, 166—167, 176—178.—Нов. Лѣт., 35, 74—76, 108—109, 113—114.

[2]) Ник. лѣт. VIII, 76—77, 95, 111, 139—140.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 128, 150, 187—188.—Нов. Лѣт., 75, 90, 101 (здѣсь вставлена витіеватая рѣчь Гермогена), 119—120.

[3]) Авторъ говоритъ, что Гермогенъ вѣнчалъ Шуйскаго на царство и встрѣчалъ (уже патріархомъ) мощи цар. Димитрія въ Москвѣ (Ник. Лѣт. VIII, 76, 78.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 106.—Нов. Лѣт., 75, 76). Но въ офиціальномъ чинѣ вѣнчанія царя Василія первое мѣсто занимаетъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ (Акт. Арх. Эксп. II, № 47), а отсутствіе патріарха на встрѣчѣ мощей цар. Димитрія удостовѣряется грамотою самого Шуйскаго (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—111). По одному показанію, Гермогенъ былъ поставленъ въ патріархи только черезъ мѣсяцъ послѣ перенесенія мощей царевича—3-го іюля 1606 года (*Митр. Макарія* Ист. р. церкви, X, стр. 130).—Любопытна и другая неточность въ разсказѣ Новаго Лѣтописца: авторъ его говоритъ, что Шуйскій тогда только подумалъ о перенесеніи тѣла царевича въ Москву, когда узналъ, что „многіе городы измѣнили". Въ этомъ заблужденіи авторъ Лѣтописца сошелся съ авторомъ Хронографа 2-й редакціи (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 194—196).

ными врагами выдвинула на первый планъ патріарха Гермогена и людей, шедшихъ за нимъ и ему помогавшихъ. На нихъ-то и обращено главное вниманіе автора. Отношеніе его къ Гермогену замѣтно измѣняется. Вмѣсто краткихъ отзывовъ о патріархѣ мы видимъ рядъ пространныхъ главъ, посвященныхъ восхваленію дѣятельности Гермогена. Авторъ не разъ называетъ Гермогена „праведнымъ" и приписываетъ ему даже даръ пророчества: патріархъ предрекаетъ „злую смерть" нѣкоторымъ измѣнникамъ, предвѣщаетъ князю Ѳ. И. Мстиславскому скорое прекращеніе его рода [1]). Рядомъ съ Гермогеномъ какъ его лучшій и достойнѣйшій сподвижникъ, поставленъ въ Новомъ Лѣтописцѣ и митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Съ Гермогеномъ онъ былъ связанъ обѣтомъ умереть за православіе,—и дѣйствительно, будучи въ великомъ посольствѣ, Филаретъ „подвизашеся, чтобъ пострадать за православную христіянскую вѣру, и товарыщей своихъ укрѣпляше". Въ глаза врагамъ говорилъ онъ, что „радъ страдать" за православіе, и не сдавался на ихъ увѣщанія, какъ сдавались другіе. Его твердость повела къ тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословенія и „начаша ево почитать и честь ему воздаваху велію" въ то время, когда онъ былъ плѣннымъ въ Польшѣ [2]). Авторъ Лѣтописца могъ усвоить себѣ одинаковое отношеніе къ заслугамъ Гермогена и Филарета съ общей своей точки зрѣнія, православно-національной. Этого, конечно, нельзя отрицать; но нельзя также отрицать и нѣкоторой близости автора къ Филарету, о которомъ онъ сообщаетъ положительно больше, чѣмъ о Гермогенѣ. Переходя къ описанію царствованія Михаила, авторъ не теряетъ изъ виду плѣннаго Филарета: мы читаемъ въ Лѣтописцѣ обстоятельныя сообщенія о томъ, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ сносился со своимъ отцомъ чрезъ довѣренныхъ людей. Изъ этихъ сообщеній особенно любопытно одно—о свиданіи Филарета съ Ѳ. Желябужскимъ [3]). Русскихъ людей не было при разговорѣ Филарета съ гонцомъ его сына. Кромѣ самихъ собесѣдниковъ и людей близкихъ къ

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 141—142, 152—153, 177.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191, 204—206, 238.—Нов. Лѣт., 121—122, 128—129, 146.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 143, 148, 153—154, 160—161.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 191—192, 199, 206—207, 215—216.—Нов. Лѣт., 122, 125, 129—130, 134.

[3]) Ник Лѣт. VIII, 210—211.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 283—284.—Нов. Лѣт., 165—166 (здѣсь бесѣда Филарета съ Желябужскимъ изложена болѣе литературнымъ языкомъ,—знакъ позднѣйшей передѣлки).—О посылкѣ Желябужскаго мы уже упоминали въ одномъ изъ примѣчаній къ этой главѣ.

государевой семьѣ, никто не могъ сообщить автору свѣдѣній объ этой бесѣдѣ. А между тѣмъ какъ безыскусственно и правдиво она изложена въ Новомъ Лѣтописцѣ! При описаніи патріаршества Филарета, въ концѣ произведенія, находимъ подобныя же черты близости автора къ патріарху. Характеризуя правленіе Филарета, авторъ замѣчаетъ, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иновѣрцевъ, которые „подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патріаршѣ дворѣ“ [1]). Это частное замѣчаніе свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ внѣшними порядками патріаршаго управленія, бывшими при Филаретѣ.—Такимъ образомъ только во второй половинѣ Новаго Лѣтописца обычное безстрастіе автора исчезаетъ и замѣняется панегирическими отзывами о двухъ московскихъ патріархахъ. Кромѣ Гермогена и Филарета, авторъ со всею теплотой чувства повѣствуетъ о Мининѣ, Д. М. Пожарскомъ и вообще о дѣятеляхъ нижегородскаго движенія; но по отношенію къ нимъ нельзя уловить въ Новомъ Лѣтописцѣ такихъ частностей, которыя дали бы намъ право говорить о томъ, что Лѣтописецъ составлялся въ лагерѣ втораго ополченія. Такихъ частностей не найдемъ мы, строго говоря, и въ отношеніи автора къ Гермогену: авторъ благоговѣетъ передъ нимъ, но не близокъ къ нему. Ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, стоитъ онъ къ Филарету, и это даетъ намъ еще одинъ лишній поводъ утверждать, что разбираемый Лѣтописецъ есть литературное произведеніе времени патріарха Филарета.

Итакъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, изучая общіе взгляды автора рядомъ съ частностями его повѣствованія, приходимъ мы къ одному и тому же заключенію: Новый Лѣтописецъ, доходящій въ своихъ показаніяхъ до 1630 года, былъ весь составленъ около этого же года (допускаемъ, что составленіе такого крупнаго памятника продолжалось не одинъ годъ: онъ могъ быть начатъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка и только законченъ въ 1630 году). На основаніи такого заключенія можемъ мы установить и дальнѣйшую характеристику разбираемаго произведенія.

Если авторъ его работалъ надъ исторіею смуты много времени спустя послѣ ея окончанія, если онъ писалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ черезъ тридцать, даже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они совершились, то очевидно, что онъ писалъ не по однимъ своимъ вос-

---

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 245.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 329.—Нов. Лѣт., 186 (здѣсь эта живая подробность выпущена при переработкѣ первоначальнаго текста).

поминаніямъ. Никакая память не могла бы удержать съ такою отчетливостью той массы фактовъ, какую передаетъ намъ Новый Лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у автора Лѣтописца были источники, и при томъ очень хорошіе и очень разнообразные, такіе, которые позволяли ему съ замѣчательною обстоятельностью, съ мелочною точностью описывать положеніе дѣлъ одновременно въ различныхъ частяхъ Русской земли [1]). Какого рода историческіе документы были подъ руками автора, мы можемъ догадываться съ большою вѣроятностью. Можно даже категорически утверждать, что авторъ зналъ, напримѣръ, много офиціальныхъ грамотъ и центральнаго правительства, и мѣстныхъ властей. Часто находимъ у него упоминанія о грамотахъ времени Шуйскаго: онъ говоритъ по поводу разныхъ дѣлъ, что „съ Коломны писалъ ко царю Василью воевода", или что „писалъ изъ Торжку воевода К. Чоглоковъ ко князь Михаилу Васильевичу (Скопину)", или что кн. Дм. Мих. Пожарскій „съ тою грамотою посла ко царю Василью наскоро". Очень обстоятельно излагаетъ нашъ авторъ и дипломатическую переписку со шведами и съ Новгородомъ властей нижегородскаго ополченія. Упоминаетъ онъ и о грамотахъ времени царя Михаила [2]). Рядомъ съ офиціальною перепиской, безъ сомнѣнія, были извѣстны автору и разрядныя записи.

---

[1]) За всѣ описанные въ Лѣтописцѣ годы авторъ даетъ одинаково хорошія свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ, другъ отъ друга отдаленныхъ. Сопоставимъ, напримѣръ, нѣкоторые разсказы автора о событіяхъ въ различныхъ городахъ: Новгородѣ, Владимірѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ. Подробно разсказывая о пребываніи Скопина въ Новгородѣ, сообщая мелочныя частности его бѣгства изъ Новгорода и затѣмъ похода къ Москвѣ, авторъ съ такою же обстоятельностью рисуетъ убіеніе воеводы во Владимірѣ, послѣдовавшее въ то же, приблизительно, время. Приводя много подробностей о томъ, какъ Казань цѣловала крестъ Вору, авторъ черезъ нѣсколько страницъ обнаруживаетъ весьма близкое знакомство съ тѣми обстоятельствами, какія помогли Сигизмунду овладѣть Смоленскомъ. И въ описаніи первыхъ минутъ нижегородскаго движенія авторъ выступаетъ съ такимъ же знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ: онъ даже помнитъ, что „первое пріидоша Коломничи" на помощь Нижнему (Ник. Лѣт. VIII, 106—109, 118—121; 114, 150, 162—163, 174—178.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 143—147, 158—162; 153—154, 201—202, 218—219, 234—240.—Нов. Лѣт., 97—100, 105—107; 103, 127, 136, 144 и далѣе; замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ изводѣ Лѣтописца свѣжесть извѣстій значительно уже пострадала отъ литературной переработки). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что авторъ не могъ самъ видѣть всѣхъ сопоставленныхъ нами событій: не могъ онъ быть въ одно время въ Новгородѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и подъ Смоленскомъ.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 105—106, 119, 133; 181, 184; 230, 233.

Начиная со времени царя Θеодора Ивановича, почти на каждой страницѣ онъ даетъ рядъ извѣстій о служебныхъ назначеніяхъ, о придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, о царскихъ походахъ и т. п. Нѣтъ нужды приводить примѣры подобныхъ показаній: на столько они многочисленны и опредѣленны по своему, такъ сказать, разрядному характеру. Если даже и вѣрно то извѣстіе, что офиціальные разряды не были писаны за 7113—7121 (1605—1613) годы [1]), то разряды частные, безъ сомнѣнія, существовали и за это время (примѣръ—разрядная книга, носящая названіе Хронографа Столяра). Кромѣ того, въ московскихъ приказахъ не исчезалъ, конечно, и въ смуту тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлялись обыкновенно разряды. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что авторъ Новаго Лѣтописца могъ заимствовать свои данныя изъ подобнаго матеріала, официальнаго или частнаго. Помимо офиціальныхъ документовъ, авторъ зналъ и литературу своего времени. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего его знакомство съ лѣтописью: онъ, напримѣръ, знаетъ обстоятельства смерти Андрея Боголюбскаго и сравниваетъ предателя Романовыхъ Втораго Бартенева съ убійцею Андрея, Якимомъ Кучковичемъ [2]). Пользуясь древними памятниками съ цѣлями литературнаго украшенія своего разсказа, составитель Лѣтописца изъ современныхъ ему произведеній заимствовалъ иногда и факты. Такъ онъ зналъ разобранную нами выше Повѣсть нижегородца Григорія о чудесномъ видѣніи 1611 года и далъ довольно подробный отчетъ о ея содержаніи [3]). Какъ ни малочисленны и какъ ни проблематичны эти указанія на источники Новаго Лѣтописца, тѣмъ не менѣе ихъ совершенно достаточно для того, чтобъ утверждать, что авторъ Новаго Лѣтописца имѣлъ у себя нѣкоторыя пособія, а не записывалъ одни только личныя впечатлѣнія.

Это обстоятельство не лишено значенія для общей характеристики разбираемаго памятника. Если мы признаемъ, что Новый Лѣтописецъ есть произведеніе, основанное на источникахъ, то должны, конечно, признать нѣкоторую зависимость автора отъ его источниковъ, и со стороны фактической точности показаній, и со стороны литературной. Только этою зависимостью можемъ мы объяснить, во-

---

[1]) *Русск. Ист. Сборникъ* подъ ред. *Погодина*, II, стр. XVI—XVII.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 42.

[3]) Повѣсть о видѣніи Григорія разсмотрѣна нами во II главѣ.—Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.

первыхъ, нѣкоторыя противорѣчія автора, а вовторыхъ, двойственность его литературныхъ пріемовъ. Наконецъ характеръ источниковъ Лѣтописца преимущественно офиціальный, позволяетъ догадываться съ бо́льшею или меньшею вѣроятностью, что разбираемое произведеніе создалось въ средѣ офиціальной.

Что касается до противорѣчій въ повѣствованіи Новаго Лѣтописца, то мы не задаемся цѣлью указать ихъ всѣ. Для характеристики ихъ мы позволимъ себѣ остановиться на такомъ рѣзкомъ примѣрѣ: разсказывая объ установленіи празднества иконѣ Казанской Божіей Матери при царѣ Михаилѣ, авторъ даетъ перечисленіе чудесъ отъ иконы, бывшихъ въ смуту. Въ числѣ ихъ онъ помѣщаетъ и взятіе у поляковъ Новодѣвичьяго монастыря: „ею помощію подъ Москвою взяли Новой дѣвичей монастырь у Литовскихъ людей“. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что объ иконѣ и о взятіи монастыря онъ уже повѣствовалъ раньше, и повѣствовалъ въ совершенно иномъ тонѣ [1]). Раньше онъ заявилъ, что подъ Москву былъ принесенъ „списокъ съ Казанскія иконы“; позже заявляетъ, что былъ принесенъ подлинный образъ, который затѣмъ былъ отправленъ въ Ярославль, а въ Казань возвращенъ списокъ, сдѣланный въ Ярославлѣ. Сверхъ того, въ первомъ разсказѣ нѣтъ ничего о чудесной помощи иконы при взятіи Новодѣвичьяго монастыря, и самое взятіе описывается съ полнымъ несочувствіемъ къ казачеству, взявшему монастырь. Получается, такимъ образомъ, полное противорѣчіе и въ тонѣ, и въ содержаніи двухъ повѣствованій: одно и то же событіе возбуждаетъ въ авторѣ раньше чувство нѣкотораго неодобренія, позже—чувство благоговѣнія. Очевидно, что эта разница отношенія къ одному и тому же факту существовала въ различныхъ источникахъ, которыми въ данномъ случаѣ воспользовался авторъ. Такое же подчиненіе разнообразнымъ источникамъ сказывается и въ отношеніи нашего автора къ бывшему при самозванцѣ патріарху Игнатію. Какъ и всѣ прочіе писатели, онъ считаетъ его еретикомъ и говоритъ, что онъ „пришелъ къ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ; царь же Борисъ не позна въ немъ, окаяннемъ, ерести, посла его на Рязань“. Но раньше и самъ авторъ какъ будто впалъ въ одинаковую ошибку съ Борисомъ и свидѣтельствовалъ, что когда греческое духовенство приходило на Русь „въ утвержденіе вѣры“ при царѣ Ѳеодорѣ Іоан-

[1]) Ник. Лѣт. VIII, 209—210 и 167—168.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 281—282 и 225—226.—Нов. Лѣт., 164—165 и 139—140.

новичѣ, то многіе греки на Руси „видяху православную христіянскую, истинную, непорочную вѣру и осташась на Москвѣ, туто жь остася Кипрскій архіепископъ Игнатей“ [1]). Читатель въ правѣ думать, что Игнатій, пришедшій вмѣстѣ съ прочими для „утвержденія вѣры“, остался именно потому, что убѣдился въ правовѣріи Москвы. Очевидно, что это объективное извѣстіе объ Игнатіи, которое замѣняется потомъ обвиненіемъ его въ ереси, попало въ Новый Лѣтописецъ изъ какого-нибудь источника времени царя Ѳеодора, и авторъ Лѣтописца не привелъ своего перваго показанія въ соотвѣтствіе съ дальнѣйшимъ разсказомъ.

Рядомъ съ внутренними противорѣчіями въ Лѣтописцѣ бросается въ глаза и отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія. Авторъ вообще не заботился о своемъ слогѣ. Между статьями, составленными по правиламъ тогдашняго витійства, помѣщалъ онъ простыя лѣтописныя отмѣтки о разныхъ фактахъ, иногда вовсе не замѣчательныхъ исторически. Такъ, почти рядомъ съ обширными статьями о доносахъ при Борисѣ и о ссылкѣ Романовыхъ, авторъ помѣстилъ такое, напримѣръ, извѣстіе: „тое же зимы въ великій постъ (1599 г.) ходилъ царь Борисъ съ сыномъ своимъ съ царевичемъ Ѳедоромъ на Волокъ на Ламской въ Осиѳовъ монастырь молитися“ [2]). Офиціально-спокойный и безыскусственный тонъ этой и многихъ подобныхъ ей замѣтокъ о царѣ Борисѣ совершенно расходится съ литературно обработаннымъ слогомъ статей о жестокостяхъ Бориса. Такая двойственность внѣшняго литературнаго пріема свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что авторъ Лѣтописца зависѣлъ отъ своихъ источниковъ не только въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ, но и въ литературномъ отношеніи. Тамъ, гдѣ его источники говорили простымъ языкомъ, и онъ выражался просто. И напротивъ, онъ стремился облечь свое повѣствованіе въ торжественныя фразы и придать ему литературную цѣльность и законченность въ томъ случаѣ, если сообщаемый фактъ казался автору особенно важнымъ. Просматривая Новый Лѣтописецъ, мы легко можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько такихъ статей, которыя рѣзко выдѣляются изъ прочаго повѣствованія своею литературною отдѣланностью и законченностью. Часто эти

[1]) Ник. Лѣт., VIII, 31—32 и 71.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 42 и 95.—Нов. Лѣт., 43 и 70—71.—Выше мы имѣли случай указать и еще одно грубое противорѣчіе Лѣтописца—о времени отправленія въ Угличъ Битяговскихъ и Качалова.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 39 и 40—45.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 52 и 54—61.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе выпущено.

статьи имѣютъ всѣ признаки отдѣльныхъ сказаній: при нихъ находимъ особыя предисловія и заключенія, въ нихъ авторъ нарушаетъ общую послѣдовательность изложенія, возвращается ко времени ранѣе описанному и забѣгаетъ впередъ за цѣлые годы [1]). Сопоставленіе этихъ сказаній съ массой простыхъ и краткихъ фактическихъ извѣстій, среди которыхъ они находятся, даетъ намъ право раздѣлить статьи Новаго Лѣтописца на два ясно-очерченныхъ типа повѣствованій: на повѣствованія литературно-обработанныя и на записи лѣтописнаго характера. Между тѣми и другими очень часто нѣтъ никакой литературной связи. Поэтому Новый Лѣтописецъ можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала.

Давая такое опредѣленіе разбираемому памятнику, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности точно опредѣлить его историческую цѣнность. Если Новый Лѣтописецъ не имѣетъ однороднаго состава,

---

[1]) Попробуемъ перечислить статьи Новаго Лѣтописца, болѣе или менѣе близкія къ типу отдѣльныхъ сказаній (при названіи статей указываемъ страницы Никонова списка): 1) „О смерти царевича Малатъ-Кирея" (13—15); 2) „О убіеніи царевича Димитрія" (15—20); 3) „О приходѣ царя Крымского подъ Москву и о пророчествѣ царя Ѳедора" (20—22); 4) „О преставленіи царя Ѳедора" (33—35); 5) „О доводѣхъ холопьихъ на бояръ" и „О Ѳедорѣ Никитичѣ зъ братьею" (40—45); 6) О королевичѣ Яганѣ (49—50); 7) „О посылкѣ и о побоѣ въ Таркахъ" (51—53); 8) „О настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Гришкѣ Отрепьевѣ" (54—55—59); 9) „О ворѣ Стародубскомъ" (89—91); 10) „О градѣ Ростовѣ и о крѣпкостоятельствѣ митр. Филарета" (103—105); 11) „О осадѣ Троицкого монастыря" (128—130; здѣсь помѣщены такія чудеса преп. Сергія, о которыхъ Авр. Палицынъ или не говоритъ, или говоритъ иначе: слич. его Сказаніе, изд. 2-е, стр. 88—89, 93—94, 102—104, 157—158, 185—190); 12) „О взятіи Пафнутьева монастыря" (136—137); 13) „О разореніи Московскаго государства" (156—158); 14) „О взятіи Смоленскомъ" (162—163; это сказаніе едва ли не составлено по показаніямъ Юрія Потемкина: см. стр. 163); 15) „О приговорѣ всей земли и убіеніе Пр. Ляпунова" (стр. 165—167; и здѣсь играетъ роль тотъ же Потемкинъ: см. стр. 167); 16) „О посту" (172—173); 17) О нижегородскомъ движеніи (174—177); 18) „О умышленіи Заруцкаго" (185—186); 19) О пребываніи нижегородскаго ополченія въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ (189—191); 20) „Объ избраніи царя Михаила" (201—203); 21) „О походѣ подъ Москву иконы преч. Богородицы Казанскія" (209—210); 22) „О воровствѣ и о побоѣ на казаковъ и на черкасъ" (214—216); 23) „О принесеніи срачицы Господни" (248—250).—Предлагая этотъ перечень, мы не думаемъ, что онъ полонъ и безошибоченъ. Дальнѣйшія изслѣдованія текста Новаго Лѣтописца, быть можетъ, укажутъ точнѣе на его источники и въ связи съ этимъ вѣрнѣе опредѣлятъ характеръ его составныхъ частей.

то трудно допустить, чтобы всѣ его показанія были одинаково точны, вѣрны и цѣнны. Въ Лѣтописцѣ, рядомъ съ драгоцѣнною записью современника, можетъ стоять позднѣйшее литературное воспроизведеніе какого-нибудь событія (слѣды такихъ позднѣйшихъ литературныхъ упражненій автора были указаны нами выше). Кто же можетъ поручиться, что поздняя редакція разсказа не исказила подробностей какого-нибудь факта, не внесла въ него чертъ легендарныхъ?

Если тѣ показанія Новаго Лѣтописца, которыя мы назвали записями лѣтописнаго характера, дышатъ часто наивною правдивостью, отличаются полною достовѣрностью и нерѣдко удивительною точностью показаній [1]), то разсказы, облеченные въ литературную форму, не всегда заслуживаютъ такого отзыва. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Стоитъ, напримѣръ, сравнить уже упомянутую нами статью Новаго Лѣтописца „О посту", въ которой разсказано нижегородское видѣніе, съ ея оригиналомъ—подлиннымъ повѣствованіемъ о видѣніи нижегородца Григорія,—и мы увидимъ, что авторъ Лѣтописца и неполно, и неточно передалъ содержаніе оригинала [2]). Въ прочихъ случаяхъ подобное сравненіе Лѣтописца съ его источниками не возможно, однако найдутся основанія для того, чтобы заподозрить и нѣкоторые другіе литературно обработанные разсказы его текста. Мы уже видѣли, что иногда самъ авторъ допускалъ разногласія и самъ себѣ противорѣчилъ при повтореніяхъ своихъ извѣстій. Про-

---

[1]) Нѣтъ возможности исчислить всѣ тѣ извѣстія Лѣтописца, въ которыхъ видны правдивыя впечатлѣнія не только современника, но и очевидца событій. Они встрѣчаются почти на каждой страницѣ памятника. Для характеристики ихъ приведемъ немногіе примѣры: Описывая бурю, бывшую въ Москвѣ въ 1595 году, авторъ замѣчаетъ, что „въ Кремлѣ городѣ у Бориса Годунова съ воротъ верхъ сломило". Въ замѣткѣ объ одной изъ послѣднихъ битвъ съ тушинцами подъ Москвой авторъ говоритъ, что враги „древяной городъ зажгоша" въ Москвѣ, и что выгорѣло стѣны „сажень съ сорокъ". Въ разсказѣ о притѣсненіяхъ Гермогену въ Москвѣ авторъ мимоходомъ замѣчаетъ о полякахъ: „въ то бо время бысть у нихъ костелъ на староиъ царя Борисовѣ дворѣ въ полатѣ". Въ повѣствованіи о приходѣ втораго ополченія подъ Москву находимъ указаніе даже на то, гдѣ именно Пожарскій устроилъ свой первый ночлегъ подъ Москвою: „сташа на Яузѣ за пять верстъ . . . и нача туто на Яузѣ ночевати, а не пошелъ (то-есть, къ самой Москвѣ) для того, что пришли поздно" (въ спискѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе уже испорчено).—Ник. Лѣт. VIII, 28—29, 125—126, 155—156, 190—191.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 38, 168—169, 209, 256—257.—Нов. Лѣт., 41, 109—110, 131, 153—154.

[2]) Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.—Подлинное сказаніе Григорія разсмотрѣно нами въ концѣ II главы.

стыми замѣтками о взятіи Новодѣвичьяго монастыря онъ заставляетъ насъ убѣдиться въ неполнотѣ своего же сказанія о Казанской иконѣ. Замѣткою о томъ, что Битяговскіе и Качаловъ отправлены были въ Угличъ одновременно съ Нагими, онъ самъ подрываетъ весь свой разсказъ о томъ, какъ Борисъ долго не могъ отыскать злодѣевъ, готовыхъ убить царевича, какъ онъ, наконецъ, отыскалъ Битяговскаго и послалъ его въ Угличъ уже тогда, когда царевичъ давно жилъ тамъ. Такимъ образомъ неосмотрительность самого автора помогаетъ намъ убѣдиться въ неправотѣ нѣкоторыхъ его показаній. Подробная критическая оцѣнка извѣстій Новаго Лѣтописца найдетъ, безъ сомнѣнія, и другіе пути для того, чтобы выдѣлить въ немъ достовѣрные факты отъ легендъ. Одну такую попытку критическаго изученія статей разбираемаго памятника представилъ уже Е. А. Бѣловъ, заподозрившій достовѣрность того сказанія о смерти царевича Димитрія, которое мы находимъ въ Новомъ Лѣтописцѣ [1]). Къ замѣчаніямъ г. Бѣлова, сводящимъ на степень простой легенды разсказъ Лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать, что этотъ разсказъ представляется намъ позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого автора Лѣтописца, который, какъ мы видѣли, писалъ около 1630 года [2]). Нельзя допустить, чтобы онъ былъ очевидцемъ собы-

---

[1]) *Е. А. Бѣлова* „О смерти царевича Димитрія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, августъ, стр. 281—294.—Ник. Лѣт. VIII, 15—20.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 19—26.—Нов. Лѣт., 31—35.

[2]) Въ томъ, что разсказъ о смерти царевича не есть запись очевидца или современника событія, убѣждаетъ насъ слѣдующее его мѣсто: авторъ говоритъ, что Богъ хранилъ царевича отъ яда, „хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру“. Это—ясный признакъ, что сказаніе составлено послѣ канонизаціи Димитрія въ 1606 году. Мнѣніе же наше о томъ, что это сказаніе принадлежитъ самому составителю Новаго Лѣтописца, а не просто имъ списано съ какого-нибудь другаго памятника, мы основываемъ на слѣдующемъ: вопервыхъ, вступленіе въ разсказъ о смерти царевича совершенно соотвѣтствуетъ обычному тону тѣхъ благочестивыхъ вступленій, которыми авторъ, какъ мы уже говорили, начинаетъ многія главы своего Лѣтописца; и вообще языкъ этого разсказа ничѣмъ не отличается отъ языка всего Лѣтописца. Вовторыхъ, въ сказаніи мы можемъ отмѣтить слѣды любопытнаго повѣрья: авторъ думаетъ, что кровь убитаго царевича не допустила бѣгства преступниковъ и они невольно возвратились на мѣсто преступленія, съ котораго сначала убѣжали. „Кровь же праведнаго вопіяше къ Богу, не попусти ихъ, они же окаяніи возвратишась назадъ“,—говорится въ сказаніи. Такое повѣрье принадлежитъ именно автору Лѣтописца: онъ высказываетъ его и въ другомъ мѣстѣ, когда повѣствуетъ о по-

тія: слишкомъ много лѣтъ прошло между фактомъ и его описаніемъ. Очевидно, что у автора должны были быть какіе-нибудь источники. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами раннихъ произведеніяхъ о смутѣ мы находили лишь краткія замѣтки о убіеніи Димитрія. Можно думать, что подробныхъ описаній угличскаго происшествія и не существовало до перенесенія въ Москву мощей царевича, потому что самое раннее Житіе царевича, какъ мы уже видѣли, было составлено только въ 1607 году, при чемъ заимствовало свое краткое фактическое содержаніе изъ Повѣсти 1606 года [1]). При такихъ условіяхъ необходимо допустить, что, если авторъ Новаго Лѣтописца пользовался чужими показаніями при описаніи смерти царевича, то эти показанія онъ почерпнулъ или въ не дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ, составленныхъ не ранѣе времени Шуйскаго (1606—1607 гг.), или въ тѣхъ устныхъ преданіяхъ, какія существовали во время составленія Лѣтописца. Если же настаивать на раннемъ происхожденіи источниковъ нашего автора, то всего естественнѣе предположить, что онъ воспользовался фактическими данными извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія и перемѣшалъ ихъ съ позднѣйшими легендами [2]). Почти къ такому выводу при-

кушеніи казака Степана на жизнь Пожарскаго. Убійца ранилъ не князя, а стоявшаго подлѣ казака и не убѣжалъ: „злодѣя Стеньку не попускаше кровь, тутъ же стоящу ему" (Ник. Лѣт. VIII, 18 и 186). Втретьихъ, наконецъ, въ разсказѣ о смерти царевича выражается симпатія къ Гр. В. Годунову. И нѣсколькими страницами ниже, въ другой главѣ Лѣтописца, видимъ опять благосклонное отношеніе къ тому же лицу и увѣреніе, что Гр. Годуновъ былъ близокъ къ царю Ѳеодору (Ник. Лѣт. VIII, 16 и 21).

[1]) См. первую главу нашего труда, гдѣ разсмотрѣна нами первая редакція Житія цар. Димитрія, внесенная въ Минеи Тулупова.

[2]) Полною легендарностью отличается разсказъ Лѣтописца объ участіи и поведеніи Гр. Годунова во всемъ этомъ дѣлѣ объ убіеніи царевича: Григорій Годуновъ знаетъ умыселъ, сокрушается и молчитъ, тогда какъ по своей близости къ государю, о которой свидѣтельствуетъ самъ Лѣтописецъ, онъ могъ бы предупредить злодѣйство. Мало вѣроятно и молчаніе Загряжскаго съ Чепчуговымъ. Несомнѣнны также легендарныя свойства преданія о томъ, что убійцы успѣли убѣжать за двѣнадцать верстъ, но вернулись сами собою для того, чтобы понести наказаніе. Тѣмъ же эпическимъ числомъ двѣнадцать исчислены и всѣ убитые „совѣтники" злодѣйства. Словомъ, легендарно-поэтическій отпечатокъ лежитъ на всемъ сказаніи. Въ немъ можно даже различить слѣды легендъ болѣе раннихъ отъ слѣдовъ легендъ болѣе позднихъ. Преданіе о ядѣ, не подѣйствовавшемъ на царевича, было создано еще въ Повѣсти 1606 года; слухъ о злодѣйской близости Клешнина къ Борису ходилъ еще въ 1608 году (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 4.—*Бутурлина* Ист. смутн. времени, II,

ходитъ и А. Е. Бѣловъ, считая разсказъ Лѣтописца воспроизведеніемъ народныхъ толковъ и догадокъ, соображеній самого сказателя и искаженныхъ отрывковъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, къ тѣмъ частямъ Новаго Лѣтописца, которыя носятъ на себѣ слѣды литературной работы самого автора, нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенные примѣры неточностей, противорѣчій и разногласій въ текстѣ Лѣтописца. Вотъ почему нѣтъ возможности дать одну общую характеристику достовѣрности этого памятника. Въ то время, когда однѣ его части служатъ прекраснымъ источникомъ для историка, въ другихъ его показаніяхъ ясно выступаютъ на видъ искусственность и легендарность повѣствованія, сами себя обличающія, благодаря тому, что авторъ не былъ въ силахъ слить разнохарактерныя части своего свода въ цѣльное литературное произведеніе.

Сведемъ теперь результаты нашихъ наблюденій надъ текстомъ Новаго Лѣтописца. Къ изученію этого текста мы приступили съ вопросомъ: не есть ли Новый Лѣтописецъ офиціальный сводъ данныхъ, собранныхъ для исторіи смуты при патріаршемъ дворѣ? Прежде всего мы замѣтили, что Новый Лѣтописецъ нельзя считать лѣтописью, слагавшеюся постепенно, трудомъ нѣсколькихъ лицъ. По всѣмъ признакамъ онъ былъ обработанъ съ начала до конца въ патріаршество Филарета, около 1630 года, и притомъ однимъ лицомъ. Авторомъ его былъ человѣкъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и обсуждавшій событія исключительно съ религіозно-національной точки зрѣнія безъ личныхъ симпатій и антипатій. Въ немъ незамѣтно близости ни къ какому дѣятелю смутной эпохи, кромѣ патріарха Филарета, о которомъ авторъ знаетъ даже такія подробности, какъ его частная бесѣда съ Желябужскимъ. Въ повѣствованіи своемъ авторъ Лѣтописца руководился разнообразными источниками, между прочимъ и офиціальными документами. Зависимость его отъ источниковъ была такъ велика, что вводила его въ противорѣчія съ самимъ собою и не позволила ему выработать цѣльный, однообразный

Приложенія, стр. 49). Напротивъ, сказочное повѣствованіе о томъ, какъ В. Шуйскій плакалъ надъ тѣломъ царевича, молчалъ во время слѣдствія, ни съ кѣмъ „не можаше проглаголати“, а потомъ сдѣлалъ ложное донесеніе царю,—это повѣствованіе могло появиться только по сверженіи Шуйскаго, когда его темное участіе въ этомъ дѣлѣ могло излагаться открыто и свободно. Повѣсть 1606 года молчитъ объ этомъ участіи, и въ первый разъ обличеніе двуличнаго поведенія Шуйскаго находимъ только въ Временникѣ Тимоѳеева.

литературный пріемъ. Тамъ, гдѣ онъ передавалъ свои источники не въ собственной обработкѣ, онъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя записи, современныя событіямъ. Тамъ же, гдѣ онъ подвергалъ источники литературной передѣлкѣ, онъ не всегда умѣлъ воздержаться отъ неточностей, не всегда умѣлъ различать легенду отъ факта.

Нужно сознаться, что эти данныя не рѣшаютъ категорически вопроса о происхожденіи памятника. Обиліе въ немъ данныхъ офиціальнаго характера даетъ полное основаніе предполагать, что Новый Лѣтописецъ вышелъ изъ офиціальныхъ круговъ московскаго общества. Трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь частное лицо могло собрать такой богатый матеріалъ, касающійся притомъ всѣхъ частей Русской земли, какимъ располагалъ авторъ Лѣтописца. Чтобы описать смуту такъ подробно, какъ описалъ онъ, нужно было пользоваться центральными правительственными архивами,—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Каково же было общественное положеніе автора: былъ ли онъ самъ лицомъ офиціальнымъ? былъ ли онъ патріаршимъ лѣтописцемъ? На эти вопросы нельзя дать точнаго отвѣта. Текстъ памятника говоритъ намъ, что авторомъ его не могъ быть ни Іовъ, ни его келейникъ Іосифъ, ни патріархъ Гермогенъ. Но тотъ же самый текстъ указываетъ на близость автора къ Филарету; религіозное міросозерцаніе автора обличаетъ въ немъ лицо духовное. Подобныя обстоятельства нисколько не противорѣчатъ тому предположенію, что Лѣтописецъ могъ быть составленъ при дворѣ Филарета,—и это очень важно. Если приведенныя нами выше указанія на лѣтописную дѣятельность московскихъ патріарховъ заслуживаютъ довѣрія и если искать въ письменности XVII вѣка патріаршую лѣтопись о событіяхъ XVI—XVII вѣковъ, то прежде всего придется указать на Новый Лѣтописецъ, потому что никакой другой историческій памятникъ, намъ извѣстный, не можетъ претендовать на подобное значеніе. Новый же Лѣтописецъ легко могъ быть написанъ какимъ-нибудь священникомъ или монахомъ изъ патріаршаго штата. Онъ и сохранился до насъ въ первоначальномъ видѣ именно въ патріаршемъ спискѣ лѣтописи.

Новымъ Лѣтописцемъ завершается рядъ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ произведеній о смутѣ, составленныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ современниками и очевидцами смутной эпохи. Отъ обозрѣнія этого Лѣтописца мы могли бы перейдти къ перечню болѣе мелкихъ и позднѣйшихъ произведеній о смутѣ, еслибы не считали себя обязанными дать нѣсколько замѣчаній о томъ любопытномъ па-

мятникѣ письменности XVII вѣка, который до сихъ поръ зачислялся въ ряды литературныхъ произведеній лишь по недоразумѣнію. Разумѣемъ такъ-называемый Столяровъ хронографъ, принадлежавшій Карамзину и отъ него получившій свое названіе [1]). Изъ обстоятельнаго описанія этого хронографа, даннаго А. Н. Поповымъ, узнаемъ, что по составу своему онъ представляетъ сборникъ различныхъ историческихъ повѣствованій, ничѣмъ не связанныхъ между собою [2]). Многія части этого сборника общеизвѣстны и мало любопытны. Но среди нихъ находится повѣствованіе о событіяхъ 1604—1644 годовъ, къ которому Карамзинъ и Поповъ отнеслись съ большимъ вниманіемъ. Карамзинъ нерѣдко пользовался его данными при обработкѣ XII тома своей Исторіи, а Поповъ, признавая это повѣствованіе частью „какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія", оригинальнаго и самобытнаго, издалъ его цѣликомъ [3]). Это же самое сочиненіе, какъ можно думать, было извѣстно и П. И. Мельникову подъ именемъ Лобковскаго хронографа [4]). Всѣ названные изслѣдователи считали разбираемое повѣствованіе памятникомъ литературнаго творчества и называли его „хронографомъ". Истинный же характеръ произведенія опредѣленъ былъ А. И. Маркевичемъ который видѣлъ въ немъ довольно полную разрядную книгу частнаго происхожденія [5]).

Знакомясь съ содержаніемъ памятника, мы убѣждаемся въ пол-

---

[1]) *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 46.

[2]) *А. Н. Попова* Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 252—256. Въ основу сборника положена первая редакція Хронографа, дополненная извѣстіями Хронографа 1617 года, Новаго Лѣтописца и другихъ произведеній XVII в. Сборникъ подписанъ рукою владѣльца „Спасскаго игумена Корнилія, что въ Арзамасѣ". Корнилій былъ игумномъ Спасскаго Арзамасскаго монастыря въ 1646—1661 годахъ (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 616). Къ этимъ годамъ и должно относить составленіе сборника, хотя онъ и дополнялся позднѣйшими замѣтками до 1668 года.

[3]) Изборникъ, стр. 321—379.

[4]) *П. И. Мельникова* „Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени" и т. д. въ *Москвитянинѣ* за 1850 годъ, № 21, ноябрь, кн. I, стр. 1—12.—Мельниковъ, излагая данныя о смутѣ, найденныя имъ въ хронографѣ А. И. Лобкова, замѣтилъ, что этотъ хронографъ „цѣлыми страницами схожъ" съ хронографомъ Столяра (*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, пр. 100, 116, 117, 132, 133, 134 и др.). Дѣйствительно, сличая данныя Мельникова съ текстомъ Столярова хронографа въ Изборникѣ, убѣждаемся въ полномъ тожествѣ текстовъ. Къ сожалѣнію, въ статьѣ Мельникова нѣтъ обстоятельнаго описанія Лобковской рукописи.

[5]) *А. И. Маркевича* О мѣстничествѣ. Ч. I, Кіевъ. 1879, стр. 755—756.

ной справедливости такого опредѣленія. Повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга. Это видно, вопервыхъ, уже изъ того, что нѣкоторыя ея показанія слово въ слово были приводимы Карамзинымъ прямо изъ разрядныхъ книгъ, раньше, чѣмъ ему сдѣлался извѣстенъ хронографъ Столяра [1]). А вовторыхъ, повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа всѣмъ строемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что цѣлью его автора было не изложить исторію смуты, а собрать возможно большее число дѣловыхъ, иногда очень мелкихъ замѣтокъ о разнаго рода назначеніяхъ, мѣстническихъ случаяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ въ сферѣ служебной. Поэтому авторъ обходитъ въ своемъ изложеніи многія выдающіяся событія смуты. Такъ, у него почти вовсе нѣтъ свѣдѣній о похожденіяхъ Отрепьева; очень кратко говорится и о самомъ царствованіи самозванца; но при этомъ весьма подробны записи о назначеніи воеводъ противъ Лжедимитрія при царяхъ Борисѣ и Ѳедорѣ Борисовичѣ, не забыта также и та частность, что самозванецъ „въ 114 году... велѣлъ всѣ городы верстати помѣстными оклады и денежными оклады“ [2]). О перенесеніи мощей царевича Димитрія въ Москву не говорится вовсе; но съ большимъ стараніемъ отмѣчается, что во время похода царя Василія на Тулу, „Разрядъ былъ весь съ царемъ Васильемъ“, и что Иванъ Кровковъ, обѣщавшій затопить Тулу, обратился съ своимъ предложеніемъ именно въ этотъ Разрядъ: „въ государевѣ Разрядѣ дьякомъ подалъ челобитную“. Точно также о существованіи Разрядной избы и другихъ приказовъ въ подмосковныхъ земскихъ ополченіяхъ говорится не одинъ разъ, а о началѣ нижегородскаго ополченія находимъ разсказъ далеко не полный и притомъ односторонній. И здѣсь авторъ все свое вниманіе обращаетъ на внѣшнюю организацію дѣла, на то, какъ устроены были служилые люди, пришедшіе служить нижегородцамъ, и какое денежное жалованье они получали отъ Пожарскаго и Минина [3]). Такимъ образомъ авторъ является въ своемъ повѣствованіи не историкомъ, желающимъ послѣдовательно изобразить крупнѣйшія событія прошлаго, а служилымъ человѣкомъ, ведущимъ разрядную лѣтопись, въ которую онъ заносилъ съ одинаковымъ вниманіемъ и служебныя

---

[1]) См. выписки изъ Разрядныхъ книгъ въ Ист. Гос. Росс., XI, прим. 285 (Изборникъ, ст. 326—327), прим. 304 (Изб., 327), прим. 311 (Изб., 327).

[2]) Изборникъ, стр. 323—329.

[3]) Изборникъ, стр. 335, 337, 351—352, 353.

мелочи, и великія историческія событія. Если же обратимъ вниманіе на полное отсутствіе въ повѣствованіи всякой риторики, даже всякой попытки къ построенію стройнаго литературнаго изложенія (разсказъ ведется погодно и не всегда послѣдовательно), то убѣдимся въ томъ, что имѣемъ дѣло не съ литературнымъ сказаніемъ, а съ разрядною книгой.

Опредѣлить точно происхожденіе этой разрядной книги намъ кажется невозможнымъ. Офиціальные разряды въ смуту не велись [1]), поэтому повѣствованіе Столярова хронографа должно считать произведеніемъ частнаго лица. Объ этомъ же говорятъ намъ и находящіяся въ произведеніи многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида офиціальныхъ разрядныхъ записей (онѣ-то и были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ). Можно думать, что та часть повѣствованія Столярова хронографа, которая посвящена событіямъ смуты, была составлена современникомъ и очевидцемъ. Только очевидецъ могъ дать такое живое описаніе, какое находимъ въ разсказѣ о народномъ сборищѣ на Красной площади, когда читались въ Москвѣ грамоты самозванца [2]). Только современникъ могъ знать такія частности о постриженіи царя Василія, какія сохранились въ разбираемомъ произведеніи [3]). Однако, какъ ни вѣроятны подобныя догадки, вопросъ о происхожденіи памятника ими не разрѣшается: на основаніи ихъ можно только утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ раннимъ, которое составлялось или въ самую смуту, или не позднѣе времени царя Михаила Θеодоровича, и было доведено путемъ постепенныхъ приписокъ до 1644 года, на которомъ и прерывается повѣствованіе [4]).

---

[1]) *Русск. Ист. Сборникъ* подъ ред. *Погодина*, II, стр. XVI—XVII: „со 113 году какъ пришелъ къ Москвѣ воръ розстрига Гришка Отрепьевъ... по 121 годъ, по царство В. Гос. Царя и В. Кн. Михаила Θеодоровича всеа Русіи розряды не писываны".—См. также *П. Н. Милюкова* „Офиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги" въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1887 г., II, стр. 4—5.

[2]) Изборникъ, стр. 328.

[3]) Изборникъ, стр. 346—347.

[4]) *П. И. Мельниковъ* замѣчаетъ, что „судя по тѣмъ подробностямъ, съ какими лѣтописатель говоритъ о нижегородскихъ и арзамасскихъ происшествіяхъ, надобно полагать, что хронографъ писанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ" (*Москвитянинъ* за 1850 г. № 21, стр. 1). Если сопоставить съ этимъ замѣчаніемъ то обстоятельство, что экземпляръ Карамзина принадлежалъ Арзамасскому игумну, а экземпляръ Лобкова пріобрѣтенъ имъ въ Нижнемъ, то догадка Мельникова получаетъ полную вѣроятность.

Характеръ памятника выводитъ его изъ круга тѣхъ литературныхъ произведеній, которымъ посвященъ нашъ трудъ. Для надлежащей оцѣнки показаній Столярова хронографа мы должны были бы войдти въ сличеніе и изслѣдованіе различныхъ редакцій разрядныхъ книгъ за смутное время, которыя еще далеко не приведены въ извѣстность и не имѣютъ близкаго отношенія къ памятникамъ, нами изучаемымъ. Что же касается до тѣхъ мѣстъ Столярова хронографа, которыя приближаются къ лѣтописнымъ показаніямъ, то они представляются намъ весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно вспомнить находящееся въ памятникѣ обстоятельное описаніе походовъ и битвъ въ борьбѣ Годуновыхъ съ самозванцемъ и В. Шуйскаго съ мятежниками; далѣе, подробные разсказы о сверженіи Шуйскаго и о постриженіи его; цѣнныя показанія о грамотахъ Гермогена въ смуту; разсказы о сожженіи Москвы, о смерти Ляпунова и о третьемъ самозванцѣ; наконецъ, нѣкоторыя подробности о нижегородскомъ ополченіи [1]). Всѣ эти показанія Столярова хронографа по своей обстоятельности и правдивости мало чѣмъ уступаютъ Новому Лѣтописцу и даютъ разбираемой разрядной книгѣ весьма почетное мѣсто въ ряду русскихъ неофиціальныхъ памятниковъ смутной эпохи.

С. Платоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[1]) Изборникъ, стр. 346—347, 349 350—352 353, 354—355.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ПОЛЬШЕЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА [1]).

VI.

1680 годъ.

Отправленіе въ Польшу пословъ окольничаго Ивана Аѳанасіевича Прончищева и дьяка Емельяна Украинцова.—Наказъ, имъ данный въ январѣ 1680 г.—Въ Оршѣ, 4-го марта, послы узнаютъ отъ Кутеинскаго монастыря намѣстника Досиѳея и чернаго священника Симеона о разговорахъ, происходившихъ въ Люблинѣ между греческаго закона духовными и мірскими людьми съ исповѣдниками римскаго костела и съ уніатами.—Прибытіе пословъ въ Варшаву 21-го апрѣля и совѣщанія здѣсь съ сенаторами апрѣля 27-го, 29-го; мая 5-го, 8-го и 10-го.—Совѣщаніе русскихъ пословъ съ французскимъ посломъ маркизомъ де-Бетуніемъ и цесарскимъ резидентомъ Яномъ Жировскимъ.—Сенаторы въ совѣщаніи 12-го мая стараются убѣдить русскихъ пословъ въ необходимости вести съ Турціей войну наступательную, а не оборонительную.—Рѣчи цесарскаго резидента Яна Жировскаго, 15-го мая. По его увѣренію, „нехристіанскіе поступки" Французскаго короля чинятъ замѣшаніе во всемъ христіанствѣ; онъ старается взбунтовать венгровъ противъ цесаря; уговариваетъ курфирста Бранденбургскаго отступить отъ цесарскаго величества, находится въ тайномъ союзѣ съ султаномъ.—Переговоры дьяка Емельяна Украинцова съ папскимъ легатомъ Франциском Мартелли, 21-го мая.—Послѣднее совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами 29-го мая.—Созваніе порубежной коммиссіи откладывается до 20-го іюня 1681 г.—Универсалы королевскіе о съѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ греческаго вѣроисповѣданія и уніатовъ въ Люблинъ, въ январѣ 1680 г.—Послы русскіе настаиваютъ на томъ, чтобы королевское величество никакого утѣсненія и гоненія православнымъ чинить не велѣлъ.

23-го января 1680 г. великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней: отпустить къ королевскому величеству пословъ окольничаго Ивана Аѳанасьевича Прончищева и дьяка Емельяна

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Украинцова съ предложеніемъ слѣдующихъ статей „на общую христіанскую пользу противъ наступленія силъ поганскихъ“: 1) призвать къ союзу цесарское величество и короля Французскаго; тому союзнику, на котораго султанъ сдѣлаетъ нападеніе, каждый изъ остальныхъ союзниковъ посылаетъ на помощь 20,000 ч. войска; тотъ, кто не исполнитъ этой статьи, долженъ заплатить 200,000 руб.; 2) договоръ о союзѣ заключить на 13 лѣтъ; 3) одинъ государь безъ другого ни въ какіе переговоры вступаться не долженъ; 4) великій государь желалъ бы заключить договоръ съ королевскимъ величествомъ, даже еслибы послы цесарскій и французскій не захотѣли приступить къ союзу, не списався съ своими государями; если имъ, обоимъ государямъ, не учинить договора, „то и окрестные государи ни къ какому общему христіанскому добру приступить не похотятъ, понеже всѣ христіанскіе государи смотрятъ на союзное обовязательство ихъ обоихъ государей“ [1]).

На дорогѣ послы получили 27-го февраля грамоту [2]) съ предписаніемъ не откладывать заключеніе договора до коммиссіи. Въ случаѣ, если паны-рада будутъ стоять накрѣпко, чтобы коммиссіи, по договору 1678 г., быть въ 1680 г., то посламъ „всякими мѣрами“ настаивать на отложеніи коммиссіи до будущаго года, такъ какъ королевское величество не писалъ великому государю о посредникахъ. Какъ видно, московское правительство опасалось, чтобы переговоры въ коммиссіи не повели къ разрыву съ Польшей.

4-го марта послы пріѣхали въ Оршу, и сюда въ тотъ же день ихъ пріѣзда явились къ нимъ Кутеинскаго монастыря намѣстникъ Досифей и черный священникъ Симеонъ. Они сказывали, что благочестивыя христіанскія вѣры греческаго закона у духовныхъ и у мірскихъ людей съ исповѣдниками римскаго костела и съ уніатами были въ Люблинѣ о вѣрѣ разговоры [3]). „А съ Бѣлой Руси ѣздили на тотъ разговоръ Кутеинскаго монастыря игуменъ Гедеонъ, да изъ Могилева намѣстникъ, да изъ коруны польской епископъ Луцкой Гедеонъ Четвертинской, и иные многіе духовные и мірскіе люди, шляхта

[1]) Кн. № 195, лл. 96—116. Посламъ велѣно быть у руки великаго государя 24-го января, а съ Москвы итти 2-го февраля.

[2]) Лл. 238—248, 1680 г., февр. 23-го, царская грамота посламъ. Ср. кн. № 196, лл. 7—10.

[3]) Кн. № 196, статейный списокъ бывшихъ въ Польшѣ пословъ окольничаго Ивана Прончищева и дьяка Емельяна Украинцова, л. 13. Л. 292: съѣздъ православныхъ съ уніатами происходилъ въ январѣ 1680 г.

и мѣщане. Да при тѣхъ же разговорехъ былъ уніатской митрополитъ Кипреянъ Жеховской со многими уніаты. И чинили римляне и уніаты съ тѣми благочестивыми духовными и мірскими людьми разговоры о сровнаніи соборника двунадесяти мѣсяцовъ съ римскимъ календаремъ и о иныхъ церковныхъ артикулахъ. Только де за помощію Божіею и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы отъ благочестивыхъ, духовныхъ и мірскихъ людей римляне и уніаты со стыдомъ отошли и обиды, по своему злому намѣренію, благочестивой вѣрѣ никакой не учинили. А королевское де величество, разсмотря того дѣла, что духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людемъ учители римскіе и уніаты ничего учинить не возмогли, указалъ тѣ разговоры прекратить, а сказалъ духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людемъ, что хотя нынѣ тѣ разговоры добраго совершенія и не воспріяли, однако же довершитъ онъ то дѣло и къ доброму концу приведетъ на сеймѣ. И съ того разговору изъ Люблина всѣ духовные и мірскіе люди греческаго закона разъѣхались"[4]).

21-го апрѣля послы пріѣхали въ Варшаву и здѣсь же 25-го апрѣля были у короля на пріѣздѣ[5]). Въ первомъ же посольскомъ совѣщаніи, происходившемъ 27-го апрѣля въ Варшавѣ, сенаторы говорили, что королевское величество имѣетъ вѣдомость объ отправленіи царскимъ величествомъ посланника къ султану для переговоровъ о мирѣ и спрашивали, съ чѣмъ былъ отправленъ этотъ посланникъ. На это послы потребовали объявить имъ, какого рода порученія были даны королевскимъ величествомъ Спандовскому, посланному къ султану, и Карвовскому, который былъ отправленъ къ Крымскому хану. Царское же величество, говорили послы,—отправилъ къ султану посланника для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Сенаторы отвѣчали: Султанъ узналъ о переговорахъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1 78 г. Хотя эти переговоры и не повели къ заключенію союза, однако королевское величество, опасаясь, чтобы султанъ, досадуя на него, не началъ съ нимъ войны, отправилъ къ нему резидента, а къ хану—гонца, чтобъ ихъ не раздосадовать прежде времени[6]).

Второе совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами, апрѣля 29-го, началось съ обычнаго спора о томъ, кому первому объявлять условія

---

[4]) Кн. № 196, л. 13.

[5]) Лл. 25, 29. Л. 18: 1-го апрѣля послы пріѣхали въ мѣстечко Еловку (за Слонимомъ) и говорили приставу Николаю Выгановскому, „что чрезъ все княжество Литовское кормовъ и подводъ имъ не давано".

[6]) Лл. 48—60.

союза. Сенаторы отказывались опредѣлять эти условія, ссылаясь на то, что они уже были выяснены Бростовскимъ и Гнинскимъ. Послы русскіе доказывали, что предложенія послѣднихъ польскихъ пословъ не осуществимы; великій государь—государь самодержавный, и потому прежде времени говорить о томъ, чтобъ онъ предводительствовалъ войсками — не надобно; запросъ о денежной казнѣ называли непристойнымъ. „А что они сенаторы", говорили наши послы,—„ставятъ на примѣръ Голандскихъ Статовъ и короля Свѣйскаго, и тотъ примѣръ великому государю его царскому величеству не пристоенъ. Буде голландцы денежную казну цесарю Римскому, и королю Датскому, и курфирсту Бранденбургскому на войска ихъ давали, и они [Статы] чинили то отъ великой своей нужи, понеже отъ короля Французскаго имѣли великое утѣсненіе. И за тою помочью завоеванное все у Французскаго короля отыскали и миръ учинили. Также и король Свѣйской просилъ у Французскаго короля войсками и деньгами вспоможенія, видя свое конечное отъ непріятелей утѣсненіе. А великому государю его царскому величеству при помощи Божіи никакого утѣсненія отъ непріятеля нѣтъ" [7]).

Когда послы упомянули о томъ, что королевское величество болѣе нуждается въ союзѣ, чѣмъ великій государь, такъ какъ король уступилъ Турціи значительную часть своихъ владѣній, сенаторы дали отвѣтъ, въ которомъ находятся любопытныя данныя для характеристики тогдашнихъ взглядовъ на отношенія Россіи къ Турціи. „Королевское де величество съ салтаномъ Турскимъ имѣетъ миръ. А у царскаго де величества миру съ салтаномъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ быть они не чаютъ, потому что турки и татарове на Московское государство великую имѣютъ непріязнь для того, что Русь греческой вѣры, а они владѣютъ греческими государствы. И будто всегда греки чаютъ себѣ отъ царскаго величества обороны и отъ руки бусурманской освобожденія. А съ римлянами де [католиками] непріязни турки не имѣютъ и легко ихъ почитаютъ". Турки имѣютъ великую непріязнь къ Московскому государству потому также, что они требуютъ у царскаго величества всей Украйны и впредь будутъ требовать, „вмѣняя то, что будто еще Богданъ Хмельницкій имъ съ Украйною поддался. Да не успѣли они тогда его принять, понеже удержаны были кандійскою войною. И куранъ [коранъ] де ихъ не повелѣваетъ

---

7) Л. 70.

своего никому не уступать. Да турки жъ де не только что отъ Кіева съ царскимъ величествомъ войну имѣютъ, но и со всѣхъ сторонъ промышляютъ, какъ бы на Московское государство войну навесть, и въ Казани, и въ Астрахани тамо будущихъ татаръ бунтуютъ и наговариваютъ, чтобъ они на Московское государство возстали и домашнюю войну всчали". На это послы отвѣчали: Московское государство начало войну съ Турціей изъ-за Рѣчи Посполитой, въ Казани и Астрахани служатъ вѣрно, и сенаторы бы „отложили свои мысли" [8]).

Хотя сенаторы и старались доказать посламъ, что Рѣчь Посполитая менѣе, чѣмъ Московское государство, нуждается въ союзѣ противъ Турціи, однако въ совѣщаніи 5-го мая они заявили о томъ, что королевское величество „для великаго и доброначатаго дѣла откладываетъ запросъ денежной казны, и больши того упоминатися о томъ не будетъ, а хочетъ тѣ убытки для общаго добра христіанскаго нести собою и Рѣчью Посполитою, и съ непріятелемъ миръ нарушитъ и войну взочнетъ"; запросъ объ уступкѣ городовъ откладываетъ до коммиссіи, назначенной въ іюнѣ 1680 г. „Ту тягость", говорили сенаторы,—„и войну непріятельскую за имя христіанское и для цѣлости всего христіанства хочетъ его королевское величество принять съ радостію. А на великаго государя, на его царское величество, на брата своего и на ближайшаго сосѣда надеженъ, что въ той войнѣ его не выдастъ и убытки его королевскаго величества изволитъ наградить инымъ способомъ, который бы могъ его королевское величество и Рѣчь Посполитую удовольствовать". Тогда послы объявили статьи о слученіи силъ. Но эти статьи не оправдали ожиданій. Великій государь, говорили сенаторы, желаетъ заключить съ королевскимъ величествомъ только оборонительный союзъ, а не наступательный. „А если быть одному оборонительному союзу, и непріятельской де войнѣ конца не будетъ, потому что непріятель всегда будетъ войною приходить... и обои государства разорять". Отъ оборонительнаго союза оба государства придутъ только къ вящему разоренію, а прибыли изъ того никакой не будетъ. А королевское де величество желаетъ оборонительнаго и наступательнаго союза, чтобъ непріятелю, учиня отъ своихъ государствъ отпоръ, воевать его въ Волошской землѣ по Дунай и за Дунаемъ, а съ другой

---

[8]) Лл. 73—74.

стороны въ Крыму". Послы отвѣчали, что прежде времени такихъ высокихъ словъ и говорить не слѣдуетъ [9]).

Послѣ совѣщанія 5-го мая послы отправили сенаторамъ письменныя условія о союзѣ съ оговоркою, чтобы эти условія, данныя на письмѣ, въ случаѣ если не состоится договоръ, не были причтены къ крѣпости [10]).

6-го мая къ посламъ пріѣзжали приставы Гавріилъ Черкесъ и Александръ Мереевскій и заявили: чтобы обсудить предложенныя послами условія союза, королевское величество созываетъ раду, „потому что то дѣло, о которомъ они послы отъ царскаго величества присланы, великое, и одному королевскому величеству дѣлать его не возможно". „Да приставы же говорили: Сего жъ де числа приказывалъ къ королевскому величеству чрезъ конюшаго коруннаго Марка Матчинского Крымскаго хана посолъ Мустоѳа Ага, чтобъ указалъ королевское величество прислать къ нему его Гавріила Черкеса. И королевское де величество его, Гавріила, къ нему посылалъ. И посолъ де говорилъ ему, чтобъ королевское величество съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ слученіе силъ противъ салтана турскаго и хана его не чинилъ. А учинилъ бы слученіе съ ними. И они де возьмутъ у царскаго величества Кіевъ и Смоленскъ и отдадутъ королевскому величеству. Да онъ же де говорилъ, чтобъ королевское величество поволилъ ему отпустить въ Крымъ отъ себя татарина. И онъ де, выслушавъ у него тѣ рѣчи, доносилъ до королевскаго величества. И королевское де величество указалъ ему сказать, что они послы договору о слученіи силъ никакого не чинятъ, а присланы отъ царскаго величества въ тѣхъ дѣлехъ, которыя имѣетъ его королевское величество съ его царскимъ величествомъ въ разводѣ рубежей и въ иныхъ порубежныхъ дѣлехъ. А татарина ему отпускать не указалъ, и будетъ де отпускъ и самому ему послу вскорѣ" [11]).

Въ совѣщаніи 8-го мая сенаторы снова обратились къ посламъ съ вопросомъ: какого рода порученія даны посланнику царскаго величества, отправленному къ султану? Послы отвѣчали то же, что и въ совѣщаніи 27-го апрѣля. Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ сенаторовъ. Королевскому величеству, говорили они, и имъ сенаторамъ

---

[9]) Лл. 88—98.
[10]) Л. 99.
[11]) Л. 108.

„зѣло сумнительно“, что отъ великаго государя „учали быть частыя посылки къ салтану Турскому и къ хану Крымскому, и чаетъ его королевское величество, что не объ иномъ о чемъ царское величество пересылки съ ними [султаномъ и ханомъ] имѣетъ, токмо о миру“ [12]).

Затѣмъ перешли къ обсужденію условій союза. Тѣ, которыя были предъявлены послами на письмѣ, не удовольствовали ни королевское величество, ни сенаторовъ, ни депутатовъ потому, говорили польскіе уполномоченные, „что награды вмѣсто запросовъ въ тѣхъ способахъ его королевское величество никакой себѣ не видитъ, но еще тѣ способы хуже тѣхъ, которые царскаго величества послы въ Гроднѣ предлагали. А что де написано въ первой статьѣ, чтобъ съ царскимъ величествомъ и съ королевскимъ величествомъ быти въ союзѣ цесарскому величеству римскому и королевскому величеству французскому, и то дѣло нестаточное и неподобное, чтобъ имъ учинити союзъ вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ также и съ королевскимъ величествомъ, для того, что цесарь Римскій и король Французской имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ свои прилежности, и царскаго величества и королевскаго величества прилежности съ ихъ прилежностьми не сойдутся, понеже король Французской имѣетъ государство свое отъ салтана Турскаго въ дальнихъ странахъ. А великій государь его царское величество и государь ихъ его королевское величество имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ близкое сосѣдство“.

„А цесарь Римской, хотя и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ въ союзѣ, потому что и онъ съ салтаномъ Турскимъ отъ Венгерской земли имѣетъ ближнее жъ сосѣдство, и въ нѣсколько на десять миляхъ отъ самой Вѣдни рубежи непріятельскіе прилежатъ, однако не можетъ и онъ [цесарь безъ обнадеживанія короля Французскаго въ тотъ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и съ государемъ ихъ съ его королевскимъ величествомъ вступить. Потому опасается де его цесарское величество того, если онъ войну съ турками взочнетъ и въ союзъ съ царскимъ и съ королевскимъ величествомъ вступитъ, и король Французской въ то время наступитъ на него войною въ государство Нѣмецкое и въ дѣдичныя его государства. И имѣетъ де нынѣ король Французской въ собраніи войска своего 170.000, которые стоятъ близко рубежей цесарскаго величества, а цесаря де онъ про-

---

[12]) Л. 113.

тивъ его желанія не обнадеживаетъ. И когда у государя ихъ у его королевскаго величества была въ Варшавѣ генеральная рада, на которой былъ и цесарскаго величества посолъ, и королевское де величество желалъ того, чтобъ съ цесарскимъ величествомъ противъ общаго непріятеля учинити силъ случевіе. И посолъ де цесарскаго величества тоже объявлялъ, что цесарское величество въ союзѣ быти желаетъ, только вступить въ союзъ опасенъ отъ короля Французскаго, что если онъ въ союзъ вступитъ и войну съ салтаномъ Турскимъ взочнетъ, и король Французской тогда на государство его цесарскаго величества войною наступитъ. И королевское де величество, видя цесарскаго посла такое предложеніе, послалъ съ той рады къ королевскому величеству французскому великаго и полномочнаго посла своего Андрея Морштена, подскарбія великаго коруннаго, съ тѣмъ, чтобъ королевское величество французской цесарское величество римскаго дружбою своею обнадежилъ, и въ союзъ ему съ его королевскимъ величествомъ вступить, и войну съ турками всчать не помѣшалъ. А его королевскому величеству въ той войнѣ противъ непріятеля, яко государь христіанскій, помочь денежною казною или ратными людьми учинилъ. И по се де время тотъ королевскаго величества посолъ у королевскаго величества французскаго. А никакого обнадеживанья цесарскому величеству римскому не упросилъ. А въ помочи королевскому величеству одержалъ отъ королевскаго величества французскаго такой отвѣтъ: когда де королевское величество учинитъ съ царскимъ величествомъ противъ того непріятеля союзъ и войну взочнутъ, и тогда и онъ [король Французскій] въ той войнѣ учинитъ имъ великимъ государямъ помочь.

„А съ салтаномъ де Турскимъ королевское величество французской никакихъ рубежей не имѣетъ, токмо подданные его имѣютъ моремъ съ турками великую торговлю. И отъ того имѣетъ онъ богатые доходы и великую прибыль.

„А смотритъ де королевское величество французской того, какъ великій государь его царское величество съ королевскимъ величествомъ [польскимъ] союзъ учинитъ, и онъ тогда хочетъ помочь учинить.

„О томъ подлинно писалъ къ его королевскому величеству изъ Французской земли великій посолъ Андрей Морштенъ.

„И для того де не надобно въ тотъ союзъ призывать королевское величество французскаго, понеже его приналежности не равняются приналежностямъ царскаго величества и королевскаго величества, но

еще и противныя его приналежности. И уже де государь ихъ его королевское величество въ томъ дѣлѣ чрезъ посла своего гораздо его извѣдалъ.

„А они послы присланы нынѣ отъ его царскаго величества къ королевскому величеству о союзѣ договоръ чинить. И королевскаго де величества—намѣреніе и ихъ сенаторская рада то, чтобъ прежде учинити межъ себя союзъ великому государю его царскому величеству и королевскому величеству и укрѣпиться, какъ пристойно, а потомъ бы призывать къ себѣ на помочь папу и иныхъ христіанскихъ государей, которые уже обѣщаются помочь учинить людьми и деньгами, только смотрятъ того, какъ великій государь его царское величество съ его королевскимъ величествомъ союзъ изволитъ учинить и войну съ непріятелемъ взочнутъ. И послы къ папѣ и къ тѣмъ государемъ для того посланы отъ королевскаго величества еще съ Гроденского сейму. А цесарской де резидентъ и французской посолъ нынѣ отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ они отъ государей своихъ полной мочи къ договорамъ съ ними царскаго величества послы и получить къ себѣ указу о томъ отъ государей своихъ не обѣщаются. И надобно де обоимъ великимъ государемъ, великому государю его царскому величеству и великому государю ихъ его королевскому величеству, самимъ о себѣ мыслить и междо собою, какъ и наикрѣпчае и союзнѣе укрѣплятися и договоръ чинить на достойныхъ способахъ“ [13]).

Не смотря на убѣдительные, по видимому, доводы сенаторовъ, послы въ совѣщаніи 10-го мая продолжали настаивать на томъ, чтобы сначала чинить договоръ съ французскимъ и цесарскимъ послами. Тогда сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь отсюда въ отвѣтную палату, объявили посламъ, что на дворѣ королевскаго величества находятся тѣ послы чужеземныхъ государей, съ которыми русскіе уполномоченные желаютъ видѣться. Сначала они должны переговорить съ французскимъ посломъ, а потомъ съ резидентомъ цесаря. Переговоры должны происходить не въ отвѣтной, а въ другой палатѣ. На это послы замѣтили: „имъ изъ отвѣтной палаты идти въ другую палату недлячего и чтобъ королевскаго величества французскаго посолъ пришелъ къ нимъ въ отвѣтную палату, потому что о томъ богоугодномъ дѣлѣ [о союзѣ] зачаты разговоры въ отвѣтной палатѣ, и его призываютъ они послы для того жъ дѣла, и пристойно

---

[31]) Кн. № 196, лл. 115—118.

ему притить къ нимъ посломъ въ отвѣтную палату". Сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь оттуда въ отвѣтную палату, говорили: „О чемъ де они послы имъ сенаторемъ говорили, и они французскому послу о томъ сказывали. И посолъ де имъ говорилъ, что ему въ отвѣтную палату, гдѣ они сенатори имѣютъ съ ними царскаго величества послы разговоры, притить никакими мѣрами невозможно для того: отвѣтная де палата на договоры назначена и мѣста въ ней какъ они царскаго величества послы, такъ и они королевскаго величества сенатори и депутаты имѣютъ, а ему мѣста нѣтъ и имѣть невозможно потому, что онъ отъ государя своего отъ его королевскаго величества указу и полной мочи къ тѣмъ договорамъ не имѣетъ. И сидѣть ему въ той палатѣ, гдѣ съ обоихъ сторонъ полномочные договоры отправлятися имѣютъ, не мочно. И желаетъ де онъ съ ними царскаго величества послы видѣться, кромѣ отвѣтной палаты, въ иной палатѣ и сойтиться ему съ ними царскаго величества послы среди палаты".

Послы согласились. На совѣщаніи ихъ съ французскимъ посломъ должны были присутствовать четверо лицъ изъ польскихъ уполномоченныхъ: ксендзъ Янъ Малаховскій, епископъ Хельминскій, подканцлеръ великій корунный Владиславъ Рей, воевода Любельскій, Станиславъ Любомирскій, маршалокъ великій корунный, Хриштофъ Пацъ, великій канцлеръ Литовскій. Въ сопровожденіи этихъ лицъ русскіе послы вошли въ палату, въ которую одновременно вошелъ и французскій посолъ маркизъ Де-Бетуній и, сошедшись съ нимъ среди палаты, витались и сѣли въ кресла. Послѣ рѣчи русскихъ пословъ о союзѣ, французскій посолъ сталъ говорить то же, что они уже слышали отъ сенаторовъ. Послы обратились къ нему съ просьбою изложить свою рѣчь письменно, но онъ отказался исполнить эту просьбу и вышелъ изъ палаты. Затѣмъ вошелъ сюда цесарскій резидентъ Янъ Жировскій и сѣлъ близъ русскихъ пословъ съ лѣвой стороны, „а не въ томъ мѣстѣ", записано въ статейномъ спискѣ русскихъ пословъ, „гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, для того, что сенатори того мѣста, гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, ему не дали потому, что онъ резидентъ, а не посолъ". И резидентъ цесаря заявилъ то же, о чемъ уже было заявлено сенаторами: цесарское величество только тогда готовъ приступить къ союзу, когда великій государь вступитъ въ союзъ съ королемъ Польскимъ [14]). Какъ увидимъ, это заявленіе

[14]) Лл. 129—137.

цесарскаго резидента было неискреннимъ и сдѣлано, вѣроятно, вслѣдствіе настояній французскаго посла. Цесарю въ ожиданіи новаго враждебнаго столкновенія съ Франціей, нельзя было и думать о приступленіи къ союзу Россіи и Польши противъ Турціи. Едва ли съ искреннимъ сочувствіемъ могъ относиться къ этому союзу и Французскій король, такъ какъ всякое умаленіе турецкаго могущества было ему невыгодно.

Послѣ приведенныхъ заявленій французскаго посла и цесарскаго резидента задача переговоровъ русскихъ пословъ съ сенаторами упрощалась. Окончательно выяснилась возможность и необходимость первоначально заключить союзъ только между двумя государствами—Россіей и Польшей. Не было никакого повода сомнѣваться въ самомъ искреннемъ желаніи Польскаго короля добиться осуществленія этого союза. Король заручился сочувствіемъ и французскаго посла, и цесарскаго резидента, умалилъ свои требованія относительно обязательствъ великаго государя, отказался даже отъ денежной помощи, но по расчетамъ короля и сенаторовъ для успѣшнаго веденія войны съ Турціей необходимо было Московскому государству выставить болѣе значительное войско, чѣмъ то, которое могла выставить Рѣчь Посполитая. Въ этомъ, а также въ крайней необходимости вести съ Турціей войну не оборонительную, а наступательную, сенаторы старались убѣдить пословъ въ совѣщаніи 12-го мая. „Отъ начала свѣта", говорили сенаторы,—„до нынѣшняго вѣка тѣ всегда были счастливы, которые наступательныя войны чинили. А тѣ несчастливы были, которые имѣли оборонительную войну. И отложивъ иные примѣры, объявляютъ они къ разсужденію дѣло Турскаго салтана. Чѣмъ онъ распространилъ монархію свою? И чѣмъ страшенъ всѣмъ монархамъ? Посмотримъ на его страны. И въ Подольѣ, и въ Украйнѣ у него все въ цѣлости. А у насъ—дикое мѣсто и пустыня. И то надобно разсудить: тогда бъ отъ него имѣть оборонительный союзъ, когда бъ онъ нынѣ приходилъ къ намъ изъ своихъ азіатскихъ краевъ, тобъ въ то время держаться противъ его оборонительно, не пропущая его въ началѣ чрезъ тѣсное море подъ Царемъ-Городомъ, а потомъ чрезъ горы, а на остатокъ чрезъ Дунай. Но когда уже онъ, прошедъ моря, овладѣлъ греками, а прошедъ чрезъ горы и Дунай, овладѣлъ многими христіанскими государствы и королевствы, а чрезъ Днѣстръ прошедъ, овладѣлъ Подольемъ, Украйною, Каменцомъ, Чигириномъ и иными мѣсты, а въ Венгерской землѣ въ ближнихъ мѣстехъ отъ цесарской столицы отъ Вѣны,

и нынѣ уже оборонятся отъ него во Львовѣ, въ Кіевѣ, въ Вѣнѣ. И 15,000, которые царское величество обѣщается въ помочь, могутъ ли ему [султану] возбранить? И русскіе около Львова краи, и остатокъ Венгерской земли обратятся въ такую жъ пустыню, какъ и прочіе, или завоевавъ, учнетъ ихъ держать, какъ и иныя мѣста.

„И папа Римской, и всѣ государи христіанскіе не для того хотятъ учинить помочь денежною казною и отвращеніемъ на море, чтобъ оборонять Кіевъ, Львовъ, Вѣну, но для того, чтобъ изъ рукъ поганскихъ Каменецъ взять, въ Подольѣ и въ Украйнѣ расширятися и селитися непріятелю не дать и изъ Венгерской земли его выгнать. И буде невозможно далѣ, хотя бъ его за Дунай загнать, и чтобъ православныхъ христіанъ изъ неволи свободить.

„Да и то надобно разсудить, что отъ оборонительной войны, и безъ наступленія непріятельского, сами бъ государи наши государства свои разорили. А Турской салтанъ имѣетъ татаръ, которымъ ничего не даетъ, а они ему чинятъ великую прибыль. Также имѣетъ волоховъ и мултановъ, и не малую часть турковъ, которые съ земель служатъ, не касаяся казнѣ его. И тѣхъ онъ будетъ высылать въ полѣ по вся годы. А королевское величество и царское величество, не вѣдая того, на кого они наступать будутъ, великія держать будутъ войска, съ великимъ убыткомъ денежной казнѣ. А непріятель учнетъ загонами находить, иногда на государство королевскаго величества, а иногда на государство царскаго величества. А они великіе государи учнутъ только войску деньги давать, и земли свои тѣмъ раззорять и пустошить.

„Да и того де непріятель будетъ надъ нами смотрѣть: буде у котораго государя учинится въ государствѣ бунтъ или съ сосѣдомъ война, и онъ въ то время на того же и войною пойдетъ. И тогда помочные 15 тысячъ не оборонятъ.

„И такими де способами государей нашихъ тотъ непріятель и долготою войны преодолѣетъ, и ни во что обратитъ. И для того не надобно де надѣяться государемъ нашимъ на то, что будто, услышавъ онъ о союзѣ ихъ государскомъ, войною наступать не будетъ. Но тотъ непріятель ни съ кѣмъ не можетъ воевать, только съ христіаны, сосѣдства нигдѣ съ инымъ не имѣетъ. Персы его воевать не мыслятъ. Да и по вѣрѣ де своей турки безъ войны быти не могутъ. И если они учнутъ государства государей нашихъ воевать, а они отъ нихъ учнутъ только боронится, и отъ того была

(бы) имъ очевидная пагуба, хула и малое отъ всѣхъ христіанъ почитанье, и государствамъ ихъ изнищенье.

„Да и оттого де надобно имѣть остерегательство, что продолженіе оборонительной войны привело бъ подданныхъ государей нашихъ къ отчаянію, також какъ волоховъ и мултяновъ, и казаковъ съ Дорошенкомъ и съ Хмельниченкомъ. Не вѣдая бъ своей обороны, пошли бъ въ поганскія руки".

Въ заключеніе своей пространной рѣчи о необходимости наступательной, а не оборонительной войны съ Турціей, сенаторы ссылались на примѣръ царя Алексѣя Михайловича, который хотѣлъ самъ своею особою вести войска на Крымъ, а королевскому величеству предлагалъ предпринять походъ къ Дунаю.

На эту рѣчь послы отвѣчали: условія союза, о которыхъ имъ велѣно было сообщить, они уже заявили, а объ иномъ договариваться имъ нельзя, такъ какъ на это не имѣютъ они полной мочи. Вести войну наступательную—опасно. Въ такомъ случаѣ пришлось бы войску проходить черезъ степь, гдѣ нельзя найти корму. Оборонительная и наступательная война—въ руцѣ Божіи [15]).

15-го мая къ посламъ пріѣзжалъ цесарскаго величества резидентъ Янъ Жировскій и заявилъ: на совѣщаніи, происходившемъ 10-го мая, онъ не могъ объявить, отчего цесарское величество въ скоромъ времени не можетъ приступить къ союзу противъ Турціи, такъ какъ на этомъ совѣщаніи присутствовали сенаторы, бывшіе совѣтниками французскаго посла. Французскій король, учиня миръ съ цесаремъ, „нынѣ войска свои держитъ близко государствъ цесарскаго величества, со 170,000 [человѣкъ], и нѣкоторыя земли у цесарскаго величества заѣзжаетъ, и къ курфистромъ посылаетъ, чтобъ они отъ цесарскаго величества отступили и къ нему пристали. И того де цесарское величество крѣпко опасенъ.

„И здѣсь де въ Польшѣ короля Французскаго посолъ маркизъ Де-Бетуній да посланникъ Акакей и иные многіе его слуги и совѣтники. И послалъ посолъ маркизъ Де-Бетуній того Акакія нынѣ недавно изъ Польши въ Седмиградскую землю къ Абаѳію, князю Седмиградскому, бунтовать тамъ венгерскихъ бунтовщиковъ противъ

---

[15]) Кн. № 196, лл. 138—154. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par *Augustin Theiner*. Rome. 1859. P. 202—203, № CLXIV.

цесарскаго величества. И онъ резидентъ послу о томъ говорилъ, чтобъ онъ Акакія въ Венгерскую землю не посылалъ, и того нехристіанскаго поступка чинить ему не велѣлъ. И посолъ де ему сказалъ, что будто Акакій ѣдетъ къ Абаѳію князю считаться въ денежной казнѣ, что доведется ему взять на государѣ его на королевскомъ величествѣ французскомъ, а королевское де величество такого безславія не хощетъ о себѣ слышать, чтобъ кто на немъ могъ долгъ какой почитать. И то де онъ [посолъ французскій] говоритъ вымышленную рѣчь. А послалъ онъ его подлинно для того, чтобъ венгровъ еще противъ цесарскаго величества взбунтовать.

„Да и у курфистра Бранденбургскаго есть нынѣ французскій посолъ. Также его наговариваетъ, чтобъ онъ отъ цесарскаго величества отступилъ и къ нему присталъ.

„Такіе де нехристіанскіе поступки Французскаго короля замѣшаніе чинятъ во всемъ христіанствѣ. А до сгоды и до соединенія [король Французскій] не допуститъ. А съ Турскимъ де салтаномъ подлинно имѣетъ онъ тайный союзъ. И цесарское величество того и опасается, что если ему всчать съ Турскимъ салтаномъ войну, а король Французскій въ то время на него наступитъ, и оттого опасно, чтобъ государства не потерять.

„И папа Римскій послалъ ко Французскому королю посла своего, напоминая его, чтобъ онъ отъ злаго своего начинанія престалъ и цесарскому величеству съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ союзъ противъ салтана Турскаго учинить допустилъ и дружбою своею и додержаніемъ мира его [цесаря] обнадежилъ. А что тотъ посолъ учинилъ, и того еще не слышитъ".

Резидентъ цесаря сказывалъ еще, „что Крымскаго хана посолъ пошелъ через Польшу во Французскую землю. И королевское де величество польской не хотѣлъ было его пропустить. И посолъ французскій королю говорилъ: для чего онъ цесарскихъ пословъ и посланниковъ къ царскому величеству, а царскаго величества пословъ къ цесарскому величеству чрезъ свою землю пропущаетъ, а хана Крымскаго посла къ государю его не пропуститъ? И король де не могъ въ томъ отъ него отговориться, велѣлъ татарскаго посла отпустить къ королю Французскому. И въ томъ де какая правда Французскаго короля? Сосѣдства у него не только съ ханомъ и съ салтаномъ нигдѣ нѣтъ, и пересылки имѣетъ онъ съ ханомъ не для чего иного, но чтобъ какую ссору учинить. И наговариваетъ [Французскій король] тѣхъ непріятелей [султана и хана] на цесарское ве-

личество и на царское величество. И королевское величество польской видитъ его въ томъ такое лукавство да еще держится дружбы его для того: ожидаетъ отъ него вспоможенія денежною казною, которую онъ ему обѣщалъ дать и дожидается о томъ его королевское величество вѣдомости изъ Французской земли отъ посла своего съ часу на часъ.

„Да и папа Римскій и иные христіанскіе государи обѣщались королевскому величеству помочь денежною казною учинить.

„А съ царскимъ де величествомъ желаетъ его королевское величество учинить противъ непріятеля наступательный союзъ. И тогда недлячего будетъ Кіева и Львова оборонять. Хочетъ де его королевское величество съ войсками идти въ Волосскую землю къ Дунаю. И тогда у царскаго величества подъ Кіевомъ войны не будетъ. И для того де наступательнаго союза хочетъ папа и иные христіанскіе государи его королевскому величеству денежною казною и помочь учинить. А если онъ съ турками войны не взочнетъ, и они не хотятъ ему и денегъ давать. И буде они послы (русскіе) полной мочи о договариваніи наступательнаго союза не имѣютъ, и королевское величество хочетъ ихъ отпустить вскорѣ. А объ оборонительномъ союзѣ и не мыслитъ договариваться.

„А будетъ они послы, при помощи Божіи, договоръ о слученіи силъ здѣсь учинятъ, и цесарское величество указалъ ему резиденту съ тою вѣдомостью пріѣхать къ себѣ самому тотчасъ. И о томъ одержалъ онъ къ себѣ цесарскаго величества указъ съ нынѣшнею почтою.

„Онъ же говорилъ, что жить ему здѣсь зѣло тяжко. Онъ здѣсь одинъ отъ цесарскаго величества, а Французскаго короля посолъ, да посланникъ, да резидентъ, и иные многіе каноники и изъ польскихъ сенаторей и изъ урядниковъ совѣтники и друзья. И безпрестанно посолъ ихъ у себя кормитъ. А они ему дружбу дѣлаютъ. А то де ихъ и дѣло, чтобъ цесарское величество съ королевскимъ величествомъ польскимъ въ союзъ не допустить, чтобъ цесарь и король Польской противъ турка не соединялись, и войны съ туркомъ не имѣли, и побѣды надъ нимъ не одержали. То де Французскаго короля и радость, чтобъ цесарь и король Польской Турскаго салтана боялись. А если цесарское величество, соединясь съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ, учинятъ турку отпоръ и завоеванное свое цесарь и король Польской у него отыщутъ, и тогда де це-

сарь Французскаго короля опасаться не будетъ. И для того онъ нынѣ вымышляетъ и ссоритъ, чтобъ ни къ какому добру не допустить" [16]).

Послѣ описаннаго нами совѣщанія 15-го мая цесарскій резидентъ имѣлъ еще нѣсколько совѣщаній съ нашими послами, а именно 24-го, 26-го и 27-го мая. Но всѣ эти совѣщанія не оказали никакого существеннаго вліянія на переговоры нашихъ пословъ съ сенаторами. Вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ Людовику XIV, цесарь не могъ идти далѣе заявленій о томъ, что онъ желаетъ осуществленія мысли о союзѣ Россіи и Польши противъ Турціи. А этихъ заявленій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы подвигнуть московское правительство къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою [17]).

Не могли имѣть также никакого существеннаго вліянія на переговоры о союзѣ и заявленія папскаго легата. За болѣзнью Прончищева, имѣлъ свиданіе съ нимъ дьякъ Емельянъ Украинцовъ, въ саду подскарбія коруннаго Андрея Морштена, 21-го мая. Папскій легатъ Францискъ Мартелли, арцыбискупъ Коринѳскій, говорилъ Украинцеву: слышалъ онъ, что русскіе послы присланы „для богоугоднаго и всему христіанству пожелаемаго дѣла". Королевство Польское „въ силахъ своихъ нынѣ ослабѣло" и противъ Турціи, противъ такого сильнаго непріятеля „безъ помощи царскаго величества устоять не можетъ". Затѣмъ легатъ говорилъ объ условіяхъ союза то же, что̀ заявляли и польскіе уполномоченные, а Украинцовъ предлагалъ ему отправить письмо къ папѣ съ просьбою, чтобы „папа Французскаго короля, яко пастырь и учитель, отъ злаго начинанія клятвою своею или инымъ какимъ запрещеніемъ отвратилъ, чтобъ онъ цесарскому величеству въ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ противъ непріятеля креста святаго вступать не мѣшалъ". На это легатъ отвѣчалъ: папа о томъ давно радѣетъ „и по должности своей Французскаго короля отъ того отвращаетъ. И чаетъ онъ, что папа Французскаго короля въ томъ уговоритъ и въ пріязнь съ цесарскимъ величествомъ приведетъ. Однако жъ де онъ и нынѣ, слыша такія отъ него [Украинцова] слова, писать о томъ къ папѣ учнетъ" [18]).

---

[16]) Кн. № 196, лл. 180—183.

[17]) Лл. 246, 272, 274—276.

[18]) Л. 217. Monuments etc. *Theiner*, p. 206—207, № CLXV. „Il venerdi mattina la maesta del ré mandò da me il canonico Kordwanowski, il quale per

Условія союза, предложенныя русскими послами, были отвергнуты, и имъ удалось исполнить одно только порученіе относительно порубежной коммиссіи для заключенія договора. Въ послѣднемъ совѣщаніи 29-го мая сенаторы согласились отложить созваніе коммиссіи до 20-го іюня 1681 года [19]). Когда покончили съ вопросомъ о времени созыва коммиссіи, послы въ томъ же совѣщаніи 29-го мая стали говорить о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ православными, обитающими въ области Рѣчи Посполитой. На это сенаторы отвѣчали: „Напередъ сего царскаго величества великіе послы, будучіе въ Гроднѣ, въ отвѣтехъ о томъ говорили жъ. И по указу королевскаго величества отвѣтъ они сенаторы тѣмъ царскаго величества посломъ учинили и на письмѣ дали".

Прочитавъ это письмо, сенаторы продолжали: „Нынѣ было имъ царскаго величества посломъ въ другорядь о томъ и говорить непристойно, потому что королевское величество постановленные договоры во всемъ ненарушимо сохраняетъ и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой Руси въ сторонѣ его королевскаго величества имѣющейся никакой препоны не чинится". Это заявленіе не могло удовлетворить пословъ. „Въ нынѣшнемъ," говорили они,—„во 188 (1679 году) въ октябрѣ мѣсяцѣ въ государствѣ королевскаго величества разосланы универсалы за его королевскаго величества рукою, изъ Яворова, по всѣмъ городамъ, чтобъ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены и все духовенство, также и шляхта моленія греческаго, уніаты и не уніаты, въ корунѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и въ земляхъ, къ нимъ належащихъ, пребывающіе, со всѣми съ обоихъ сторонъ привиліями, приговорами и дѣлами въ Люблинъ генваря въ 14 день нынѣшняго 1680 г. пріѣзжали. И тамъ, при прибытіи его королевскаго величества коммиссаровъ, межъ собою подлинной учинили разговоръ. А ктобъ для того въ Люблинъ пріѣхать не похотѣлъ, и тотъ отъ мѣстностей которыми владѣетъ, будетъ отлученъ. И когда въ государствѣ королевскаго величества разосланы такіе универсалы и потому въ государствѣ

---

parte della maestà sua mi pregò di volermi trovare quell'istessa mattina nel giardino del sig. grantesoriere, dovi si sarebbe trovato anche il *sudetto secondo ambasciatore* Moscovita, e cosi fu fatto". Затѣмъ слѣдуетъ донесеніе Мартелли о разговорѣ съ Украинцевымъ... „e tratto sempre meco con somma humanita e con sommo rispetto, e poi ha detto al residente Cesareo che era restato sadisfatissimo di me".

[19]) Кн. № 196, лл. 288, 309 и 310.

королевскаго величества греческія вѣры жителемъ явное гоненіе и утѣсненіе чинится. И не для чего иного въ Люблинъ призывать было указано, только для того, чтобъ всѣ благочестивыя церкви греческаго закона, также и жителей благочестивыхъ въ римскую вѣру или въ унію обратить". Ссылаясь на 4-ую статью Московскаго договора, послы просили донести королевскому величеству, чтобъ онъ „никакого утѣсненія и гоненія чинить не велѣлъ".

„И сенаторы говорили шумно и сердитуя: въ Московскомъ де перемирномъ договорѣ написано только объ уступленныхъ въ сторону королевскаго величества городахъ: Невлѣ, Себежѣ и Велижѣ, чтобъ въ нихъ въ дѣйствованіи богомолія вѣры греческой вольность дана была. И королевское де величество по тѣмъ постановленнымъ договорамъ въ цѣлости непорушимо во всемъ сохраняетъ, и въ тѣхъ вышепомянутыхъ, уступленныхъ городѣхъ въ дѣйствованіи богомолія вольность имѣти позволяетъ, и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой никакой препоны чинить не велитъ.

„А то де королевскому величеству и Рѣчи Посполитой зѣло досадительно, что великій государь его царское величество за подданныхъ его королевскаго величества русской вѣры, которые пребываютъ въ государствѣ его королевскаго величества вступается. И тѣмъ чинится государю ихъ его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой великое безчестье. И ни который христіанскій монархъ не имѣетъ такой власти, чтобъ кто Рѣчью ихъ Посполитою правилъ и въ дѣлахъ указывалъ. А о чемъ они послы предлагаютъ: и того въ государствѣ королевскаго величества не бывало и впредь не будетъ. А что они жъ послы припоминаютъ съѣздъ Люблинской, и будто на тотъ съѣздъ греческія вѣры духовные и мірскіе люди, по универсаламъ королевскаго величества, собраны были по неволѣ, и неволи въ томъ никакой не бывало, а требовали того съѣзду сами греческой вѣры духовные люди. Да и въ вѣрѣ ихъ римской нѣтъ такого обычая, чтобъ въ нее совращать кого по неволи. И легатъ папы Римскаго, который всегда живетъ въ государствѣ королевскаго величества, крѣпко того постерегаетъ, чтобъ неволи никому къ принужденію на вѣру римскую не было, кромѣ того, развѣ кто добровольно обратится.

„И въ государствѣ де королевскагс величества народъ вольный. И еслибы кому чинилась въ чемъ какая кривда, и о томъ вольно говорить на сеймикахъ, и на сеймахъ, и въ трибуналахъ. А греческой де вѣры многіе есть родовитая шляхта. И въ городѣхъ многое

жъ церковное братство. И чтобъ царское величество впредь за подданныхъ королевскаго величества греческой вѣры вступаться не изволилъ потому—неволи имъ въ государствѣ королевскаго величества никакой нѣтъ и впредь не будетъ. Да и въ Гроднѣ царскаго величества послы о томъ говорили жъ, и имъ тогда отвѣтъ учиненъ же и на письмѣ данъ. И нынѣ было о томъ въ другорядь говорить не годилось.

„А надобно де царскому величеству стоять за ту Русь и за грековъ, которые въ неволи у турковъ и у татаръ пребываютъ и не токмо въ вѣрѣ своей утѣсненіе пріемлютъ, но обрѣзаніе бусурманское, и на вѣру магометанскую приневоленіе терпятъ, и поголовные откупы даютъ отъ того. Тѣхъ бы де изволилъ великій государь его царское величество у непріятеля отыскать и увольнить.

„А у королевскаго де величества русской вѣры жителемъ неволи никакой нѣтъ. Еще де наипаче королевское величество указываетъ къ нимъ всякую свою милость, чего напередъ его ни который государь не чинилъ.

„А что Московскаго перемирнаго договору королевскаго величества пословъ князя Михаила Черторыйскаго, воеводы Волынскаго, съ товарищи припоминаютъ они послы о той же греческой вѣрѣ четвертую статью, и то они послы написали безъ указу королевскаго величества и безъ росказанія Рѣчи Посполитой. И на сеймѣ Гродненскомъ королевское величество того не подтвердилъ, и Рѣчь Посполитая не приняла. Да и перемирный де договоръ учинили они послы безъ указу королевскаго величества и безъ росказанья Рѣчи Посполитой. Только де принялъ королевское величество и Рѣчь Посполитая то перемиріе для того, что они послы сенаторы чиновъ высокихъ и о всякомъ радѣніи Рѣчи Посполитой учинили присягу. И Рѣчь де Посполитая такимъ присяглымъ сенаторемъ вѣритъ, что они заприсяженные люди и учинили то, желая Рѣчи Посполитой лутчего“ [20]).

Послы выѣхали изъ Варшавы 9-го іюня. Король былъ очень недоволенъ ихъ дѣйствіями. За два дня до ихъ отъѣзда приставъ говорилъ имъ: королевское величество полагаетъ, что коммиссія, которая должна будетъ собраться въ слѣдующемъ году, какъ постановлено въ нынѣшнемъ договорѣ, не состоится, такъ какъ царскому величеству она не такъ необходима, какъ королевскому величеству и Рѣчи

[20]) Кн. № 196, лл. 209—295.

Посполитой; если царское величество не будетъ поступать по братски съ королевскимъ величествомъ, то онъ будетъ искать дружбы у турокъ и татаръ, которые давно уже того желаютъ [21]).

VII.

1680—1682 года.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ 1680 г. относительно вопроса о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ.— Тайные разговоры московскаго гонца Назарія Краевскаго съ гетманомъ Пацомъ и воеводою Троксклмъ Мартіаномъ Огинскимъ, въ іюнѣ 1680 г. — Заботы московскаго правительства о пограничной коммиссіи, которая должна была опредѣлить условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою. — Совѣщаніе бояръ 8-го іюля и ихъ приговоръ относительно пограничной коммиссіи. — Отношенія польскаго правительства къ вопросу о той же коммиссіи. — Прибытіе въ Москву польскихъ полномочныхъ пословъ Константина Томицкаго, каштеляна Велюнскаго, и секретаря Юрія Доминика Довмонта, подчашаго Жмудскаго. Совѣщанія съ ними русскихъ уполномоченныхъ.—20-го сентября отпускъ пословъ.—Отправленіе въ Польшу думнаго дворянина Ивана Аѳанасіевича Желябужскаго и дьяка Семена Протопопова, въ декабрѣ 1680 г. Совѣщанія ихъ съ польскими уполномоченными въ 1681 г. 23-го и 28-го февраля, 7-го и 11-го марта, 7-го апрѣля.—Вѣсти, сообщенныя посламъ цесарскимъ резидентомъ и приставомъ Гавріиломъ Черкесомъ.—Намѣреніе короля начать войну съ Турціей. — Шляхтичъ Янъ Пріемскій.—Указъ великаго государя о веденіи „пространныхъ и пристойныхъ любовныхъ разговоровъ" съ сенаторами. — Отпускъ пословъ 2-го іюня. — Свѣдѣнія, собранныя въ Варшавѣ Желябужскимъ и Протопоповымъ.—Рѣчи волосскаго посланца Костантина Козловскаго и папскаго легата Опицціуса Поллавитинуса.—Пріѣздъ въ Москву польскаго посланника Станислава Невѣстинскаго въ ноябрѣ 1681 г. Переговоры съ нимъ въ декабрѣ того же года.—Общія заключенія о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ въ періодъ времени съ 1676 по 1682 г.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г. [1]), должны были убѣдить московское правительство въ томъ, что союзъ съ Рѣчью Посполитою можетъ только создать новыя трудности, вовлечь въ непроизводительные расходы и не принести никакихъ существенныхъ выгодъ. Надежды, которыя,

---

[21]) Л. 347.

[1]) Они вернулись въ Москву 21-го іюля 1680 г. Кн. № 196, л. 361.

по увѣренію польскихъ уполномоченныхъ, могли быть, по видимому, возлагаемы на цесаря и на папу, тоже оказывались несбыточными. Цесарь не могъ приступить къ союзу восточно-европейскихъ государствъ противъ Турціи и вслѣдствіе своихъ сомнительныхъ отношеній къ Людовику XIV; посредничество папы не оказывало никакого замѣтнаго вліянія на политику того же короля. А между тѣмъ вліяніе его на дипломатическія сношенія Рѣчи Посполитой снова возстановило противъ Польскаго короля литовскую партію.

Съ главными представителями этой партіи гетманомъ Пацомъ и воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ имѣлъ тайные разговоры гонецъ великаго государя Назарій Краевскій, отправленный съ царскою грамотою къ русскимъ посламъ. Онъ прибылъ въ Гродну 9-го іюня и оставался здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. По пріѣздѣ сюда, онъ не засталъ гетмана и имѣлъ свиданіе съ воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ. Ему Краевскій объявилъ въ тайнѣ, что онъ, по указу великаго государя, присланъ къ гетману и къ нему воеводѣ для переговоровъ. Огинскій отвѣчалъ, что ему одному трудно учинить отповѣдь, и онъ пошлетъ извѣщеніе къ гетману. Когда прибылъ въ Гродну Пацъ, Краевскій имѣлъ съ нимъ тайное свиданіе, на которомъ присутствовалъ и воевода Трокскій Мартіанъ Огинскій. Краевскому было поручено переговорить съ ними о способахъ къ заключенію союза и, по возвращеніи въ Москву, онъ представилъ въ Посольскій приказъ письменные отвѣты гетмана, въ которыхъ высказывается готовность содѣйствовать намѣреніямъ великаго государя. Пацъ негодовалъ на короля за его потворство Франціи. Лучше, писалъ онъ,—совѣщаться съ чинами Рѣчи Посполитой, чѣмъ съ тѣмъ, кого „французенинъ съ туркомъ посадилъ на королевскій престолъ“ [2]).

Еще до возвращенія пословъ въ Москву, здѣсь были озабочены не изысканіемъ способовъ къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою, а тѣмъ вопросомъ, который уже давно приковывалъ къ себѣ главное вниманіе московскаго правительства, вопросомъ о пограничной коммиссіи, которая должна была опредѣлить условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою. Вслѣд-

[2]) № 195, лл. 591—603. „Онъ же Назарей слышалъ отъ Яна Храповицкаго, воеводы Витебскаго, говорилъ де ему онъ Янъ: „видятъ де они, что царское величество слученіе съ ними чинить не изволилъ. И впредь того дѣла не чаютъ же, потому что де Москва усматриваетъ прибыли себѣ, а не имъ. И того де для гинутъ они. Пускай же и Москва съ ними пропадетъ“.

ствіе заявленія русскихъ пословъ, бывшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г., созваніе пограничной коммиссіи было отложено до 1681 г., о чемъ и дана была ими запись.

8-го іюля 1680 г. происходило въ Москвѣ совѣщаніе бояръ о коммиссіи, имѣющей собраться въ 1681 г. На этомъ совѣщаніи присутствовали бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Петръ Михайловичъ Салтыковъ, Иванъ Михайловичъ Милославскій, Василій Семеновичъ Волынской, Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ, князь Юрій Никитичъ Барятинской. Бояре приговорили: 1) „Запись, какову дали государевы послы нынѣ польскимъ сенаторамъ объ отложеніи коммиссіи отставить не мочно; только тою записью на съѣздѣ послы при посредникахъ къ нарушенію договоровъ будутъ причитать, что неприбытіе по договорамъ посредниковъ и пословъ учинилось съ стороны царскаго величества, а у королевскаго величества было готово".

2) „Какъ о той записи великій государь изволитъ, только посредниковъ звать время. Изъ прежнихъ звать короля Датскаго и послать къ нему гонца подъячаго съ грамотою, дать вѣдать коммиссіи срокъ".

3) „Прежняго посредника цесаря Римскаго отставить для тѣхъ причинъ, что онъ будетъ общій, а пріятства на государеву сторону, хотя онъ и хотѣлъ бы учинить, не можетъ, потому что онъ безсиленъ и короля Польскаго во всемъ слушаетъ, а Французскаго боится и отъ турка имѣетъ, по близости своихъ земель, страхъ и впредь по тѣмъ причинамъ надѣяться на него въ добрѣ не мочно. Да и для того, что онъ царскаго величества и полномочнымъ посламъ, по государскому желанію, никакой дружбы не показалъ".

4) „Вмѣсто бъ цесаря, призвать въ посредство Англійскаго короля, хотя онъ будетъ и общій посредникъ съ королемъ Польскимъ, только онъ великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Россійскимъ исконный другъ и чаять бы онъ больше похотѣлъ добра на государеву сторону. А буде бы онъ похотѣлъ просить прежней повольности въ торгахъ, и его бъ тѣмъ и обнадежить противъ прежняго въ то время, какъ у великаго государя у его царскаго величества успокоится война съ Турскимъ султаномъ и съ Крымскимъ ханомъ, и буде его посредствомъ съ Польскимъ королемъ учинится вѣчный миръ на волѣ великаго государя. А о сборѣ пошлинъ выписать, что по прежнему было въ сборѣ и что послѣ англичанъ при торговомъ уставѣ".

5) „Ко Французскому королю посланника отпустить съ тѣмъ,

что великій государь его царское величество, по волѣ всемогущаго Бога, учинился на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія на престолѣ отца своего государева. И то будетъ Французскому королю въ любовь. Да посланникамъ же говорить о торговыхъ дѣлахъ, о чемъ его королевское величество напередъ сего желалъ, и чтобъ его подданные ѣздили торговать къ Архангельскому городу или въ Великій Новгородъ и во Псковъ. И какіе товары его королевскому величеству будутъ годны, тѣ бъ имали, по договорной цѣнѣ, по прямому торгу, съ платежемъ пошлинъ. А его бъ королевскаго величества подданные товары свои продавали по прямой же цѣнѣ съ пошлинами. А буде онъ учнетъ называться въ посредники, и ему сказать, что онъ будетъ съ стороны королевскаго величества польскаго посредникомъ. А великій государь его царское величество, по исконной дружбѣ, и безъ посредничества на его королевское величество надежность имѣетъ, что его королевское величество на его государскую сторону непріятства никакого чинити не похочетъ. А буде учнетъ гораздо принуждать о призываніи своемъ въ посредство, и ему объявить чрезъ ближнихъ его людей тайно, что посредникъ не долженъ никакой неволи при договорахъ чинить, только долженъ выслушать съ обѣихъ сторонъ. И если между обоихъ великихъ государей дойдетъ до успокоенія дѣлъ, то добро. А если за какими трудностями мирный договоръ совершенія своего не воспріемлетъ, тогда посредниковъ съ учтивостью отпустить, а самимъ тѣ всѣ дѣла отложить на дальнее время. Тому всему свидѣтельствуютъ договоры съ королемъ Польскимъ. А великій государь его царское величество и безъ посредниковъ съ королемъ Польскимъ о мирныхъ договорахъ и о союзѣ христіанскомъ на бусурманъ пересылки чинитъ, о чемъ его королевскому величеству не безвѣстно, и королевское величество учинити того не похотѣлъ. И чтобъ его королевское величество французской, яко государь христіанскій, по исконной дружбѣ его царскому величеству съ христіанскаго своего намѣренія объявилъ, какъ бы учинить христіанству покой и отвращеніе отъ христіанскихъ государствъ бусурманъ. И когда великій государь его царское величество дознаетъ въ томъ его королевскаго величества пріятство, тогда его королевскому величеству взаимно такою жъ братскою любовью будетъ воздавати".

Этотъ приговоръ боярскій 9-го іюля былъ утвержденъ великимъ государемъ [3]).

[3]) Кн. № 199, лл. 15—21.

Съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ московское правительство, относилось къ вопросу о пограничной коммиссіи правительство Рѣчи Посполитой. Его болѣе занимали переговоры о союзѣ. Но какъ ни желало оно скорѣйшаго благопріятнаго для себя окончанія этихъ переговоровъ, заключенія союзнаго договора съ Московскимъ государствомъ, какъ ни значительны были уступки, дѣлаемыя королемъ, событія отодвигали все далѣе и далѣе осуществленіе его завѣтной мысли — возвращеніе Каменца, а вмѣстѣ съ нимъ и юго-западной Украйны. Во время пребыванія въ Гроднѣ, въ іюнѣ 1680 года, Краевскій слышалъ отъ гетмана Паца: „говорилъ де ему гетману королевское величество, и инымъ сенаторамъ, что имъ съ великимъ государемъ союзъ учинить никакъ не возможно, потому что Москва турковъ боится. И полководцевъ добрыхъ у нихъ [московитянъ] нѣтъ и биться съ ними [турками] не умѣютъ. И если де учинится союзъ, то чаетъ онъ, что ихъ выдадутъ" [4]). Не смотря однако на горькое разочарованіе, королю, не располагавшему необходимыми для самостоятельной политики средствами, приходилось идти по старой тропѣ, изыскивать новые способы для слученія силъ Московскаго государства съ силами Рѣчи Посполитой.

Въ августѣ 1680 года явились въ Москву полномочные польскіе послы Константинъ Томицкій, каштелянъ Велюнскій, и секретарь Юрій Доминикъ Довмонтъ, подчашій Жмудскій [5]). 27-го августа послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы имъ быть на пріѣздѣ у великаго государя, и каштелянъ Константинъ Томицкій обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Ужъ многажды на воинскихъ бояхъ кровавымъ потомъ обливался наияснѣйшій король Польской, государь нашъ милостивый, когда на хотинскихъ бояхъ съ немногими рыцарями выгналъ толикое множество непріятельскихъ войскъ изъ валовъ, обозовъ и смерти ихъ предалъ, а потомъ въ журавинскихъ окопахъ бывшимъ всѣмъ восточнымъ гордымъ силамъ насмѣялся и застыдилъ ихъ. Дожидается подобный случай къ безсмертной славѣ вашего царскаго величества, если людей тѣхъ своихъ толико многихъ рыцарскихъ, которые въ тоскѣ безъ воинскихъ чиновъ въ обозахъ время теряютъ, на тотъ бой спровадити повелите, гдѣ вѣра святая хри-

---

[4]) Кн. № 195, л. 602.

[5]) Кн. № 199, лл. 75 и сл. Томицкій и Довмонтъ прибыли въ Смоленскъ 31-го іюля. Съ ними было королевскихъ дворянъ 16 человѣкъ да 2 ксендза, посольскихъ и дворянскихъ людей 295 человѣкъ. 2-го августа послы выѣхали изъ Смоленска. Лл. 75, 94—95, 106.

стіанская неотволочнаго требуетъ пособствія. Если только великіе достатки государства своего на защищеніе всего христіанства поволити изволите, на ту вашего царскаго величества храбрость, все что ни есть подъ именемъ христіанскихъ князей, королей и монарховъ взираютъ, прилежно дожидаяся, дабы имъ ваше царское величество обѣщаніемъ своимъ войны святой подалъ извѣщеніе. Къ чему, если постоянно приложитися изволите, если съ толико великою охотою къ чинамъ воинскимъ, которую охоту до нынѣ въ сердцѣ своемъ содержаще всему міру объявить изволите, не только тѣмъ толико великихъ предковъ своихъ величіемъ славы своея превзыдете, но такожъ на вѣки вѣчные воспоминаніе о себѣ наслѣдникамъ своимъ благодарнымъ оставите. Угасите ваше царское величество тотъ воинскій пожаръ, который не только тѣ два превеликіе государства, въ сосѣдствѣ близкомъ и пріятствѣ между собою будущія, поглотити желаетъ, но такожъ примирныя и желательныя всегда народу вашего царскаго величества наияснѣйшаго цесаря христіанскаго государства пожрети хочетъ“ [6]).

Веденіе переговоровъ съ польскими послами было поручено ближнему боярину и намѣстнику Обдорскому Василію Семеновичу Волынскому, думному дворянину и намѣстнику Курмышскому Ивану Аѳанасьевичу Желябужскому и думному дьяку Ларіону Иванову [7]).

Въ первомъ же совѣщаніи, 30-го августа, послы горячо настаивали на томъ, чтобы имъ было объявлено, съ какими порученіями отправили посланниковъ царскаго величества къ султану и Крымскому хану. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что эти посланники были отправлены для переговоровъ о плѣнныхъ; королевское величество посылалъ къ султану Спандовскаго, а къ Крымскому хану Карвовскаго, и бояре и думные люди даже не развѣдывали о порученіяхъ, данныхъ помянутымъ посланцамъ, такъ какъ царское величество надеженъ на королевское величество. Послы этимъ отвѣтомъ не удовольствовались, продолжали настаивать на томъ, чтобы имъ были объявлены наказы, данные русскимъ посланцамъ, и заставили русскихъ уполномоченныхъ доложить объ этомъ великому государю. Исполнивъ это требованіе, думные люди заявили тоже, что уже было ими заявляемо: „И того ни въ которыхъ государствахъ не повелось,

---

[6]) Лл. 300—301.
[7]) Л. 334.

чтобъ посламъ пріѣхать досматривать грамотъ государскихъ и наказовъ" [8]).

Когда приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, оказалось невозможнымъ примирить требованія той и другой стороны. Послы настаивали на необходимости вести войну наступательную, требовали помощь деньгами и ратными людьми. Русскіе уполномоченные заявляли, что царское величество соизволяетъ послать войско на Крымскаго хана и отправить ратныхъ людей на помощь королевскому величеству, если онъ предприметъ походъ въ Волосскую землю. Сначала думные люди предложили на помощь королевскому величеству 3,000, а затѣмъ 5,000 человѣкъ. Послы просили со стороны царскаго величества помощи войскомъ въ 40,000 человѣкъ, затѣмъ въ 20,000 человѣкъ; со стороны же королевскаго величества объявляли всего только 3,000 человѣкъ [9]). Въ безплодныхъ спорахъ прошло девять совѣщаній [10]) и 20-го сентября послы были на отпускѣ [11]).

Еще во время пребыванія русскихъ пословъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 года до короля дошли слухи о переговорахъ московскаго правительства съ султаномъ, и тогда же сенаторы обратились къ посламъ съ запросами о цѣли этихъ переговоровъ. Еще настоятельнѣе были запросы о томъ же польскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Москвѣ въ августѣ и сентябрѣ 1680 года. Именно въ это время для окончанія переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и султа-

---

[8]) Лл. 334—358.

[9]) Лл. 380—381, 427, 472, 462, 465, 501, 565.

[10]) Августа 30, 31; сентября 2, 4, 7, 13, 16, 17 и 19.

[11]) Л. 568. 29-го сентября послы выѣхали изъ Москвы, л. 666. 11-го сентября (1680 г.) послы, по принятіи съ почты присланныхъ на ихъ имя бумагъ, говорили стольнику Семену Алмазову и дьяку Василію Постникову: „*У салтана жъ де замыслъ, чтобъ волохъ и мултянъ изъ земли ихъ всѣхъ вывесть. А въ ихъ бы мѣсто населить и жить туркомъ, чтобъ на сей странѣ Дуная во всѣхъ мѣстехъ насажены были турки*, а имя бъ христіанское нигдѣ не помянулось. И для того изъ Волосской земли къ королевскому величеству польскому присыланы были знатные люди, чтобъ имъ указалъ королевское величество въ своемъ государствѣ для поселенія дать мѣсто. И молятъ Господа Бога, дабы, по своей неизреченной милости, благословилъ великихъ государей, царское величество и королевское величество, между ихъ крѣпкимъ союзомъ. А они волохи и мултяне къ тому союзу пристать готовы" (л. 484). Monuments etc. *Theiner*, p. 211—212, № CLXIX, письмо Томицкаго къ нунцію, изъ Можайска, 12-го октября, 1680 года— „dux magnus, mihi expeditione 30 Septembris data, iisdem fere vestigiis ad regem serenissimum remque publicam nostram legatos suos submittit, qui utinam optatum christiano orbi hoc tandem alioquando terminent opus".

номъ были отправлены въ Крымъ стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ [12]). Московское правительство имѣло основаніе ожидать благопріятнаго окончанія этихъ переговоровъ, желало, какъ можно предполагать, не союза съ Польшею, а заключенія мирнаго договора съ Турціей. Но въ то же самое время оно считало необходимымъ продолжать переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ противъ Турціи. Польскій король могъ помѣшать этимъ переговорамъ, могъ предложить свои услуги Турціи, а не то—сообщить свѣдѣнія, которыя повредили бы интересамъ Московскаго государства. Политическіе расчеты требовали принятія мѣръ къ тому, чтобы не допустить короля ко вмѣшательству въ отношенія Московскаго государства къ Крымскому хану и султану. Необходимо было также, по возможности, обстоятельно и заблаговременно узнать о томъ, что предприметъ Рѣчь Посполитая по полученіи извѣстія о договорѣ Московскаго государства съ Турціей.

Три мѣсяца спустя послѣ того, какъ польскіе послы оставили Москву, а именно въ декабрѣ 1680 года, велѣно было ѣхать въ Польшу думному дворянину Ивану Аѳанасьевичу Желябужскому и дьяку Семену Протопопову. 23-го октября они были на отпускѣ, а 7-го января выѣхали изъ Москвы [13]).

Въ первомъ же совѣщаніи, 23-го февраля 1681 года, сенаторы обратились къ посламъ съ просьбой объявить имъ, заключилъ ли великій государь миръ съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, о чемъ дошли извѣстія до королевскаго величества. Послы завѣряли, что отъ великаго государя къ султану и Крымскому хану „пословъ не посылано о договорѣ и вѣчнаго миру не учинено“ [14]). Затѣмъ приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, и въ нихъ самымъ спор-

---

[12]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., XIII, по изд. 1863 г., стр. 288.

[13]) Кн. № 202, лл. 1 и 3. Въ кн. № 201, лл. 26—28. 1680 г. декабря 20, царская грамота гетману съ извѣщеніемъ объ отправленіи въ Польшу пословъ. „На отпуску той великаго государя грамоты помѣта думнаго дьяка Ларіона Иванова: 189 года декабря въ 17 день великій государь, слушавъ сей грамоты въ комнатѣ и совѣтуя съ святѣйшимъ патріархомъ и говоря съ своими государевыми ближними бояры, указалъ отпускать, да и въ Польшу послать пословъ не мѣшкавъ, чтобъ они поспѣшили къ сейму“. Съ Желябужскимъ были посланы: 1 дворянинъ, 5 человѣкъ „изъ житья“; переводчикъ польскаго и латинскаго языковъ Иванъ Тяжкогорскій и 4 подъячихъ (л. 80 и сл.).

[14]) Кн. № 202, л. 59. Стат. списокъ Ивана Желябужскаго и Семена Протопопова. Monuments, *Theiner*, p. 215, № CLXXIV. „Primus congressus fuit die 5 Martii 1681“.

нымъ являлся вопросъ о числѣ войска съ той и другой стороны. Послы русскіе, по обыкновенію, начинали съ предложенія условій, менѣе выгодныхъ, и затѣмъ, уступая запросамъ польскихъ уполномоченныхъ, измѣняли эти условія къ выгодѣ Рѣчи Посполитой, хотя представителямъ ея всѣ предлагаемыя съ русской стороны измѣненія по бо́льшей части казались ничтожными.

Въ совѣщаніи 28-го февраля послы предложили, чтобы со стороны царскаго величества было отправлено на помощь королевскому величеству 10,000 человѣкъ пѣхоты, съ его же стороны должно быть отправлено на помощь царскому величеству 9,000 человѣкъ конницы. Это предложеніе сенаторы называли непристойнымъ. Королевское величество, говорили они, согласенъ выставить 60,000 войско и столько же должно быть и со стороны царскаго величества; для похода русскихъ въ Крымъ король даетъ въ помощь великому государю отрядъ въ 2,000 человѣкъ. Русскіе уполномоченные замѣтили, что польскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, просили со стороны царскаго величества всего только 20,000 человѣкъ. То, отвѣчали сенаторы,—послы предлагали сами собою. На это русскіе уполномоченные возразили: „Всякой посолъ повиненъ указъ государя своего исполнять, что ему будетъ наказано, а не по волѣ своей чинить“ [15]).

Относительно числа ратныхъ людей, которые должны быть выставлены каждымъ союзникомъ, русскіе уполномоченные въ шестомъ совѣщаніи, происходившемъ 7 марта, предложили со стороны царскаго величества 20,000 человѣкъ со стороны королевскаго величества—10,000 чел. конницы „для крымскаго промысла [16]). Это предложеніе тоже не было принято и въ совѣщаніи 11-го марта сенаторы объявили посламъ о томъ, что они получаютъ отпускъ. Тогда послы всѣми мѣрами домогались, чтобы королевское величество дозволилъ имъ отправить къ великому государю отписку. Объ этомъ доложили королю, и онъ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы они пребывали въ Варшавѣ до полученія царской грамоты, хотя сенаторы и были убѣждены въ томъ, что послы испрашивали время на полученіе царской грамоты только для того, чтобы затянуть переговоры [17]), и едва ли это убѣжденіе было неосновательно. Московское правительство могло желать замедленія перего-

---

[15]) Кн. № 202, лл. 70—91. *Theiner*, p. 217.

[16]) Кн. № 202, лл. 115—130. *Theiner*, p. 218: „Congressus sextus die 17 Martii“. „Itaque legati Moschovitici post longas contestationes obtulerunt 20,000 peditum; sub conditione tamen, quod respublica ipsis det 10,000 equitum“.

[17]) Кн. № 202, лл. 140—157.

воровъ съ польскими уполномоченными относительно союза съ цѣлью выждать окончаніе переговоровъ съ Турціей. Тогда только могли выясниться требованія, которыми необходимо было руководствоваться въ отношеніяхъ къ Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ заключенія договора съ Турціей, отъ союза съ Польшей, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время необходимо было уклониться; въ случаѣ продолженія войны съ Турціей, можно было предложить Рѣчи Посполитой условія болѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, которыя были предложены.

Въ совѣщаніи 7-го апрѣля сенаторы обратились къ посламъ съ предложеніемъ объявить послѣднія условія. Послы отвѣчали: все, что имъ велѣно было объявить по наказу, ими объявлено; замедленіе же въ переговорахъ чинится не отъ нихъ, а отъ королевскаго величества, такъ какъ, по его приказанію, задержали посыльщика, отправленнаго съ отпискою къ великому государю. Имъ объявили, что посыльщикъ ихъ отпущенъ.

Черезъ два дня послѣ описаннаго совѣщанія послы отправили переводчика Тяжкогорскаго для провѣдыванія вѣстей къ цесарскому резиденту, и онъ сообщилъ довольно важныя новости: Турція готовится къ новой войнѣ, а между тѣмъ приходятъ вѣсти о заключеніи мира съ Россіей. „И того де поляки", говорилъ резидентъ,— „зѣло опасны, чтобы за тѣмъ миромъ не пришелъ на нихъ тотъ непріятель войною". Сеймъ не кончится за тѣми трудностями, что въ корунѣ и въ Литвѣ войску быть противъ непріятеля числа подлиннаго не положено, и на то войско какимъ поборамъ быть и откуда того не постановлено [18]).

Вѣроятно вѣсти о заключеніи московскимъ правительствомъ мира съ Турціей и опасенія, о которыхъ сообщалъ цесарскій резидентъ, заставили короля прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, съ цѣлью склонить сеймъ къ признанію союза съ Россіей. 1-го мая къ посламъ нашимъ пріѣзжалъ приставъ Гавріилъ Черкесъ, который, по приказанію короля, сообщилъ имъ въ тайнѣ: „Завтрашняго де числа его королевское величество станетъ засѣдать съ сенаторами и съ повѣтовыми послами въ сеймовой посольской избѣ для рады государственной и ихъ посольскаго дѣла. И вѣдомо де его королевскому величеству учинилось, что нѣкоторые изъ сенаторей особы, хотя тому доброначатому дѣлу помѣшку учинить, сеймъ хотятъ разорвать и, не дождався на ихъ посольскую обсылку отъ царскаго

[18]) Кн. № 202, лл. 180—193.

величества указу изъ Варшавы разъѣхаться хотятъ для того, что въ томъ дѣлѣ многіе королевскому величеству не довѣриваютъ, чтобъ съ царскимъ величествомъ королевское величество, учиня тотъ союзъ, ихъ польскія вольности не отнялъ и подъ свое сомодержавство не привелъ. И чтобъ они царскаго величества послы завтрашняго числа, какъ королевское величество засядетъ въ сеймовой избѣ, прислали отъ себя королевскаго величества на дворъ переводчика и велѣли бъ, вызвавъ изъ сенаторской избы, гетману Литовскому Михаилу Пацу или корунному Польскому гетману, воеводѣ Русскому Яблоновскому говорить, что будто имъ посламъ вѣдомость такая есть: что царское величество указалъ имъ посламъ о томъ союзѣ при его королевскомъ величествѣ договоръ учинить и подтвердить. И тотъ царскаго величества указъ съ Москвы къ нимъ посламъ уже посланъ, и нынѣ въ дорогѣ, и чаютъ, что придетъ тотъ указъ къ нимъ посламъ вскорѣ. И они де гетманы тое ихъ посольскую присылку въ то жъ время въ сеймовой избѣ объявятъ королевскому величеству и Рѣчи Посполитой. И чаетъ де королевское величество, что тою ихъ посольскою присылкою сеймъ удержится и, слыша Рѣчь Посполитая такой ихъ посольскій къ нимъ приказъ, того сейму разрывать никто не будетъ, а станутъ ожидать отъ царскаго величества къ нимъ посламъ посланнаго указу" [19]).

На это предложеніе короля послы не изъявили согласія. 4-го мая приставъ Черкесъ объявилъ посламъ о томъ, что король получилъ вѣрное извѣщеніе о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Послы на это заявили, что они никакихъ вѣдомостей изъ Москвы не имѣютъ.

Не смотря однако на полученное королемъ важное извѣстіе, онъ желалъ провести на засѣданіяхъ сейма, происходившихъ въ маѣ мѣсяцѣ, предложеніе о начатіи войны съ Турціей. Все, какъ сообщилъ посламъ приставъ Черкесъ, было подготовлено на сеймѣ для рѣшенія вопроса относительно войны, но „по наученію не желающихъ Рѣчи Посполитой добра нѣкоторыхъ особъ изъ воеводства Познанскаго", посолъ шляхтичь Янъ Пріемскій вышелъ изъ сеймовой избы, „и тѣмъ своимъ непозволеніемъ сеймъ остановилъ". Король послалъ епископа Познанскаго уговаривать Пріемскаго не разрывать сейма и прійдти въ сеймовую избу, но епископъ уже не засталъ его дома: Пріемскій уѣхалъ къ себѣ въ воеводство. Ходили слухи,

[19]) Лл. 194—195.

что онъ и его единомышленники подвергнутся суду. Главнымъ же виновникомъ неудачнаго окончанія сейма считали гетмана Литовскаго Михаила Паца, а онъ дѣйствовалъ по замыслу курфирста Бранденбургскаго [20]).

27-го мая сенаторы объявили посламъ: хотя сеймъ и не сдѣлалъ окончательнаго постановленія относительно войны съ Турціей, все же вопросъ о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и они сенаторы отъ тѣхъ предложеній, которыя были заявлены посламъ, не отступаютъ.

На слѣдующій день послы получили наконецъ царскія грамоты. Посламъ велѣно было объявить о договорѣ съ Турціей, просить объ отпускѣ, а на послѣднія предложенія сенаторовъ относительно союза заявить о томъ, что имъ будетъ данъ отвѣтъ впослѣдствіи. Предписывалось вести съ сенаторами „пространные и пристойные любовные разговоры", чтобы „впредь множилась дружба и любовь", но содержаніе этихъ любовныхъ разговоровъ запрещалось излагать письменно [21]).

30-го мая послы исполнили вновь полученныя ими предписанія. Выслушавъ заявленія ихъ, сенаторы говорили: „Свидѣтельствуются они Господомъ Богомъ и разсудитъ то весь свѣтъ, что къ тому доброму и всему христіанству потребному дѣлу королевскаго величества и Рѣчи Посполитой радѣніе и охота была и желали того вседушно, чтобъ съ его царскимъ величествомъ, союзъ учиня, итти противъ того непріятеля вообще всѣмъ христіанамъ на оборону. И имѣючи въ томъ на царское величество надежду королевское величество и Рѣчь Посполитая и ко окрестнымъ государямъ то святое дѣло огласили. А нынѣ видятъ они, что конечное къ тому доброму дѣлу неизволеніе его царскаго величества и нынѣшнее ихъ посольство не ко оборонѣ христіанской, къ пущему разоренію его королевскаго величества государству приводитъ. И гдѣ бы на свѣтѣ такой христіанской поступокъ явился, какъ съ стороны царскаго величества учинено: отпустя посланниковъ для договору о миру къ хану, а ихъ пословъ изволилъ царское величество прислать къ королевскому величеству противъ того жъ непріятеля о союзѣ и о наступленіи на него договоръ чинить. И розглаша то дѣло всему свѣту и непріятелю ихъ то святое и всему христіанству потребное дѣло оставя и

[20]) Лл. 198—208.

[21]) Лл. 213 и слѣд.

приведчи ихъ тѣмъ розголошеніемъ непріятелю въ самую злобу и ссору, учинили съ тѣмъ непріятелемъ перемирье, который отъ своей злобы и отъ розголошенія того союзу государству его королевскаго величества починитъ великое раззореніе и инымъ государствамъ многое утѣсненіе. Такъ же де и царскаго величества государству въ томъ перемирьѣ покой и прибыль малая будетъ, и то разсудитъ Богъ, кто будетъ къ пролитію той христіанской крови причиною [22])".

На это послы отвѣчали, что перемирье учинено „для свободы страждущихъ въ неволѣ православныхъ христіанъ"...

Не смотря на горькія жалобы поляковъ, послы были отпущены 2-го іюня „по прежнему посольскому обычаю съ любовью [23])". Съѣздъ коммиссіи для договора съ Рѣчью Посполитою, назначенный въ 1681 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, былъ отложенъ [24]).

Желябужскому и Протопопову, во время долгаго пребыванія ихъ въ Варшавѣ, также какъ и другимъ русскимъ посламъ XVII вѣка, представился случай собрать нѣкоторыя, не лишенныя политическаго значенія, свѣдѣнія отъ лицъ постороннихъ, не принимавшихъ непосредственнаго участія въ дипломатическихъ переговорахъ. Варшава во второй половинѣ XVII вѣка была центромъ оживленныхъ политическихъ сношеній. Отношенія Польши и Россіи къ Турціи обращали на себя вниманіе и цесаря, и папы, и Французскаго короля. За этими отношеніями слѣдили съ живѣйшимъ вниманіемъ и въ Малой Россіи, и въ Венгріи, и въ земляхъ, подвластныхъ Турціи.

24-го февраля 1681 г. приходилъ къ посламъ Волосскаго господаря посланецъ Константинъ Козловскій и говорилъ: Посланъ онъ къ королевскому величеству просить его объ избавленіи отъ ига бусурманскаго. Они Волошане надѣются на союзъ королевскаго величества съ царскимъ величествомъ. „А если де королевское величество станетъ ихъ обнадеживать своими войсками безъ слученія царскаго величества войскъ, и они де на одного королевскаго величества въ оборонѣ надежности имѣть не будутъ. А буде изволитъ великій государь его царское величество прислать къ нимъ войска своего хотя 10,000 человѣкъ, и они де волошане при тѣхъ царскаго величества войскахъ и сами стоять учнутъ противъ того непріятеля крѣпко и надежны будутъ, и никогда бъ де бусурмана

---

[22]) Кн. № 201, лл. 240 и 241.
[23]) Лл. 245—247.
[24]) Кн. № 203, лл. 1—2.

за Дунай не перепустили; также де и мултяне, и сербы отъ нихъ волоховъ не отстали. А чаялъ бы де онъ, что и Седмиградская земля турку была не прочна и нынѣ де она всегда бунтуетъ". „А они де волошане хотя и множественныя царскаго величества войска прокормить у себя могутъ и всякими запасами удовольствовать. И радостно бъ имъ то было, что удовольствовать христіанъ, нежели бусурманъ. А какъ де бусурманскія войска ходятъ противъ царскаго величества войскъ, и они де тѣмъ войскамъ всякое удовольствованіе чинятъ же. А за милосердіемъ Божіимъ еще они запасами не скудны и скотомъ животиннымъ довольны.

„И по сю де сторону Дуная въ Волосской землѣ турскихъ войскъ, опричь Каменца Подольского, нигдѣ нѣтъ. А въ Каменцѣ де Подольскомъ только осадныхъ людей тысячь съ шесть. Да и за Дунаемъ де нигдѣ сбору войскамъ турскимъ нѣтъ же, и нынѣшняго де году къ Кіеву турскимъ войскамъ приходу не будетъ". Упомянувъ затѣмъ о переговорахъ султана съ царскимъ величествомъ, Козловскій продолжалъ: „А мысль де ихъ бусурманская, чтобъ помирясь съ царскимъ величествомъ овладѣть Польшею... Да и къ царскому де величеству владѣтель ихъ и Волосской земли жители хотѣли послать отъ себя съ тѣмъ же, съ чѣмъ и онъ присланъ къ королевскому величеству. Только де къ Кіеву проѣздъ труденъ и берегутъ накрѣпко. И Хмельниченко де того стережетъ крѣпко жъ, чтобъ кто съ письмами какими не проѣхалъ. И въ Польшу де владѣтель ихъ послалъ его тайнымъ обычаемъ, только де въ Польшу проѣхать свободнѣе. „А вѣрѣ де ихъ христіанской и церквамъ благочестивымъ отъ бусурманъ конечное утѣсненіе. И опасеніе де турки великое имѣютъ отъ царскаго величества, потому что христіане, подъ туркомъ живущіе, всѣ того ожидаютъ, чтобъ царскаго величества войска въ ихъ землю вступили, и христіане бъ всѣ отъ турокъ отступили и приключились къ войскамъ царскаго величества" [25]).

Съ тѣми же русскими послами, съ которыми посланецъ Волошскаго господаря говорилъ о великихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на царское величество христіанскими народами, живущими подъ игомъ турецкимъ, велъ разговоръ о союзѣ противъ Турціи и папскій легатъ Опицій Поллавитинъ. Пріѣхавъ къ посламъ 9-го марта, онъ сталъ уговаривать ихъ, чтобъ они „для славы" великаго государя не

---

[25]) № 202, лл. 63—65.

разстроивали бы столь добраго дѣла, какъ заключеніе союза противъ Турціи. Легатъ обѣщалъ приводить и королевское величество, и Рѣчь Посполитую къ святому союзу. „А будетъ де", говорилъ онъ,—„у царскаго величества то доброе дѣло съ королевскимъ величествомъ учинится, и папа де его королевскому величеству помощь хотя не людьми, ино денежною казною спомоществуетъ, такъ же и иные государи помощь за промысломъ и радѣніемъ папежскимъ учинятъ же" [26]).

Послѣ заключенія московскимъ правительствомъ договора съ Турціей, казалось, должны были прекратиться и переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ. А между тѣмъ они не прекращались. Кромѣ политическихъ событій, которыя имѣли прямое вліяніе на эти переговоры, на нихъ оказывали также не малое вліяніе и отдаленныя отъ Восточкой Европы событія западно-европейскія, отношенія Французскаго короля къ цесарю и его отношенія къ султану.

Въ 1681 г., ноября 12-го, голова московскихъ стрѣльцовъ Елизарій Жуковъ вмѣстѣ съ переводчикомъ ѣздили за Днѣпръ по Смоленской дорогѣ встрѣчать польскаго посланника Станислава Невѣстинскаго, съ которымъ было 6 человѣкъ дворянъ да 44 человѣка прислуги. Посланные къ нему на встрѣчу спрашивали: для какихъ дѣлъ онъ пріѣхалъ? и услышали слѣдующій отвѣтъ: пріѣхалъ онъ съ королевскою грамотою и въ отвѣтѣ де ему быть велѣно, и крестъ поцѣловать, а королевское величество договорныя статьи у него приметъ. „Султанъ де Турской воюетъ цесаря Римского и впредь многими полками султанъ Турской на цесаря Римского готовится. А венгры де, которые подъ цесаревымъ владѣніемъ, на цесаря бунтъ подняли. И султановою де помощію они венгры его жъ цесаря воюютъ. А хочетъ де султанъ, чтобы цесарь, убоявся той войны цесарской, свой вѣнецъ отдалъ Французскому королю. А буде не отдастъ, и онъ де государство его хочетъ разорить [27]). 29-го ноября посолъ былъ на пріѣздѣ, а на слѣдующій день великій государь указалъ ему быть въ посольскомъ приказѣ на совѣщаніи съ окольничимъ и намѣстникомъ каргопольскимъ Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ и думнымъ дьякомъ Ларіономъ Ивановичемъ Ивановымъ. Въ первомъ же совѣщаніи 30-го ноября посолъ объявилъ, что королевское величество призываетъ и проситъ царское величество приступить къ союзу и

[26]) Кн. № 202, л. 137.
[27]) Кн. № 204, лл. 732—734.

начать войну, „на которую и главу свою его королевское величество несетъ, и всѣ войска свои коронныя и литовскія и посполитое рушенье собираетъ, и желаетъ, чтобы то дѣло могло нынѣ принять подлинное совершеніе“ [28]).

Во второмъ совѣщаніи, 2-го декабря, посолъ объявилъ новые способы къ слученію: 1) королевское величество желаетъ получить отъ царскаго величества помощь въ 18,000 человѣкъ пѣхоты и въ 2,000 человѣкъ конницы; 2) войскамъ царскимъ воевать не только въ полѣ, но чинить воинскій промыселъ и ко взятію городовъ; 3) чтобы войска царскаго величества помогали войскамъ королевскаго величества взять Каменецъ. Для промысла крымскаго королевское величество предлагаетъ въ помощь царскому величеству 5,000 человѣкъ. „Королевское величество“, говорилъ посолъ,—„писалъ ко всѣмъ христіанскимъ государямъ о помощи, но болѣе всего надѣется онъ на царское величество“.

На эти заявленія русскіе уполномоченные въ третьемъ совѣщаніи дали такой отвѣтъ: „Великому государю вашему его королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой вѣдомо подлинно, съ какимъ истиннымъ намѣреніемъ“ царь Алексѣй Михайловичъ желалъ союза съ королемъ. Но Рѣчь Посполитая упустила случай къ заключенію этого союза. Нынѣ великій государь его царское величество желаетъ содержать съ королевскимъ величествомъ дружбу и любовь; но къ союзу можетъ приступить только тогда, когда король отвратитъ Французскаго короля отъ войны съ цесаремъ. „А если государь вашъ его королевское величество того учинить не изволитъ, чтобъ Французскаго короля отъ войны цесарской отвратить, и христіанскихъ государей слученіе будетъ не надежно“. Этотъ отвѣтъ не только не возбудилъ никакихъ горькихъ жалобъ со стороны польскаго посла, но былъ принятъ даже сочувственно. „Такимъ де отвѣтомъ“, говорилъ онъ,—„государь его королевское величество и Рѣчь Посполитая довольствуются, что великій государь его царское величество братскую дружбу и любовь съ его королевскимъ величествомъ содержать изволяетъ и о слученіи „силъ въ надеждѣ оставляетъ ко удобному времени, а совершенно не отступаетъ. И по тому его великаго государя его царскаго величества намѣренію разумѣетъ онъ, что еще милосердіе Божіе надъ христіаны есть, и любовь въ сердцахъ у христіанскихъ государей ко общему христіанскому добру

[28]) Кн. № 204, лл. 734, 780—781, 786.

не угасаетъ. Подай той же Всемогущій Господь Богъ и впредь ту жъ свою милость, чтобъ у христіанскихъ государей любовь ко общему христіанскому добру множилась, а пачежъ у государя его у королевскаго величества съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ, чтобъ бусурманъ съ той государей христіанскихъ любви страхъ имѣлъ, а не о безсовѣтіи ихъ радовался".

Послу объявили, что великій государь его пожаловалъ „для братской къ королевскому величеству дружбы и любви указалъ своего царскаго величества жалованья давать ему посланнику по 80 р. на недѣлю, съ многою прибавкою передъ иными его королевскаго величества посланниками".

Когда посолъ въ четвертомъ совѣщаніи, 12-го декабря, заговорилъ о заключеніи вѣчнаго мира, отвѣчали, что вопросъ объ этомъ отложенъ до имѣющей быть пограничной коммиссіи.

13-го декабря Невѣстинскій былъ на отпускѣ [1]).

Какъ видно изъ отвѣта русскихъ уполномоченныхъ Невѣстинскому, московское правительство высказывало сочувствіе предложеніямъ о союзѣ противъ Турціи, но считало этотъ союзъ осуществимымъ только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Московскимъ государемъ и королемъ Польскимъ будетъ участвовать въ этомъ союзѣ и цесарь. Союзнической помощи одной Рѣчи Посполитой Московское государство имѣло основаніе придавать весьма мало значенія. Явнымъ доказательствомъ безсилія Польши служилъ Журавинскій договоръ. Въ то время, когда война съ Турціей возбуждала въ московскомъ правительствѣ тревожныя и основательныя опасенія, польскіе уполномоченные вынудили его къ заключенію невыгоднаго договора 1678 года. Вскорѣ послѣ этого договора въ отношеніяхъ Рѣчи Посполитой къ Московскому государству совершается перемѣна, вызванная новыми политическими событіями на западѣ Европы. Польскій король убѣждается въ ошибочности своихъ расчетовъ на Французскаго короля и начинаетъ дѣятельно стремиться къ заключенію союза съ Московскимъ государствомъ. Но оно, какъ мы видѣли, не могло принять предложеній короля, такъ какъ онѣ не представляли никакихъ существенныхъ выгодъ. На военныя силы и средства Рѣчи Посполитой въ концѣ XVII вѣка нельзя было расчитывать, и крайнее недовѣріе къ ней со стороны московскаго правительства служитъ только доказательствомъ его политической дальновидности и трезвости, его умѣнья сохранять и

[1]) Лл. 793—808, 818, 819, 823, 838. *Theiner*, pp. 229—234, № CLXXXI.

ограждать интересы своего государства, не соблазняясь никакими заманчивыми обѣщаніями. Оно не расчитывало на чужую помощь, отъ которой ея ближайшій и безпокойный сосѣдъ ожидалъ если не спасенія, то по крайней мѣрѣ выхода изъ тягостнаго политическаго положенія. Но эта помощь не являлась. Сказывался роковой законъ исторіи, въ силу котораго народъ, заявлявшій притязаніе на самостоятельную жизнь государственную, долженъ располагать и необходимыми для таковой самостоятельности и духовными, и матеріальными средствами. Расчеты и надежды Рѣчи Посполитой на чужую помощь въ концѣ XVII вѣка напоминаютъ имъ же подобные расчеты и надежды въ XVIII вѣкъ и въ историческихъ судьбахъ являются знаменательнымъ предвѣстіемъ ея упадка и немощи.

Е. Замысловскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова.* Книга V. С.-Пб. 1888.

Любитель русской исторіи не можетъ не порадоваться появленію новаго тома труда А. П. Барсукова, первыми своими выпусками уже стяжавшаго вполнѣ заслуженную извѣстность. Трудъ этотъ, даже въ литературахъ болѣе богатыхъ историческими монографіями, чѣмъ наша, долженъ былъ бы остановить на себѣ вниманіе,—тѣмъ болѣе онъ важенъ для насъ. Удачный выборъ предмета, ибо родъ Шереметевыхъ въ тотъ періодъ, который обнимаютъ появившіеся томы, имѣетъ выдающееся значеніе въ русской исторіи, изслѣдовательность, стремящаяся ознакомиться со всѣми источниками, нужными для полнаго освѣщенія предмета, изложеніе ясное, живое, значительное умѣнье сохранить историческую перспективу, выставляя вполнѣ тѣ событія, въ которыхъ принимаетъ участіе Шереметевъ, а на другіе только указывая по мѣрѣ нужды въ нихъ для объясненія первыхъ,—вотъ выдающіяся черты сочиненія А. П. Барсукова, объясняющія возбужденный имъ интересъ и опредѣляющія его прочное мѣсто въ русской исторіографіи. Конечно, ни одинъ будущій изслѣдователь и повѣствователь не можетъ уже обойдтись безъ изученія этого замѣчательнаго труда. Пятый томъ разбираемаго сочиненія заключаетъ въ себѣ дѣятельность Василія Петровича Шереметева отъ времени назначенія его воеводою въ Кіевъ до плѣна подъ Чудновымъ. За исключеніемъ немногихъ страницъ, авторъ излагаетъ событія, совершавшіяся въ Малой Россіи въ знаменательную пору, послѣдовавшую за смертью Богдана Хмельницкаго. Кромѣ не особенно обстоятельныхъ, устарѣ-

лыхъ и не всегда критическихъ исторій Малой Россіи (Бантышъ-Каменскаго и Маркевича), время это описано въ „Исторіи Россіи“ Соловьева и въ монографіяхъ Костомарова: „Гетманство Выговскаго“ и „Гетманство Юрія Хмѣльницкаго“. Въ громадномъ трудѣ Соловьева нельзя искать подробнаго монографическаго изложенія, монографіи Костомарова отличаются обычными достоинствами и недостатками его изложенія и, конечно, не могутъ руководить къ вѣрному пониманію событій; а между тѣмъ пора эта, пора перваго сближенія между Великою и Малою Россіей, представляетъ собою высокій интересъ. Время Богдана, которое занимаетъ видное мѣсто въ изложеніи нашего автора, въ его четвертомъ томѣ, занято, главнымъ образомъ, военными дѣйствіями, а здѣсь завязываются уже другіе вопросы: здѣсь уясняется для московскаго правительства составъ общества Малой Россіи, какъ-то отношенія между казаками зажиточными и голытьбой, значеніе городовъ; здѣсь является вопросъ о московскихъ воеводахъ въ городахъ малорусскихъ. Въ изложеніи Костомарова, конечно, выходятъ на первый планъ недостатки тогдашняго правящаго слоя въ Московскомъ государствѣ и забывается многое существенное. Костомаровъ, хотя и пользуется источниками московскихъ архивовъ, но нерѣдко становится прямо на точку зрѣнія тогдашнихъ малороссовъ; взглядъ Соловьева и яснѣе и выше, но историкъ не могъ давать подробностей и вникать во всѣ источники. Вообще для нашихъ историковъ только еще наступаетъ та пора, которую пророчилъ Максимовичъ, когда съ высотъ кіевскихъ можно будетъ смотрѣть и на Москву, и на Украйну. Добросовѣстные и подробные труды, въ родѣ разсматриваемаго, сильно приближаютъ наступленіе этой поры.

Каждый новый томъ сочиненія А. П. Барсукова служитъ доказательствомъ его постояннаго внимательнаго отношенія къ источникамъ. Сравнивая его изложеніе съ изложеніемъ Соловьева и Костомарова, мы видимъ, что онъ пользуется гораздо бо̀льшимъ числомъ источниковъ, чѣмъ не только первый — что̀ само собою ясно — но даже чѣмъ и второй, посвятившій этому времени двѣ монографіи. Г. Барсуковъ представляетъ гораздо болѣе свидѣтельствъ польскихъ; между прочимъ, онъ пользуется трудами Потоцкаго, свидѣтеля очень интереснаго, ибо въ бытность свою въ Москвѣ онъ успѣлъ ознакомиться и съ людьми, и съ положеніемъ дѣла, а въ русской исторіографіи сочиненія его почти неизвѣстны; дневникъ Даревскаго, сообщенный графу С. Д. Шереметеву изъ Рима отцемъ Мартыновымъ,

далъ нашему автору много любопытныхъ свѣдѣній. Въ выборѣ иностранныхъ свидѣтельствъ автору помогалъ г. Фетерлейнъ, первый современный знатокъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи. Это сотрудничество служитъ, конечно, ручательствомъ за полноту собраннаго матеріала. Съ русскимъ печатнымъ и архивныхъ матеріаломъ авторъ знакомился лично, а сверхъ того, Г. Ѳ. Карповъ подѣлился съ ними портфелемъ выписокъ, собранныхъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи. Располагая столь обширнымъ матеріаломъ, авторъ могъ передавать тѣ событія, которыя прямо входятъ въ его задачу со всею полнотой; изложеніе его получаетъ такимъ образомъ особенное значеніе. Въ вышедшемъ томѣ болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе главы, посвященныя дѣйствіямъ подъ Чудновымъ; ясное представленіе этого эпизода всецѣло принадлежитъ автору: Соловьеву движенія Шереметева казались запутанными, Костомаровъ останавливается на надменности Шереметева и не видитъ въ немъ достоинствъ полководца; авторъ подробно разкрываетъ и значеніе движеній Шереметева, свидѣтельствующихъ о его большихъ военныхъ талантахъ, и измѣну Юрія Хмѣльницкаго, и бездѣятельность Барятинскаго, принужденнаго обращаться за приказаніями въ Москву. При этомъ нельзя не вспомнить сообщеннаго у Соловьева мнѣнія Ордына-Нащокина: „Во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границѣ бываютъ, даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати съ ними идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно“ (Ист. Росс., XI, 60). Мы выписали это замѣчательное и поучительное мнѣніе, которое могло бы затеряться въ обширномъ трудѣ Соловьева.

Пожелаемъ въ заключеніе г. Барсукову также неуклонно и также подробно вести свой важный для русскаго самознанія трудъ. Поприще, которое предстоитъ ему впереди обширно, матеріала у него достаточно, и можно поручиться что всѣ, кому дорого наше прошлое, будутъ неуклонно и съ любовью слѣдить за его трудомъ. Впереди у него еще конецъ XVII вѣка и начало XVIII столѣтія, когда Шереметевы дѣятельно участвуютъ въ политическихъ дѣлахъ; если въ XVIII и XIX вв. они не являются на страницахъ политической исторіи, то занимаютъ видное мѣсто въ исторіи бытовой: архивъ графовъ Шереметевыхъ поможетъ даровитому автору нарисовать

намъ много сценъ придворной, общественной и вообще частной жизни нашего недалекаго прошлаго.

Изданіе его книги роскошно, что, конечно, нельзя поставить въ вину: это книга монументальная, а не очеркъ мимолетный. Такъ издаются подобныя книги и въ западной Европѣ. Появленіе этой книги радуетъ еще какъ ясное свидѣтельство о томъ, что въ наше время потомки заслуженныхъ предковъ, уже перестаютъ считать

грамоты царей
за пыльный сборъ календарей

и начинаютъ понимать разницу истинныхъ заслугъ отъ временныхъ и случайныхъ отличій. Пушкинъ, конечно, этому порадовался бы. При пятомъ томѣ приложены фотографіи въ современнаго гравированнаго портрета В. Б. Шереметева и снимокъ съ его отписки къ царю.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

М. Урсинъ. Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. Славянофилы. С.-Пб. 1887.

Серьезныхъ книгъ для чтенія, написанныхъ безъ претензій, просто и живо, по нѣкоторымъ вопросамъ у насъ очень мало. Особенно эта бѣдность чувствуется относительно вопроса славянскаго, какъ извѣстно, не обрѣтающагося въ „авантажѣ“ въ текущей литературѣ,—вслѣдствіе чего интересъ къ нему не можетъ удовлетворяться и періодическими изданіями въ той мѣрѣ, какъ другіе интересы, усердно разрабатываемые на страницахъ разныхъ журналовъ. Уже въ виду этого, какъ восполненіе весьма чувствительнаго пробѣла, книга г. Урсина представляетъ несомнѣнно пріятное явленіе. Интересъ къ ней усиливается предметомъ изслѣдованія. Авторъ дѣлаетъ попытку анализировать мистическій патріотизмъ, какъ „всеобщую психическую черту славянскаго племени“, представляющую поэтому наиболѣе, по его мнѣнію, удобный матеріалъ для сравнительныхъ очерковъ. Приступая къ своему труду, онъ руководствовался мыслью, что „указаніе и опредѣленіе характерныхъ особенностей даннаго народа или племени составляетъ благодарнѣйшую задачу для изслѣдователей исторіи и литературы“ (стр. 218). Характерною чертою славянскаго племени авторъ, какъ сказано, считаетъ мистическій патріотизмъ, „заключающійся, по его опредѣленію, въ томъ, что распространившіяся въ теченіе послѣдняго столѣтія національныя стремленія проявились у

насъ въ формѣ мистической вѣры въ особое наше призваніе возродить погрязшій въ сухомъ раціонализмѣ міръ, при чемъ это возрожденіе должно совершиться помощью живою начала чувства, которое у насъ еще сохранилось и продолжаетъ развиваться“ (стр. 5), или, какъ перифразировываетъ авторъ это опредѣленіе въ другомъ мѣстѣ— мессіанизмъ—это „вѣра въ великое будущее народа, основанная не на умственныхъ способностяхъ или культурномъ превосходствѣ племени, но на чувствѣ и происходящей отсюда способности постигать и увлекаться религіозными и общественными идеалами“ (стр. 144).

„Очерки“, по сознанію самого автора, „далеко не исчерпываютъ предмета: затронуты въ нихъ лишь самые выдающіеся факты и лица“: русское славянофильство (преимущественно Хомяковъ); Шевченко Гоголь какъ представители „украинскаго“ мессіанизма, хорватъ Прерадовичъ,—все это изъ 221 страницъ занимаетъ лишь 74 и является такимъ образомъ лишь какъ дополненіе и болѣе яркое освѣщеніе польскаго мессіанизма, на которомъ авторъ и „сосредоточилъ все свое вниманіе“ (стр. 6).

Скажемъ заранѣе, что мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на подробностяхъ содержанія книги г. Урсина. Въ подобныхъ изслѣдованіяхъ важна основа, исходная точка, а не подробности, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ отношеніи „Очерки“ не представляютъ, да и не могутъ представлять ничего новаго, за что, конечно, вовсе нельзя упрекать автора: его книга имѣетъ интересъ какъ попытка сгруппировать извѣстные факты около одного центра, на который до сихъ поръ не обращали надлежащаго вниманія. Именно какъ первая попытка въ этомъ родѣ, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ затрогиваетъ вопросъ несомнѣнно очень интересный, но въ то же время сложный и чрезвычайно мало разработанный: „предварительныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ личностяхъ или проявленіяхъ, входящихъ въ область мессіанизма“ (стр. 219) нѣтъ, или почти нѣтъ. Очевидно, въ такомъ случаѣ необходимо точно опредѣлить самый предметъ изслѣдованія, болѣе или менѣе твердо гарантировать себя отъ возможныхъ недоразумѣній и смѣшеній. Мы видѣли, что въ опредѣленіи предмета своего изслѣдованія авторъ не колеблется (стр. 5, 113, 144), и тѣмъ не менѣе съ первой же страницы чувствуется какое-то существенное недоразумѣніе. Авторъ считаетъ мессіанизмъ „явленіемъ, проходящимъ черезъ весь славянскій міръ, всеобщею психическою чертой славянскаго племени“. Что же? Это черта, исключительно ли свойственная славянамъ? Всегда ли взглядъ на себя, какъ на народъ

избранный, представляетъ мистическій патріотизмъ, или же такой взглядъ можетъ быть и чуждъ мистицизма? Наконецъ, если даже онъ и вытекаетъ изъ чувства, но совпадаетъ съ выводами холоднаго критическаго ума, долженъ ли онъ также быть отнесенъ къ мистицизму, или нѣтъ? Вотъ вопросы, являющіеся съ первой же страницы.

Съ одной стороны, несомнѣнно, не только въ поэзіи, но и во всякомъ произведеніи, отличающемся извѣстнымъ подъемомъ чувства, особенно патріотическаго или религіознаго, могутъ встрѣчаться и встрѣчаются мотивы, близко подходящіе къ тѣмъ, которые авторъ считаетъ мессіаническими; съ другой—нѣтъ ни одного крупнаго историческаго народа, который считалъ бы себя послѣднимъ и не чувствовалъ бы себя призваннымъ къ великой роли, къ великимъ дѣламъ. Великіе историческіе народы не только чувствуютъ себя, но и сознательно выступаютъ въ роли благодѣтелей непремѣнно нуждающагося въ нихъ—по ихъ мнѣнію—человѣчества. Своего рода мессіанизмъ вовсе поэтому не представляетъ собою психической черты, свойственной исключительно славянскому племени, а есть простое самоопредѣленіе народа, чувствующаго себя великимъ. Такое самоопредѣленіе можетъ быть облечено въ стройную теорію, можетъ и обойдтись безъ нея, и какъ естественное слѣдствіе сознанія дѣйствительной силы, дѣйствительнаго величія оно можетъ изумлять лишь народы, вовсе не обладающіе ни тѣмъ, ни другимъ, и на оборотъ, оно является чѣмъ-то совершенно ненормальнымъ, если не гармонируетъ съ окружающею дѣйствительностью. Можно ли—спрашивается—эти разнородныя явленія подводить подъ одну категорію? Никто, конечно, не станетъ спорить, что польскій мессіанизмъ можетъ быть отнесенъ только ко второму разряду. Породило его окончательное паденіе Польши и неудачная попытка возстановить ея самостоятельность, и легко себѣ представить, какъ должна была отразиться въ сердцахъ выдающихся представителей польскаго народа постигшая ихъ родину катастрофа; не трудно понять, что вырвавшійся изъ ихъ груди стонъ долженъ былъ живымъ эхомъ отозваться въ душѣ ихъ соотчичей, надолго выбитыхъ изъ колеи, принужденныхъ искать новыхъ путей для дальнѣйшаго своего развитія. Мессіанизмъ охватываетъ чуть не все польское общество, является временнымъ пристанищемъ народа на его историческомъ распутьи. Не смотря на то, что съ дѣйствительностью онъ имѣетъ связь лишь поразительнаго контраста, польскому сердцу онъ доставляетъ временное облегченіе и успокоеніе отъ жестокой боли. Философія польскаго мессіанизма представляетъ собою бредъ отрѣ-

шившагося отъ дѣйствительности воображенія, совершенно невозможный постулатъ чувства. По сознанію самого г. Урсина, „идеи, проводимыя въ книгахъ польскаго народа и польскаго пилигримства лишены разумнаго основанія"; „о возможности осуществленія въ практикѣ мечтаній творцовъ „Дзядовъ" и „Сенгеллія" не можетъ быть и рѣчи" (стр. 145). Въ восторженномъ, но безумномъ бредѣ польскихъ мессіанистовъ нѣтъ ни одного здороваго мѣста; „мысли, высказанныя ими, лишены реальной подкладки, при малѣйшемъ прикосновеніи критики разлетаются въ пухъ и прахъ" (стр. 145). Пусть созданія ихъ сотканы изъ цвѣтовъ радуги, пересыпаны бриллiантами росы, пусть побужденія ихъ благородны и святы, что̀ жь изъ этого? Въ свободномъ отъ родственной имъ болѣзни сердцѣ они могутъ оставить лишь неудовлетворенность, утомленіе и горечь при мысли, что столько чудныхъ Божіихъ даровъ потрачено столь безплодно и напрасно. Это сознаетъ самъ г. Урсинъ: „Съ Мицкевичемъ и Словацкимъ", говоритъ онъ—„разсуждать и спорить не возможно (а Красинскій—спросимъ мы—развѣ всегда трезвъ и вразумителенъ?),—остается или покориться всепоглощающей силѣ чувствъ перваго и волшебной фантазіи втораго и послѣдовать за ними въ міръ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью, или отвернуться отъ нихъ съ чувствомъ грусти, что столько гигантскихъ силъ потрачено на служеніе безпочвенной, хотя и симпатичной, идеѣ" (стр. 116). Повторяемъ, мы убѣждены, что въ нормальномъ состояніи возможно только послѣднее. И съ этимъ причудливымъ сцѣпленіемъ разстроенныхъ чувствъ и фантастическихъ образовъ, съ этимъ болѣзненнымъ бредомъ сопоставляется стройная и цѣлостная теорія, вытекающая изъ чувства—да,—но провѣренная „добросовѣстнымъ изученіемъ Европы" (стр. 89), глубокимъ напряженіемъ мощной мысли, „вооруженная всѣми доводами науки" (стр. 116), теорія, касающаяся народа независимаго, сильнаго, полнаго вѣры въ свою мощь и силы, „искавшаго только свободы и простора" (стр. 116) и, слѣдуетъ прибавить, имѣющаго полное основаніе вѣрить, что и свобода, и просторъ развитія должны ему открыться. Самъ г. Урсинъ чувствуетъ, что здѣсь что-то неладно. „Какъ ни странно съ виду", говоритъ онъ,—„подводить подъ одинъ уровень горячечный бредъ великихъ польскихъ поэтовъ и ученіе, имѣвшее въ числѣ своихъ послѣдователей даже видныхъ государственныхъ дѣятелей (почему видные государственные дѣятели свободны отъ горячки—это секретъ автора), все-таки, не смотря на значительныя различія сущность и тутъ, и тамъ—та же, тотъ же взглядъ на мистическое призваніе славянства обновить дряхлѣющій міръ" (стр. 115).

Такъ ли это? Древній грекъ или римлянинъ совершенно трезво и сознательно противопоставлялъ себя „варвару“; если остальной міръ и не представлялся ему „дряхлѣющимъ“, то во всякомъ случаѣ, онъ считалъ только себя призваннымъ сѣять въ немъ то сѣмя, которое казалось ему единственно плодотворнымъ. Въ свою очередь для германца, послѣ первоначальнаго дѣтскаго изумленія передъ величіемъ старой культуры Рима, этотъ же Римъ сталъ несомнѣнно дряхлымъ; теперь нѣмцы считаютъ себя совершенно сознательно Kulturträger'ами въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, французы смотрятъ на себя, какъ на la grande nation, англичане — тоже, и врядъ ли во всемъ этомъ играетъ какую-нибудь роль мистицизмъ. Но посмотрѣли на себя, какъ на народъ, призванный къ великимъ подвигамъ, русскіе — и это называютъ мистицизмомъ. Что же противъ такого взгляда можетъ сказать холодный трезвый умъ? Утверждаетъ ли онъ непремѣнно, что мы — народъ послѣдній? И вотъ, съ одной стороны — болѣзненный бредъ народа, поверженнаго въ прахъ не сцѣпленіемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ только — это признаютъ и поляки, народа, выбитаго изъ вѣковой колеи; въ виду дѣйствительно безпримѣрно труднаго настоящаго и неопредѣленнаго будущаго онъ создаетъ фантастическія теоріи, находитъ въ нихъ утѣшеніе, успокоеніе и держится ихъ какъ единственнаго якоря спасенія, нисколько не останавливаясь передъ сознаніемъ рѣшительной невозможности ихъ осуществленія. Это ли не самое мрачное, самое безнадежное отчаяніе! Съ другой стороны, свѣтлыя надежды на свѣтлое будущее, положимъ даже—вытекающія изъ чувства, но опирающіяся на реальный непререкаемый фактъ, и намъ говорятъ: „сущность и тутъ, и тамъ—та же!“

Мало этого. Г. Урсинъ находитъ, что относительно этическаго значенія польскій мессіанизмъ далеко оставляетъ за собою русское славянофильство, даже что послѣднее имѣетъ лишь отрицательное значеніе. Если такъ, то для Россіи остается одно изъ двухъ: или, уничтоживъ съ корнемъ славянофильство, ибо оно „лишено нравственной возвышенности“ (стр. 220), ждать, пока кто-нибудь не придумаетъ для нея чего-нибудь подходящаго, или прямо обратиться къ „вѣчной сокровищницѣ высокихъ чувствъ и высокихъ стремленій“ (стр. 221), къ польскому мессіанизму, отражающему „святую жажду правды и добра и пламенную вѣру“ его великихъ представителей. Къ счастью для славянофильства, по крайней мѣрѣ, послѣдній исходъ можетъ быть отвращенъ одною выпиской изъ книги г. Урсина. Сравнивая „Ири-

діона" Красинскаго съ „Неофитами" Шевченка, онъ говоритъ: „У Красинскаго рядомъ съ апотеозомъ страданія, которое есть знакъ благодати Божіей, все слышатся полныя силы воззванія къ борьбѣ противъ всего зла, которое служитъ помѣхой къ осуществленію идеала: пора бросить поэзію словъ и взяться за поэзію дѣлъ; награда вѣнчаетъ только подвиги самоотверженія; дай, о Господи, чтобы мы святыми дѣлами умѣли воскресить себя; трудитесь во имя высшей идеи, хоть бы сердце изсохло въ вашей груди, хоть бы усумнились вы въ людяхъ, отчаялись въ Богѣ—все это чудные"—по мнѣнію г. Урсина—„аккорды, которые составляютъ лучшую часть поэзіи Красинскаго" (стр. 188). Это лучшая часть поэзіи Красинскаго, а Красинскій, по словамъ г. Урсина, „хотя по силѣ генія и уступаетъ Мицкевичу и Словацкому, но проповѣдуемые имъ идеалы поставили его на высотѣ, которой не удалось достигнуть его великимъ противникамъ" (стр. 172), слѣдовательно, это лучшая часть всего польскаго мессіанизма. Сердцемъ изсохнуть, въ Богѣ отчаяться, въ людей извѣриться и при этомъ трудиться во имя высшей идеи (?)!.. Да что же это такое? Намъ говорятъ: это „чудные аккорды", это „сокровищница". Нѣтъ! Это могильные стоны, это гробъ!

Мы нѣсколько вышли изъ первоначально предположенныхъ рамокъ. Что дѣлать! Этого требовала важность затронутаго г. Урсиномъ вопроса. Теперь мы можемъ ограничиться бѣглыми замѣчаніями. Изложеніе славянофильства у автора довольно безпристрастно, легко и понятно; за немногими исключеніями (укажемъ важнѣйшее: авторъ выводитъ славянофильство отъ декабристовъ; конечно, зарожденіе его слѣдуетъ искать гораздо раньше), мы считаемъ его весьма удачнымъ, и вообще 4-я глава книги, по ясности и опредѣленности изложенія, едва ли не лучшая; въ другихъ главахъ не мало лишняго, и изложеніе не вездѣ отличается одинаковыми достоинствами. Нельзя однако никакъ обойдти одного крупнаго промаха: г. Урсинъ утверждаетъ, что славянофильство „обоготворило существующее" (стр. 220), и самъ же онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что „Хомяковъ и Аксаковъ основывали свою вѣру въ Россію на совершенныхъ, по ихъ мнѣнію, началахъ русской исторической жизни" (стр. 173); слѣдовательно, онъ понимаетъ, что рѣчь можетъ быть не о существующемъ, а лишь о его основахъ; къ чему же такое непріятное извращеніе?

Еще одно замѣчаніе: на какомъ основаніи къ мессіанистамъ отнесены Гоголь и Шевченко?

Сильное, но болѣзненное религіозное настроеніе—вотъ характеръ

„Переписки“ Гоголя, и только; гдѣ же тутъ мессіанизмъ? Относительно Шевченка авторъ говоритъ: „Шевченко поэтизировалъ свою грусть, не касаясь животрепещущихъ вопросовъ жизни, и собственно говоря, мессіанизмъ его обнаружился только въ одной поэмѣ—„Неофитахъ“, и то сравнительно слабо“ (стр. 185). Объясняется ли это „малымъ развитіемъ украинскаго пѣвца“, или другими причинами—это особый вопросъ, въ данномъ случаѣ не имѣющій никакого значенія. Въ изданіи „Кобзаря“ 1884 года находимъ такое примѣчаніе къ „Неофитамъ“: „Въ письмѣ къ М. М. Лазаревскому, отъ 21-го января 1858 года, Т. Г. Шевченко сообщилъ, что „Неофиты“ не окончены. Послѣ этого онъ не принимался за нихъ; такъ они и остались не оконченными“. Не доказываетъ ли это, что поэма была плодомъ, если не минутнаго, то во всякомъ случаѣ лишь временнаго, преходящаго настроенія поэта, почему онъ и не чувствовалъ потребности къ ней возвращаться, что, по своимъ мотивамъ рѣзко выдѣляясь изъ ряда стихотвореній Шевченка, она никоимъ образомъ не можетъ быть принимаема за мѣру въ оцѣнкѣ его поэзіи, настроенія и взглядовъ? Не говоримъ уже о томъ, что мессіанизма доискаться въ „Неофитахъ“ врядъ ли можно. На какомъ основаніи относитъ г. Урсинъ Шевченка къ мессіанистамъ, и что̀ еще болѣе удивительно, какимъ образомъ рѣшается онъ, на основаніи такихъ сомнительныхъ представителей мессіанизма, какъ Гоголь и, особенно, Шевченко, создавать особый „украинскій“ мессіанизмъ и не затрудняться даже въ общей его характеристикѣ (стр. 219),—этого мы рѣшительно постигнуть не можемъ. „Психологія не математика, поэтому трудно опредѣлить, гдѣ кончается поэзія и начинается мистицизмъ“ (стр. 113), говоритъ и самъ г. Урсинъ, но, вопервыхъ, слѣдуетъ отдѣлять мистицизмъ и мистическій патріотизмъ, и разъ поставивъ опредѣленіе какого-нибудь явленія, слѣдуетъ подводить подъ него только тѣ факты, которые дѣйствительно сюда подходятъ; вовторыхъ, въ сомнительныхъ случаяхъ надо быть болѣе осторожнымъ.

Вотъ все, что̀ мы считали нужнымъ сказать о книгѣ г. Урсина. Его попытку разъяснить избранный имъ вопросъ мы не можемъ считать удачною, но она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, и дай Богъ, чтобы починъ, очевидно, не русскаго автора нашелъ себѣ продолжателей въ средѣ русскихъ изслѣдователей.

И. Филевичъ.

Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора *Л. Мехелина.* Переведено и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ *К. Ординымъ.* С.-Пб. 1888.

Финляндскій сенаторъ Мехелинъ издалъ, на французскомъ языкѣ, очень любопытную книгу „Précis du droit public du grand duché de Finlande", которая, сверхъ того, если не ошибаемся, въ нѣмецкомъ переводѣ войдетъ въ составъ IV-го тома извѣстнаго сборника издаваемаго Марквардсеномъ подъ заглавіемъ: Handbuch des öffentlichen Recht der Gegenwart in Monographien (Freiburg. 1886—1888). Сочиненіе г. Мехелина особенно любопытно тѣмъ, что онъ въ сжатомъ очеркѣ представляетъ ясную картину государственнаго управленія одной изъ составныхъ частей Россійской имперіи, части, о которой большинство русскихъ людей имѣетъ самое смутное понятіе. Причиной тому, между прочимъ, конечно, и отсутствіе на русскомъ языкѣ обстоятельныхъ изслѣдованій о порядкѣ управленія Финляндіей. Поэтому, нельзя не поблагодарить г. Ордина за то, что онъ принялъ на себя трудъ не только перевести сочиненіе г. Мехелина, но и снабдить свой переводъ примѣчаніями, основанными, какъ заявляетъ переводчикъ, на русскихъ источникахъ. Къ сожалѣнію, г. Ординъ не всегда указываетъ эти источники. Въ свою же очередь, и г. Мехелинъ, излагая государственныя учрежденія Финляндіи, также не указываетъ въ надлежащихъ мѣстахъ, на чемъ основано то или другое изъ его положеній, но за то въ особомъ отдѣлѣ своего сочиненія онъ говоритъ о законодательныхъ источникахъ государственнаго права Финляндіи и затѣмъ уже нигдѣ на нихъ болѣе не указываетъ. Нельзя сказать, чтобы такая система была удобна для читателя, но ея придерживаются многіе писатели.

Догматическому изложенію г. Мехелина предшествуетъ небольшое историческое введеніе, въ которомъ, конечно, главное мѣсто отведено разказу объ окончательномъ присоединеніи Финляндіи къ Россіи и состоявшемуся тогда сейму въ городѣ Борго. Къ открытію этого сейма Императоръ Александръ I прибылъ лично въ Борго и подписалъ 15-го марта 1808 года манифестъ, которымъ даровалъ охраненіе религіи и основныхъ законовъ страны и правъ, коими каждое сословіе въ великомъ княжествѣ въ частности и всѣ жители вообще высшаго и низшаго состоянія пользовались до того времени по конституціи. „Мы обѣщаемъ", говорилъ императоръ,—„сохранить всѣ эти преимущества и законы твердо и незыблемо въ полной ихъ силѣ" (стр. 12). Съ этого дня вся Финляндія присоединена была къ Россіи или, выра-

жаясь словами нашихъ основныхъ законовъ (Томъ I, ч. 1), съ этого дня „съ Императорскимъ Россійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго" (ст. 4). Императоръ Всероссійскій управляетъ Финляндіей, имѣя при этомъ своими органами: генералъ-губернатора, сенатъ и статсъ-секретаріатъ, который находится въ Петербургѣ для веденія дѣлъ, требующихъ рѣшенія императора и великаго князя Финляндскаго. Финляндскій сенатъ въ Гельсингфорсѣ состоитъ изъ двухъ департаментовъ: судебнаго—это высшая инстанція суда, и административнаго, который завѣдуетъ общимъ управленіемъ страны это—какъ бы наши министерства въ ихъ совокупности. Кромѣ того, сенатъ приготовляетъ проекты законовъ и другихъ предложеній, вносимыхъ императоромъ въ сеймъ; представляетъ императору свои заключенія по резолюціямъ и ходатайствамъ сейма; получаетъ и распубликовываетъ утвержденные императоромъ законы, а также императорскіе манифесты. Генералъ-губернаторъ, сенаторы и секретари-докладчики въ сенатѣ назначаются императоромъ. Не входя въ подробное изложеніе государственнаго строя и предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ произведеніемъ г. Мехелина, мы позволимъ себѣ еще сказать нѣсколько словъ о финляндскомъ сеймѣ.

Сеймъ собирается въ столицѣ страны по меньшей мѣрѣ каждыя пять лѣтъ, на время до четырехъ мѣсяцевъ (но сессія можетъ быть продолжена долѣе и закрыта ранѣе). Созываетъ сеймъ императоръ, Онъ же можетъ созвать и чрезвычайный сеймъ. На сеймъ являются представители четырехъ сословій княжества, именно: отъ дворянства въ числѣ отъ 100 до 140 лицъ; отъ духовенства — въ томъ числѣ архіепископъ и два епископа лютеранской церкви, 28 депутатовъ отъ духовенства, одинъ или два депутата по выбору профессоровъ и чиновниковъ Гельсингфорскаго университета, а также отъ 3 до 6 депутатовъ, выбранныхъ преподавателями лицеевъ и другихъ общественныхъ училищъ. Городскіе обыватели имѣютъ 54 представителя; каждый городъ посылаетъ одного депутата, но при населеніи въ шесть тысячъ жителей посылаются два депутата, а свыше того—по одному депутату на каждыя шесть тысячъ жителей. Систему выборовъ городскихъ депутатовъ предоставляется по закону установить самимъ городамъ съ тѣмъ, что установленный порядокъ долженъ быть представленъ на утвержденіе императора. Крестьянское сословіе избираетъ по одному депутату въ каждомъ судебномъ участкѣ. Необходимо припомнить, что въ судебномъ отношеніи вся Финляндія

раздѣлена на 60 судебныхъ округовъ, и въ каждомъ округѣ имѣется одинъ только судья, свѣдущій въ юридическихъ наукахъ (häradshärding). Онъ назначается императоромъ. Этотъ округъ (domsagu) имѣетъ отъ 3 до 5 судебныхъ участковъ (tingslag), гдѣ два раза въ годъ бываютъ судебныя засѣданія, на которыя пріѣзжаетъ этотъ юристъ-судья и отправляетъ правосудіе вмѣстѣ съ пятью совѣтниками, избираемыми изъ числа землевладѣльцевъ округа. Это первая степень суда. Отъ каждаго судебнаго округа избирается одинъ депутатъ на сеймъ, при чемъ всякій владѣлецъ кадастроваго недвижимаго имущества, а также арендаторъ казенныхъ земель, имѣетъ право голоса. Выборы двухразрядные. Каждое сословіе на сеймѣ имѣетъ своего предсѣдателя и вице-предсѣдателя, а также секретаря, утверждаемыхъ императоромъ. Сословія засѣдаютъ каждое отдѣльно и обсуждаютъ дѣла и предложенія отдѣльно. Резолюціи одного сословія безотлагательно сообщаются другимъ сословіямъ. Въ каждомъ сословіи рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ. Подробно указано, въ какихъ дѣлахъ для законнаго рѣшенія необходимо получить согласіе четырехъ сословій, и въ какихъ достаточно согласія трехъ, а также въ какихъ случаяхъ образуется великая коммиссія изъ 60 членовъ, которой, при разрѣшеніи предложенныхъ ей вопросовъ, предоставляются права самаго сейма. Сейму, представляющему собою народъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ императоромъ законодательная власть. Сеймъ установляетъ налоги и посредствомъ депутатовъ управляетъ, наблюдаетъ и контролируетъ финскій банкъ. Сеймъ имѣетъ право петиціи, и каждый членъ сейма имѣетъ право предложить свою петицію.

Что касается законодательнаго почина, то въ этомъ отношеніи надо прежде всего замѣтить, что въ Финляндіи есть два рода законовъ. Первую группу составляютъ собственно законы, къ числу которыхъ принадлежатъ законы основные, привилегіи сословій, законы гражданскіе, уголовные, а также судопроизводство гражданское и уголовное, далѣе законы о военной организаціи, морское уложеніе, законы о налогахъ, о финляндскомъ банкѣ и монетной единицѣ, законы въ области хозяйства и администраціи, касающіеся правъ и обязанностей гражданъ, законы о лютеранской церкви и прочихъ вѣроисповѣданіяхъ и т. д. Вторую группу составляютъ законы въ области администраціи. Этого рода законы издаетъ императоръ безъ содѣйствія сейма. Въ силу своего права управлять страною императоръ можетъ (стр. 72) не только давать приказанія на счетъ мѣръ, вызывае-

мыхъ обстоятельствами, но и установлять признаваемыя имъ нужными правила для обезпеченія соблюденія и исполненія законовъ и вообще для правильнаго дѣйствія публичныхъ властей и выполненія правительствомъ его обязанностей. Въ отношеніи законовъ первой группы законодательный починъ сперва принадлежалъ только императору, но закономъ 16-го іюня 1886 года право законодательнаго почина предоставлено и сейму, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Починъ этотъ осуществляется слѣдующимъ образомъ: по приказанію императора, сенатъ изготовляетъ проектъ закона; императоръ, одобривъ его, приказываетъ предложить его сейму, одновременно всѣмъ сословіямъ. Затѣмъ происходитъ обсужденіе законопроекта по сословіямъ, и если онъ будетъ принятъ, то подносится на утвержденіе императора, при чемъ государь требуетъ предварительно заключенія сената по законопроекту. По утвержденіи закона императоромъ, онъ объявляется сенатомъ и публикуется въ офиціальной финляндской газетѣ и читается въ церквахъ. Бюджетъ обыкновенный утверждается императоромъ безъ участія сейма. Чрезвычайный же бюджетъ (его не существовало до 1865 года) установляется сеймомъ, подносится на утвержденіе императора, и служитъ основаніемъ на составленіе чрезвычайнаго ежегоднаго бюджета до будущаго сейма. Установленіе новыхъ налоговъ, а также отмѣна или преобразованіе существующихъ, не можетъ послѣдовать безъ согласія сейма. Въ началѣ каждаго сейма сословіямъ сообщается о финансовомъ положеніи, „дабы они могли узнать, какимъ образомъ доходы были употреблены въ пользу и на благо страны" (стр. 79). Это изложеніе разсматривается финансовою коммиссіей, образуемою изъ среды сейма, и если сеймъ передастъ къ свѣдѣнію правительства замѣчанія, сдѣланныя ею, то сенатъ обязанъ принять ихъ въ соображеніе и извѣстить слѣдующій сеймъ о сдѣланныхъ имъ вслѣдствіе того распоряженіяхъ. Для исполненія дѣлъ сейма образуется особая коммиссія въ составѣ двухъ членовъ отъ каждаго сословія; на ея обязанности лежитъ окончательная редакція бумагъ, поступающихъ отъ сейма къ императору, отвѣтовъ на проекты, исходящіе отъ монарха, а равно она имѣетъ право вносить свои предложенія и петиціи. Протоколъ общій (рецессъ) подписывается всѣми членами сейма. Всѣ эти акты, а равно и проекты, публикуются.

Таковы основныя черты государственнаго права Финляндіи въ изложеніи г. Мехелина. Переводъ его, сдѣланный г. Ординымъ, вполнѣ удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніямъ. Одно намъ непонятно; почему заглавіе сочиненія г. Мехелина переведено словами „Конституція Фин-

ляндіи“ и т. д. Казалось бы, правильнѣе было заглавіе книги г. Мехелина перевести словами „Очеркъ государственнаго права великаго княжества Финляндскаго“. Слово конституція полуиностранное и можетъ вести къ не совсѣмъ точному понятію о содержаніи книги. По заглавію можно предполагать, что въ книгѣ содержится буквальное изложеніе дѣйствующаго въ Финляндіи законодательства по статьямъ и параграфамъ, а между тѣмъ на дѣлѣ г. Мехелинъ въ своей книгѣ передаетъ своими словами содержаніе законодательныхъ актовъ и мѣстами добавляетъ его своими разсужденіями и историческими изслѣдованіями, чего въ конституціяхъ, въ общепринятомъ значеніи сего слова, не встрѣчается. Затѣмъ еще, на стр. 121 и слѣдующихъ въ отдѣлѣ объ организаціи народной обороны г. Ордину слѣдовало бы ближе держаться выраженій того русскаго оригинала, который служилъ и г. Мехелину основаніемъ для его изложенія. Мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ 6-го декабря 1878 года уставѣ о воинской повинности въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, принятомъ земскими чинами Финляндіи на сеймѣ 1877—1878 годовъ; онъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1878 годъ подъ № 59100. Этотъ уставъ очень напоминаетъ дѣйствующій въ имперіи уставъ о воинской повинности 1874 года. На основаніи устава 1878 года въ Финляндіи вооруженныя силы края составляютъ: „1) дѣйствущія войска, состоящія на постоянной службѣ; 2) запасъ, который преимущественно предназначается для приведенія дѣйствующихъ войскъ въ полный военный составъ, и 3) ополченіе, состоящее изъ всѣхъ вышедшихъ изъ запаса“. У г. Ордина это передано такъ: „изъ милиціи, или осѣдлой національной стражи (landtwärn), пополняемой всѣми прошедшими черезъ (?) резервъ“. Равнымъ образомъ по § 6 устава, лица, осужденныя за позорные поступки, въ военную службу не допускаются. Г. Ординъ говоритъ: „исключаются изъ воинской службы всѣ осужденные за позорныя преступленія“,—что опять большая разница. На стр. 127 говорится вдругъ о производствѣ набора и дѣленіи на рекрутскіе участки, тогда какъ по уставу никакого набора не производится, и даже слово рекрутъ не встрѣчается во всемъ уставѣ. Придерживаясь опять текста закона, слѣдуетъ сказать: каждая губернія дѣлится на призывные участки. Равнымъ образомъ никакой высшей коммиссіи по воинскимъ дѣламъ (стр. 123) въ каждой губерніи не состоитъ, а есть призывное присутствіе (ст. 42 устава), а вторую инстанцію состав-

ляетъ губернское по воинской повинности присутствіе (ст. 46 и 47), на которое жалобы приносятся судебному департаменту сената.

Нельзя не упомянуть также, что г. Ординъ снабдилъ свой переводъ какъ примѣчаніями, такъ и приложеніями, въ которыя вошли по преимуществу законодательные акты, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ. Примѣчанія, сдѣланныя переводчикомъ, указываютъ на близкое знакомство его съ различными актами, до Финляндіи относящимися, тѣмъ не менѣе, въ правильности нѣкоторыхъ изъ примѣчаній можно сомнѣваться, а содержаніе и цѣль другихъ является не совсѣмъ понятными. Такъ, напримѣръ, на стр. 71 г. Ординъ въ примѣчаніи заявляетъ, что утвержденныя Государемъ Императоромъ мѣры носятъ въ Финляндіи названіе не повелѣній, а Высочайшихъ объявленій. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе. Беремъ на выдержку любой томъ Собранія постановленій великаго княжества Финляндскаго (которое печатается въ Гельсингфорсѣ на русскомъ языкѣ), напримѣръ, хоть за 1872 годъ, и видимъ, что въ немъ помѣщена въ № 1—Высочайшая Его Императорскаго Величества открытая грамота, подъ № 4—Высочайшее Его Императорскаго Величества постановленіе, подъ № 5—таковое же Положеніе, подъ № 12—Высочайшій рескриптъ, подъ № 20—Высочайшая инструкція, подъ № 28—Высочайшій уставъ, подъ № 38—Высочайшій манифестъ. Конечно, встрѣчаются нерѣдко и Высочайшія объявленія, но утверждать, что обнародованіе Высочайшей воли всегда въ Финляндіи называется объявленіемъ, очевидно, нельзя.

На стр. 5 г. Мехелинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ говоритъ, что христіанство въ Финляндіи насадили шведы въ теченіе XII и XIII вв. При этомъ г. Ординъ дѣлаетъ примѣчаніе: „Въ восточной части Финляндіи христіанство насаждено новгородцами. Тамъ и до сихъ поръ числится до 40 тысячъ православныхъ финновъ“. Очевидно, слово тамъ означаетъ восточную часть Финляндіи. Изъ того, что теперь въ восточной части Финляндіи числится до 40 тысячъ православныхъ, нельзя еще заключать, что христіанство насаждено въ Финляндіи именно новгородцами: эти православные могли поселиться гораздо позднѣе. Равнымъ образомъ, это обстоятельство не даетъ указанія на то, въ какомъ вѣкѣ христіанство насаждено въ восточной части Финляндіи. Между тѣмъ изъ Исторіи Русской церкви Макарія, митрополита Московскаго (т. I, стр. 202 и слѣд.), мы узнаемъ, что преподобные отцы Сергій и Германъ были изъ числа тѣхъ проповѣдни-

ковъ, чрезъ которыхъ св. Владиміръ хотѣлъ распространить Евангеліе въ глубинѣ Кареліи (принадлежавшей тогда Россіи), и что, вѣроятно, для успѣшнѣйшаго хода своей проповѣди вокругъ Ладожскаго озера они основали на островѣ Валаамѣ обитель иноковъ. По случаю нападенія шведовъ въ 1164 году мощи этихъ преподобныхъ валаамскихъ чудотворцевъ перенесены въ Новгородъ. Въ XIII вѣкѣ русскіе обратили—было почти всю Карелію къ православной вѣрѣ (стр. 207). Нельзя также не замѣтить, что это примѣчаніе на стр. 5 противорѣчитъ тому, что̀ говорится г. Ординымъ въ примѣчаніи на стр. 89; тутъ уже общее число финляндскихъ гражданъ (слѣдовательно, не только одной восточной части Финляндіи) православнаго вѣроисповѣданія показано въ количествѣ до 40,000, то-есть, около двухъ процентовъ населенія великаго княжества, не включая въ эту цифру русскихъ войскъ, пребывающихъ въ Финляндіи. На самомъ же дѣлѣ, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ Матеріалахъ для статистики Финляндіи, изданныхъ генеральнымъ штабомъ въ 1855 году, во всей Финляндіи было 1.651,353 лицъ лютеранъ и 37,352 православныхъ: изъ сихъ послѣднихъ 28,715 жили въ Выборгской губерніи, 7,483 въ Куопіоской, и остальные 1,174 въ городахъ Гельсингфорсѣ, Або, Нейшлотѣ (стр. 197), при чемъ замѣчалось, что русское населеніе, сперва быстро увеличившееся отъ переселенія русскихъ въ Финляндію, въ послѣднія пять лѣтъ быстро уменьшилось. Такъ, въ 1830 году считалось во всей Финляндіи 25,212 человѣкъ, въ 1835—35,396, въ 1840—37,130, въ 1845—42,565, въ 1850—47,144, а въ 1855—опять 37,352 (стр. 215): причина такого уменьшенія не объяснена.

Но было бы крайне несправедливо съ нашей стороны, указывая на нѣкототорыя не выдерживающія критики примѣчанія г. Ордина, не обратить вниманія и на самыя существенныя, въ которыхъ на основаніи русскихъ источниковъ онъ указываетъ на неточности и неправильныя толкованія и выводы, сдѣланные г. Мехелиномъ въ его сочиненіи. Не приводя ихъ въ подробности, мы сообщимъ ихъ сущность. Вопросъ сводится къ тому, какъ понимать манифестъ императора Александра I отъ 5-го іюня 1808 г. къ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финдляндіи всякаго чина и состоянія, а также слова, произнесенныя императоромъ Александромъ I при открытіи сейма въ Борго, а потомъ при его закрытіи въ 1809 году. Г. Мехелинъ говоритъ: Употребить матеріальную силу для того, чтобы слить эту страну (Финляндію) съ Россіей, не соотвѣтствовало бы ни личнымъ взглядамъ императора, ни потребно-

сти немедленнаго умиротворенія, вызванной политическими интересами имперіи. Поэтому Александръ I предпочелъ актъ соединенія; онъ утвердилъ конституцію страны и призвалъ представителей ея для основанія новаго порядка вещей (стр. 18), и прочнаго основанія бюджета новаго государства (стр. 15). Финляндцы, предвидя невозможность возвратиться къ прошедшему, не колеблясь, приняли предложеніе императора, давшаго имъ въ залогъ будущаго самое формальное обѣщаніе сохранить прежнія учрежденія (стр. 19). Послѣдовало соединеніе Финляндіи съ Россіей, ясно опредѣленное, не только въ рѣчахъ императора, но и въ манифестѣ 1810 года (15-го марта) (стр. 21).

Г. Ординъ считаетъ такое толкованіе и выводы г. Мехелина неправильными и лишенными основанія. Онъ указываетъ на то, что Финляндія никакого особаго государства не составляла и не составляетъ; Финляндію называли только провинціей (стр. 13); манифестъ 5-го іюля 1808 года указываетъ на водвореніе Финляндіи въ Россію, какъ ея неразрывной части, но вовсе не имѣлъ цѣлью обезпечить обособленность Финляндіи (стр. 8); о сеймѣ Императоръ Александръ имѣлъ неопредѣленное понятіе и колебался въ своимъ рѣшеніяхъ по сему предмету; ему придавалось только совѣщательное значеніе (стр. 11); акта соединенія не было, этого выраженія даже нѣтъ ни въ одномъ изъ документовъ (стр. 19); императоръ Александръ I ни единымъ словомъ не предрѣшалъ того, какія отношенія будутъ установлены между русскимъ народомъ и завоеванною его кровью и деньгами Финляндіей (стр. 19); всѣ льготы, данныя императоромъ Финляндіи, исходили исключительно отъ его доброй воли; сеймъ никакого рѣшающаго значенія не имѣлъ, и о его резолюціяхъ даже вовсе не упоминается (стр. 22); не боргскіе акты, а статсъ-секретари Финляндіи (въ томъ числѣ М. М. Сперанскій, воспользовались довѣрчивостью императора и успѣшно начали и продолжали подъ русскою эгидой разрушеніе великихъ дѣлъ Петра, Елизаветы и самого Александра (стр. 26 и 27).

Замѣтимъ также, что г. Ординъ въ газетѣ Новое Время отъ 9-го января сего года, отвѣчая на отзывы финскихъ газетъ по поводу сдѣланнаго имъ перевода книги г. Мехелина съ своими примѣчаніями, указываетъ еще на то, что хотя отношенія Россіи и Финляндіи опредѣляются, главнѣйшимъ образомъ, документами, писанными и подписанными на русскомъ языкѣ, но финскіе писатели знаютъ эти документы только въ переводахъ на шведскій языкъ. Переводы же эти далеко не точны; такъ,

напримѣръ, въ манифестѣ, данномъ 15-го марта 1809 году въ Борго (онъ приведенъ нами въ концѣ замѣтки), допущены четыре неточности, а именно: 1) опущено слово вновь передъ глаголомъ утвердить, чрезъ что̀ манифестъ является какъ бы новымъ, особымъ актомъ, хотя на дѣлѣ этотъ манифестъ въ себѣ новаго ничего не заключалъ и является повтореніемъ обѣщаній, данныхъ до сейма; 2) къ слову религія произвольно добавлено слово страны, отчего получилась религія страны, то-есть, господствующей церкви (конечно, лютеранской, чего въ подлинникѣ нѣтъ); 3) слово подданные переведено словомъ жители (in byggarre), что̀ конечно, не одно и то же; 4) вмѣсто по конституціямъ или по уставамъ и учрежденіямъ въ переводѣ сказано по конституціи,—что̀ опять совершенно не то, что̀ стоитъ въ русскомъ документѣ. Произнести свое рѣшительное сужденіе въ этомъ толкованіи словъ и намѣреній императора мы, конечно, не рѣшаемся. Позволимъ себѣ только сказать слѣдующее: Какое бы толкованіе ни придавали словамъ, произнесеннымъ императоромъ Александромъ въ Борго: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales; votre réunion içi vous garantit ma promesse. Cette réunion fera époque dans votre existence politique" и т. д. (Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время—Богдановича, томъ II, стр. 410), или словамъ, выраженнымъ въ манифестѣ 5-го іюня 1808 г.: „Обыватели Финляндіи. Вступивъ въ составъ имперіи нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято отъ нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается" (Прибавленіе къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на русскій языкъ Уложенію, существующему въ великомъ княжествѣ Финляндіи. С.-Пб., 1827, стр. 231), или словамъ манифеста, даннаго 15-го марта 1809 года въ Борго (такого же содержанія манифестъ данъ императоромъ Николаемъ 14-го декабря 1825): „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи"; какое бы, говоримъ, ни придавали значеніе и толкованіе вышеприведеннымъ словамъ, для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что императоръ и

самодержецъ Всероссійскій есть въ то же время и великій князь Финляндскій (ст. 37. Т. I, ч. 1 основныхъ законовъ); что Финляндія, придерживаясь словъ манифеста 1808 года, „навсегда присоединена къ Россіи", и что „это достояніе, Промысломъ врученное, надлежитъ хранить во всей его незыблемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ".

Задача опредѣлена ясно; осуществленіе ея составляетъ потребность нашей имперіи. Потребность эту должно ясно сознавать и никогда не упускать изъ виду. Но какъ, то-есть, въ какой формѣ и какими способами, осуществить ее, это, конечно, не могло быть предначертано ни манифестами, ни трактатами. Это зависитъ отъ множества условій, тѣсно связанныхъ съ государственною жизнью Россіи, указывать и даже касаться которыхъ, очевидно, выходитъ далеко за предѣлы библіографическаго очерка, единственною цѣлью котораго было обратить вниманіе читателя на сочиненіе г. Мехелина и переводъ онаго, прекрасно изданный г. Ординымъ.

П. М—въ.

M. Gaster. ILCHESTER LECTURES ON GRECO-SLAVONIC LITERATURE AND ITS RELATION TO THE FOLK-LORE OF EUROPE DURING THE MIDDEL AGES. London. 1887.

Содержаніе лекцій г. Гастера не новое въ славянской наукѣ: апокрифы и повѣсти, пересказы греческихъ подлинниковъ (оттуда и названіе: „греко-славянской" литературы), сохраненные въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ спискахъ, уже не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей, давая матеріалъ для монографій и замѣтокъ, указывавшихъ на связь греко-славянскаго литературнаго преданія съ западно-европейскимъ. Изъ неславянскихъ ученыхъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе лишь румынскіе, встрѣчавшіе въ своей древней письменности тѣ же памятники, отраженія и переводы славянскихъ и греческихъ оригиналовъ. Я имѣю въ виду извѣстную книгу г. Хыждеу, разборъ которой представленъ въ моихъ Розысканіяхъ, VI, и аналогическую работу г. Гастера: Literatura popularа romana (Bucuresti. 1883). Результаты этихъ сравнительно-литературныхъ изысканій, въ которыхъ памятники древнеславянской литературы освѣщались сближеніемъ съ западными и въ свою очередь нерѣдко бросали свѣтъ на ихъ праисторію, эти результаты оставались до сихъ поръ достояніемъ немногихъ, читающихъ на славянскихъ и румынскомъ языкахъ. Между тѣмъ, каковы бы ни были эти резуль-

таты, важно было оповѣстить ихъ въ болѣе широкихъ кругахъ, чтобы вызвать ихъ провѣрку въ обратномъ смыслѣ и съ другой точки отправленія, которую, очевидно, избрали бы себѣ западные ученые, не-спеціалисты въ славяно-румынской области. Ильчестерскія лекціи г. Гастера помогутъ имъ оріентироваться въ ней, познакомятъ съ характеромъ литературнаго матеріала, съ рядомъ вопросовъ и рѣшеній и литературой предмета. Въ послѣдней есть у г. Гастера недочеты, отчасти невольные: авторъ не могъ пользоваться ни изслѣдованіемъ г. Порфирьева о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, ни работой покойнаго А. Попова о Палеѣ [1]); тамъ и здѣсь онъ нашелъ бы многое, что̀ могъ бы перенести на страницы своего труда. Жаль также, что ему осталась неизвѣстною (см. стр. 172) книга француза Берже о старофранцузскихъ переводахъ Библіи, и не приняты въ разчетъ новѣйшія работы по вопросу о до-лютеровскомъ (вальденскомъ?) ея переложеніи: онѣ упрочили бы или отмѣнили гипотезу автора о вальденскомъ происхожденіи Biblia pauperum (стр. 199 слѣд.).

Я коснусь лишь мимоходомъ тѣхъ сторонъ его книги, которыя не подлежатъ моему вѣдѣнію. Лингвисту, знакомому съ языками Балканскаго полуострова, предстоитъ разрѣшить, на сколько состоятельно предположеніе автора о болгарскомъ (финно-татарскомъ) вліяніи, обусловившемъ нѣкоторыя особенности, общія языкамъ албанскому, румынскому, новогреческому, болгарскому и отчасти сербскому (сл. стр. 130 слѣд.). Г. Гастеръ устраняетъ мнѣніе, объясняющее эти общія черты воздѣйствіемъ древнеѳракійскаго туземнаго населенія, и склоненъ уступить его роль болгарамъ. Ихъ орда была не малочисленна, судя по многимъ народностямъ, которыя онѣ подчинили и держали въ своей власти; въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій они удержали свой говоръ и, хотя съ теченіемъ времени переняли языки побѣжденныхъ, но оставили въ нихъ слѣды своего собственнаго: тѣ особенности, которыя типически сближаютъ между собою албанскій, новогреческій, румынскій и т. д. языки, не что иное, какъ печать финско-татарскаго вліянія, одинаково распространившагося на соотвѣтствующія народности въ VII—X вѣкахъ.

Еще относительно другаго вопроса, поднятаго авторомъ (стр. 139 и 209 и слѣд.), я ограничусь простымъ рефератомъ. Дѣло идетъ объ изобрѣтеніи глаголицы св. Кирилломъ: по мнѣнію г. Гастера, ея источникомъ оказывается армянскій алфавитъ, въ свою очередь заим-

---

[1]) См. также: *Жданова*, Палея (Оттискъ изъ *Кіевск. унив. извѣстій* 1881 г.).

ствованный изъ зендскаго, и, вѣроятно, распространенный у крымскихъ хазаръ. Среди нихъ проповѣдывали свв. Кириллъ и Меѳодій, препираясь съ евреями, магометанами и схизматиками, то-есть, вѣроятно, толкуетъ авторъ, армянами, главными представителями въ то время манихейской ереси. Мнѣніе свое о томъ, что глаголица есть приспособленіе къ звукамъ славянскаго языка какого-то восточнаго алфавита, близко сходнаго съ армянскимъ и грузинскимъ, авторъ уясняетъ графически, параллельною таблицей. Онъ и самъ считаетъ свое рѣшеніе вопроса не болѣе, какъ вѣроятнымъ (стр. 228); извѣстно, что у насъ подобная гипотеза уже была высказана Вс. Ѳ. Миллеромъ.

Перехожу къ главному содержанію книги, знакомящей западнаго читателя съ литературой южнославянскихъ ветхо- и новозавѣтныхъ апокрифовъ, легендъ и заклинаній и съ небольшою группой повѣстей свѣтскаго характера. Большей части памятниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Гастеромъ, касался и я въ разныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и такъ какъ авторъ цитуетъ иныя изъ нихъ, я позволю себѣ кое-что прибавить къ его указаніямъ—изъ своего и чужаго.

Говоря (стр. 29—30) о космогоническихъ представленіяхъ древнеславянскихъ „Вопросовъ и отвѣтовъ“, авторъ умалчиваетъ о космогонической же сказкѣ, сохранившейся и въ записяхъ, и въ славянскихъ и румынскихъ пересказахъ: о сотвореніи міра Богомъ и діаволомъ. О ней я говорилъ въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 164 и прим. 1. Съ тѣхъ поръ моя библіографія преданія значительно обогатилась; я вернусь къ его анализу въ слѣдующемъ выпускѣ моихъ Розысканій, которыя коснутся и вопроса объ источникахъ русскаго стиха о Голубиной книгѣ. Г. Гастеръ сообщаетъ его содержаніе (71—74) по одному варіанту, представляющемуся ему наиболѣе полнымъ; см. пока сочиненіе г. Мочульскаго, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ (Варшава, 1887).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ легендѣ о крестѣ (стр. 31 и слѣд.; см. мои Розысканія, X, стр. 367 слѣд.), „Gherusia Plata (=блато) Исповѣданія Еввы (стр. 34) не что иное, какъ ἡ ἀχέρουσα λίμνη=езеро хѣрусиеско Апокалипсиса св. Павла (см. мои: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 508); Severian Gavalski = изъ Габалы (стр. 53), Cabalorum episcopus.

По поводу славянскихъ сказаній о Соломонѣ (стр. 40 и слѣд.) присоединю къ указанію г. Гастера на мою диссертацію о Соломонѣ и Китоврасѣ — еще мои Розысканія, V (= Neue Beiträge zur Geschichte der Solomonssage въ Архивѣ Ягича, VI); „О талмудическомъ

источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палеѣ" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, апрѣль); „Эпизодъ о южской царицѣ въ Палеѣ" (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 1 слѣд.) и „Замѣтки къ исторіи апокрифовъ" (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886, іюнь, стр. 297 слѣд.), гдѣ указано (стр. 298—299) и еще одно французское свидѣтельство (Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 452) о знакомствѣ запада съ легендой о невѣрности Соломоновой жены. Кстати—замѣтка по поводу заключительной сцены славянской (и нѣмецкой) повѣсти объ „увозѣ": Соломонъ, разыскивая жену, попадаетъ въ руки ея похитителя и осужденъ къ повѣшенію. Онъ проситъ, чтобъ ему дозволено было передъ смертью поиграть на рожкѣ; трубитъ, и войско его, оставленное имъ въ засадѣ, спѣшитъ къ нему на выручку. Извѣстны народныя отраженія этого разказа; г. Гастеръ (стр. 42) сравниваетъ съ призывнымъ рогомъ Соломона знакомую всѣмъ сцену въ Chanson de Roland, гдѣ раненый Роландъ три раза трубитъ, подавая вѣсть своимъ. Я предпочелъ бы параллель Будинской лѣтописи (Chron. Budense, ed. Pedhradczky, p. 56), вычтя особую развязку разказа: Leel и Bulchu, вожди венгровъ (955 г.), попадаютъ въ плѣнъ къ императору Конраду (=Оттону Великому), который предлагаетъ имъ выборъ смерти: Eligite vobis mortem, qualem vultis.—Cui Leel ait: Afferatur mihi tuba mea, cum qua primum boccinans, post hoc tibi respondebo. Получивъ дозволеніе, Леэль начинаетъ трубить, все время приближаясь къ императору, которому раскраиваетъ черепъ ударомъ рога. Замѣтимъ, что Simon Kéza (ed. Endlicher, p. 105) говоритъ о повѣшеніи обоихъ вождей, съ замѣткой: „quidam vero ipsos aliter dampnatos fabulose asseverant, quod Cesari presentati, unus illorum cum tuba in caput ipsum Cesarem occidisset feriendo".

Повѣстью о „Вавилонскомъ царствѣ" (стр. 43) я не разъ занимался и надѣюсь, что мнѣ удастся еще разъ вернуться къ полному пересмотру вопроса о ней. Гастеръ цитуетъ мою статью въ Архивѣ г.Ягича (II, 1, 2) и въ Замѣткахъ по литературѣ и народной словесности I, стр. 9—14; присоединю къ этому мою же замѣтку въ томъ же Архивѣ VIII, стр. 326—330: Der Drache zu Babylon и слѣдующую выписку изъ Jean d'Outremeuse (t. I, p. 6, 9): Яфетъ съ сыновьями Jabam и Rachem, прибывъ въ Европу, строятся на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ Римъ, но по нѣкоторомъ времени множество змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ заставили ихъ удалиться, откуда пришли. Позже Rachem вернулся по приказанію Божію, „qui

li envoia certain signe, par lequeile ilh fist vuidier de son pays tous les serpens et s'en alcrent en Orient. Se prisent puis ches serpens habitation en la thour de Babel, c'on nommoit alors la thour de confusion". Интересно эпизодическое упоминаніе о пустынномъ Вавилонѣ и великанскомъ змѣѣ въ одномъ славянскомъ спискѣ житія свв. Кирика и Улиты. Встрѣчается ли этотъ эпизодъ въ греческихъ спискахъ—не знаю; Dillmann (Uber die apocryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus und Julitta въ Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. d. W. zu Berlin, XVIII—XXIII) пересказываетъ его по сирійскому и арабскому текстамъ житія, вмѣняя его (стр. 348) подлиннику, отмѣченному уже въ индексѣ папы Геласія (495—496 г.) и, вѣроятно, отличавшемуся болѣе яркимъ гностическо-манихейскимъ колоритомъ, чѣмъ его позднѣйшіе, очищенные пересказы. Такъ какъ вышеуказанный эпизодъ не безынтересенъ для вопроса объ источникахъ нашей вавилонской повѣсти, я остановлюсь на немъ подробнѣе.

Въ славянскомъ житіи Кирика и Улиту сбираются бросить въ котелъ съ кипящею смолою, масломъ и воскомъ; Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ ее напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей „ѿтъ пещи" Ананіи, Азаріи и Мисаила, и пророка Даніила изъ львинаго рва, и далѣе говоритъ: „Не вѣсы ли, мати моа, егда Маѯіміанъ цр҃ь повелѣ наю въложити въ корабь и сточить наю ѿтъ свое земле? Беху бо тамо ѕверіе мноѕи, не можеть езыкь чл҃вчь ни исчесты, и ехидни аспидь; бѣше бо ту змеи великы, ѿпашь его досезаше до оусть его и посрѣ҃ его блато ѿбьстоаше миноующи ·н҃· дн҃и? И гризеше травѣ и тръстіе и хотѣхоу наю пожрѣти ѕвѣріе тіи, нь Богъ спасе наю и избави насъ ѿтъ звѣри лютыхъ. Не вѣси ли, маты моа: егда придоховѣ кь Вавулону градоу и ѿбрѣтоховѣ его пуста, и бѣху ту зверіе мноѕи, и ны единь кь намь не прикоснусе? Не вѣси ли, маты моа, ꙗко егда придоховѣ на рѣцѣ Мадиамли та бо ѥсть рѣка исходеще ѿтъ бездны и с пекломь течеть розмесь, тоу же реку не можеть ни единь чл҃кь прѣити, нь божіемь повелениемь въ суб[оту] прѣходить, и тогда придуть въси ѕверіе, темже ѥсть камень зелѥль,—а ми прѣидоховѣ вь дн҃ь четвръткъ повелѣніемъ божіемь"?

Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ сирійскаго житія (Dillmann, стр. 346—347), напоминающій Дильманну отреченныя Дѣяніи апостола Ѳомы, особливо ихъ гностическій гимнъ: „Стоя въ котлѣ, св. Киріакъ началъ на своемъ языкѣ читать молитву, содержаніе которой въ переводѣ такое: Се врата Господа, въ которыя вступаютъ праведные! И снова сказалъ онъ: Когда я молился, мать моя сдѣлала мнѣ одежду (στολή)

и украсила ее жемчугомъ; мать моя—церковь, жемчугъ—божественныя словеса, наставленіе св. Духа. Съ знаменіемъ эпистоліи св. Духа (съ посланіемъ св. Духа, какъ знаменіемъ?) я былъ посланъ въ мрачный градъ, гдѣ не было ни одного луча свѣта, ни солнца, ни луны, ни мѣсяца. Когда я прибылъ въ градъ,.... я нашелъ тамъ онокентавровъ и гиппокентавровъ и волшебницу Lmntaus (или Lmntaos) и множество демоновъ; они хотѣли уничтожить меня, но эпистолія ихъ отогнала. Затѣмъ я прибылъ въ Вавилонъ, къ рѣкѣ, нарицаемой страшной (Tausfis или Taospis), черезъ которую люди могутъ переправиться лишь въ субботу, ибо и ей повелѣно покоиться въ первый день недѣли. Въ той рѣкѣ есть нѣчто, истекающее изъ глубины, и все это песокъ, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи увидѣть воды той рѣки. Когда я переправился черезъ рѣку, я прибылъ въ тотъ градъ, море собранія (море Квіа и Кбіа), и нашелъ тамъ змѣй и ехиднъ и многочисленную рать демоновъ, великихъ драконовъ и царя всѣхъ земныхъ пресмыкающихся, опашь котораго засунута въ его пасть [1]), а передъ лицомъ его лежалъ путь ехиднъ; у него зубы что острые мечи, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, ногти что когти орла, пасть какъ острый вертелъ; пищей ему служитъ папирусъ и кожа воловъ; изъ его ноздрей исходитъ духъ, подобный дыму, а когда онъ раскрываетъ пасть, въ теченіе семи дней проглатываетъ воды Іордана, и ни одна капля не упадаетъ изо рта. Это тотъ змѣй, который совратилъ вожделѣніями ангеловъ съ высоты; змѣй, совратившій перваго Адама и изгнавшій его изъ рая (формула: „это змѣй" повторяется нѣсколько разъ къ ряду, съ такими же библейскими воспоминаніями). Когда онъ узрѣлъ меня, онъ хотѣлъ меня проглотить, но письмо заткнуло его пасть. Тогда явился Спаситель, сжегъ великаго змѣя, отогналъ отъ меня сонмище демона, собралъ все, что осталось отъ израильской рати, и выслалъ ихъ въ тотъ градъ; и они казались единоплеменными. А есть въ томъ градѣ знаменіе: порогъ и врата изъ желѣза, въ 300 исполинскихъ аршиновъ высотою (Второзак. 3,11 Pesch.); говорятъ, что въ послѣдніе дни то желѣзо и порогъ будутъ стоптаны ногами проходящихъ, такъ что отъ желѣза ничего не останется на томъ мѣстѣ для идущаго вокругъ пути живыхъ. Когда я прибылъ въ городъ царства (stadt des Reiches), я окончилъ мои молитвы".

---

[1] *Дильманъ*, l. c., стр. 347, прим. 2. Ср. сходный образъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ св. Ѳомы: οὗ ἡ οὐρὰ ἔγκειται τῷ ἰδίῳ στόματι.

Дильманъ находитъ въ приведенномъ нами отрывкѣ гностическую, или даже двѣ гностическія молитвы (стр. 346 и прим. 5); меня интересуетъ въ нихъ эпическій элементъ послѣдней, разказывающій о посланіи Кирика въ градъ мрака и Вавилонъ съ какимъ-то обережнымъ письмомъ-знаменіемъ. О послѣднемъ въ славянскомъ житіи нѣтъ рѣчи и, на оборотъ, вмѣстѣ съ Кирикомъ идетъ (сослана) и Улита. Въ сирійскомъ текстѣ драконъ, облегающій городъ,—демонъ, „царь пресмыкающихся“: у него хвостъ сошелся съ пастью, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, изъ ноздрей выходитъ дымъ. Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ драконъ оживаетъ лишь впослѣдствіи, въ началѣ дѣло идетъ о хитрыхъ постройкахъ Навуходоносора: вокругъ города онъ велитъ сотворить „змій великъ, во главу бы зміеву въѣздъ въ градъ“, „глава бы зміева во вратѣхъ градныхъ съ хоботомъ свилась“; и „повелѣ во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлати, и за тѣ рѣшетки повелѣ уголія навозити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы пріидутъ отъ великихъ царей и великихъ кралей, и тогда Навходоносоръ царь Вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати верстахъ до града полки великіе урядити, и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полкахъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егда же послы поидутъ въскрозь великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелѣлъ воеводы во всѣ набаты и накры и во многогласныя трубы, и тогда послы весело буяше идучи. А какъ близъ вратъ градныхъ пріидутъ, и тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дути разжегши уголье, и тогда дымъ и искры; а какъ выйдутъ послы во врата во главу зміеву, и тогда огнь и поломя опалятъ пословъ. И тогда послы ужасти великія исполнятся и пришедъ къ великому царю Навходоносору поклонятся“.

Если эпизодъ о вавилонскомъ змѣѣ и царствѣ входилъ въ древній составъ житія о Кирикѣ и Улитѣ и принадлежитъ вообще по замыслу не къ объективно-повѣствовательнымъ, а къ легендарно-апокрифическимъ мотивамъ, то въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ онъ является уже въ другой, позднѣйшей стадіи своего примѣненія: и здѣсь данныя апокрифа развились въ схему повѣсти, какъ талмудическіе разказы о Соломонѣ перешли въ романтическое сказаніе объ увозѣ его жены. Это вноситъ нѣкоторую двойственность въ рѣшеніе вопроса: къ апокрифу или къ повѣсти отнести образъ вавилонскаго змѣя, указанный мною въ Roman d'Alexandre (ed. Michelant).

Александръ говоритъ Пору, что возьметъ Вавилонъ, „s'ocirai le serpent c'on dist qui tous jors veille", послѣ чего объ Александрѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ взятіемъ Вавилона: Al dragon est li rois qui le mont emprisone. Сл. мою статью: „Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ", Журн. Мин. Нар. Просв., 1885, ноябрь, стр. 78 и „Изъ исторіи романа", стр. 405, примѣч. 1. Позволю себѣ указать на послѣднюю работу (стр. 331—332, прим. 2 и 3) еще и по поводу преданія объ „успеніи" Іереміи (Gaster, p. 42—43; мотивъ неестественно долгаго сна у Cosquin'a, Contes pop. de Lorraine I, 19) и легенды о св. Макаріи (стр. 305 и слѣд.). Если, говоря о ней, г. Гастеръ (стр. 55) выражается, что ея апокрифическая часть цѣликомъ взята изъ Псевдокаллисѳена, то едва ли онъ не выразился черезчуръ аподиктично, какъ и въ другомъ случаѣ, связавъ съ еретическимъ или заподозрѣннымъ церковью культомъ ап. Іоанна (сл. стр. 49, 64 и слѣд.) нѣмецкую обрядовую Johannisminne. Она, несомнѣнно, относится къ распространенной ивановской обрядности, какъ, вѣроятно, и эротическій Hannsenwein, недавно отмѣченный Нагеле (Germania, XXXI, стр. 346—347).

„Эпистолія съ неба" и легенда о 12-ти пятницахъ (стр. 67—71; см. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, II—VI; Джузеппе Питрэ и его библіотека народныхъ сицилійскихъ преданій, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, январь, стр. 89 и слѣд; Критическія и библіографическія замѣтки, ib. 1878, янв., стр. 156—159; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 14 и слѣд.), если распространеніе и своеобразное развитіе того и другаго памятника настоятъ, какъ я полагаю, въ связи съ развитіемъ флагелланства, нарушаютъ въ хронологическомъ и генетическомъ отношеніяхъ серію текстовъ, до сихъ поръ разобранныхъ авторомъ, ибо слѣдующая далѣе заговорная молитва отъ трясавицы, приписанная попу Іереміи (см. стр. 80 и слѣд.), относится, во всякомъ случаѣ, къ другой, болѣе древней, сферѣ представленій, чѣмъ статьи о Недѣлѣ и Пятницѣ.— Молитвой отъ трясавицы подробно занимались Хыждеў и г. Гастеръ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ; сл. мои Разысканія VI, стр. 40 и слѣд., 222—223, прим. 2 и 427 и слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 87 и слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, l. c., стр. 288—293.

Изъ заклинательныхъ формулъ, которыми кончаетъ авторъ обзоръ апокрифической литературы, укажу на „молитву святаго апостола Павла отъ змія", которой я коснулся по поводу сообщеній Питрэ

о сициліанскихъ ciarauli: людяхъ, родившихся въ ночь на 29-е іюня или 25-е января (дни, посвященные памяти апостола Павла), не боящихся укушенія змѣи и исцѣляющихъ уязвленныхъ ею. См. мою замѣтку: Новые журналы по народной словесности и миѳологіи въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь, стр. 213 и слѣд. Какъ суевѣрная молитва, такъ и ремесло ciarauli (о которыхъ см. еще замѣтку Torraca въ Giorn. storico della letteratura italiana № 10—11, стр. 218, прим. 3) одинаково примыкаютъ къ извѣстному разказу Апостольскихъ Дѣяній, гл. XXVIII.

Мы видѣли, что повѣсть о Соломонѣ и его женѣ и о Вавилонскомъ царствѣ была разсмотрѣна авторомъ въ отдѣлѣ апокрифовъ, хотя, быть можетъ, естественнѣе было удѣлить имъ мѣсто въ разборѣ разказовъ романтическаго содержанія, проникшихъ изъ Греціи къ славянамъ. Извѣстно, что греки съ своей стороны были нерѣдко лишь передатчиками иноземнаго преданія: такъ перешелъ къ намъ Акиръ премудрый, Стефанитъ и Ихнилатъ (стр. 117 и слѣд.), Варлаамъ и Іоасафъ (стр. 111—112) и др.

Относительно первой повѣсти надлежало упомянуть новое ея изданіе Е. В. Барсовымъ [1]) и загадочное упоминаніе дѣйствующихъ въ ней лицъ, Синагрипа и Акира въ одномъ апокрифическомъ чудѣ св. Николая. Въ румянцевской рукописи № 181, 1523 года, оно озаглавлено: „чюдо святаго Николы ѡ Синагрипи цари“ и начинается такимъ образомъ: „в таже лѣта поиде царь Синагрипъ на брань и бысть на мори восташа вѣтры велици и оуже кораблю разбитися“. „Статья въ рукописи зачеркнута и, кажется, давно, иныя слова трудно разобрать“, говоритъ Пыпинъ [2]);—„впрочемъ содержаніе очень темно и по испорченности чтенія, и потому, что въ рукописи недостаетъ листовъ“. То же чудо находится, если не ошибаемся, въ одномъ изъ сборниковъ библіотеки проф. Тихонравова, и о немъ же докладывалъ, на основаніи одного сборника XVI вѣка Императорской Публ. библіотеки (Q, I, № 862), г. Владиміровъ въ Обществѣ любителей древней письменности, въ засѣданіи 21-го февраля 1886 года [3]). Мнѣ оно извѣстно по списку XVII вѣка, описанному А. Н. Попо-

[1]) Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI вѣка, съ предисловіемъ *Е. В. Барсова*, въ *Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.* 1886, кн. III.

[2]) Пыпинъ, Очеркъ, стр. 84.

[3]) Памятники древней письменности № LXVI, 1887, стр. 32.

вымъ [1]), и въ копіи съ указаннаго выше текста, любезно представленной мнѣ г. Владиміровымъ. Въ послѣднемъ чудо „о цри Синагрипѣ“ помѣщено при житіи и чудесахъ св. Николая Чудотворца, въ самомъ концѣ посмертныхъ чудесъ; въ хлудовскомъ спискѣ наша статья стоитъ подъ 29-мъ февраля и надписана: „преподобнаго ѿтца нашего Кассіяна римлянина“. Демоны, похитившіе въ младенчествѣ Касьяна, пользуются имъ впослѣдствіи для того, чтобы чинить „пакости великому Василію, когда божественную литургію писаше“. Далѣе говорится о составленіи имъ литургіи, обращеніи Касьяна и сложеніи канона: Всякое дыханіе да хвалитъ Господа. По кончинѣ св. Василія его наслѣдникомъ въ Кесаріи былъ Ѳеоктиристъ, впослѣдствіи митрополитъ Халкидонскій. Здѣсь собственно и начинается чудо св. Николая; списокъ Имп. Публ. библ. не знаетъ сообщеннаго тотчасъ введенія [2]). „В тоже времѧ поиде царь Синаграѳъ (вар. Синагрипъ) на брань; яко бысть ему в мори, и восташа вѣтри и хотѣша корабль разбити. Въ тожъ времѧ бысть у него радца Акиръ мудрыи крьстьѧнинъ и рече царю своему: Призови святаго Николу и завѣщай ему завѣтъ: канонъ и свѣщи, и избавитъ тѧ ѿтъ потопа“. Такъ тотъ и дѣлаетъ и избавляется отъ бури. Вернувшись домой, онъ проситъ Акира: позвать къ нему Николу; но Акиръ ссылается на митрополита Ѳеоктириста: „тотъ можетъ призвати святаго Николу въ образѣ человѣка“. Тогда царь посылаетъ за митрополитомъ, принимаетъ отъ него благословеніе, творитъ обѣты святому Николѣ. „И по повелѣнію Ѳеоктириста поставити повелѣ полату (вар. церковь) чисту въ три дни, и никому повелѣ ѧсти и пити. И освѧщена бысть церковь свѧтымъ митрополитомъ и пѣша канонъ и молебенъ и сотвориша свѧтому Николе свѧтую литургию и совершивъ канонъ и кутію и вшедъ въ полату цареву седоша за трапезою и готоваше мѣсто свѧтому Николе“. Митрополита понуждаютъ ѣсть и пить, но онъ отказывается до пришествія Николы, а онъ не является, и Ѳеоктириста начинаютъ уличать во лжи, когда по девятомъ часѣ онъ видитъ святаго, грядущаго во врата царевы. Онъ выходитъ къ нему на встрѣчу съ свѣщами и кадилами, припадаетъ къ стопамъ, спрашиваетъ: „Отче святый, почему ты замедлилъ?“ Никола отвѣчаетъ: „бывшоу ми на мори Тивериадстемъ, и нача ко-

---

[1]) Описаніе рукописей и каталогъ книгъ и т. д. библіотеки А. И. Хлудова, № 178, стр. 358—360.

[2]) Далѣе сообщаю текстъ по хлудовской рукописи, кое-гдѣ отмѣчая варіанты другаго списка.

рабли утопати, и призваше имѧ мое, и шедъ тамо избави ихъ изо дна морѧ, и умедлившу ми тамо. И рече ему Өеоктиристъ: Да что еси у нихъ взялъ? И рече святый Николае: Завѣщаша канонъ и свѣщу и өимиянъ и даша ми курецъ печенъ тѣстѧнъ. И показа ему курецъ. И рече Өеоктиристъ өилософиею ѿтъ моудрости: Азъ бы сего дѣлꙑ курца трехъ степеней (вар. ступеней) не ступилъ". Услышавъ это, Никола выходитъ изъ палаты, а Өеоктириста упрекаетъ въ гордости: „сотворю на тѧ молитву Христу царю Богу нашему". Митрополитъ и царь и вельможи начинаютъ молить святого, и онъ, снова войдя въ палату, благословилъ всѣхъ, брашно и вино, а самъ сталъ невидимъ. Царь крестился со всѣмъ домомъ и сотворили Николѣ „праздникъ честенъ; а святаго Өеоктириста за тѣ три степени (вар. ступени) повелѣша свѧтіи ѿтцы по три года не поминати, но понеже въ четвертый годъ поминаютъ, тогда бываетъ високость, а свѧтомоу Николе составиша свѧтіи ѿтцы праздновати во единъ годъ трижды".

Отношенія Синагрипа и Акира предложенной апокрифической легенды къ повѣсти, въ которой они являются протагонистами, загадочны; Акиръ видимо обобщился до роли христіанскаго совѣтодателя и увлекъ за собою и имя Синагрипа. Чудо Николы сводится къ общему мѣсту его обычныхъ чудесъ; весь разказъ къ ожидаемому объясненію: по чину св. Николаю празднуютъ три раза въ году, а Өеоктиристу лишь черезъ три года въ четвертый. Въ греческихъ синаксаряхъ XII вѣка память св. Өеоктеристу или Өеоктерикту полагается 29-го февраля, когда празднуютъ и св. Кассіана; въ пергаменномъ Евангеліи XIV вѣка (Публ. библ. F. п. I, № 17, л. 132) читается подъ этимъ числомъ помѣтка: „оц҃ фестерикта сего поминають на д—к лѣ҃" [1]). Если народная русская легенда [2]) замѣнила его Касьяномъ, то естественно является вопросъ: случайно или нѣтъ упоминаніе послѣдняго въ хлудовскомъ варіантѣ чуда передъ эпизодомъ о Синагрипѣ? Разказъ легенды проще: однажды осенью мужикъ увязилъ по дорогѣ возъ; проходитъ Касьянъ-угодникъ и отказывается помочь ему, чтобы не замарать райскаго платья; помогъ Никола [3]). Когда тотъ и другой пришли къ рай и Господь узналъ, какъ было дѣло,

[1]) Сообщеніе г. Владимірова.

[2]) См. *А. Аѳанасьевъ*, Нар. русскія легенды, № 11.

[3]) Спасеніе на морѣ, о которомъ говоритъ чудо, замѣнено въ сказкѣ спасеніемъ на сушѣ. Въ одной нѣмецкой легендѣ св. Николай также помогаетъ крестьянину вытащить увязнувшую въ землю телѣгу и лошадей. Ср. *Schnell*, Sanct. Nicolaus, der heilige Bischof und Kinderfreund, I Heft, p. 33.

Онъ говоритъ Касьяну: „не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны; а тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику возъ вытащить, будутъ служить молебны два раза въ годъ". Никольскіе кануны извѣстны: когда Никола хочетъ помѣшать бражнику пробраться въ рай, тотъ стыдитъ его: „А помнишь ли ты, святой Николае, коли ты намъ велѣлъ кануны варить и намъ бражникамъ велѣлъ пить долго, свой праздникъ величать? Святый Николае отъиде отъ вратъ посрамленъ" [1]).

Если повѣсть объ Акирѣ дала нѣсколько собственныхъ именъ благочестивой легендѣ, то такому сюжету, какъ Варлаамъ и Іоасафъ, этотъ путь популяризаціи былъ предначертанъ самими его свойствами: русскія и румынскія народныя пѣсни знаютъ аскетическій образъ Іоасафа, и мнѣ кажется, что популярность нѣкоторыхъ апологовъ повѣсти, распространенныхъ въ рукописяхъ какъ притчи отъ болгарскихъ книгъ, требовала болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ какое удѣлилъ имъ авторъ. Здѣсь мы въ самомъ дѣлѣ присутствуемъ при переходѣ литературнаго памятника въ оборотъ народной поэзіи, въ европейскій folk-lore, отношенія котораго къ грекославянской литературѣ разобраны не въ уровень съ обѣщающимъ заглавіемъ книги. До-славянская судьба Варлаама и Іосафата, о которой мнѣ не разъ приходилось говорить [2]), здѣсь насъ не интересуетъ, но я не могу не указать на недавній трудъ Зотенберга, посвященный этой повѣсти [3]) и вызвавшій интересныя соображенія барона В. Р. Розена [4]). По мнѣнію Зотенберга, редакторомъ греческаго житія Варлаама и Іоасафа былъ какой-то Іоаннъ, монахъ лавры св. Саввы около Іерусалима, жившій и писавшій въ первой половинѣ VII вѣка; онъ-то и придалъ разказу, занесенному изъ Индіи въ Іерусалимъ, ту законченную и художественную форму, въ которой онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи столь огромную популярность. Но въ надписаніи повѣсти объ Іоаннѣ говорится только какъ о лицѣ, принесшемъ повѣсть въ монастырь, не какъ о переводчикѣ ея; Зотенбергъ полагаетъ, что

---

[1]) Памятники древней письменности. Докладъ комитета 16-го декабря 1878 г., стр. 88—91: о піянствѣ.

[2]) См. между прочимъ мой отчетъ о *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., апрѣль, стр. 285.

[3]) Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabes et éthiopiennes par *H. Zotenberg*. Paris, 1886.

[4]) *Извѣстія Вост. отд. Имп. Р. Археол. Общ.* 1887 г., т. II, вып. I—II, стр. 166 слѣд.

слова „перевелъ“ или „списалъ“ случайно опущены, не давая большого значенія показанію двухъ рукописей, изъ которыхъ одна относится къ XI вѣку, въ которыхъ рядомъ съ Іоанномъ, принесшимъ повѣсть, упоминается и имя ея переводчика, Евѳимія Ивира: „μετενεχθεῖσ[α] διὰ Ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου Σάββα, [ἑρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς Ἰβήρων πρὸς τὴν Ἑλλάδα γλῶσσαν ὑπὲρ Εὐθυμί[ου] ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου Ἴβηρος“. „Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности“ проф. Цагарели дали барону Розену поводъ высказать въ связи съ этимъ надписаніемъ нѣсколько соображеній, открывающихъ новую страницу въ исторіи греческаго Варлаама и Іоасафа. Св. Евѳимій Ивиръ жилъ въ концѣ X и началѣ XI вѣка; еще въ дѣтствѣ привезенный въ Константинополь, онъ по воспитанію и языку былъ болѣе грекъ, чѣмъ грузинъ. Извѣстна его дѣятельность какъ переводчика греческихъ отеческихъ писаній на грузинскій языкъ; но онъ переводилъ и съ грузинскаго на греческій; въ одной рукописи 1074 года проф. Цагарели нашелъ указаніе, что св. Евѳимій, извѣстный „не только въ Грузіи, но и въ Греціи... перевелъ съ грузинскаго на греческій языкъ Балаһвари (по вторичной справкѣ въ рукописяхъ, вмѣсто напечатаннаго Бальвари), Абукура и нѣсколько другихъ книгъ“. Баронъ Розенъ предполагаетъ въ словѣ Балаһвари имя Б-л-в-һ-р, какъ зовется Варлаамъ въ мусульманской версіи повѣсти о немъ и Іоасафѣ. Это подтвердило бы показаніе упомянутыхъ выше рукописей, которое бар. Розенъ понимаетъ такимъ образомъ: индійская легенда, занесенная уже въ христіанизованномъ видѣ въ лавру св. Саввы, записана была здѣсь монахомъ Іоанномъ со словъ „правдивыхъ и благочестивыхъ людей“, можетъ быть, по сирійски; монахи-грузины той же лавры перевели ее на грузинскій языкъ и занесли въ Грузію, гдѣ въ началѣ XI вѣка Евѳимій Ивиръ переложилъ ее по гречески въ той формѣ, въ какой она намъ теперь извѣстна. Исторія ея греческаго текста спустилась бы, при этой гипотезѣ, на нѣсколько столѣтій позже, съ VII на XI вѣкъ: списковъ житія ранѣе этого времени не встрѣчается, самыя имена св. Варлаама и Іосафа не являются въ древнихъ синаксаряхъ и минологіяхъ, не исключая и Симеона Метафраста. Это не мѣшаетъ предположить для легенды другіе пути проникновенія на западъ, хотя бы и не въ греческой, и даже въ нехристіанизованной формѣ. Г. Влислоцкій сообщилъ недавно [1]) армянскій и цыганскій пересказъ

[1]) Въ *Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte* I, 5—6 Heft., стр. 462 слѣд.

легенды объ Іоасафѣ-Буддѣ, записанный имъ изъ устъ народа. Въ послѣднемъ именъ нѣтъ, въ первомъ они обличаютъ непосредственное отношеніе къ какому-нибудь восточному оригиналу, не къ его христіанской передѣлкѣ: царевичъ (=Іоасафъ) названъ Gimártan-Siddhârta (Будда), его другъ Tschandakan отвѣчаетъ Tschandaka'ѣ Лалитавистары, гдѣ это имя носитъ возница Будды.

Страницы, посвященныя г. Гастеромъ разбору Стефанита и Ихнилата, вызываютъ поправку къ сказанному на стр. 120: будто въ арабскомъ текстѣ (Калила ва Димна) нѣтъ сновъ царя (Biladh), существующихъ какъ въ сирійской и тибетской, такъ и въ греческой и славянской версіяхъ. Это едва ли не обмолвка; сл. мое: Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 25—27. Г. Гастеръ цитуетъ этотъ памятникъ, какъ „The Dreams of Tzar Mamer und Shahaisha". Въ древней редакціи этой статьи названіе царя Шахаиша, то-есть, Шаханшахъ, Мамеръ—имя философа, толкующаго сны; лишь въ позднѣйшихъ спискахъ послѣднее имя перешло на царя, а философъ названъ—Шаховичъ. Я по прежнему предполагаю, что статья эта переведена была у насъ не съ греческаго, а съ какого-нибудь восточнаго оригинала, какъ и сказка о Еруслanѣ Лазаревичѣ, хотя для послѣдней Е. В. Барсовъ [1]) нашелъ возможнымъ допустить греческій оригиналъ—на основаніи встрѣчающихся въ повѣсти греческихъ собственныхъ именъ: Ѳеодулъ, Вахрамей (Βαρθολομαῖος), Епистимія, Анастасія; Продора (Πρόδρομα) и Легія (λέγαι-γυναῖκες—въ фрагментахъ Архилоха!), отвѣчающая и своимъ типомъ этимологіи имени, какъ Аращей либо ἀρηΐθοος, либо ἀραῖος, царь Картаусъ — κρατὺς, κράτος. Примѣняя сказанное авторомъ (l. c. I, 310—311) по поводу славянскаго перевода повѣсти о Дигенисѣ къ сказкѣ о Еруслanѣ, ограничимся замѣткой, что указанныя въ ней грецизмы недостаточны для предположенія греческаго подлинника и могутъ принадлежать русскому переводчику.

Если сны Шахайши уже вывели насъ изъ собственно-греческаго теченія всей этой литературы, то тѣмъ менѣе подходитъ къ понятію grecoslovenic повѣсть о Семи мудрецахъ. Самъ авторъ говоритъ (стр. 117), что въ русской литературѣ она явилась въ переводѣ съ польскаго, въ югославянскихъ пока неизвѣстна; существованіе въ разказахъ отдѣльныхъ мотивовъ и даже повѣстей этого сборника еще не указываетъ, изъ какого, греческаго или западнаго, ис-

---

[1]) *Е. Барсовъ*, Слово о полку Игоревѣ, I (стр. 422).

точника они проникли въ народъ. Для всякаго отдѣльнаго случая необходимо отдѣльное изслѣдованіе. Славянскія сказки, напримѣръ, о гордомъ царѣ могутъ восходить къ отраженію какой-нибудь западной повѣсти, въ родѣ извѣстной въ Gesta Romanorum, либо къ ея византійскому прототипу, въ родѣ легенды о царѣ Аггеѣ [1]); мотивъ баллады о „Фридолинѣ" встрѣчается въ цѣломъ рядѣ восточныхъ и западныхъ сказокъ [2]), г. Леммъ сообщилъ мнѣ, что нашелъ ея коптскую версію въ рукописи X вѣка; невольно возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли здѣсь дѣло съ фактомъ устнаго распространенія одного и того же сюжета, или въ частныхъ случаяхъ было воздѣйствіе на народный пересказъ какой-нибудь опредѣленной литературной обработки общеизвѣстнаго мотива. Я имѣю въ виду, между прочимъ, варіантъ указанной легенды, помѣщаемый въ древнерусскихъ прологахъ подъ 18-мъ апрѣля, какъ заимствованный изъ Патерика [3]). Во время голода одинъ отецъ продалъ вельможѣ своего сына и, оставляя его, заповѣдалъ ему, чтобъ онъ никогда не проходилъ мимо церкви во время богослуженія, не вошедши въ нее и не простоявъ всей службы. Однажды увидѣлъ онъ свою госпожу въ преступной связи съ слугою, но никому о томъ не повѣдалъ, а только молилъ Бога простить имъ тотъ грѣхъ. Но госпожа, стыдясь срама, исполнилась гнѣва и наклеветала на юношу, внушивъ своему мужу, что тотъ юноша замышляетъ убить его. Господинъ рѣшилъ предать его позорной казни и совѣщался съ эпархомъ, чтобы онъ умертвилъ того, кто къ нему придетъ съ убрусомъ. Юноша былъ посланъ, но

---

[1]) См. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 44 слѣд.; Разысканія V, стр. 104 и слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ необходимо теперь прибавить: *R. Köhler* въ *Zs. fur roman. Philologie* III 275; *Hermann Varnhagen*, Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Literaturen (1882) и отчеты объ этой книгѣ: *R. Köhler*'а (*Archiv f. Litteraturgeschichte*, XI, 582 слѣд.) и *Torraca*, Saggi e rassegne (1884), p. 294. О драматической передѣлкѣ этого сюжета у Lope de Vega, El palacio incantado см. *Bolte* въ *Anz. für deutsches Alterthum u. Literatur* XIII, 1 Jan. 1887, стр. 110—111. Диссертацію *Nuck'a*, Robert of Cisyle, я знаю лишь по заглавію.

[2]) См. мой Dit de l'empereur Coustant въ *Romania* № 22.

[3]) *Буслаевъ*, Ист. очерки I, 448—449 и Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ варіантахъ) въ Пам. стар. русск. литературы I, стр. 81—83. Легенда эта находится въ ближайшей связи съ разказомъ, отмѣченнымъ у *Weber*'а (Ueber eine Episode im Jaimini-Bharâta въ *Monatsberichte d. kön. preuss. Akad. d. Wiss.* 1869, стр. 45—46): о сиротѣ Ahmed'ѣ въ введеніи къ арабскому роману о Семи визиряхъ.

на пути зашелъ въ церковь и промедлилъ; а между тѣмъ, вмѣсто него былъ казненъ дѣйствительный виновникъ, опозорившій господина и его жену.

Разказы, подобные этому, нерѣдко встрѣчаются въ такъ-называемыхъ повѣстяхъ „отъ старчества“, благочестивыхъ легендахъ—прикладахъ, проводившихъ въ народное сознаніе рядъ типовъ и эпическихъ формулъ, нерѣдко дошедшихъ съ дальняго востока, чтобы затеряться впослѣдствіи въ синкретизмѣ европейскаго folk-lore'а. Посредницей здѣсь для славянъ была Византія и литература патериковъ. Въ исторіи греко-славянскихъ „вліяній“ ее не надо было обходить молчаніемъ.

Иначе ставится вопросъ объ источникѣ южно-славянской Александріи. Я отнесъ ее [1]) къ числу византійскихъ повѣстей и въ этомъ смыслѣ не могу протестовать противъ опредѣленія „greco-slavonic“; но необходимо отмѣтить, что греческій оригиналъ славянской повѣсти не непосредственно выработался на византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллисѳена, а указываетъ на знакомство его редактора съ литературой западной романтики, или же на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ Historia de preliis (l. c., стр. 444). Замѣчу кстати, что я нашелъ во Флоренціи списокъ греческой Александріи 1521 г., тожественный съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ спискомъ (l. c. Приложенія, стр. 1 слѣд.), но восполняющій его пробѣлы въ совершенномъ согласіи съ старосербскимъ переводомъ. Такъ, въ этомъ спискѣ находится весь эпизодъ о хожденіи Александра въ страну чудесъ, который я думаю напечатать; въ описаніи даровъ, поднесенныхъ Александру въ Троѣ, та же подробность, что̀ и въ вѣнскомъ спискѣ (недостающая въ славянскихъ): о любви Троила къ Бризеидѣ, только что первый замѣненъ Ахилломъ, послѣдняя замѣнила Поликсену; встрѣчается тотъ же загадочный Аданъ (см. l. c., стр. 443—444 и Приложенія, стр. 36): Ο῾ Αδὰμ ὁ προπάπους μας διὰ τὴν γυναῖκαν ἐξόριστος ἐγήνει ἐκ τὴν τροφὴν τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος δια γυναῖκα κακὴν ἐχάθη, ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ φρόνιμος εἰς τὸν κόσμον ὅλον τὸν 'Ατάνην (вѣнск. см. 'Αδάνην) τὸν βασιλέαν ἐκολούθησεν διὰ κακὴν γυναῖκαν. Приведу для сравненія съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ текстомъ и соотвѣтствующими славянскими эпизодъ троянскихъ даровъ: ἤφεραν (троянцы Александру) καὶ

[1]) См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 129—451.

τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάριν μὲ τὸ πετζὶν τοῦ λέοντος ἐντί[μη]μένον, καὶ ἦτον ἱστορισμένον τὸ πρόσωπον του εἰς τὸ σκουτάριν καὶ τόσον ἔλαμπε τὸ πρόσωπόν του εἰς τὸ σκουτάριν ὡσὰν τὸ φεγγάρι εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ὡσὰν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πτερά του ἐφάνταζεν ἔμορφα (до сихъ поръ сходно, если не дословно, съ вѣнскимъ спискомъ), ὡσὰν εἰς κοκκινάδα ἐφαίνετον, καὶ ὅταν ἐμάκρυνεν οὐρανοχεύον (?) ἐφαίνετον τὸ πρόσωπον ἐφάνταζεν, καὶ πάλιν ἔφεγγεν ἀπὸ τὰ λιθαρόπουλα ὁποῦ εἶχεν ἐγκομισμένον. καὶ πάλιν ὅταν του ἔκρουεν ὁ ἥλιος, ἐφαίνετον ἄσπρον καὶ κόκκινον καὶ γαλαζεύον τὸ πρόσωπον εἰς τὸ σκουτάριν τὸ συνεῖχεν τὴν τέχνην θαυμαστὴ ὅτι λόγιαις ἔλαμπε ἀπὸ τᾶ λιθαρόπουλα ὁποῦ ἦτον ἐγκομισμένο τὸ σκουτάριν του. Καὶ ὡς το εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθαύμασε θαῦμα μέγα πολύν. Ἤφεραν καὶ τῆς Βρισηΐδας (вѣнск. спис. далѣе: τοῦ Καλκᾶ) τῆς θυγατρὸς τὸ μαντέλον ὅλον με χρυσομάργαρον καὶ πολυτίμητα λιθαρόπουλα εἶχεν, ὅπου τὸ εἶδεν πᾶσα ἄνθρωπος καὶ ἐθαύμασε. Въ вѣнскомъ спискѣ за послѣднею фразой, нѣсколько иначе выраженною (ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν), слѣдуютъ непосредственно слова: ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώιλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρός (то-есть, Βризеиду), καὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην. Иначе продолжаетъ флорентійскій списокъ (за описаніемъ чудеснаго μαντέλο Βризеиды, являющейся далѣе въ роли Поликсены): ὅπου ἐσκοτώθην ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς καὶ μέγας καὶ δυνάστης διὰ τὴν Βρισηΐδαν καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν. καὶ ὡς εἶδεν τὸ ῥοῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ τὸν ἔπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναικὸς ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόθον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλέα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἄλλη μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποίησε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίνεσαν ὅλοι ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὁλονοῦ ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένη γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρισηΐδα εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὄνταν ἐσφάνην ὁ βασιλεύς· Ἀχιλλέα μου καὶ λέοντα, ὁποῦ οἱ Τρωαδίταις ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἡ ἀθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου ἔσαι, αὐθέντη μου λεοντόπαρδε; διάτ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέση εἰς τὸ μνῆμα σου καὶ ἐγὼ ἀτίμου νὰ πέσω κοντά σου περὶ νὰ γένω ζοντανὴ καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα. За этимъ причитаніемъ, недостающимъ въ вѣнскомъ спискѣ и менѣе развитымъ въ славянскихъ, слѣдуетъ во всѣхъ похвала Александра добродѣтелямъ Поликсены=Βризеиды, послѣ чего продолжается перечисленіе даровъ, между прочимъ τῆς βασίλισσας ἐκείνης (то-есть, Поли-

ксены=Вризеиды) τὸ στεφάνιν и ἀπανωκλίβανον Гектора, какъ въ славянскихъ текстахъ, тогда какъ вѣнскій имени не упоминаетъ.

Я позволилъ себѣ пространную выписку изъ флорентійской рукописи Александріи, ибо троянскій эпизодъ этого памятника представляетъ особый интересъ по своей запутанности и поднимаемому имъ хронологическому вопросу. Я разумѣю упоминаніе любви Троила къ Вризеидѣ, разказъ, встрѣчающійся впервые у Benoît de Saint More. Флорентійскій текстъ не знаетъ Троила, но не есть ли это результатъ простаго опущенія? Дальнѣйшее смѣшеніе Вризеиды съ Поликсеной я представляю себѣ возможнымъ лишь подъ условіемъ, что смѣшаны были слѣдовавшія другъ за другомъ влюбленныя пары: Вризеиды и Троила, Поликсены и Ахилла; славянскіе тексты стоятъ здѣсь въ сторонѣ. Интересно во флорентійскомъ спискѣ подробное описаніе Ахиллова щита и его портрета на немъ; ни въ вѣнскомъ, ни въ славянскихъ текстахъ его нѣтъ, но послѣдніе представляютъ во многомъ сходное описаніе „корзна“ Поликсены: когда она облачалась въ него, „четиремь различиꙗмъ подоблꙗша се и четири образѣ оуказоваше различ҄нѡ оть различнаго каменіа. ѥгда на зелено каменіѥ вьзираше, прибиваше се зѣлено каменіѥ бѣломоу ѥѥ лицоу и подоб҄нь бѣше образь ѥѥ лоуне небесной и паоуновоу позлат҄номоу перію (сл. выше: ὡσὰν τὸ φεγγάρι εἰς τὸ οὐρανὸν καὶ ὡσὰν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πτερά του); ѥгда ли на цьрвено каменіе вьзираше, бѣлоѥ лице ѥѥ неран҄жаномоу (οὐρανοχεύον?) видѣнию прибиваше се; ѥгда ли на плавет҄но камение вьзираше, прибиваше ее плаветь къ бѣломоу лицоу ѥѥ, и небесной плавети (βαλαζεύον) образь ѥѥ подоблꙗше се; ѥгда-ли вь нѥи исхождаше, различнаа блистаніа блисташе оть камен҄ныихъ видовь, ꙗже оть крьзна того исхождаахоу“ (см. Изъ исторіи романа I, стр. 264).— Едва ли такое описаніе не естественнѣе встрѣтить при изображеніи Поликсены, какъ въ славянскомъ текстѣ, чѣмъ при описаніи Ахилла. Я полагаю вѣроятнымъ, что перенесеніе этихъ образовъ съ первой на послѣдняго принадлежитъ оригиналу флорентійскаго списка, и что изъ сличенія доступныхъ намъ версій этой части текста можно сдѣлать заключеніе о ея первоначальномъ составѣ. Въ славянскомъ переводѣ въ сценѣ поднесенія даровъ являются слѣдующія имена и подробности: Ахиллъ, Гекуба, Кассандра, Поликсена и ея корзно; въ вѣнскомъ спискѣ: Ахиллъ, описаніе его щита, по началу сходное съ пространною флорентійскою рукописью; Троилъ и Бризеида; Поликсена; въ флор. сп.: Ахиллъ, подробное описаніе его щита, Бризеида (=Поликсена). Послѣдовательность греческаго оригинала могла быть первоначально та-

кою: Ахиллъ, его щитъ; описаніе корзна Поликсены; между тѣмъ и другимъ вторглось упоминаніе Троила и Бризеиды, но такъ, что описаніе корзна приложено было къ Ахиллову щиту; въ вѣнскомъ сохранилась лишь часть этого описанія, во флорентійскомъ оно было удержано, но съ выпаденіемъ имени Троила, Бризеида, внесенная въ контекстъ, какъ простое упоминаніе, смѣшана была съ слѣдовавшею далѣе Поликсеной. Еслибъ это предположеніе оказалось состоятельнымъ, оно пролило бы свѣтъ на хронологію греческаго текста Александріи, ибо эпизодъ о Троилѣ и Бризеидѣ является въ данномъ случаѣ хронологическимъ признакомъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать при бѣдности другихъ данныхъ. Таковыхъ, къ сожалѣнію, оказалось весьма мало въ еврейской Александріи, извлеченіе изъ которой сообщены были мнѣ г. Гастеромъ. Сл. мои: Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ и мой отчетъ о Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge въ Giornale storico della letteratura italiana fasc. 25—26, стр. 255 слѣд.

Замѣчу мимоходомъ, что легенда о св. Христофорѣ кинокефалѣ, упомянутая г. Гастеромъ (стр. 100) въ связи съ разказами о хожденіи Александра въ страну чудесъ, стоитъ отдѣльно отъ нихъ, являясь однимъ изъ многихъ комментаріевъ къ ихъ представленіямъ о песиглавцахъ. Къ легендѣ о св. Христофорѣ сл. Usener, Acta S. Marinae et S. Christofori, Bonn, 1886; объ этомъ изданіи я надѣюсь поговорить особо.

Славянскую Александрію мы принуждены были извлечь изъ не тронутаго западомъ византійскаго теченія, оплодотворявшаго южнославянскую новеллистику. „Троянскія дѣянія", о которыхъ говоритъ далѣе авторъ (стр. 101 слѣд.), должны быть совершенно изъяты изъ ея византійскихъ источниковъ. Я говорю не о средне-болгарской повѣсти, изданной г. Сырку, содержаніе которой сообщается на стр. 102—104 и затронуто было мною въ статьѣ: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника, Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, январь, стр. 76—77, въ: Изъ исторіи романа, вып. I, стр. 440 и въ: Die altslawische Erzählung vom Trojanishen Kriege, въ Arch. f. Slav. Philol. X, 37 [1])— а о древней „Троянской притчѣ", извѣстной по изданіямъ гг. Микло-

[1]) О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописяхъ покойнаго проф. Григоровича, докладывалъ проф. Кирпичниковъ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Судя по письменному сообщенію мнѣ проф. Кирпичникова, содержаніе (и, вѣроятно, и текстъ) то же, что и въ версіи г. Сырку; Магдона (дочь царя Аморя) названа Магдуной, Елена—*Гилудой*.

шича и Ягича. О ней я говорилъ въ послѣдней изъ указанныхъ выше работъ; что ея источникъ западный—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе: параллели къ Овидіевымъ Героидамъ и такъ называемому Пиндару Ѳиванскому, указанныя Мейстеромъ, Кёлеромъ и Грейфомъ, говорятъ краснорѣчиво; къ нимъ я присоединилъ и другія, разбирая составъ тѣхъ эпизодовъ, которые въ текстѣ, изданномъ Ягичемъ, являются лишними противъ изданія Миклошича. Зависимость отъ однихъ и тѣхъ же, и притомъ западно-латинскихъ источниковъ обнаруживается во всей повѣсти, говорящей въ первой своей части, послѣ краткаго введенія, о рожденіи и романтической юности Париса, во второй разказывающей намъ о битвахъ подъ Троей, до паденія города. Первая часть, собственно эпизодъ о рожденіи и юности Париса, извѣстна въ цѣломъ рядѣ западныхъ версій, являясь эпизодомъ поэмъ о Троѣ, пересказанныхъ по Дарету, Диктису, Бенуа де St. More: источникамъ, не знающимъ этого эпизода; вторая стоитъ въ извѣстной доселѣ литературѣ троянской саги особнякомъ, не по новости фактовъ, а по составу, обнаруживающему тѣ же отношенія къ Овидію, какъ и первая. Это побудило меня предположить, что „Притча" могла быть переводомъ какой-нибудь западной повѣсти о Троѣ, части которой („юность Париса") забрели эпизодически въ ту или другую европейскую поэму, тогда какъ цѣлое сохранилось лишь въ славянскомъ переложеніи. Грейфъ (въ письмѣ ко мнѣ) не согласенъ съ этимъ построеніемъ: по его мнѣнію, повѣсть о „юности Париса" могла быть отдѣльною статьей, которою пользовались одинаково и независимо другъ отъ друга поэты и компиляторы троянскихъ сказаній. Это возможно, но предполагаетъ прежде всего, что сказка о юности Париса могла въ самомъ дѣлѣ дать содержаніе отдѣльному разказу, и оставляетъ открытымъ вопросъ: о своеобразности всего состава славянской повѣсти (и ея оригинала) по сравненію съ западными, въ которыя эпизодъ о юности введенъ, какъ мы видѣли, въ разказъ, составленный по другимъ, обычнымъ тамъ, источникамъ.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на эпизодѣ о рожденіи и юности Париса, такъ какъ со времени написанія моей статьи для него открылись новыя параллели, не безынтересныя по вопросу объ источникахъ славянской повѣсти.

Гекубѣ снился сонъ, что она родила головню, которая, взлетѣвъ къ небу, упала въ море, изъ моря разсыпались искры, отъ которыхъ выгорѣла Троя. Пріамъ, которому жена передала свой сонъ, спрашиваетъ о его значеніи пророковъ и волхвовъ. Тѣ говорятъ, что у царя

родится сынъ, будущая гибель города. Услышавъ это, царь велитъ женѣ тотчасъ же убить имѣющаго родиться ребенка; но у ней не хватило на то духа; завернувъ новорожденнаго въ шелковыя ткани, положивъ къ нему золота и серебра, она отдаетъ его одному юношѣ съ порученіемъ забросить его подальше отъ города. Такъ тотъ и сдѣлалъ; ребенка находитъ старикъ овчарь, который относитъ его къ своей женѣ, только-что родившей ему сына; съ нимъ выростаетъ въ семьѣ пастуха и заброшенный царевичъ, играетъ въ полѣ около стада, сводя быковъ въ бою и возлагая вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову побѣдителя. Самъ онъ, возмужавъ, начинаетъ сходиться съ добрыми витязями и всѣхъ ихъ превосходитъ въ играхъ и военныхъ забавахъ. — Къ послѣдующему развитію дѣйствія этотъ разказъ примыкаетъ такимъ образомъ: Парисъ рѣшаетъ извѣстный споръ трехъ богинь и присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая и открываетъ ему тайну его происхожденія. Парисъ отправляется въ Трою, узнанъ, и его дальнѣйшая исторія сплетается съ общимъ ходомъ троянскихъ дѣлъ.

Мотивы этого разказа, отчасти древніе, отмѣчены были до сихъ поръ въ слѣдующихъ средневѣковыхъ обработкахъ троянской саги: у Симона Capra Aurea, Конрада Вюрцбургскаго, въ Trójumannasaga, Seege of Troye, передѣлкѣ поэмы Benoît de St. More Jean'омъ Malkaraume и въ хроникѣ Delgado. Сличеніе всѣхъ этихъ текстовъ съ славянскими и между собою дало мнѣ поводъ высказать нѣсколько предположеній относительно послѣдовательности первичнаго разказа, легшаго въ ихъ основу. Новые варіанты той же легенды, о которыхъ я говорю далѣе, дадутъ мнѣ, вѣроятно, возможность кое въ чемъ видоизмѣнить эти предположенія, но уже и тотъ матеріалъ, который до сихъ поръ былъ у меня подъ рукою, не оставляетъ сомнѣнія, что оригиналъ славянской статьи былъ западный, латинскій или романскій. Обращу вниманіе на этимологическую игру именемъ Париса. Въ текстѣ Миклошича говорится, что обрѣтеннаго отрока пастухъ назвалъ „Парижь пастыревичищь"; иначе въ версіи Ягича: „издѣ му имя Парижь, за-ч растѣше како и парижъ (=фарижъ—конь), искружив шию". Такъ какъ оба текста пошли изъ одного прототипа, то последнему слѣдуетъ вмѣнить одну изъ двухъ этимологій, другую— редактору одного изъ двухъ текстовъ, которому этимологія подлинника могла показаться невнятною. Какой бы изъ нихъ мы ни отдали предпочтеніе въ древности, обѣ онѣ представляются ребяческими, внѣшними, какъ бы внушенными стараніемъ приблизительно выразить звуками родного слова не переводимую содержательную

игру словъ подлинника. Въ англійскомъ Seege of Troye Parys такъ названъ потому, что былъ wyse; то же и у Конрада Вюрцбургскаго (wîs: Pârîs), но онъ же говоритъ, въ связи съ правосудіемъ Париса, обнаруженнымъ въ состязаніи быковъ, что имя ему дано было за его справедливость, прибавляя:

Pâr und Pârîs sind ebenslеht.

Стало быть, имя Paris'а, правосуднаго, толковалось въ связи съ par; этой игры словами не могъ удержать славянскій переводчикъ и замѣнилъ ее другою, въ которой содержательное значеніе прозвища поневолѣ исчезло, какъ не поддающееся передачѣ.

Разказъ о юности Париса находится еще въ средне-англійской хроникѣ Robert de Brunne (по письменному сообщенію мнѣ Грейфа) и въ цѣломъ рядѣ италіанскихъ сказаній о Троѣ, разбору которыхъ посвящена недавно вышедшая книга Egidio Gorra'ы (Testi inediti di storia trojana. Torino, 1887). Я пользовался его трудомъ въ корректурныхъ листахъ и во время моего, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, пребыванія во Флоренціи, могъ самъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ описанныхъ имъ рукописей. Италіанская редакція троянской саги тѣмъ болѣе меня заинтересовала, что западному оригиналу южнославянской „Притчи" естественнѣе всего было проникнуть въ славянскія земли именно изъ Италіи.

Дальнѣйшія сообщенія я ограничиваю эпизодомъ о юности Париса,

Въ Istorietta Trojana, изданной Горрой въ приложеніи къ своему труду по рукописи начала XIV вѣка, нѣтъ разказа о рожденіи и воспитаніи Париса у пастуха. Однажды, когда онъ идетъ въ полѣ, онъ видитъ, что его быкъ бьется съ захожимъ, и награждаетъ послѣдняго какъ побѣдителя, возлагая на него гирлянду изъ цвѣтовъ. За этотъ поступокъ онъ заслужилъ репутацію справедливаго (e ciò saputo, molto ne fue Paris lodato e tenuto a giusto), и когда заспорившія богини ищутъ, кто могъ бы разсудить ихъ между собою, онѣ обращаются къ нему, припоминая его судъ надъ быками [1]).—Инте-

---

[1]) Мотивъ „быка" существовалъ въ классическомъ преданіи еще и въ другомъ видѣ при имени Париса. Я указалъ на Овидія Heroid. XVI 357:

Paene puer caesis abducta armenta recepi
Hostibus, et causam nominis inde tuli.

(Сл. мою: Die altslavische Erzählung и т. д., l. c., стр. 39, прим. 1). Объясняется это указаніе легендой у Гигина (Hygini Fabulae 91), сонъ Гекубы; она велитъ слугамъ убить родившагося мальчика, но тѣ пощадили его: quem satellites misericordia ducti exposuerunt, [eum] pastores pro suo filio repertum expositum

ресны собственныя имена троянской саги, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ и напоминающія обликъ именъ въ славянской притчѣ: Accilles=Ацилешъ, Giuppiter=Ипитерь, Ulixes=Урикшешь, Patricolus (sic)=Патриколушь.

Въ одной венеціанской версіи Троянскихъ сказаній, описанной Горрой, которому я обязанъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ выписокъ изъ текста, послѣдовательность такая: сонъ Гекубы; она отдаетъ Париса на воспитаніе женамъ пастуховъ, а Пріама увѣрила, что мальчикъ убитъ по его приказу. Слѣдуетъ, какъ въ большинствѣ пересказовъ нашей легенды (и въ славянскомъ, сокращающемъ этотъ эпизодъ), любовная связь Париса съ Энонои, которая представляется нимфой. zoè dia dele fontane e delle aque. Парисъ отбиваетъ стадо, которое пытались увести (см. выше въ примѣчаніи разказъ Гигина); бой быковъ и судъ надъ ними Париса: e per zò follo chiamado Paris proter (?: per tal?) sentenzia che iera ignal le sentenzie ch'ello daxeva. Энона открываетъ ему тайну его рожденія. Въ славянской версіи это откровеніе приписано Венерѣ; ту же подробность я предполагалъ возможнымъ вмѣнить и Trójumannasaga'ѣ, текстъ которой въ данномъ мѣстѣ указываетъ на явный пропускъ: Гекуба отдаетъ Париса на воспитаніе, онъ названъ Парисомъ; „когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею (=Венеру) и впослѣдствіи, когда узналъ о своемъ происхожденіи...." Далѣе, въ сценѣ суда надъ богинями, Фрея является сѣверною замѣной Венеры, почему я и полагалъ возможнымъ, что въ приведенныхъ отрывочныхъ строкахъ она выступаетъ, какъ и въ славянской версіи, въ роли Венеры, открывающей Парису тайну его происхожденія. Противъ этого говоритъ то обстоятельство, что въ славянской притчѣ это откровеніе помѣщено послѣ суда надъ богинями, въ связи съ обѣщаніемъ Венеры наградить Париса, если онъ окажетъ ей преимущество; между тѣмъ въ сагѣ сцена суда, въ которой является и Фрея=Венера, разказана позже указаннаго выше

---

educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisses habuit taurum in deliciis. Quo cum satellites missi a Priamo ut taurum aliquit adduceret venissent, qui in athlo funebri quod ei fiebat poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent. illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Jovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiaque recepit.

отрывочнаго ея упоминанія, и представляется сомнительнымъ, по отношенію къ ней, выраженіе: любилъ. Остается предположить, что какъ въ венеціанскомъ пересказѣ, такъ и въ подлинникѣ саги дѣло шло о Энонѣ, которую пересказщикъ смѣшалъ (если только смѣшеніе не произошло въ его оригиналѣ) съ слѣдующею далѣе Венерой—по смежности и созвучію именъ, усиленному обоюднымъ искаженіемъ. Въ славянской притчѣ Венера = Веноушь, Веноуша, Энона = Оинеушь, Ионеш и Веноушь, какъ въ одной латинской статьѣ о Троѣ, о которой рѣчь будетъ далѣе, Венера является подъ именемъ Veneus (Венеоушь).

Въ связи съ эпизодомъ объ Энонѣ нашего разказа припомнимъ одно мѣсто славянской притчи. Энона обращается съ упрекомъ къ Еленѣ: „помяни, егы то ны три сѣдѣхомь въ морьскомъ отоцѣ и доиде Тезишь витезь и вѫзѧ тебе из междѫ насъ, и по томъ тѧ е вѫзѧлъ Менелаоушь царь, а сези си въ третиѧ постелѧ прѣлюбы сътворила“. Въ венеціанской повѣсти Энона такъ говоритъ Парису: Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolto Elena, ma no sastu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moier de Menelaus si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamixa, e siando le done sovra lo ladi del fiume e li signori da l'altro ladi, e siando Ellena spoiada, sì se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, sì se li zita driedo a l'aqua e sì la prexe e menala a [A]tenes e sì la tene molti zorni? и т. д.

Въ „Цвѣтникѣ“ (Fiorita) Armannino giudice di Bologna (XIV в.) разказъ о юности Париса встрѣчается дважды, но безъ боя быковъ и откровеній Эноны. Интересны для славянскаго текста нѣкоторыя подробности, предшествующія первому разказу: Пелей женится на Ѳетидѣ, дочери Нерея. У этого Нерея было пятьдесятъ мудрыхъ и вѣщихъ дочерей, знавшихъ всѣ искусства гаданія, особливо путемъ гидромантіи. Онѣ обитали на морскихъ „отокахъ“, isole nereite, ибо здѣсь ихъ искусство проявлялось наиболѣе; писатели зовутъ этихъ женъ нимфами и морскими богинями, ибо онѣ изощрялись въ искусствѣ гидромантіи. Нимфы и нереиды обратились въ вѣщихъ женъ, пророчицъ, какъ въ славянской притчѣ Юнона, Паллада и Венера являются „вилами пророчицами, кожѫ бѣхѫ наилѣпшѧ вь морскыихь отоцѣхь“. Послѣднее опредѣленіе напоминаетъ „isole nereite“: богини смѣшаны съ вѣщими морскими вилами — нереидами; морскою вилой и пророчицей является позднѣе и Фелеша—Діана. Очень вѣроятно, что славянскому переводчику принадлежитъ

перенесеніе на языческихъ богинь вообще образа пророчицъ-нереидъ, встрѣченный имъ въ его подлинникѣ, въ эпизодѣ о Пелеевой свадьбѣ.

Тѣ же подробности о рожденіи и юности Париса съ боемъ быковъ (judex justus), но безъ эпизода о Энонѣ, находятся въ одномъ рукописномъ латинскомъ Liber exitium Troye, изъ котораго выше приведено было чтеніе Veneus=Venus.

Какъ эта форма имени, въ связи съ другими подобными, такъ и весь характеръ источниковъ, раскрываемый предыдущимъ, хотя бы и частичнымъ сравненіемъ, отводитъ нашей притчѣ мѣсто не въ греко-славянскомъ литературномъ теченіи, какъ то полагаетъ авторъ, а въ томъ, которое позволено обозначить, по отношенію къ южнославянскимъ странамъ, названіемъ латинско- или романско-славянскаго. Въ этомъ теченіи помѣстятся, слѣдомъ за Троянскою притчей, и сербскіе переводы Тристана и Бовы, сохранившіеся въ бѣлорусскомъ пересказѣ XVI вѣка, можетъ быть, и нѣкоторые изъ другихъ памятниковъ, обыкновенно разсматриваемыхъ подъ рубрикой византійскаго вліянія. Для Россіи передаточнымъ пунктомъ этой западной литературной струи были въ древнюю пору Сербія и Далмація; позднѣе—Польша.

Византійскому теченію, на оборотъ, принадлежитъ поэма о Дигенисѣ [1]), перешедшая къ славянамъ въ своеобразномъ прозаическомъ пересказѣ. Разборъ, посвященный ей Гастеромъ (стр. 105—108; стр. 39. Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы 1875, апрѣль=Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russische Revue 1875, IV Jahrg. 6 Heft; отчетъ о книгѣ г. Жданова: Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, февраль, стр. 368—371), едва ли отвѣчаетъ ея значенію; по отношенію къ греко-славянскому вліянію, которое изучаетъ авторъ, ему интересно было остановиться на гипотезѣ Психари (которую, впрочемъ, я по прежнему считаю не доказанною, см. мою статью: Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ, l. c., стр. 74): что списатель поэмы о Дигенисѣ скалькировалъ свой планъ съ французской

---

[1]) Новое изданіе ея трапезунтскаго текста, съ добавками изъ другихъ, не отвѣчаетъ цѣлямъ критики. См. Ἔπος μεσαιωνικὸν ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζοῦντος. Ὁ βασιλεὺς Διγενὶς Ἀκρίτης ὁ Καππαδόκης ὑπομνηματισθὲν ἐκδίδοται ὑπὸ Σάββα Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1887.

chanson de geste о Guillaume au Court nez. Съ другой стороны. отмѣтивъ предложенное мною отожествленіе Дигениса-Аникита съ Аникою русскаго духовнаго стиха, Гастеръ не коснулся вопроса, поднятаго Саѳой, Леграномъ и Политомъ: о другомъ отраженіи легенды о Дигенисѣ въ области народнаго folk-lore. Я разумѣю балладу о Ленорѣ или о братѣ-мертвецѣ. Я позволилъ себѣ (l. c., стр. 76—78) усомниться въ состоятельности этой генеалогіи; тѣмъ не менѣе вопросъ еще остается открытымъ, какъ вообще вопросъ о международныхъ направленіяхъ, среди которыхъ создалась пѣсня о Ленорѣ. См. Krumbacher, Ein Problem der vergleichenden Sagenkunde und Litteraturgeschichte (Zeitschr. f. vergleichende Literaturgeschichte I, стр. 214 слѣд.); Böckel, Zur Lenorensage, Germania XXXI, стр. 117—119 и тамъ же стр. 347—351: отчетъ Либрехта о брошюрахъ Психари и Полита; Jahn, Volkssagen aus Pommern und Rügen № 515 (библіографія пѣсни, составленная Ernst'омъ Kuhn); новые варіанты греческихъ пѣсенъ, сообщенные недавно Политомъ (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος II, 7, стр. 552 слѣд.). Вопросъ этотъ тѣмъ интересенъ, что рядомъ съ литературнымъ движеніемъ греко-славянскимъ онъ открываетъ возможность и другому противоположному—славяно-греческому. Я имѣю въ виду предположеніе Вольнера о томъ, что мотивы баллады о братѣ-мертвецѣ сложились въ отношеніяхъ славянскаго быта и соотвѣтствующія греческія пѣсни стоятъ въ зависимости отъ южно-славянскихъ.

Переходя къ общимъ взглядамъ автора на пути и характеръ изучаемаго имъ литературнаго движенія, я совершенно согласенъ съ нимъ (стр. 95, см. мой отчетъ о книгѣ Cosquin, l. c., стр. 288 и слѣд.) въ отрицательной оцѣнкѣ Бенфеевой гипотезы: о монголахъ, какъ передатчикахъ отъ Азіи къ Европѣ восточнаго повѣствовательнаго матеріала, и въ значеніи, которое онъ даетъ въ этомъ дѣлѣ византійскому посредству. Я долженъ выразиться сдержаннѣе по другому вопросу: о значеніи богомиловъ-катаровъ въ исторіи того же литературнаго перехода. Я формулировалъ подобныя предположенія въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ (1872); позднѣе встрѣтилъ его въ книгѣ г. Хыждеу, теперь его развиваетъ авторъ разбираемаго труда (сл. его 2-ю главу; стр. 48 и слѣд., 79: о связи средневѣковыхъ вѣрованій въ демонизмъ вѣдовства съ распространеніемъ дуалистическихъ ересей; стр. 112), къ которому я могу приложить сказанное мною по поводу сходныхъ воззрѣній г. Хыждеу; по видимому, по данному вопросу между нами не могло бы быть разно-

тласія; между тѣмъ, оно существуетъ — не въ принципѣ, а въ примѣненіяхъ. Я по принципу не сомнѣваюсь въ сильномъ вліяніи богомильской проповѣди и богомильской фантазіи на религіозное и, болѣе того, поэтическое міросозерцаніе тѣхъ народныхъ слоевъ, которыхъ такъ или иначе тронуло движеніе сектанства; но я выразился бы теперь менѣе категорично относительно опредѣленныхъ слѣдовъ этого вліянія, чѣмъ дѣлалъ это прежде, чѣмъ дѣлаетъ это, съ большою смѣлостью противъ меня, г. Хыждеу (Разысканія VI, стр. 4)—и Гастеръ [1]). Я не подписался бы, напримѣръ, подъ слѣдующимъ мнѣніемъ послѣдняго (стр. 23): „Замѣчательно, что древнѣйшіе переводы Библіи на народные (европейскіе) языки, особливо на французскій и италіанскій, сдѣланы были не съ латинской Вульгаты, а несомнѣнно съ греческаго текста, либо какого-нибудь составленнаго по немъ перевода. По всей вѣроятности, они принадлежатъ катарамъ и, быть можетъ, переведены были съ славянскаго“ (сл. стр. 195). Такое же богомильское происхожденіе авторъ приписываетъ не только древнеславянской Палеѣ (стр. 26—27), но и западной Bible historiale, источники которой разбираются въ особомъ приложеніи (стр. 147 и слѣд.). Общій выводъ изъ этого разбора такой (стр. 191): „Источники западной Bible Historiale, и въ извѣстномъ смыслѣ и Historia Scholastica, слѣдуетъ искать въ греко-славянской Палеѣ, принесенной съ востока во Францію и Провансъ теченіями, съ которыми мы далѣе познакомимся.... Не въ ортодоксальныхъ, а въ иновѣрческихъ кружкахъ зачалась и развилась литература апокрифовъ“, говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 192),—„и здѣсь же сложилась и Bible Historiale, появленіе которой страннымъ образомъ совпадаетъ съ замѣчательнымъ движеніемъ, обнаружившимся въ ту пору во Франціи и во всей средней Европѣ“. Въ началѣ XIII вѣка возникло въ Мецѣ общество съ цѣлью читать Библію на народномъ языкѣ; Мецскій епископъ донесъ объ этомъ Иннокентію III, общество было закрыто, ихъ Библія, уличенная въ еретическомъ содержаніи, сожжена; она оказалась принесенною въ Мецъ вальденсами (стр. 194). „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ,—„мы имѣемъ звено, соединяющее вульгарный пере-

[1]) Что распространеніе русскихъ сатирическихъ разказовъ на духовенство принадлежитъ, между прочимъ, нашимъ раскольникамъ и сектантамъ, предполагаетъ, но не доказываетъ г. *К. Г.*: Два малороссійскихъ фабло и ихъ источники, *Вѣстн. Европы* 1887 г., іюль, стр. 323 и слѣд. Кстати: fableau вѣрнѣе fabliau, но къ послѣднему мы привыкли (стр. 324); странный пуризмъ рядомъ съ передачей Rustbues=Рутебуесомъ.

водъ Библіи и ея обращеніе въ народѣ съ еретическими сектами, процвѣтавшими въ то время, особливо на югѣ Франціи" (l.c.). Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о вальденсахъ, не о дуалистахъ богомилахъ или катарахъ; Библія первыхъ не могла быть Библіей вторыхъ и на оборотъ; вальденсы также мало принадлежатъ дуалистическому религіозному движенію, протянувшемуся отъ Болгаріи до Прованса, какъ и флагелланты, распространившіе свою проповѣдь покаянія и самобичеванія въ обратномъ направленіи: отъ Италіи до далекаго Новгорода. Полагаю также, что авторъ выразился слишкомъ обще, говоря въ другомъ мѣстѣ (стр. 21—22), что еретическое (дуалистическое) движеніе, подавленное на югѣ Франціи крестовымъ походомъ на альбигойцевъ, не было окончательно уничтожено, и что его отголоски объявились позднѣе—въ движеніи флагеллантовъ и гусситовъ.

За вычетомъ всего сказаннаго, попытка г. Гастера уяснить себѣ составъ западной Bible Historiale сравненіемъ ея съ греко-славянскою Палеей, заслуживаетъ полнаго вниманія. Разумѣется, его работа — только опытъ, онъ и самъ не даетъ ей другаго значенія (стр. 147), но это опытъ, имѣющій будущее. Авторъ пересмотрѣлъ цѣлый рядъ памятниковъ, черпавшихъ свое содержаніе изъ искомой древней Bible Historiale; обойденъ почему-то богатый отреченнымъ содержаніемъ Cursor mundi. Частные результаты сличенія съ нашею Палеей любопытны. Въ одной каталонской Bible historiale, изученной Rhode (Suchier, Denkmäler der provenzalischen Literatur und Sprache, p. 589 и слѣд.), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотворныхъ Библіяхъ нерѣдко встрѣчается воззваніе: „Слышите! Слушайте! Зрите!" и тому подобныя выраженія. Издатели и изслѣдователь (Rhode) заключили изъ этихъ воззваній, что такая Библія читалась въ церкви и въ школѣ; но если припомнить, что содержаніе ея далеко не каноническое и что чтеніе вульгарной Библіи не допускалось католическою церковью, мы поймемъ невозможность предложеннаго объясненія. Совершенно иной смыслъ получаютъ указанныя фразы, если сравнить ихъ съ сходными въ славянской толковой „Палеѣ": она обращена преимущественно противъ евреевъ и, въ меньшей степени, противъ мусульманъ, служа къ ихъ уличенію. Отсюда понятны частыя возглашенія: „Слыши, жидовине!.. Спрашиваю тебя, жидовине!.. О, вы, грѣшные жиды и нечистые бесермены!.. Уразумѣйте чудо и возблагодарите Господа!., Откройте глаза и устремите очи" и т. п. Гастеръ усматриваетъ въ такихъ же возглашеніяхъ романской „Исторической Библіи", непонятныхъ въ ея настоящемъ составѣ, слѣдъ ея древняго

учительнаго назначенія (сл. стр. 179—180 и 153—154). Другой поводъ сближенія съ Палеей даетъ одна рукопись нѣмецкой „Исторической Библіи“ (стр. 189—190). „Когда Господь готовился создать небо и землю, Онъ сотворилъ раньше всего ангела Sataël, а затѣмъ и другихъ ангеловъ“. Этотъ Sataël не кто иной, какъ Сатанаилъ Палеи, извѣстный изъ богомильскихъ писаній и спеціально принадлежащій ихъ еретическому вліянію. Въ полномъ согласіи съ ихъ ученіемъ стоитъ и то обстоятельство, что Сатанаилъ названъ первосозданнымъ, могущественнѣйшимъ, бо̀льшимъ надъ другими ангелами, откуда его гордыня и паденіе. Comestor въ Historia Scholastica также знаетъ Satanaïl'a, котораго отожествляетъ съ Люциферомъ и неправильно объясняетъ Сатаною: sic dictus est ante lapsum, vel forte post lapsum, Satan, quasi adversarius, El: Deo“. Интересную легенду о немъ и о происхожденіи демоновъ находимъ въ житіи св. Марины (ed. Usener, l. c., стр. 34—36): οὗτος ὁ Σαταναὴλ ἔλαβεν εἰς γυναῖκα τοῦ Διὸς τὴν θυγατέρα· καὶ οὗτος, ἡ θυγατηρ τοῦ Διός, ἐγενήθη δαίμων τέλειος· καὶ οὗτος συμμίγνυται αὐτῇ ὥσπερ ἀνδρόγυνον, καὶ τίκτει ἐξ αὐτοῦ ᾠὰ ἀντὶ γεννήσεως· καὶ ἐξ αὐτῶν τῶν ᾠῶν ἐξέρχονται δαίμονες πονηροί. Такъ говоритъ демонъ святой Маринѣ, прибавляя: καὶ λοιπὸν λέγουσιν οἵ μὲν περὶ ἡμῶν ὅτι ἀπὸ τῶν πονηρῶν γυναικῶν τῶν ἀρχαίων γεγενήμεθα.... ἄχρις δὲ Σολομῶντος ἦμεν φυλαττόμενοι εἰς πίθος ἐγκεκλεισμένοι τῇ σφραγῖδι τοῦ Σατανά· ὅτε δὲ ἦλθον οἱ Βαβυλώνιοι, ἡμεῖς ἐποιήσαμεν θλόγα ἀπὸ τῶν ἀγγείων· οἵ δὲ ἐνόμισαν ἰδόντες θησαυρὸν λάμποντα, καὶ ἐλθόντες ἤνοιξαν τοὺς χαλκοὺς πίθους νομίζοντες χρυσίον εὑρεῖν· ἡμεῖς δὲ ἀπολυθέντες ἐθύγομεν εἰς τὴν ὑπ'οὐρανόν.

Знакомство западныхъ ученыхъ съ составомъ нашей Палеи несомнѣнно прольетъ свѣтъ на исторію подобныхъ ей библейско-апокрифическихъ сводовъ, бывшихъ въ ходу на западѣ. Разумѣется, не всегда новыя откровенія будутъ на нашей сторонѣ: легенда объ Авраамовомъ деревѣ неизвѣстна, напримѣръ, богатому циклу славянскихъ крестныхъ сказаній. Я занимался ею въ моихъ Разысканіяхъ (X стр. 417 слѣд.; сл. теперь: Bonnard, Les traductions de la Bible en vers français au moyen âge, стр. 181; Chabaneau, Li romans de St. Fanuel, Revue des langues romanes, t. XXVIII de la collection, 3-me série, t. XIV, Sept. 1885, p. 118 слѣд.; Oct.—Dec., стр. 158 слѣд.), приравнивая встрѣчающійся въ ней мотивъ: о чудесномъ оплодотвореніи цвѣтомъ къ малорусской легендѣ о двухъ женахъ, созданныхъ Господомъ Адаму: „жинкѣ зъ рожи“ и женѣ изъ ребра = Еввѣ. Въ томъ же нѣмецкомъ текстѣ „Historienbibel“, на который

выше было указано по поводу Сатанаила, упоминается и еврейская легенда (Alphabetum Pseudo-siracidum, около VIII вѣка) о первой женѣ Адама, сотворенной Господомъ изъ персти и внѣ рая, тогда какъ Евва сотворена была въ раю изъ ребра Адамова (стр. 188).

Какъ часто мелкіе факты западной апокрифической литературы могутъ выяснить темныя стороны сходныхъ русскихъ и славянскихъ статей, я попытаюсь указать на примѣрѣ. Въ русской Повѣсти града Іерусалима „царю Волоту видится сонъ: „въ тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю землю святорусскую; а въ другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное корение, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ". Объясненіе этого сновидѣнія такое (сл. мои Разысканія IV, стр. 71): „что съ тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю святорусскую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начяльный; а что с тое страны полуденныя выростало древо кипарисъ, корение сребреное, [то] въ томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі Премудрости Божия о седмидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золоты, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ. [А что поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой], то у меня (Давида) будетъ сынъ царь Соломонъ премудрый і онъ созиждетъ Святая Святыхъ...; а что у кречета колокольчикъ золотой,—у твоей царицы родитця дочь Соломонида".

Символы дерева (крестнаго)=церкви, птицы—кречета (=феникса), на немъ сидящей = Христа извѣстны въ средневѣковой литературѣ и искусствѣ; что кречетъ=Соломонъ, колокольчикъ=его жена Соломонида, дочь Волота—это не гармонируетъ съ иносказательнымъ смысломъ предыдущихъ образовъ (l. c., стр. 71); это дало мнѣ право заключить, что въ данномъ эпизодѣ русской статьи мы имѣемъ дѣло съ агломераціей „нѣсколькихъ значеній, не связанныхъ между собою внутренне, а послѣдовательно пріуроченныхъ къ одному и тому же образу, что стало возможнымъ лишь при забвеніи первоначальной символики" (l. c., стр. 72). Она могла быть такая: дерево=церковь, птица=Христосъ; значеніе колокольчика ясно изъ слѣдующаго крестнаго видѣнія, бывшаго одному умбрійскому мистику XIV вѣка Tomasuccio da Foligno (сл. G. Mazzatinti, Un profeta umbro del secolo XIV, въ Propugnatore 1882 г., disp. 4—5, стр. 13—14): онъ ви-

дѣлъ почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца, въ правой рукѣ у него вѣтка кипариса, на которой висятъ благозвучно звенящіе колокольцы, въ лѣвой знамя съ изображеніемъ черепа, изо рта котораго выходятъ три лозы. Это Адамъ, три лозы означаютъ три дерева, изъ которыхъ сдѣланъ былъ крестъ Спасителя, кипарисъ указываетъ на качество дерева, колокольцы изображаютъ радость людей, избавленныхъ Распятымъ на крестѣ.—Слѣдуютъ видѣнія: Ноя, Авраама, Моисея и Аарона (безъ иносказательнаго отношенія къ крестному древу) и, наконецъ, Давида, съ тремя вѣтвями въ рукѣ: кипариса, кедра и пальмы (=три крестныхъ древа), украшенными серебряными колокольцами.—Иносказаніе русской повѣсти объясняется: въ ея источникѣ колокольцы на кречетѣ=фениксѣ=Христѣ, возсѣдавшемъ на крестномъ древѣ=церкви, могли также обозначать радость, имѣющую вселиться въ міръ подвигомъ спасенія.—Въ этомъ иносказаніи имя Соломона могло быть связано первоначально съ упоминаніемъ древа=церкви=Святая Святыхъ, имъ сооруженной; имя Соломониды вторглось впослѣдствіи изъ Соломоновской повѣсти (увозъ жены), спутавъ первичный символизмъ.

Замѣтокъ и обоюдныхъ исправленій, подобныхъ предложенному, я могъ бы сдѣлать и еще нѣсколько, разбирая трудъ г. Гастера; но я предоставляю это дѣло другимъ, особливо западнымъ ученымъ, для которыхъ его книга будетъ въ извѣстномъ смыслѣ откровеніемъ.

А. Веселовскій.

Лекціи по общей теоріи права. Привать-доцента С.-Петербургскаго университета *Н. Коркунова*. Ч. I. С.-Пб. 1887.

Появленіе въ свѣтъ курса общей теоріи права г. Коркунова очень обрадовало насъ. Даже въ Германіи, которая еще такъ недавно была богата литературою по общей теоріи энциклопедіи права, въ два послѣднія десятилѣтія замѣчается по этимъ предметамъ видимый упадокъ; съ 60-хъ годовъ вышли всего только два небольшіе курса Меркеля (Juristische Encyclopädie. 1885) и К. Гарейса (Encyclopädie und Methodologie. 1887), не представляющіе впрочемъ ни по направленію, ни по содержанію ничего выдающагося.

Курсъ г. Коркунова обѣщалъ тѣмъ больше, что онъ явился въ результатѣ довольно продолжительнаго преподаванія, слѣдовательно, постепенно могъ быть провѣренъ и обработанъ; къ тому же г. Кор-

куновъ извѣстенъ, по прежнимъ трудамъ, какъ человѣкъ способный, со свѣдѣніями по своей спеціальности.

Къ сожалѣнію, курсъ лекцій г. Коркунова, въ его печатномъ видѣ, далеко не оправдалъ нашихъ ожиданій. Трудъ этотъ не даетъ ни цѣльной системы, ни опредѣленныхъ ясныхъ понятій, ни даже сколько-нибудь выдержаннаго направленія. Книга его представляетъ попытку, столько же оригинальную, сколько и неудачную, соединить не соединимые начала и методы, такъ какъ авторъ считаетъ задачею современнаго правовѣдѣнія (между прочимъ) „обработку практическаго матеріала права въ систематическомъ, спекулятивно-идеалистическомъ, историческомъ и эмпирико-реалистическомъ направленіяхъ“ (стр. 29).

Г. Коркуновъ начинаетъ свою книгу изложеніемъ понятій объ энциклопедіи права, философіи права и общемъ ученіи о правѣ; въ этомъ краткомъ критическомъ очеркѣ онъ въ особенности борется противъ „философіи права, какъ сверхчувственнаго понятія о правѣ“ и въ результатѣ отвергаетъ юридическую энциклопедію, какъ особую науку, отожествляя ее съ философіей права (стр. 26), а послѣднюю въ свою очередь отожествляетъ съ общею теоріей права. Съ извѣстной точки зрѣнія можно согласиться со взглядомъ автора; дѣло не въ названіяхъ; необходимо только, чтобы данное опредѣленіе науки было отчетливо и послѣдовательно проведено въ цѣломъ трудѣ, но именно этого мы и не находимъ въ книгѣ г. Коркунова, какъ убѣдимся впослѣдствіи.

Что же такое общая теорія права по взгляду г. Коркунова? Слѣдуя Мюллеру (не извѣстно которому, а Мюллеровъ такъ много!), г. Коркуновъ опредѣляетъ свою науку „какъ систему основъ права“ (стр. 28), которая, слѣдуя вышеуказанному сложному методу, „обрабатываетъ практическій матеріалъ права, извлекаетъ изъ него общія основы права, обработываетъ ихъ собразно ихъ внутренней связи въ цѣльную систему общей теоріи права“... Въ особенности общая теорія провѣряетъ положительное право съ его технической (?) и логической стороны, выясняетъ руководящіе правовые принципы изъ совокупности, связи и сущности общественнаго организма и сводитъ ихъ къ общимъ основамъ людской дѣятельности въ обществѣ и государствѣ“. „Общая теорія права есть такимъ образомъ краеугольный камень системы правовѣдѣнія“ (стр. 29). Впрочемъ, „сама общая теорія права“, продолжаетъ Коркуновъ,—„конечно, не можетъ никакъ имѣть непосредственнаго примѣненія къ жизни, ибо она содержитъ только общія основы права; не возможно также изъ ея общаго содержа-

нія, путемъ интерпретаціи, путемъ логическаго и діалектическаго развитія понятій, образовать практическое (?) право" (стр. 29). Предоставляемъ самому читателю найдти въ этомъ объясненіи сколько-либо опредѣленныя черты той науки, которую авторъ ставитъ „краеугольнымъ камнемъ всего правовѣдѣнія", при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что „общая теорія права есть обобщенный выводъ изъ практическаго матеріала права", и въ то же время „изъ общаго содержанія этой науки не возможно образовать практическое право", равно и на то, что „теорія права связываетъ въ одно цѣлое не только отдѣльныя дисциплины, но и ихъ содержаніе"; какъ будто дисциплина можетъ быть безъ содержанія?

Для своей науки общей теоріи права г. Коркуновъ ставитъ широкія задачи: „она должна имѣть мѣсто какъ въ системѣ обученія, такъ и въ разработкѣ права"; она служитъ введеніемъ, заключительнымъ курсомъ юридическихъ наукъ, руководствомъ для выбора и постановки спеціальныхъ изслѣдованій и повѣрки ихъ результатовъ; она же заключаетъ въ себѣ и общую критику для права" (§ 5). Если подобное расширеніе задачъ общей теоріи права мыслимо при научной разработкѣ предмета, то едва ли оно возможно въ системѣ обученія; какимъ образомъ начинающіе слушатели, то-есть, студенты первыхъ семестровъ, могутъ выполнять одновременно столь высокія задачи, могутъ быть готовыми для изученія основъ права и для критики положительныхъ и научныхъ явленій права?

Въ историческомъ очеркѣ философіи права (§ 3) авторъ увѣряетъ, что „теоріи XVII вѣка еще не отличаютъ нравственности отъ права, по крайней мѣрѣ отъ права естественнаго" (§ 19), и что будто бы „первый установившій опредѣленнымъ образомъ не только это различіе, но и противоположность (?) между правомъ и нравственностью, былъ Томазій". Между тѣмъ еще Гроцій понималъ различіе между правомъ (facultas, justitia expletrix) и нравственностью (aptitudo, justitia attributrix) и провелъ его весьма отчетливо въ ученіи о наказаніи; еще болѣе понималъ различіе между естественнымъ правомъ и нравственностью Пуффендорфъ, указавшій существенныя черты той и другой. Томазій лишь точнѣе и рѣзче установилъ отличіе между правомъ и нравственностью и провелъ это отличіе въ цѣлой своей системѣ (Fundamenta juris naturae et gentium. 1705); вмѣстѣ съ тѣмъ Томазій не только не противополагалъ право нравственности, но признавалъ необходимымъ для счастливой жизни человѣка совокупное дѣйствіе честнаго (honeste), благопристойнаго (decore) и праведнаго (juste).

Перейдемъ однако къ опредѣленію самаго понятія о правѣ.

Г. Коркуновъ полагаетъ (стр. 48), что юридическія нормы, отличныя отъ законовъ природы, не могутъ быть „чѣмъ-либо другимъ какъ только явленіями“ [1]). Въ чемъ же заключается это „явленіе-право“? „Если отбросить въ обыденныхъ взлядахъ на право всѣ субъективныя воззрѣнія, все мѣняющееся, сообразно различію времени, мѣста, обстоятельствъ, то мы получимъ“, говоритъ г. Коркуновъ,—„какъ общепризнанное, стоящее внѣ споровъ, слѣдующее положеніе: право есть правило (здѣсь уже право не явленіе?), норма человѣческой дѣятельности, осуществляемая чрезъ посредство сознательной воли человѣка, а потому допускающее нарушеніе“ (стр. 34). Жаль очень, что авторъ не указалъ, кто именно считаетъ подобное опредѣленіе безспорнымъ, такъ какъ мы не встрѣчали его ни у одного серьезнаго правовѣда. Да и что̀ заключается въ этомъ опредѣленіи? Развѣ подъ него не подходятъ отношенія нравственныя, религіозныя, правила логики, грамматики, гигіены и т. п.?

Высказавъ свое безспорное положеніе, г. Коркуновъ нѣсколько ниже вспоминаетъ, „что въ юридической литературѣ нельзя вовсе найдти опредѣленія, пользующагося сколько-нибудь общимъ признаніемъ“ (стр. 53). Вѣроятно, вслѣдствіе того онъ излагаетъ и критикуетъ различныя прежнія и новыя воззрѣнія на право и предлагаетъ въ заключеніе свои. Остановимся лишь на болѣе интересныхъ. Г. Коркуновъ причисляетъ нѣкоторымъ образомъ къ праву и юридическія теоріи: „Если бы право и законъ“, говоритъ онъ,—„были тожественны, то былобы непонятно существованіе юридическихъ теорій. Еслибы норма дѣлалась юридическою только въ силу облеченія ея въ форму закона, единственно возможная юридическая теорія была бы теорія составленія законовъ. Между тѣмъ стоитъ раскрыть любой трактатъ по гражданскому и уголовному праву, чтобы убѣдиться въ существованіи такихъ матеріальныхъ теоретическихъ ученій, могущихъ прямо составить содержаніе закона, но и до превращенія въ законъ имѣющихъ юридическій характеръ“ (каковъ языкъ?! стр. 62). Не легко отдать себѣ отчетъ въ этихъ положеніяхъ. Вѣдь существенная принадлежность юридическихъ нормъ заключается въ томъ, что общество, власть признаютъ ихъ обязательными (самъ г. Коркуновъ подтверждаетъ это на стр. 38, 43). Что̀ же общаго, въ юридиче-

---

[1]) Раньше, на стр. 45, онъ говоритъ иначе: нормы юридическія *служатъ причиною явленій*, совокупность которыхъ образуетъ юридическій бытъ. . .

скомъ смыслѣ, между нормами права и трактатами отдѣльныхъ мыслителей? Одна общность содержанія еще не можетъ превратить теорій въ право; хотя бы ученый трактатъ былъ вполнѣ годенъ и приложимъ къ дѣйствительнымъ юридическимъ отношеніямъ, онъ получаетъ значеніе юридическое только въ силу признанія его обществомъ (обычай) или властью (законъ).

Въ теченіе XVII и части XVIII вѣка господствовало воззрѣніе, что законодательство есть исключительная форма права, что самый обычай есть лишь молчаливо признанный законъ, и именно въ это время процвѣтала теорія естественнаго права, а не одна теорія составленія законовъ. Трудно даже понять, почему г. Коркуновъ при такомъ пониманіи юридическихъ теорій отвергаетъ гипотезу естественнаго права, многія положенія котораго перешли въ концѣ XVIII вѣка цѣликомъ въ законодательство.

За симъ г. Коркуновъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (§ 13) отрицанію принужденія, какъ существенно отличительнаго признака права: „различіе между нравственностью и правомъ", говоритъ онъ,— „заключается въ томъ, что „нравственность никогда не допускаетъ принудительнаго осуществленія... а право иногда допускаетъ... Но отсюда еще нельзя заключать о возможности опредѣлить юридическую норму какъ принудительно осуществляемую" (стр. 65). Изъ принудительно осуществляемыхъ нормъ г. Коркуновъ исключаетъ „всѣ тѣ, послѣдствіемъ нарушенія которыхъ является наказаніе, такъ какъ наказаніе не есть принужденіе къ осуществленію тѣхъ нормъ" (стр. 66). „Всѣ юридическія нормы, требующія содѣянія чего-либо, совершенія какого-либо дѣйствія, безусловно не допускаютъ принудительнаго осуществленія. Нѣтъ власти, могущей насильно заставить человѣка дѣйствовать. Силою можно отнять у человѣка жизнь, но нельзя вынудить совершенія дѣйствія" (стр. 67).

Безъ сомнѣнія, можно находить разнообразныя основанія и цѣли въ дѣйствіи уголовной кары, но общее и основное значеніе наказанія заключается, между прочимъ, и въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно служитъ прямымъ или косвеннымъ принужденіемъ къ осуществленію нормъ права. Сверхъ того, если законъ требуетъ отъ извѣстныхъ лицъ уплаты налоговъ, долговъ, исполненія повинностей, и если за неисполненіе сего назначаетъ въ продажу и продаетъ имущество неисправнаго плательщика или должника, то можно ли сказать, что никакая сила не можетъ заставить человѣка уплатить слѣдуемый съ него налогъ или долгъ?

Разборъ важнѣйшихъ опредѣленій философіи у древнихъ и новыхъ народовъ (Аристотеля, Гроція, Канта, Шеллинга, Конта, Краузе, Спенсера) г. Коркуновъ завершаетъ (стр. 24) ссылкою на философскіе этюды г. Козлова, выписывая изъ нихъ длинную тираду, съ такимъ окончаніемъ: „Подлинною задачею философіи всегда было „не познать“ міръ какъ заготово-законченное цѣлое, а лишь построить понятіе міра“ (Этюды, в. I. 1876, стр. 28). Разборъ общихъ опредѣленій права нашъ авторъ оканчиваетъ ссылкою (стр. 29) на Альб. Поста (къ сожалѣнію, не указывая, на какую изъ нѣсколькихъ брошюрокъ Поста). Подобныя завѣнчивающія ссылки производятъ странное впечатлѣніе: неужели авторъ не нашелъ болѣе твердыхъ и признанныхъ авторитетовъ для опроверженія идей Аристотеля и Канта о сверхчувственномъ мірѣ и для подкрѣпленія своихъ воззрѣній? Вѣдь Постъ—одинъ изъ самыхъ незначительныхъ правовѣдовъ-практиковъ, не имѣющихъ накакого научнаго авторитета. Почему же было не сослаться на Алекса, который еще рельефнѣе выражаетъ позитивный взглядъ на право и на философію права (Du droit et du positivisme 1876)?

Перейдемъ къ разсмотрѣнію основныхъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе общей теоріи права г. Коркунова.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о правѣ (гл. I), который г. Коркуновъ разсматриваетъ въ далеко раздвинутыхъ рамкахъ. Авторъ прежде всего старается уяснить отличіе законовъ этическихъ (въ томъ числѣ и права) отъ нормъ техническихъ (?) и законовъ научныхъ (?); но онъ не только не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ, но и спутываетъ понятія. „Законы въ научномъ смыслѣ или законы природы есть“, говоритъ г. Коркуновъ,—„не болѣе какъ формула, выражающая подмѣченное людьми постоянное однообразіе [1]) явленій“; „законъ этотъ указываетъ лишь на то, что̀ есть, независимо отъ воли и сознанія человѣка“ (стр. 34); „онъ представляетъ собою лишь обобщенное выраженіе дѣйствительности; поэтому онъ безусловно не допускаетъ нарушеній“ (стр. 44). „Нормы же техническія суть правила должнаго, осуществляются сознательно волею человѣка“ (стр. 36); „онѣ указываютъ только, какъ слѣдуетъ поступать для достиженія какой-либо опредѣленной цѣли, и могутъ быть и не соблюдены, нарушены; таковы правила гигіены, педагогики, грамматики, строительнаго

[1]) Одно однообразіе явленій, безъ сведенія его къ общимъ причинамъ, еще не можетъ имѣть значенія научнаго закона.

искусства“ и т. д. (стр. 34). „Правила техническія представляются выводами изъ разнородныхъ началъ; нельзя свести къ одному общему началу правила педагогіи, строительнаго искусства, грамматики и гигіены“ (стр. 36). По поводу этой характеристики замѣтимъ, что для насъ далеко не ясно принятое г. Коркуновымъ принципіальное различіе между правилами техническими и законами природы, которые почему-то авторъ спеціально называетъ также законами научными. Развѣ техническія правила, къ которымъ онъ относитъ правила гигіены, грамматики, педагогики, не суть также формулы, выведенныя наукой изъ наблюденія надъ явленіями, и не суть требованія законовъ природы? Развѣ хотя одинъ серьезный гигіенистъ или языковѣдъ согласится, что правила гигіены и грамматики составляютъ простое техническое искусство, что они обнимаютъ не то, что̀ есть? Смѣшавъ понятія о правилахъ техническихъ и законахъ природы, г. Коркуновъ не могъ установить точнаго отличія между законами этическими (къ которымъ онъ относитъ и нормы права) и законами природы. „Нормы этическія и юридическія осуществляются“, говоритъ г. Коркуновъ,—„сознательною волею человѣка, выражаютъ не фактъ, а требованіе, не то, что̀ необходимо есть, а то, что̀ должно быть“ (стр. 34). „Этическія нормы не могутъ мѣняться съ перемѣною преслѣдуемыхъ людьми цѣлей; онѣ едины въ томъ смыслѣ, что всѣ онѣ одинаковы, что всѣ онѣ могутъ быть сведены къ одному общему началу“ (стр. 36). Предложенная характеристика крайне сбивчива и неудовлетворительна. Нормы этическія, какъ и законы природы и правила техническія, не суть произвольныя созданія; онѣ вырабатываются, хотя и при участіи человѣческаго сознанія, но истекаютъ также изъ фактовъ, изъ того, что̀ есть, изъ тѣхъ основаній и условій, которыя существуютъ въ природѣ человѣка и общества.

Затѣмъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что законы этики, въ противоположность нормамъ техническимъ, могутъ быть сведены къ одному общему закону? Правда, всѣ науки, въ томъ числѣ и этическія, стремятся къ возможному обобщенію и объединенію законовъ; но всѣ онѣ далеки отъ искомой цѣли. Впрочемъ, нѣсколько ниже г. Коркуновъ сознается, что юридическія нормы различныхъ народностей и эпохъ не могутъ быть сведены къ одному общему принципу (стр. 55), что юридическая норма не есть выраженіе общаго и постояннаго въ юридическихъ отношеніяхъ, а представляетъ собою частный и измѣнчивый элементъ юридическаго порядка (стр. 48).

Къ дѣйствительно принудительнымъ нормамъ права г. Коркуновъ относитъ только двѣ небольшія категоріи: 1) „когда законъ запрещаетъ что-либо не дѣлать, то можно силою заставить его не совершать запрещенныхъ дѣйствій"; 2) „если человѣкъ отказывается представить другому опредѣленную вещь, то эту вещь можно отнять у него силою". „Въ этихъ двухъ случаяхъ, но и только, дѣйствительно возможно принудительное осуществленіе юридическихъ нормъ" (стр. 67). Слѣдуя однако строго воззрѣнію г. Коркунова, мы можемъ сказать, что и во второй категоріи не всѣ нормы вполнѣ принудительны: въ моментъ, когда является судебный приставъ, чтобы силою взять у меня вещь, принадлежащую другому, я могу сдѣлать эту вещь негодною (хотя она будетъ находиться на лицо) или еще лучше передать ее третьему лицу. Мало того, къ какому разряду должно отнести нормы о правоспособности и дѣеспособности?

Не должно, однако, думать, что г. Коркуновъ вовсе исключаетъ принужденіе изъ области права; отвергнувъ его въ одномъ видѣ, онъ открываетъ ему полный просторъ въ другомъ: „юридическія нормы", говоритъ онъ,—„не вездѣ могутъ быть принудительно осуществлены, но интересы, ими разграничиваемые, всегда допускаютъ принужденное осуществленіе. Принудительнось есть отличительное свойство не самаго права, а регулируемыхъ имъ отношеній и интересовъ" (стр. 69).

Предлагаемое г. Коркуновымъ различіе, заимствованное отчасти у Тона, но выраженное имъ въ своеобразномъ и запутанномъ видѣ, скорѣе составляетъ игру въ формализмъ понятій и выраженій, нежели уясняетъ существо вопроса. Если однако стоять на точкѣ зрѣнія г. Коркунова, то-есть, что принудительность не есть отличительное свойство права вообще, то съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать, что принудительность не есть свойство и регулируемыхъ правомъ отношеній и интересовъ. Спрашивается: какимъ образомъ осуществить принудительно всѣ отношенія и интересы супруговъ, дѣтей и родителей, интересы нанимателей и рабочихъ, всѣ отношенія должностныхъ лицъ, всѣ обязанности представителей службы и вообще большинство интересовъ и отношеній публичнаго права? Вѣдь здѣсь также не возможно непосредственное физическое принужденіе къ осуществленію; психическое же принужденіе, по словамъ г. Коркунова, „сопутствуетъ столько же праву, сколько и религіи, нравственности, логикѣ и т. п." (стр. 68). За симъ г. Коркуновъ переходитъ къ формулировкѣ собственнаго понятія о правѣ; но пред-

варительно онъ останавливается на воззрѣніи Іеринга о правѣ (какъ оно выражено въ сочиненіи: Der Zweck im Recht), которое онъ находитъ „наиболѣе широкимъ и нравственнымъ“.

Опредѣленіе Іерингомъ права какъ „охраны и обезпеченія интересовъ“ представляетъ въ глазахъ г. Коркунова много преимуществъ, сравнительно съ старымъ объясненіемъ права какъ „разграниченія воль“ (стр. 72). Не смотря однако на эти преимущества, г. Коркуновъ не вполнѣ доволенъ опредѣленіемъ Іеринга и „считаетъ необходимымъ“ принять его съ видоизмѣненіемъ и поправкою (стр. 75). „Нельзя“, говоритъ онъ,—„согласиться вполнѣ съ тѣмъ, чтобы право было лишь охраной интересовъ, такъ какъ можетъ оказаться, что какой-либо одинъ исключительный интересъ (деспота) поглощаетъ и подавляетъ всѣ другіе“. Поэтому г. Коркуновъ считаетъ болѣе правильнымъ замѣнить выраженіе „охрана“ „разграниченіемъ“ и опредѣляетъ право „нормою, разграничивающею интересы“. „При такомъ опредѣленіи функціей права будетъ не охрана, а только разграниченіе интересовъ, и этимъ самымъ объяснится, почему юридическое отношеніе мыслимо только между субъектами правоспособными“ (стр. 77). Предложенное опредѣленіе имѣетъ еще и то преимущество, по мнѣнію г. Коркунова, что „охрана интересовъ“ предполагаетъ выборъ лучшаго способа осуществленія ихъ, слѣдовательно, открываетъ путь для безграничной правительственной опеки и подавленія личной иниціативы, между тѣмъ какъ „разграниченіе интересовъ“ только устраняетъ взаимныя столкновенія интересовъ, не вмѣшиваясь въ выборъ лучшихъ способовъ осуществленія каждаго интереса въ отдѣльности. Такимъ образомъ, заканчиваетъ г. Коркуновъ,—„разграниченіе интересовъ представляетъ средину между двумя крайностями: индиферентизмомъ формальнаго пониманія права и безусловнымъ уничтоженіемъ всякой индивидуальной самостоятельности“ (стр. 78).

Относительно изложенныхъ воззрѣній на право считаемъ необходимымъ высказать слѣдующее. Прежде всего понятіе о правѣ самого Іеринга, столь высоко цѣнимое г. Коркуновымъ, мы позволимъ себѣ считать чрезвычайно слабымъ; да и вообще ученіе Іеринга о цѣли права имѣетъ болѣе соціально-политическій интересъ, нежели юридическій. Оставивъ твердую почву римскаго и общаго гражданскаго права, на которой Іерингъ стоялъ въ своихъ первыхъ трудахъ, доставившихъ ему имя одного изъ первыхъ и даровитыхъ современныхъ правовѣдовъ, онъ вступилъ въ шаткую, измѣнчивую и одностороннюю сферу соціально-политическихъ ученій, вслѣдствіе чего его „Der

Zweck im Recht", хотя заключаетъ въ себѣ талантливыя страницы, глубокія и вѣрныя замѣчанія, не вноситъ однако въ ученіе о правѣ ни твердости, ни ясности, исполнено искусственныхъ построеній, односторонних выводовъ и едва ли многимъ переживетъ произведенія Поста. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы опредѣленіе права, предложенное Іерингомъ въ „Der Zweck im Recht" [1]): „право" является здѣсь „системою обезпеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей или жизненныхъ условій общества" (S. 240). „Условіе и цѣль" у Іеринга совпадаютъ (§ 434); подъ условіемъ онъ разумѣетъ всѣ тѣ блага и наслажденія, которыя даютъ жизни настоящую цѣну; они обнимаютъ честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религію, искусство, науку (стр. 435 — 436). „Такимъ образомъ, все частное исчезаетъ, все состоитъ подъ господствомъ общества, государства, все можетъ быть превращено въ общественную цѣль, подвергнуться принужденію". Самъ г. Коркуновъ замѣчаетъ этотъ недостатокъ и говоритъ, что „при такомъ разумѣніи права можетъ явиться безграничная опека правительства, такъ какъ выборъ цѣлей и способовъ осуществленія принадлежитъ правительству". У Іеринга оно такъ и есть: „Лицо, товарищество, государство", говоритъ онъ,—„такова историческая лѣстница человѣческихъ цѣлей; что прежде исполнялось лицомъ, то переходитъ къ товариществу и затѣмъ къ государству. Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества; и если правильно заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, то въ концѣ концовъ государство воспріиметъ въ себя все общество, явится верховнымъ субъектомъ права" (стр. 304). „Прогрессъ государства и права", продолжаетъ Іерингъ,—„представляетъ безконечное повышеніе требованій къ индивидууму, и мы должны быть готовы постоянно къ новымъ ограниченіямъ" (стр. 316—521). Неужели нѣтъ пункта, достигнувъ котораго индивидуумъ могъ бы воскликнуть: „довольно однако требовать, я усталъ быть вьючнымъ животнымъ общества: должна же быть граница между мною и обществомъ, за которою начинается область свободы, принадлежащая мнѣ исключительно"? (стр. 522). Іерингъ благоразумно уклонился отъ разрѣшенія этого вопроса и сомнѣвается даже, чтобъ онъ могъ быть разрѣшенъ когда-либо принципіально (стр. 522—523). Опасеніе совершенно основательное; при взглядѣ Іеринга на право, отысканіе желаемой границы немыслимо.

---

[1]) I-er Bd. Leipz. 1877.

Отдавъ, однако, человѣка въ полную жертву цѣлямъ государства, Іерингъ старается успокоить личность и оградить частную свободу различными искусственными гарантіями. Гарантіи эти Іерингъ находитъ въ „самоограниченіи силы и власти государства, въ развитіи и утвержденіи правосознанія, въ отдѣленіи юстиціи отъ правительственной власти и въ независимости судовъ, долженствующихъ охранять право, наконецъ въ сознаніи, что государство и индивидъ не чужды другъ другу (стр. 368); что государство есть само отдѣльное лицо, что государство должно быть такъ устроено, чтобы каждый подданный могъ повторять выраженіе Людовика XIV: L'état c'est moi. „Римлянинъ такъ и понималъ свое государство", заключаетъ Іерингъ (стр. 546). Не трудно видѣть всю слабость и ложность основаній и аргументаціи Іеринга. Сдѣлавъ государство верховнымъ творцомъ и субъектомъ права, производя все право изъ интереса и силы, превративъ право въ политику власти, сливъ государство съ индивидуумомъ, Іерингъ сдѣлалъ свои гарантіи ничтожными и безполезными. Одна сила сама себя не можетъ ограничивать, и, вѣроятно, не захочетъ. Да къ чему индивиду гарантія, если для него не оставлена неприкосновенною ни одна частица личной жизни, если даже тайники мысли, любви, религій обречены только на службу государству? Независимо отъ сказаннаго, принципъ цѣли и интереса, предложенный Іерингомъ, не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ прежними теоріями, основывавшими право на началахъ справедливости, блага, свободы и т. п. Также, какъ и послѣдніе, онъ непрерывно колеблется, не имѣетъ ни опредѣленнаго содержанія, ни опредѣленныхъ границъ, а потому не можетъ служить точнымъ мѣриломъ для оцѣнки и разграниченія. Самъ Іерингъ сознавалъ послѣднее, говоря, „что вопросъ о жизненныхъ цѣляхъ какъ индивида, такъ и общества есть вопросъ культуры" (стр. 430—437). „Языческое государство ополчалось противъ христіанства, раздавался кликъ: горе христіанамъ! Позднѣе само христіанство вооружалось огнемъ и мечемъ и сказало: горе еретикамъ! Тюрьмы и костры остались тѣ же, измѣнились лишь жертвы закланія. Какое же изъ этихъ воззрѣній было правильное? Каждое для своего времени!"

Предположенная г. Коркуновымъ замѣна выраженія Іеринга „охрана интересовъ" разграниченіемъ интересовъ, по нашему мнѣнію, страдаетъ всѣми вышеуказанными недостатками и кромѣ того, заключаетъ въ себѣ свои собственные. Прежде всего: чѣмъ отличается понятіе „охраны интересовъ" отъ „разграниченія интересовъ"?

Для того, чтобы разграничить, необходимо распредѣлить, избрать (г. Коркуновъ, между тѣмъ, желаетъ избѣжать выбора изъ опасенія правительственной опеки); при этомъ разграниченіи право будетъ брать одни интересы въ свое вѣдѣніе, другіе—оставлять на свободѣ, одни интересы будетъ признавать существенными, другіе—несущественными и вредными, и потому однимъ будетъ содѣйствовать, другіе—отклонять и сдерживать. Сверхъ того, разграниченіе не можетъ остановиться на одномъ отмежеваніи; если оно захочетъ дать своей границѣ какое-либо значеніе, оно неминуемо должно и охранить ее. Напрасно г. Коркуновъ боится, что „при значеніи права только какъ хранителя интересовъ придется признать правомъ и такой порядокъ, въ которомъ охраняются интересы одной силы, гдѣ есть только деспотъ и безправіе". Право есть законъ для отношеній, отношенія же возможны лишь тамъ, гдѣ есть лица правоспособныя,—гдѣ же существуетъ одно правоспособное лицо, тамъ нѣтъ отношенія, не можетъ быть и права.

Въ заключеніе разсмотримъ предложенное авторомъ отличіе права отъ нравственности. По взгляду г. Коркунова, „цѣль и интересъ составляютъ содержаніе нравственности, какъ и права; „различіе между тою и другою областью", говоритъ онъ,—„можетъ быть формулировано очень просто: нравственность даетъ оцѣнку интересовъ, право—разграниченіе ихъ; какъ установленіе мѣрила для оцѣнки нашихъ интересовъ есть задача каждой нравственной системы, такъ установленіе принципа для разграниченія интересовъ различныхъ личностей есть задача права" (стр. 42). Дѣйствительно, формулировка эта чрезвычайно проста, но едва ли даетъ что-либо. Какъ мы видѣли, по мнѣнію г. Коркунова, содержаніе нравственности и права тожественно; разница между ними заключается лишь въ томъ, что первая оцѣниваетъ интересы, а второе разграничиваетъ ихъ. Но понятіе объ интересѣ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго содержанія, и по общепринятому взгляду; между интересомъ и нравственностью есть даже нѣкоторая противоположность: интересъ нерѣдко требуетъ одного, нравственность—другаго. Самъ г. Коркуновъ говоритъ, „что обязательность нравственныхъ нормъ не обусловлена вовсе заинтересованностью другихъ людей въ ихъ исполненіи; если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ свою силу. Это потому, что нравственная оцѣнка не обусловлена вовсе противуположеніемъ своихъ и чужихъ интересовъ" (стр. 43). При чтеніи послѣднихъ строкъ невольно является вопросъ: откуда и почему

явился у г. Коркунова долгъ, если нравственность имѣетъ дѣло только съ интересами и ихъ оцѣнкою? Возможно ли при оцѣнкѣ интересовъ не различать и не противополагать своего и чужаго? Можно побѣдить влеченіе къ собственному интересу, но не понимать различія между моимъ и чужимъ не мыслимо? Дѣло въ томъ, что единственная сдержка и побѣда надъ эгоистическимъ личнымъ интересомъ происходитъ не посредствомъ оцѣнки интересовъ, а подъ вліяніемъ сознанія и чувства долга, которое и есть главнѣйшій руководитель въ нравственномъ мірѣ.

Далѣе г. Коркуновъ говоритъ, что каждая нравственнная система должна установить мѣрило для оцѣнки нашихъ интересовъ. Но откуда она возьметъ это мѣрило, если все основаніе и содержаніе нравственности заключается въ цѣляхъ и интересахъ? Если нравственная система обратится въ этомъ случаѣ за поисками къ принципамъ пользы, истины, красоты, любви, свободы, какъ предполагаетъ г. Коркуновъ (стр. 40),—то, очевидно, она броситъ собственный міръ, зайдетъ въ чужія области и едва ли будетъ въ силахъ примирить ихъ, за исключеніемъ развѣ принципа пользы, который совпадаетъ съ интересомъ.

Переходимъ къ ученію о происхожденіи права (стр. 93—112) и о формахъ образованія права (стр. 255—298), такъ какъ оба эти вопроса (хотя разсматриваются г. Коркуновымъ въ отдаленныхъ другъ отъ друга отдѣлахъ) составляютъ развитіе одного начала и неразрывно связаны между собою. Остановимся, однако, только на двухъ положеніяхъ автора. Отвергая идею естественнаго права, врожденность правосознанія, г. Коркуновъ останавливается на вопросѣ: „какимъ образомъ и откуда появляется впервые самосознаніе о правѣ“ (стр. 106), и рѣшаетъ его такимъ образомъ, „что первоначальное правосознаніе дается и устанавливается безсознательно“ (стр. 107), и въ поясненіе ссылается на аналогическое образованіе воли (по Бену), языка (непроизвольно произносимые звуки по ассоціаціи впечатлѣній переходятъ въ сознательно произносимыя слова и звуки, по Штейнталю). „Безсознательно образуемые обычаи, подъ вліяніемъ столкновеній, представленія о тѣхъ непріятностяхъ, какія влечетъ за собою нарушеніе обычаевъ, переходятъ въ сознательное соблюденіе установившихся обычаевъ; безсознательно созданное содержаніе обычаевъ превращается въ обязательно обычныя правила“ (стр. 108—109).

Предложенное объясненіе весьма слабо въ научномъ отношеніи. Авторъ неоднократно высказывалъ, и совершенно справедливо, что

формы права дѣлаются доступными для наблюденія уже тогда, когда онѣ образовались, и потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для заключенія о процессѣ образованія права. Мало того, въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ совершенно иначе объясняетъ происхожденіе права какъ общественнаго порядка (§ 43); тамъ онъ говоритъ, что „общепризнанное въ обществѣ право предшествуетъ субъективно различному правосознанію отдѣльныхъ личностей, что прежде индивидуальныхъ воззрѣній на справедливость въ отношеніяхъ между людьми слагаются общія, всѣми одинаково признаваемыя, нормы такихъ отношеній“ (стр. 208). Не смотря на эти воззрѣнія, г. Коркуновъ, подъ вліяніемъ ученій [1]) Бена и Штейнталя, незамѣтно остановился на объясненіи, которое ничѣмъ не лучше ученія о прирожденныхъ идеяхъ естественнаго права. Самая аналогія между образованіемъ права, языка и воли, на которую ссылается г. Коркуновъ, оказывается не вѣрною: новѣйшія изслѣдованія по языковѣдѣнію объясняютъ, что образованіе языка происходитъ не случайно, подъ вліяніемъ „впечатлѣній о пріятномъ и желательномъ“, а обусловливается, между прочимъ, законами физическими, а также физіологическимъ строеніемъ гортани. Притомъ же ученіе о безсознательномъ происхожденіи обычаевъ мало согласуется съ принципами о цѣли, интересѣ, которые признаетъ г. Коркуновъ; равно не согласуется это ученіе и съ тѣми отрывочными, но знаменательными фактами, которые можно найдти у Спенсера, Фримена, Леббока объ образованіи учрежденій и права у первобытныхъ племенъ.

Въ ученіи объ источникахъ положительнаго права г. Коркуновъ принимаетъ за формы права: обычай, законы и судебную практику (стр. 256). Послѣднюю онъ признаетъ за самостоятельный источникъ права (стр. 275), наравнѣ съ обычаемъ и закономъ, отличаетъ отъ „судебнаго обычнаго права“ (стр. 274), приписываетъ ей творческую силу (стр. 275 и 276) говоря: „Судебная практика всегда имѣетъ нѣсколько творческое значеніе, и право, какъ оно выражается въ судебной практикѣ, никогда не совпадаетъ въ точности съ правомъ, какъ оно выразилось въ обычаѣ или законѣ“ (стр. 257). Допустивъ такое мнѣніе, г. Коркуновъ возбуждаетъ вопросъ: „какимъ образомъ дѣятельность суда, призваннаго только къ примѣненію существующаго права, можетъ привести къ возникновенію новыхъ нормъ? Признать судебную практику самостоятельнымъ источникомъ права не все ли равно, что признать за су-

---

[1]) Постороннихъ для права.

домъ право судить не по закону или обычаю, а по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ возвести въ общее правило судейскій произволъ" (стр. 275).... Возбужденное однако сомнѣніе не отклонило автора отъ признанія за судебною практикою творческаго значенія: „Какъ изданіе обыкновенныхъ законовъ или правительственныхъ распоряженій", говоритъ онъ,—„по необходимости имѣетъ творческое значеніе, такъ и дѣятельность суда, по самому своему существу, не можетъ быть чужда творческаго элемента" (стр. 257). „Творчество необходимо, потому что, вопервыхъ, „рѣдкій законодательный актъ, есть цѣльное выраженіе единой мысли"; почти каждый законъ является продуктомъ компромисса между разнообразными стремленіями въ правительственныхъ сферахъ или въ парламентѣ". Въ такомъ положеніи суду приходится пріискивать единство логическое самостоятельно и, это, конечно, есть творческая дѣятельность! Притомъ, „что̀ при одной концепціи общей системы законодательнаго постановленія можетъ явиться общимъ правиломъ, при другой можетъ быть низведено на степень строго ограниченнаго исключенія" (стр. 276). „Вовторыхъ", продолжаетъ авторъ, — „въ каждомъ законодательствѣ встрѣчаются противорѣчія и неполноты; для ихъ устраненія представляется обыкновенно нѣсколько путей, и выборъ между этими различными, но одинаково возможными путями, дѣлаемый судебною практикой, имѣетъ опять, таки творческій характеръ" (стр. 275). „Наконецъ, втретьихъ, возстановляя логическое единство, устраняя противорѣчія и пробѣлы, судъ черпаетъ для того матеріалъ и руководящія начала въ выводахъ научнаго мышленія о правѣ" (стр. 276). „Такимъ образомъ чрезъ посредство судебной практики, и наука является источникомъ права" (стр. 277).

Давая такое значеніе судебной практикѣ, г. Коркуновъ оговаривается, что разъ принятое судомъ рѣшеніе не связываетъ судъ на будущее время: „Если каждый законъ можетъ быть замѣненъ новымъ, то, конечно, и судебная практика не можетъ быть обречена на неподвижность и застой" (само собою при равенствѣ въ самостоятельности, должно быть равенство и въ силѣ дѣйствій). „Впрочемъ", поясняетъ авторъ,—„такъ какъ постоянство судебной практики имѣетъ весьма важное значеніе, то судъ всегда будетъ склоненъ поддержать однажды признанное,... поэтому все вѣроятіе за то, что разъ принятое судомъ начало будетъ поддерживаться имъ и въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ" (стр. 277).

Изложенное мнѣніе г. Коркунова о творчествѣ судебной практики

есть явленіе почти исключительное; можно сказать, что ни одинъ изъ авторитетныхъ юристовъ не признаетъ подобнаго значенія за судебнымъ правомъ. Допускается толкованіе, примѣненіе по аналогіи, однако, всегда въ предѣлахъ смысла закона и законодательства; но судебное творчество, которое имѣло бы право „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ", могло бы обращать „общее правило въ исключеніе, а исключеніе въ общее правило", и которое для „пополненія пробѣловъ или устраненія противорѣчій могло бы черпать матеріалъ и руководящія начала изъ научнаго мышленія о правѣ",—противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ о дѣйствительномъ судѣ и правѣ.

Жаль, что г. Коркуновъ въ настоящемъ столь важномъ вопросѣ отступилъ отъ Іеринга, котораго онъ ставитъ столь высоко и который въ своемъ „Der Zweck im Recht" высказываетъ неоднократно: „Судья долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ живымъ олицетвореннымъ закономъ" (стр. 378). „Какъ солдатъ научается подчиненію въ строевой войсковой школѣ, такъ судья службою научается повиновенію закону" (стр. 404). „Юридическая форма, которою судья не обязанъ руководствоваться при отправленіи суда — противорѣчіе, — это не горящій огонь, это—свѣтъ, который не свѣтитъ" (стр. 321).

Взглядъ г. Коркунова на судебное творчество не менѣе противорѣчитъ и другимъ воззрѣніямъ самого г. Коркунова. „Всякому важно", говоритъ онъ выше,—„опредѣлить напередъ, съ возможною точностью, при соблюденіи какихъ именно правилъ онъ можетъ быть обезпеченъ отъ всякаго притязанія со стороны другихъ, и соблюденія чего именно онъ можетъ требовать отъ нихъ самихъ" (стр. 261)... „Отличительная особенность положительнаго права—его общеизвѣстность; поэтому никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ положительнаго права..." (стр. 265). „Судъ долженъ судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрѣнію".....

А развѣ уничтоженіе законодательныхъ компромиссовъ и введеніе научныхъ началъ не есть усмотрѣніе, и развѣ логическіе выводы, научныя заключенія всѣми понимаются одинаково?

Правда, г. Коркуновъ подаетъ надежду, что судъ не легко будетъ мѣнять однажды сотворенныя и принятыя имъ начала; но такъ какъ, по мнѣнію того же автора, судъ можетъ измѣнять свои рѣшенія также властно, какъ и законъ („на обыкъ есть перевыкъ"), то возможно ли считать подобный порядокъ обезпеченнымъ отъ случай-

ности и произвола суда? Есть ли способы знать впередъ, по какимъ правиламъ должно дѣйствовать?

Не довольствуясь теоретическими положеніями, г. Коркуновъ утверждаетъ, что русское право также относитъ къ источникамъ права законъ, обычай и судебную практику: „наша судебная практика", говоритъ онъ,—„особенно кассаціонная, вслѣдствіе неполноты и казуистичнаго характера нашего законодательства по необходимости зауряд (?) имѣетъ творческій характеръ"... (стр. 284, 286).

Положеніе это совершенно не вѣрно. Вопервыхъ, ст. 47 нашихъ основныхъ законовъ, опредѣляющая что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ" не отмѣнена; по ст. 49, 55, даже поясненія, дополненія законовъ подносятся на Высочайшее благоусмотрѣніе; остаются въ силѣ и слѣдующія за 47-ю статьею основныхъ законовъ, опредѣляющія порядокъ и границы примѣненія законовъ (стр. 65). Вовторыхъ, въ нашемъ законодательствѣ (и почти во всѣхъ законодательствахъ Европы) даже обычному праву предоставлено мѣсто только дополнительнаго источника, дѣйствующаго не въ общемъ порядкѣ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и границахъ. Втретьихъ, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, а равно и у насъ, судебная практика не признается самостоятельнымъ творческимъ источникомъ права. Правда, судебные уставы расширили право судовъ въ толкованіи и примѣненіи законовъ, при чемъ статьи Гражд. Суд. 9—10 и Угол. Суд. 12—13 не вполнѣ согласованы съ вышеприведенными статьями законовъ основныхъ; но въ указанныхъ статьяхъ судебныхъ уставовъ, на которыя ссылается г. Коркуковъ, вовсе не говорится о творчествѣ судебной практики. Такъ, ст. 9 (Гр. С.) гласитъ: „всѣ судебныя установленія обазаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполности, неясности, недостатка или противорѣчія — основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ закона". Къ этому разъясненіе сената (Кассац. гражд. департ. № 47, 1867) прибавляетъ: „они (то-есть, судьи) обязаны всякій споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшать силою того закона, которымъ опредѣлено и охранено право, подвергшееся спору". То же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ сказано и въ ст. 12 и 13 уст. уголовн. судопроизв. Далѣе, судебные уставы требуютъ, чтобы въ резолюціи судовъ заключалось: 1) краткое изложеніе обстоятельствъ, 2) соображенія суда и указаніе на

законы, которыми они руководствовались (ст. 701 Гр. Суд.). Изъ приведенныхъ статей очевидно, что въ судебныхъ уставахъ дѣло идетъ о толкованіи и примѣненіи законовъ по аналогіи, съ непремѣннымъ условіемъ руководствоваться точнымъ разумомъ закона. Какъ далеко это отъ творчества, которое приписываетъ нашимъ судамъ г. Коркуновъ, утверждающій, что „наша кассаціонная практика сената заурядъ имѣетъ творческій характеръ!" Утвержденіе это извращаетъ самое понятіе о кассаціонныхъ судахъ, которые были созданы въ западной Европѣ съ цѣлію дать закону твердость и постоянство, а правосудію равенство и единообразіе. Наши кассаціонные департаменты сената учреждены съ тою же цѣлью: правительствующій сенатъ, сказано въ ст. 12 Судебн. Уст. (Учрежд. Суд. уст.) въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными постановленіями имперіи. А для того, чтобы суды могли слѣдовать указаніямъ сената, требуется (ст. 815 Гражд. Суд.), „чтобы всѣ рѣшенія и опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, были публикуемы во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ". Гдѣ же здѣсь мѣсто творчеству судовъ?

Отдѣлъ второй посвященъ г. Коркуновымъ изложенію объективной и субъективной стороны права и классификаціи права (системѣ). Мы не войдемъ въ подробное разсмотрѣніе этого отдѣла, такъ какъ онъ не представляетъ ничего особеннаго. Общій характеръ всей работы замѣчается и здѣсь: непослѣдовательность, излишества, противорѣчія, непрерывныя отступленія (такъ, напримѣръ, по поводу субъектовъ права и правоспособности авторъ посвящаетъ цѣлыя страницы вопросу о рабствѣ, невольничествѣ черныхъ, о международныхъ актахъ и договорахъ, прекратившихъ торговлю неграми).

Весьма часто авторъ приводитъ чужія мнѣнія и предлагаетъ свои поправки, при этомъ останавливается на мнѣніяхъ, далеко не выработанныхъ, не признанныхъ (напримѣръ, Тона). Жаль очень, что именно въ ученіи о субъективной и объективной формѣ права авторъ не руководствовался такими образцовыми правоучителями, какъ Унгеръ, Лоранъ, Толь, Фёрстеръ. Они охранили бы его отъ многихъ ошибокъ и неточностей.

По вопросу о классификаціи права авторъ указываетъ на раз-

личныя характеристики частнаго и публичнаго права (римскаго права, исторической школы, Аренса, Іеринга, Тона, Мейера, Кавелина, Муромцева), вездѣ онъ находитъ недостатки и предлагаетъ свою характеристику. „Всѣ особенности частнаго и публичнаго права", говоритъ онъ,—„вполнѣ объясняются различіемъ подѣленія объекта и его приспособленія" (стр. 164). Не говоря о томъ, что понятія о подѣленіи и приспособленіи, въ которомъ г. Коркуновъ находитъ рѣшительное и объемлющее отличіе частнаго права отъ публичнаго, сами по себѣ еще не выработаны съ точностію и опредѣленностію, развѣ можно сказать, а еще болѣе принять, что это различіе, достаточное болѣе или менѣе для частнаго права, исчерпываетъ и характеризуетъ всѣ основанія и особенности публичнаго права?

Третій отдѣлъ (книги) авторъ посвящаетъ изложенію ученій объ обществѣ и государствѣ. Отдѣлъ этотъ очень обширенъ (стр. 167—255), особенно ученіе объ обществѣ; авторъ подробно разсматриваетъ и критикуетъ теорію механическую, историческую, органическую, на нѣсколькихъ страницахъ полемизируетъ со Спенсеромъ относительно отожествленія общества съ организмомъ. Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ главахъ (исполненныхъ также излишествъ, напримѣръ, разказъ объ археяхъ доктора Сталя, о витализмѣ Биша̀), такъ какъ онѣ представляютъ интересъ болѣе психологическій, нежели юридическій или политическій, а обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторые вопросы. По поводу ученія о свободѣ воли г. Коркуновъ говоритъ: „Всѣ попытки дать примирительное рѣшеніе вопросу о свободѣ оказываются несостоятельными. Не возможно, чтобы воля была вмѣстѣ и свободна, и несвободна. Приходится ставить вопросъ категорически: воля свободна или нѣтъ; нельзя считать ее какою-то полусвободною" (стр. 199). На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „Прежде всего законъ причинной связи есть совершенно общій, не знающій никакихъ исключеній". Свободная воля есть нѣчто не существующее никакимъ опредѣленнымъ образомъ, то-есть, очевидный non sens... „намъ заурядъ приходится сознавать себя не властнымъ надъ собою" (стр. 200); „то же самое доказываетъ наблюденіе поведенія другихъ; будь воля свободна, никакія прочныя отношенія между людьми не были бы возможны" (стр. 201). Размѣръ нашей замѣтки не позволяетъ намъ войти въ ближайшій разборъ изложеннаго понятія о свободѣ; можно лишь сказать, что оно очень просто, но мало убѣдительно. Дѣло, впрочемъ, въ томъ, что самъ г. Коркуновъ на слѣдующихъ страницахъ, забывая свой категорическій выводъ

о свободѣ воли, старается найдти средній примирительный путь для объясненія свободы воли и хочетъ сохранить за человѣкомъ самостоятельность и возможность противополагать себя внѣшнему міру и обществу. Подобное примиреніе онъ хочетъ доказать различнымъ образомъ; прежде всего посредствомъ закона ассоціаціи идей, въ силу котораго „мы можемъ по нашей волѣ усиливать и ослаблять, вызывать и устранять впечатлѣнія" (стр. 203). Далѣе: „Личность", говоритъ г. Коркуновъ,—„есть самоцѣльное существо, она никогда не можетъ быть средствомъ для чего-либо внѣ ея"... „Законъ причинности отвергаетъ лишь существованіе объективныхъ цѣлей міра"... „Но каузальное объясненіе міра допускаетъ существованіе субъективныхъ цѣлей... Эти цѣли суть только наши представленія; внѣ нашего сознанія никакихъ цѣлей нѣтъ. При такомъ взглядѣ личность не есть ни цѣль, ни средство; она сама себѣ ставитъ цѣль... И каждая личность создаетъ себѣ свой особый міръ, съ нею вмѣстѣ и гибнущій"... (стр. 204). Приведенныя строки вызываютъ вопросы: Откуда вдругъ явилась у г. Коркунова воля, которая можетъ вызывать и устранять впечатлѣнія? Откуда могутъ явиться цѣли субъективныя, если нѣтъ объективныхъ? Какое значеніе могутъ имѣть субъективныя цѣли, составляющія, какъ думаетъ авторъ, плодъ воображенія, порывъ мысли, лишенныя всякой дѣйствительности?

Г. Коркуновъ силится отстоять самостоятельность личности принадлежностью человѣка одновременно различнымъ общеніямъ (государству, церкви, общинѣ, національности, семьѣ и т. д.), изъ которыхъ каждое составляетъ противовѣсъ другимъ, вслѣдствіе чего „личность представляетъ особое самостоятельное начало, никогда не прилаженное къ складу даннаго общества... личность стремится нѣсколько видоизмѣнить его и потому служитъ источникомъ жизни, является прогрессивнымъ факторомъ общественной жизни". Но взаимные противовѣсы, расширяя кругъ силъ, вліяющихъ на человѣка, не могутъ поддерживать постоянство движенія: нейтрализируя другъ друга, они неминуемо приводятъ къ устою и неподвижности, въ которой должна исчезнуть личная инициатива. Наконецъ, если личность есть лишь „продуктъ коллективной жизни людей" (стр. 193), „если она не вноситъ въ міръ ничего своего новаго" (стр. 205), если „ея идеалы суть результаты отъ прошлаго и настоящаго", если „весь созданный человѣкомъ личный міръ живетъ лишь въ его сознаніи и съ нимъ погибаетъ" (стр. 204), то откуда же

можетъ явиться движеніе, прогрессъ, различіе и треніе между обществомъ и индивидомъ? Да и къ чему самое движеніе, прогрессъ?

Слѣдуя Р. Молю, г. Коркуновъ выдѣляетъ общество изъ государства и говоритъ по этому поводу, что „воззрѣніе Моля“ на самостоятельное значеніе общества на ряду съ государствомъ въ настоящее время пользуется наибольшею популярностью“ и „въ общемъ можетъ быть принято, но въ частностяхъ требуетъ исправленій“. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ считаетъ ученіе Р. Моля популярнымъ въ настоящее время. Ученіе это никогда не было популярнымъ: оно осталось почти неизвѣстнымъ въ литературѣ французской и англійской; даже въ Германіи оно потеряло въ настоящее время значеніе. При первомъ появленіи его, въ началѣ 50-хъ годовъ, оно вызвало серьезныя возраженія Блюнчли (который въ свое время пользовался авторитетомъ не менѣе самого Р. Моля), потомъ обстоятельную критику извѣстнаго историка и публициста Трейчке [1]), позднѣе Шеффле. Подъ вліяніемъ критики этихъ публицистовъ, съ первыхъ дней была обнаружена вся слабость, искусственность и несостоятельность выдѣленія общества, предложеннаго Р. Молемъ, и оно не образовало даже школы. Значительными защитниками этого ученія были только Штейнъ (передававшій его въ своеобразномъ видѣ) и до нѣкоторой степени Бёръ и Гирке; но они не оказали никакого дѣйствительнаго вліянія на дальнѣйшіе успѣхи этой доктрины; наиболѣе значительные новѣйшіе публицисты Германіи—Гельдъ, Лабандъ, Шульце, Гарейсъ—не даютъ ему самостоятельнаго мѣста въ своихъ системахъ.

Въ ученіи о государствѣ г. Коркуновъ весьма многое заимствуетъ изъ „Der Zweck im Recht“ Іеринга, и такъ какъ публицистическое ученіе послѣдняго чрезвычайно слабо, а съ другой стороны, г. Коркуновъ дѣлаетъ нѣкоторыя свои прибавки и поправки [2]), мало соотвѣтствующія общимъ основамъ Іеринга, то несообразности выступаютъ у нашего автора гораздо рельефнѣе.

---

[1]) Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch. 1859.

[2]) Напримѣръ, Іерингъ полагаетъ, что интересы отдѣльнаго лица и цѣли законодательства на высшихъ ступеняхъ должны слиться, что личное должно совпадать съ общимъ; г. Коркуновъ же говоритъ, что общее развитіе ведетъ къ большему расширенію личной свободы, что личность съ своею самостоятельностью всегда противостоитъ обществу (стр. 222) и можетъ сталкиваться съ послѣднимъ (стр. 239).

Отличительнымъ признакомъ и условіемъ государства г. Коркуновъ признаетъ „самостоятельность власти принужденія“; другіе общественные союзы или вовсе не пользуются властью принужденія, напримѣръ, семья, общественные классы, или, если пользуются, то не самостоятельно. Такимъ образомъ, „государство есть общественный союзъ, пользующійся самостоятельною и исключичительною властью принужденія“ (стр. 217). Едва ли надо доказывать, что властію самостоятельнаго принужденія пользуются и главы родовъ, племенъ, какъ это можно видѣть изъ множества описаній историческихъ и географическихъ (напримѣръ, у того же Спенсера), хотя эти роды и племена никто не признаетъ за государства; феодалы, а затѣмъ сословія въ средневѣковой западной Европѣ пользовались вполнѣ самостоятельною властью суда и наказанія надъ своими членами безъ уполномочія отъ государства.

Смѣшавъ понятіе принужденія и власти, и замѣтивъ, что власть характеризуетъ всѣ общественные союзы, г. Коркуновъ силится найдти отличительные признаки государственной власти и находитъ ихъ „въ независимости (внутренней и внѣшней) и единой ея организаціи“ (стр. 223), а также въ томъ, что „она принудительно организована, между тѣмъ какъ другіе союзы (научные, художественные, филантропическіе) имѣютъ организацію свободную, не опирающуюся на принужденіе“ (стр. 224). Не трудно видѣть, что вся эта аргументація необыкновенно спутана и безсодержательна: каждому извѣстно, что единствомъ организаціи, независимостью и даже правомъ сношеній съ иноземными державами пользуются многія племена (напримѣръ нѣкоторые австралійцы, бушмены и др.), которыхъ никто не признаетъ за государства. Далѣе: Чтò означаетъ выраженіе „государственная власть принудительно организована“? Его можно понимать или въ томъ смыслѣ, что она организована насильно, или что она господствуетъ насильно надъ людьми, что, разъ захвативъ людей въ свой кругъ, она уже не выпускаетъ ихъ.

Очевидно, характеристика государственной власти и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ несообразна и противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Дѣло въ томъ, что истинную природу, отличительный признакъ и государства и государственной власти надо искать не во внѣшнихъ признакахъ, каковы принужденіе, сила, власть, а въ условіяхъ внутренней жизни, въ степени политическаго единства, въ сознаніи и выполненіи всѣхъ цѣлей и функцій государственной жизни.

Разбирая формы правленія, г. Коркуновъ, по обыкновенію, отвергаетъ всѣ прежнія классификаціи, древнія и новыя (стр. 235—238) и говоритъ, что „разсмотрѣніе различныхъ существующихъ организацій приводитъ, само собою, къ двойной классификаціи". Основываясь на выраженіи двойная, мы предполагали, что авторъ признаетъ дѣйствительно двойную классификацію, но оказывается, что подъ двойною классификаціей онъ разумѣетъ собственно два типа формъ правленія: „самодержавство и народоправство: первое правитъ государствомъ самостоятельно, по собственному праву и составляетъ монархическую форму, второе—по порученію народа и есть республика; при этомъ „принадлежитъ ли правительственная власть одному лицу или коллегіи, но если власть эта не самостоятельна (то-есть, не есть делегація, данная народомъ), мы будемъ имѣть республику" (стр. 239). Предлагаемая „двойная" классификація очень проста, но совершенно неудовлетворительна; она игнорируетъ государственный строй почти всей западной Европы; слѣдуя началамъ г. Коркунова, мы затрудняемся найдти мѣсто для Германской имперіи, Англіи, Пруссіи, Бельгіи, Италіи и др. Въ Англіи власть королевы образовалась не по порученію отъ народа, но власть ея не самостоятельна, она раздѣлена между ею и коллегіей парламента. Неужели же Англія составляетъ республику? Равно къ республикамъ приходится отнести и Бельгію, Италію и даже Пруссію!

Въ заключеніе г. Коркуновъ опредѣляетъ отношеніе государственной власти къ праву. Государственную власть онъ ставитъ (стр. 218) въ „числѣ основныхъ и необходимыхъ элементовъ государства, наравнѣ съ территоріей и населеніемъ". Но уже на стр. 239 онъ называетъ ее только „важнымъ интересомъ общества", а нѣсколько ниже говоритъ, что „на ряду" съ государственною властью есть и множество другихъ интересовъ человѣческихъ, могущихъ приходить въ столкновеніе съ интересомъ власти" (стр. 239). „Въ устраненіе этихъ столкновеній и для огражденія общества отъ произвола и насилія власти, вооруженной силою" авторъ предлагаетъ мѣры, которыя заимствуетъ у того же Іеринга („Der Zweck im Recht"), съ небольшою прибавкою отъ себя. Подобно Іерингу, онъ полагаетъ, что „неограниченная государственная власть въ интересахъ собственной твердости и спокойствія должна сама себя обуздать" (стр. 340). Не совсѣмъ однако увѣренный, чтобы власть, происшедшая изъ силы, всегда своевременно отворяла двери закону, Іерингъ, а за нимъ г. Коркуновъ ищутъ и находятъ гарантіи права „въ раздѣленіи

властей и въ независимости отъ правительства суда, который долженъ имѣть исключительною цѣлью охраненіе права" (стр. 377). „Если истолкованіе и примѣненіе права будетъ ввѣрено особому органу власти, независимому отъ другихъ, то этимъ самымъ", говоритъ г. Коркуновъ,—„господству права, какъ въ отношеніи гражданъ, такъ и въ отношеніи къ органамъ власти, будетъ придана надлежащая твердость" (стр. 244). Устанавливая „обособленность" (стр. 377) и „независимость суда", г. Коркуновъ, очевидно, упустилъ, что на стр. 235 онъ характеризуетъ „правительство органомъ единаго цѣлаго государства", а на стр. 223 „отличительною особенностью государственной власти" признаетъ „единство ея организаціи". Гдѣ же будетъ это единство, если въ лицѣ суда стоитъ конкурирующая съ правительствомъ власть судебнаго контроля? Кромѣ того, г. Коркуновъ, объясняя въ начальной главѣ значеніе общей теоріи права, высказалъ, что его наука есть „обобщенное знаніе дѣйствительности", что она „должна извлекать свои начала изъ положительнаго и практическаго матеріала"; но ни въ одномъ государствѣ западной Европы суды не пользуются положеніемъ, которое присвоиваетъ имъ г. Коркуновъ въ своей теоріи права. Въ верховномъ судѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на первый взглядъ представляются нѣкоторыя черты чего-то подобнаго, но при ближайшемъ разсмотрѣніи положенія и функцій этого суда обнаруживается коренное отличіе отъ того, что̀ предлагаетъ г. Коркуновъ. Верховному сѣверо-американскому суду, дѣйствительно, ввѣрено охраненіе конституціи, законовъ и договоровъ сѣверо-американской федераціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конституціи исчислены всѣ случаи несогласій, пререканій и споровъ между опредѣленными органами власти, между отдѣльными штатами и гражданами отдѣльныхъ штатовъ, которыя судъ этотъ имѣетъ право принимать къ своему разбирательству и рѣшенію. Такимъ образомъ сѣверо-американскій верховный судъ не есть непрерывный стражъ законности, который по собственной иниціативѣ можетъ преслѣдовать нарушенія, а тѣмъ болѣе творить свое самостоятельное право (Recueil Dareste, T. I. Art. III, Sect. 2 § 1, 23). Затѣмъ верховный судъ не есть обособленное и независимое учрежденіе; высшая власть въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ лишь конгрессу, который одинъ, при участіи президента, уполномоченъ устанавливать законы для всѣхъ государственныхъ учрежденій, а въ томъ числѣ и для верховнаго суда (Art. 1, 38, §

18); наконецъ судьи верховнаго суда назначаются президентомъ (Art. 11, S. 2 § 2).

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе вопросы, составляющіе содержаніе „Общей теоріи права“ г. Коркунова, и на этомъ могли бы закончить разборъ. Почитаемъ, однако, необходимымъ указать еще на изложеніе, которое въ этой книгѣ до такой степени неудовлетворительно, что крайне тяжело слѣдить за ходомъ мыслей автора; во многихъ же случаяхъ строеніе его рѣчи вызываетъ рѣшительное недоумѣніе. Вотъ образцы:

„Но, признавая (?) всю плодотворность результатовъ такого раздѣленія, нельзя (?), съ другой стороны, не быть пораженнымъ капитальными неудобствами, какія она (?) порождаетъ въ своемъ настоящемъ состояніи: чрезмѣрною частностью идей, занимающихъ каждаго отдѣльнаго изслѣдователя“ (стр. 23).

„Если другіе ученые будутъ руководиться общими принципами, такимъ образомъ установляемыми, и вмѣстѣ съ устанавливающими ихъ изслѣдователями взаимно повѣрять свои результаты, то тогда раздѣленіе труда въ области научной дѣятельности можетъ быть развито до крайнихъ предѣловъ безъ того (?), чтобы наука потерялась въ частностяхъ, деталяхъ, безъ того (?), чтобы за деревьями мы перестали видѣть лѣсъ“ (стр. 24).

„Если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ всю свою силу“ (стр. 42).

„На языкѣ современной науки законъ не есть уже велѣніе явленіямъ совершаться такъ, а не иначе, но есть правило должнаго“ (стр. 44).

„Право не есть, помимо воли и сознанія людей, существующій порядокъ, людьми только намѣченный, какъ это имѣется въ отношеніи къ законамъ“ (стр. 47).

„Идеальное же ихъ соотношеніе было бы то (?), при которомъ при полной нейтральности права по отношенію ко всѣмъ допускающимъ различіе убѣжденій нравственнымъ вопросамъ право проводило (?) только стоящіе внѣ спора общепризнанные въ данномъ обществѣ и въ данное время нравственные принципы“ (стр. 53).

„Свести къ одной общей формулѣ разнородное содержаніе всѣхъ юридическихъ нормъ не возможно, и потому опредѣленія (?) права

выбираютъ (?) одинъ изъ разнообразныхъ юридическихъ принциповъ...“ (стр. 55).

„Но матеріальныхъ юридическихъ ученій, имѣющихъ содержаніе однородное съ законами, развивающихъ (?) самое содержаніе юридическихъ нормъ было бы немыслимо“ (стр. 62).

„Установленіе различія естественнаго и положительнаго права представляетъ поэтому полнѣйшую аналогію тому, какъ, наблюдая въ опытѣ нашемъ по необходимости только то, что есть, мы составляемъ, однако, понятіе небытія, наблюдая исключительно временно преходящія явленія, мы, посредствомъ простой антитезы, составляемъ понятіе вѣчнаго“ (стр. 90).

„Дозволенное дѣйствіе можетъ стать правомъ только, когда будетъ запрещено совершеніе всего мѣшающаго дозволеннымъ дѣйствіямъ“ (стр. 117).

„Въ организмахъ энергія ихъ жизнью непремѣнно исчерпывается и чѣмъ дѣятельнѣе ихъ жизнь, тѣмъ скорѣе“ (стр. 186).

„Законъ или обычай ни (?) суть основанія обязательности, основанія силы нормы, а только признакъ“ (стр. 264).

Подобный строй рѣчи мы встрѣчаемъ на многихъ страницахъ книги г. Коркунова.

Н. Реннепкампфъ.

Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. по вопросамъ о преподаваніи исторіи.—Путевыя замѣтки и воспоминанія.—Публицистика по Восточному вопросу.—Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.—Послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. М. 1888.

Въ 1884 году Д. И. Иловайскій издалъ первый томъ своихъ сочиненій, въ который вошли „Исторія Рязанскаго княжества“, „Е. Р. Дашкова“ и „Графъ Я. Сиверсъ“. Въ настоящее время онъ готовитъ второй томъ, въ которомъ будутъ помѣщены другіе его историческіе труды (кромѣ, вѣроятно, учебниковъ и „Исторіи Россіи“). Сборникъ своихъ мелкихъ статей, появлявшихся въ журналахъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, авторъ издалъ особо. Само собою разумѣется, что статьи, вошедшія въ составъ этого сборника, не всѣ равнаго достоинства; но всѣ онѣ интересны, какъ потому, что такой писатель, какъ Д. И. Иловайскій, не можетъ написать ничего лишеннаго интереса, такъ и потому, что онѣ передаютъ впечатлѣнія минуты, иногда уже отдѣленной отъ настоящаго значительнымъ періодомъ времени.

Первый отдѣлъ сборника заключаетъ въ себѣ рецензіи историческихъ учебниковъ 50-хъ годовъ, а также новыхъ—г. Гуревича, Бидермана и „Методики" Крюгера. Сюда же вошли замѣтки автора о преподаваніи исторіи во Франціи, Пруссіи и Австріи и замѣчанія на учебную програму русскихъ гимназій. Эти послѣднія статьи въ особенности интересны. Не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ автора о взаимномъ отношеніи былеваго и бытоваго элемента въ преподаваніи исторіи. Увлеченіе бытовымъ элементомъ въ гимназіи можетъ быть очень вредно: лица и событія для дѣтей и подростковъ гораздо интереснѣе политическихъ, экономическихъ и юридическихъ отношеній. Только въ живыхъ лицахъ научаются молодые люди любить исторію. Люди нашего поколѣнія навѣрное не забыли, съ какимъ трепетомъ и восторгомъ читали они когда-то Плутарха, вспоминая того наставника какого-то принца, который на просьбу своего питомца показать ему героя, вручилъ ему Плутарха. Читая Плутарха, мы жили одною жизнью съ Фабіями и Сципіонами, съ Аристидами и Ѳемистоклами, какъ съ смѣлыми людьми. Херонейскій Вальтеръ Скоттъ былъ намъ такимъ же другомъ, какъ и абботсфордскій Плутархъ. Дѣйствительно, трудно найдти двухъ писателей, которые на разстояніи многихъ вѣковъ были бы такъ похожи другъ на друга. Молодость любитъ эти простодушные разказы, напоминающіе разказы дѣда у домашняго очага окружающимъ его внукамъ. Вспомнилась мнѣ и программа исторіи для гимназій Казанскаго учебнаго округа, составленная въ 40-хъ годахъ профессоромъ Ивановымъ. Эпизодическій курсъ по этой программѣ, съ сожалѣнію, ограничивавшійся тогда тремя классами, состоялъ изъ ряда біографій, умно и со знаніемъ дѣла выбранныхъ. Хорошо, еслибы теперь кто-нибудь, найдя эту програму, которая едва ли, впрочемъ, находима, составилъ по ней эпизодическій курсъ. Это было бы большою заслугой.

Второй отдѣлъ книги составляютъ путевыя замѣтки и воспоминанія автора о разныхъ лицахъ. Д. И. Иловайскій изъѣздилъ почти всю Европейскую Россію, почти всю западную Европу, былъ и въ Палестинѣ. Мы не можемъ не пожалѣть, что онъ такъ мало записалъ изъ своихъ поѣздокъ, да и въ записанномъ много записано не имъ самимъ, а съ его словъ. Изъ этого отдѣла мы особенно дорожимъ его „Прогулкой по берегу Оки", совершенною въ то время, когда онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію. Въ ней такъ много молодого, и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной наблюдательности, всегда отличавшей ав-

тора. Своимъ поѣздкамъ авторъ обязанъ живостью мѣстныхъ описаній въ его большомъ трудѣ, все еще, по моему мнѣнію, мало цѣнимомъ въ русскомъ обществѣ. Воспоминанія автора о лицахъ, очень живы, хотя къ сожалѣнію кратки; по задушевности изъ нихъ выдѣляется въ особенности воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ, безвременно погибшемъ юношѣ, подававшемъ столько надеждъ.

Книга заканчивается публицистическими статьями о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ. Въ этихъ замѣткахъ всегда слышится человѣкъ высокопатріотически настроенный, умный и образованный (въ настоящемъ смыслѣ этого слова). Можно поспорить съ нѣкоторыми его положеніями, но нельзя относиться къ его публицистической дѣятельности безъ уваженія; къ публицистикѣ не часто обращаются у насъ не записные журналисты, а это очень прискорбно: не всякому журнальному сотруднику есть время обдумать то, что̀ онъ говоритъ, да не у всякаго есть на то нужная подготовка; а между тѣмъ ихъ мнѣнія дѣйствуютъ на публику и рѣдко встрѣчаютъ или отпоръ, или поддержку въ людяхъ знанія и мысли, которые часто пренебрегаютъ журналистикой. Вотъ почему примѣръ Д. И. Иловайскаго заслуживаетъ подражанія.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Poczet rodow w Wielkiem księstwie Litewskièm w XV i XVI wieku. Ułożił i widal *Adam Boniecki* (Перечень родовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ. Составилъ и издалъ *Адамъ Бонѣцкій*). Warszawa. 1887.

Трудъ г. Бонѣцкаго собственно есть книга перечневыхъ справокъ съ годами объ одиночныхъ должностныхъ лицахъ (1113) и обоего пола представителяхъ 367 фамилій, составленная на основаніи документовъ тяжебныхъ, наслѣдственныхъ, дарственныхъ, пожалованій и проч., за два вѣка, при чемъ лица указаны въ алфавитномъ порядкѣ. Поэтому заглавіе, данное г. Бонѣцкимъ своему труду, можетъ, по нашему мнѣнію, ввести читателя въ ошибку, ибо сулитъ не то, что̀ книга даетъ въ дѣйствительности. Мы ожидали встрѣтить въ трудѣ г. Бонѣцкаго сочиненіе по генеалогіи литовскихъ фамилій, но надежды наши оправдались далеко не вполнѣ. Признать трудъ г. Бонѣцкаго генеалогическимъ мѣшаетъ присутствіе въ немъ множества указаній о должностныхъ лицахъ, родъ которыхъ не

указанъ. Да и о родословныхъ представителяхъ справки даются частныя, не обнимающія ни семейнаго, ни служебнаго ихъ положенія, большею частью безъ датъ рожденія и смерти. Даты указаны только случайно, внѣ обязательности плана, требующаго полноты.

Въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, помѣщенъ (на 49 страницахъ римской нумераціи) „Spis dygnitarzy i urzędników duchownich i swieckich, objętich tą ksęnga",—важнѣйшая, по нашему мнѣнію, часть труда г. Бонѣцкаго. Но и этотъ списокъ, расположенный по мѣстамъ, занимаемымъ лицами, и представляющій перечень преемства въ санѣ, судя по выставленнымъ годамъ,—съ пропусками. Саны расположены въ іерархической постепенности своего служебнаго значенія, но должности одного рода перечисляются не въ алфавитномъ порядкѣ географическихъ названій.

Въ духовенствѣ списокъ представляетъ прежде всего римское католичество, съ девятью Римскими архіепископами за три вѣка (1224—1522 гг.), архіепископами Рижскими (всего впрочемъ 9 лицъ) и епископами: Кіевскими (6), Луцкими (8), Виленскими (18), Жмудскими и Минскими (6 лицъ за 1417—1626 гг.). По восточно-православному исповѣданію указаны архимандриты десяти монастырей (по одному, кромѣ Кіево-Печерскихъ), митрополиты Кіевскіе (1416—1571 гг. 10 лицъ), да епархіальные архіереи: Холмскіе и Бѣльзскіе (1416—1552 гг.) 7, Луцкіе и Острожскіе (1416—1574 гг.) 9, Пинскіе и Туровскіе (1416—1556 гг.) 9, Полоцкіе, Витебскіе и Мстиславскіе (1406—1595 гг.) 10, Смоленскихъ 5 (1416—1514 гг.), да 7 (1406—1548 гг.) Владимірскихъ и Брестскихъ. Но, какъ іерарховъ римско-католическихъ, такъ и православныхъ, за сказанное время извѣстно гораздо большее число. Такъ что подборъ г. Бонѣцкаго заставляетъ невольно задуматься: почему и тутъ не хватило у автора рѣшимости добиться необходимой полноты, очень важной въ подобномъ трудѣ.

Что касается перечня свѣтскихъ сановъ въ Литвѣ, то систематическій подборъ ихъ въ концѣ книги имѣетъ гораздо большій интересъ—по самой новости перечня въ такомъ объемѣ. Въ него вошли очень любопытные литовскіе саны: бобровниковъ (Крулевскаго и Подлясскаго), хорунжихъ (chorązowie)—земскихъ литовскихъ, дворныхъ, татарскихъ и разныхъ, расписаннымъ по мѣстностямъ [1]).

---

[1]) *Татарскіе хорунжіе* были: Гродненскій, Кревскій, Новогрудскій, Остринскій, Трокскій, Виленскій; мѣстные же *хорунжіе* въ Литвѣ (очевидно, по знаме-

Послѣ хорунжихъ поставлены по польскому алфавиту тивуны (ciwunowie), расписанные по 43 пунктамъ литовской территоріи [1]. За тивунами, въ алфавитномъ порядкѣ поименованы г. Бонѣцкимъ должности „ченсника литовскаго", государственнаго контролера или министра финансовъ, четырехъ гаевниковъ: Бѣльскаго, Брестскаго, Каменецкаго и Мѣльницкаго (по округамъ, очевидно), двухъ гетмановъ: великаго литовскаго и надворнаго. Далѣе перечислены въ пятнадцати городахъ „городничіе", канцлеры литовскій и великаго князя Швидригайлы; каштеляны тринадцати замковъ (Брацлавскаго, Брестскаго, Кіевскаго, Минскаго, Новогрудскаго, Подлясскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Троцкаго, Виленскаго, Витебскаго, Волынскаго и Жмудскаго); казначеи: Брянскій и Смоленскій, десять ключниковъ (Брестскій, Гродненскій, Кіевскій, Ковенскій, Луцкій, Новогрудскій, Полоцкій, Троцкій, Виленскій и Витебскій), да восемь конюшихъ (Литовскій, Гродненскій, Мстиславскій, Новогрудскій, Смоленскій, Троцкій, Виленскій и Витебскій). Были еще должности двухъ кравчихъ, кухмистра, двухъ ловчихъ и восьми лѣсничихъ—по округамъ: Брестскому, Гродненскому, Каменецкому, Крыньскому, Кузьминскому, Нѣпокойскому, Одельевскому и Подлясскому. Маршалковъ указано шесть: великій, земскій, дворовый, королевскій (hospodarsky), земли

вамъ или отрядамъ) были въ XVI в. слѣдующіе: Бѣльскій, Брестскій, Дорсу-
ницкій, Дрогицкій, Эйшишскій, Гедройцкій, Гродненскій, Каменецкій, Керновскій,
Кобринскій, Ковенскій, Кревскій, Курклевскій, Лéпуньскій, Лидскій, Мейшаголь-
скій, Мемешскій, Минскій, Мельницкій, Мстиславскій, Нѣменчинскій, Новогруд-
скій, Оникштскій, Остринскій, Ошмянскій, Пенянскій, Пинскій, Подлясскій, По-
лоцкій, Пуньскій, Радуньскій, Рудоминскій, Слонимскій, Сомилишскій, Судеревскій,
Звирскій, Троцкій, Упицкій, Виленскій, Вилькомірскій, Витебскій, Владимірскій
(на Волыни), Волкиницкій, Волковышскій, Волынскій, Высокодворскій и Жиж-
морскій.

[1]) По г. Бонѣцкому, *тивуны* въ Литвѣ были: Бережанскій, Биржинянскій,
Черинській, Чечерскій, Черезвяцкій, Довговскій, Дубицкій, Дирвянскій, Эйра-
гольскій, Гондынскій, Ильговскій, Ѣзденьскій, Юрборгскій, Каменецкій, Кер-
новскій, Конявскій, Коршевскій, Красносельскій, Кревскій, Крошскій, Минскій,
Могилевскій, Новогрудскій, Ошмянскій, Ожскій, Поюрскій, Полоцкій, Пропой-
скій, Пржеляйскій, Пржеломскій, Радуньскій, Ретовскій, Шовдовскій, Тельшев-
скій, Теньджагольскій, Трокскій, Тверскій, Усвятскій, Вѣшвянскій, Виленскій,
Воложинскій, Высокодворскій, Жижморскій, Жмудскій и Жолудскій. Другими
словами, въ собственной Литвѣ принято было тіунское управленіе, очевидно, изъ
Руси, и оставлено въ мѣстахъ, издавна русскихъ, литвою отнятыхъ. Такимъ об-
разомъ, составленный г. Бонѣцкимъ списокъ должностей полезенъ для разнород-
ныхъ историческихъ изслѣдованій.

Волынской, в. кн. Свидригайлы (1437—1452 гг.) и татарскій (1517—1547 гг.).

Еще въ XVI вѣкѣ показаны четыре мостовничихъ: Кременецкій, Луцкій, Пинскій и Полоцкій, „королевскій убрусный" (obruśny) и „окольничій Смоленскій". Должность секретаря или писаря въ Литвѣ раздѣлялась на три степени: высшій санъ составлялъ государственный секретарь Литвы (pisarz litewski), затѣмъ было два писаря гродскихъ (pisarze grodzcy)—Дрогичскій и Виленскій, и шесть земскихъ (pisarze ziemscy): Бѣльскій, Дрогицкій, Мельницкій, Пинскій, Слонимскій и Жмудскій.

Должности помощниковъ или замѣстителей имѣлись у главныхъ сановъ въ Литвѣ: подчашій, подканцлеръ, два подключовыхъ (Троцкій и Виленскій), 13 подкоморьевъ, подконюшій, подстолій, 8 подсудсудковъ, два подскарбія—великій литовскій и надворный; былъ свой подскарбій и у Свидригайлы (1450 г.). Указаны еще: 21 подстароста, 5 подвоевудцевъ, 6 гродскихъ судей и 11 земскихъ, скарбничій, 2 сокольничихъ, 74 старостъ (по городамъ), Литовскій стольникъ, 15 воеводъ, 10 войскихъ и Смоленскій восковничій.

Войскіе были въ земляхъ собственно Литвы: Бѣльскій, Брестскій, Дрогицкій, Гродненскій, Каменецкій, Кобринскій, Кременецкій, Мельницкій, Пинскій и Слонимскій; воеводы же посажены были преимущественно въ бывшихъ русскихъ княжествахъ, доставшихся Литвѣ: Браславльскій, Брестскій, Кіевскій, Минскій, Могилевскій, Новогрудскій, Подольскій, Полоцкій, Смоленскій, Витебскій и Волынскій, въ двухъ главныхъ городахъ старой Литвы—Вильнѣ и Краковѣ, да въ сосѣдней съ Польшею Подляхіи. Очевидно, что въ трехъ послѣднихъ областяхъ воеводы явились въ то время, когда глава государства оказывался живущимъ въ Польшѣ, не очень разчитывавшей на спокойствіе въ Литвѣ, для поддержанія порядка въ которой требовалась сила.

Элементъ гражданскаго управленія въ Литвѣ составляли старосты Оттого и находимъ ихъ во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, сколько-нибудь похожихъ на городъ. Этимъ только и объясняется итогъ 174 якобы городовъ въ Литвѣ, въ XVI вѣкѣ.

Еще разъ повторяемъ,—перечень сановъ великаго княжества Литовскаго, хотя и не съ полнымъ числомъ представителей ихъ, есть все же самое существенное, въ нашихъ глазахъ, въ книгѣ г. Бонѣцкаго.

Но едва ли и это достоинство труда г. Бонѣцкаго можетъ вполнѣ выкупать недостатки существенной части книги, которая могла бы быть очень важною, еслибъ авторъ какъ слѣдуетъ отнесся къ своей

задачѣ, въ смыслѣ обработки статей съ генеалогическою цѣлью. Между тѣмъ неполнота справокъ о лицахъ 367 фамилій даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу вслѣдствіе несоблюденія условій, необходимыхъ въ генеалогіи. Для нихъ требуется если не полнота фамиліи, съ ясною преемственностью колѣнъ отъ родоначальника, то по крайней мѣрѣ, полнота представителей ихъ обоего пола, по вѣтвямъ и съ годами жизни, если только встрѣчается время упоминанія случайныхъ обстоятельствъ. Но этого-то и нѣтъ въ книгѣ г. Бонѣцкаго, такъ что авторъ не гарантируетъ никакой полноты, предлагая довольствоваться отрывочными извѣстіями. Г. Бонѣцкій не обозначаетъ, хотя бы по однимъ именамъ, всѣхъ дѣтей отцовъ, указываемыхъ на таблицахъ. Сверхъ того, читатель не можетъ пользоваться приложенными къ тексту таблицами, ибо не знаетъ, къ какому колѣну рода относятся указанныя лица, безъ датъ рожденія и смерти.

Поэтому генеалогамъ не особенно удобно пользоваться книгою г. Бонѣцкаго, хотя бы внѣшняя форма приложеній давала по наружности право считать этотъ трудъ генеалогическимъ матеріаломъ. Но для того требовалось бы гораздо больше указаній, чѣмъ мы находимъ въ текстѣ фамильныхъ перечней. Впрочемъ, авторъ не болѣе щедръ и при сообщеніи одиночныхъ справокъ, въ три раза, какъ мы замѣтили, превосходящихъ въ книгѣ итогъ фамильныхъ статей (1113 одиночныхъ справокъ и 367 фамильныхъ). Много ли, напримѣръ, можетъ говорить такое одиночное указаніе (стр. 3): „Баба, Кристофъ Михаиловичъ, бояринъ королевскій въ 1550 г.“? Или (стр. 5): „Бердовскій Станиславъ, хорунжій Лидскій, 1550 г.“? Конечно, и подобныя справки могутъ имѣть значеніе для пополненія другихъ извѣстій, но сами по себѣ, помѣщенныя въ книгѣ отдѣльно, безъ иныхъ указаній, не могутъ принести существенной пользы для генеалогическихъ разысканій. И Баба, и Бердовскій, еще повторяемъ, взятые внѣ перечня представителей извѣстнаго сана, требуютъ нахожденія еще другихъ матеріаловъ—для того даже, чтобы занять по праву мѣсто въ своихъ фамиліяхъ. Статьи же о фамиліяхъ даютъ, можетъ быть, нѣсколько больше указаній, но также страдаютъ неполнотою и отрывочностью, особенно въ годахъ.

Для ознакомленія читателей съ фамильными статьями въ книгѣ г. Бонѣцкаго, возьмемъ на выдержку, вмѣсто нѣсколькихъ, одинъ примѣръ, наглядно выставляющій характерную особенность книги.

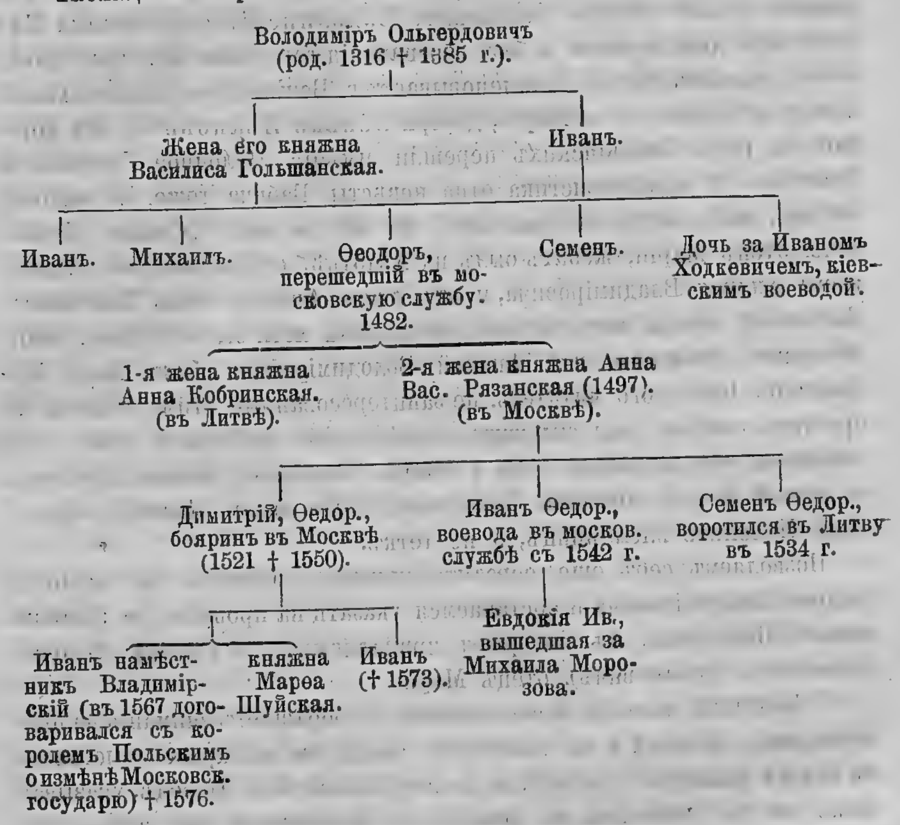
На стр. 4 помѣщена статья о князьяхъ Бабичахъ. Въ ней указанъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Соколинскій, прозванный Бабичь, безъ даты времени и безъ обозначенія того, какъ онъ приходится своему родоначальнику. Поименовываетъ г. Бонѣцкій это лицо только по поводу женитьбы его на Маріи, дочери Сеньки Ивановича, отъ котораго въ родъ Соколинскихъ перешли имѣнія Полонное, Черeжье и Тухачево. И характеристика отца невѣсты Бабича тоже, по нашему мнѣнію, мало даетъ для разгадки, чтò это за лицо: „Сенько Ивановичь, отецъ Маріи, женатъ былъ на Авдотьѣ, сестрѣ княгини Марьи, жены Андрея Владиміровича, и отъ князя Андрея взялъ Полонное". Лаконизмъ автора могъ бы быть расширенъ хотя бы на столько, чтобъ объяснить читателю, что Андрей Володиміровичъ былъ князь Кобринскій. Безъ того читатель, не заинтересованный этимъ лицемъ, не прочтетъ совсѣмъ или отложитъ чтеніе конца извѣстія о немъ, гдѣ говорится, что по смерти отца у Марьи Семеновны возникъ процессъ съ теткой изъ-за обладанія Полоннымъ, и что король Казиміръ присудилъ Полонное племянницѣ, а не теткѣ.

Позволяемъ себѣ еще обратить вниманіе читателей на личность Андрея Владиміровича и постараемся указать на пропускъ въ фамиліи князей Бѣльскихъ, къ которымъ принадлежитъ и Семенъ (Сенько) Ивановичъ (Романовичъ), отецъ Маріи.

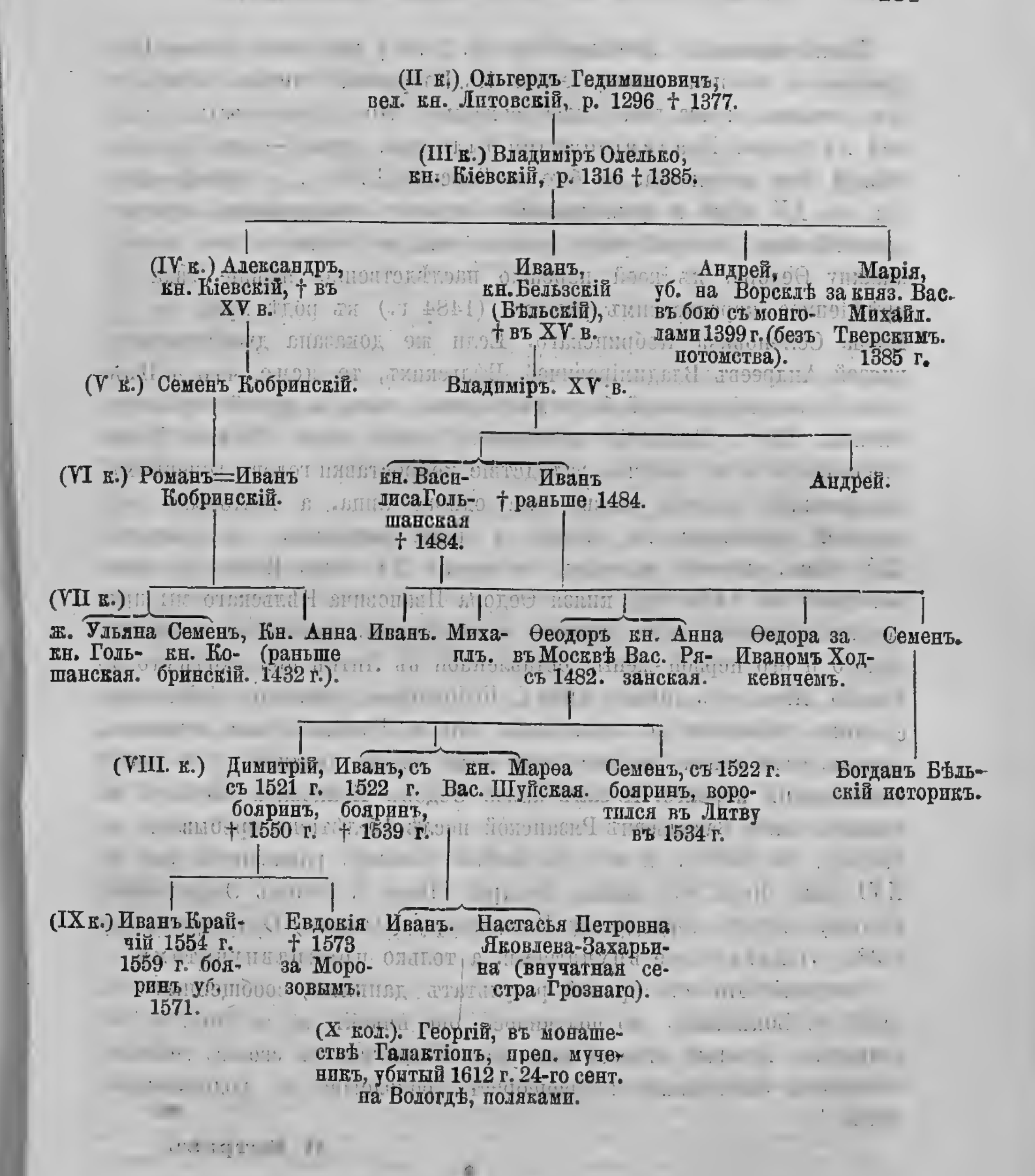
Г. Бонѣцкій, какъ мы выше замѣтили, не обращаетъ вниманія на происхожденіе фамилій и на таблицахъ своихъ не постарался выставить ни годовъ рожденія и смерти, ни количества колѣнъ въ родѣ, указывая лишь два-три поколѣнія въ фамиліи за разбираемое имъ время. Это неудобство отражается и для самого автора книги тѣмъ, что онъ дѣлаетъ промахи на таблицахъ, самъ того не замѣчая.

Родъ князей Бѣльскихъ, хорошо извѣстенъ былъ у насъ на Руси вслѣдствіе переселенія въ Москву, при Иванѣ III, двухъ братьевъ Бѣльскихъ, упоминаемыхъ затѣмъ, какъ при Иванѣ III, такъ и при Василіи, и при Грозномъ. Князья Бѣльскіе были потомки старшаго сына Ольгерда Олелька (Владиміра Ольгердовича), который съ потомствомъ до временъ Грознаго представленъ у г. Бонѣцкаго всего въ пяти колѣнахъ, между тѣмъ какъ мы должны принять, за этотъ періодъ времени семь колѣнъ.

Таблица на стр. 8 книги г. Бонѣцкаго:

По нашему мнѣнію, таблица эта представляетъ пропускъ двухъ колѣнъ непосредственно за родоначальникомъ, да кромѣ того, не показано потомство отъ кн. Ивана Θедоровича, имѣвшаго сына Ивана. Само собою разумѣется, что при первомъ же взглядѣ на время жизни Олелька и на молодость мнимаго внука его, князя Θедора Ивановича Бѣльскаго,—черезъ девяносто семь лѣтъ по смерти якобы дѣда его, обнаруживается невозможность этому вѣрить. Здоровая критика, сопоставляя точную хронологію фактовъ, оказывается поэтому единственною союзницею генеалогіи, выводящею ее на истинный путь. Поэтому хронологіи и должно предоставить первую роль въ опредѣленіи порядка колѣнъ въ родѣ. Положеніе потомства старшаго сына Ольгерда, Олелька, на основаніи показаній самого г. Бонѣцкаго,—которыми онъ однако не воспользовался,—представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

(II к.) Ольгердъ Гедиминовичъ, вел. кн. Литовскій, р. 1296 † 1377.
(III к.) Владиміръ Олелько, кн. Кіевскій, р. 1316 † 1385.
(IV к.) Александръ, кн. Кіевскій, † въ XV в.
Иванъ, кн. Бельзскій (Бѣльскій), † въ XV в.
Андрей, уб. на Ворсклѣ въ бою съ монголами 1399 г. (безъ потомства).
Марія, за княз. Вас. Михайл. Тверскимъ. 1385 г.
(V к.) Семенъ Кобринскій.
Владиміръ. XV в.
(VI к.) Романъ=Иванъ Кобринскій.
кн. Василиса Гольшанская † 1484.
Иванъ † раньше 1484.
Андрей.
(VII к.)
ж. Ульяна кн. Гольшанская.
Семенъ, кн. Кобринскій.
Кн. Анна (раньше 1432 г.).
Иванъ.
Михаилъ.
Θеодоръ въ Москвѣ съ 1482.
кн. Анна Вас. Рязанская.
Θедора за Иваномъ Ходкевичемъ.
Семенъ.
(VIII. к.) Димитрій, съ 1521 г. бояринъ, † 1550 г.
Иванъ, съ 1522 г. бояринъ, † 1539 г.
кн. Марθа Вас. Шуйская.
Семенъ, съ 1522 г. бояринъ, воротился въ Литву въ 1534 г.
Богданъ Бѣльскій историкъ.
(IX к.) Иванъ Крайчій 1554 г. 1559 г. бояринъ уб. 1571.
Евдокія † 1573 за Морозовымъ.
Иванъ.
Настасья Петровна Яковлева-Захарьина (внучатная сестра Грознаго).
(X кол.). Георгій, въ монашествѣ Галактіонъ, преп. мученикъ, убитый 1612 г. 24-го сент. на Вологдѣ, поляками.

Послѣ показанія г. Бонѣцкаго на стр. 7, что у того князя Андрея Владиміровича, котораго князь Семенъ Ив. Кобринскій считалъ своимъ дядею, осталась внучка, намъ дѣлается яснымъ, что одноименныхъ князей Андреевъ Владиміровичей было два: первый—сынъ Олелька, павшій, безъ потомства, въ бою на Ворсклѣ 1399 г., и второй—жившій въ XV вѣкѣ и приходившійся первому двоюроднымъ внукомъ, имѣвшій сына, который умеръ раньше отца, но оставилъ дочь, внучку княжну Ѳедору, къ коей перешло наслѣдственное имѣніе дѣда, закрѣпленное королевскимъ указомъ (1484 г.) въ родѣ мужа ея, кн. Ивана Семеновича Кобринскаго. Если же доказана двойственность князей Андреевъ Владиміровичей Бѣльскихъ, то ясно, что и Ивановъ Владиміровичей было два: одинъ—сынъ, а другой—правнукъ Олелька. Но г. Бонѣцкій принимаетъ одного сына Олелька Ивана Владиміровича, не замѣчая, вслѣдствіе непроставки годовъ, вопервыхъ, невозможной долготы жизни для одного лица, а вовторыхъ, еще большей невозможности: видѣть у лица, рожденнаго въ половинѣ XIV вѣка, сыновей молодыхъ въ концѣ XV вѣка. Иначе же, какъ молодымъ въ 1482 году, князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго мы признавать не можемъ, если примемъ въ соображеніе факты изъ жизни его самого и его первой жены, оставленной въ Литвѣ при уходѣ его въ Россію. Жена его, княжна Анна С. Кобринская, очевидно, обвѣнчалась съ нимъ незадолго до переселенія его въ Россію и была, очевидно, молода, если нашла вторaго себѣ мужа спустя двадцать лѣтъ послѣ изчезновенія перваго. А самъ князь Ѳедоръ Ивановичъ женился на княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ Рязанской послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ Москвѣ, въ 1496 г., и отъ нея имѣлъ сыновей, родившихся уже въ XVI вѣкѣ. Ясно, что князья Дмитрій, Иванъ и Семенъ Ѳеодоровичи Бѣльскіе могутъ приходиться Владиміру (Олелько) Ольгердовичу (1385 г.) никакъ не внучатами, а только праправнучатами.

Открытіе это есть прямой результатъ данныхъ, сообщенныхъ въ книгѣ г. Бонѣцкаго, но получилось оно никакъ не по винѣ ея составителя, который отнесся безъ всякой критики къ своимъ генеалогическимъ матеріаламъ и пренебрегъ хронологіей въ родословномъ дѣлѣ.

И. Петровъ.

Книжныя новости.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I (1688—1701). С.-Пб. 1887.—Спѣшимъ заявить о выходѣ въ свѣтъ этого въ высшей степени важнаго изданія, предпринятаго съ Высочайшаго соизволенія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, по мысли бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Матеріалы для этого изданія были собраны особою коммиссіей, въ которой, подъ предсѣдательствомъ гр. Толстаго, принимали участіе профессора К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. Е. Замысловскій, Н. А. Поповъ и С. М. Соловьевъ, академикъ А. Ѳ. Бычковъ, директоръ Московскаго архива министерства юстиціи Н. В. Калачовъ и хранитель рукописей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ А. Е. Викторовъ. Въ составъ изданія предположено было внести не только всѣ письма, указы и инструкціи Петра Великаго, но и его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ, трактаты и договоры съ иностранными державами, утвержденные его подписью, учебныя его тетради и всякіе другіе документы и бумаги, хотя бы писанные и не самимъ государемъ, но содержащія въ себѣ поправки его рукою. Матеріалы для изданія были извлечены изъ правительственныхъ архивовъ русскихъ, а частью и иностранныхъ, и получены изъ частныхъ собраній. Документы изданы съ обширными примѣчаніями, въ составъ которыхъ внесены и многія отвѣтныя государю письма разныхъ лицъ. Редакція изданія принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову. Вышедшій нынѣ первый томъ сборника содержитъ въ себѣ письма и бумаги Петра Великаго за время съ 1688 по 1701 годъ. Онъ украшенъ двумя портретами государя, относящимися къ этому времени, и снабженъ подробнымъ указателемъ. Ограничиваясь пока краткимъ извѣстіемъ объ этомъ драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи отечественной науки, надѣемся вскорѣ дать о немъ на страницахъ журнала подробный отчетъ.

Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*. Книга 3-я. М. 1888. — Вышедшій нынѣ томъ этого прекраснаго изданія содержитъ въ себѣ извѣстный этнографическій трудъ покойнаго архипастыря; „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“. Изданный первоначально въ 1840 году, онъ понынѣ остается однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій о сѣверо-восточной окраинѣ Америки, въ подробности изображающимъ, какъ суровую природу этого края, такъ и полную картину быта его обитателей. Обновить этотъ почтенный трудъ въ памяти современныхъ русскихъ читателей составляетъ почтенную заслугу И. П. Барсукова.

Е. Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. Томъ I. Губернія Могилевская. Выпускъ 3-й. Сказки. Витебскъ. 1887.—На страницахъ Журн. Мин. Нар. Пр. (1886 г. май) уже разсмотрѣны 1-й и 2-й выпуски I-го тома этого изданія; выпускъ 3-й содержитъ въ себѣ исключительно сказки, которыхъ помѣщено 151; изъ нихъ 27 отнесено собирателемъ къ животному эпосу, 95 сказокъ—къ числу миѳическихъ и 29—къ числу бытовыхъ, сатирическихъ и юмористическихъ; сверхъ того, въ особомъ отдѣлѣ помѣщены розказни (12), докушныя басни

(10), присказки (4), юмористическіе діалоги (8) и писанныя произведенія (7). Содержаніе выпуска дополнено еще приложеніями, куда вошли указатель къ миѳическимъ сказкамъ, списокъ казанниковъ и лицъ записывавшихъ сказки (тѣхъ и другихъ было 84), списокъ сказокъ, записанныхъ лично собирателемъ (число ихъ 100), и перечень мѣстностей, въ коихъ записаны сказки. Въ предисловіи г. Романовъ, перечисливъ весьма ничтожное количество бѣлорусскихъ сказокъ, появившихся до сихъ поръ въ печати, между прочимъ говоритъ: „Затѣмъ я не встрѣчалъ бѣлорусскихъ сказокъ въ другихъ изданіяхъ, и если ихъ дѣйствительно не было, то на мою долю выпала высокая честь изданіемъ настоящаго выпуска положить начало пополненію этого важнаго пробѣла въ русской этнографической литературѣ". Безъ сомнѣнія, пробѣлъ этотъ ощущался, и честь положить начало его пополненію дѣйствительно принадлежитъ г. Романову, за что этнографическая наука будетъ признательна, какъ ему, такъ и Русскому Географическому обществу, командировавшему г. Романова въ Могилевскую губернію: по его собственнымъ словамъ, настоящій выпускъ, въ главной своей части, есть результатъ этой командировки. Своей поѣздкѣ г. Романовъ посвятилъ 48 дней, въ теченіе коихъ проѣхалъ 770 верстъ и посѣтилъ 26 пунктовъ въ уѣздахъ Могилевскомъ, Быховскомъ, Рогачевскомъ, Чериковскомъ и Климовицкомъ. Матеріалы же изъ другихъ уѣздовъ были собраны имъ раньше. Собиратель встрѣтилъ живое сочувствіе своему дѣлу въ сельскомъ населеніи: „69 лицъ, отъ коихъ записывались сказки и другіе матеріалы, были исключительно крестьяне, неграмотные, уроженцы той мѣстности, гдѣ дѣлалась запись, и по большей части не бывавшіе за предѣлами Могилевской губерніи. На этомъ основаніи", говоритъ г. Романовъ, — „нахожу возможнымъ утверждать, что находящіяся въ сборникѣ сказки—мѣстнаго происхожденія". Разказавъ затѣмъ о пріемахъ, употребленныхъ при записываніи сказокъ, г. Романовъ переходитъ къ языку собраннаго имъ матеріала; по его замѣчанію, языкъ этотъ „вмѣщаетъ въ себѣ не всѣ лексическія богатства бѣлорусскаго нарѣчія... „Но", продолжаетъ онъ, — „грамматическія формы и фонетическія особенности бѣлорусскаго нарѣчія переданы въ сказкахъ съ совершенною точностію, и въ этомъ отношеніи, редакція ихъ, по моему мнѣнію, не оставляетъ пока желать ничего лучшаго". Далѣе г. Романовъ сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о говорахъ Могилевской губерніи. Здѣсь обстоятельно разсмотрѣны три говора акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія: первый — южный, развивающійся на много подговоровъ, изъ которыхъ указываются здѣсь три: переростовскій, озеранскій и друтскій, второй — восточный и, наконецъ, третій—чистый бѣлорусскій. Въ началѣ предисловія г. Романовъ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ рецензентамъ первыхъ двухъ выпусковъ его Сборника. Принося благодарность за нѣкоторыя ихъ указанія, онъ въ то же время сѣтуетъ, что „нѣкоторые изъ нихъ, игнорируя предисловіе, ставятъ въ вину собирателю и такіе недостатки, на устраненіе которыхъ онъ не имѣлъ возможности". Въ числѣ такихъ недостатковъ были указаны, напримѣръ, соединеніе нѣсколькихъ стиховъ въ одну строку, отсутствіе системы въ расположеніи матеріаловъ и даже типографскіе недосмотры. Въ особенности собиратель останавливается „на обвиненіи въ отсутствіи системы при расположеніи матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что на немъ рецензентъ (Журн. Мин. Нар. Просв.) основываетъ предположеніе о допущенной будто бы поспѣшности изда-

нія. Въ опроверженіе этого взгляда г. Романовъ излагаетъ исторію печатанія первыхъ двухъ выпусковъ, которая дѣйствительно выясняетъ случайное распредѣленіе матеріала и устраняетъ предположеніе о поспѣшности, выдвигая вмѣсто нея „образъ дѣйствій, противоположный поспѣшности". Но именно отсутствіе такого объясненія въ предисловіи къ первымъ выпускамъ и подало поводъ къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя были высказаны г. Романову о неудовлетворительномъ расположеніи его матеріала. Эту неудовлетворительность, по видимому, признаетъ теперь и самъ собиратель; а если такъ, то и спорить не о чемъ. Щепетильность г. Романова относительно своихъ рецензентовъ не мѣшаетъ намъ признать трудъ его прекраснымъ и въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу, такъ какъ этотъ первый сборникъ бѣлорусскихъ сказокъ представляетъ собою богатый матеріалъ лингвистическій, заключая въ себѣ особенности того или другаго говора, матеріалъ бытовой, широко открывая своеобразное міросозерцаніе бѣлорусскаго племени съ уцѣлѣвшими остатками миѳовъ, и, наконецъ, матеріалъ чисто литературный, указывая на интересное развитіе фабулы, нерѣдко полной истинной поэзіи.

Календарь Вятской губерніи на 1888 годъ. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1887. — Кромѣ прямаго своего назначенія — служить мѣстною справочною книгой, календарь этотъ имѣетъ и нѣкоторый общій интересъ благодаря преимуществу, данному въ немъ отдѣламъ статистическому и историческому (260 страницъ изъ общаго числа 390). Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ обращаетъ на себя вниманіе статья С. А. Нурминскаго: „Грамотность въ населеніи губерніи", для которой матеріаломъ послужили обыскныя книги за 1880—1882 гг. Добытыя изъ нихъ данныя сопоставляются съ результатами подобной же работы автора надъ книгами 1870—1872 гг., произведенной имъ въ 1875 г. Въ отдѣлѣ историческомъ помѣщены двѣ статьи А. С. Верещагина: „Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ"? и „Откуда почерпнуты и на сколько достовѣрны вообще показанія вятскаго лѣтописца?", въ которыхъ авторъ старается опредѣлить источники указаннаго лѣтописца и подвергаетъ критикѣ его извѣстіе о постройкѣ новгородцами города Хлынова въ 1174 г., вошедшее въ научный оборотъ безъ надлежащей провѣрки. Обѣ статьи указываютъ на близкое знакомство автора съ литературою предмета. Статья А. А. Спицына „Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII ст." служитъ продолженіемъ его статьи „Земля и люди на Вяткѣ въ XVII ст.", помѣщенной въ Вятскомъ календарѣ на 1887 г.; авторъ почерпнулъ матеріалъ изъ изданныхъ при книгѣ „Столѣтіе Вятской губерніи" (Вятка. 1880—1881, три тома) актовъ, частію вновь собранныхъ, частію же перепечатанныхъ изъ другихъ изданій; статья отличается фактическимъ содержаніемъ. Не лишены интереса и остальныя статьи: В. П. Юрьева—„Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ (1811—1819 гг.)" и К. В. Лаврентьева—„Слободское городское училище за 100 лѣтъ своего существованія". Изъ первой, между прочимъ, видно, что не въ далекомъ будущемъ долженъ выйдти обстоятельный трудъ А. А. Спицына—историческій очеркъ упомянутой гимназіи за 75-лѣтнее ея существованіе, предпринятый имъ по порученію начальства. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Спицынъ много поработалъ уже для мѣстной исторіи: его „Вятская Старина", „Вотчины Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря" „Исторія рода Рязанцевыхъ" и другія статьи помѣщались въ мѣстныхъ изда-

ніяхъ. Опрятно изданный Вятскій календарь производитъ своимъ содержаніемъ пріятное впечатлѣніе, какъ результатъ совокупныхъ работъ людей, искренно преданныхъ своему дѣлу.

Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. Съ двумя портретами. С.-Пб. Изданіе *А. С. Суворина*. 1888.—Записки Кс. Ал. Полеваго не составляютъ собственно ни его автобіографіи, ни мемуаровъ о его времени; авторъ задался мыслью написать разказъ о жизни своего брата, извѣстнаго писателя Николая Ал. Полеваго, и лишь по тѣсной связи собственной своей жизни съ его судьбой говоритъ о себѣ и о событіяхъ своего времени. Но такъ какъ Н. Ал. Полевой занималъ важное положеніе въ литературѣ 1820-хъ—1840-хъ годовъ и былъ въ сношеніяхъ съ разными лицами, то автору записокъ пришлось коснуться многихъ обстоятельствъ этого періода нашего общественнаго и литературнаго развитія. Какъ и слѣдовало ожидать, Кс. Ал. Полевой является горячимъ апологетомъ своего брата и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣваетъ снять съ него обвиненія, которыя взводились на него современниками. Иногда, однако, желаніе автора выгородить Н. Ал. Полеваго дѣлаетъ его несправедливымъ къ другимъ лицамъ; такъ, напримѣръ, едва ли безпристрастно изображены имъ отношенія Пушкина и князя Вяземскаго къ издателю Московскаго Телеграфа. Во всякомъ случаѣ записки Кс. Ал. Полеваго полны интереса, и нельзя не быть благодарнымъ А. С. Суворину за ихъ изданіе. Оно сдѣлано отчетливо и снабжено портретами обоихъ братьевъ Полевыхъ и указателемъ.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III. вв. III и IV. Содержаніе: Пѣсня о Худояръ-Ханѣ—*Н. Остроумова.* Посольство Спафари (переводъ)—*А. Ивановскаго.* Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края—*Н. Веселовскаго.* Грузинскія надписи, найденныя въ Россіи—*А. Цагарели.* Буддійскія молитвы—*И. Минаева.* Списокъ персидскимъ, турецко-татарскимъ и арабскимъ рукописямъ библіотеки Имп. С.-Пб. университета—*К. Залемана.* Кромѣ того, мелкія замѣтки и извѣстія, критика и библіографія, и протоколы Восточнаго отдѣленія.

— Упомянемъ еще нѣсколько любопытныхъ книгъ, о которыхъ надѣемся дать отзывъ въ ближайшихъ нумерахъ журнала:

В. Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887.

Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе *П. В. Владимірова.* С.-Пб. MDCCCXXXVIII (изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности).

Крестьянскія пѣсни, записанныя въ селѣ Никольскомъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи *Е. Пальчиковымъ.* Изданіе *А. Е. Пальчикова.* С.-Пб. 1888.

КЪ ВОПРОСУ О ЖЕЛАТЕЛЬНОМЪ ЕДИНООБРАЗІИ ВЪ РУССКОЙ УЧЕБНОЙ ГРАММАТИКѢ.

Читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ живымъ интересомъ отнеслись преподаватели русскаго языка къ изданному академикомъ Я. К. Гротомъ „Русскому правописанію", какія оживленныя бесѣды велись по этому предмету между преподавателями нашихъ учебныхъ заведеній. Привести русское правописаніе къ желательному единообразію, конечно, весьма полезно вообще, въ особенности же въ школѣ, и за это говорятъ очень многія и вѣскія педагогическія соображенія. Весьма понятно, почему вопросъ этотъ давно уже занимаетъ педагоговъ. Изданная въ Пруссіи книжечка „Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung" выдержала очень много изданій и сдѣлалась достояніемъ каждаго учащагося юноши-нѣмца не только въ Германіи, но и у насъ въ Россіи—въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Такой успѣхъ книжки, составленной послѣ многихъ преній педагоговъ и филологовъ, безспорно былъ гарантированъ и тѣмъ, что починъ изданія ея исходилъ отъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія; послѣднимъ она была и издана. „Русское правописаніе" Я. К. Грота, въ составленіи котораго приняли участіе и другіе члены II-го отдѣленія нашей Академіи Наукъ, а въ распространеніи — министерство народнаго просвѣщенія, рекомендовавшее учебникъ, есть явленіе очень аналогичное вышеупомянутымъ нѣмецкимъ „Regeln". Остается только пожелать, чтобы составленное почтеннымъ академикомъ руководство столь же широко распространилось у насъ, какъ нѣмецкое руководство въ Германіи.

Но если желательно въ школѣ единообразіе въ орѳографіи, не менѣе желательно въ учебной грамматикѣ единообразіе и въ терминологіи и въ опредѣленіяхъ правильныхъ формъ въ измѣняющихся частяхъ рѣчи. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ у насъ господствуетъ такой произволъ, какого, пожалуй, не было и въ орѳографіи до изданія „Русскаго правописанія". Не говоримъ уже о маленькихъ грамматикахъ и грамматичкахъ,—даже въ грамматикахъ съ притязаніями на объемъ и серьезность не разыщешь, какъ отъ словъ: чудовище, существо, благородіе винительный падежъ, сходенъ ли онъ съ родительнымъ или именительнымъ. А вѣдь каждая грамматика отечественнаго языка является для ученика весьма часто не столько учебникомъ, сколько справочною книгой въ вопросахъ болѣе или менѣе темныхъ. Вопросу о терминологіи и опредѣленіи правильныхъ грамматическихъ формъ въ нашей учебной грамматикѣ мы и позволимъ себѣ посвятить нѣсколько страницъ.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что терминологія вообще не должна подвергаться измѣненіямъ и обречена, такъ сказать, на окаменѣніе. Съ бо̀льшимъ развитіемъ грамматиковѣдѣнія должна развиться и грамматическая терминологія, должны явиться и новые термины, старые же и неудобные могутъ или измѣниться или уступить мѣсто новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ тому, что̀ они должны выражать. Поэтому появленіе совершенно новыхъ терминовъ въ ученыхъ изысканіяхъ нашихъ филологовъ также естественно, какъ и въ области всякой другой науки. Но изъ этого едва ли слѣдуетъ, чтобы школьная учебная грамматика также нуждалась въ новыхъ терминахъ, появляющихся только въ ученыхъ изысканіяхъ спеціалистовъ филологовъ; и конечно, школа должна быть крайне осмотрительна въ отношеніи къ новѣйшей терминологіи и не торопиться вводить то, что̀ не есть еще достояніе всеобщее. И такъ уже наша грамматическая терминологія полна разнорѣчій, и безъ новыхъ терминовъ—она обильна; но, къ сожалѣнію, „порядка въ ней нѣтъ"! А между тѣмъ пора бы подумать о ней, разобраться въ ней и установить болѣе точное пониманіе ея. Вопросъ о школьной терминологіи безспорно съ точки зрѣнія педагогической долженъ занимать видное мѣсто; и мы рѣшительно не можемъ согласиться съ высокоуважаемымъ Я. К. Гротомъ, высказавшимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе по поводу жалобъ на сбивчивость нашей грамматической терминологіи: „Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему

особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется опредѣленное понятіе" [1]). Это, пожалуй, вѣрно въ отношеніи къ одному ученику или къ нѣсколькимъ, если они всѣ называютъ одно и то же однимъ терминомъ, хотя бы и несовсѣмъ удачнымъ. Но не такъ это вѣрно въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ десятками учениковъ, которые одинъ и тотъ же предметъ называютъ каждый по своему. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ мальчика: его приготовляетъ сперва учитель дома, и онъ усвоиваетъ себѣ терминологію одного учебника. Позже, этого мальчика отдаютъ въ школу; здѣсь онъ частью долженъ забыть усвоенную терминологію и связать извѣстныя грамматическія понятія съ совершенно новыми для него названіями, частью остается при старой терминологіи. Но эту школу мальчикъ, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, долженъ перемѣнить на другую. При разнообразіи нашей грамматической терминологіи, ему приходится продѣлать и здѣсь то же, что и въ первой школѣ, то-есть, забыть нѣкоторые термины, и частью вновь вспомнить забытые имъ въ первой школѣ и усвоить себѣ совершенно новые. Спрашивается: не пропадетъ ли у мальчика просто охота усвоивать себѣ для одного и того же предмета каждый разъ другое названіе на одномъ и томъ же языкѣ, да и не утратитъ ли онъ довѣрія къ наукѣ, въ которой не установилось даже точныхъ наименованій или—что̀ одно и то же на языкѣ ученическомъ—„когда и учителя-то сами не знаютъ, какъ называются предметы, ими преподаваемые"? Не говоримъ уже о томъ, что мальчикъ въ одномъ училищѣ могъ слышать со стороны учителя одобреніе того термина, который въ другомъ училищѣ другимъ учителемъ охуждался.

Представимъ себѣ и другую картину. Въ первый классъ гимназіи поступили ученики, подготовлявшіеся дома по самымъ различнымъ учебникамъ: всѣ они привыкли къ извѣстной терминологіи въ области пройденнаго ими по русской грамматикѣ. Одинъ относительно прилагательнаго: „красён-ъ" говоритъ, что оно съ усѣченнымъ окончаніемъ, а полное окончаніе — „красн-ый"; другой именуетъ данную форму краткою, а основную—полною, иной первую—спрягаемою, а вторую—склоняемою, и т. д. Конечно, это должно невыгодно отозваться, какъ на пріемахъ преподаванія, такъ равно и на степени яснаго, отчетливаго усвоенія предмета учащимися.

[1]) Филологическія разысканія. Т. II.

Кто не согласится съ тѣмъ, что нигдѣ, пожалуй, не требуется болѣе точнаго и простаго способа опредѣленія, какъ въ школѣ, а излишнее разнообразіе терминологіи, при обстоятельствахъ, нами отмѣченныхъ, только сбиваетъ съ толку ученика; не говоримъ уже, что на усвоеніе этой разнообразной терминологіи ему приходится по пусту затрачивать драгоцѣннѣйшее время, котораго у учениковъ нашихъ гимназій очень немного. Вотъ отчего къ разнообразію нашей грамматической терминологіи не приходится относиться съ тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ относятся къ ней многіе, и едва ли тутъ можно успокоивать себя тѣмъ, чѣмъ нерѣдко утѣшаютъ другъ друга въ бесѣдахъ шуточныхъ: „назови хоть горшкомъ, да не ставь только въ печку".

Въ желаніи указать на недостатки нашей грамматической терминологіи, мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ у насъ курсахъ грамматики, предназначенныхъ для среднихъ и начальныхъ школъ. Приведенныя мѣста изъ нихъ лучше всего уяснятъ, на сколько страдаетъ наша грамматика отъ „обилія" терминологіи, при отсутствіи „порядка".

Изъ *фонетики*:

Какимъ именемъ обозначается различіе между согласными: $\frac{б}{п}$, $\frac{г}{к}$, $\frac{д}{т}$, $\frac{ж}{ш}$, $\frac{з}{с}$ и т. д.?

Въ грамматикѣ Колосова [1]) верхніе звуки называются *звучными*, нижніе—*отзвучными*; Я. К. Гротъ [2]) называетъ первые—*голосовыми*, вторые *безголосыми*, Перевлѣсскій [3])—*рѣзкими* и *глухими*, Поливановъ [4])—*мгновенными* и *глухими*; Буслаевъ [5]) и Кирпичниковъ [6])—*средними* и *тонкими*, Говоровъ [7])—*ясными* и *глухими*; есть для этихъ звуковъ также названія: *мягкіе* и

---

[1]) Старославянская грамматика. Варшава. 1882.

[2]) Русское правописаніе. 4-е изд. С.-Пб. 1885.

[3]) Практическая русская грамматика въ 3-хъ частяхъ. Шестое изданіе. 1869.

[4]) Краткій учебникъ русской грамматики. Курсъ 3-хъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 8-е. М. 1882. Русская и церковно-славянская этимологія для среднеучебныхъ заведеній. Изд. 6-е. 1879.

[5]) Учебникъ русск. грамматики, сближенной съ церк.-славянскою. Изд. 5-е. 1878.

[6]) Этимологія русск. языка для низшихъ классовъ гимназій. Изд. 20-е. 1885.

[7]) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русск. языка. 15-е изданіе. 1882.

и твёрдые [1]). Разберитесь-ка въ этой терминологіи! Въ ученіи о звукахъ заслуживаетъ вниманія также дѣленіе звуковъ по органамъ ихъ произношенія.

Изъ ученія о составѣ словъ:

Кромѣ корня, что̀ еще входитъ въ составъ словъ? Что̀ такое суффиксъ и флексія? Предложенные вопросы разрѣшаются нашими грамматиками различно, а нѣкоторыми изъ нихъ и сбивчиво.

Буслаевъ подъ суффиксами разумѣетъ „образующія или производственныя" окончанія, а подъ флексіями — окончанія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Такое же опредѣленіе дается и въ грамматикѣ Кирпичникова. Колосовъ сливаетъ флексіи съ суффиксами и не различаетъ ихъ: „Суффиксы служатъ для образованія отъ даннаго корня различныхъ частей рѣчи или для образованія въ данномъ словѣ различныхъ формъ склоненія и спряженія". Говоровъ подраздѣляетъ окончанія на: „отличительное" (родовое), „относительное" и „производственное". Перевлѣсскій довольно неопредѣленно различаетъ суффиксъ отъ флексіи. У Поливанова въ обѣихъ грамматикахъ по данному вопросу значительная неточность; у него суффиксъ какъ будто раздѣляется отъ родоваго окончанія и какъ будто сливается съ нимъ; терминъ „флексія" не упоминается вовсе.

Очевидно, и въ данномъ случаѣ необходимо позаботиться объ установленіи болѣе точнаго, опредѣленнаго пониманія терминологіи.

Изъ ученія объ отдѣльныхъ частяхъ рѣчи:

Уже выше мы упомянули о разнообразномъ наименованіи двойныхъ окончаній прилагательныхъ. Коснемся теперь обстоятельнѣе этого вопроса.

Колосовъ называетъ окончанія: ый, ая, ое и т. д. полными, ъ, а, о—краткими; такого наименованія придерживаются и Буслаевъ и Поливановъ. Перелѣсскій первыя окончанія называетъ опредѣленными, вторыя—неопредѣленными, Говоровъ, согласно съ Востоковымъ,—склоняемыми и спрягаемыми (въ степени сравнительной, впрочемъ, окончаніе „ѣйшій" называется долгимъ, а „ѣе"—короткимъ), Кирпичниковъ—опредѣленными и неопредѣленными, Ивановъ [2])—полными и усѣченными. Не забудемъ, что есть названія для этихъ же окончаній—„членныя" и „безчленныя".

---

[1]) Напримѣръ, у *Серно-Соловьевича:* Практическая русск. грамм. для нѣмцевъ. 5-е изданіе. 1873.

[2]) Русская грамматика. 16-е изданіе (145 тысяча).

При такомъ разнообразіи, однако, не легко сказать, которые изъ терминовъ отвѣчаютъ болѣе тому, что̀ ими желательно выразить. Тѣмъ легче, намъ думается, нѣкоторые изъ названныхъ терминовъ вовсе удалить изъ учебныхъ грамматикъ и ради единообразія остановиться на чемъ-нибудь одномъ.

Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько и на глаголѣ.

а) Большинство поименованныхъ нами учебниковъ по грамматикѣ предлагаетъ узнавать залогъ глагола по значенію, а не по составу. Да и дѣйствительно, не возможно опредѣленно указать на постоянныя примѣты, образующія залогъ, а равно и видъ въ глаголѣ; въ коренныхъ же глаголахъ ихъ и вовсе нѣтъ. Многія изъ грамматикъ и не касаются даже вопроса объ образованіи залоговъ, а прямо опредѣляютъ число ихъ и значеніе, насчитывая пять залоговъ въ русскомъ глаголѣ: дѣйствительный, средній, взаимный, возвратный и страдательный; нѣкоторыя же изъ нихъ (Буслаева, Иванова, Кирпичникова), опредѣляя залоги по значенію [1]), присоединяютъ къ названнымъ пяти залогамъ и общій, значитъ шестой залогъ, узнаваемый и по значенію, и по составу („ся"). Итакъ, сколько залоговъ въ русскомъ глаголѣ? спроситъ учитель ученика.—А по какой грамматикѣ прикажете считать ихъ? отвѣтитъ ученикъ, познакомившійся хоть съ двумя маленькими грамматиками Поливанова и Кирпичникова, по первой—пять, по второй—шесть. Не видимъ ничего хорошаго въ такомъ разногласіи; а вѣдь и его не трудно удалить изъ учебной грамматики.

б) Два вида именуются всегда одними и тѣми же наименованіями: это—однократный и многократный; остальные извѣстны подъ названіями совершеннаго и несовершеннаго, длительнаго и окончательнаго; встрѣчаются и глаголы „продолженные"; изъ грамматики Востокова внесенъ въ нѣкоторые учебники видъ начинательный.

Мы рѣшаемся ограничиться приведенными указаніями, достаточно подтверждающими—полагаемъ—наше мнѣніе о несовершенствѣ, въ нашей учебной грамматикѣ, терминологіи, только страдающей отъ излишняго изобилія названій и ничего не выигрывающей отъ своего кажущагося богатства. Въ отношеніи къ остальнымъ частямъ рѣчи, въ отношеніи къ синтаксическимъ наименованіямъ наши учебныя грам-

---

[1]) Въ грамматикѣ г. Буслаева, впрочемъ, довольно обстоятельно изложено *производство* залоговъ.

матики столь же разнорѣчивы; но указанія, болѣе обстоятельныя, слишкомъ увеличили бы объемъ нашей замѣтки, имѣющей цѣлью лишь вновь поднять старый вопросъ.

Укажемъ теперь на разнорѣчивыя данныя въ ученіи о правильныхъ формахъ частей рѣчи.

Прежде всего, число склоненій въ нашихъ грамматикахъ опредѣляется самыми различными цифрами. Считая такое несогласіе по отношенію къ учебникамъ болѣе крупнымъ для среднихъ классовъ явленіемъ неважнымъ, мы однако не думаемъ, чтобъ это разногласіе было допустимо въ учебникахъ для младшихъ классовъ, ученикамъ которыхъ зачастую суждено бываетъ мѣнять и школы, и учебники, и всякихъ—прошенныхъ и не прошенныхъ—учителей. А вотъ для примѣра дѣленія существительныхъ на склоненія въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ.

Кирпичниковъ дѣлитъ существительныя на три склоненія: I: ъ, ь, й, о, е; II: а, я; III: ь (ж. р.) и разносклоняемое: мя (также дитя). Въ грамматикѣ Говорова два склоненія: I: ъ, й, ь, о, е; II: а, я, ь и „разносклоняемое“ — „мя“. Въ грамматикѣ Иванова три склоненія: I: ъ, й, ь; II: а, я, ь; III: о, е, мя; слѣдовательно, въ основаніе дѣленія принято родовое различіе. Въ грамматикѣ Поливанова четыре склоненія и 5-е—„неравносложныхъ“: I: ъ, ь, й; II: о, е; III: а, я; IV: ь (ж. р.). Перевлѣсскій въ I-й части своей грамматики (курсъ элементарный) раздѣляетъ существительныя на три склоненія, основывая такое дѣленіе на родовомъ различіи, при чемъ совершенно не упоминаетъ о словахъ на „мя“.

Мы вовсе не намѣрены рѣшать здѣсь вопросъ о томъ, что̀ правильнѣе или удобнѣе имѣть въ виду при дѣленіи существительныхъ на склоненія: сходство ли падежныхъ окончаній, или родовое различіе; считаемъ, однако умѣстнымъ замѣтить, что едва ли возможно руководиться при дѣленіи обоими основаніями вмѣстѣ.

Мы понимаемъ первое склоненіе въ грамматикѣ Говорова (ъ, ь, й о, е); въ основаніе его положено сходство большинства падежныхъ окончаній, но не понимаемъ II-го склоненія (а, я, ь). Или здѣсь родовое дѣленіе? Въ такомъ случаѣ, какъ примирить съ этимъ слѣдующее положеніе, высказанное предъ примѣрами склоненій: „Основаніемъ этому дѣленію склоненій именъ существительныхъ служатъ окончанія косвенныхъ падежей: родительнаго, дательнаго и творительнаго“ (стр. 36) Ученикъ, не заучивающій урока наизусть прямо по книгѣ,

а старающійся отчетливо понять изложенное, непремѣнно на листкѣ бумаги начертитъ слѣдующее:

Им. п. а, я, ь
Р. п. ы, и, и
Д. ѣ, и
Тв. ою, ею ью.

Какое богатое сходство нашелъ онъ въ окончаніяхъ, не пройдя еще измѣненія гласныхъ!

Еще разъ позволимъ себѣ замѣтить, что едва ли допустимы въ элементарныхъ руководствахъ такое разногласіе и сбивчивость. Но отъ маловажнаго вопроса о раздѣленіи именъ существительныхъ на склоненія перейдемъ къ болѣе важному, къ опредѣленію падежныхъ формъ въ склоненіяхъ.

Въ отношеніи къ данному вопросу, прежде всего поражаетъ то, какъ различно опредѣляется составителями учебныхъ грамматикъ степень потребности въ знаніяхъ учениками производства не совсѣмъ обычныхъ формъ—уклоненій отъ нормы—по различнымъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя грамматики останавливаются на томъ, что существительныя на „мя" съ предыдущею согласною и полугласною въ род. п. мн. ч. принимаютъ окончаніе не „ь", а „ъ", оставляя въ сторонѣ другія особенности въ склоненіяхъ словъ на „я" въ томъ же падежѣ (змѣ—я, й, свинья—ей, келья, ій и т. д.). Вообще, приводимыя данныя объ уклоненіяхъ очень мало указываютъ, какъ намъ кажется, на тѣ соображенія, коими вызвано внесеніе ихъ въ учебникъ. Но замѣчаніе это, касающееся уже системы педагогическихъ воззрѣній, позволяемъ себѣ занести сюда лишь къ слову.

Перейдемъ къ правильнымъ формамъ склоненія.

На что оканчивается винительный падежъ въ существительныхъ средняго рода, называющихъ одушевленный предметъ: сходенъ ли онъ съ именительнымъ или родительнымъ падежомъ?

Маленькія распространенныя грамматики разрѣшаютъ этотъ вопросъ такъ:

Говоровъ въ „примѣчаніяхъ" за примѣрами склоненій (таблицъ съ окончаніями нѣтъ) словъ муж. и средн. р. говоритъ: „Вин. п. въ именахъ существительныхъ средняго рода постоянно сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ муж. р. сходенъ съ нимъ только въ именахъ собирательныхъ и въ именахъ неодушевленныхъ; въ именахъ же одушевленныхъ предметовъ всегда сходенъ съ родитель-

нымъ". Для того, чтобы воспользоваться этимъ правиломъ, конечно, предстоитъ задача опредѣлить, что̀ значитъ слово: „постоянно".

Въ словарѣ Даля—ученикъ—допустимъ прочтетъ такое истолкованіе: „всегда, бе́зперечь, неизмѣнно". Такимъ образомъ послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ ученикъ уяснитъ себѣ, что вин. падежъ въ именахъ средн. рода сходенъ всегда съ именит. падежомъ. Но насколько намъ думается, нарѣчіе „постоянно", которое Даль называетъ „словомъ полурусскимъ", можетъ быть понимаемо и въ нѣсколько иномъ значеніи: „по большей части", „обыкновенно". При такомъ пониманіи этого слова (такъ его, кажется, понимаетъ и авторъ учебника), конечно, правило, помѣщенное въ грамматикѣ Говорова, лишено всякаго значенія по своей неопредѣленности.

Въ грамматикѣ Кирпичникова также нѣтъ таблицъ съ обозначеніемъ окончаній; ученики усвоиваютъ окончанія вмѣстѣ съ примѣромъ. Для обозначенія окончаній средняго рода склоняются слова: „слово" и „поле". Примѣры, такимъ образомъ, не объясняютъ ничего въ отношеніи къ именамъ одушевленныхъ предметовъ средняго рода. Но вотъ что̀ находимъ мы у Кирпичникова о винительномъ падежѣ въ параграфѣ, изъясняющемъ „особенности" I-го склоненія „Въ I-мъ склоненіи" (то-есть въ словахъ на ъ, й, ь, о, е) „винительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ въ обоихъ числахъ съ родит. пад.., а именъ предметовъ неодушевленныхъ—съ именительнымъ". Если понимать слово „постоянно" въ значеніи, како даетъ ему Даль, то правило, приведенное въ грамматикѣ Кирпичникова, совершенно противоположно правилу, помѣщенному въ грамматикѣ Говорова.

Въ грамматикѣ Иванова въ таблицѣ окончаній словъ на *о* и *е* въ графѣ винительнаго падежа обоихъ чиселъ читаемъ слѣдующее: „вин. пад. сходенъ съ именительнымъ". Въ правилахъ же для склоненій" въ объясненіяхъ о винительномъ падежѣ читаемъ слѣдующее: „Винительный падежъ единственнаго числа во всѣхъ именахъ средняго рода всегда сходенъ съ именительнымъ безъ различія предметовъ". „Винительный падежъ множественнаго числа всѣхъ родовъ въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ предметовъ одушевленныхъ съ родительнымъ". Что̀ же выходитъ? Правила для склоненій, помѣщенныя въ § 39-мъ, уничтожаютъ таблицу склоненій, помѣщенную въ § 38-мъ!

Поливановъ, въ краткомъ своемъ учебникѣ, нигдѣ не указываетъ

опредѣленно на форму винительнаго падежа именъ предметовъ одушевленныхъ средняго рода; но на основаніи соображеній, вытекающихъ изъ примѣровъ склоненія словъ на *о* и *е*, и данныхъ о винительномъ падежѣ существительныхъ мужескаго рода ученикъ можетъ вывести то заключеніе, что винительный падежъ въ именахъ средняго рода всегда въ обоихъ числахъ сходенъ съ падежомъ именительнымъ. Только что сказанное о грамматикѣ Поливанова вполнѣ приложимо и къ I-й части грамматики Перевлѣсскаго.

Итакъ, маленькія грамматики разрѣшаютъ поставленный нами вопросъ различно, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ противорѣчивыя правила, а нѣкоторыя и вовсе замалчиваютъ его.

Перейдемъ къ грамматикамъ „средняго курса", съ притязаніями на полноту.

Поливановъ въ своей „Русской и церковно-славянской этимологіи", взявъ для примѣровъ склоненія существительныхъ средняго рода имена неодушевленныхъ предметовъ, въ примѣчаніяхъ къ склоненіямъ словъ средняго рода не упоминаетъ вовсе о винительномъ падежѣ. Перевлѣсскій во II-й части своей грамматики въ сравнительной таблицѣ склоненій существительныхъ говоритъ о винительномъ падежѣ словъ средняго рода, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, слѣдующее: „винит. пад. сходенъ съ именительнымъ". Буслаевъ въ своемъ учебникѣ [1]), можно сказать, вовсе не затрогиваетъ этого вопроса. Такъ, таблицъ склоненій у него нѣтъ, а въ примѣры существительныхъ средн. рода взяты названія неодушевленныхъ предметовъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести о винительномъ падежѣ данныя изъ грамматики Востокова: „Винит. п. въ именахъ одушевленныхъ предметовъ мужскаго рода числа единственнаго и всѣхъ трехъ родовъ числа множественнаго сходенъ съ родительнымъ, въ именахъ же неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ—съ именительнымъ". И въ примѣчаніи: „Правило о сходствѣ винит. падежа съ именительнымъ распространяется на предметы одушевленные или духовные, когда имъ придается имя, служащее собственно къ означенію отвлеченнаго предмета. Таковы имена существительныя средняго рода, кончающіяся на ство, аніе, еніе, напримѣръ: божество, созданіе, существо, также лицо и отродіе, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ винит. п., подобный именительному" (изд. 1856 г.). Можетъ быть,

[1]) „Исторической грамматики" почтеннаго профессора мы не имѣемъ въ виду.

Востоковъ и не правъ; но право, такая опредѣленность и предусмотрительность заслуживаютъ полнаго вниманія, и за это честь и слава нашимъ старымъ, добрымъ учителямъ!

Отъ существительнаго перейдемъ къ прилагательному.

Имѣетъ ли русское прилагательное особенныя окончанія для производства степеней сравнительной и превосходной, и какія?

Въ разрѣшеніи предложеннаго вопроса цитуемыя нами грамматики также расходятся.

Большинство изъ нихъ окончанія $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій и $\frac{\text{ѣе}}{\text{е}}$ называютъ окончаніями сравнительной степени, при чемъ указываютъ, что сравнительная степень съ окончаніями $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій употребляется также и въ значеніи превосходной степени. Превосходную же степень образуютъ эти грамматики описательно при помощи приставокъ, мѣстоименій и нарѣчій, прилагаемыхъ къ сравнительной или положительной степени съ полнымъ окончаніемъ ($\frac{\text{ой, ый}}{\text{і}}$, $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій) ой. Нѣкоторые изъ названныхъ выше учебниковъ окончанія $\frac{\text{ѣ}}{\text{а}}$йшій называютъ окончаніями превосходной степени, а сравнительную степень надѣляютъ только окончаніями $\frac{\text{ѣе}}{\text{е}}$. Такимъ образомъ маленькому ученику, при поверхностномъ его знакомствѣ хотя бы съ двумя маленькими учебниками, можетъ легко показаться, что даже и составители грамматикъ не знаютъ отчетливо производства степеней сравненія! Выводъ, конечно дѣтскій и смѣшной, — но зачѣмъ же давать поводы къ такого рода умозаключеніямъ?

Да не подумаетъ читатель, что мы выбрали все сполна, что можетъ подтвердить высказанное раньше замѣчаніе о путаницѣ, существующей въ нашей учебной грамматикѣ. Матеріалъ для выписокъ остался еще очень обильный. Но мы полагаемъ, что и выписаннаго достаточно для уясненія поднятаго нами вопроса, притомъ вопроса далеко не новаго. Имѣя въ виду живое участіе нашей Академіи Наукъ къ школьному дѣлу, сказавшееся за послѣднее время въ попыткахъ привести въ нашихъ школахъ правописаніе къ „желательному единообразію", а равно ожидая многихъ добрыхъ результатовъ отъ собраній преподавателей русскаго языка, посвящаемыхъ обсужденію спеціально школьныхъ вопросовъ по преподаванію этого предмета, мы и позволили себѣ столь подробно напомнить о вопросѣ, давно уже назрѣвшемъ

Будемъ считать нашу замѣтку вполнѣ достигнувшею цѣли, если она обратитъ на поднятый вопросъ вниманіе лицъ, заинтересованныхъ судьбою русскаго языка въ русскихъ школахъ и способныхъ

возвысить авторитетный голосъ за желательное единообразіе въ русской учебной грамматикѣ. Позволимъ себѣ высказать увѣренность, что при болѣе или менѣе коллегіальномъ способѣ обсужденія поднятый нами вопросъ можетъ быть рѣшенъ безъ особыхъ затрудненій: установить единообразіе въ терминологіи и формулировкѣ основныхъ положеній школьной грамматики едва ли труднѣе, чѣмъ ввести „единообразное" правописаніе.

В. Богдановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ [1]).

Нынѣшній годъ былъ годомъ великихъ утратъ для Академіи: 30-го мая скончался академикъ Стефани, а 17-го декабря послѣдовалъ за нимъ въ могилу академикъ Видеманъ. Такъ, на разстояніи съ небольшимъ полугодія, не стало среди насъ двухъ знаменитыхъ представителей науки. Оба они многочисленными и важными, совершенными въ теченіе долгой жизни, трудами заняли такое высокое положеніе въ ученомъ свѣтѣ, что смерть ихъ должна оставить между нами надолго пустоту. И когда разставаніе съ дорогими для насъ товарищами, внушавшими къ себѣ глубокое уваженіе, какъ люди чести и добра, наполняло насъ чувствами горькой скорби, то утѣшеніемъ намъ служило справедливое сознаніе, что они оставили намъ, послѣ себя, въ наслѣдіе свою добрую славу и блестящія въ наукѣ имена, которыя останутся навсегда украшеніемъ лѣтописей нашей Академіи.

Лудольфъ Эдуардовичъ Стефани родился 17-го (29-го) марта 1816 года, въ селеніи Бейха, близъ Лейпцига, и получилъ образованіе сперва въ гимназіи въ Гриммѣ, а затѣмъ въ Лейпцигскомъ

[1]) Читанъ непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 г.

университетѣ. Избравъ, съ ранней молодости, своею специальностью—классическую археологію, онъ, къ своему счастью, столь же рано сознанъ, что занятіе этою наукою, безъ основательнаго знанія языковъ и литературы Греціи и Рима, никогда не могутъ идти далѣе диллетантизма. Поэтому, первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ посвятилъ исключительно изученію классической филологіи. При своей даровитости и невсегда соединяющемся съ нею трудолюбіи, онъ, подъ руководствомъ и вліяніемъ такихъ наставниковъ, какъ знаменитый praeceptor Germaniae—Готфридъ Германъ—для греческой филологіи, Гауптъ—для латинской, Адольфъ Беккеръ—для древностей, такъ быстро развился въ зрѣлаго ученаго, что съ первой же работы, съ которою онъ явился въ свѣтъ („Борьба Ѳезея съ Минотавромъ", 1842), обратилъ на себя общее вниманіе въ ученыхъ кругахъ. Совершенное имъ, вслѣдъ затѣмъ, четырехлѣтнее путешествіе по странамъ, гдѣ процвѣтало въ древности искусство, по Италіи, Греціи и нѣкоторымъ частямъ Малой Азіи, не только доставило ему обильную жатву наблюденій, надписей, рисунковъ и пр., но и подготовило, такъ-сказать, успѣхъ его послѣдующихъ работъ, развивъ въ немъ столь важное для археолога тонкое пониманіе той связи, какую проявленія искусства всегда имѣютъ съ окружающею ихъ природою. Изданные имъ тогда отчеты объ этомъ путешествіи и нѣкоторыя другія сочиненія успѣли создать ему весьма блестящую извѣстность. Въ то время, какъ онъ, вернувшись изъ своихъ странствованій (осенью 1845 г.), занялъ въ Лейпцигскомъ университетѣ мѣсто доцента, наша Академія, находившаяся тогда уже нѣсколько лѣтъ безъ археолога—за смертью въ 1838 г. Келера, искала для себя достойнаго представителя этой науки, и получивъ, чрезъ академика Дорна, извѣстіе о восторженныхъ отзывахъ Готфрида Германа о молодомъ ученомъ, стала помышлять о привлеченіи его въ свою среду. Между тѣмъ, извѣстность Стефани не ускользнула отъ вниманія и Дерптскаго университета, который, послѣ ухода изъ него знаменитаго Преллера, также помышлялъ о пріобрѣтеніи для себя достойнаго ему преемника. Представленіе университета о Стефани только нѣсколькими днями упредило собою ходатайство о немъ же Академіи. Такимъ образомъ случилось, что когда Стефани сообщилъ Академіи о готовности своей занять въ ней мѣсто предпочтительно передъ переселеніемъ въ Дерптъ, избраніе его на каѳедру археологіи въ университетѣ уже было утверждено графомъ С. С. Уваровымъ, который, весьма естественно, призналъ неудобнымъ такъ скоро

отмѣнить данное имъ однажды разрѣшеніе, и предложилъ Академіи повременить переводомъ Стефани изъ Дерпта въ Петербургъ. Такимъ образомъ окончательное вступленіе его въ Академію стало только вопросомъ времени, и можно сказать, что уже съ той поры Академія считала его какъ бы принадлежащимъ къ ея составу, и возложивъ на него тогда же порученіе—разобрать и обработать къ печати массу оставшихся послѣ смерти Келера рукописныхъ трудовъ его, тѣмъ какъ бы признала его преемникомъ Келера и дѣятельнымъ своимъ сотрудникомъ. А масса оказавшихся въ посмертныхъ бумагахъ Келера, еще не напечатанныхъ трудовъ его по классической археологіи—была огромная; издать же въ свѣтъ чужіе посмертные труды, старательно приготовивъ для печати многое еще не приведенное въ порядокъ и не окончательно обработанное самимъ авторомъ,—значитъ привести не маловажную жертву наукѣ. И такую жертву, съ полною добросовѣстностью и удивительнымъ самоотреченіемъ—принесъ Стефани, своимъ образцовымъ изданіемъ, съ 1850 по 1853 гг., шести большихъ томовъ сочиненій Келера по классической археологіи. Со вступленія Стефани, въ 1850 г., въ Академію и съ назначеніемъ его въ то же время директоромъ нашего археологическаго музея, а въ слѣдующемъ затѣмъ 1851 году—ученымъ хранителемъ Греческихъ и Римскихъ древностей въ только что оконченномъ постройкою новомъ императорскомъ эрмитажѣ—начинается его изумительная по принесеннымъ ею плодамъ, неустанная дѣятельность по изслѣдованію древняго искусства и въ особенности—по изученію многочисленныхъ и въ высшей степени важныхъ памятниковъ его, открываемыхъ раскопками въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи. Изъ всего круга предметовъ, обнимаемыхъ археологіею, какъ наукою о вещественныхъ памятникахъ древности, избравъ исключительно спеціальностью своей экзегетики—произведенія пластическихъ искусствъ, Стефани являлъ собою счастливое и рѣдкое сочетаніе тѣхъ условій, при которыхъ труды по этой части только и могутъ быть плодотворны: тонкое эстетическое чувство, хорошее знакомство съ техническою стороной этихъ искусствъ, изученіе собственными глазами тѣхъ странъ, гдѣ они въ древности процвѣтали; и наконецъ основательное знаніе обоихъ классическихъ языковъ и литературъ, такъ какъ самые памятники древности, при всей ихъ для насъ занимательности, безмолвствуютъ о своей исторіи, и объясненіе всего ихъ значенія въ связи съ бытомъ народнымъ возможно только путемъ внимательнаго изученія дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ. Совокупностью

такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ обезпечено за трудами Стефани прочное значеніе ихъ въ наукѣ. Какіе бы успѣхи ни сдѣлала археологія въ будущемъ,—работы нашего покойнаго сочлена навсегда останутся образцами остроумной и осмотрительной критики, ширины общихъ взглядовъ и выводовъ столько же, сколько изящества изложенія. Многочисленность и объемистость ихъ не удивятъ никого, кто зналъ, какъ Стефани любилъ работу съ исключительностью страсти, отказавшись навсегда отъ всякихъ развлеченій и даже отъ всякихъ знакомствъ, на которыя у иныхъ идетъ не мало времени. Для него жить—значило работать, по правилу nulla dies sine linea. Каждое изъ заглавій, въ длинномъ спискѣ его сочиненій, напоминаетъ собою столько же обширныя по объему, сколько интересныя по содержанію, изслѣдованія, существенно обогатившія науку о древностяхъ. Упомяну только о его „Parerga archaeologica“ объ „Аполлонѣ Боэдроміосѣ“, о „Нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ въ произведеніяхъ древняго искусства“, объ „Отдыхающемъ Ираклѣ по рельефу Villa Albani“, о „Бореѣ и Бореадахъ“, о „Кормленіи змѣй въ Орфическихъ таинствахъ“, о „Подложныхъ именахъ древне-классическихъ художниковъ на рѣзныхъ камняхъ“, о „Собраніи антиковъ Павловскаго Дворца“, о „Древностяхъ Босфора Кимерійскаго“, и въ особенности о 21 томѣ отчетовъ императорской археологической коммиссіи, въ которыхъ перу Стефани принадлежитъ объясненіе всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ предметовъ классической древности, открытыхъ въ почвѣ Россіи раскопками послѣднихъ 30 или 40 лѣтъ. Какъ ни кратко время, отмѣренное мнѣ для настоящаго чтенія, не могу, однако, не сказать двухъ словъ о Стефани, какъ о человѣкѣ. Его мало знали даже и тѣ, которые съ нимъ часто встрѣчались. Немногіе могли вполнѣ оцѣнить всѣ прекрасныя качества его души, все благородство его характера. Заключивъ всю свою жизнь въ стѣнахъ кабинета, проводя все свое время съ современниками Праксителя, Фидіаса, Павзанія, онъ не чувствовалъ потребности въ общеніи съ живыми людьми. Въ сердцѣ его не было струнъ, которыя бы звучали отъ прикосновенія къ нимъ современности. Но это не было у него дѣломъ мизантропіи; онъ никогда бы не могъ понять французскаго моралиста, сказавшаго, что тотъ не любилъ людей въ 20 лѣтъ, кто въ 40 лѣтъ не презираетъ ихъ немножко. Нѣтъ, Стефани любилъ человѣчество, но любилъ по-своему—на разстояніи, изъ того отдаленія, которое отдѣляетъ нашъ вѣкъ отъ временъ Перикла и Аспазіи. А отдавать всю свою жизнь служенію наукѣ, то-есть, вы-

работкѣ истинъ, которыя всецѣло обращаются на пользу человѣчества, не значитъ ли это также любить своихъ ближнихъ? Стефани вѣрилъ въ науку, вѣрилъ и въ себя, въ долговѣчность того ученаго дѣла, на совершеніе котораго онъ употребилъ свое существованіе на землѣ. О томъ, какъ онъ любилъ это дѣло, онъ самъ далъ намъ осязательное свидѣтельство: въ послѣдніе годы, когда разстроенное здоровье указало, что ученое поприще его кончено,—онъ старательно собралъ по экземпляру всѣхъ, когда-либо изданныхъ имъ сочиненій, любовно одѣлъ ихъ въ изящные переплеты, наполнилъ ими особый, не малой величины, красивый шкафъ, и въ предсмертномъ своемъ распоряженіи завѣщалъ его Академіи, съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялся въ музеѣ классической археологіи. И Академія свято исполнитъ этотъ завѣтъ, вспоминая съ признательностью, что благодаря трудамъ Стефани она заняла не послѣднее мѣсто въ ряду учрежденій, много способствовавшихъ въ наше время болѣе глубокому, чѣмъ было дотолѣ, пониманію античнаго міра.

Невознаградимою утратою для другой отрасли наукъ была кончина Видемана. Чтобы измѣрить громадность этой потери, стоитъ только вспомнить все то, что имъ было сдѣлано для филологіи, и какое, всѣми признанное и никѣмъ не оспориваемое значеніе имѣлъ его голосъ во всѣхъ вопросахъ той отрасли языкознанія, которой онъ себя посвятилъ. Сходя въ могилу уже отягченный годами, онъ—не смотря на свою, по истинѣ, необычайную скромность, могъ съ полнымъ правомъ сказать, что исполнилъ здѣсь долгъ человѣка и ученаго такъ, какъ не всякому удается.

Фердинандъ Ивановичъ Видеманъ родился 18-го марта 1805 г. въ Гапсалѣ, изучалъ въ Дерптскомъ университетѣ юриспруденцію и древніе языки, и въ продолженіе 27-ми лѣтъ (1830—1857 гг.) занималъ должность учителя сперва въ Митавской, а потомъ въ Ревельской гимназіяхъ. Но, при рано пробудившейся въ немъ наклонности къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, педагогическія занятія, какъ бы они ни были добросовѣстны, не могли одни удовлетворить всѣхъ потребностей его дѣятельнаго и пытливаго ума.—Основательнымъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ хорошо приготовленный къ филологическимъ трудамъ, онъ тогда же избралъ предметомъ своихъ любимыхъ занятій изученіе еще недостаточно изслѣдованной ученымъ образомъ семьи финскихъ языковъ. Первый же опытъ, съ которымъ онъ, въ 1847 году, выступилъ на ученое поприще— „Опытъ грамматики зырянскаго языка“ — показалъ, что онъ вѣрно

угадалъ свое призваніе. Когда вслѣдъ затѣмъ, еще въ томъ же году, вышла его „Грамматика черемисскаго языка", а четыре года спустя— его „Грамматика вотяцкаго языка", то ясно стало, что Видеманъ былъ рожденъ—сдѣлаться лингвистомъ.—Эти труды, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, которые онъ издалъ въ то время, не могли не обратить на себя вниманіе Академіи, когда ей, послѣ смерти Шегрена, предстояло избрать достойнаго преемника ему и продолжателя трудовъ этого основателя у насъ финской діалектологіи. Какъ ни велики были надежды, возлагавшіяся на него Академіею, но Видеманъ, вступивъ въ нее въ 1857 году, еще превзошелъ ихъ — тою изумительною производительностью, въ какой выразилась его ученая дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ возможность на ней одной сосредоточить свои занятія. Одинъ за другимъ, въ быстрой послѣдовательности, появлялись его труды, составившіе собою эпоху въ наукѣ: „Грамматика и словарь языка ливовъ" (1861), „Опытъ о верро-эстскомъ нарѣчіи" (1864), „Грамматика эрзо-мордовскаго языка" (1865), „Эстско-нѣмецкій словарь" (1869), „О народности и языкѣ нынѣ вымершихъ въ Курляндіи кревиновъ" (1871), „Грамматика эстскаго языка въ разныхъ его нарѣчіяхъ" (1875), и много другихъ. Работая всегда на основаніи богатыхъ, старательно собранныхъ и критически очищенныхъ матеріаловъ, и прилагая къ нимъ строгій философскій методъ современной лингвистики, онъ сумѣлъ придавать своимъ трудамъ ту законченность, которою обезпечивается за ними навсегда высокое значеніе въ наукѣ. И не одному сравнительному языкознанію оказалъ Видеманъ незабвенныя услуги; обогащена его трудами также и этнографія многочисленныхъ финскихъ племенъ, раскинувшихся на огромныхъ пространствахъ сѣвера и востока Россіи. Самое глубокое уваженіе внушалъ къ себѣ Видеманъ, какъ ученый, — повсемѣстно, вблизи и издалека; но еще большее, если можно, уваженіе питалъ къ нему всякій, кто имѣлъ счастье узнать его какъ человѣка. То, что могъ бы я теперь, въ бѣглыхъ словахъ и какъ бы только мимоходомъ, сказать объ этой сторонѣ его личности, было бы и блѣдно и недостойно ея. А тема эта могла бы быть благодарна, и тѣнь Видемана ожидаетъ, и конечно — дождется такого себѣ литературнаго памятника, который передалъ бы потомству, рядомъ съ должною оцѣнкою его ученыхъ заслугъ, и вѣрное изображеніе этой высоконравственной и свѣтлой личности.

Скорбный списокъ нашихъ утратъ не кончается этими двумя академиками. Изъ числа внѣшнихъ членовъ Академіи, въ теченіе

года скончались: нашъ почетный членъ — генералъ-адъютантъ Сам. Алекс. Грейгъ и члены-корреспонденты: по разряду физическихъ наукъ—Кирхгофъ, обезсмертившій себя изобрѣтеніемъ спектральнаго анализа; по разряду біологическихъ наукъ профессоръ Левъ Семен. Ценковскій и членъ французскаго института Вюльпіанъ; по разряду историко-политическихъ наукъ — Томасъ въ Мюнхенѣ и Гутшмидтъ въ Тюбингенѣ; по классической филологіи Генценъ; по восточной словесности—Штенцлеръ въ Бреславлѣ, и по разряду лингвистики—Поттъ въ Галле.

Приступая къ обзору ученыхъ трудовъ за истекающій годъ, мы имѣемъ счастье заявить, съ чувствомъ благоговѣйной признательности о новомъ знакѣ Монаршаго покровительства наукѣ и милостиваго благоволенія къ Академіи. Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было назначить въ распоряженіе Академіи 25,000 руб. на изданіе описанія путешествія Н. М. Пржевальскаго по Средней Азіи. Такимъ образомъ, щедротамъ Его Высочества ученый міръ будетъ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ научныхъ результатовъ, достигнутыхъ четырехкратными экспедиціями знаменитаго русскаго путешественника. Устроенная нашимъ зоологическимъ музеемъ, въ началѣ нынѣшняго года, выставка вывезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ Азіи предметовъ естественной исторіи, поражавшая посѣтителей своею громадностью, была какъ бы нагляднымъ итогомъ огромнаго числа матеріаловъ, требующихъ теперь систематическаго разбора, внимательнаго изученія и наконецъ—надлежащаго изданія всего того, что, вслѣдствіе такой обработки, окажется чистою прибылью для современной науки. Чѣмъ драгоцѣннѣе являлись эти матеріалы, тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ начата въ Академіи ученая ихъ разработка цѣлою коммиссіею спеціалистовъ, между которыми распредѣлена эта работа соотвѣтственно разнородности самыхъ коллекцій.

Рядомъ съ тѣмъ, другимъ предметомъ заботъ Академіи была обработка наблюденій и коллекцій, привезенныхъ докторомъ А. Бунге и барономъ Толемъ изъ Пріянскаго края и съ Новосибирскихъ острововъ. Въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ приступить къ изданію въ свѣтъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ результатовъ нашей полярной экспедиціи, напечатаны въ нынѣшнемъ году [1])—предварительные отчеты о ней путешественниковъ, исправленная

[1]) Въ сборникѣ: Beiträge zur Kenntniss des russ. Reichs.

ими карта Новосибирскихъ острововъ и сдѣланныя ими метеорологическія наблюденія.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ нашемъ было сообщено объ обязанности, возложенной на Академію посмертною волею преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) по изданію въ свѣтъ его сочиненій и біографіи. Интересующіеся этимъ дѣломъ узнаютъ съ удовольствіемъ, что, подъ руководствомъ академиковъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Куника, вся огромная масса полученныхъ нами по завѣщанію Порфирія бумагъ, рукописей, рисунковъ и проч. старательно разобрана, и помощникомъ библіотекаря П. А. Сырку составлено обстоятельное ихъ описаніе, которое теперь печатается, для ознакомленія ученыхъ съ составомъ и значеніемъ этихъ важныхъ документовъ.

Перехожу къ обзору работъ, занимавшихъ въ теченіе года физико-математическое отдѣленіе Академіи.

Изслѣдованія нашихъ математиковъ доставили и въ нынѣшнемъ году нѣсколько новыхъ обогащеній науки.

Академикъ П. Л. Чебышевъ показалъ, какъ, при помощи теоремы относительно интеграловъ, доказанной имъ въ прошлогоднемъ его мемуарѣ, получается теорема относительно вѣроятностей, которая—въ приложеніи къ опредѣленію благонадежнѣйшихъ величинъ неизвѣстныхъ, на основаніи большаго числа уравненій, заключающихъ случайныя, болѣе или менѣе значительныя погрѣшности, — приводитъ къ способу наименьшихъ квадратовъ.

Академикъ В. Г. Имшенецкій далъ простой и общій способъ нахожденія раціональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ раціональными коефиціентами и тѣмъ рѣшилъ весьма важную, въ теоріи интеграловъ линейныхъ уравненій задачу, которую впервые, но безуспѣшно, пытался рѣшить почти за полстолѣтіе предъ симъ знаменитый Ліувиль, но которая, вѣроятно по трудности своей, оставалась и до сихъ поръ безъ надлежащаго рѣшенія.

Адъюнктъ А. А. Марковъ сообщилъ Академіи о ходѣ работы, предпринятой имъ еще въ 1885 году съ цѣлью составленія, для значеній интеграла $\int_x^{\infty} e^{-t^2} dt$, таблицу, которая будетъ отличаться отъ извѣстной таблицы Крампа не только большею точностью, но и тѣмъ, что разность между послѣдовательными значеніями x будетъ въ ней въ десять разъ меньше, чѣмъ въ таблицѣ Крампа.

Наконецъ, наши записки украсились новымъ интереснымъ изслѣ-

дованіемъ почтеннаго профессора Д. К. Бобылева о движеніи поверхности, прикасающейся къ другой, неподвижной.

По астрономіи, академикъ О. В. Струве напечаталъ извѣстіе о сдѣланномъ имъ, за 36 лѣтъ предъ симъ, наблюденіи одного туманнаго пятна въ созвѣздіи Оріона, а академикъ О. А. Баклундъ частью уже напечаталъ, а частью приготовилъ для дальнѣйшаго обнародованія свои изслѣдованія о каталогѣ звѣздъ, изданномъ въ 1886 году Пулковскою обсерваторіею. Здѣсь плодомъ многолѣтней и тщательной работы нашего астронома явилось рѣшеніе весьма важнаго для науки вопроса о томъ, какое отношеніе имѣютъ напечатанныя (въ VIII томѣ „Observations de Poulkova") наблюденія меридіаннымъ кругомъ—къ каталогу Пулковскихъ фундаментальныхъ звѣздъ, а равно и къ другимъ извѣстнымъ звѣздныхъ каталогамъ. Въ числѣ результатовъ этого изслѣдованія особеннаго вниманія заслуживаетъ открытіе значительныхъ систематическихъ погрѣшностей въ опредѣленныхъ Пулковскимъ меридіаннымъ кругомъ склоненій, — погрѣшностей, доходящихъ до цѣлой секунды въ дугѣ и заключающихся не только въ наблюденіяхъ 1840—1869 годовъ, но и въ произведенныхъ г. Ромбергомъ въ 1874—1881 годахъ. Предстояло доискаться причинъ подобной аномаліи въ показаніяхъ такого первоклассснаго инструмента, какъ меридіанный кругъ, и г. Баклунду удалось доказать, что такою причиною служило—съ одной стороны—недостаточная оцѣнка гнутія, а съ другой — принятіе погрѣшности дѣленій круга — ошибочно съ противоположнымъ знакомъ,—и такимъ образомъ—указать средство для надлежащаго исправленія ошибочныхъ склоненій, напечатанныхъ въ VI и VII томахъ Пулковскихъ наблюденій.

Кромѣ этой работы, г. Баклундъ напечаталъ, въ Парижскомъ Bulletin astronomique, первую часть своихъ изслѣдованій о теоріи спутниковъ Юпитера; а наблюдатель Дерптской обсерваторіи Л. О. Струве помѣстилъ, въ нашихъ мемуарахъ, свою диссертацію объ опредѣленіи постоянныхъ величинъ предваренія равноденствій и собственнаго движенія солнечной системы.

Предметомъ записки нашего многоуважаемаго члена-корреспондента І. И. Стебницкаго служитъ фигура земли. Представленное здѣсь изложеніе современныхъ результатовъ геодезическихъ измѣреній и ихъ несогласія съ астрономическими опредѣленіями долготъ и широтъ ведетъ къ заключенію о тѣхъ затрудненіяхъ, съ какими сопряжено опредѣленіе точной фигуры геоида. Посредствомъ своихъ извѣстныхъ наблюденій надъ маятникомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, ва-

торъ—опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ — доказалъ необходимость—при опредѣленіи этой фигуры—принимать во вниманіе притяженіе материковъ, и въ заключеніе—указываетъ тѣ задачи, которыя предстоитъ разрѣшить при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ фигуры земли.

Академикъ Г. И. Вильдъ, поставивъ себѣ задачею придать абсолютнымъ опредѣленіемъ элементовъ земнаго магнетизма большую степень точности, предложилъ, въ устройствѣ магнитнаго однонитнаго теодолита, такія усовершенствованія, что построенный по его мысли новый инструментъ этого рода далъ возможность, въ произведенныхъ помощью его, лѣтомъ нынѣшняго года, наблюденіяхъ—достигнуть, относительно опредѣленія абсолютной горизонтальной напряженности земнаго магнетизма, результатовъ въ 4 раза болѣе точныхъ, чѣмъ было возможно доселѣ. Вслѣдствіе такого успѣха, превзошедшаго даже ожиданія самого изобрѣтателя, явилась надобность въ увеличеніи чувствительности и варіаціонныхъ аппаратовъ.

Въ то же время г. Вильдъ, продолжая свои фотометрическія изслѣдованія, устроилъ новый поляризаціонный фотометръ, примѣнимый для техническихъ цѣлей. Этотъ снарядъ, какъ оказалось изъ произведенныхъ имъ измѣреній свѣта отъ разныхъ источниковъ, представляетъ собою преимущества не только большей удобности при употребленіи его, и большей точности, но въ особенности—гораздо большей благонадежности при сравненіи между собою не вполнѣ равноцвѣтныхъ источниковъ свѣта, какъ, напримѣръ, свѣта одной свѣчи—съ газовою лампою, силою въ 200 свѣчей.

Дѣятельность главной физической обсерваторіи, становящейся все болѣе и болѣе центромъ ученыхъ работъ по метеорологіи въ нашемъ отечествѣ, продолжала развиваться съ неослабнымъ успѣхомъ, который по всей справедливости долженъ быть отнесенъ какъ къ счастливой постановкѣ всего дѣла со стороны дирекціи этого учрежденія, такъ и къ тому воодушевленію, съ какимъ всѣ служащіе при обсерваторіи относятся къ своимъ обязанностямъ, постоянно стремясь солидными трудами поддерживать почетную извѣстность обсерваторіи въ ученомъ свѣтѣ. Свидѣтельствомъ этому служитъ и въ нынѣшнемъ году рядъ работъ, составившихъ для метеорологіи и для климатологіи Россіи новыя пріобрѣтенія.

Помощникъ директора А. М. Рыкачевъ изслѣдовалъ интересныя явленія, представляемыя—въ области Каспійскаго моря — суточнымъ и годичнымъ распредѣленіемъ вѣтровъ, и сдѣлалъ попытку къ объ-

ясненію этихъ явленій вычисленными имъ данными о давленіи воздуха въ томъ краѣ и построенными на ихъ основаніи новыми изобарами. Въ другой своей запискѣ, появившейся въ нашемъ Бюллетенѣ, г. Рыкачевъ воспользовался наблюденіями капитана 1-го ранга, флигель-адъютанта Макарова, для разъясненія вопроса объ измѣненіяхъ температуры воздуха около полудня на морѣ подъ тропиками.

Со времени обнародованія, въ 1874 году, изслѣдованія г. Рыкачева о распредѣленіи средняго давленія воздуха на пространствѣ Европейской Россіи, достигнуто было, въ нашей метеорологической сѣти, существенное улучшеніе именно въ отношеніи барометрическихъ наблюденій; не только значительно умножено число станцій, снабженныхъ хорошими и сравненными между собою барометрами, но — помощью инспекціоннаго объѣзда станцій — были обезпечены болѣе правильное употребленіе инструментовъ и болѣе точное установленіе ихъ нулевой точки по отношенію къ геодезически опредѣленнымъ гипсометрическимъ пунктамъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого, наши барометрическія наблюденія 1881—1884 годовъ представляютъ собою болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ наблюденія прежнихъ лѣтъ, то физикъ нашей главной обсерваторіи Б. И. Срезневскій употребилъ ихъ для вычисленія новыхъ годичныхъ изобаръ для Европейской Россіи. При основательности и старательности, съ какими выведены результаты этихъ вычисленій, они служатъ уже, для отдѣленія штормовыхъ предостереженій, важнымъ пособіемъ при производимыхъ въ немъ работахъ.

Инспекторомъ метеорологическихъ станцій А. М. Шенрокомъ напечатаны изслѣдованія о грозахъ въ Россіи въ 1885 году, и выводы изъ произведенныхъ имъ опытовъ повѣрки карманныхъ анероидовъ подъ воздушнымъ насосомъ. Полезнымъ пріобрѣтеніемъ для анемометріи явились результаты, полученные старшимъ наблюдателемъ обсерваторіи В. Х. Дубинскимъ изъ произведеннаго имъ весьма точнаго сравнительнаго изслѣдованія анемометровъ Гамбургскаго (Нѣмецкой морской обсерваторіи) и Петербургскаго (главной физической обсерваторіи). Другой старшій наблюдатель обсерваторіи Р. Р. Бергманъ обработалъ метеорологическія наблюденія д-ра Бунге и барона Толя на Новосибирскихъ островахъ и въ Пріянскомъ краѣ; а младшимъ наблюдателемъ Павловской обсерваторіи В. И. Фридрихсомъ сообщены интересные результаты его изслѣдованій надъ точностью показаній термографовъ парижскихъ механиковъ, братьевъ Ришаръ.

Изъ прочихъ трудовъ по метеорологіи упомянемъ о произведенномъ г. Броуновымъ, во время путешествія его по Европѣ, тщательномъ сравненіи между собою нормальныхъ барометровъ главныхъ метеорологическихъ учрежденій Берлина, Гамбурга, Утрехта, Брюсселя, Парижа, Цюриха и Вѣны съ нормальнымъ барометромъ нашей главной физической обсерваторіи, который, по большой точности своихъ показаній, какъ оказалось изъ многостороннихъ испытаній, долженъ считаться нормальнымъ въ полномъ значеніи слова, и уже служилъ исходною точкою для цѣлаго ряда сравненій барометровъ различныхъ метеорологическихъ сѣтей въ Европѣ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Г. Б. Керсновскій подвергъ провѣркѣ способы предугадыванія низшей температуры и предстоящей ночи по наблюденіямъ предшествующаго дня. Р. Н. Савельевъ напечаталъ въ нашихъ изданіяхъ свои изысканія по вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха, а г. Марксъ—интересные выводы о климатѣ Енисейска на основаніи 12-лѣтнихъ наблюденій (1871—1883).

Въ связи съ нашимъ прошлогоднимъ отчетомъ, мы должны упомянуть здѣсь объ успѣхѣ, достигнутомъ въ нынѣшнемъ году главною физическою обсерваторіею по отношенію штормовыхъ предостереженій для портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Благодаря денежному пособію, назначенному на этотъ предметъ биржевымъ купечествомъ Ростова-на-Дону, Отдѣленіе морской метеорологіи могло организовать у себя непрерывную службу въ вечерніе часы и въ праздничные и воскресные дни, и на основаніи разбора получаемыхъ два раза въ день метеорологическихъ телеграммъ составляло синоптическія карты, при помощи которыхъ регулярно давала по телеграфу предостереженія о буряхъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, а—когда оказывалось возможнымъ—и портамъ Бѣлаго и Каспійскаго морей. При такомъ расширеніи службы, уже съ начала года были достигнуты значительно бóльшіе, въ сравненіи съ прошлымъ временемъ, успѣхи въ предостереженіяхъ для Балтійскаго моря; что же касается Чернаго моря, то въ первую половину года бури наступали здѣсь иногда совершенно непредвидѣнно для обсерваторіи. При ближайшемъ изслѣдованіи этого явленія выяснилось, что въ этомъ морѣ наступленіе бурь обусловливается гораздо меньшимъ барометрическимъ градіентомъ, чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ, такъ что со введеніемъ затѣмъ надлежащихъ поправокъ, въ зависимости отъ величины градіента, получилась возможность дѣлать, во вторую половину года

и для черноморскихъ портовъ предсказанія о буряхъ съ гораздо большею достовѣрностью. Такимъ образомъ, ростовское купечество. своимъ пожертвованіемъ, не только совершило дѣло—полезное для интересовъ торговли и промышленности, но и заслужило полную благодарность со стороны науки, доставивъ ей средство для лучшаго изученія законовъ возникновенія и распространенія бурь на южныхъ окраинахъ нашего отечества.

Въ заключеніе обзора трудовъ по физикѣ мы должны еще указать на особенно важныя, появившіяся въ нашихъ мемуарахъ, экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя съ большимъ стараніемъ и въ обширныхъ размѣрахъ г. Тамманомъ съ цѣлью ближайшаго разъясненія законовъ объ упругости паровъ водяныхъ растворовъ солей.

Въ отдѣлѣ химіи крупнымъ пріобрѣтеніемъ для науки явилась записка, въ которой академикъ Н. Н. Бекетовъ представилъ выводы, полученные имъ при дальнѣйшей разработкѣ уже прежде высказаннаго имъ положенія, что энергія химическаго взаимодѣйствія противоположныхъ элементовъ зависитъ отъ относительной величины соединяющихся массъ, и что этому закону подчиняются элементы, въ своемъ распредѣленіи, въ большинствѣ соединеній природы. Съ цѣлью прослѣдить это положеніе по отношенію къ щелочнымъ металламъ, авторъ произвелъ рядъ термохимическихъ изслѣдованій энергіи соединенія этихъ металловъ съ кислородомъ, которое, по трудности полученія безводныхъ соединеній, было неизвѣстно. Научный интересъ этихъ изслѣдованій, помимо изученія химическихъ свойствъ едва извѣстныхъ окисей, заключается въ томъ, что эквивалентъ кислорода, сравнительно съ другими электроотрицательными элементами, есть наименьшій, и слѣдовательно, эти соединенія, согласно вышеуказанному положенію, должны были представить, относительно энергіи, обратный ходъ тому, какой является въ голоидныхъ соединеніяхъ. Опытъ вполнѣ подвердилъ это предположеніе. Первое изслѣдованіе г. Бекетова относилось къ окиси натрія, при чемъ было открыто свойство ея возстановляться водородомъ; но одинъ случай не рѣшалъ вопроса: необходимо было опредѣлить энергію образованія окиси металла съ большимъ и съ меньшимъ атомными вѣсами: съ этою цѣлію и сдѣлано г. Бекетовымъ изслѣдованіе окисей калія и литія, которое вполнѣ подтвердило означенное положеніе. По отношенію къ кислороду литій оказался наиболѣе энергичнымъ, а калій на оборотъ сталъ ниже натрія, и окись его возстановлялась водородомъ еще легче. Въ настоящее время нашимъ химикомъ про-

должаются изслѣдованія надъ щелочными металлами—рубидіемъ и цезіемъ. Эти изслѣдованія не только вносятъ въ науку новые интересные факты, но, что̀ очень важно, указываютъ на извѣстную законность выдѣленія энергіи при взаимодѣйствіи элементовъ и проливаютъ новый свѣтъ на явленія такъ-называемаго избирательнаго сродства.

Другими работами по химіи въ нашихъ изданіяхъ были: записка гг. Горбова и Кесслера о дѣйствіи іодоформа и іода на натрій-изобутилатъ, и продолженіе изслѣдованій нашего члена-корреспондента И. М. Сѣченова надъ поглощеніемъ углекислоты соляными растворами разной концентраціи.

Геологія и палеонтологія не остались также безъ полезныхъ пріобрѣтеній. Академикъ Ѳ. Б. Шмидтъ сообщилъ Академіи о новыхъ открытіяхъ въ области нисшихъ кембрійскихъ образованій въ Эстляндіи. А. П. Карпинскій сдѣлалъ опытъ разъясненія вопроса о правильности въ очертаніи материковъ. И. Д. Черскій, пріобрѣвшій себѣ извѣстность своими геологическими развѣдками въ Восточной Сибири, произведя, по порученію Академіи, изслѣдованіе мѣстностей вдоль большаго Сибирскаго почтоваго тракта отъ Байкала до восточнаго склона Урала, окончилъ обработку собранныхъ имъ въ это путешествіе матеріаловъ и изложилъ въ представленномъ имъ отчетѣ, который не замедлитъ появиться въ нашихъ Запискахъ, много новаго и любопытнаго по геологіи того края. Наконецъ, нашему многозаслуженному члену-корреспонденту К. Г. Шмидту мы обязаны благодарностью за сообщеніе намъ продолженія его интересныхъ гидрологическихъ изслѣдованій о разныхъ водоемахъ въ Россіи.

Обращаясь къ ботаникѣ, мы съ особымъ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, въ нашей лѣтописи, такой трудъ, какъ многолѣтнія и вполнѣ успѣшныя изслѣдованія нашего члена-кореспондента М. С. Воронина о болѣзни ягодъ Vaccinieae, причиняемой склероціями разныхъ видовъ грибка Peziza. Новость и важность фактовъ, установленныхъ въ этой работѣ нашимъ знаменитымъ микологомъ, не замедлятъ обратить на себя общее вниманіе въ учебномъ свѣтѣ. Въ запискѣ г. Пуаро о развитіи тканей въ вегетативныхъ органахъ сосудистыхъ споровыхъ растеній спеціалисты найдутъ любопытное дополненіе и провѣрку изслѣдованій нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ ботаниковъ. Предварительное сообщеніе, напечатанное въ нашемъ Бюллетенѣ г. Храповицкимъ, указываетъ на главные результаты, имъ полученные путемъ опытовъ, относительно синтеза бѣлковыхъ тѣлъ

въ хлорофилоносныхъ растеніяхъ. Ѳ. П. Кеппенъ приложилъ необыкновенную свою начитанность и неутомимое трудолюбіе къ составленію полнаго свода современныхъ нашихъ свѣдѣній о географическомъ распространеніи большаго числа древесныхъ растеній (до 450 видовъ) въ Европейской Россіи и на Кавказѣ.

По зоологіи, нашъ музей доставилъ матеріалы для ряда трудовъ, принесшихъ болѣе или менѣе значительныя приращенія въ нашихъ познаніяхъ о различныхъ классахъ животныхъ.

По ихтіологіи, ученый хранитель музея С. М. Герценштейнъ описалъ новые виды рыбъ, привезенные Н. М. Пржевальскимъ изъ бассейна Лобъ-Нора, а Н. А. Варпаховскій далъ обзоръ, въ одной своей статьѣ, новыхъ, водящихся въ Россіи гольяновъ, а въ другой—видовъ рода Hemiculter, и установилъ одинъ совершенно новый родъ, названный имъ Hemiculterella.

По орнитологіи, кромѣ составленной Н. А. Заруднымъ полной монографіи пернатаго царства Оренбургскаго края, появились въ нашихъ изданіяхъ труды нашего почетнаго члена Н. М. Пржевальскаго о новыхъ видахъ птицъ, найденныхъ имъ во время его послѣдняго путешествія въ Центральной Азіи, и ученаго хранителя музея Ѳ. Д. Плеске—о нѣсколькихъ интересныхъ случаяхъ помѣсей у птицъ.

Наконецъ, по отдѣлу млекопитающихъ, ученый хранитель Е. А. Бихнеръ основательно разработалъ весьма спутанную доселѣ исторію двухъ видовъ тура, водящихся на Кавказѣ, а профессоръ Вольджихъ, занявшись разборомъ большой массы рукописныхъ замѣтокъ, оставшихся послѣ смерти академика Ѳ. Ѳ. Брандта, составилъ по нимъ обширный мемуаръ о дилювіальной Европейской и Сѣверо-Азіятской фаунѣ млекопитающихъ и объ отношеніяхъ ея къ человѣку.

Замѣчаемый въ этомъ рядѣ пробѣлъ по энтомологіи восполняетъ собою записка, представленная намъ учителемъ Ревельскаго реальнаго училища В. Петерсеномъ о чешуекрылыхъ арктической полосы Европы. Авторъ ея, въ продолженіе многихъ лѣтъ, спеціально занимался изслѣдованіемъ этихъ насѣкомыхъ и съ этою цѣлью предпринималъ путешествія по Лапландіи, Кавказу, Персіи и Центральной Америкѣ. Въ означенной запискѣ онъ сообщилъ перечень всѣхъ видовъ Macrolepidoptera, до сихъ поръ найденныхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы, съ критическими, морфологическими и историко-географическими замѣчаніями о нихъ, и изъ внимательнаго сравненія фауны чешуекрылыхъ арктической Европы, Сибири и Сѣверной Аме-

рики вывелъ интересныя заключенія относительно географическаго распространенія этихъ животныхъ какъ въ настоящее время, такъ и въ непосредственно предшествовавшій геологическій періодъ.

Наконецъ, по анатоміи и физіологіи, академикъ Ф. В. Овсянниковъ произвелъ рядъ изслѣдованій для разъясненія вопроса о третьемъ глазѣ у рѣчной миноги и у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; Е. В. Костеничъ прослѣдилъ развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя сѣтчатки человѣческаго зародыша, а докторъ Н. В. Усковъ подвергъ болѣе точному изученію кровеноснососудистые зачатки и ихъ развитіе у куринаго зародыша.

Обзоръ занятій историко-филологическаго отдѣленія мы имѣемъ возможность на этотъ разъ начать съ новаго предпріятія особенной важности для отечественной исторіи. Извѣстно, что въ числѣ ученыхъ изданій, оставшихся безъ исполненія за смертью академика Н. В. Калачова, былъ между прочимъ задуманный имъ и одобренный Академіею въ проектѣ сборникъ актовъ, исходившихъ изъ Боярской Думы и другихъ центральныхъ и областныхъ органовъ государственнаго и земскаго управленія въ Московскомъ государствѣ за XVI и XVII столѣтія. Существующія изданія историческихъ источниковъ для этой эпохи, имѣя цѣлью выясненіе лишь общихъ вопросовъ исторіи и юридическаго быта, не касаются дѣятельности самихъ учрежденій, отъ которыхъ сохранились публикуемые въ нихъ документы и поэтому, не смотря на всю массу уже обнародованныхъ документовъ, относящихся до какой-либо отрасли государственной дѣятельности того времени, еще нѣтъ возможности возстановить, съ помощью ихъ, полную картину этой дѣятельности и уяснить себѣ характеръ того учрежденія, которому была поручена эта отрасль, такъ что наличное число изданныхъ доселѣ актовъ еще не позволяло приступать къ обстоятельному изслѣдованію объ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Россіи въ эпоху Московскаго государства. Уясненіе характера и дѣятельности какого-либо учрежденія возможно лишь тогда, когда систематически разсмотрѣны всѣ, на сколько они сохранились, дѣла, производившіяся въ немъ: только тогда, сгруппировавъ эти дѣла по опредѣленнымъ рубрикамъ, смотря по роду документовъ, получимъ возможность съ большею или меньшею точностью — опредѣлить значеніе того или другаго учрежденія и положеніе его въ ряду другихъ органовъ государственной жизни нашего отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе, предпринятое съ этою цѣлью, было бы съ радостью привѣтствуемо каждымъ, желающимъ уяснить себѣ тѣ основ-

ныя начала, на которыхъ въ то или другое время зиждилась система государственнаго управленія, и дать себѣ отчетъ о причинахъ постепенной смѣны однихъ учрежденій, отживавшихъ, другими, болѣе соотвѣтствовавшими времени.

Монументальное изданіе „Полнаго Собранія Законовъ" начинается, какъ извѣстно, съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича; предшествовавшая же законодательная дѣятельность Московскихъ государей, слѣды которой сохранились въ дѣлахъ тогдашнихъ учрежденій, вошла въ это изданіе лишь на столько, на сколько она сохранилась въ Уложеніи; но какимъ образомъ составилось Уложеніе, что̀ вошло и чего не вошло изъ существовавшихъ до него законовъ въ составъ его—такіе вопросы понынѣ остаются безъ рѣшенія, по недостаточности наличнаго матеріала для точнаго по возможности выясненія ихъ, а такой матеріалъ можетъ быть добытъ только громадною работою—разысканія въ архивахъ и надлежащаго изданія тѣхъ указовъ, наказовъ и приговоровъ боярскихъ и приказныхъ, которые въ огромномъ числѣ разсѣяны въ дѣлахъ тогдашнихъ учрежденій.

Чѣмъ яснѣе сознавалась важность и своевременность такого изданія для дальнѣйшихъ успѣховъ отечественной исторіографіи, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приняла Академія изъявленную ей членомъ-корреспондентомъ Н. А. Поповымъ готовность посвятить свои труды осуществленію задуманнаго Калачовымъ ученаго предпріятія. Имя г. Попова, какъ преемника Калачова по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, хранилищемъ главной массы дѣлъ, изъ которыхъ предстоитъ извлекать данныя для такого изданія, и какъ заслуженнаго ученаго, занявшаго своими многочисленными и серьезными трудами самое почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ, — въ полной мѣрѣ оправдываетъ самыя основательныя надежды на то, что собраніе актовъ, которое будетъ выходить въ свѣтъ подъ его опытною редакціей, составитъ собою одно изъ важнѣйшихъ пособій для ближайшаго изученія государственнаго быта до-Петровской Россіи. Представленная г. Поповымъ программа этого изданія уже одобрена Академіей, и производство на ея основаніи работъ пошло въ теченіе года столь успѣшно, что уже приступлено къ печатанію перваго тома „Актовъ Московскаго государства".

Другое, задуманное и начатое Калачовымъ, собраніе весьма важныхъ историческихъ документовъ — „Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго"—издается теперь подъ редакціей нашего новаго сочлена

Н. Ѳ. Дубровина. Въ нынѣшнемъ году оконченъ печатаніемъ третій томъ, содержащій въ себѣ документы 1713 года. Рядомъ съ тѣмъ, г. Дубровинъ продолжалъ трудиться надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и выпустилъ нынѣ въ свѣтъ третій томъ этихъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ весьма важные, относящіеся до 1781 года, документы, которыми собственно подготовлено было включеніе того края въ составъ государственной территоріи нашей—при помощи однихъ лишь переговоровъ.

Академикъ В. П. Безобразовъ, получивъ отъ семейства покойнаго графа Ѳ. П. Литке массу бумагъ, оставшихся по смерти его, занялся при помощи ихъ составленіемъ біографіи бывшаго нашего президента и приготовилъ къ печати первый томъ этого труда.

Интереснымъ вкладомъ въ нашу церковную исторію послужитъ представленная академикомъ А. А. Куникомъ записка г. Гельцера, посвященная византійскимъ извѣстіямъ о Галичской и Литовской митрополіяхъ.

Историческое и филологическое изученіе литовскаго языка, важное не только для лингвистики — по родственной связи этого языка съ славянскимъ,—но даже и для исторіи западной Россіи, для освѣщенія литовскаго періода русской исторіи, нашло себѣ усерднаго дѣятеля и даровитаго представителя въ лицѣ Э. А. Вольтера. Употребивъ лѣто нынѣшняго года на этнографическія, историко-литературныя и лингвистическія изслѣдованія въ Литвѣ и Жмуди, онъ напечаталъ въ нашихъ Запискахъ отчетъ объ нихъ, который, по новизнѣ и важности сообщаемыхъ въ немъ наблюденій и фактовъ, конечно, не преминетъ обратить на себя вниманіе ученыхъ. Въ одномъ изъ приложеній къ этому отчету г. Вольтеръ останавливается на вопросѣ капитальномъ для ранней русской хронологіи, а именно — о походѣ Шведскаго короля Олафа въ 853 году противъ чудскихъ куровъ, о которомъ имѣются очень подробныя показанія одного современника. О немъ, года три назадъ, была напечатана академикомъ А. А. Куникомъ записка, въ которой мѣсто нахожденія главнаго города куровъ опредѣлялось приблизительно на границѣ нынѣшней Ковенской губерніи. Г. Вольтеръ произвелъ на томъ мѣстѣ дальнѣйшія изысканія, которыми, какъ позволительно думать, вполнѣ и навсегда рѣшилъ вопросъ о мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ городъ, и тѣмъ доставилъ историкамъ и этнографамъ возможность выводить отсюда дальнѣйшія послѣдствія.

Перехожу къ занятіямъ нашихъ оріенталистовъ.

Академикъ О. Н. Бетлингъ закончилъ, послѣднимъ, десятымъ выпускомъ предпринятое имъ новое изданіе грамматики Панини, которымъ успѣшно устранены трудности, встрѣчавшіяся еще въ пониманіи этого древняго памятника санскритской литературы. Въ то же время онъ печаталъ послѣднюю букву послѣдняго тома своего Сокращеннаго санскритскаго словаря и составилъ одинъ общій указатель ко всѣмъ дополненіямъ, помѣщеннымъ въ разныхъ томахъ этого Словаря, съ цѣлью облегчить прісканіе словъ и ихъ значеній, внесенныхъ въ эти дополненія.

Академикъ В. П. Васильевъ помѣстилъ въ нашихъ Запискахъ двѣ замѣтки по буддизму—одну о собственномъ имени царя Аджаташатру, а другую—о новой эрѣ смерти Будды.

Академикъ В. В. Радловъ совершилъ поѣздку, въ концѣ прошлаго года, въ Крымъ для изученія на мѣстѣ разныхъ существующихъ тамъ татарскихъ нарѣчій, а лѣтомъ нынѣшняго года — въ Литву и Волынскую губернію съ цѣлію собиранія тамъ свѣдѣній о языкѣ караимовъ, живущихъ въ Трокахъ и Луцкѣ, — и въ читанныхъ имъ отчетахъ указалъ на новые матеріалы, которые были плодомъ этихъ поѣздокъ для лучшаго познанія тюркскихъ языковъ, частью черезъ непосредственное изученіе разныхъ говоровъ изъ устъ народа, частью же при помощи старинныхъ памятниковъ письменности, какіе г. Радлову удалось добыть у мѣстныхъ жителей. При огромности массы собранныхъ и уже изданныхъ г. Радловымъ образцовъ народной литературы живущихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи тюркскихъ племенъ—все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ общемъ словарѣ ихъ языковъ. Въ сознаніи такой потребности, г. Радловъ рѣшился, не откладывая долѣе изданія многолѣтняго, обширнаго своего лексикографическаго труда, приступить нынѣ же къ печатанію его подъ скромнымъ заглавіемъ „Опыта“ словаря тюркскихъ языковъ.

Полезнымъ добавленіемъ къ трудамъ г. Радлова по изслѣдованію тюркскихъ языковъ явились обработанные, подъ его руководствомъ, природнымъ сагайцемъ г. Катановымъ матеріалы для изученія сагайскаго нарѣчія, а именно: списокъ сагайскихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, съ наблюденіями о характерѣ фонетическихъ измѣненій въ такихъ словахъ, и списокъ сагайскихъ названій рѣкъ, селеній, городовъ и проч. [1]).

---

[1]) Кромѣ того, г. Катановъ составилъ, для изданія особою книгою, алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ изданныхъ г. Радловымъ образцовъ литературы тюркскихъ племенъ.

Адъюнктъ К. Г. Залеманъ занимался изданіемъ, по рукописи нашего азіатскаго музея, части сочиненія Міяръ-и-Гамали, авторъ которой, Шамсъ-и-Фахри, жилъ въ половинѣ XIV вѣка, и которая, составляя второй по времени изъ дошедшихъ до насъ оригинальныхъ словарей персидскаго языка, служила источникомъ для всѣхъ позднѣйшихъ лексикографовъ. За изданнымъ нынѣ первымъ выпускомъ послѣдуютъ еще два, для обработки которыхъ авторъ ожидаетъ присылки сюда изъ Парижа и Берлина нужныхъ ему, для продолженія труда, рукописей; въ ожиданіи же ихъ онъ счелъ полезнымъ, черезъ нашъ Бюллетень, ознакомить ученый свѣтъ съ предпринятымъ имъ изданіемъ. Кромѣ того, онъ сообщилъ, въ Бюллетенѣ, описаніе двухъ замѣчательныхъ персидскихъ и трехъ сагатайскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ въ недавнее время азіатскимъ музеемъ.

Група различныхъ персидскихъ народныхъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ собственной Персіи, во внутреннихъ провинціяхъ этого государства, еще такъ мало изслѣдована въ ученой литературѣ, что поразительно богатые лингвистическіе матеріалы, собранные молодымъ русскимъ иранистомъ г. Жуковскимъ, во время трехлѣтняго пребыванія его въ томъ краѣ, не могли не обратить на себя самаго живаго вниманія Академіи, и вслѣдствіе доклада, сдѣланнаго о нихъ Залеманомъ, она, по высокому значенію этихъ матеріаловъ, положила принять изданіе ихъ въ свѣтъ на свой счетъ. „Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій“ г. Жуковскаго составятъ собою пять томовъ.

Другая группа малоизслѣдованныхъ народныхъ нарѣчій, именно мингрельская, была предметомъ весьма успѣшныхъ занятій г. Грена, на Кавказѣ. Составленный имъ „Сборникъ народныхъ мингрельскихъ произведеній, со словаремъ и опытомъ грамматики разныхъ діалектовъ мингрельскаго языка“ будетъ равномѣрно изданъ Академіей особою книгой.

Преміи имени нашего президента присуждаются ежегодно, по очереди, однимъ изъ отдѣленій Академіи. Въ нынѣшнемъ году очередь принадлежала физико-математическому отдѣленію, въ которое, къ назначенному сроку, было представлено, для соисканія ихъ, 15-ть сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ математическихъ, физическихъ и біологическихъ. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ и по обсужденіи ихъ достоинствъ, отдѣленіе признало, что труды двухъ изъ конкуррентовъ въ равной мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ § 6 правилъ и служатъ, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоя-

тельныхъ изслѣдованій авторовъ, существеннымъ обогащеніемъ науки, такъ что они одинаково достойны первой почетной золотой медали. Но такъ какъ на каждое соисканіе премій графа Д. А. Толстаго положено лишь по одной медали каждаго изъ трехъ различныхъ достоинствъ ихъ, то, баллотировкою, большинствомъ голосовъ, назначена 1-я почетная медаль Н. Е. Введенскому за его телефоническія изслѣдованія надъ электро-физіологическими явленіями въ мышцахъ и нервахъ [1], а 2-я медаль надворн. совѣтнику Эрн. Егор. Лейсту за его изслѣдованія о средствахъ для достиженія большей точности въ наблюденіяхъ надъ земнымъ магнетизмомъ [2].

Означенныя изслѣдованія г. Введенскаго были, по порученію отдѣленія, разсмотрѣны академикомъ Ф. В. Овсянниковымъ, донесеніе котораго и послужило для отдѣленія основаніемъ для сужденія о значеніи этихъ изслѣдованій.

Одною изъ самыхъ сложныхъ задачъ физіологіи является точное опредѣленіе соотношенія между нервами и мышцами какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ организмѣ.

При опытахъ въ этомъ направленіи мышечныя сокращенія искусственно воспроизводятся электрогальваническимъ путемъ—а для изслѣдованія нервныхъ токовъ и мышечныхъ сокращеній употребляются разнообразные снаряды, не вполнѣ соотвѣтствующіе требованіямъ науки. Г. Введенскій примѣнилъ для электрофизіологическихъ изслѣдованій телефонъ, чувствительность котораго значительно превышаетъ такъ-называемый „физіологическій реоскопъ", считавшійся самымъ чувствительнымъ изо всѣхъ гальваноскоповъ.

Доктору Введенскому принадлежитъ честь вполнѣ успѣшнаго примѣненія телефоническихъ снарядовъ къ физіологическимъ цѣлямъ, при чемъ многочисленными, произведенными имъ опытами вполнѣ доказано, что новые, придуманные имъ снаряды, обладая необыкновенною чувствительностью къ колебаніямъ электрическаго тока, пе-

---

[1]) Телефонныя изслѣдованія надъ электрическими явленіями въ мышечныхъ и нервныхъ аппаратахъ. С.-Пб. 1884 (напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей). Die telephonischen Erscheinungen am Herzen bei Wagus-Reizung (изъ Mélanges biologiques, tirés du *Bulletin de l'Académie*). О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетанусѣ. С.-Пб. 1886 (Изъ *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*, т. LIV).

[2]) Fehler bei Bestimmung der Schwingungsdauer von Magneten und ihr Einfluss auf absolute Messungen der Horizontal-Intensität des Erdmagnetismus. С.-Пб. 1887. (Особый оттискъ изъ *Метеор. Сборника*). Untersuchung über Nadel-Inclinatorien. С.-Пб. 1887 (Особый оттискъ изъ *Метеорологич. Сборника*).

редаютъ колебанія эти въ формѣ вполнѣ осязательной для нашего слуха; вмѣстѣ съ тѣмъ телефоническій аппаратъ оказывается на столько подвижнымъ, что даетъ возможность изучать быстрыя и измѣнчивыя, по направленію, колебанія токовъ, для чего прежніе гальванометры были вовсе непригодны.

Примѣнивъ телефоническій методъ къ изученію мышцъ и нервовъ, г. Введенскій достигъ научныхъ выводовъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ прежними понятіями. По замѣчанію академика Овсянникова, рѣдко какое-либо изслѣдованіе распространялось въ ученомъ мірѣ съ такою быстротою и удостоивалось съ первыхъ же поръ такого довѣрія, какъ это случилось съ изслѣдованіями г. Введенскаго.

Не входя въ подробности всѣхъ добытыхъ имъ фактовъ, замѣтимъ, что онъ существенно пополнилъ и развилъ извѣстныя изслѣдованія Гельмгольца.

Гельмгольцъ опытнымъ путемъ установилъ тотъ фактъ, что раздражаемая мышца вибрируетъ числомъ колебаній, соотвѣтствующимъ раздраженію, издавая при этомъ соотвѣтствующіе тоны—изъ наблюденій же г. Введенскаго выясняется, что мышцы обладаютъ способностью вибрировать соотвѣтственнымъ раздраженію числомъ колебаній лишь до извѣстнаго предѣла, но далѣе онѣ производятъ только шумъ, схожій съ тономъ естественнаго сокращенія, тогда какъ на ряду съ этимъ самые нервы, даже и отъ продолжительнаго раздраженія, хотя бы въ теченіе многихъ часовъ, вовсе не утомляются. Этимъ послѣднимъ фактомъ авторъ воспользовался для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о тетанусѣ. Здѣсь г. Введенскій подвергъ строгому анализу своеобразное подмѣченное имъ явленіе, что при извѣстныхъ условіяхъ ослабленіе тетаническаго раздраженія ведетъ къ появленію новыхъ сокращеній въ мышцѣ, по видимому совершенно утомленной и, на оборотъ, что усиленіе тетаническаго раздраженія имѣетъ послѣдствіемъ разслабленіе мышцы. Такъ какъ въ этихъ явленіяхъ нервъ, какъ аппаратъ не утомляющійся, участія не принимаетъ, то, по выводу г. Введенскаго, сами мышцы въ данномъ случаѣ впадаютъ въ особое состояніе, которое не есть ни покой, ни дѣятельность, но которое представляетъ аналогію съ состояніемъ сердца при раздраженіи блуждающаго нерва.

Эти и иныя наблюденія г. Введенскаго надъ раздраженіями нервовъ и мышцъ при введеніи ядовъ кураре и стрихнина и т. д. описаны самымъ тщательнымъ образомъ, съ подробнымъ указаніемъ условій, при которыхъ они производились, что даетъ читателю воз-

можность слѣдить за авторомъ, шагъ за шагомъ, и самому провѣрять добытые изслѣдователемъ результаты.

При такой тщательности, съ какою произведены изслѣдованія г. Введенскаго, они, не смотря на сравнительно недавнее ихъ появленіе въ печати, получили уже широкую извѣстность въ ученомъ свѣтѣ; многіе изъ доказанныхъ г. Введенскимъ фактовъ признаны на столько устойчивыми, что нашли уже себѣ мѣсто въ учебникахъ по физіологіи.

Въ двухъ, относящихся до земнаго магнетизма, сочиненіяхъ г. Лейста, увѣнчанныхъ второю почетною золотою медалью имени графа Д. А. Толстаго, изложены произведенныя авторомъ изслѣдованія, послужившія къ значительному усовершенствованію способовъ наблюденія двухъ элементовъ этого магнетизма. Одно изъ нихъ касается опредѣленія наклоненія силы земнаго магнетизма помощью инклинатора съ иглою. Авторъ представилъ здѣсь гораздо болѣе полное и болѣе точное, чѣмъ доселѣ извѣстно было, изслѣдованіе погрѣшностей этого инструмента и вліянія ихъ на величину опредѣляемаго, посредствомъ его наклоненія. Основываясь на этомъ изслѣдованіи, г. Лейстъ указалъ, при помощи большаго числа наблюденій со многими инклинаторами, какимъ образомъ можно, надлежащею оцѣнкою этихъ погрѣшностей, достигнуть болѣе надежныхъ результатовъ относительно наклоненія, и въ заключеніе—обращаетъ вниманіе на тѣ измѣненія въ устройствѣ инклинатора, которыми возможно было бы устранить, или по крайней мѣрѣ уменьшить эти погрѣшности.

Другое сочиненіе г. Лейста содержитъ въ себѣ изслѣдованія о вліяніи, какое измѣненіе въ земной магнитной силѣ оказываютъ на опредѣленіе времени качанія магнитовъ, имѣющее, при наблюденіи горизонтальной части магнитной силы, весьма важное значеніе. А именно, такъ какъ для точнаго опредѣленія продолжительности качанія магнита нужно времени иногда до получаса, и даже болѣе, то постоянныя, происходящія въ это время, колебанія силы земнаго магнетизма оказываютъ вредное вліяніе на результатъ, и такой результатъ доселѣ просто отбрасывали, какъ негодный, не смотря на потраченныя на него время и трудъ, всякій разъ, что одновременно съ нимъ наблюдаемые, такъ-называемые варіаціонные аппараты показывали, за время продолжительности качанія магнитовъ, значительныя колебанія силы земнаго магнетизма. Г. Лейстъ, изъ внимательнаго разбора этихъ обстоятельствъ, вывелъ формулы, которыя позво-

ляютъ, при помощи одновременныхъ показаній варіаціоннаго аппарата, въ каждомъ данномъ случаѣ освободить результатъ отъ возмущающаго вліянія измѣненія земной магнитной силы, и такимъ образомъ всегда, не смотря на эти измѣненія, получить точный результатъ. Найденный г. Лейстомъ способъ представляется особенно важнымъ при наблюденіяхъ въ полярныхъ странахъ, гдѣ лишь весьма рѣдко бываетъ такое спокойствіе въ земномъ магнетизмѣ, что и безъ употребленія этого способа можно получать надежныя величины для времени каченія магнитовъ, и слѣдовательно—для горизонтальной части силы земнаго магнетизма.

Премію имени нашего вице-президента, назначаемую за выдающіеся труды по математикѣ, Академія присудила въ нынѣшнемъ году профессору К. А. Поссе, за его сочиненіе [1]), посвященное изложенію главнѣйшихъ свойствъ функціи ϑ отъ двухъ аргументовъ и рѣшенію задачи Якоби объ обращеніи ультраэллиптическихъ интеграловъ перваго класса.

Это сочиненіе, составляющее собою весьма цѣнное обогащеніе нашей математической литературы, есть плодъ глубокаго изученія и самостоятельной обработки матеріала, заключающагося во множествѣ изслѣдованій, отчасти разсѣянныхъ въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, отчасти изданныхъ отдѣльными мемуарами. Достоинство сочиненія увеличивается еще тѣмъ, что изложеніе автора, не смотря, на трудность предмета, отличается ясностью, точностью и систематичностью.

Число наградъ, раздаваемыхъ Академіею за ученые труды, значительно возросшее въ послѣднее время, увеличилось въ нынѣшнемъ году учрежденіемъ еще одной преміи. Приближающійся срокъ столѣтія со дня рожденія нашего почетнаго члена, генералъ-отъ-инфантеріи Ѳедора Ѳедоровича Шуберта, знаменитаго преобразователя геодезіи Россіи, внушилъ дочери его Софьѣ Ѳедоровнѣ Шубертъ благую мысль почтить память его учрежденіемъ, которое сохраняло бы въ ученомъ мірѣ на вѣчныя времена воспоминаніе о его трудахъ и заслугахъ. Съ этою цѣлью, она внесла въ Академію сумму въ 10,550 руб. съ тѣмъ, чтобы, черезъ каждые два года, начиная съ 12-го февраля 1889 года, проценты съ этого капитала, въ видѣ преміи имени генерала Шуберта, присуждались Академіею за выдающіяся сочиненія по теоретической астрономіи и вспомогательнымъ

[1]) О функціяхъ ϑ отъ двухъ аргументовъ и о задачѣ Якоби. С.-Пб. 1882.

для нея отраслямъ математики, или же употреблялись, по усмотрѣнію Академіи, на пособіе при ученыхъ работахъ по тѣмъ же отраслямъ наукъ. Академія, сохраняя глубокое уваженіе къ памяти своего доблестнаго почетнаго члена, много потрудившагося на пользу науки и Россіи, съ полнымъ сочувствіемъ приняла предложеніе его дочери, и входила съ надлежащимъ о семъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, по всеподданнѣйшему докладу котораго Государь Императоръ, въ 29-й день іюля, Высочайше соизволилъ на принятіе Академіей означеннаго пожертвованія и на учрежденіе преміи имени Ѳ. Ѳ. Шуберта, раздаваемой на основаніи правилъ, подлежащихъ утвержденію министра. Составленныя, соотвѣтственно желаніямъ учредительницы, правила объ этой преміи, по утвержденіи г. министромъ 2-го сентября, обнародованы во всеобщее извѣстіе.

Въ заключеніе годичнаго перечня нашихъ ученыхъ трудовъ, долгъ мой—упомянуть о довершенномъ въ нынѣшнемъ году расширеніи той изъ нашихъ принадлежностей, отъ благоустройства которой много зависитъ успѣхъ этихъ трудовъ. Академическая библіотека, постоянно и значительно возростая путемъ новыхъ пріобрѣтеній, достигла наконецъ такихъ размѣровъ, что помѣщеніе ея, остававшееся безъ соотвѣтственнаго съ тѣмъ расширенія болѣе полустолѣтія, оказывалось, по тѣснотѣ своей, существеннымъ препятствіемъ къ сохраненію необходимаго порядка и благоустройства въ книжномъ нашемъ дѣлѣ. По неоднократномъ и всестороннемъ обсужденіи вопроса о способахъ къ устраненію возникавшихъ отъ этого важныхъ неудобствъ, единственнымъ къ тому средствомъ оказалось предоставленіе библіотекѣ болѣе просторнаго помѣщенія, соотвѣтственно нынѣшнему ея составу. По предстательству нашего президента и благодаря просвѣщенному содѣйствію нашего почетнаго члена, генералъ-адъютанта М. П. фонъ-Кауфмана, представленіе о семъ Академіи было уважено, и Государю Императору благоугодно было явить новый знакъ Монаршаго благоволенія къ Академіи, пожалованіемъ ей нужной суммы—для возведенія вдоль переулка, прилегающаго къ зданію библіотеки, особаго флигеля, оконченнаго постройкой и отдѣлкой въ нынѣшнемъ году. Эта постройка не только дала возможность обезпечить лучшій порядокъ въ библіотекѣ еще, можетъ быть, лѣтъ на 50, но и позволяетъ озаботиться преобразованіемъ нашихъ этнографическихъ коллекцій въ музей, достойный этого названія и открытый для посѣщенія его публикою.

О такомъ расширеніи и улучшеніи средствъ для учебныхъ за-

нятій Академія сохранитъ, въ своей исторіи, благодарное воспоминаніе, въ благоговѣйномъ сознаніи, что для нея, какъ и для всѣхъ ученыхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, все благодатное нисходитъ съ высоты Престола.

О предстоящихъ въ 1888 году соисканіяхъ наградъ за ученыя сочиненія, присуждаемыхъ Академіей Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ.

Въ теченіе 1888 года Академіей Наукъ, по физико-математическому и историко-филогическому отдѣленіямъ будутъ присуждены, по конкурсу, слѣдующія награды и преміи за ученые труды:

Ломоносовская премія, въ 1000 руб., за ученыя изслѣдованія и открытія, сдѣланныя въ Россіи, въ области физики, химіи и минералогіи. На это соисканіе будутъ принимаемы, до 1-го іюня этого года, оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, изданныя въ Россіи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, а также и рукописныя. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора.

Награды Бэра, состоящія: 1) изъ почетной золотой медали, цѣнностью въ 200 руб., назначаемой въ видѣ высшей награды такимъ ученымъ, которые цѣлымъ рядомъ многолѣтнихъ трудовъ существенно подвинули ту или другую изъ біологическихъ наукъ, ниже исчисленныхъ, и 2) изъ денежной преміи 1000 руб., для соисканія которой будутъ принимаемы, до 1-го мая этого года, печатныя сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ послѣднія 6 лѣтъ, на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкахъ, содержащія въ себѣ изысканія въ области слѣдующихъ наукъ: анатоміи, гистологіи, эмбріологіи и физіологіи человѣка, животныхъ и растеній, систематической зоологіи и ботаники, палеонтологіи съ біологической точки зрѣнія. Фауны и флоры принимаются въ конкурсъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ обнимаютъ собою весьма обширныя или еще не изслѣдованныя и трудно доступныя страны Россійской имперіи.

Премія академика Г. П. Гельмерсена, въ 500 руб. Для соисканія ея, будутъ принимаемы въ Академіи, до 1-го марта этого года, печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, содержащія въ себѣ самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи съ геологической точки зрѣнія и по физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ странъ Азіи.

Премія Рклицкаго, суммою въ 540 руб., назначается за лучшее сочиненіе по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, съ примѣненіями физіологическими и практическими. На соисканіе этой преміи принимаются, до 1-го іюня нынѣшняго года, оригинальныя сочиненія, написанныя на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, изданныя какъ въ Россіи, такъ и за границею,

въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Рукописныя же сочиненія на одномъ изъ сихъ языковъ допускаются лишь въ томъ случаѣ, если авторы ихъ—русскіе подданные или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ постоянное пребываніе въ Россіи. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны, съ подписью имени автора.

Преміи Таврическаго дворянства за сочиненія о Русскомъ дворянствѣ въ исторіи развитія Россійскаго государства, состоятъ изъ первой преміи въ 1000 руб. и второй—въ 500 руб.

Сочиненія, назначаемыя для конкурса на эти преміи, должны быть строго ученаго характера. Достойными той или другой преміи могутъ быть признаны лишь такія сочиненія, въ которыхъ исторія русскаго дворянства, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ Россійскаго государства, будетъ изложена въ достаточной полнотѣ, на основаніи внимательнаго изученія первоначальныхъ источниковъ, и всѣ изложенные въ сочиненіи факты и выводы будутъ подтверждены ссылками на подобные источники.

Къ соисканію этихъ премій будутъ принимаемы въ Академіи, до 21-го апрѣля сего 1888 года, оригинальныя, на русскомъ языкѣ, сочиненія, какъ рукописныя, такъ и печатныя, изданныя въ Россіи. Рукописныя сочиненія должны быть писаны четко. Какъ тѣ, такъ и другія, должны быть доставлены съ обозначеніемъ имени автора и мѣста его жительства.

Въ случаѣ, если, изъ числа поступившихъ на конкурсъ сочиненій, окажется заслуживающимъ награжденія только одно, и оно будетъ отличаться особыми достоинствами; то его автору могутъ быть присуждены обѣ вышеозначенныя преміи, то-есть, въ совокупности 1500 руб.

Сочиненія, которыя будутъ удостоены премій Таврическаго дворянства не лишаются права участвовать въ соисканіи другихъ премій, раздаваемыхъ Академіей Наукъ.

О результатахъ соисканій всѣхъ выше исчисленныхъ премій будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря нынѣшняго 1888 года.

Кромѣ того, въ теченіе года будутъ присуждены награды графа Уварова, въ публичномъ засѣданіи 25-го сентября, за сочиненія, поступившія въ соисканіе ихъ до 25-го сентября 1887 года.

Наконецъ, въ Академіи будутъ принимаемы:

1) до 19-го сентября 1888 года, для соисканія премій митрополита Макарія въ 1500 и 1000 руб., оригинальныя по всѣмъ отраслямъ наукъ сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, а также рукописныя, чисто и четко писанныя, съ подписью ли имени автора, или же подъ девизомъ, при запечатанномъ конвертѣ. Отчетъ о присужденныхъ по этому конкурсу преміяхъ будетъ объявленъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 19-го сентября 1889 года.

2) До 15-го августа 1888 года, для соисканія преміи имени Ѳ. Ѳ. Шуберта (въ 1000 руб.) печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ и относящіяся до теоретической астрономіи и до анализа безконечно малыхъ величинъ. Присужденіе же этой преміи будетъ произведено въ публичномъ засѣданіи Академіи 12-го февраля 1889 года.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1885 ГОДУ.

Въ 1885 году испытанія зрѣлости производились въ 164 учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ 154 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5-ти церковныхъ училищахъ, существующихъ на правахъ правительственныхъ гимназій, и въ 5-ти гимназіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Дерптѣ), содержимыхъ частными лицами. Заявили о своемъ желаніи подвергнуться испытаніямъ 3222 ученика правительственныхъ гимназій, 56 учениковъ церковныхъ училищъ, 77 учениковъ частныхъ гимназій и 450 постороннихъ лицъ. Всѣхъ явившихся къ испытанію было 3805 человѣкъ, на 119 человѣкъ или 3,2% болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ 1884 году. Распредѣленіе ихъ по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число гимназій.	Гимназистовъ.	Постороннихъ.
С.-Петербургскій	27	430	45
Московскій	24	545	38
Казанскій	9	163	39
Оренбургскій	6	65	6
Харьковскій	14	279	55
Одесскій	15	289	70
Кіевскій	14	436	82
Виленскій	8	206	13
Варшавскій	18	411	35
Дерптскій	15	338	62
Кавказскій	7	131	3
Туркестанскій край	1	5	1
Западная Сибирь и Семирѣченская область. . . .	4	35	—
Восточная Сибирь	2	22	1
Всего .	164	3355	450

Изъ числа этихъ молодыхъ людей не были допущены къ испытаніямъ: 129 учениковъ правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 13 учениковъ частныхъ гимназій по безуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія ихъ въ гимназіяхъ, и 3 ученика правительственныхъ гимназій, совершившіе болѣе или менѣе важные проступки, свидѣтельствующіе о ихъ нравственной незрѣлости; изъ числа постороннихъ лицъ 9, какъ обучавшіеся прежде въ какой-либо гимназіи или иномъ учебномъ заведеніи и приступившіе къ выпускному экзамену ранѣе своихъ сотоварищей по классу, и 11, какъ оказавшіе въ представленныхъ ими свидѣтельствахъ, прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ явные признаки незрѣлости умственной или нравственной; 14-ти гимназистамъ и 5 постороннимъ лицамъ отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни, а 7 гимназистамъ и 2 постороннимъ лицамъ—за попытки къ обману и нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ (§ 44 п. а, б, в и § 55 п. і означенныхъ правилъ). Всего устранено было въ 1885 г. отъ испытаній или добровольно отъ нихъ отказалось 194 человѣка, что составляетъ 5,1% въ отношеніи къ общему числу заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ. Въ 1883 году не были допущены къ испытаніямъ или отказались отъ нихъ 141 (4%), въ 1884 году 179 (4,5%). Наибольшее число устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности въ ученіи выпадаетъ на долю гимназій въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ (33), Варшавскомъ (25), Московскомъ (23), Кіевскомъ (13), Харьковскомъ и Дерптскомъ (по 16). За исключеніемъ изъ числа заявившихъ о желаніи подвергнуться испытанію вышеозначенныхъ 194 молодыхъ людей, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ:

учениковъ правительственныхъ гимназій . . .	3070
„ церковныхъ училищъ	55
„ частныхъ гимназій	63
постороннихъ лицъ	423
Всего	3611

Удовлетворительно выдержали испытанія и затѣмъ удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	2738	(89,2%)
„ церковныхъ училищъ	54	(98,2%)
„ частныхъ гимназій.	59	(93,6%)
постороннихъ лицъ	197	(46,6%)
Всего	3048	(84,4%)

Не выдержали испытаній:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	332	(10,8%)
„ церковнаго училища	1	(1,8%)
„ частныхъ гимназій . . , . .	4	(6,3%)
постороннихъ лицъ . . , ...	226	(53,4%)
Всего .	563	(15,6%)

Въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ, число подвергавшихся испытаніямъ въ 1885 году увеличилось на 104 человѣка или 2,9%, число удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости на 65 человѣкъ или 2,2%, въ общемъ итогѣ по всѣмъ категоріямъ экзаменующихся. Наибольшій процентъ учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, выпадаетъ въ 1885 г. на долю учебныхъ округовъ: Казанскаго (96,3%), Оренбургскаго (95,3%), С.-Петербургскаго (94,1%), Одесскаго (92,4%), Дерптскаго (91%) и Кіевскаго (90,9%); наименьшій приходится на Варшавскій учебный округъ (81,5%), при чемъ въ разчетъ не приняты гимназіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Восточной Сибири, по незначительному числу экзаменующихся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Ташкентская гимназія, единственная въ Туркестанскомъ краѣ, въ которой подвергались испытанію 5 учениковъ и всѣ выдержали экзаменъ удовлетворительно.

Въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ успѣшность испытаній въ процентномъ отношеніи увеличилась въ учебныхъ округахъ: Оренбургскомъ на 5,8%, въ Дерптскомъ на 7,5%, въ Виленскомъ на 1% и, напротивъ, нѣсколько понизилась въ учебныхъ округахъ; Московскомъ (на 6,6%), Харьковскомъ (на 2,1%), Одесскомъ на (3,1%), Кіевскомъ (на 1,7%) и Варшавскомъ (на 1,2%).

Изъ учениковъ четырехъ церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ 97,9% выдержали испытанія удовлетворительно, ученики же училища св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ всѣ безъ исключенія удостоены аттестата зрѣлости. Въ частныхъ гимназіяхъ г. С.-Петербурга удовлетворительно выдержавшихъ испытанія оказалось 96% общаго числа подвергавшихся въ нихъ испытаніямъ; въ частныхъ же гимназіяхъ г. Москвы всѣ подвергавшіеся экзамену его выдержали безъ исключенія; въ частной гимназіи Кольмана въ г. Дерптѣ успѣшно окончившихъ курсъ числилось 83,3%. Наиболѣе успѣшные результаты испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ оказались въ учебныхъ округахъ: Виленскомъ (66,6%) Дерптскомъ (59,6%), Казанскомъ (57,9%), Кіевскомъ (50,6%) и Оренбургскомъ (50%).

Общее число окончившихъ гимназическій курсъ въ 1885 году, считая вмѣстѣ учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ среднемъ выводѣ на каждую гимназію опредѣляется цифрою—18,6. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ этотъ средній выводъ возвышается до 30 учениковъ на каждую гимназію округа, въ Виленскомъ составляетъ 22, въ Дерптскомъ 21, въ Московскомъ и Казанскомъ по 19 или 20. Наименьшее число окончившихъ курсъ выпадаетъ на долю учебныхъ заведеній Сибири, Семирѣченской области и Туркестанскаго края, гдѣ minimum доходитъ до 6 учениковъ на учебное заведеніе.

Лучшіе ученики гимназій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, награждены были медалями золотыми и серебряными. Число розданныхъ въ 1885 году медалей простиралось до 286 (въ томъ числѣ 154 золотыхъ и 132 серебряныхъ), что̀ составляетъ около 11,4% въ отношеніи къ общему числу удостоенныхъ аттестата зрѣлости учениковъ тѣхъ гимназій, въ коихъ установлена эта награда [1]. Наиболѣе роздано медалей въ Кіевскомъ учебномъ округѣ—47 (22 золотыхъ и 25 серебряныхъ), въ С.-Петербургскомъ округѣ—44 (29 золотыхъ и 15 серебряныхъ, въ томъ числѣ 2 золотыя и 1 серебряная въ гимназіяхъ гг. Мая и Гуревича) и въ Московскомъ 43 (23 золотыхъ и 20 серебряныхъ).

Оказавшихъ неудовлетворительные успѣхи на испытаніяхъ, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе затрудняли главные предметы гимназическаго курса: древніе языки, русскій языкъ и словесность и математика. Изъ 332 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1885 году испытаній зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По латинскому языку .	187	86	273
„ греческому „ . .	169	77	246
„ русскому „ . .	122	—	122
„ математикѣ . . .	127	67	194
„ прочимъ предметамъ курса	—	65	65
Всего .	605	295	900

[1]) Въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ и въ коллегіи Павла Галагана награды золотыми и серебряными медалями не полагается.

Изъ 226 постороннихъ лицъ получили такія же неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По латинскому языку .	158	69	227
„ греческому „ .	145	66	211
„ русскому „ .	107	47	154
„ математикѣ . .	103	46	149
Изъ исторіи	—	43	43
„ географіи	—	22	22
По закону Божію. . .	—	17	17
„ новымъ иностран. языкамъ . . .	—	22	22
Изъ физики.	—	33	33
„ логики	—	8	8
Всего .	513	373	886

Сравнивая приведенныя двѣ таблицы, слѣдуетъ вывести заключеніе, что изъ числа учениковъ гимназій, признанныхъ въ 1885 г. подготовленными къ аттестату зрѣлости, каждый оказалъ на экзаменѣ неудовлетворительныя познанія, среднимъ числомъ, по 2 или 3 предметамъ гимназическаго курса одновременно, а изъ постороннихъ лицъ, не выдержавшихъ испытаній, по 3 или 4 предметамъ одновременно.

Изъ 337 учениковъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній (332 ученика правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 4 ученика частныхъ гимназій), 218 пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ для повторенія курса, и 119 выбыли со свидѣтельствами, выданными на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

По возрастамъ, удостоенные аттестата или свидѣтельства, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

17-ти-лѣтнихъ числилось . .	191	или	6,3%
18 „ „ . .	587	„	19,2%
19 „ „ . .	771	„	25,3%
20 „ „ . .	659	„	21,6%
21 года и болѣе „ . .	840	„	27,6%

Отдѣльно для учениковъ правительственныхъ гимназій указанныя процентныя отношенія располагаются въ слѣдующей постепен-

ности 6,2%, 19,9%, 26,4%, 22% и 25,4%. Такимъ образомъ оказывается, что въ числѣ абитуріентовъ гимназій въ 1885 г. значительное большинство составляли учащіеся трехъ старшихъ возрастовъ, какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, такъ и отдѣльно въ общемъ числѣ окончившихъ курсъ въ правительственныхъ гимназіяхъ. Въ церковныхъ училищахъ преобладали ученики 19-ти лѣтняго возраста, составляя болѣе 1/3 всѣхъ окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ по ихъ классическимъ отдѣленіямъ, именно 35,2%; въ частныхъ гимназіяхъ преобладали ученики 18-ти лѣтняго возраста, составляя 28,8%, а между посторонними лицами значительное число удостоенныхъ гимназическаго свидѣтельствами зрѣлости имѣли болѣе 21 года и составляли 62,9% общаго числа экзаменовавшихся этой категоріи.

Изъ общаго числа всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости 2907, или 95,4%, заявили о своемъ желаніи поступить въ университеты и другія соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1059, или 34,7%, на медицинскій факультетъ, или въ военно-медицинскую академію, 708, или 23,2%, на физико-математическій факультетъ, 695, или 22,8%, на юридическій, 366, или 12%, на историко-филологическій факультетъ университета и въ историко-филологическіе институты, 40, или 1,3%, на факультетъ восточныхъ языковъ и 39, или 1,3%, на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или въ духовныя академіи; въ иныя высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 115 молодыхъ людей, составляющихъ 3,8% общаго числа абитуріентовъ гимназій, въ томъ числѣ 49 поступили или намѣревались поступить въ технологическій институтъ, 30 въ земледѣльческую академію или лѣсной институтъ, 22 въ горный институтъ, 4 въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, 3 въ строительное училище, 5 въ академію художествъ и 2 въ военныя училища (Павловское военное училище и инженерное училище); 25 молодыхъ людей предполагали посвятить себя по окончаніи гимназическаго курса непосредственно практической дѣятельности (0,8%), въ томъ числѣ: 5 государственной службѣ гражданской и 8 военной, 2 частной дѣятельности—учебной, 5 сельско-хозяйственной и 5 коммерческой.

Въ сравненіи съ предыдущими годами не замѣчается значительной разницы въ распредѣленіи абитуріентовъ гимназій по занятіямъ, къ коимъ они себя предназначали. Такъ, напримѣръ, предполагали поступить:

На факультеты:	Въ 1883 г.	Въ 1884 г.	Въ 1885 г.
историко-филологическій .	290	359	366
юридическій	569	648	695
физико-математическій . .	828	721	708
медицинскій	998	1025	1059
въ высшія спец. учеб. зав.	111	128	115
на попр. практ. дѣятельн.	22	12	25

Независимо отъ свѣдѣній о награжденіи лучшихъ учениковъ золотыми и серебряными медалями, гимназіи ежегодно представляютъ списки тѣхъ молодыхъ людей, окончившихъ въ нихъ курсъ, отъ которыхъ ихъ начальство ожидало дальнѣйшихъ успѣховъ по различнымъ отраслямъ науки, на основаніи обнаруженныхъ имъ способностей, примѣрнаго поведенія и пріобрѣтенныхъ познаній. Именные списки этихъ молодыхъ людей за 1885 г. напечатаны въ вѣдомости № 5, приложенной въ концѣ этой статьи. Изъ означенной вѣдомости усматривается, что подобные списки представили 89 гимназій изъ числа 164, въ которыхъ въ 1885 г. производились испытанія зрѣлости. Въ представленные списки внесены имена 238 молодыхъ людей, наиболѣе выдающихся своими способностями и достоинствами, на которыхъ означенныя гимназіи пожелали обратить особенное вниманіе учебной администраціи, что̀ составляетъ, впрочемъ, не болѣе 2 или 3 въ среднемъ выводѣ на каждое учебное заведеніе изъ числа представившихъ списки и не болѣе 7,8% въ отношеніи къ общему числу всѣхъ признанныхъ зрѣлыми. Наибольшее число этихъ молодыхъ людей предполагало поступить на физико-математическій факультетъ, именно 77, или 32,3% общаго ихъ числа, 61, или 25,6%, на историко-филологическій, 47, или 19,7%, на медицинскій и 38, или 16%, на юридическій факультетъ; остальные 6,3% на богословскій факультетъ Дерптскаго университета (7), на факультетъ восточныхъ языковъ (4) и въ технологическій институтъ или политехническое училище (4).

Въ 1885 году въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на испытаніяхъ по закону Божію присутствовали главный наблюдатель за преподаваніемъ этого предмета, преосв. Арсеній, епископъ Ладожскій, и помощникъ его протоіерей Яхонтовъ, а по другимъ предметамъ были приглашаемы профессоры и доценты С.-Петербургскаго университета. По Московскому учебному округу, въ качествѣ депутатовъ отъ учебно-окружнаго управленія, присутствовали: въ гимназіи при Лазаревскомъ институтѣ во-

сточныхъ языковъ, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому и греческому языкамъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по каѳедрѣ римской словесности Ѳ. Е. Коршъ; во второй Московской гимназіи, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому языку, ординарный профессоръ того же университета, по каѳедрѣ римской словесности, И. В. Цвѣтаевъ; въ третьей и четвертой Московскихъ гимназіяхъ, на испытаніяхъ по математикѣ, заслуженный ординарный профессоръ Давыдовъ и ординарный профессоръ Слудцкій; въ первой, пятой и шестой гимназіяхъ на испытаніяхъ по исторіи—профессора: Поповъ, Виноградовъ и Ключевскій; въ частной гимназіи Поливанова, въ качествѣ депутатовъ отъ окружнаго управленія, присутствовали: преподаватель Лазаревскаго института Корелинъ и окружный инспекторъ Киндлеръ; послѣдній присутствовалъ и въ частной гимназіи Креймана на всѣхъ испытаніяхъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ присутствовали на испытаніяхъ зрѣлости: въ Оренбургской гимназіи — попечитель округа и окружный инспекторъ Великановъ, а въ Екатеринбургской—окружный инспекторъ Чеховичъ. На испытаніяхъ зрѣлости въ Виленскомъ учебномъ округѣ, по закону Божію православнаго исповѣданія, въ гимназіяхъ: Минской, Витебской и Могилевской, присутствовали мѣстные епископы, преосв. Варлаамъ и Маркеллъ, ректоръ Могилевской духовной семинаріи и Витебскій губернаторъ, а по закону Божію римско-католическаго исповѣданія, въ Ковенской гимназіи, суфраганъ Тельшевской епархіи Барановскій; по греческому, латинскому языкамъ и исторіи, въ гимназіяхъ: Виленской 1-й, Шавельской, Слуцкой и Могилевской — окружный инспекторъ Бѣлецкій. Въ гимназіи г. Варшавы командированы были, въ качествѣ депутатовъ по разнымъ предметамъ, профессоры мѣстнаго университета: Востоковъ, Бобчинскій, Зининъ, Трессъ, Мержинскій, Дьячанъ, Смирновъ и лекторъ Кулаковскій, а въ Петроковскую гимназію того же учебнаго округа проф. Сонинъ. Въ Ташкентскую гимназію, въ качествѣ депутата отъ управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края, командированъ былъ инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области С. С. Прилежаевъ [1]), и, кромѣ того, испытанія посѣщали: мѣстный епископъ преосв. Неофитъ и главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края А. И. Забѣлинъ.

---

[1]) Окончившій курсъ въ С.-Пб. историко-филолог. институтѣ.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ испытанія зрѣлости въ двухъ гимназіяхъ г. Тифлиса происходили въ присутствіи попечителя округа или окружныхъ инспекторовъ Ильяшенко и Короваева.

Въ Вѣрненской гимназіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа для письменныхъ испытаній предложены были особыя отъ остальныхъ гимназій Западной Сибири темы, такъ какъ, въ виду Высочайшаго повелѣнія 13 августа 1880 г. объ увеличеніи каникулярнаго времени въ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края, испытанія въ этой гимназіи, принадлежавшей прежде къ учебнымъ заведеніямъ упомянутаго края, начались ранѣе, чѣмъ въ прочихъ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго округа.

Во Владимірской гимназіи Московскаго учебнаго округа произошло разногласіе между депутатомъ отъ окружнаго управленія и большинствомъ членовъ испытательной коммиссіи относительно письменной работы одного изъ учениковъ гимназіи по русскому языку. Означенное сочиненіе было оцѣнено балломъ 2, депутатъ призналъ его удовлетворительнымъ и заслуживающимъ балла 3; попечительскій совѣтъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, утвердилъ единогласно мнѣніе депутата и рѣшилъ встрѣтившееся сомнѣніе въ пользу ученика.

Подобное же разногласіе обнаружилось въ мнѣніяхъ директора гимназіи или депутата и прочихъ членовъ испытательныхъ коммиссій въ гимназіяхъ Варшавской 3-й и Холмской, по поводу трехъ сочиненій по русскому языку; по ближайшемъ разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій въ попечительскомъ совѣтѣ Варшавскаго учебнаго округа, со стороны содержанія и изложенія всѣ три ученическія работы признаны удовлетворительными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1885 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

I. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

„Чувство при разставаніи съ учебнымъ заведеніемъ".

2. По латинскому языку.

Когда, во время междоусобной войны, въ сорокъ девятомъ году до Рождества Христова, легатъ Цезаря Куріонъ, тщетно пытавшійся овладѣть Утикою, гдѣ засѣлъ приверженецъ Помпея Варъ, которому помогали нумидійцы, услышалъ отъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, что царь Юба, *отвлеченный* [1]) пограничною войною, остался въ предѣлахъ своего царства, а что Сабурра, префектъ его, посланный съ незначительными силами, приближается къ Утикѣ, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе [состоявшее въ томъ, чтобы] дождаться прибытія остальныхъ войскъ изъ Сициліи и затянуть войну, и рѣшился вступить въ сраженіе. Въ началѣ ночи онъ послалъ всю конницу противъ непріятельскаго лагеря, надъ которымъ начальствовалъ Сабурра, не подозрѣвая, что за Сабуррою слѣдуетъ самъ Юба, расположившійся отъ лагеря Сабурры на разстояніи шести миль. Всадники, посланные ночью, напали неожиданно на непріятелей, *погруженныхъ въ сонъ* [2]; перебивъ большое число ихъ, они уже возвращались къ Куріону и вели къ нему плѣнныхъ, какъ въ исходѣ ночи выступилъ со всѣми войсками самъ Куріонъ, оставивъ на защиту лагеря пять когортъ. Пройдя не болѣе шести миль, онъ *встрѣтился* [3] съ возвращающимися всадниками и спросилъ у плѣнныхъ, кто начальствуетъ надъ лагеремъ. Когда тѣ отвѣтили, что Сабурра, онъ, обратившись къ своимъ, сказалъ: „развѣ вы не видите, воины, что слова плѣнныхъ сходятся со словами перебѣжчиковъ, а именно, что царь отсутствуетъ, что посланныя имъ войска незначительны, такъ какъ они не могли *устоять* [4] противъ немногихъ только всадниковъ? Поэтому поспѣшите къ добычѣ, къ славѣ, чтобы я уже теперь началъ думать о вашихъ наградахъ и о воздаяніи благодарности". Между тѣмъ Юба, извѣщенный Сабуррою о ночномъ сраженіи, подослалъ Сабуррѣ двѣ тысячи всадниковъ, которыхъ онъ обыкновенно держалъ при себѣ для своей собственной охраны, и ту часть пѣхоты, которой онъ наиболѣе довѣрялъ; самъ же съ остальными войсками и шестьюдесятью слонами подступалъ нѣсколько медленнѣе. Такъ какъ Сабурра не сомнѣвался, что на него хочетъ сдѣлать нападеніе самъ Куріонъ, то онъ привелъ въ порядокъ свои войска и приказалъ имъ мало по малу подъ видомъ страха отступать, говоря, что когда будетъ надобность, онъ дастъ знакъ сраженія и прикажетъ, чего потребуютъ обстоятельства. Едва Куріонъ свелъ свои войска съ возвы-

шенныхъ мѣстъ на равнину, какъ неожиданно былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями и погибъ почти со всѣмъ своимъ войскомъ.

1. revocare. 2. opprimere somno. 3. convenire. 4. parem esse.

3. По греческому языку.

На шестнадцатомъ году Пелопоннесской войны прибыли въ Аѳины послы изъ Сициліи, везя съ собою шестьдесятъ талантовъ, и просили аѳинянъ помочь *эгестейцамъ* [1] противъ *селинунтцевъ* [2]. Аѳиняне постановили отправить въ Сицилію Никія и Алкивіада съ большимъ войскомъ и шестьюдесятью кораблями, надѣясь подчинить себѣ весь островъ. Между тѣмъ въ одну ночь у бо́льшей части гермовъ, которые стояли въ преддверіяхъ домовъ и храмовъ, *разбиты* [3] были лица, и никто не зналъ сдѣлавшихъ это. [Люди] наиболѣе *недовольные* [4] Алкивіадомъ, *мѣшавшимъ* [5] имъ *править* [6] народомъ, *обвиняли* [7] его въ этомъ [преступленіи], полагая, что, если они изгонятъ его изъ отечества, они сами займутъ первенствующее мѣсто (будутъ первыми). Онъ же оправдывался и готовъ былъ *подвергнуться суду* [8] прежде чѣмъ отплыть и, если окажется, что онъ совершилъ что-либо такое, понести наказаніе. Враги же его, опасаясь, что онъ будетъ имѣть войско на своей сторонѣ (=благосклоннымъ], если *тотчасъ* [9] будетъ *преданъ суду* [10], приказывали ему выѣхать и не *задерживать похода* [11], потому что они надѣялись въ его отсутствіе легче собрать противъ него болѣе сильныя улики (=клевету), затѣмъ, чтобы потомъ вызвать его въ Аѳины къ суду. И такъ рѣшено было отплыть Алкивіаду.

1. οἱ Ἐγεσταῖοι. 2. οἱ Σελινούντιοι. 3. περικόπτω. 4. ἄχθομαι c. dat. 5. ἐμποδὼν εἰμι. 6. черезъ гл. προΐστημι. 7. αἰτιάομαι. 8. κρίνομαι. 9. ἤδη. 10. ἀγωνίζομαι. 11. κατέχω τὴν ἀγωγήν.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Державинъ, какъ пѣвецъ Екатерины II.

Запасная. Почему слѣдуетъ дорожить памятниками древности?

2. По латинскому языку.

Основная. Побѣдивъ боіевъ и принявъ отъ нихъ заложниковъ, консулъ П. Корнелій Сципіонъ, *въ твердой увѣренности* [1], что сенатъ удостоитъ его чести тріумфа, распустилъ войско и приказалъ ему *явиться* [2] *ко* [3] дню тріумфа въ Римъ; самъ онъ на другой день послѣ своего *прибытія* [4] въ городъ созвалъ сенатъ и, *изложивъ* [5], какое пораженіе онъ *нанесъ* [6] боіямъ, просилъ *позволенія* [7] *торжественно* [8] *въѣхать* [9] въ Римъ. Народный трибунъ Семпроній *Блезъ* *) высказывалъ было мнѣніе, „что не слѣдуетъ *отказывать* [10] Корнелію въ тріумфѣ, но что его нужно *отложить* [11], [ибо], пока *лигурійцы* [12], постоянная *поддержка* [13] боіевъ въ прежнія войны, не будутъ *покорены* [14], то и боіи не *успокоятся* [15]; если бы П. Сципіонъ перешелъ съ своимъ побѣдоноснымъ

*) Blaesus.

войскомъ въ область лигурійцевъ, съ которыми уже третій годъ Кв. Минуцій ведетъ войну *съ сомнительнымъ успѣхомъ* [16], то онъ *окончилъ* бы [17] всю войну и имѣлъ бы [основаніе] просить тріумфа". На это Корнелій отвѣчалъ, „что онъ проситъ тріумфа не для себя, а для войска. Если уже не *признаютъ* [18] того, что онъ *сдѣлалъ* [19] въ своей провинціи, и ему ставятъ въ упрекъ, что онъ не дѣлалъ того, о чемъ даже не просилъ его Минуцій, то почему же воины, не оставившіе въ провинціи ни одного врага, не считаются достойными *участвовать* [20] въ тріумфѣ своего полководца? Если же сенатъ желаетъ, чтобы они шли *на* [3] новыя опасности, то пусть онъ прикажетъ, прежде чѣмъ ихъ отправить, *выплатить* имъ *сполна* [21] *вознагражденіе* [22] за прежніе труды". Едва консулъ окончилъ свою рѣчь, какъ весь сенатъ не только самъ *разрѣшилъ* [23] ему тріумфъ, но и *постановленіемъ* [24] своимъ *побудилъ* [25] трибуна *отказаться отъ вмѣшательства* [26].

1. nihil dubito. 2. adsum я на лицо. 3. ad. 4. глаголъ. 5. expono. 6. afficio. 7. licet. 8. triumpho. 9. invehor. 10. nego. 11. differo. 12. Ligures. 13. относительное предложеніе. 14. subigo. 15. quiesco. 16. dubius. 17. conficio. 18. aestimo. 19. gero. 20. particeps sum. 21. persolvo. 22. merces. 23. decerno. 24. auctoritas. 25. commoveo. 26. intercessionem remitto.

Запасная. Въ то время, когда это происходило въ Азіи, римляне послали пословъ къ Антіоху, которые бы, подъ *видомъ* [1] посольства, *развѣдали* [2], какія царь дѣлаетъ *приготовленія* [3], и либо склонили Ганнибала *на сторону* римлянъ, или же сдѣлали его самого *подозрительнымъ* [5] и *ненавистнымъ* [6] царю. Послы, прибывъ въ Эфесъ, передали Антіоху порученія сената, который требовалъ, чтобы царь довольствовался предѣлами Азіи. Пока они дожидались отвѣта, они ежедневно бывали у Ганнибала, *стараясь* [7] убѣдить его, „что со стороны римлянъ ему не угрожаетъ никакая опасность; что онъ поступилъ *малодушно* [8], что удалился изъ отечества, такъ какъ римляне *свято* [9] хранятъ миръ, заключенный скорѣе съ нимъ, чѣмъ съ государствомъ; ибо, кому неизвѣстно, что *онъ* одинъ *предпринялъ* [10] эту войну, самую опасную, которую когда-либо кто велъ, не столько изъ ненависти къ римскому имени, сколько изъ любви къ отечеству, которому *каждый* [11] хорошій [гражданинъ] *обязанъ жертвовать* [12] даже жизнью? Поэтому, пусть онъ не усомнится возвратиться въ Карѳагенъ, гдѣ его согражданe теперь гораздо болѣе оцѣнятъ его *труды* [13], нежели они то сдѣлали два года тому назадъ". Вслѣдъ затѣмъ они [обыкновенно начинали] хвалить его подвиги въ мирное и военное время. Ганнибалъ, *довольный* [14] этими похвалами бывшихъ враговъ, разговаривалъ съ послами чаще и охотнѣе [чѣмъ бы то слѣдовало], *не понимая* [14], какую ненависть [со стороны] царя онъ *создастъ себѣ* [16] *знакомствомъ* [17] съ римлянами. И дѣйствительно Антіохъ, какъ только узналъ объ этихъ частыхъ разговорахъ, опасаясь, что Ганнибалъ тайно *примирился* [18] съ римлянами и притворяется только, будто онъ *непримиримый* ихъ *врагъ* [19], сталъ скрывать отъ него свои планы и ненавидѣть его, какъ врага и предателя.

1. species. 2. speculor 1. 3. apparatus. 4. partes sequor. 5. suspectus. 6. invisus. 7. operam do. 8. timide. 9. съ величайшею вѣрностью (fides). 10. suscipio. 11. quisque 12. debeo. 13. opera 1. 14. laetus. 15. ignarus. 16. creo, concito. 17. familiaritas. 18. in gratiam redire. 19. превосходная степень.

3. По греческому языку.

Основная. Нѣкто Гобрій [1], мужъ уже *преклонныхъ лѣтъ* [2], придя къ Киру, сказалъ: „я родомъ *ассиріецъ* [3], владѣю (=имѣю) сильнымъ *замкомъ* [4] и управляю обширною страною. Я пришелъ къ тебѣ, желая быть твоимъ рабомъ и союзникомъ, и прошу тебя *отомстить за* [5] меня. Былъ у меня единственный сынъ, который, любя и почитая меня, *дѣлалъ* [6] меня счастливѣйшимъ отцомъ; его убилъ теперешній царь еще при жизни своего отца. Ибо, когда прежній царь призвалъ моего сына, чтобы выдать за него свою дочь, я отпустилъ его, *гордясь* [7], что увижу сына *супругомъ* [8] царской дочери. Сынъ мой, *приглашенный* [9] на *охоту* [10], *охотился вмѣстѣ* [11] съ царскимъ сыномъ, какъ съ другомъ. Когда же *появился* [12] левъ, тотъ, *метнувъ копье* [13], *далъ промахъ* [14], а сынъ мой *поразилъ* *) звѣря. Тогда-то *злодѣй* [15] этотъ, не *сдержавъ* [16] своего гнѣва, убилъ моего сына, какъ врага. Если бы прежній царь былъ живъ, я никогда не пришелъ бы къ тебѣ, ибо много добра я испыталъ отъ него и самъ ему оказалъ. Но такъ какъ теперь царствуетъ убійца моего сына, то ни я не *могу* [17] быть *преданнымъ* [18] ему, ни онъ не *можетъ* [17] считать меня другомъ, зная, какъ я *отношусь* къ нему [19]“. „Скажи мнѣ“, сказалъ Киръ,—„если мы примемъ тебя и дозволимъ тебѣ имѣть страну и власть, которую ты прежде имѣлъ, что ты намъ за это дашь?“ Онъ же отвѣчалъ: „*Дань* [20], которую я прежде *платилъ* [21] Ассирійскому царю, я буду платить тебѣ и, куда бы ты ни отправился походомъ, я буду слѣдовать за тобою“. „*На этомъ условіи*“ [22], сказалъ Киръ,—„даю тебѣ мою правую руку и беру твою, а боги да будутъ намъ свидѣтелями“.

1. Γωβρύας 1. 2. πρεσβύτης. 3. Ἀσσύριος. 4. τεῖχος. 5. τίμωρὸς γίγνομαί τινι. 6. τίθημι. 7. μέγα φρονέω. 8. γαμέτης 1. 9. παρακαλέω. 10. θήρα 1. 11. συνθηράω. 12. παρατυγχάνω. 13. ἀκοντίζω. 14. ἁμαρτάνω. 15. ἀνόσιος. 16. κατέχω, 17. mod. potentialis. 18. εὔνους. 19. ἔχω πρός τινα. 20. δασμός. 21. ἀποφέρω. 22. ἐπὶ τούτοις.

Запасная. Взявъ городъ аѳинянъ, Ксерксъ велѣлъ *Мардонію* [1] созвать *начальниковъ флота* [2] и посовѣтоваться съ ними, *давать* ли *морское сраженіе* [3]. Между тѣмъ какъ всѣ другіе *требовали* [4], чтобы царь сразился съ греками на морѣ, *Артемизія* [5], царица Галикарнасская [6], которая съ пятью кораблями слѣдовала за царемъ *въ его походѣ* [7] на Грецію, посовѣтовала щадить корабли и, если греки не сами *нападутъ* [8] на нихъ, не подвергаться большой опасности, потому что греки на морѣ на столько же *сильнѣе* [9] персовъ, на сколько мужчины (сильнѣе) женщинъ. „Зачѣмъ *вообще*“ [10], говорила она,—„нужно царю дать морское сраженіе? Развѣ онъ не владѣетъ уже Аѳинами, ради которыхъ онъ выступилъ въ походъ? Если онъ будетъ *ждать* [11], *держа* [12] корабли у *берега* [13], а *сухопутное войско* [14] пошлетъ противъ Пелопоннеса, то греки *разсѣются* [15], чтобы подать помощь своимъ городамъ; если же онъ дастъ морское сраженіе, то я боюсь, какъ бы *флотъ* [16], *потерпѣвъ пораженіе* [17], не погубилъ и сухопутное войско“. Ксерксъ, хотя [18] и *съ удовольствіемъ* [19] вы-

---

*) καταβάλλω.

слушалъ *доложенное* [20] ему мнѣніе Артемизіи, однако *послушался* [21] большинства, потому что надѣялся множествомъ своихъ кораблей легко *одолѣть* [22]. грековъ.

1. Μαρδόνιος. 2. ναύαρχος. 3. ναυμαχέω. 4. κελεύω. 5. 'Αρτεμισία. 6. Галикарнасцевъ 'Αλικαρνασσεύς. 7. глаголъ. 8. ἐπιτίθημι Μ. 9. сравнит. степень отъ ἀγαθός. 10. πάντως. 11. μένω. 12. ἔχω. 13. γῆ. 14. τὸ πεζικόν, ἡ πεζικὴ δύναμις 15. σκεδάννυμι. 16. τὸ ναυτικόν. 17. ἡττάομαι. 18. μέν. 19. ἥδομαι. 20. ἀπαγγέλλω. 21. πείθομαι. 22. περιγίγνομαι.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Два купца внесли деньги для общаго торговаго предпріятія; одинъ вложилъ 10,000 руб. на 3 года, другой 6,000 р. на 5 лѣтъ. Послѣ раздѣла оказалась прибыль, изъ коей, уплативъ въ пользу города 8%, на оставшіеся 3,956 руб. куплено ими три партіи чая по 122,(6) руб. за пудъ. Вѣсъ первой партіи относится къ вѣсу второй, какъ $^1/_8$: 0,08(3); вѣсъ чая третьей партіи составляетъ $7^1/_2$ % вѣса двухъ первыхъ партій вмѣстѣ. Узнать: 1) сколько получено было прибыли послѣ раздѣла, 2) сколько пудовъ въ каждой партіи чая и 3) сколько пудовъ приходится на каждаго купца?

Запасная. Куплено два сорта чая, перваго по 2,(6) руб. и втораго по 4,(8) р. за фунтъ. Изъ перваго сорта взято $\frac{4}{27}$ его количества, а изъ второго $\frac{25}{54}$ количества, послѣ чего составилось 50 фунт. смѣси, которую, безъ прибыли и убытка, можно продавать по $3^1/_3$ рубля за фунтъ. Узнать, сколько денегъ было у купца, если на покупку обоихъ сортовъ чая имъ употреблено лишь 5% всѣхъ его денегъ?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Въ геометрической прогрессіи сумма крайнихъ членовъ=21, сумма среднихъ = 19, а сумма квадратовъ всѣхъ четырехъ членовъ = 442. Найдти пропорцію.

Запасная. Два каменьщика, изъ коихъ второй начинаетъ работать $1^1/_2$ днями позже перваго, могутъ выстроить стѣну въ 7 дней. Еслибы эта работа была поручена каждому отдѣльно, то первому для ея совершенія понадобилось бы тремя днями болѣе, чѣмъ второму. Во сколько дней каждый изъ нихъ отдѣльно выстроитъ стѣну?

в) *По геометріи.*

Основная. Полная поверхность усѣченнаго конуса = 616 кв. фут.; его высота=8 ф.; разность діаметровъ обоихъ основаній=12 ф. Вычислить радіусы основаній (принимая $\Pi = \frac{22}{7}$ и ограничиваясь однимъ десятичнымъ знакомъ).

Запасная. Высота правильной пирамиды=7,3 ф., а боковая ея поверхность болѣе площади ея квадратнаго основанія на 16,2 кв. фута. Найдти объемъ этой пирамиды.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Изъ точки окружности радіуса 25,5 д. проведены двѣ хорды, коихъ длина a=29,8 д., b=48,4 д. Опредѣлить уголъ между ними.

Запасная. Периметръ равнобедреннаго тр-ка=22,4 д.; основаніе=4,2 д. Опредѣлить углы и площадь треугольника.

III. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Значеніе Пушкина въ исторіи русской словесности.

Запасная. Значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы.

2. По латинскому языку.

Основная. Сатурнинъ, народный трибунъ, внесъ законъ, чтобы сенатъ въ *народномъ собраніи* поклялся, что онъ будетъ одобрять все, что бы ни приказалъ народъ и что никогда не будетъ *противодѣйствовать.* Метеллъ, считавшій этотъ законъ и недостойнымъ авторитета сената, и пагубнымъ для республики, *открыто* заявилъ, что онъ никогда не поклянется. Увлекшись авторитетомъ столь важнаго въ государствѣ мужа, сенаторы разошлись съ форума по домамъ. Спустя немного дней, когда Сатурнинъ созвалъ отцевъ къ каѳедрѣ, угрозами сталъ побуждать ихъ къ тому, чтобы они *дали клятву,* то Марій, бывшій въ шестой разъ консуломъ, поклялся первымъ, а народъ привѣтствовалъ его *криками одобренія* и рукоплесканіями. Затѣмъ сенаторы, каждый въ свою очередь, дали клятву, боясь народнаго гнѣва. Дошло дѣло и до Метелла. Онъ, не смотря *на мольбы* друзей дать клятву, чтобы не понести тягчайшихъ наказаній, *предложенныхъ* Сатурниномъ, удалился изъ собранія, рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ сдѣлать хоть что-нибудь постыдное. Друзьямъ провожавшимъ его домой, онъ сказалъ: поступать честно, когда нѣтъ никакой опасности, *дѣло не хитрое*; между тѣмъ свойство *истинно-честнаго* мужа *идти прямымъ путемъ* даже въ виду личной опасности.

Запасная. Л. Манлій освобождается отъ суда, благодаря (opera) своему сыну (Cic. de officiis 3, 31).

Л. Манлію, сложившему съ себя должность диктатора (abdicare se dictatura, или черезъ dictatorem esse), М. Помпоній, народный трибунъ, назначилъ день суда за то, что онъ на нѣсколько дней продлилъ свою диктатуру (что онъ нѣсколько дней прибавилъ къ отправленію должности диктатора). Обвинялъ онъ Манлія также и въ томъ, что онъ сына Тита, который послѣ получилъ прозваніе Торквата, удалилъ отъ общества (relegare ab hominibus) и приказалъ ему жить въ деревнѣ. Разказываютъ, что когда узналъ объ этомъ юноша-сынъ, то тотчасъ же примчался (accurrere) въ Римъ и вмѣстѣ съ разсвѣтомъ явился въ домъ Помпонія. Когда послѣднему дали знать объ этомъ, то онъ, полагая, что сынъ, разгнѣванный на отца, сообщитъ ему что-нибудь важное (aliquid) противъ своего отца, немедленно всталъ съ постели и, удаливши свидѣтелей, приказалъ юношѣ войдти къ себѣ. А тотъ, какъ только вошелъ, тотчасъ обнажилъ мечъ и поклялся, что онъ умертвитъ его, если Пом-

ponій не поклянется въ свою очередь, что освободитъ (missum facere) отца. Помпоній, подъ вліяніемъ (cogere) страха, далъ клятву, сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ (rem deferre) народу и объяснилъ, почему ему необходимо прекратить процессъ; Манлія же освободилъ. Такъ велико было въ тѣ времена значеніе клятвы!

3. По греческому языку.

Основная. Остракизмъ въ Аѳинахъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Отовсюду собирались въ городъ граждане. Каждый, взявъ *черепокъ* и написавъ, кого изъ гражданъ онъ хотѣлъ *изгнать*, относилъ въ одно мѣсто площади, *огражденное перилами*. Архонты сначала считали все количество черепковъ, потому что, если писавшихъ было менѣе 6,000, то изгнаніе остракизмомъ было не *дѣйствительно*. Потомъ, сложивъ отдѣльно каждое изъ именъ, *провозглашали* изгнаннымъ на 10 лѣтъ осужденнаго большинствомъ. *Посредствомъ остракизма изгоняемы* были только могущественные въ государствѣ люди и знатнаго происхожденія.

Впослѣдствіи времени, когда стали подвергать изгнанію незначительныхъ и порочныхъ людей, то остракизмъ былъ уничтоженъ.

Запасная. Аѳиняне и прочіе эллины.

Когда всѣ прочіе эллины, *при нашествіи* Ксеркса, *упали духомъ* и одни изъ нихъ, какъ ѳивяне, *подпали подъ власть* варваровъ и отправились съ ними въ походъ, а другіе, какъ пелопоннесцы, искали только своего спасенія, тогда лишь аѳиняне *рѣшились лучше* умереть, чѣмъ признать себя рабами варваровъ. Въ то время, когда приближалось 1200 триремъ и безчисленное сухопутное войско грозило вторгнуться въ Аттику; въ то время, когда такимъ образомъ нигдѣ не оставалось для аѳинянъ надежды на спасеніе, и они были *безъ союзниковъ* и видѣли себя обманутыми во всѣхъ своихъ надеждахъ, они однакоже *отказались* отъ всѣхъ *предложеній* царя, хотя могли бы не только избѣжать *грозившихъ* опасностей, но и воспользоваться великими почестями, которыя имъ царь предлагалъ, думая что, если склонитъ флотъ этого государства на свою сторону, онъ тотчасъ сдѣлается властителемъ Пелопоннеса. Аѳиняне *не гнѣвались* даже на грековъ за то, что были *оставлены* ими, но вооружились одни, чтобы *взять на себя борьбу* за свободу всей Греціи.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Три купца составили для торговаго предпріятія капиталъ въ 43,600 р. Внесенные капиталы каждымъ изъ нихъ относились между собою какъ $^2/_3 : ^3/_4 : ^2/_5$. По истеченіи трехъ лѣтъ образовалась такая прибыль, какъ будто ежегодно получалось по 8% (простыхъ) съ оборотнаго капитала. Сколько прибыли получилъ каждый купецъ на свой капиталъ?

Запасная. Въ общемъ торговомъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6000 р., бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца, а другое лицо—капиталомъ, составлявшимъ 0,1666 . . . перваго и находившимся въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Сколько получитъ каждый изъ общей прибыли, поступившей въ видѣ векселя

на 1,200 р., при продажѣ котораго необходимо было сдѣлать учетъ за 8 мѣсяцевъ до срока, по 6°/₀ годовыхъ (учетъ коммерческій)?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Въ магазинѣ полученъ ящикъ съ серебряными часами на 1112 р. Часы были въ 45 и 52 р. Сколько было часовъ той и другой стоимости?

Запасная. Опекунъ оставшагося малолѣтняго продалъ имѣніе за 24,800 р. и внесъ эти деньги въ банкъ, для обращенія, по 5% сложныхъ. Какую сумму получитъ владѣлецъ по истеченіи 15 лѣтъ, по достиженіи совершеннолѣтія?

в) *По геометріи.*

Основная. Цилиндрическій сосудъ вышиною въ 24 дюйма съ внутреннимъ діаметромъ 12 дюйм. налитъ до половины водою. Опредѣлить высоту уровня воды въ этомъ сосудѣ, если погрузить въ него сполна желѣзный кусокъ, имѣющій форму шестиугольной правильной призмы, которой высота 12,56 дюйм., а сторона основанія 4 дюйма.

Запасная. На половинѣ діагонали прямоугольника, имѣющаго основаніе 12, а высоту 9 футовъ, построенъ квадратъ, діагональ котораго служитъ стороною правильнаго треугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Въ прямоугольномъ треугольникѣ A B C катетъ b=25 д., а прилежащій къ нему уголъ равенъ 25°, 18′ 46″. Опредѣлить гипотенузу и площадь треугольника.

Запасная. Вычислить діагональ и площадь ромба, котораго стороны равны 37,52, а уголъ между ними заключенный 30°, 20′ 15″.

IV. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Любовь къ отечеству—источникъ великихъ дѣяній.

Запасная. Значеніе монастырей въ древней Руси.

2. По латинскому языку.

Основная. T. Livii Lib. III, Cap. 15. Въ двѣсти девяносто четвертомъ году отъ основанія Рима изгнанники и рабы, числомъ до четырехъ тысячъ пятисотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Аппія Гердонія (Herdonius) ночью захватили Капитолій и крѣпость. Немедленно были избиты въ крѣпости тѣ, которые не хотѣли принять участіе въ заговорѣ и взяться за оружіе. Нѣкоторые, впрочемъ, (ускользнувши) во время тревоги, *пораженные* (praeceps) ужасомъ, *поспѣшно приходятъ* (devolare) на форумъ. *Попеременно* (перемѣнный—alternus, a, um) стали раздаваться крики: „къ оружію“ и „непріятели въ городѣ“. Консулы, не зная, какого рода несчастіе столь неожиданно *постигло* (invadere) городъ, извнѣ оно или изнутри (внѣшнее или внутреннее), приписать ли причину его ненависти народа или вѣроломству

рабовъ, сначала боялись и вооружать народъ, и оставлять его безоружнымъ. Хотя они и собрали потомъ на *всякій случай* (omnis) достаточно надежный отрядъ, но оставаясь въ невѣдѣніи, кто именно непріятели и какъ велико ихъ число, остальную часть ночи провели въ томъ, что разставили караулы на удобныхъ мѣстахъ города. *Наступившій* день (lux) открылъ наконецъ и характеръ войны (войну) и ея вождя. Аппій Гердоній призывалъ изъ Капитолія рабовъ къ свободѣ, говоря, что онъ взялъ на себя (выполненіе) дѣла всѣхъ самыхъ несчастныхъ людей, съ цѣлью возвратить въ отечество изгнанниковъ, которые несправедливо были изгнаны изъ него, и избавить рабовъ отъ тяжкаго ига; что онъ лучше желаетъ достигнуть этого съ согласія римскаго народа; если же на это нѣтъ надежды, то онъ подниметъ вольсковъ и эквовъ (Aequi) и рѣшится (tentare aliquid) на самыя крайнія средства (все крайнее).

Запасная. Corn. Taciti Annal. Lib. II, Cap. 71. *Германикъ* (Germanicus), чувствуя, что силы покидаютъ его и наступаетъ конецъ, обратился къ стоявшимъ подлѣ друзьямъ со слѣдующими словами: „еслибы я *умиралъ* (concedere) *естественною смертью* (fatum), то и тогда жалоба моя была бы справедлива даже на боговъ, потому что они преждевременно, въ *цвѣтѣ лѣтъ* (juventa) похитили бы меня у родителей, дѣтей, отечества; теперь же *сраженный* (intercipere) злодѣяніемъ *Пизона и Планцины* (Piso, Plancina), я ввѣряю вашимъ сердцамъ мои послѣднія просьбы. Скажите отцу и брату, какими *жестокими обидами* (acerbitas) меня терзали, какими кознями я былъ окруженъ и какъ окончилъ несчастнѣйшую жизнь самою печальною смертью. Тѣ, кого *волновали* мои надежды, тѣ, кого *связывало* близкое родство (кровь), даже тѣ, кого *возбуждала* противъ меня при жизни зависть (волновать, связывать, возбуждать—*movere*), заплачутъ при вѣсти, что я, *окруженный* нѣкогда *блескомъ* (florens), переживши столько сраженій, палъ отъ женскаго коварства. Вы будете имѣть поводъ жаловаться сенату, *обратиться* (invocare aliquid) къ законамъ. Не въ томъ заключается главная обязанность друзей, чтобы сопровождать покойника безполезными сожалѣніями, но въ томъ, чтобъ помнить о его волѣ и исполнить его порученія. Оплакивать Германика будутъ и незнакомые; мстить же за меня будете вы, если только вы любили болѣе меня, чѣмъ мое положеніе. Покажите римскому народу мою жену, *внучку* (neptis) божественнаго Августа, сосчитайте шестерыхъ дѣтей, и состраданіе будетъ *на сторонѣ* (cum) обвинителей".

Друзья Германика, держа правую руку умирающаго, поклялись, что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ откажутся отъ мести.

3. По греческому языку.

Основная. *Перстень* (δάκτυλος) *Гигеса* (Γύγης). Plato. de rep. II. 359. D. E. 360. A. B. C. Гигесъ былъ пастухъ, *служившій по найму* (θητεύω) у тогдашняго правителя Лидіи (Λυδία). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ стадо, отъ сильнаго дождя и землетрясенія *треснула* (ῥήγνυμι) нѣсколько земля и появилась *разсѣлина* (χάσμα). Увидѣвъ ее и подивившись, онъ спустился въ нее и тамъ, кромѣ другихъ *чудесъ* (θαῦμα), нашелъ, говорятъ, мѣднаго *пустаго* (κοῖλος) коня съ дверями, *заглянувъ* (ἐγκύπτω) въ которыя, онъ увидѣлъ въ конѣ мертваго человѣка. У мертвеца не было ничего, кромѣ золотаго перстня на рукѣ.

Снявъ (περιαιρέω) его, Гигесъ вышелъ и явился съ перстнемъ на *обычную* (εἰωθώς) у пастуховъ *сходку* (σύλλογος). Сидя съ прочими пастухами, онъ случайно *повернулъ* (περιάγω) перстень *камнемъ* (σφενδόνη) къ себѣ и тотчасъ сдѣлался *невидимымъ* (ἀφανής) для сидѣвшихъ съ нимъ, такъ что они стали говорить о немъ, какъ объ ушедшемъ. Гигесъ удивился этому и, снова взявши перстень, повернулъ его камнемъ *наружу* (ἔξω) и сталъ *видимымъ* (φανερός). Замѣтивъ это, онъ продолжалъ испытывать камень, чтобы узнать, обладаетъ ли онъ такою же силою, и всегда оказывалось одно и то же. Понявъ это, онъ *добился того* (διαπράττομαι), что сдѣлался однимъ изъ тѣхъ пастуховъ, которые ежемѣсячно посылались къ царю съ *докладомъ* (ἐξαγγέλλω) относительно *стадъ* (ποίμνιον). Явившись къ царю, онъ вмѣстѣ съ царицею умертвилъ его и *захватилъ* (κατέχω) его власть. И такъ, еслибы было два перстня, и одинъ *надѣвалъ бы* (περιτίθημι) себѣ на руку человѣкъ справедливый, а другой несправедливый,—то, надо полагать, мало было бы столь твердыхъ (ἀδαμάντινος) людей, которые оставались бы вѣрны справедливости и рѣшились бы воздерживаться отъ чужаго и не прикасаться къ нему, когда представляется возможность, не брать на площади *безъ всякаго опасенія* (ἀδεῶς) все, что имъ угодно, не убивать и не освобождать отъ оковъ, кого вздумается, и не дѣлать всего прочаго, словно равные богамъ между людьми.

Запасная. *Пирръ* (Πύῤῥος) и *Кинеасъ* (Κινέας). Plut. vita Pyrrhi, Cap. XIV. Пирръ, царь Эпирскій (Ἤπειρος—Эпиръ), высоко и *постоянно* (διατελέω) уважалъ Кинеаса и *былъ того мнѣнія* (ἡγέομαι), что Кинеасъ покорилъ больше городовъ словомъ, чѣмъ царь оружіемъ. Этотъ-то Кинеасъ, замѣтивъ, что Пирръ обратилъ все свое вниманіе на походъ въ Италію, однажды, когда царь *былъ свободенъ отъ дѣлъ* (σχολάζω), вступилъ съ нимъ въ такой разговоръ: „Говорятъ, о Пирръ, что римляне воинственны и сдѣлались уже властителями многихъ боевыхъ народовъ. Если же богъ дастъ намъ побѣду надъ ними, то какъ мы будемъ пользоваться ею?"—Ты, Кинеасъ, сказалъ Пирръ, спрашиваешь о дѣлѣ *очевидномъ* (φαινόμενος): послѣ побѣды надъ римлянами въ Италіи не будетъ ни одного *равносильнаго* (ἀξιόμαχος) намъ города, ни варварскаго, ни греческаго, и мы тотчасъ овладѣемъ всею Италіею, могущество которой и богатство ты знаешь лучше всякаго.—Кинеасъ, немного *помолчавъ* (ἐπέχω), сказалъ: „А взявъ Италію, что будемъ дѣлать?". Пирръ, *все еще не* (οὔπω) понимая его мысли, отвѣчалъ:—Сицилія близка къ намъ и протягиваетъ руки,—островъ благодатный, многолюдный и очень удобный для покоренія; тутъ, Кинеасъ, все полно волненіями и безначаліемъ въ городахъ.—„Ты говоришь *правдоподобное*" (εἰκώς), сказалъ Кинеасъ,—„но *покореніе* (λαμβάνω) Сициліи будетъ ли предѣломъ завоеваній (походовъ)?"—Пусть только богъ даруетъ намъ побѣду и *успѣхъ* (κατορθόω): это будетъ для насъ началомъ великихъ дѣяній.—„А когда все будетъ подъ нашею властью, что будемъ дѣлать?" Пирръ, засмѣявшись, сказалъ:—будемъ *наслаждаться* (ἄγω) полнымъ покоемъ; у насъ будетъ *ежедневный* (καθημερινός) пиръ и, сходясь, будемъ веселить себя бесѣдами.—„Что же мѣшаетъ намъ теперь", возразилъ Кинеасъ,—„наслаждаться пирами и проводить безъ дѣла время другъ съ другомъ, если уже теперь мы можемъ пользоваться тѣмъ, чего думаемъ достигнуть кровью, великими трудами и опасностями".

4. По математикѣ.

а) По ариѳметикѣ.

Основная. Золотыхъ дѣлъ мастеръ купилъ старыя золотыя вещи по 4 руб. за золотникъ чистаго золота, а именно: 6 цѣпочекъ, по $\frac{1}{2+\frac{1}{1+\frac{1}{2}}}$ фунта каждая, 92-й пробы, 10 солонокъ по 5 лотовъ и $\frac{3}{5}$ долей 72-й пробы, и 6 браслетовъ по 0,1041666.... фунта 56-й пробы. Въ уплату за эти вещи онъ далъ вексель на 1,500 руб. 96 коп., обязуясь уплатить деньги черезъ годъ, но потомъ внесъ свой долгъ до срока и по учетѣ 6% уплатилъ только 1,440 руб. 92 коп. За сколько мѣсяцевъ до срока уплатилъ онъ по векселю?

Запасная. Вычисливъ выраженіе:

$$\frac{(0{,}7474\ldots + 0.05252\ldots + 0{,}233\ldots) : \frac{1}{60}}{\left[\left(\frac{2}{3}+\frac{1}{8}-\frac{11}{12}\right)+\left(\frac{1}{8}-\frac{1}{6}+\frac{7}{24}\right]\cdot 2{,}2044\ldots},$$

полученное число раздѣлить на такія 4 части, чтобы первая составляла 20% второй, вторая равнялась бы $\frac{2}{3}$ третьей, а третья относилась бы къ четвертой какъ $\frac{1}{1+\frac{1}{2+\frac{1}{2}}}$ къ 0,857142....

б) По алгебрѣ.

Основная. 195 раздѣлить на такія три части, которыя составили бы геометрическую прогрессію, при чемъ разность между третьимъ членомъ прогрессіи и первымъ ея членомъ была бы равна 120.

Запасная. Два тѣла, двигаясь по прямой A B въ одну и ту же сторону, въ одинъ и тотъ же моментъ времени проходятъ черезъ точки A и B, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 75 метровъ. Первое тѣло проходитъ 1 метръ въ первую минуту, 3 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Второе тѣло проходитъ 3 метра въ первую минуту, 4 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Чрезъ сколько минутъ отъ прохожденія тѣлъ чрезъ точки A и B первое тѣло догонитъ второе.

в) По геометріи.

Основная. Опредѣлить радіусъ круга, зная, что разность между площадью правильнаго вписаннаго въ него восьмиугольника и площадью правильнаго вписаннаго шестиугольника равна 1 квадр. метру.

Запасная. Около круга радіуса r описанъ правильный шестиугольникъ; опредѣлить отношеніе между поверхностями и объемами тѣлъ, описанныхъ кругомъ и шестиугольникомъ при вращеніи ихъ вокругъ линіи, соединяющей точки касанія противоположныхъ сторонъ шестиугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Дугу въ 45° раздѣлить на такія двѣ части, чтобы Sinu первой части былъ въ два раза больше Sinus'а второй.

Запасная. Въ треугольникѣ ABC даны: AC=117^m, 285; BC=89^m, 214; уголъ C=69° 18′ 20″. Опредѣлить на AC точку M, изъ которой нужно опустить перпендикуляръ на AB, чтобы раздѣлить треугольникъ на двѣ равномѣрныя части.

V. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Вліяніе классическаго образованія на умственное и нравственное развитіе человѣка.

2. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Торговецъ купилъ 35 ф. сахару по 0,18 руб. за фунтъ и 1$^1/_8$ пуд. другаго сорта сахару; продавши весь товаръ за 14 руб. 76 коп., торговецъ нажилъ 9$^1/_3$%. Почемъ онъ платилъ за фунтъ сахару втораго сорта?

б) *По алгебрѣ.*

Нѣкто внесъ въ банкъ 2345 руб. по 5 сложныхъ процентовъ на 4 года и затѣмъ въ продолженіи 3-хъ послѣднихъ лѣтъ ежегодно прибавлялъ по 500 руб. Какой у него составился капиталъ?

в) *По геометріи.*

Въ прямой конусъ, радіусъ основанія котораго=7 и высота=6, вписана пирамида съ квадратнымъ основаніемъ. Вычислить площадь боковой грани пирамиды.

3. *По тригонометріи.*

Большая изъ сторонъ прямоугольника=4,8063 арш., соединивъ средины стороны его, получимъ ромбъ, котораго острый уголъ=32°. Найдти меньшую сторону прямоугольника.

VI. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Сравнительная характеристика.

Запасная. Причины неблагопріятнаго для карѳагенянъ исхода второй Пунической войны.

2. По латинскому языку.

Основная. Катилина собралъ въ Фезулахъ около 12,000 солдатъ; однако онъ сомнѣвался въ возможности побѣдить противниковъ, такъ какъ только четвертая часть его войска имѣла надлежащее воинское вооруженіе. Онъ могъ бы присоединить къ своему войску рабовъ, которыхъ къ нему сбѣгалось много, и о которыхъ многіе думали, что они составятъ преданный отрядъ. Катилина и самъ былъ убѣжденъ, что, сдѣлавъ это, онъ увеличитъ свои силы, но помня свое происхожденіе и древность своего рода, онъ не рѣшался соединиться съ рабами. Кромѣ того, онъ думалъ, что у него будутъ въ изобиліи средства и войска, если его соучастники въ Римѣ приведутъ въ исполненіе свои планы. И нѣтъ сомнѣнія, что это случилось бы, если бы заговоръ не былъ открытъ. Но какъ скоро въ лагерь пришло извѣстіе, что Лентулъ и прочіе казнены, то весьма многіе солдаты разсѣялись, потому что они примкнули къ Катилинѣ только изъ желанія добычи. Поэтому Катилина порѣшилъ отвести свое войско въ Галлію. Но Кв. Метеллъ, узнавъ объ этомъ планѣ, скорѣе чѣмъ можно было ожидать, занялъ всѣ дороги и помѣшалъ Катилинѣ сойдти съ горъ. Такъ какъ съ другой стороны приближался съ войскомъ консулъ Антоній, то Катилина не надѣялся убѣжать отъ враговъ и рѣшился возложить свою надежду на храбрость и оружіе. Но прежде, чѣмъ начать сраженіе, онъ собралъ войско и сказалъ ему рѣчь. Онъ напомнилъ воинамъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены и что имъ ничего не остается, какъ побѣдить или умереть. Если они побѣдятъ, то для нихъ будутъ открыты всѣ муниципіи и колоніи; если же они будутъ побѣждены, то потеряютъ богатство, славу, свободу и отечество. Послѣдовавшее затѣмъ сраженіе кончилось; пораженіемъ и смертью Катилины.

Надлежащій воинскій militaris; составятъ—будутъ; не рѣшаться—dubitare средство—subsidium; приводить въ исполненіе—efficere; сходить—descendere; будутъ открыты—будетъ открытъ доступъ.

Запасная. Когда римскія войска были заперты въ Кавдинскихъ[1] ущельяхъ, Самнитяне не знали, на что имъ рѣшиться[2]; поэтому всѣ положили спросить письменно совѣта у отца ихъ полководца, Гереннія Понція. Удрученный[3] годами Гереннiй уже давно отказался[4] не только отъ военныхъ, но и отъ гражданскихъ должностей; однако же въ дряхломъ тѣлѣ пребывалъ[5] сильный духъ и благоразуміе. Узнавъ отъ нарочнаго о случившемся, онъ высказалъ мнѣніе, что всѣхъ римлянъ должно, какъ можно скорѣе, отпустить невредимыми. Когда этотъ совѣтъ былъ отвергнутъ[6] самнитянами и Гереннiй былъ спрошенъ вторично, онъ отвѣчалъ, что должно умертвить всѣхъ до одного. Исполнивъ первый совѣтъ, присовокупилъ онъ, самнитяне окажутъ великое благодѣяніе римлянамъ и добьются такимъ образомъ прочнаго мира и дружбы съ могущественнѣйшимъ народомъ; исполненіе же втораго совѣта отсрочитъ войну на много лѣтъ, такъ какъ римское государство, лишившись двухъ армій, не легко соберется[7] съ силами; третьяго совѣта онъ дать не можетъ. Тѣмъ не менѣе самнитяне не приняли ни того ни другаго мнѣнія, и за то скоро попали подъ власть римлянъ.

1. Furculae Caudinae. 2. Consilium mihi non suppetit. 3. compar. отъ gravis. 4. abscedere. 5. vis. 6. spernere. 7. vires. recipere.

3. По греческому языку.

Основная. Тарентинцы [1], ведя войну съ римлянами, призывали на помощь [2]. Пирра. Другъ Пирра, Кинеи [3], видя, что онъ готовъ отплыть въ Италію, сказалъ ему: Пирръ, говорятъ, что римляне народъ воинственный и владычествуютъ [4] надъ многими воинственными народами; однако, еслибы Богъ далъ одолѣть ихъ, какъ воспользоваться побѣдой? Если мы побѣдимъ ихъ, отвѣчалъ Пирръ, то ни одинъ тамошній городъ не будетъ въ силахъ сражаться съ нами, и мы тотчасъ овладѣемъ всей Италіей. Кинеи, немного помолчавъ [5], возразилъ: а если мы, царь, возьмемъ Италію, что потомъ будемъ дѣлать? Пирръ говоритъ: вблизи находится Сицилія, островъ большой и многолюдный, который можно легко завоевать [6]. То, что ты говоришь, вѣроятно [7], возразилъ Кинеи, но это будетъ ли конецъ нашего похода? О, еслибы Богъ, отвѣчалъ Пирръ, только далъ намъ побѣду! А это мы будемъ считать [8] только началомъ великихъ дѣлъ. Ибо кто удержался бы отъ Ливіи и Карѳагена, еслибы сдѣлался владѣтелемъ Сициліи? Кинеи, выслушавъ его, спросилъ: а если все это будетъ подвластно намъ, что потомъ сдѣлаемъ? Пирръ, засмѣявшись, отвѣчалъ: потомъ будемъ наслаждаться [9] досугомъ [10] и бесѣдуя доставлять другъ другу удовольствіе. Тутъ Кинеи, перебивъ его, сказалъ: что же намъ теперь мѣшаетъ проводить другъ съ другомъ свободное время, если мы имѣемъ безъ труда то, чего мы намѣреваемся достигнуть съ большими трудами, опасностями и пролитіемъ крови.

1. Ταραντῖνος. 2. призывали П., чтобы онъ... 3. Κινέας. 4. ἄρχω. 5. ἐπέχω 6. ἁλίσκομαι. 7. εἰκότα λέγεις. 8. χράομαι. 9. ἄγω. 10. σχολή. 11. σχολάζω.

Запасная. Киръ, взявъ Сарды, велѣлъ привести къ себѣ Креза и сказалъ: „Мои воины, испытавъ много трудовъ и много опасностей, увѣрены что въ ихъ рукахъ находится городъ самый богатый въ Азіи послѣ Вавилона. Видя это, я нахожу справедливымъ [2], чтобы имъ досталась добыча [3], ибо я понимаю, что я не въ состояніи держать ихъ долгое время въ повиновеніи [5], если они не получатъ никакой награды за свои труды. Я не хочу однако, чтобы Сарды были разграблены, ибо думаю, что городъ при этомъ былъ бы разрушенъ и знаю навѣрное, что большая часть добычи досталась [5] бы самымъ дурнымъ людямъ“. Сказавъ это, Киръ просилъ Креза дать ему совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Крезъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Обѣщай только лидійцамъ, что ты не дозволишь грабить, и они добровольно отдадутъ все. Увидѣвъ же то, что они принесутъ, ты будешь еще имѣть возможность [6] подумать о грабежѣ. Но прежде всего пошли за моими сокровищами. Киръ согласился [7], исполнить все это такъ, какъ сказалъ Крезъ, и на слѣдующій день получено столько сокровищъ, что ими наполнили много возовъ.

1. Πονέω, κινδυνεύω. 2. ἄξιον. 3. ὠφελοῦμαι. 4. выразить глаголомъ. 5. Πλεονεκτέω. 6. ἔξεστί μοι. 7. συναινέω.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Основная. Нѣкто продалъ вексель въ 5050 р. за 9 мѣсяцевъ до срока съ учетомъ (комм. по 8% и вырученныя отъ продажи деньги раздѣлилъ

между тремя сыновьями такъ, что части ихъ по порядку, начиная отъ части старшаго, относились какъ $^2/_3$: 0,8: 0,(7). Опредѣлить, сколько денегъ получилъ каждый изъ сыновей?

Запасная. Одинъ сортъ чаю на $1^1/_2$ р. дороже другаго. Смѣшанные въ отношеніи 2: 3 они даютъ смѣсь въ 2 р. 70 к. за фунтъ. По скольку фунтовъ каждаго сорта слѣдуетъ взять для составленія 24 ф. смѣси цѣною въ 3 руб. за фунтъ?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Двѣ артели рабочихъ заработали по одинаковому числу рублей. Въ первой артели рабочихъ было 5-ю меньше, чѣмъ во второй, вслѣдствіе чего каждому работнику второй артели досталось 4-мя рублями меньше, чѣмъ каждому работнику первой артели. Число рублей, заработанныхъ каждою артелью, на 95 больше числа рабочихъ въ обѣихъ артеляхъ.

Сколько было рабочихъ въ каждой артели?

Запасная. Купецъ продалъ за 342 р. нѣсколько головъ сахару и, за такую же цѣну продалъ чаю 19 фунтами болѣе, нежели головъ сахару, и взялъ за каждый фунтъ 1 р. 50 коп. дешевле, нежели за голову сахару. Сколько продано головъ сахару и фунтовъ чаю, и что стоитъ голова сахару и фунтъ чаю?

в) *По геометріи.*

Основная. Въ шаръ вписанъ конусъ такъ, что высота конуса дѣлится въ центрѣ шара въ среднемъ и крайнемъ отношеніи.

Найдти отношеніе объема шара къ объему конуса.

Запасная. Отъ правильной четырехугольной пирамиды, имѣющей апоѳему $= L$, плоскостью, параллельною основанію, отсѣчена пирамида, полная поверхность которой S, а боковая — S_1. Опредѣлить объемъ всей данной пирамиды.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Сторона параллелограмма $= 48$ д., діагональ 84 д., уголъ между діагоналями $46^0\ 18'\ 14''$.

Опредѣлить другую сторону и діагональ.

Запасная. Въ кругѣ проведена хорда $AB=140$ д., соотвѣтствующая дугѣ въ 160^0. Точка C дуги соединена съ A и B и отношеніе хордъ AC и $BC = 3: 4$.

Опредѣлить величины этихъ хордъ.

VII. ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Характеристика поэтической дѣятельности Пушкина.

2. По латинскому языку.

Примѣръ истинной дружбы. Тиберія Гракха сочли справедливо врагомъ отечества за то, что онъ свое господство предпочелъ благу государства. Однакожъ, сколь непоколебимо вѣрнымъ другомъ оказался у Гракха, вопреки столь дур-

ному замыслу его, нѣкто Гай Блозій, уроженецъ Кампаніи, это стоитъ узнать. Не смотря на то, что Гракхъ былъ объявленъ врагомъ отечества, подвергнутъ смертной казни, лишенъ чести погребенія, онъ все же не лишился расположенія друга своего Блозія. Когда Римскій сенатъ поручилъ консуламъ наказать, по обычаю предковъ, единомышленниковъ Гракха и когда Блозій пришелъ къ Лелію, къ которому консулы обращались главнымъ образомъ за совѣтомъ, просить прощенія, онъ, на вопросъ Лелія, исполнилъ ли бы онъ изъ-за дружбы, которою хвастается, волю Гракха, еслибы тотъ приказалъ поджечь храмъ Юпитера, отвѣчалъ, что Гракхъ никогда не отдалъ бы такого приказанія. Этотъ отвѣтъ былъ очень рѣзокъ, ибо Блозій осмѣлился защищать поведеніе мужа, единогласно осужденнаго всѣмъ сенатомъ; но слѣдующій отвѣтъ его гораздо смѣлѣе. Доведенный до крайности настойчивыми допросами Лелія, онъ остался непоколюбимымъ и наконецъ отвѣтилъ, что исполнилъ бы и это приказаніе, еслибъ Гракхъ согласился. Кто счелъ бы Блозія нечестивымъ, еслибъ онъ смолчалъ? Кто не призналъ бы его даже благоразумнымъ, еслибы онъ отвѣтилъ сообразно со своимъ критическимъ положеніемъ? Но Блозій не пожелалъ отстаивать свое спасеніе ни честнымъ молчаніемъ, ни благоразумною рѣчью, дабы не измѣнить въ какомъ-либо отношеніи памяти о злополучной дружбѣ.

3. По греческому языку.

Когда Аннибалъ, вынужденный бѣжать изъ отечества, проживалъ спокойно въ Виѳиніи, у царя Прузія, туда прибылъ въ качествѣ римскаго посла Титъ Фламининъ. Увидѣвши Аннибала, котораго онъ считалъ самымъ заклятымъ врагомъ римскаго народа, онъ потребовалъ его выдачи и какъ ни умолялъ Прузій позволить Аннибалу жить спокойно въ его царствѣ, какъ человѣку уже безвредному, вслѣдствіе своей старости и слабости, достигъ того, что Аннибалъ окончилъ свою жизнь. Когда объ этомъ возвѣщено было сенату, многимъ казалось, что Титъ поступилъ слишкомъ рѣзко и жестоко, убивъ Аннибала, когда онъ не могъ уже вредить римскому народу. Они указывали при этомъ на кротость и великодушіе Сципіона Африканскаго, который, побѣдивъ Аннибала въ Ливіи, когда послѣдній казался еще непобѣдимымъ и страшнымъ, не изгналъ его оттуда и не требовалъ его выдачи, но какъ до битвы, вступивъ съ нимъ въ переговоры, привѣтствовалъ его, такъ и послѣ битвы, при заключеніи мира, не оскорблялъ его и не издѣвался надъ участью этого мужа. Разказываютъ, что они опять встрѣтились въ Эфесѣ и когда рѣчь зашла о полководцахъ и Аннибалъ высказалъ мнѣніе, что самымъ лучшимъ изъ полководцевъ былъ Александръ, потомъ Пирръ, а третій—онъ самъ, то Сципіонъ, спокойно улыбаясь, сказалъ: а что еслибы я не побѣдилъ тебя? Аннибалъ отвѣтилъ: тогда я считалъ бы себя не третьимъ, но первымъ изъ полководцевъ. Восхищаясь этими поступками Сципіона, большинство укоряло Тита за то, что онъ наложилъ руку на человѣка, уже пораженнаго имъ.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Торговецъ составилъ 90 фунтовъ изъ 2-хъ сортовъ кофе; фунтъ 1-го сорта стоитъ 84 к., а 2—60 к. Еслибы онъ продалъ 0, 4 (6) всей смѣси по цѣнѣ

1-го сорта и все остальное количество смѣси по цѣнѣ самой смѣси, то отъ этой продажи онъ получилъ бы 5 р. 88 к. прибыли. Сколько фунтовъ каждаго сорта было взято для составленія смѣси?

б) *По алгебрѣ.*

Требуется найдти между 1 и 300 всѣ числа кратныя 9, которыя при дѣленіи на 21-й членъ разностной прогрессіи даютъ въ остаткѣ 9 членъ той же прогрессіи, когда извѣстно, что въ этой прогрессіи 23 положительныхъ члена и произведеніе крайнихъ ея членовъ равно 60, а разность ея есть корень уравненія

$$\frac{1}{x} + 4 - \sqrt{16 + \sqrt{\frac{64}{x^2} + \frac{9}{x^4}}} = 0.$$

в) *По геометріи.*

Периметръ треугольника = 54,4 сажени. Одинъ изъ угловъ содержитъ 34°2′51,9″ и радіусъ круга, описаннаго около этого треугольника=12,145383 саж. Опредѣлить остальные углы треугольника.

г) *По тригонометріи.*

На какомъ разстояніи отъ поверхности шара должна находиться свѣтящаяся точка, чтобы она могла освѣщать $^1/_4$ часть его поверхности, если радіусъ шара равенъ 2 футамъ?

VIII. ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

(Въ гимназіяхъ Тобольской, Томской и Омской).

1. По русскому языку.

Какъ согласить слова великихъ русскихъ писателей: „Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе“ (Пушкинъ); и „Оставьте предковъ вы въ покоѣ; имъ по дѣломъ была и честь, а вы, друзья, лишь годны на жаркое“ (Крыловъ).

2. По латинскому языку.

Послѣ пораженія римлянами Антіоха, Аннибалъ убѣжалъ къ царю Виѳинскому Прузію. Узнавъ объ этомъ., римляне послали къ Прузію посла Каликція Фламинина, бывшаго консула, чтобы онъ потребовалъ выдачи Ганнибала. Тотчасъ по первому разговору Прузія съ Фламининомъ посланы были воины стеречь домъ Аннибала. Сей, видя *непримиримую* къ себѣ ненависть римлянъ, нисколько не надѣясь на покровительство царя, уже давно предвидѣлъ подобный исходъ своей жизни. Чтобы имѣть нѣкоторый готовый путь къ бѣгству, онъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ семь выходовъ, нѣкоторые изъ нихъ секретные. Но шпіоны царя открыли тайные выходы и окружили стражами всю *окрестность.*

Тогда Аннибалъ потребовалъ ядъ, который гораздо ранѣе приготовилъ себѣ для такихъ случаевъ. Освободимъ, сказалъ онъ, отъ долгой заботы рим-

скій народъ, когда они считаютъ долгимъ дожидаться смерти старика. Не великую и недостопамятную одержитъ онъ побѣду надъ безоружнымъ, выданнымъ друзьями, человѣкомъ. Этотъ день даже будетъ свидѣтельствовать о томъ, на сколько измѣнились нравы римскаго народа. Отцы ихъ царя Пирра, вооруженнаго врага, имѣвшаго войско въ Италіи, предувѣдомили, чтобы онъ опасался яду, эти посылаютъ посла, бывшаго консула, чтобы былъ виновникомъ злодѣйскаго умерщвленія гостя. Послѣ того, *пославъ* проклятіе на голову и царство Прузія, призывая въ свидѣтели нарушеннаго имъ слова боговъ гостепріимства, онъ выпилъ ядъ. Таковъ былъ конецъ жизни Аннибала.

Подчеркнутыя слова были переведены.

3. По греческому языку.

Периклъ. Когда лакедемоняне вторгнулись въ Аттику и опустошили ее, сынъ Ксантиппа, владѣвшій большими помѣстьями, отправилъ аѳинскій флотъ для опустошенія *прибрежныхъ* странъ Лаконіи, чтобы лакедемонянамъ *приходилось* болѣе терпѣть самимъ, нежели наносить вредъ другимъ. Такъ какъ Архидамъ, царь Лакедемонскій, который предводительствовалъ ими, былъ старый другъ и гость его, то Периклъ, предвидя, что изъ *уваженія* къ ихъ дружбѣ онъ воздержится отъ опустошенія его земли, и не желая навлечь на себя подозрѣніе аѳинянъ, явился въ народное собраніе и подарилъ государству всю землю, которою владѣлъ. По окончаніи войны Периклъ занимался *внутреннимъ устройствомъ* государства, и никогда въ Аѳинахъ не процвѣтали науки и искусства такъ, какъ это было во время управленія Аѳинскимъ государствомъ этимъ мудрымъ государственнымъ мужемъ, котораго современники сравнивали даже съ Зевсомъ, съ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ своихъ боговъ.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Одинъ изъ двухъ братьевъ, раздѣливъ свой капиталъ на части, пропорціональныя числамъ 8, 6 и 10, отдалъ ихъ въ ростъ, отчего со второй изъ этихъ частей, отданной по 5%, получалъ ежегодно 225 руб. процентныхъ денегъ. Другой братъ купилъ по номинальной цѣнѣ нѣсколько сторублевыхъ акцій двухъ желѣзныхъ дорогъ: акцій одной на $^3/_{16}$ и акцій другой на $^3/_8$ своего капитала, остальныя же деньги отдалъ подъ вексель въ 5,000 р. по 3%, срокомъ на 10 лѣтъ. Чрезъ 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого онъ продалъ вексель съ учетомъ по 3%, а акціи: первыя по 324 р., а вторыя по 88 руб. за каждую. Найдти отношеніе между капиталомъ, полученнымъ отъ такой продажи, и первоначальнымъ капиталомъ перваго брата.

б) *По алгебрѣ.*

Помѣщикъ купилъ имѣніе. Въ первый годъ оно дало ему 1242 р. дохода; затѣмъ доходъ увеличивался ежегодно въ продолженіи четырехъ лѣтъ на 120 руб. Если доходъ съ имѣнія за пятый годъ отдать въ ростъ по 8% сложныхъ, то во что обратится этотъ доходъ чрезъ 20 лѣтъ.

в) *По геометріи.*

Прямой конусъ, высота котораго h, а радіусъ основанія R, укрѣпленъ въ отвѣсномъ положеніи, вершиною внизъ. Наливъ въ конусъ воды до высоты a, бросаютъ въ воду шаръ радіуса s, совершенно погружающійся въ нее. На какой высотѣ будетъ тогда уровень воды?

г) *По тригонометріи.*

По берегу рѣки проведена прямая линія, длиной въ 41,2 метра; линіи же, проведенныя въ концѣ ея къ столбу на противоположномъ берегу, образуютъ съ ней углы въ 68° 4′ 13″ и 71° 15′ 10″. Опредѣлить ширину рѣки.

Темы для письменныхъ испытаній, предложенныя въ Вѣрненской гимназіи (Семирѣченской области).

1. По русскому языку.

Заслуги Н. М. Карамзина, какъ журналиста.

2. По латинскому языку.

Созвавъ солдатъ на сходку, Агаѳоклъ успокоилъ ихъ слѣдующими словами: имъ слѣдуетъ требовать жалованья не отъ него, но искать его у врага: общая побѣда будетъ общею добычею. Пусть они употребятъ немного еще усилій, пока не окончится война, ибо они знаютъ, что взятіе Карѳагена *удовлетворитъ* надежды всѣхъ. Прекративъ мятежъ, Агаѳоклъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, ведетъ войско къ вражескому лагерю; но необдуманно *давъ* тамъ битву, потерялъ бо́льшую часть войска. Итакъ, замѣчая, что на него обращена ненависть за неразумно начатую войну и боясь новаго оскорбленія за *не доплаченное* жалованье, онъ ночью убѣгаетъ изъ лагеря съ сыномъ. Лишь только узнали это солдаты, они засуетились и стали кричать, что дважды покинуты среди враговъ царемъ. Желая его преслѣдовать, они, *перехваченные* нумидами, возвращаются въ лагерь, захвативъ царскаго сына, который, долго проблродивъ изъ-за темноты ночной, попалъ имъ въ руки.

3. По греческому языку.

Леонтіадъ, пришедши въ собраніе выборныхъ, говорилъ слѣдующее: „Лакедемоняне! прежде чѣмъ начаться нынѣшнимъ (событіямъ), вы говорили не разъ, что ѳивяне враждебно къ вамъ настроены, ибо вы видѣли, что они въ дружбѣ съ вашими *врагами* и враждуютъ съ вашими друзьями. Они не пожелали отправиться съ вами въ походъ противъ демоса, что (находится) въ Пиреѣ; они пошли войной противъ фокейцевъ, ибо видѣли, что вы къ нимъ благоволите; зная, что вы объявляете войну олинѳянамъ, они заключили съ ними союзъ. Въ ту пору вы постоянно обращали вниманіе, не услышите ли, что они принуждаютъ Беотію быть подъ ихъ властью; теперь, когда это уже произошло, вамъ не нужно бояться ѳивянъ“.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Въ общемъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6,000 руб., бывшемъ въ оборотѣ 2 мѣсяца; вкладъ другаго лица, составляющій 0,1 (6)

долю вклада перваго, былъ въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Раздѣлить между этими лицами деньги, вырученныя отъ продажи векселя въ 1200 руб., подлежавшаго уплатѣ черезъ 8 мѣсяцевъ, если учетъ произведенъ по 6%.

б) *По алгебрѣ.*

Трапецію требуется раздѣлить на двѣ части прямою, параллельною ея сторонамъ такъ, чтобы отношеніе между частями трапеціи было равно отношенію между числителями 4-го и 5-го приближеній дроби $\frac{44}{61}$, обращенной въ непрерывную. Параллельныя стороны трапеціи содержатъ въ себѣ 30 ф. и 10 ф., разстояніе между ними равно числу членовъ въ кратной прогрессіи, которой знаменатель $=2$, а отношеніе послѣдняго члена къ первому 32,768. Опредѣлить длину дѣлящей и ея разстояніе отъ параллельныхъ сторонъ трапеціи.

в) *По геометріи.*

Площадь перпендикулярнаго къ основанію сѣченія по оси прямаго усѣченнаго конуса есть $d = 43$ кв. д. Производящая l, содержащая 4 дюйм., вдвое болѣе разности радіусовъ основаній конуса. Найдти объемъ даннаго усѣченнаго конуса.

г) *По тригонометріи.*

Уголъ при вершинѣ прямаго конуса $x = 68°40'24''$, а радіусъ основанія $R = 49$. Вершину конуса приняли за центръ шара и выбрали радіусъ послѣдняго такой длины, что поверхностью шара данный конусъ раздѣлится на двѣ равномѣрныя части. Опредѣлить длину радіуса шара.

IX. ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ.

(Въ Ташкентской гимназіи).

1. По русскому языку.

Какія изобрѣтенія и открытія могутъ считаться великими и почему?

2. По латинскому языку.

Въ войнѣ, которую римляне вели съ Порсеной, Кай Муцій своею невѣроятною храбростью стяжалъ безсмертную славу. Чтобы устранить царя, онъ рѣшился сначала самовольно проникнуть въ лагерь враговъ, но потомъ открылъ сенату, что онъ намѣренъ предпринять, боясь, чтобы онъ, если пойдетъ безъ приказанія консуловъ, схваченный римскими стражами, не былъ обратно приведенъ, какъ перебѣжчикъ. Прибывши въ лагерь, онъ остановился въ толпѣ близъ царскаго трибунала. Такъ какъ тамъ случайно выдавалось жалованье солдатамъ и сидѣли два человѣка въ одинаковомъ почти одѣяніи, то онъ, боясь спросить, кто изъ нихъ Порсена, умертвилъ писца вмѣсто царя. Схваченный царскими тѣлохранителями и поставленный (призванный) предъ царскимъ трибуналомъ, онъ сказалъ: „Я римскій гражданинъ; зовутъ меня Каемъ Муціемъ. Какъ врагъ, я хотѣлъ убить врага; но такъ какъ мнѣ это не удалось, то для смерти во мнѣ не менѣе мужества, чѣмъ для убійства.

Знай однако, что очень много есть такихъ, которые домогаются той же славы". Когда царь, воспламененный гнѣвомъ и испуганный опасностью, сказалъ, что онъ убьетъ его, если онъ не откроетъ ему всего, то Муцій, чтобы показать, какъ ничтожно тѣло для тѣхъ, которые стремятся къ великой славѣ, вложилъ правую руку въ огонь и жегъ ее. Потомъ онъ заявилъ, что триста римскихъ юношей поклялись въ томъ, что они будутъ преслѣдовать царя такимъ же образомъ. Порсена, услышавъ это, объятъ былъ такимъ страхомъ, что, отпустивши Муція, заключилъ (сдѣлалъ) съ римлянами миръ.

3. По греческому языку.

Послѣ того какъ аѳиняне несправедливо осудили Сократа на смерть за то, будто онъ не вѣруетъ въ боговъ, въ которыхъ вѣруетъ государство, вводя другія новыя божества, и развращаетъ юношей, онъ долженъ былъ выпить ядъ въ темницѣ. Но между приговоромъ и его смертью прошло тридцать дней по слѣдующей причинѣ. Именно случилось, что на канунѣ приговора увѣнчана была корма корабля, на которомъ аѳиняне ежегодно отправляли въ Делосъ священное посольство. И (всякій разъ), когда аѳиняне начинали такой обрядъ, по ихъ закону, городъ въ это время соблюдался чистымъ и не бывало публичныхъ смертныхъ казней, пока корабль (не) приходилъ въ Делосъ и не возвращался обратно. Это (плаваніе) совершалось иногда долгое время, когда путешественниковъ случайно задерживали вѣтры, какъ это случилось и тогда.

4. По математикѣ.

а) *По ариѳметикѣ.*

Бассейнъ можетъ быть наполненъ водою посредствомъ трехъ трубъ: черезъ первую наполненіе продолжается $3^1/_3$ часа, черезъ вторую—$3^3/_4$ часа черезъ третью—$4^1/_6$ часа. Въ нѣкоторое время, въ продолженіе котораго были открыты всѣ три трубы, въ бассейнъ влилось 605 ведеръ воды.

Сколько ведеръ дала въ это время каждая изъ трехъ трубъ? Въ какое время, дѣйствуя вмѣстѣ, наполнили бы онѣ бассейнъ?

б) *По алгебрѣ.*

Какую сумму должно ежегодно платить въ банкъ, начиная со дня рожденія ребенка и считая сложные проценты по $4^1/_2$ съ 100, чтобы накопился капиталъ въ 48,000 руб., когда ему минетъ 21 годъ?

в) *По геометріи.*

Въ кругѣ, котораго діаметръ равенъ 13 дюймамъ, вписать равносторонній треугольникъ. Найдти объемъ пирамиды, которой основаніе равно этому треугольнику, а высота равна 1 футу.

г) *По тригонометріи.*

Съ вершины башни въ 33,3 вышины видѣнъ рѣчной мостъ, направленіе котораго лежитъ въ одной вертикальной плоскости съ осью башни. Лучи зрѣнія, идущіе къ концамъ моста, сославляютъ съ вертикалью углы въ 52°7) и 41°18′. Опредѣлить длину моста.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1885 году.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.		Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
				Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктовъ.															
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	По малоуспѣшности.	По нравственной незрѣлости.	а.	б.	в.	Итого (и процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. i § 55 правилъ.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
С.-Петербургскій:																					
21 правительств. гимназія	348	45	393	24	—	—	—	—	24 (6,1)	1 (гимн.)	2 (гимн.)	321	45	366	302 (94,1%)	13 (28,9%)	315 (86,1%)	15	27	14	41 (13,5)
4 церковныя училища	—	—	49	1	—	—	—	—	1 (2)	—	—	—	—	48	—	—	47 (97,9%)	$11\frac{3}{4}$	—	—	—
2 частныя гимназіи	—	—	33	8	—	—	—	—	8 (24,2)	—	—	—	—	25	—	—	24 (96%)	12	2	1	3 (12,5)
Во всѣхъ 27 учебн. завед.	348	45	475	33	—	—	—	—	33 (6,9)	1	2	321	45	439	302	13	386 (87,9%)	$14\frac{8}{27}$	29	15	44 (13,5)
Московскій:																					
21 правительств. гимназія	518	38	556	23	—	—	—	2	25 (4,5)	3 (4 гимн.) 1 (пост.)	—	492	35	527	421 (85,6%)	13 (37,1%)	434 (82,3%)	$20\frac{14}{21}$	23	20	43 (10,2)
1 церковное училище	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	7 (100%)	7	—	—	—
2 частныя гимназіи	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—	—	20 (100%)	10	—	—	—
Во всѣхъ 24 учебн. завед.	518	38	583	23	—	—	—	2	25 (4,3)	4	—	492	35	554	421	13	461 (83,2%)	$19\frac{5}{24}$	23	20	43 (10,2)
Казанскій:																					
9 правительств. гимназій	163	39	202	1	—	—	—	—	1 (0,5)	1 (пост.)	—	162	38	200	156 (96,3%)	22 (57,9%)	178 (89%)	$19\frac{7}{9}$	15	14	29 (18,6)
Оренбургскій:																					
6 правительств. гимназій	65	6	71	—	—	—	—	—	—	—	1 (гимн.)	64	6	70	61 (95,3%)	3 (50%)	64 (91,4%)	$10\frac{4}{6}$	3	5	8 (13,1)
Харьковскій:																					
14 правительств. гимназій	279	55	334	16	—	—	—	—	16 (4,8)	1 (гимн.)	—	262	55	317	225 (85,9%)	26 (47,3%)	251 (79,2%)	$17\frac{13}{14}$	11	10	21 (9,3)
Одесскій:																					
15 правительств. гимназій	289	70	359	10	—	4	—	4	18 (5)	2 (гимн.), 1 (пост.)	—	278	61	339	257 (92,4%)	26 (42,6%)	283 (83,5%)	$18\frac{13}{15}$	19	12	31 (12)
Кіевскій:																					
14 правительств. гимназій	436	82	518	13	1	1	—	2	17 (3,3)	3 (гимн.)	—	419	79	498	381 (90,9%)	40 (50,6%)	421 (84,5%)	$30\frac{1}{14}$	22	25	47 (12,9% изъ 364)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты. По малоуспѣшности.	Гимназисты. По нравственной незрѣлости.	Посторонніе на основаніи § 44 пунктовъ. а.	б.	в.	Итого (и процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. i § 55 правилъ.
Виленскій: 8 правительств. гимназій	206	13	219	3	—	2	—	1	6 (2,7)	1 (пост.)	1 (гимн.)
Варшавскій: 18 правительств. гимназій	411	35	446	25	2	—	—	2	29 (6,5)	2 (гимн.)	2 (гимн.)
Дерптскій: 14 правительств. гимназій	314	62	376	11	—	2	—	—	13 (3,4)	1 (гимн.) 1 (пост.)	1 (гим.) 2 (пост.)
1 частная гимназія . . .	—	—	24	5	—	—	—	—	5 (20,8)	1 (гимн.)	—
Въ 15 учебн. заведеніяхъ	314	62	400	16	—	2	—	—	18 (4,5)	3	3
Кавказскій: 7 правительств. гимназій	131	3	134	1	—	—	—	—	1 (0,7)	1 (гимн.)	—
Туркестанскій край: 1 правительств. гимназія	5	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь: 4 правительств. гимназіи	35	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь: 2 правительств. гимназіи	22	1	23	2	—	—	—	—	2 (8,7)	—	—
Итого: Въ 154 прав. гимназіяхъ	3222	450	3672	129	3	9	—	11	152 (4,1)	13 (гимн.) 5 (пост.)	7 (гимн.) 2 (пост.)
„ 5 церковн. училищахъ	—	—	56	1	—	—	—	—	1 (1,8)	—	—
„ 5 частн. гимназіяхъ.	—	—	77	13	—	—	—	—	13 (16,9)	1 (гимн.)	—
А всего Въ 164 учебн. заведеніяхъ	3222	450	3805	143	3	9	—	11	166 (4,3)	19	9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
Виленскій: 8 правительств. гимназій	202	9	211	177 (87,6%)	6 (66,6%)	183 (86,7%)	22 7/8	5	8	13 (7,3)
Варшавскій: 18 правительств. гимназій	380	33	413	310 (81,5%)	11 (33,3%)	321 (77,7%)	17 15/18	13	12	25 (8)
Дерптскій: 14 правительств. гимназій	301	57	358	274 (91%)	34 (59,6%)	308 (86%)	22	3	2	5 (14,3% изъ 35)
1 частная гимназія . . .	—	—	18	—	—	15 (83,3%)	15	—	—	—
Въ 15 учебн. заведеніяхъ	301	57	376	274	34	323 (85,9%)	21 8/15	3	2	5
Кавказскій: 7 правительств. гимназій	129	3	132	116 (89,9%)	1 (33,3%)	117 (88,6%)	16 5/7	4	6	10 (8,6)
Туркестанскій край: 1 правительств. гимназія	5	1	6	5 (100%)	1 (100%)	6 (100%)	6	—	—	—
Западная Сибирь: 4 правительств. гимназіи	35	—	35	35 (100%)	—	35 (100%)	8 3/4	6	3	9 (25,7)
Восточная Сибирь: 2 правительств. гимназіи	20	1	21	18 (90%)	1 (100%)	19 (90,4%)	9 1/2	1	—	1 (5,5)
Итого: Въ 154 прав. гимназіяхъ	3070	423	3493	2738 (89,2%)	197 (46,6%)	2935 (84%)	19,06	—	—	—
„ 5 церковн. училищахъ	—	—	55	—	—	54 (98,2%)	10,8	—	—	—
„ 5 частн. гимназіяхъ.	—	—	63	—	—	59 (93,6%)	11,8	—	—	—
А всего Въ 164 учебн. заведеніяхъ	3070	423	3611	2738	197	3048 (84,4%)	18,6	154	132	286 (11,4% изъ 2506)

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1885 году.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число невыдержавшихъ испытанія по слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію.	Русск. яз. и словесн.: Письменнаго.	Русск. яз. и словесн.: Устнаго.	Латинск. языку: Письменнаго.	Латинск. языку: Устнаго.	Греческ. языку: Письменнаго.	Греческ. языку: Устнаго.	Математикѣ: Письменнаго.	Математикѣ: Устнаго.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
С.-Петербургскій.																				
Ученики правительств. гимназій	321	19	5,9	—	2	—	12	8	10	9	6	3	—	4	—	—	—	54 на 19 (284%)	16	3
» церковныхъ училищъ	48	1	2,1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
» частныхъ гимназій	25	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	? 1	—	1
Постороннія лица	45	32	71,1	5	15	18	26	20	24	20	22	19	13	20	16	—	8	226 на 32 (706%)	—	—
Всего	439	53	12,1	5	17	18	38	28	34	30	29	22	13	24	16	—	8	282 на 52 (542%)	16	5
Московскій.																				
Ученики правительств. гимназій	492	71	14,4	1	20	—	52	10	37	5	24	6	—	4	—	—	—	159 на 71 (224%)	58	13
» церковнаго училища	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» частныхъ гимназій	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	35	22	62,9	1	9	—	19	2	13	—	11	1	1	—	—	1	—	58 на 22 (263%)	—	—
Всего	554	93	16,8	2	29	—	71	12	50	5	35	7	1	4	—	1	—	217 на 93 (233%)	58	13
Казанскій.																				
Ученики правительств. гимназій	162	6	3,7	—	2	—	4	—	4	1	—	1	—	—	—	—	—	12 на 6 (200%)	4	2
Постороннія лица	38	16	42,1	—	9	2	9	1	13	2	4	1	—	—	—	1	1	43 на 16 (268%)	—	—
Всего	200	22	11	—	11	2	13	1	17	3	4	2	—	—	—	1	1	55 на 22 (250%)	4	2
Оренбургскій.																				
Ученики правительств. гимназій	64	3	4,7	—	3	—	3	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	10 на 3 (333%)	1	2
Постороннія лица	6	3	50	—	1	—	3	—	3	—	1	1	—	—	—	—	—	9 на 3 (300%)	—	—
Всего	70	6	8,6	—	4	—	6	—	5	—	3	1	—	—	—	—	—	19 на 6 (317%)	1	2
Харьковскій.																				
Ученики правительств. гимназій	262	37	14,1	—	8	—	22	8	24	6	11	7	—	5	—	—	—	91 на 37 (246%)	19	18
Постороннія лица	55	29	52,7	—	19	—	26	2	23	1	8	—	—	—	—	—	1	80 на 29 (276%)	—	—
Всего	317	66	20,8	—	27	—	48	10	47	7	19	7	—	5	—	—	1	171 на 66 (259%)	19	18
Одесскій.																				
Ученики правительств. гимназій	278	21	7,5	—	12	—	12	—	6	4	14	6	—	3	—	—	—	57 на 21 (271%)	10	11
Постороннія лица	61	35	57,4	1	17	12	20	11	16	10	12	6	11	8	6	4	3	137 на 35 (391%)	—	—
Всего	339	56	16,5	1	29	12	32	11	22	14	26	12	11	11	6	4	3	194 на 56 (346%)	10	11
Кіевскій.																				
Ученики правительств. гимназій	419	38	9,1	—	8	—	14	24	15	14	9	10	—	3	—	—	—	97 на 38 (255%)	28	10
Постороннія лица	79	39	49,4	1	9	1	25	18	20	13	21	5	6	4	—	1	—	124 на 39 (318%)	—	—
Всего	498	77	15,5	1	17	1	39	42	35	27	30	15	6	7	—	1	—	221 на 77 (287%)	28	11

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ испытанія по слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію.	Русск. яз. и словесн. Письменнаго.	Русск. яз. и словесн. Устнаго.	Латинск. языку. Письменнаго.	Латинск. языку. Устнаго.	Греческ. языку. Письменнаго.	Греческ. языку. Устнаго.	Математикѣ. Письменнаго.	Математикѣ. Устнаго.	Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Виленскій.																				
Ученики правительств. гимназій	202	25	12,4	—	6	—	14	8	11	3	10	2	—	7	—	—	—	61 на 25 (244%)	14	11
Постороннія лица	9	3	33,3	—	2	—	1	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	7 на 3 (233%)	—	—
Всего	211	28	13,3	—	8	—	15	8	13	3	12	2	–	7	--	—	—	68 на 28 (243%)	14	11
Варшавскій.																				
Ученики правительств. гимназій	380	70	18,4	—	45	—	27	8	29	6	27	10	—	4	—	—	—	156 на 70 (222%)	47	23
Постороннія лица	33	22	66,6	—	11	5	10	—	12	4	12	3	—	1	—	—	—	58 на 22 (263%)	—	—
Всего	413	92	22,2	—	56	5	37	8	41	10	39	13	—	5	—	—	—	214 на 92 (232%)	47	23
Дерптскій.																				
Ученики правительств. гимназій	301	27	9	7	12	—	16	13	22	22	20	18	—	17	—	—	1	148 на 27 (548%)	9	18
„ частной гимназіи	18	3	16,7	1	—	—	2	2	—	—	2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	3	—
Постороннія лица	57	23	40,4	9	14	9	17	15	17	16	10	10	—	10	—	1	9	137 на 23 (595%)	—	—
Всего	376	53	14,1	17	26	9	35	30	39	38	32	30	—	30	—	1	10	297 на 53 (560%)	12	18
Кавказскій.																				
Ученики правительств. гимназій	129	13	10,1	—	4	—	9	7	7	7	3	4	—	7	—	—	—	48 на 13 (369%)	10	3
Постороннія лица	3	2	66,6	—	1	—	2	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	7 на 2 (350%)	—	—
Всего	132	15	11,3	—	5	—	11	7	9	7	3	4	2	7	—	—	—	55 на 15 (366%)	10	3
Туркестанскій край.																				
Ученики правительств. гимназіи	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь.	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь.																				
Ученики правительств. гимназій	20	2	10	—	—	—	2	—	2	—	1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	21	2	9,5	—	—	—	2	—	2	—	1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
ИТОГО:																				
Ученики правительств. гимназій	3070	332	10,8	8	122	—	187	86	169	77	127	67	—	55	1	—	1	900 на 332 (271%)	218	114
» церковныхъ училищъ	55	1	1,8	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
» частныхъ гимназій	63	4	6,3	1	—	—	2	2	—	—	2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	—	4
Постороннія лица	423	226	53,4	17	107	47	158	69	145	66	103	46	33	43	22	8	22	886 на 226 (392%)	—	—
ВСЕГО	3611	563	15,6	26	229	47	347	157	314	144	233	115	33	101	23	8	23	1800 на 562 (320%)	218	119

№ 3. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ. 17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
С.-Петербургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	302	32	—	69	—	85	—	61	—	55	—
» церковн. училищъ.	47	5	—	8	—	17	—	8	—	9	—
» частныхъ гимназій.	24	5	—	4	—	5	—	3	—	7	—
Постороннія лица.	13	—	—	2	—	1	—	—	—	10	—
Всего . .	386	42	10,9	83	21,5	108	28	72	18,6	81	21
Московскій.											
Ученики правит. гимназій	421	28	—	84	—	122	—	86	—	101	—
» церковн. училища.	7	—	—	2	—	2	—	3	—	—	—
» частныхъ гимназій.	20	2	—	8	—	4	—	4	—	2	—
Постороннія лица.	13	—	—	1	—	2	—	5	—	5	—
Всего . .	461	30	6,5	95	20,6	130	28,2	98	21,2	108	23,4
Казанскій.											
Ученики правит. гимназій.	156	17	—	38	—	45	—	36	—	20	—
Постороннія лица.	22	2	—	3	—	2	—	2	—	13	—
Всего . .	178	19	10,7	41	23	47	26,4	38	21,3	33	18,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ. 17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Оренбургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	61	3	—	14	—	22	—	8	—	14	—
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Всего.	64	3	4,7	14	21,9	22	34,4	9	14	16	25
Харьковскій.											
Ученики правит. гимназій.	225	13	—	53	—	65	—	44	—	50	—
Постороннія лица.	26	—	—	2	—	4	—	7	—	13	—
Всего.	251	13	5,2	55	21,9	69	27,5	51	20,3	63	25,1
Одесскій.											
Ученики правит. гимназій.	257	12	—	57	—	60	—	63	—	65	—
Постороннія лица.	26	—	—	4	—	—	—	6	—	16	—
Всего.	283	12	4,2	61	21,6	60	21,2	69	24,4	81	28,6
Кіевскій.											
Ученики правит. гимназій.	381	16	—	68	—	105	—	76	—	116	—
Постороннія лица.	40	—	—	—	—	3	—	7	—	30	—
Всего.	421	16	3,8	68	16,1	108	25,6	83	19,7	146	34,7

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Виленскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	177	8	—	36	—	41	—	42	—	50	—
Постороннія лица.	6	—	—	—	—	1	—	1	—	4	—
Всего.	183	8	4,4	36	19,7	42	22,9	43	23,5	54	29,5
Варшавскій.											
Ученики правит. гимназій.	310	18	—	43	—	74	—	84	—	91	—
Постороннія лица.	11	—	—	—	—	2	—	2	—	7	—
Всего.	321	18	5,6	43	13,4	76	23,7	86	26,8	98	30,5
Дерптскій.											
Ученики правит. гимназій.	274	22	—	62	—	68	—	64	—	58	—
» частной гимназіи.	15	3	—	5	—	2	—	3	—	2	—
Постороннія лица.	34	3	—	2	—	3	—	5	—	21	—
Всего.	323	28	8,6	69	21,3	73	22,6	72	22,3	81	25,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Кавказскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	116	—	—	12	—	17	—	23	—	64	—
Постороннія лица .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . .	117	—	—	12	10,3	17	14,5	23	19,7	65	55,5
Туркестанск. край.											
Ученики правит. гимназій.	5	—	—	—	—	1	—	2	—	2	—
Постороннія лица .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . .	6	—	—	—	—	1	16,7	2	33,3	3	50
Западная Сибирь.											
Ученики правит. гимназій .	35	2	5,7	9	25,7	11	31,4	7	20	6	17,1
Восточная Сибирь.											
Ученики правит. гимназій	18	—	—	1	—	7	—	6	—	4	—
Постороннія лица .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . .	19	—	—	1	5,3	7	36,8	6	31,6	5	26,3
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій	2738	171	6,2	546	19,9	723	26,4	602	22	696	25,4
» церковн. училищъ.	54	5	9,2	10	18,5	19	35,2	11	20,4	9	16,6
» частныхъ гимназій.	59	10	16,9	17	28,8	11	18,6	10	16,9	11	18,6
Постороннихъ . .	197	5	2,5	14	7,1	18	9,1	36	18,3	124	62,9
Всего . .	3048	191	6,3	587	19,2	771	25,3	659	21,6	840	27,6

№ 4. Распредѣленіе признанныхъ зрѣлыми по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе въ высшія специальныя училища:								Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
																Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Землед. акад.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дорожн.	Всего.
С.-Петербургскій.																						
21 правительств. гимназій . .	—	55	82	42	108	5	292	—	2	3	3	1	1	3	13	3	4	—	1	2	—	10
4 церковныя училища . . .	4	10	7	11	14	1	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназіи . . .	—	1	3	8	12	—	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 27 учебн. заведеній	4	66	92	61	134	6	363	—	2	3	3	1	1	3	13	3	4	—	1	2	—	10
Московскій.																						
21 правительств. гимназій . .	—	53	96	108	158	4	419	—	1	2	7	4	—	—	14	—	—	—	—	1	—	1
1 церковное училище. . .	—	—	—	2	4	—	6	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназіи . . .	—	8	3	5	4	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 24 учебн. заведеній	—	61	99	115	166	4	445	—	1	2	8	4	—	—	15	—	—	—	—	1	—	1
Казанскій.																						
9 правительств. гимназій . .	—	25	34	66	49	1	175	—	—	—	1	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Оренбургскій.																						
6 правительств. гимназій . .	—	6	21	7	23	1	58	—	—	2	2	1	—	—	5	1	—	—	—	—	—	1
Харьковскій.																						
14 правительств. гимназій . .	—	34	52	41	111	2	240	—	—	3	1	1[1])	1	1	7	1	1	1	1	—	—	4
Одесскій.																						
15 правительств. гимназій . .	—	22	70	76	97	4	269	1[2])	—	3	7	2	—	1	14	—	—	—	—	—	—	—
Кіевскій.																						
4 правительств. гимназій . .	2[3])	51[4])	107	102	145	4[5])	411	—	—	3	3	4	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—
Виленскій.																						
8 правительств. гимназій . .	—	15	71	26	63	1	176	—	—	1	4	2	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—

[1]) Въ Лѣсной институтъ.—[2]) Въ инженерное.—[3]) Въ Духовную академію.—[4]) Изъ нихъ 7 въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ.—[5]) Изъ нихъ 1 въ Отдѣленіе Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе въ высшія спеціальныя училища:								Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
																Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. академію.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дорожн.	Всего.
Варшавскій.																						
18 правительств. гимназій [6]) . .	1 [7])	21	69	83	121	5	300	—	—	4	11	5 [8])	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—
Дерптскій.																						
14 правительств. гимназій . . .	31	39	39	85	76	11	281	—	1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	8
1 частная гимназія.	1	2	3	5	4	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 15 учебн. заведеній.	32	41	42	90	80	11	296	—	1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	8
Кавказскій.																						
7 правительств. гимназій. . .	—	18	35	18	44	1	116	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Туркестанскій край.																						
1 правительств. гимназія . . .	—	2	3	—	1	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь.																						
4 правительств. гимназіи . . .	—	3	7	9	14	—	33	1 [9])	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь.																						
2 правительств. гимназіи . . .	—	1	6	1	11	—	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ 164 учебн. заведеніяхъ	39	366	708	695	1059	40	2907	2	4	22	49	30	3	5	115	5	8	2	5	5	—	25
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ (3048) . .	1,3	12	23,2	22,8	34,7	1,3	95,4	0,06	0,13	0,72	1,61	0,98	0,10	0,16	3,8	0,16	0,26	0,06	0,16	0,16	—	0,8

[6]) Одинъ изъ абитуріентовъ ко времени составленія отчета еще не избралъ себѣ спеціальности. — [7]) Въ Духовную академію. — [8]) Изъ нихъ 2 въ Лѣсной институтъ. — [9]) Въ Павловское военное училище.

№ 5. Списокъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1885 году аттестата зрѣлости, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣйшихъ успѣховъ въ наукахъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Московскій	Московская 1-я	Савеловъ Сергѣй (?)	Цебриковъ Владиміръ (?)	Милютинъ Павелъ (?)	—	
	» 2-я	Фортинскій Петръ (?)	—	Астровъ Павелъ (?)	Гулевичъ Владиміръ (?)	
	» 3-я	Виноградовъ Николай (?)	—	—	—	
	» 4-я	Смирновъ Михаилъ (?)	—	—	—	
	Тверская	Мясниковъ (?)	Томинскій (?)	—	—	
	Тульская	Щегловъ Николай (Лейпц. фил. инст.).	Соловьевъ Григорій, Алферовъ Иванъ, Мясоѣдовъ Петръ, Сушкинъ Петръ (?)	—	—	
	Костромская	Солнцевъ Иванъ (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).	—	Бѣльченко Николай (?)	—	
	Смоленская	Ярошевскій Викторъ (?)	—	—	—	
	Вяземская	Боссе Артуръ, Григорьевъ Иванъ (?)	Лыкошинъ Дмитрій (?)	—	Никольскій Василій (?)	
	Шуйская	—	—	—	Алексѣевъ Сергѣй (?)	
	Нижегородская	—	Поперекъ Георгій (?)	—	—	
	Елецкая	—	Агаповъ Александръ (?)	—	—	
	Нижегородскій Александровскій институтъ	—	Ищерековъ Петръ, Добронравовъ Николай (?)	—	—	
	Частная гимназія Креймана	Кожевниковъ Валентинъ (?)	—	—	—	
	Гимназія при Петропавловскомъ училищѣ	—	—	—	Вильямъ Николай и Рейнъ Фридрихъ (?)	
Итого	(15)	11	11	3	5	30
Казанскій	Имп. Казанская 1-я	Свѣчниковъ Сергѣй (Казанск. унив.).	Коржавинъ Николай и Крелленбергъ Евгеній (Казанск. унив.).	Камковъ Александръ (Казанск. унив.).	Орловъ Николай (Казанск. унив.).	
	Казанская 2-я	Кузьминъ Николай и Фроловъ Алексѣй (Казанск. унив.), Александровъ Павелъ и Малевскій Владиміръ (Нѣжинск. ист.-фил. инст.).	Троицкій Константинъ (Казанск. унив.).	Поляковъ Андрей (Казанск. унив.).	—	
	» 3-я	—	Пятницкій Александръ (Казанск. унив.).	—	Березинъ Михаилъ (Казанск. унив.).	
	Симбирская	—	—	—	Карцевъ Викторъ (Казанск. унив.).	
	Самарская	Аксеновъ Михаилъ, Пономаревъ Николай и Морозовъ Сергѣй (Казанск. унив.); и Пѣтуховъ Григорій (Нѣжинск. ист.-фил. инст.).	—	Колышкинъ Петръ (Казанск. унив.).	Полумордвиновъ Дмитрій и Ястребовъ Александръ (Казанск. унив.).	
	Саратовская	—	—	Мельниковъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Казанскій. . . .	Вятская	Клепиковъ Александръ (Моск. унив.), Заболотскій Николай (С.-Пб. ист.-филолог. инст.).	Башмаковъ Илья (Казанск. унив.), Плюснинъ Алексѣй (С.-Пб. унив.).	Колотинскій Николай (Казанск. унив.).	Барановъ Александръ (Казанск. унив.).	
	Царицынская.	—	Красновъ Александръ (Казанск. унив.).	—	—	
Итого . . .	(8)	11	7	5	6	29
Оренбургскій. . .	Троицкая.	Рыбаковъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).	Ганъ Левъ (Дерпт. унив.).	—	—	
	Уфимская	Гудковъ Василій (Лейпц. фил. инст.).	—	—	—	
	Пермская.	—	Тихонравовъ Александръ (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Екатеринбургская	Бобровъ Евгеній (Московск. унив.).	Ландезенъ Георгій (Дерпт. унив.).	Удинцевъ Всеволодъ (Моск. унив.).	—	
Итого. . .	(4)	3	3	1	—	7
Харьковскій . . .	Сумская	—	—	—	Спановскій Даміанъ (Моск. унив.), Селиховскій Николай (Харьк. унив.).	
	Старобѣльская.	Панчишка Иванъ (Харьк. унив.).	—	—	—	
	Корочанская	Арсеньевъ Михаилъ (С.-Пб. ист.-фил. инст.).	Плужниковъ Петръ (Харьк. унив.).	—	Зубковъ Агаѳангелъ (Харьк. унив.).	
	Воронежская	Розаліонъ-Сомальскій Константинъ и Федяевскій Константинъ (Московск. унив.).	Анцыферовъ Алексѣй (Моск. унив.), Сергіевскій Дмитрій (С.-Пб. унив.).	Сухоставъ Эммануилъ (Моск. унив.).	—	
Итого. . .	(4)	4	3	1	3	11
Одесскій. . . .	Ришельевская	—	—	Сабининъ Алексѣй (Новоросс. унив.).	—	
	Одесская 2-я.	Будде Сергѣй (Новоросс. ун.).	Гинетквигъ Давидъ (Новоросс. унив.).	Шнейдеръ Самуилъ (Новоросс. унив.).	—	
	» 3-я.	—	Пфейферъ Эммануилъ (Новоросс. унив.).	—	—	
	Ананьевская.	—	—	—	Комарницкій Михаилъ (Моск. унив.).	
	Николаевская	Масловскій Константинъ (С.-Пб. унив., ф. восточн. яз.).	—	—	Комаровскій Мордко (Моск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Одесскій	Кишиневская 1-я	Горбенко Михаилъ (Московск. ун.), Козаченко Александръ (С.-Пб. унив.).	Денбскій Семенъ (С.-Пб. унив.), Русьянъ Цезарь (Новоросс. унив.), Тумаркинъ Лазарь и Ефруси Борисъ (Московск. унив.).	—	Дмитріевъ Дмитрій Кіевск. унив.).	
	Симферопольская	—	Зеленецкій Вячеславъ (С.-Пб. унив.), Пугачевъ Сергѣй (Кіевск. унив.), Стародубцевъ (Новоросс. унив.), Альтунджи (С.-Пб. техн. институтъ), Таргонскій (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Ѳеодосійская.	—	Пасхаловъ Василій и Крымъ Саломонъ (Новоросс. унив.).	—	—	
	Екатеринославская	—	Кнотте Богданъ (Кіевск. универс.).	—	Вегнеръ Оскаръ (Дерпт. унив.).	
	Ростовская-на-Дону	—	—	Коганъ Илья (Московск. унив.).	—	
Итого . . .	(10)	Фил. 3, ф. вост. яз. 1.	13 матем. и 1 технол.	3	4	25
Кіевскій	Кіевская 1-я	—	Заремба Антонъ, Меркульевъ Павелъ и Петерсонъ Николай (Кіевск. унив.).	—	Кравченко Павелъ (Кіевск. унив.).	
	» 2-я	—	Гогоцкій Игорь, Антоновичъ Владиміръ, Радкевичъ Николай и Ржецескій Антонъ (Кіевск. унив.).	Ваньштейнъ Давидъ (Кіевск. унив.).	—	
	» 3-я.	Якубовскій Владиславъ, Серебрянниковъ Павелъ (Кіевск. унив.) и Черногоровъ Гавріилъ (Истор.-фил. инст. кн. Безбородко).	Орда Николай и Тепляковъ Яковъ (Кіевск. унив.).	—	Кириченко Михаилъ (Кіевск. унив.).	
	» 4-я	—	Антоновъ Георгій и Кестельманъ Лейба (Кіевск. унив.).	—	—	
	Житомирская	Янковскій Иванъ (Кіевск. унив.).	Карповичъ Іосифъ (Кіевск. унив.).	—	Васильковскій Леонъ (Варш. унив.), Лаговскій Станиславъ и Тробща Станиславъ (Кіевск. унив.).	
	Каменецъ-Подольская . . .	—	—	—	Гогоцкій Владиміръ, Литвахъ Мейеръ и Берманъ Іосифъ (Кіевск. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
Кіевскій . . .	Немировская	—	—	—	Ерузальскій Михаилъ (Кіевск. унив.).	
	Черниговская	Марковъ Николай (Кіевск. унив.).	Лаппа Сергѣй (С.-Пб. техн. инст.).	Гордонъ Лейба (Кіевск. унив.).	—	
	Новгородсѣверская	—	Казачекъ Борисъ (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Полтавская	Ильенко Антоній (Лейпц. фил. инст.), Варшавскій Авраамъ (С.-Пб. унив., фак. вост. яз.).	Педошенко Степанъ (Моск. унив.) и Чуйковъ Николай (С.-Пб. унив.).	Айзенштейнъ Александръ (С.-Пб. унив.).	Дьяконенко Александръ (Кіевск. унив.).	
	Прилукская.	—	—	—	Волошинъ Андрей (Кіевск. унив.).	
	Коллегія Павла Галагана. .	Николаевъ и Ферхиновскій (Кіевск. унив.).	—	Тамара (Моск. унив.).	Билюсловичъ (Кіевск. унив.).	
Итого. . .	(12)	Ист.-фил. ф. 8 и вост. яз. 1.	15 мат. и 1 техн.	4	12	41
Виленскій. . . .	Виленская	Шишло Θаддей (С.-Пб. унив.).	Дружининъ Борисъ, Руткевичъ Константинъ, Корсакъ Владиміръ (С.-Пб. унив.), Зеландъ Владиміръ (С.-Пб. техн. инст.).	Кацъ Рафаилъ (С.-Пб. унив.).	Блохъ Григорій (Дерпт. унив.).	
	Ковенская	—	Островскій Вульфъ и Меръ Шахно (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Слуцкая	—	Севрукъ Леонидъ (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Витебская.	—	—	—	Петрожицкій Леонидъ (Кіевск. унив.).	
Итого. . .	(4)	1	6 мат. 1 техн.	1	2	11
Варшавскій. . .	Варшавская 1-я	Шаховской Левъ (Варш. ун.).	Худзинскій Алексѣй (Варш. унив.).	—	—	
	» 2-я	—	—	Пржеворскій Ицикъ (С.-Пб. унив.).	—	
	» 4-я	—	Вислоухъ Витольдъ (Варш. унив.).	Койшевскій Адамъ (Варш. унив.).	—	
	» 5-я	—	—	—	Скаржинскій Казиміръ и Шанявскій Михаилъ (Варш. унив.).	
	» 6-я	Бульмерингъ Александръ (богосл. фак. Дерптск. унив.).	Пашенный Николай (Варшавск. унив.).	—	Станкевичъ Чеславъ (Варшавск. унив.).	
	Петроковская	Гельвихъ Николай (С.-Пб. ист.-фил. инст.).	—	—	—	
	Калишская	—	—	Толмачевъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ вкду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
Варшавскій . . .	Радомская	—	—	Подчаскій Осипъ и Вощинскій Здзиславъ (Варш. унив.).	Пржіалковскій Марій (Варш. унив.).	
	Кѣлецкая.	Новинскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).	Рускевичъ Өома (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Люблинская.	Корнилокъ Антонъ (Истор.-фил. инст. кн. Безбородко), Валяновскій Игнатій (Варш. унив.).	—	—	Гржибовскій Станиславъ (Варш. унив.) и Мохлинскій Іосифъ (Кіевск. унив.).	
	Холмская	Леонтьевъ Михаилъ (Варш. унив.) и Ярема Владиміръ (Ист.-фил. инст. кн. Безбородко).	—	—	—	
	Сѣдлецкая	Шанявскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).	Цеглинскій Казиміръ (С.-Пб. унив.).	—	—	
	Сувалкская. . . . , . . .	—	Божовскій Михаилъ (С.-Пб. унив.).	—	Лесніовскій Антонъ (Варш. унив.).	
	Маріампольская	—	Лазорайтисъ Матвѣй (Моск. унив.).	Мачисъ (Моск. унив.).	—	
	Ломжинская	—	—	Трейеровъ Дмитрій (Варш. унив.).	—	
Итого . . .	(15)	6 ист.-филолог. фак., 2 ф. вост. яз. и 1 богосл. ф.	7	7	7	30
Дерптскій	Рижская губернская	Шиллингъ Карлъ (богосл. фак. (Дерптск. унив.), Пуссель Артуръ, Якобсонъ Людвигъ и фонъ-Вихертъ Павелъ (Дерптск. унив.).	—	Леберъ Августъ и Левицъ Вильгельмъ (Дерптск. унив.).	Якобсонъ Морисъ и Межакъ Эмиль (Дерпт. унив.).	
	Рижская городская	Глейе Эрихъ, Вольтнеръ Робертъ (Дерптск. унив.).	Саккитъ Карлъ (Дерптск. унив.), Думпе Августъ (въ Рижск. политехнич. учил.).	—	—	
	» Александровская .	Юпатовъ Порфирій (С.-Пб. унив.).	Реймерсъ Николай (С.-Пб. унив.).	—	Сутрисъ Петръ (Дерпт. унив.).	
	Ревельская губернская. . .	Вейсъ Эдгаръ (Дерптск. ун.) и Галлеръ Адольфъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).	Лавягинъ Владиміръ (С.-Пб. унив.).	—	Зире Евгеній, Эггерсъ Александръ (Дерптск. унив.).	
	Эстляндское рыцарское домское училище	Броссе Рихардъ (Дерптск. унив.).	—	—	—	
	Дерптская	Янзенъ Эдуардъ, Лицъ Германъ (Дерптск. унив.), Фрейманъ Людвигъ, Гайке Альфредъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).	Таубе Иванъ и Паллонъ Оскаръ (Дерпт. унив.).	Баронъ Штакельбергъ Максимъ (Дерптск. унив.).	Каблицъ Бруно (Дерпт. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ онѣ обучались.	Имена гимназистовъ съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.				
		Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
Дерптскій . . .	Митавская	—	—	Зиллеръ Бернгардъ (Дерптск. унив.), Гаррайсъ Фридрихъ (С.-Пб. унив.), Герценбергъ Леонгардъ (Моск. ун.).	Рафаэль Александръ (Дерптск. унив.).	
	Либавская	—	—	Закъ Бернгардъ и Кохъ Эрнстъ (Моск. унив.).	—	
	Гольдингенская	Фонъ Горлагеръ Освальдъ, Тальбергъ Николай (Дерпт. унив.), Бютнеръ Альфредъ и Фрейбергъ Эрнстъ (бог. фак. Дерптск. унив.).	—	Конради Карлъ и Баронъ Фитингофъ Готгардъ (Дерптск. ун.).	—	
	Феллинская	Каванагъ Эмилій (Дерптск. унив.).	—	—	Зеземанъ Оттонъ (Дерпт. унив.).	
	Императора Александра II въ Биркенруэ	—	Трампедахъ Александръ (Дерптск. унив.).	—	—	
	Частная гим. Кольмана . .	Пельцеръ Максъ (Дерптск. унив.).	Гернгардъ Евгеній (Дерпт. унив.).	Баронъ Шиллингъ Александръ и фонъ Анрепъ Конрадъ (Дерпт. унив.).	—	
Итого . . .	(12)	14 истор.-филолог. и 6 богосл. фак.	7 физ.-мат. и 1 технич.	12	8	48
Кавказскій . . .	Кубанская	—	Мееровичъ Фроимъ (?)	—	—	
	Елисаветпольская	—	—	Пацевичъ Николай (Моск. унив.).	—	
	Эриванская	—	Теръ-Овакимовъ Александръ и Теръ-Хачатуровъ Григорій (Моск. унив.).	—	—	
Итого . . .	(3)	—	3	1	—	4
Восточная Сибирь.	Иркутская	—	Шведовъ Николай (С.-Пб. унив.).	—	—	2
	Красноярская	—	Тютрюмовъ Порфирій (Кіевск. унив.).	—	—	
ВСЕГО . . .	89 изъ 164.	Истор.-филол. фак. 61, богословск. 7, восточн. яз. 4.	Физ.-матем. 77, технич. 4.	38	47	238

Въ рукописяхъ и изданіяхъ встрѣчается исключительно форма σαλπιγκτής, отъ которой въ надписяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; вмѣсто нея тамъ читается только σαλπικτής и позже σαλπιστής. Herw., p. 64 — 65 доказывается σαλπικτής лишь примѣрами изъ II вѣка, Riem. Rev. IX, p. 75, приводитъ изъ IV в. CIA. II, 814, b. 28 σαλπικτεῖ.

II склоненіе. Meisterh., p. 51—54.

О дательномъ пад. мн. ч. сообщаетъ Мейстергансъ, что уже въ самыхъ древнихъ надписяхъ V вѣка встрѣчается окончаніе -οις рядомъ съ -οισι, которое является лишь иногда. Какъ послѣдній примѣръ окончанія -οισι онъ приводитъ Ἀθηναίοισι CIA. I, 301, a, 7 (отъ 334 г. до Р. X.) въ формулѣ клятвы и ὅσοισι ib. II, 570, 34 (ок. 403 г. до Р. X.) въ постановленіи дема. Мейстергансъ долженъ бы былъ указать на то, что уже CIA. IV, 27, a, въ надписи 446—445 г., имѣется вездѣ окончаніе -οις, кромѣ строкъ 25, 26, гдѣ въ торжественной клятвѣ удержано уже устарѣлое тогда Ἀθηναίοισι. Riem. Rev. IX, p. 179. Meyer. Gr.[1], p. 309 и Gr.[2], p. 359.

Въ словахъ νοῦς, πλοῦς, ἔκπλους, παράπλους, χοῦς, ἡμίχουν и κανοῦν надписи имѣютъ лишь слитныя формы. CIA. II, 678, B, 29 читается χοῦς, а не χ]νοῦς, какъ утверждаетъ Meisterh., p. 52. ἡμίχουν находится CIA. II, Add. 682, c, 11. Thuc. VI, 64, 2 читаетъ большинство рукописей невѣрно εὐνόων. Stahl, p. 56.

Слова θυηχοῦς и χρυσοχοῦς образуютъ падежи слитно и неслитно.

Относительно словъ ἡ θεά и ἡ θεός сообщаетъ Keck, p. 17 sq., наблюденіе, что, если у аттическихъ ораторовъ и въ надписяхъ рѣчь идетъ объ элевзинскихъ богиняхъ (Κόρη и Δημήτηρ), то по II вѣкъ до Р. X. говорили только τὼ θεώ, τοῖν θεοῖν. Впрочемъ какъ на исключеніе указываетъ Riem. Rev. IX, p. 68, на надпись V в. (Ἐφ. ἀρχ. 1883, p. 167 sq. l. 26), гдѣ Куманудисъ прочелъ τοῖ]ν θεαῖ[ν. И въ прочихъ случаяхъ болѣе древнія надписи имѣютъ только ἡ θεός. Кекъ приводитъ какъ единственное исключеніе CIA. II, Add. 57, b=Syll. 83, 9 τοῖς δώδεκα θεοῖς καὶ ταῖς σεμναῖς θεαῖς, гдѣ отступленіе отъ обыкновеннаго объясняется противоположеніемъ; онъ упустилъ изъ виду, что уже Riem. Rev. V, 169, привелъ примѣръ (Syll. 13, 39, V вѣка τῷ θεῷ καὶ τῇ θεᾷ), „доказывающій, что древняя аттическая проза въ случаѣ надобности могла употребить и ἡ θεά".

Аттическое II склоненіе.

Винит. пад. ед. ч. образуетъ слова мужск. и женск. р. съ 363 г. до Р. X. и на -ω: Κέω Syll. 79, 30 (363 a. C.), τὸν νεώ CIA. II, 836, B, b, 14 (320—317 a. C.) ib. 332, 44 (271—265 a. C.) Ἡγησίλεω.

До 270 г. до Р. Х. находится въ прозѣ только νεώς, вскорѣ послѣ этого времени лишь ναός. Riem. Rev. IX, p. 179, приводитъ, правда, делосскую надпись аттическаго происхожденія второй половины IV в. (Bull. VIII, p. 324, l. 17), гдѣ имѣется ναοποιοί, но прибавляетъ самъ, что надпись, можетъ быть, вырѣзана рабочими не аттическаго происхожденія.

Слово Λεώς является въ прозѣ (кромѣ сложныхъ, какъ Ἀριστόλεως и др.) только какъ имя героя филы Леонтиды и имѣетъ всегда спеціально аттическія формы. Въ сложныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаются впрочемъ довольно рано діалектическія формы, какъ Ἀρχέλας, Ἀναξίλας, Ἀρκεσίλας. Riem. Rev. V, p. 155, говоритъ, что такія формы наводятъ на мысль, что въ подобныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о натурализованныхъ иностранцахъ или о лицахъ, имена которыхъ иностраннаго происхожденія.

Къ немногочисленнымъ словамъ атт. II склон. присоединяется изъ надписей: ἡμιέκτεων средн. р. и Φώς (дат. Φῷ CIA. II, 793, c, 36), имя корабля. Въ рукописяхъ является первое слово лишь въ формахъ ἡμιέκτεον и ἡμίεκτον. Meisterh., p. 53. Вакернагель Phil. Anz. 1886, p. 74) производитъ ἡμιέκτεων правдоподобно отъ ἡμιέκτηϝον, какъ вообще сложныя слова съ ἡμι- бываютъ средняго рода и принимаютъ суффиксъ -ον, ср. ἡμιδάρειχον ἡμιώβολον. Объясненія Мейстерганса нельзя принять.

Слово κάλως склоняется въ аттической прозѣ всегда по II склон. и лишь у позднѣйшихъ поэтовъ находятся формы III склон. Riem. Rev. IX, p. 80, указываетъ на слѣдующія надписи, въ которыхъ значится κάλως въ nom. pl. (какъ ἥρως=ἥρωες): CIA. II, 793, a, 62—65; ib. 794, b, 17—21; ib. Add. 834, c, 18 (начала III вѣка).

За исключеніемъ словъ μέραρχαι (финансовыя должностныя лица, CIA. II, 550, 3, 7; 324 a. C.) и βοιωτάρχαι (CIG. 1738. Liv. XLII, 43, 7 boeotarchae), всѣ сложныя отъ ἄρχω оканчиваются на -αρχος, а не на -άρχης: γυμνασίαρχος, δήμαρχος, ἐπιτριήραρχος, ἵππαρχος, τόξαρχος, ταξίαρχος, πολέμαρχος (CIA. II, 88, 6, гдѣ читается не πέζαρχος, какъ утверждаетъ Мейстергансъ), τριήραρχος и др.; слѣдовательно, читается невѣрно Thuc. V, 66, 3 въ изданіи Классена ἐνωμοτάρχαι. Meisterh., p. 53 sq. Riem. Rev. IX, p. 68. Schanz Plat. VII, p. VIII. Stahl, p. 54.

III склоненіе.

Πόλις. Въ надписяхъ, относящихся къ 410—335 гг. до Р. Х., встрѣчается дат. ед. ч. πόλῃ Syll. 77, 3, ἀκροπόλῃ ib. 75, 17, Νέᾳ

πόλῃ, и Meisterh., p. 54, приводитъ 8 случаевъ этого употребленія; 9-й находится еще Mitth. VIII, p. 314, l. 8 στῆσαι [ἐμπό]λῃ. Мейстергансъ считаетъ это число слишкомъ великимъ, чтобы можно было думать о простой ошибкѣ и о смѣшеніи звука ει съ η, то-есть, примыкаетъ къ мнѣнію Римана, высказавшаго Rev. IV, p. 186, предположеніе, что въ формулѣ στῆσαι ἐν τῇ πόλῃ (ἀκροπόλῃ) сохранилось древнее окончаніе, которое нужно считать за сліяніе древне-іонійскаго πόληι. Противъ этого толкованія возражалъ Диттенбергеръ (Hermes 1882, p. 37), ссылаясь на другіе примѣры смѣшенія ει съ η, какъ δοκῇ (ind.!) Syll. 74=CIA. II, Add. 52, c, 12, Ἀργῆος Syll. 421, 5, γραμματῆ Syll. 94 (ср. вообще Syll. index p. 791). Риманъ (Rev. IX, p. 54) присоединяется теперь къ этому мнѣнію и указываетъ на другія подобныя ошибки, какъ -κ]ράτῃ (dat. sing.) CIA. II, 664, 6 ($^{400}/_{399}$ a. C.), Ἀριστήδης, Ἀπολλοφάνῃ. Meyer Gr.², p. 383, считаетъ πόλῃ за правильную форму. Нѣсколько примѣровъ обыкновенной формы πόλει изъ надписей приводитъ Riem. Rev. IV, p. 186.

Πολέοιν, извѣстное изъ писателей (Isocr. IV, 73. 75), доказываетъ Meisterh., p. 55, примѣромъ изъ надписи: Mitth. II, 212=Syll. 52, 2 (394 г. до Р. Х.).

ἄστυ. Это слово имѣетъ въ род. пад. только ἄστεως, напримѣръ, CIA. II, 167, 76 (326 a. C.); 584, 7; 379, 15. Bamb. Jb. VIII, p. 200. Stahl, p. 55. За форму ἄστεως, говорятъ, кромѣ того, слѣдующія мѣста поэтовъ: Eur. El. 246. Bacch. 840. Or. 751. Phoen. 856. Schanz Plat. XII, p. X, сообщаетъ, что Plat. Leg. V, p. 746 A и XI, p. 936 C въ Paris. A читается ἄστεος, но „o in rasura". Невѣрное, слѣдовательно, сообщаетъ Krüger Gr. Spr. I, 18, 8, 2 съ Kühner Ausf. Gr. I, p. 344. Anm. 2. Невѣрно пишетъ ἄστεος, напримѣръ, Classen Thuc. VIII, 95, 7; II, 13, 7.

Род. мн. ч. πήχεων, требуемый уже древними грамматиками (Phryn., p. 245. Phot., p. 316. Moeris, p. 327. Thom. M., p. 272, 7), найденъ теперь и въ надписи CIA. II, Add. 834, c, 15. Xen. An. IV, 7, 16 читается въ изданіяхъ невѣрно πηχῶν. Eur. Cycl. 391, впрочемъ, πήχεων слѣдуетъ читать какъ двухсложное слово.

Снова на -εύς.

Прежде предполагали, что ῆς, древнее окончаніе им. множ. ч. словъ на -εύς, основывается на ῆες. Это предположеніе ошибочнымъ считаетъ Диттенбергеръ (Hermes XVII, p. 38 sqq.), указывая на древне-аттическое окончаніе εης и основываясь на томъ, что 1) во всѣхъ

падежахъ названныхъ словъ именно послѣдній слогъ удлиненъ (βασιλέως, βασιλέᾱ, βασιλέᾱς) и 2) на томъ, что существуетъ еще нѣсколько эпиграфическихъ примѣровъ этого окончанія. Самый безспорный примѣръ составляетъ Syll. 56, 1: Οἵδε ἱππέης ἀπέθανον ἐν Κορίνθῳ. Къ нему присоединяется еще ΧαλκιδΕΕΣ CIA. IV, 27, a, 57 (445 a. C.). Что послѣднее=Χαλκιδέης, видно по тому, что—εες является не раньше 356 г., —ηες же нигдѣ не встрѣчается. Meisterh., p., 55 приводитъ еще 3-й, по его мнѣнію, несомнѣнный примѣръ, Ἀργυλέης CIA. I, 338, 3 (408 г. до Р. Х.); но Riem. Rev. IX, p. 75 sq., указалъ на то, что нельзя знать, не существовала ли другая форма дема Ἀγρυλή, а именно Ἀγρύλεια, отъ которой могло бы быть образовано δημοτικόν Ἀγρυλειεύς или Ἀγρυλεεύς, такъ что можно предполагать и nom. plur. Ἀγρυλεῆς. Съ мнѣніемъ Диттенбергера согласны Мейстергансъ и Риманъ. Другого мнѣнія держится Вакернагель (Zeitschr. f. vergl. Sprachw. XXVII, p. 268), считая вышеприведенныя формы происшедшими вслѣдствіе диттографіи и съ нимъ соглашается Meyer Gr.[2], p. 344.

Кромѣ указаннаго окончанія -εης, встрѣчаются въ надписяхъ иногда не слитныя: εες (Ἁλα]ιέες, Κολλυτέες, Ρηγαιέες рядомъ съ Βατῆς CIA. II, 870; 350 a. C.) и ειες=ejες, ср. выше стр. 84 (Διομέ⟨ι⟩ες Ἐρχιέες, Ἰκαριέ⟨ι⟩ες, Κολλυτέες рядомъ съ Ἀζηνιῆς, Πειραιεῖς. CIA. II, 943; 323 г. до Р. Х.).

Обыкновенно имѣютъ слова на -εύς въ мн. ч. слитныя окончанія и притомъ

a) -ῆς (преобладаетъ съ 350 г., встрѣчается иногда до 325 г. до Р. Х.).

b) на -εῖς (первый примѣръ CIA. II, 17, B, 24. 31; 375 г.; съ 350 г. это окончаніе встрѣчается часто, съ 324 г. до Р. Х. исключительно). Meisterh., p. 56. Болѣе полный списокъ примѣровъ даетъ Riem. Rev. IX, p. 76 sq.

Въ древне-аттическомъ нарѣчіи слова на -εύς съ предшествующимъ гласнымъ сливаютъ въ род. и вин. пад. ε съ окончаніями -ως, -ων, -α, -ας, какъ Αἰγιλιῶς, Πολιῶς, Κυδαθηναιᾶ, Ἀλαιᾶς, Θεσπιᾶς. Первый не слитный примѣръ при предшествующей α составляетъ Ὀαεύς CIA. I, 318, 8 (417 a. C.), съ предшествующею ι Ἐρετριέων Mitth. II, p. 212, 5 (394 a. C.). Подробный хронологическій обзоръ слитныхъ и не слитныхъ формъ словъ на -ευς даетъ Riem. IX, p. 77 sq.

Въ новоаттическомъ нарѣчіи сліяніе становится рѣже въ особенности въ офиціальныхъ документахъ, тогда какъ въ документахъ, касающихся флота и представляющихъ болѣе народный языкъ, обы-

кновенно встрѣчаются слитныя формы. Съ 200 г. до Р. Х. сліяніе уже болѣе не примѣняется, между тѣмъ какъ во время римскихъ императоровъ вмѣстѣ съ другими классическими формами, благодаря дѣятельности грамматиковъ, воскресаютъ опять и слитныя формы на -ῶς, -ῶν, -ᾶ, -ᾶς. Meisterh., p. 57. Рукописи Ѳукидида и въ этомъ отношеніи колеблются. Stahl, p. 55, считаетъ для Ѳукидида отъ словъ на -ιεύς единственно возможными слитныя формы, такъ какъ и сценическіе поэты вездѣ сливаютъ (Aesch. Pers. 486. 817. Soph. Phil. 4. Arist. Eq. 815. Av. 1040. Lys. 1169. Ran. 694.).

При предшествующемъ согласномъ -έα вин. пад. ед. ч. и έας мн. ч. на аттическихъ надписяхъ никогда не сливается въ -ῆ и -ῆς; за то формы въ родѣ βασιλῆ, βασιλῆς въ другихъ нарѣчіяхъ многочисленны, но всѣ примѣры (см. Syll. index. p. 782) относятся къ времени послѣ 200 г. до Р. Х. Мейстергансъ не приводитъ никакихъ примѣровъ правильнаго образованія; у Лаутензаха (въ его рецензіи стр. 231) находятся слѣдующія изъ CIA I: ἱερέα 1, A, 40 (до 450 a. C.), γραμματέα 20, 12 (до 444 г.), ἐ]σαγωγέα[ς 37, b, 7 (425 г.), βασιλέας 61, 12 (409 г.), κωπέας 82, 6. Другіе примѣры см. Weckl., p. 19. Riem. Rev. V, p. 167.

Съ македонскаго времени проникаетъ слитная форма им. пад. на -εις и въ вин. пад.: τοὺς βασιλεῖς CIA. II, 243, 8 (306—301 a. C.), τοὺς ἱερεῖς 589, 22 (ок. 300 г.), τοὺς ἱππεῖς 323, 12 (277 г. до Р. Х.) и т. п.

Форму вин. пад. мн. ч. слитную порицаетъ Thom. Mag., p. 115, 2: ἑρμηνέας, βασιλέας, ἱερέας, καὶ ὅσα τοιαῦτα, 'Αττικοί· τὰ δὲ συνῃρημένως ταῦτα λέγειν οὐκ ἔστιν ἐκείνων. Между тѣмъ какъ Херобоскъ у Herod. ed. L. II, p. 677 признаетъ лишь -εις, говоря: βασιλῆς (nom. pl.) 'Αττικῶς διὰ τοῦ η. Ἡ δὲ τούτων αἰτιατικὴ διὰ τῆς ει διφθόγγου μόνως λέγεται, οὐκέτι δὲ καὶ τοῦ η; тѣмъ не менѣе приводятся вслѣдъ за тѣмъ формы на ῆς: Soph. Ai. 390 τοὺς βασιλῆς и Xen. Cyrop. I, 1, 2 τοὺς νομῆς. Τοὺς πελαργιδῆς читается въ нашихъ изданіяхъ Arist. Av. 1356. Другія слитныя формы, главнымъ образомъ вин. ед. ч. на -η, изъ поэтовъ приводитъ Nauck ad Soph. Ai. 104.

Можно ли въ виду такихъ данныхъ удержать у аттическихъ писателей такія формы, какъ τοὺς ἱππεῖς Andoc. I, 45. III, 5 и др., приведенныя у Кюнера Ausf. Gr.[2] I, p. 350, A. 4?

Собственныя имена на -κλῆς. Meisterh., p. 57 sq.

Въ им. пад. ед. ч. представляютъ уже самыя древнія аттическія надписи слитную форму, хотя еще въ V и IV вѣкахъ встрѣчается иногда не слитная форма: Χαρικλέης (464 г. до Р. Х.), Θρασυκλέης,

Προκλέης (421 года), Πρωτοκλέης (398 г.), Μενοκλέης (ок. 340 г.). Рукописи Θукидида имѣютъ лишь слитную форму; Аристофанъ неслитную (Μεγακλέης, Περικλέης и т. п.), кромѣ Ἡρακλῆς (Ran. 282. 464. 581, Lys. 928 etc.) и Θεμιστοκλῆς (Eq. 884); трагики употребляютъ ту и другую. Stahl, p. 56.

Въ род. пад. встрѣчается съ 322 г. до Р. Х. иногда окончаніе -κλέου: Σωφοκλέου CIA. II, Add. 963, 9 (ок. 322), Δημοκλέου, Ἀριστοκλέου [1]).

Нѣсколько примѣровъ неслитнаго дат. пад. приводитъ Riem. Rev. IX, p. 71, какъ Πασικλέει, Φοινικλ[έ]ει CIA. II, 814, b, 12. 13 (37^{2}/$_{3}$ a. C.) и Rev. V, p. 150 форму Διοκλῆ CIA. II, Add. 489, b, 19 (I в.).

Вин. пад. ед. ч. имѣлъ до 300 г. до Р. Х. окончаніе -κλέα, послѣ этого -κλῆν: Μενεκλῆν (292 г.), Ἀμεινοκλῆν (281 г.); впрочемъ Ἐπικλῆν CIA. II, 987, 12 (=CIG. 116) считаетъ Кёлеръ относящимся къ IV в.—Окончаніе -κλῆ, въ другихъ нарѣчіяхъ часто встрѣчающееся (Syll. p. 782, но не раньше 228 г. до Р. Х.), въ аттическихъ надписяхъ не употребляется.

Другія собственныя имена на -ης. Meisterh., p. 58—60.

Къ собств. именамъ съ основою на -σ причисляетъ Мейстергансъ имена, оканчивающіяся на: -άγης, -αισχης, -ανθης, -αλκης, -αρχης, -αρτης, -αρκης, -γενης, -ευχης, -ίκης, κηδης, -κρατης, -κρινης, -κυδης, -μελης, -μηδης, -ναπης, -οφελης, -πειθης, -πτερης, -σθενης, -τελης, -τρεφης, -φανης, -φειδης, -χαρης, -ψευδης и приводитъ каждому случаю самый древній примѣръ род. пад. на -ους. CIA. II, 283, 22 (424 г. до Р. Х.) читается впрочемъ не Ἀλκισθένους, а Ἀψεύδους. На эти слова простирается ἑτερόκλισις гораздо раньше, чѣмъ на имена на -κλῆς, а именно:

Раньше всѣхъ падежей постигаетъ ἑτερόκλισις вин. пад.: Τισσαφρένην CIA. II, 64, b, 14 (410—405 a. C.), Κλεοφράδην CIG. I, 538 (ок. 380 г.), Δημοχάρην CIA. II, 791, 38 (377 г.), Ἀριστοπείθην CIA. II, Add. 52, c, 33 (368 г.), Ἀστυκράτην (а не Ἀριστοκράτην, какъ говоритъ Meisterh., p. 59) ib. 54, a, 20 (363 г.), Ἀριστοφάνην, ib. 573, 20 (ок. 350 г. до Р. Х.). Недостаетъ у Мейстерганса слѣдующихъ примѣровъ, указанныхъ Riem. Rev. V, p. 150 и IX, p. 72: Φιλο[κ]λή[δη]ν CIA. II, 582, 8, Θεογένην 962, 10 (ок. 323 г.), Ἀριστομήδην 794, d, 28 (356/5 a. C.), Ἀντισθένην 564, 15. Въ надписяхъ сохранилось

---

[1]) *Meisterh.*, p. 58, приводитъ еще сомнительный примѣръ Μοιροκλέ⟨ι⟩ου 328 г. CIA. II, Add. 834, b, II, 74, но Ἐφ. ἀρχ. 1883, tab. 10 читается -κλείους. Кромѣ того, приводится невѣрно Λυσικλέου CIA. II, 329, 26, такъ какъ тамъ читается Λυσικλέους.

всего два вин. пад. на η:..κρ]άτη CIA. II, 2, 5 (вскорѣ послѣ 403 г. до Р. Х.) и 'Αστοκράτη 54, b, 30 (363 a. C.).

Въ литературѣ имѣютъ изъ иностранныхъ именъ Τισσαφέρνης всегда -ην, 'Αρταφέρνην читается Thuc. IV, 50, 'Αστυάγης, Κυαξάρης имѣюъ то -ην, то -η. Stahl, p. 55, въ виду того, что на надписяхъ до Ol. 100 нѣтъ формы на -ην (кромѣ Τισσαφρένην) и что у сценическихъ поэтовъ формы на -η „salvo metro" могутъ и должны быть возстановлены (Weckl., p. 24), полагаетъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что Өукидиду были свойственны исключительно формы на -η, хотя рукописи въ этомъ отношеніи во многихъ мѣстахъ колеблются. Kaibel, Hermes XVII, p. 416, приводитъ изъ рукописнаго преданія Демосөена, Гиперида и Ликурга Εὐθυκράτη, Λεωκράτη, 'Αριστογένη, Δημοχάρη, Λεωχάρη, Λασθένη, Δημομέλη, Διοπείθη, Φιλοκράτη, Δημοσθένη. Bamb. Jb. XII, p. 25. Послѣдній по поводу Κλεοφράδην CIG. I, 538 (ок. 380 a. C.) указываетъ на Arist. Eccl. 129 'Αρίφραδες и Vesp. 1280 'Αριφράδην.

2) Съ 350 г. до Р. Х. образуется ἑτεροκλίτως и род. пад.: 'Αριστοκράτου, 'Αντιφάνου, 'Επικράτου, Θεογένου... CIA. II, 573, 11 (середины IV в.) и много другихъ примѣровъ. Δεινοκράτου, Εὐθυκράτου, Σωσιγένου находятся CIA. II, 873, 21. 26. 18. 5. 16. (до 300 г.). Послѣ 300 г. до Р. Х. формы на -γενου, -κράτου и т. п. вытѣснили совсѣмъ прежнія формы на -γενοῦς, -κρατοῦς (только въ пяти надписяхъ находятся еще послѣ этого времени формы съ окончаніемъ -ους и то на ряду съ формами на ου). Въ императорское время замѣчается реакція: въ офиціальныхъ документахъ, составленныхъ на литературномъ языкѣ, главнымъ образомъ принятыхъ въ CIA. III vol. I, встрѣчаются почти только формы на -ους, а въ другихъ, представляющихъ народный языкъ и вошедшихъ въ CIA. III vol. II, имѣются почти исключительно формы на -ου.

Изъ нарицательныхъ именъ на -ης лишь τριήρης, τετρήρης, и ἰσοτελής имѣютъ изрѣдка формы, образованныя по I склоненію: τριήρην рядомъ съ τριήρη (съ 334 г. до Р. Х. CIA. II, 804, A, b, 32, τετρήρην при τετρήρη (съ 326 г. до Р. Х. CIA. II, 808, a, 49); ἰσοτελοῦ (III в. Kaibel. Ep. 48, 1).

Слова на -ος. Meisterh., p. 61.

Мейстергансъ говоритъ: „Nom. и Acc. Dual. оканчиваются правильно на -ει: σκέλει, ζεύγει (398 г. до Р. Х.)". Это утвержденіе основывается только на двухъ надписяхъ, CIA. II, 652 (=Syll. 366), гдѣ читается A, 24 ΣΚΕΛΕ δύο—B, 26 δύο ΖΕΥΓΕ; Бёкъ (CIG. 150)

читалъ эти слова σκέλει и ζεύγει [1]) на томъ основаніи, что въ этой надписи и въ другихъ мѣстахъ Ε = ει. Въ опроверженіе этого указалъ Riem. Rev. V, p. 165, на то, что въ той же надписи находится ΑΝΕΘΕΚΕΝ=ἀνέθηκεν, и хотѣлъ поэтому читать въ указанныхъ мѣстахъ ζεύγη, σκέλη,—прибавляя впрочемъ, что нельзя рѣшать, множеств. ч. это или двойств. Теперь (см. Rev. IX, p. 73) онъ примыкаетъ къ мнѣнію Бека и Диттенбергера (Hermes XVII, p. 36 not. 1 и Syll. p. 504 not. 13).

Впрочемъ и слова на -ις, -εως имѣли, кажется, окончаніе -ει въ им., вин., зват. пад. двойств. ч. Кекъ (p. 22) ссылается на два мѣста, имѣющія будто πόλη: Isocr. IV, 17 и VIII, 116. Однако по Мартэну (A. Martin, Le ms. d'Isocrate Urbinas CXI etc., p. 26—28) значится IV, 17 въ Urb. не πόλη, а πόλεις; VIII, 116 же стоитъ тамъ πόλη отъ второй руки, вмѣсто чего первая рука написала, вѣроятно, πόλει. Тотъ же Мартэнъ (стр. 27) указываетъ еще на schol. ad Arist. Ran. 1378: τὼ πλάστιγγ'· τὸ δὲ σχῆμα ἀττικὸν ὡς τὼ χεῖρε, τὼ πόλει καὶ νὴ τὼ σιώ. Къ этому присоединяется еще свидѣтельство Херобоска у Herodian. ed. L. II, p. 322, 10—19. (=696, 7—16): Δεῖ δὲ γινώσκειν ὅτι ἐν μὲν τοῖς δυϊκοῖς τὰ δύο εε εἰς η κίρναται οἷον Δημοσθένεε Δημοσθένη, Διομήδεε Διομήδη· ἐν δὲ τοῖς πληθυντικοῖς εἰς τὴν ει δίφθογγον οἷον Δημοσθένεες Δημοσθένεις, Διομήδεες Διομήδεις, σπανίως δὲ καὶ ἐν τοῖς δυϊκοῖς, ἀλλ' εὑρίσκεται τὰ δύο εε εἰς τὴν ει δίφθογγον κιρνάμενα οἷον ταρίχεε ταρίχει, πόλεε πόλει, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τούτω τὼ πόλει" (λέγει δὲ περὶ 'Αθηνῶν καὶ Λακεδαιμονίων), καὶ ἐν τοῖς πληθυντικοῖς εἰς η οἷον ἱππέες ἱππῆς καὶ βασιλέες βασιλῆς. Ταῦτα δὲ 'Αττικά ἐστι καὶ ἐπὶ μόνων τῶν εἰς ευς τοῦτο ποιοῦσιν οἱ 'Αττικοί, φημὶ δὲ τὸ κιρνᾶν τὰ δύο εε εἰς η ἐν τῇ εὐθείᾳ τῶν πληθυντικῶν. Херобоскъ, слѣдовательно, говоритъ ясно, что εε обыкновенно сливается въ η, иногда также въ ει и приводитъ въ примѣръ ταρίχει и πόλει, чѣмъ онъ, кажется, хочетъ сказать, что окончаніе ει въ им. вин. пад. двойств. ч. для τάριχος и πόλις, то-есть, для существительныхъ на -ος и -ις, обязательно; ср. Herodian. II, p. 323, 11—12=696, 35—36 τάριχεε ταρίχει, πόλεε πόλει· ταῦτα γὰρ διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφεται. Если же у того же Херобоска (Herod. ed. L. II, p. 756, 25 — 27) говорится: ἀλλ' ἔστιν ὅτε συναιρεῖται, οἷον βασιλεὺς βασιλέως βασιλέε βασιλῆ, πόλιε πόλεε πόλη, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τούτω τὼ πόλη"—λέγει δὲ περὶ 'Αθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων, то рѣчь идетъ здѣсь о томъ, слѣдуетъ ли сливать или нѣтъ, и въ

---

[1]) А не σκέλεε и ζευγεε, какъ напрасно утверждаетъ Кюнеръ, Ausf. Gr.[2] I, p. 337 A. 6.

цитатѣ изъ Эсхина, по всему вѣроятію, нужно писать πόλει вм. πόλη, какъ дѣйствительно и читается въ той же цитатѣ въ выше приведенномъ мѣстѣ. Риманъ (Rev. IX, p. 74) полагаетъ поэтому вопреки Кеку, что форму πόλεε, даваемую рукописями Thuc. V, 53 и Isocr. XII, 156. 157, слѣдуетъ исправить, и указываетъ на то, что у переписчиковъ существовала склонность замѣнять слитную форму неслитною, что̀ видно изъ того, что у Элія Аристида (II, p. 222, 6) мѣсто изъ Эсхина, приведенное у Херобоска въ доказательство сліянія (πόλει или πόλη), читается съ формой πόλεε. Съ другой стороны, утверждаетъ противное, по крайней мѣрѣ относительно словъ средн. р. на -ος, Ioann. Alex. (Herod. ed. L. I, 420, 11 sqq. ср. II, 323 not.): τὰ δύο εε εἰς η συναιροῦσιν Ἀττικοί, указывая на Arist. Pac. 820 и 325, гдѣ будто читается τὼ σκέλη.

Относительно им., вин. пад. двойств. ч. существительныхъ и прилагательныхъ на -ης говорятъ въ пользу сліянія εε въ η многія мѣста у Геродіана (ed. L. II, 322, 11. 324, 2—4. 695, 39. 696, 8. 711, 25. 715, 16. 756, 21). Riem. Rev. IX, p. 74 указываетъ на то, что Aristoph. Thesm. 282 форма περικαλλῆ опирается на свидѣтельствѣ схоліаста, и Bamb. Jb. XII, p. 27 сообщаетъ, что такъ читается въ cod. Rav.

Странное правило даетъ еще Херобоскъ (Herod. ed. L. II, p. 711, 24—34), будто во всѣхъ словахъ III скл. εε двойств. ч. сливается въ η, если род. ед. ч. оканчивается на долгій слогъ, слѣдовательно Δημοσθένους — Δημοσθένη, βασιλέως—βασιλῆ, πόλεως — πόλη и исключаются поэтому прилаг. на -ύς, -εῖα, -ύ; съ этимъ правиломъ согласно чтеніе отрывка Аристофана Ioann. Alex. 14, 15 καὶ πρός γε τούτοις ἥκετον πρέσβη δύο (fr. 495 Dind. 639 Kock); но самъ Херобоскъ говоритъ вслѣдъ за этимъ: δεῖ δὲ γινώσκειν ὅτι τὸ τραχὺς μόνον εὑρίσκεται συναιρούμενον κατὰ τὴν εὐθεῖαν τῶν δυϊκῶν εἰς τὴν ει δίφθογγον παρὰ Ἴωνι τῷ τραγικῷ οἷον τὼ τραχέε τὼ τραχεῖ [1]). Herod. ed. L. II, p. 324, 12—14 напечатанъ этотъ отрывокъ еще разъ, но у Ленца послѣднее слово напечатано τραχῆ, хотя передъ тѣмъ сказано, что εε сливается въ ει, почему можно заключить о склонности переписчиковъ сливать εε въ η. По всѣмъ этимъ противорѣчивымъ правиламъ можно видѣть, какъ мало можно положиться на свидѣтельства грамматиковъ. Не видно основанія, почему прилагательтельныя на -υς должны бы были образовать двойственное число инымъ образомъ, чѣмъ другія подоб-

[1]) *Meyer* Gr.², p. 360, слѣдовательно, утверждаетъ совершенно напрасно, будто Іонъ, по свидѣтельству Геродіана, употребилъ τραχῆ вмѣсто τραχέε.

ныя же слова; кромѣ того, говоритъ въ пользу сліянія εε въ двойств. ч. то обстоятельство, что υἱός, склоняющееся какъ прилаг. на -ος род. υἱέος), имѣло слитную форму, что видно по HYIE на надписи времени Пелопоннесской войны (Mitth. VII, p. 320—раньше 418 г.); Meisterh., p. 63 и Riem. Rev. IX, p. 170, читаютъ это υἱεῖ.

Въ концѣ концовъ намъ кажется самымъ раціональнымъ предполагать, что слова на -ευς, -ος [1]), -υς (существ. и прилаг.) имѣли въ им. и вин. пад. дв. ч. формы на -ει, такъ что рукописное преданіе и отчасти свидѣтельства грамматиковъ въ этомъ отношеніи не заслуживаютъ никакого довѣрія. Во всякомъ случаѣ общепринятое теперь βασιλέε и т. п. противорѣчитъ даже единогласному свидѣтельству грамматиковъ.

Въ род. пад. мн. ч. слова сред. р. на -ος на аттическихъ надписяхъ никогда не имѣютъ неслитной формы: ἐπῶν CIA. I, 583, 20 (424—422 a. C.), τεμενῶν II, 814, a, A, 27 (374 a. C.) и т. д.; ср. Thom. Mag., p. 263, ὀρῶν, οὐκ ὀρέων, но р. 1 ἀνθέων, οὐκ ἀνθῶν. Herod. ed. Lob. (post Phryn.) p. 454 ἀνθέων γράφε, ἀλλὰ μὴ ἀνθῶν, ἵνα μὴ συνεμπέσῃ τῷ ἀνθ' ὧν ἔγραφας καὶ ἀνθ' ὧν ἔδωκας. Suid. ed. Bernh., p. 443 'Ανθέων· τὴν γενικὴν ὁμοίως τοῖς Ἴωσιν οἱ 'Αττικοί κτλ. Согласіе грамматиковъ, другъ у друга списывающихъ, относительно аттическаго будто ἀνθέων, не болѣе важно, чѣмъ вѣроятенъ выдуманный Геродіаномъ поводъ, почему аттики не говорили ἀνθῶν. Послѣднее читается Xen. Cyneg. V, 5.

Основы на ν. Meisterh., p. 61.

Вин. пад. ед. ч. словъ 'Απόλλων и Ποσειδῶν гласилъ въ классическое время 'Απόλλω, Ποσειδῶ: ὀμνύναι μὲν Δία καὶ 'Απόλλω CIA. I, 9, 15 (470—460 a. C.), II, Add. 49, b, 24 (375 a. C.); Ποσειδῶ Syll. 79, 67, CIA, II, Add. 66, b, 14 (356 a. C.). Кобетъ (Var. Lect. p. 262 и Mnemos. N. S. VIII, p. 122) утверждаетъ невѣрно, что аттики говорили всегда τὸν 'Απόλλωνα и Ποσειδῶνα, за исключеніемъ клятвенныхъ формулъ νὴ (μὰ) τὸν 'Απόλλω (Ποσειδῶ). Arist. Av. 586 и Nub. 1234 защищается размѣромъ Ποσειδῶ, 'Απόλλω же Aesch. Suppl. 214. Riem. Rev. IX, p. 81 указываетъ еще на Plat. Crat. 402 D, 404 B, C, D, E, 405 D, гдѣ чередуются обѣ формы и обыкновенно употребляется 'Απόλλω, и только тамъ читается полная форма, гдѣ рѣчь идетъ объ этимологіи; то же самое говоритъ и Schanz Plat. XII, p. XI, прибавляя: Sine dubio formae pleniores antiquiores

[1]) По Штальбауму читается въ Paris. A отъ первой руки Plat. Resp. VIII, p. 547 B: ἑκατέρω τῶ γένει.

putandae sunt ac graviores formis detruncatis, quae in sermone quotidiano floruisse videntur. Inde perspicuum, cur Plato in Legibus antiquis formis refertis semper Ἀπόλλωνα dixerit.

Anomala. Meisterh., p. 62—64.

Ἄρης. „Libri penes quos auctoritas est Platonici unanimi testes sunt genitivi Ἄρεως, quem correctores futiles saepe in Ἄρεος permutabant. — Etiam in (Paris.) A prima manus semper dedit Ἄρεως cf. Rp. III, p. 390 C, Leg. II, p. 671 E, VIII, p. 833, B. Herodian. ed. Lentz II, p. 682, 13 (Choerobosc.) εὑρίσκεται δὲ καὶ Ἄρεως Ἀττικῶς διὰ τοῦ ω". Schanz Plat. XII, p. IX.—Вин. пад. Ἄρη находится CIA. II, 833, 5 и Syll. 171, 60; ту же форму слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить и CIA. II, 66, 6, fr. c. 15 (=Syll. 89, 40), а не Ἄρην. Bamb. Jb. XII, p. 28. И у Платона имѣется Ἄρη; ср. Schanz l. c.

ἀρήν. Прежде предполагали, что Фринихъ у Bekk. Anecd. I, 7, выдумалъ им. пад. ἀρήν (ср. Kühner Ausf. Gr.[2] I, p. 401), и что аттики замѣняли его другими словами; что онъ дѣйствительно употреблялся, видно по CIA. I, 4, 22 (около 450 г. до Р. Х.) Ἑρμ]ῇ ἀρὴν κριτό[ς.

δεσμός. Во множ. ч. употреблялось въ прозѣ какъ δεσμοί CIA. II, 678, B, 48 (378—366 a. C.), такъ и δεσμά CIA. II, 791, 31 (377, a. C.) δεσμὰ χαλκίων; ср. Thom. Mag., p. 79, δεσμὰ κάλλιον ἢ δεσμοί.

Κέρας. Это слово образуетъ въ классическое время формы отъ основы κέρατ. Мейстергансъ приводитъ κέρατε CIA. IV, 185, B, 47 (410 a. C.); Riem. Rev. IX, p. 80, указываетъ еще κέρατα изъ CIA. II, 728, B, 4; 778, A, 2; 835—836, A, d, 2. Въ послѣдней надписи находится еще ENI . EPA:, что̀ Риманъ, читая это ἔνι κέρα, считаетъ за доказательство того, что краткая форма κέρα употреблялась не только въ смыслѣ „крыло арміи". Bamb. Jb. XII, p. 30, возражаетъ справедливо, что если KEPA: и не слѣдуетъ принять за сокращеніе (ср. въ той же надписи A, d, 21 ΘΥΓΑΤ:=θυγάτηρ) вмѣсто κέρατα, то все-таки надпись отъ 329 — 317 гг. до Р. Х. не можетъ ничего доказать относительно языка классическаго времени.

Κρέας. Род. пад. κρέατος нашелся въ надписи 338 г. до Р. Х. (Ἀθήν. VII, прилож. къ p. 87, l. 73); Riem. Rev. IX, p. 81 note 1 полагалъ, что κρέατος, кажется, встрѣчается лишь у грамматиковъ и позднихъ авторовъ; прочія надписи имѣютъ только κρέα, κρεῶν.

μάρτυς. Дат. мн. ч. μάρτυσι встрѣчается въ надписи 327 г. до Р. Х. (CIA. II, 609, 21). Вин. ед. ч. (μάρτυρα, μάρτυν) въ надписяхъ еще не открытъ.

πρεσβευτής. Множественное число этого слова гласитъ до 250 г. до Р. Х. πρέσβεις, а съ этого времени πρεσβευταί.

Πνύξ образуетъ въ болѣе древнее время падежи съ перестановкою πυκνός CIA. I, 501, 2 (до 444 a. C.), позднѣе по аналогіи съ им. пад. (πνύκα). Steph. Byz. s. v. Eusth. ad Il. V, 660 πνύξ... ὅπερ ἡ κοινὴ χρῆσις πνυκὸς κλίνει. Въ лучшихъ рукописяхъ Аристофана (напримѣръ, Rav. и Ven. Equit. 1109) имѣютъ πυκνός, худшія πνυκός. Weckl., p. 25. Thuc. VIII, 97, 1 имѣетъ только cod. Vat. πνύκα. Stahl, p. 56.

ῥίς. Утвержденіе Thom. Mag, p. 323, ῥίς Ἀττικοί, ῥίν Ἕλληνες подтверждается надписью CIA. II, 835, c—l, 89 (320 a. C.).

σταθμόν. До сихъ поръ было извѣстно только множ. ч. σταθμά = вѣсы. Meisterh., p. 63, указываетъ шесть примѣровъ ед. ч. σταθμόν = вѣсъ; во всѣхъ говорится послѣ названія двухъ предметовъ σταθμὸν τούτοιν (CIA. I, 141, 4 — 433 a. C.: φιάλα ἀργυρᾶ σταθμὸν τούτοιν); Riem. Rev. IX, p. 69 приводитъ еще четыре новыхъ (CIA. II, 701, I, 50. 54; 706, a, 17; 722, A, 4), въ которыхъ каждый разъ сказано σταθμὸν ἐπιγέγραπται.

Вм. φράτωρ аттическія надписи имѣютъ φράτηρ, φράτερα, φρατέρων, φράτερσι CIA. II, Add. 841, b (396 г. до Р. Х. Steph. Byz. s. v. φρατρία· ἐλέγετο δὲ φράτηρ καὶ φράτωρ, ἀλλὰ τὸ μὲν φράτηρ ἀρχαῖον, θάτερον δὲ νεώτερον.

φρήν. Дат. пад. мн. ч. φρασίν находится CIA. IV², 477, h, 1 и Кирхгофъ считаетъ нужнымъ принять эту форму въ текстъ Эсхила; ср. его примѣчаніе ad Aesch. Sept. 25.

χείρ. Нашелся род. пад. мн. ч. χ]ε[ι]ροῖν CIA. II, 742, A, 14 (350—300 a. C.), что противорѣчитъ извѣстному правилу, по которому при долготѣ окончанія первый слогъ долженъ гласить χε-.

υἱός. Мѣсто этой формы, сохранившейся въ древней поэтической надписи V в. (CIA. I, 398, 4 ὑός, безъ ι, о чемъ ср. выше стр. 89), заступило рано υἱός съ вин. пад. υἱόν, вслѣдствіе чего слово мало по малу переходило во II склоненіе; только до 350 г. преобладаютъ формы III склоненія, послѣ этого времени встрѣчаются лишь формы II склоненія. Надписями удостовѣрены формы ὑέος (Mitth. V, p. 318; 400 — 350 a. C.); им. и вин. мн. ч. υἱεῖς, им. вин. дв. ч. υἱεῖ (ср. выше стр. 114). Размѣромъ защищается υἱέων Arist. Nub. 1341 τὸν πατέρα τύπτεσθ' ἐστὶν ὑπὸ τῶν υἱέων, и υἱέσι Soph. Ant. 571 κακὰς ἐγὼ γυναῖκας υἱέσι στυγῶ. Bamb. Jb. XII, p. 31.

Вин. пад. мн. ч. υἱέας не извѣстенъ ни изъ надписей, ни изъ ат-

тическихъ поэтовъ, такъ что Thom. Mag., p. 367 не заслуживаетъ довѣрія, говоря: υἱεῖς, υἱέων, υἱέας καὶ υἱεῖς (λέγε), κρείττω γὰρ ταῦτα τοῦ υἱοί, καὶ υἱῶν καὶ υἱοῖς καὶ υἱούς. Вин. ед. ч. υἱέα порицаетъ Phryn., p. 68 οὐ γάρ, ἐπεὶ υἱέος καὶ υἱεῖ ἐστίν, εὐθὺς καὶ τὴν αἰτιατικὴν υἱέα εὕροι τις ἄν · ἀλλὰ τὴν αἰτιακὴν υἱόν λέγουσιν οἱ ἀρχαῖοι.

ἥρως. Объ этомъ словѣ, которое пропустилъ Мейстергансъ, подробно трактуютъ Riem. Rev. IX, p. 79 и Bamb. Jb., p. 28—30, по матеріалу которыхъ мы даемъ нижеслѣдующій обзоръ.

Слѣдующія формы болѣе или менѣе хорошо удостовѣрены:

Sing.			
Gen.	ἥρωος		ἥρω
Dat.		ἥρῳ	
Acc.	ἥρωα	ἥρω	ἥρων
Plur.			
Nom.	ἥρωες	ἥρως	
Gen.	ἡρώων		
Dat.	ἥρωσι		
Acc.	ἥρωας	ἥρως	
Dual.			
N. A.	ἥρωε		
G. D.		ἥρῳν	

Формы, напечатанныя разрядкой, или удостовѣрены надписями: ἥρω CIA. II, 1058, 25=Syll. 440 („pactio. . . parte altera saeculi quarti vix recentior"), ἥρωος ib. 778, A, 6 (второй половины IV в.), ἡρώων ib. 966 (191 a. C.), ἥρῳν на надписи у Hicks, The collection of ancient greek inscriptions in the british Museum t. I, No LXXIII, c, 6—7 (V вѣка), или защищены размѣромъ у аттическихъ поэтовъ: ἥρῳ Arist. Av. 1490 εἰ γὰρ ἐντύχοι τις ἥρῳ; ἥρωσιν ib. 1485 ἔνθα τοῖς ἥρωσιν ἄνθρω | ποι, вин. мн. ч. ἥρως Aesch. Ag. 516 ἥρως τε τοὺς πέμψαντας, εὐμενεῖς πάλιν.

Изъ этихъ формъ три засвидѣтельствованы и грамматиками: вин. пад. ед. и мн. ч. ἥρω и ἥρως Thom. Mag., p. 169, ἥρω Ἀττικοί, οὐχ ἥρωα; καὶ ἥρως ἐπὶ αἰτιατικῆς τῶν πληθυντικῶν καὶ οὐχ ἥρωας; дат. п. ἥρῳ Moeris ἥρω χωρὶς τοῦ ι Ἀττικοί... ἥρωι μετὰ τοῦ ι Ἕλληνες. Им. мн. ч. ἥρως отвергается Фринихомъ, p. 158, οἱ ἥρως οὐ λέγουσιν, ἀλλ' οἱ ἥρωες,

говорящій затѣмъ, что Аристофанъ, въ силу требованій размѣра, употребилъ разъ эту форму. Ἥρωε основывается только на Херобоскѣ у Herod. ed. L. II p. 715, 9. Формы по II склоненію вин. ед. ч. ἧρων и род. ед. ч. ἧρω основываются, первая на цитатѣ изъ Аристофана schol. ad Il. XIII, 428, вторая на Herodian. II, p. 714, 2—4. 30—31 и Cod. Σ Dem. XIX, 249. На одномъ рукописномъ преданіи основываются порицаемыя Thom. Mag. l. c. формы ἧρωας, которое читается, напримѣръ, Plat. Cratyl. p. 397 D и 398 D (у Шанца безъ варіантовъ) и ἧρωα, находящееся у Шанца Plat. Leg. V p. 738 D безъ варіантовъ, между тѣмъ, какъ Липсіусъ Dem. XVIII, 180 читаетъ ἧρω, хотя cod. Σ имѣетъ ἧρωα.

Нарѣчія. Meisterh., p. 64 sq.

Нарѣчія на -ασι и -ησι, произведенныя отъ именъ демовъ, не имѣютъ ι προσγεγραμμένον; Herw., p. 40, составилъ слѣдующій перечень такихъ открытыхъ на надписяхъ нарѣчій: Ἀγγελῆσι(ν), Ἀγκυλῆσι(ν), Ἀγρυλῆσι(ν), Ἀζηνιᾶσι(ν), Αἰξωνῆσιν, Ἀλωπεκῆσιν, Ἀμφιτροπῆσιν, Ἀναχᾶσιν (=Ἀναχαίασιν), Ἀντηνῆσιν, Ἀχαρνῆσιν, Ὀτρυνῆσιν, Παλληνῆσιν, Πεντελῆσιν, Φλυῆσιν, къ которымъ присоединяютъ Meisterh., p. 64, еще Κεφαλῆσιν и Ὀῆσιν, а Riem. Rev. IX, p. 83, Ἐπικηφισιᾶσι. Сюда же относятся такія же образованія: Ἀθήνησι, Ἐρυθρᾶσι, Μουνιχίασι, Ὀλυμπίασι, Ὀροβίασι.

Рядомъ съ ἀεί является на надписяхъ по 361 г. до Р. Х. въ прозѣ и αἰεί (ср. выше стр. 78).

Ἀσυλεί находится CIA. I, 41, 13 (V в.), написанное согласно съ правиломъ Θеогноста (p. 165, 6), что послѣ θ, μ и λ нарѣчія оканчиваются на -εί, ср. Herodian. ed. Lenz. II, p. 464, 19—23.

Δεῦρε, до сихъ поръ неизвѣстная форма, нашлось нѣсколько разъ на пограничныхъ камняхъ V в. Ἀθήν. VIII, 292. 525.

Ἐνταυθοί, считавшееся нерѣдко за неаттическую форму, открыто на надписи V в. Ἀθήν. VIII, 408, 13.

Нарѣчія на -θεν лишаются въ прозѣ съ IV вѣка изрѣдка своего конечнаго ν: Μουνιχίαθε CIA. II, 793, f, 11 (357 a. C.) ἔμπροσθε (ок. 350 г. до Р. Х.), Ἀλωπεκῆθε II Add. 834, b, 38 (329 a. C.), ὄπισθε ib. 835, 62 (320—317 a. C.), νοτόθε ib. 781, 11 (Riem. Rev. IX, p. 60.) а въ поэзіи еще раньше: πρόσθε πυλῶν CIA. I, 333, 3 (ок. 460 a. C.), πρόσθε Ποτειδαίας ib. 442, 10 (431 a. C.).—Herw., p. 41. Riem. Rev. V, p. 158 и IX, p. 83, Meisterh., p. 65 приводятъ слѣдующія нарѣчія на θεν изъ надписей:: Ἀγγελῆθεν, Ἀγκυλῆθεν, Ἀγρυλῆθεν, Ἀλωπεκῆθεν, Ἀμφιτροπῆθεν, Ἀναχαίαθεν, Βατῆθεν, Βραυρωνόθεν, Ἑκαλῆθεν Ἐλευθε-

ῥᾶθεν, Ἐλευσινόθεν, Ἑστιαιόθεν, Θριῶθε(ν) Ἐφ. ἀρχ. 1883, p. 119—20, 32, Κεφαλῆθεν, Κολωνῆθεν, Κονθυλῆθεν, Κριῶθεν, Εἰτέαθεν, Μαραθωνόθεν, Μουνιχίαθεν, Ὄαθεν, Ὀῆθεν, Οἰόθεν, Πεντελῆθεν, Περγασῆθεν Σφενδαλῆθεν, Σφηττῆ[θεν CIA. II Add. 834, b, I, 52. Φλυῆθεν, Ὠᾶθεν, Ὠῆθεν.

Изъ нарѣчій на -οι нашлись на надписяхъ: Ἀθμονοῖ, Γαργηττοῖ, Ἐρυθοῖ, Κολωνοῖ, Ποταμοῖ, Φαληροῖ, Ἀναφλυστοῖ, Θορικοῖ. Herw., p. 40 sq. Riem. Rev. V, p. 157.

Прилагательныя. Meisterh., p. 65—68.

Положительная степень.

Εὔνους склоняетъ съ 302 г. до Р. Х. им. под. мн. ч. по III склоненію: εὔνοους ὄντες CIA. II, 270, 10. Meyer. Gr.², p. 345.

Прилагательныя на -ης съ предшествующимъ гласнымъ оканчиваются въ вин. п. ед. ч. на -α, а не на -η: Εὐφυᾶ (имя корабля) CIA. II, 794, d, 54 (356 a. C.), ἀκλεᾶ (поэзія ок. 300 г. до Р. Х.) Kaib. Ep. 850, 4. Ошибочное μεγαλοφυῆ приводитъ Herw., p. 57, изъ CIA. III, 768 (времени императоровъ). — Ὑγιής оканчивается въ neutr. plur. съ 350 г. до Р. Х. на -η. Ὑγιᾶ и ὑγιῆ находятся еще въ одной и той же надписи CIA. II, 61, d, 52 и a, 45 (357—352 a C.). Ὑγιῆ находится CIA. II, 720, A, II, 22; B, I, 3. 17. 18. 27. (320 a. C.); ib. 731, B, 20; 736, A, 5; Add. 682, c, 8; Add. 834, c, 42. Moeris p. 375: ὑγιᾶ Ἀττικῶς, ὑγιῆ Ἑλληνικῶς.

Прилагательныя на -πους образуютъ вин. п. ед. ч. въ V вѣкѣ еще на -ποδα: τρίποδα, τετράποδα, ἑπτάποδα; но уже въ IV в. встрѣчаются формы δίπουν CIA. II, 1054, 24; τετράπουν ib. 14, δεκάπουν ib. 24 (347 a. C.); δίπουν ib. 1057, 23. По Krüg. Gr. Spr. I, § 17, 6, b существ. τρίπους имѣетъ только τρίποδα. Riem. Rev. IX, p. 71 приводитъ существ. ἁμαξήποδα изъ CIA. II, Add. 834, c, 42 начала III в.

Meisterh., p. 66, говоритъ, что σῶος и σῶς одинаково хорошія аттическія формы, и доказываетъ σῶον примѣромъ, уже выше у насъ (стр. 89) приведеннымъ, а въ пользу σῶν указываетъ на CIA. I, 68, 6 (444—403 a. C.). Женскій родъ σᾶ находится CIA. II, 62, 8 (357 a. C.) = Syll. 88: ὅπως [ἂ]ν Ἄνδ[ρος] ἔ[ι] σ[ᾶ] τῶι δ[ή]μωι τῶι Ἀθη-[να]ίων, гдѣ въ вѣрности дополненія надписи сомнѣваться нельзя; σᾶ было до сихъ поръ извѣстно лишь изъ отрывка Аристофана (fr. 631 Kock.) ἡ μᾶζα γάρ σᾶ καὶ τὰ κρέα χὤ κάραβος. Въ пользу начертанія σῷος Мейстергансъ ничего не говоритъ. Встрѣчается ли оно вообще на надписяхъ? Ср. Herodian. ed. Lentz I, p. 112, 2: σῷος ὃ διὰ τοῦ ι γράφεσθαί φησι Δίδυμος, ἡ δὲ παράδοσις ἄνευ τοῦ ι οἶδε.

Прилагательныя на -ος могутъ, согласно выше (стр. 82) сказанному, въ женск. р. оканчиваться на -εια и -εα: ἡμίσειαν CIA. II, 600, 22 (300 a. C.), ἡμίσεαν ib. 1055, 16 (345 a. C.) и 1059 14. 19 (321 a. C.). Средній родъ мн. ч. оканчивается только на -εα (-εια) и не сливается никогда въ -η: χανᾶ πλατέα CIA. II, 818, 18 (354 a. C.), χανᾶ πλατέ⟨ι⟩α ib. 817, B, 22 (358 a. C.); τὰ ἡμίσεα CIA. II, 1055, 14 (345 a. C.). Послѣдняя форма удостовѣряется еще другими эпиграфическими примѣрами (CIA. II, 546, 29. 37; 803, b, 39. 47. 85. 100. 148. 172; c, 70; cp. Bamb. Jb. VIII, p. 202) и съ этимъ согласны свидѣтельства грамматиковъ: Thom. Mag. ed. Ritschl, p. 172 ἁμαρτάνουσιν οἱ τὰ ἡμίση λέγοντες καὶ οὐ τὰ ἡμίσεα. τὰ γὰρ τριγενῆ τῶν ὀνομάτων ἐπὶ τῶν οὐδετέρων διῃρημένας ἔχουσι τὰς τοιαύτας πτώσεις, οἷον οἱ γλυκεῖς, αἱ γλυκεῖαι, τὰ γλυκέα... οὕτως ἄρα καὶ οἱ ἡμίσεις, αἱ ἡμίσειαι, τὰ ἡμίσεα и Phrynich. y Bekk. Anecd. p. 41, 33 ἡμίσεα, ἀλλ'οὐχ ἡμίση. Бамбергъ (l. c.) сообщаетъ, что самое древнее свидѣтельство въ пользу ἡμίση находится въ папирусѣ, содержащемъ отрывки Гиперида (ed. Blass, p. 3), гдѣ значится ἡ[μί]σηι=ἡμίση, и что cod. Σ Демосѳена имѣетъ то ἡμίση, то ἡμίσεα. На этомъ основаніи Бамбергъ склоненъ допустить ἡμίση у Гиперида и Демосѳена, Риманъ же (Rev. IX, p. 83) полагаетъ, что мы обязаны этими формами въ рукописяхъ переписчикамъ.

Изъ прилагательныхъ двухъ окончаній на -ος приводитъ Мейстергансъ только одно πάτριος, о которомъ онъ сообщаетъ, что на надписяхъ оно всегда бываетъ прилаг. двухъ окончаній: τὰς πατρίους πολιτείας CIA. II, 332, 15 (271—265 a. C.), πατρίους θυσίας ib. 628, 14 (I в. до Р. Х.). Bamb. Jb. XII, p. 31—34, даетъ подробное извлеченіе изъ двухъ сочиненій, занимающихся спеціально этими словами (La Roche, Über die Adiectiva zweier Endungen auf ος im Griech. Linz. 1883 и Godofr. Wirth, De motione adiectivorum, quae in ιος, αιος, ειος, ιμος, terminantur. Leipzig. Studien. IV. 1881). Результаты обоихъ сочиненій вкратцѣ слѣдующіе:

πάτριος какъ commune находится у писателей 14 разъ (Thuc. III, 58, 5 θυσίας τὰς πατρίους; VII, 21, 2; Xen. Cyr. I, 1, 2; Hell. III, 4, 2. Isocr. VII, 29; IX, 32; Lys. II, 9; XXX, 19. 20. Din. I, 110. Aesch. I, 23; Lycurg. 97; Dem. XIX, 128, Arist. Ran. 368), πατρία—четыре раза (Andoc. III, 27; Plat. Leg. VI p. 759 B. Isocr. VII, 59; X, 63. Относительно мысли, которая легко можетъ прійдти, а именно, что меньшинство мѣстъ слѣдуетъ исправить по аналогіи большинства, Бамбергъ говоритъ, что можетъ быть не все равно, на-

ходится ли членъ при существ. или нѣтъ; дѣйствительно, во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, гдѣ читаются формы πάτριαι и πατρίαν, члена при существ. нѣтъ.

ἀναγκαῖος есть у прозаиковъ V и IV вв. прилаг. 3-хъ окончаній. Только у Платона встрѣчается оно иногда какъ commune; Thuc. I, 2 τῆς καθ' ἡμέραν ἀναγκαίου τροφῆς нужно ἀναγκαίου, вѣроятно, выбросить какъ глоссему, а Thuc. VII, 60 ἐξ ἀναγκαίου понимается теперь въ смыслѣ нарѣчія.

βέβαιος употребляется только какъ commune у Θукидида, Платона, Андокида и Лисія; форма βεβαία находится у Исократа въ двухъ мѣстахъ; у Демосθена названное слово бываетъ 2-хъ и 3-хъ окончаній; у Ксенофонта оно только разъ (Hell. VII, 1, 44) имѣется какъ commune.

βίαιος бываетъ у Θукидида и Платона только двухъ окончаній, у Андокида и Лисія оно не относится къ слову женск. р.; у Ксенофонта имѣется разъ βιαία.

μάταιος не встрѣчается, кажется, при словѣ женск. рода у Θукидида, Андокида, Исократа и Эсхина; у Демосθена и Платона употребленіе этого слова колеблется.

Относительно прилагательныхъ на -ιμος соблюдается вообще то правило, что они бываютъ только двухъ окончаній. Кромѣ единичныхъ случаевъ (разъ γνωρίμη и ναυπηγησίμη у Платона), составляютъ исключеніе только ὠφέλιμος и χρήσιμος: ὠφελίμη встрѣчается у Платона три раза, въ прочихъ случаяхъ находится ὠφέλιμος=fem.; χρήσιμος=fem. употребляется у Θукидида и Демосθена по одному разу и разъ въ формѣ χρησίμη; у Платона преобладаетъ χρήσιμος = fem., у Исократа—χρησίμη.

ἐπιτήδειος есть прилаг. 3-хъ окончаній. Единственное исключеніе Thuc. V, 112 хочетъ Виртъ (p. 27) измѣнить.

ἔρημος. 1) Въ судебномъ отношеніи (съ рядомъ стоящими или подразумѣваемыми γραφή, δίκη, δίαιτα) находится форма ἐρήμη у Θукидида (VI, 61, 7) и Платона (Apol. 18 C) по одному разу, у ораторовъ—десять разъ, ἔρημος = fem. семь разъ (всѣ примѣры изъ Демосθена). 2) По отношенію къ другимъ словамъ встрѣчается у Платона ἔρημος только какъ прилаг. 2-хъ окончаній; то же самое имѣетъ мѣсто у Θукидида въ десяти случаяхъ, въ трехъ же (II, 32, 15; IV, 26, 4; 81, 1) имѣется ἐρήμη. Такое же колебаніе бываетъ у ораторовъ и Ксенофонта.

ἕτοιμος=commune читается Dem. VIII, 15. 46; ἑτοίμη—Soph. El. 1079. Antiph. II, α, 4. Plat. Leg. IV, p. 715. D.

λάλος встрѣчается по Ларошу только у Аристофана и Лукіана при словѣ женск. р. и только какъ commune.

Помѣстимъ здѣсь еще заключительныя замѣчанія § 17 у Вирта: I. Apud Ionicos scriptores poetasque lyricos rarus est usus formarum communium eorum adiectivorum quae in -ιος et -ειος terminantur, eorum autem quae in -αιος prope nullus; praeterea communes terminationes apud epicos haud raro metri aut euphoniae rationibus debentur. II. In prosa Attica numerus adiectivorum ambiguae motionis parvus est pro numero semper mobilium; rarissime adhibent communes formas oratores, saepius historici, audacissimus est Plato, qui proxime accedit ad III. Poetas tragicos, qui in plerisque adiectivis in -ιος et -ειος, rarius in eis quae in -αιος cadunt prout metrum aut euphonia postulabat aut sine ulla causa motionem per duo genera usurpant, cautius Sophocles, effusius Euripides.—Правило Вирта (§ 2): „Non componuntur formae communes cum substantivis femininis in -ος terminatis" не безъ всякихъ исключеній (ἔρημος νῆσος у Θукидида).

παλαστιαῖος. CIA. II, Add. 834, b (329—8 a. C.) имѣетъ II, 17 и 33 παλαστιαῖαι, и II, 21 παλαστιαῖοι=fem. Riem. Rev. IX, p. 84.

Сравнительная степень.

Meisterh., p. 67: „По 100 г. до Р. Х. употребляются отъ сравн. степ. на -ιων въ acc. sing. m. и f. и въ nom. acc. pl. m. f. и n. исключительно болѣе короткія формы на -ω и -ους : ἐλάττω, μείζω CIA. II, 61, d, 45, ὀλείζω, πλείω, ἀμείνους, ἐλάττους, καλλίους, πλείους. Лишь со времени взятія Аѳинъ Суллою встрѣчаются формы на -ονα, -ονες, -ονας". Ср. Moeris, ed. Piers. p. 34: Ἀμείνω Ἀττικῶς, ἀμείνονα Ἑλληνικῶς.

Прежде были извѣстны только два примѣра, составляющіе исключеніе изъ этого правила, а именно двѣ метрическія надписи CIA. II, 555 (376—5 г. до Р. Х.), гдѣ находится μείζονα и Kumanud. 3482, гдѣ встрѣчается ἥσσονα. Riem Rev. IX, p. 184, указываетъ теперь третій примѣръ (народное рѣшеніе V в., Ἐφ. ἀρχ. 1884 p. 161—62, l. 33. πλέονα (=πλείονα?), „qui prouve que, dans la déclinaison des comparatifs, les formes non contractes ne sont pas étrangères à la prose attique". Кромѣ того, что въ выписанномъ у Θукидида (V, 47) договорѣ между аргивянами и аѳинянами § 6 читалось въ подлинникѣ ἣν δὲ πλείονα χρόνον βούλωνται χρῆσθαι, видно по отрывкамъ этого договора, помѣщеннымъ CIA. IV, 46, b, гдѣ число

недостающихъ буквъ требуетъ дополненіе πλείονα. Что касается сценическихъ поэтовъ, то они употребляли болѣе длинныя формы часто тамъ, гдѣ размѣръ ихъ требовалъ (Aesch. Prom. 922 κρείσσον'. 1035 ἀμείνον'. Pers. 440 μάσσονα. 813 ἐλάσσονα. Suppl. 203 ἥσσονας. Choeph. 905 κρείσσον'. Soph. Ai. 456 κρείσσονα. O. T. 1374 κρείσσον'. Ant. 313 πλείονας. 681 ἥσσονες. fr. 779, 5 βελτίονα. Eur. Cycl. 10 μείζον'. Alc. 433 ἀμείνον'. Suppl. 196 χείρονα. Troad. 1059 ἐχθίονες. El. 405 μείζονας. Arist. Ach. 1078 πλείονες ἢ βελτίονες. Nub. 113 κρείττον'... ἥττονα. 114 ἥττονα. Vesp. 807 πλείονα въ триметрѣ, и Arist. Nub. 432 πλείονας. Eq. 811 πλείονα и Plut. 558 βελτίονας въ анапестахъ), а въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ размѣръ допускалъ ту и другую форму, они употребляли только болѣе короткую форму; ср. Riemann, Bullet. IV, p. 146—150. Stahl, p. 56. По всему этому видно, что форма слитная была общеупотребительною.

Два раза встрѣчается род. п. на -ου: ἀπὸ τοῦ μείου CIA. II, Add., 841, b, 5 (ок. 396 г. до Р. Х.) и ἐχ (=ἐκ) θάττου ib. 302, b, 9 (294—292 a. C.).

'Ολίγος имѣетъ въ древнемъ аттическомъ языкѣ сравн. ст. ὀλείζων: ὄλε(ι)ζον CIA. I, 9, 10 (вр. Кимона); ὀλείζοσι ib. 1, B, 33 (раньше 456 a. C.); ὀλείζω 'Αθ. VIII, 407, 8=CIA. IV², 27, b, 8 (439 a. C.); ὄλειζον CIA. I, 37, a, 17, (425 a. C.); ὀλείζονα Αθ. XII, 163, 1 (418 a. C.); но, кромѣ того, употребляется въ это же время и ἐλάττων: μὴ ἔλαττον ἢ ἐκτέα 'Αθ. VIII, 407, 6 (439 a. C.).

Относительно спорнаго вопроса, слѣдуетъ ли въ аттическомъ нарѣчіи допустить формы πλέων рядомъ съ πλείων, πλεῖον рядомъ съ πλέον, Meisterh., p. 68, составилъ слѣдующее правило на основаніи данныхъ на надписяхъ: a) передъ долгими гласными стоитъ постоянно ει: πλείων, πλείω, πλείους; b) передъ короткими гласными находится въ классическое время (до 300 г. до Р. Х.) одно ε: πλέονος, πλεόνων, πλέοσιν".

Противъ перваго правила возразить не приходится, потому что на надписяхъ нѣтъ противорѣчащихъ этому правилу случаевъ и, кромѣ того, съ нимъ согласно употребленіе трагическихъ поэтовъ (Aesch. Ag. 868. 1068 слѣдуетъ съ Диндорфомъ читать πλέον вм. πλέω). У Өукидида читается въ четырехъ мѣстахъ въ рукописяхъ πλέω (I, 81, 5. 104, 1. II, 89, 5. IV, 19, 2), которое слѣдуетъ исправить въ πλείω, тѣмъ болѣе что во многихъ другихъ мѣстахъ сохранилась въ рукописяхъ вѣрная форма. Stahl, p. 58.

Что касается второго правила Мейстерганса, то онъ 1) основы-

ваетъ его на слишкомъ маломъ числѣ случаевъ (разъ πλέοσιν, разъ πλεόνων и разъ πλέονας), 2) онъ оставилъ въ сторонѣ πλειόνων CIA. II, 421, c, 4 и πλείονος ib. 564, 11 (Riem Rev. V, p. 175) потому, вѣроятно, что время ихъ опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ эти надписи могутъ быть старше 300 г.; кромѣ того, приводитъ Riem. Rev. IX, p. 65, πλείονος изъ CIA. II, 1113, 4, то-есть, изъ надписи, которая, безъ сомнѣнія, относится къ IV в., такъ какъ въ ней О означаетъ еще ου, и наконецъ выше мы указали на CIA. IV, 46, 6, гдѣ нужно дополнить πλείονα. О правилѣ Мейстерганса говоритъ совершенно справедливо Riem. Rev. IX, p. 180: „Les textes épigraphiques doivent toujours être rapprochés des autres moyens que nous avons de nous renseigner sur le dialecte attique. Or, on voit, que chez les tragiques et chez Aristophane πλείονος πλειόνων, πλείοσιν sont plusieurs fois garantis par le mètre (Rev. V, p. 174, онъ приводитъ πλείονος Eur. fr. 288, 12; πλείονα Aesch. Ag. 760. Soph. OC. 36. 796. Phil. 576. Eur. Suppl. 451. Rhes. 778. Med. 609. Troad. 473. Iph. T. 1233, fr. 421. Arist. Nub. 822. 1290, 1292. Vesp. 806. 1439. Eccl. 179. Eq. 711. 811 Plut. 187; πλείονες Eur. Alc. 720. Arist. Ach. 1078; πλείονας Soph. Ant. 313. Ar. Nub. 432; πλειόνων Soph. O. R. 247. Eur. Soppl. 239. Ar. Eccl. 1073; πλείοσιν Soph. El. 1353. 1371. Eur. Iph. T. 279. Ar. Eccl. 409); d'après cela, je suis convaincu que ces formes sont au moins aussi attiques que πλέονος, πλεόνων, πλέοσιν.... Tout ce qu'on peut conclure, c'est que les formes de πλείων où la seconde syllabe est brève pouvaient, dés l'époque attique, s'écrire par ε au lieu de ει“. Съ этимъ мнѣніемъ въ общемъ согласенъ Stahl, p. 58, который относительно сценическихъ поэтовъ сообщаетъ слѣдующія наблюденія: Аристофанъ употребляетъ во всѣхъ формахъ, кромѣ πλέον, дифтонгъ; трагики допускаютъ въ двухъ трехсложныхъ формахъ ε, а именно въ πλέονος (Soph. OC. 1211. Phil. 1100, въ лирическихъ мѣстахъ) и въ πλέονι (Eur. Phoen. 539), а въ прочихъ употребляютъ исключительно ει.

Средній р. ед. ч. встрѣчается въ надписяхъ IV и III вѣковъ, судя по Meisterh., p. 68, not. 596, лишь въ видѣ πλέον, напримѣръ, CIA. II, 573, 17 (IV в.); 352, 12 (III в.) πλέον ἤ, чѣмъ опровергается утвержденіе Кобета, будто аттики говорили только πλεῖν ἤ. Πλεῖον защищено размѣромъ Arist. Eccl. 1132. Aesch. Pers. 791. Eur. Hipp. 641. Troad. 644 (въ трехъ послѣднихъ мѣстахъ Диндорфъ безъ основанія старается πλεῖον устранить) и Phoen. 603. Cp. Stahl, p. 57. Piers. ad Moerid., p. 294 πλεῖν ἢ μύριοι Ἀττικοί, πλέονες ἢ μύριοι Ἕλληνες.

О сравн. степени прилаг. κενός и στενός говоритъ Херобоскъ, Bekk. An. III, p. 1286: κανὼν ἔστιν ὁ λέγων, ὅτι τὰ εἰς ος ποιοῦντα σύγκριτικὰ ἢ ὑπερθετικά, ἐὰν μὲν βραχείᾳ λήγωνται, τρέπουσι τὸ ο εἰς ω ἐν τοῖς συγκριτικοῖς καὶ ὑπερθετικοῖς, οἷον σοφώτερος σοφώτατος... χωρὶς τοῦ κενός, κενότερος καὶ στενός στενότατος. ταῦτα γὰρ βραχείᾳ παραληγόμενα [οὐ] τρέπουσι τὸ ο εἰς ω, и Etym. Magn. 275, 50 ...πλὴν τοῦ στενότατος καὶ κενότατος· ἅπερ φησὶν ἀπὸ τοῦ στεῖνος καὶ κεῖνος γέγονε. Бамбергъ (Zeitschr. f. d. Gymnasialw. 1874, p. 9 sq.) указалъ уже на то, что Kühner, Ausf. Gr.[2] p. 430 неосновательно предпочиталъ авторитетъ дурныхъ рукописей (въ особенности Ксенофонта, въ такихъ вопросахъ никакого значенія не имѣющихъ) свидѣтельству Херобоска, и говоритъ, что теорія грамматиковъ болѣе защищается тѣми мѣстами, гдѣ рукописи имѣютъ чтеніе, согласное съ нею, чѣмъ подрывается тѣми мѣстами, гдѣ чтеніе рукописей противорѣчитъ ей. Бамбергъ сообщаетъ, что Scymn. v. 710 размѣръ требуетъ στενοτάτου, между тѣмъ какъ въ код. C (Meineke) читается στενωτάτου, и что въ Volumina Herculanensia Neap. Vol. IX, col. 12, 7 и vol. VI, col. 6, 4 ясно написано κενότατον. На этомъ основаніи слѣдуетъ считать за аттическія формы κενότερος, στενότερος, какъ и пишетъ теперь Шанцъ Plat. Phaed. 111 D. (στενότερα съ код. Bodlei.) и Symp. 175 D (κενότερος, вопреки рукописямъ). Στενότερον находится и на надписи Syll. 353, 10. Bamb. Jb. XII, p. 36.

Мѣстоименія. Meisterh., p. 68—70.

Кобетъ (Misc. crit., p. 258) утверждалъ, что въ им. и вин. пад. двойств. ч. личныхъ мѣстоименій I и II лицъ слѣдуетъ писать νῴ и σφῴ, а не νώ и σφώ, противорѣчащее аналогіи. Формы преданія защищаетъ теперь Шанцъ (Plat. VII, p. XI), указывая на свидѣтельства грамматиковъ (Apoll. Dysc. de pronom. 109 C p. 85 ed. Schneider и Herod. ed. Lentz II, p. 218) и на то, что лучшія рукописи Платона, за исключеніемъ одного мѣста (Leg. I, p. 646 B, гдѣ въ Paris. A первою рукой было написано σφῴ), вездѣ имѣютъ νώ, σφώ, и что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удареніе другое.

Род. и дат. пад. того же мѣстоименія гласили въ аттическомъ нарѣчіи νῷν и σφῷν, такъ какъ одни они допускаются размѣромъ сценическихъ поэтовъ (ср., напримѣръ, Soph. El. 882. 918. 1038. O. C. 342, 497, 1111, 1411 etc.) и, кромѣ того, они защищены свидѣтельствами грамматиковъ. Ср. Herodian. ed. L. I, p. 475 αἱ... γενικαί,

νῶϊν σφῶϊν προπερισπῶνται. ταύτας δὲ κατὰ συναίρεσιν Ἀττικοὶ προφέρονται μονοσυλλάβως, τοῦ ι γραφομένου μὴ συνεκφωνημένου; ὧν καὶ ἡ περισπωμένη μένει κατὰ τὴν συναίρεσιν οἷον νῷν σφῷν. Рукописи Платона сохранили вѣрную форму σφῷν только въ одномъ мѣстѣ (Leg. X, p. 892 E). Schanz, Plat. XII, p. XII.

Отъ возвратнаго мѣстоименія употребляются въ надписяхъ болѣе длинныя формы (σφῶν αὐτῶν, σφέτερος αὐτῶν) почти исключительно, (единственное исключеніе CIA. I, 231 frg. 34 ὑπὲρ [ἑ]αυτῶν 448 a. C.) приблизительно по 400 г. до Р. Х.; послѣдній примѣръ формы, начинающейся съ σφ, составляетъ σφίσιν αὐτοῖς Mitth. II, 212, 9 (395 г.).

Послѣ названнаго времени являются только формы ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν. Слитныя формы αὑτοῦ, αὑτῶν и т. д. встрѣчаются въ надписяхъ рѣдко (CIA. II, 807, b, 14 καθ' αὑτούς 330 a. C.) и съ 300 г. до Р. Х. почти совсѣмъ исчезаютъ. Meisterh., p. 69. Schmolling, Über den Gebrauch einiger Pronomina auf att. Inschr. Progr. d. Marienstifts—Gymn. zu Stettin. 1882, p. 3, 5, 7. 1885, p. 19. Kühner Gr.[2] I, p. 459 sq. Относительно отношенія формъ σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ къ формамъ σαυτοῦ, αὑτοῦ у писателей сообщаетъ Бр. Кейль (Analecta Isocratea. Leipzig. 1885, p. 106) результатъ своихъ наблюденій; а именно трагики употребляютъ трехсложныя формы рѣдко, комики чаще, хотя и у нихъ преобладаетъ болѣе короткая форма; Исократъ предпочитаетъ по образцу трагиковъ двухсложныя формы. Bamb. Jb. XII, p. 36. Со временъ Августа встрѣчаются часто формы безъ υ: ἑατοῦ CIA. III, 575, 4 (27—12 a. C.); ἑατούς ib. 645, 9 (ок. 30 г. до Р. Х.). Съ 69 г. до Р. Х. встрѣчается ἴδιος вм. ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν: CIA. II, 470, 71, 80 (οἱ ἔφηβοι) κάλλιστον ὑπόδειγμα τῆς ἰδίας φιλαγαθίας τοῖς μεθ' ἑαυτοὺς ἀπολείποντες.

Вмѣсто οὗτινος, ᾧτινι, ἅτινα аттическія надписи употребляютъ всегда ὅτου, ὅτῳ, ἅττα; формы род. и дат. пад. мн. ч. въ надписяхъ еще не открыты; въ женскомъ р. встрѣчаются только формы ἧστινος, ᾗτινι. Meisterh., p. 70. Какъ у аттическихъ поэтовъ, такъ и у ораторовъ такимъ же образомъ οὗτινος и ᾧτινι не встрѣчается; немногочисленныя исключенія слѣдуетъ считать за описки переписчиковъ: Soph. O. C. 1673 пишетъ Бадгамъ (Philol. X, p. 339) ὅτινε вм. ᾧτινι. О Eurip. Hipp. 903 и Arist. Pac. 1279 ср. A. Nauck, Euripid. Studien II, p. 36 sq. Невѣрныя формы οὗτινος, ᾧτινι читаются еще Andoc. II, 10; Lys. I, 37, 38, II, 21. Ср. A. Nauck, Mélanges Gréco-Romains V, p. 223, гдѣ, кромѣ того, сообщается, что Кобетъ (Var. Lect. p. 532) вслѣдствіе опрометчивой догадки считалъ возможнымъ ὅτου

принять и за форму женск. рода и что въ Lexic. Vindobon. p. 131, 3 говорится подъ вліяніемъ невѣрнаго чтенія у Софокла (OR. 1107): ὅτῳ καὶ ὅτου εὕρηνται καὶ ἐπὶ θηλυκοῦ. Σοφοκλῆς. ὅτου νυμφῶν Ἑλικωνιάδων. γράφει δὲ Σοφοκλῆς καὶ ὅτων ἐπὶ θηλυκοῦ.

ὁ αὐτός. Въ среднемъ р. является въ надписяхъ изрѣдка, но уже рано τὸ αὐτόν вмѣсто τὸ αὐτό: μέγεθος τὸ αὐτὸν CIA. I, 322, II, 29 (409 a. C.); ἀνάλωμα τὸ αὐτὸν рядомъ съ ἀνάλωμα τὸ αὐτό CIA. I, 324, c, I, 25. 23 (408 a. C.). Schanz, Plat. XII, p. VI sq. сообщаетъ, что лучшія рукописи Платона, BTA, имѣютъ около 366 разъ ταὐτόν (τὸ αὐτόν), а ταὐτό (τὸ αὐτό) только 22 раза, и считаетъ вѣроятнымъ, что Платонъ употреблялъ одно ταὐτόν (τὸ αὐτόν), тѣмъ болѣе, что ταὐτό передъ гласными не элидируется (всего 4 случая по рукописямъ: Euthyd. 278 A ταὐτὸ ὄνομα—cod. A, Leg. II, p. 669 D ταὐτὸ οὐκ, Politic. p. 263 D ταὐτὸ οὐδέν, Erast. p. 138 C ταὐτὸ ὡς). То же самое относится и къ τοιοῦτον, τοσοῦτον и τηλικοῦτον, которыя Шанцъ по тѣмъ же причинамъ считаетъ свойственными Платону. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ говоритъ Шанцъ въ Novae commentationes Platonicae. Würzb. 1871, p. 1—4.

Что касается трагиковъ, то Эльмслей не признавалъ у нихъ формъ τοιοῦτο и τοσοῦτο, что̀ оспаривается [1]) Weckl., p. 29. Веклейнъ полагаетъ, что сказанное Эльмслеемъ слѣдуетъ отнести къ комикамъ, между прочимъ потому, что Аристофанъ передъ гласными очень часто говоритъ ταὐτόν, а нигдѣ не встрѣчается у него ταὐτ'=τὸ αὐτό съ элизіей послѣдняго слога (Ran. 1161. Nub. 546. Ran. 1250 ταὐτ'=τὰ αὐτά).

Etym. Magn. p. 758, 5=Herod. ed. Lentz. II, p. 193 τὸ αὐτὸν οὐ πλεονασμὸς ἀλλ' ἀναλογία· αἱ ἀντωνυμίαι εἰς ο περατοῦνται κατὰ γένος οὐδέτερον, αὐτό, ἐκεῖνο, τοῦτο.... Ἀθηναῖοι οὖν μετὰ τοῦ ἄρθρου λέγοντες μετὰ τοῦ ν λέγουσι ταὐτὸν ἀναλόγως.

Числительныя. Meisterh., p. 70—74.

δύο. Им. и вин. пад. являются въ аттическихъ надписяхъ только въ видѣ δύο, а не δύω, что̀ имѣютъ иногда даже лучшія рукописи Платона (напримѣръ, Soph. p. 254 D τώ γε δύω BT, Phileb. p. 53 B τινε δύω BT, Politic. 209 E δύο B: δύω T; cp. Schanz, Plat. VII, p. X). Arist. Eq. 1350 читаютъ рукописи: καὶ νὴ Δία γ' εἰ δυῴ λεγοίτην ῥήτορε, что̀ исправилъ Порсонъ καὶ νὴ Δι' εἴ γε δύο κτλ.

[1]) Soph. Trach. 445 κλύειν γ' ἔφασκον· ταὐτὸ δ' οὐχὶ γίγνεται, гдѣ А. Наукъ, впрочемъ, пишетъ κα὆τό, а Эльмслей ταὐτά. Утвержденію Эльмслея противорѣчитъ во всякомъ случаѣ Aesch. Prom. 801 Dind. (799 *Kirchh.*):

τοιοῦτο μέν σοι τοῦτο φρούριον λέγω.

Два остальные падежа сохранились въ надписяхъ въ слѣдующихъ формахъ:

a) δυοῖν (род. и дат.) приблизительно по 329 г. до Р. X.: CIA. I, 273 (дат., 420/416 a. C.); ib. 322 (не 312; род., 409 a. C.); ib. 324 (дат., 408 a. C.); CIA. II, Add. 834, b, I, 32 (дат., 329 a. C.).

b) δυεῖν (род. и дат.) приблизительно отъ 334—229 a. C.: CIA. II, 167, 18 (род., 334—329 a. C.) ib. 380, 27 (род., ок. 229 г. до Р. X.). Эта форма находится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ худшихъ рукописяхъ Θукидида (Stahl, p. 59) и въ лучшихъ рукописяхъ Платона (напримѣръ, Paris. A: Leg. I, 638 E, VI, p. 754 E; 774 D; Resp. VIII, p. 546 C codd. AD, cp. Schanz, Plat. VII, p. X), но не признается, конечно, новѣйшими издателями за аттическую форму (относительно ораторовъ ср. Кекъ, стр. 40). Δυεῖν читается въ рукописяхъ Aesch. Prom. 867.

c) „δύο (род.), δυσί (дат.) съ римскаго времени. CIA. III, 1443 ἐτῶν δύο; ib. 1447 ἐτῶν τριάκοντα δύω (sic); CIA. II, 467, 27(=Syll. 347), δυσὶ πλοίοις (I в. до Р. X.); ib. 471, 48 ἐν στή[λαις] λιθίναις δυσίν (I в. до Р. X.)". Meisterh., p. 70 sq.

Сказанное подъ c) относительно δυσί невѣрно, такъ какъ Riem. Rev. IX, 84, указываетъ на то, что приведенный уже Веклейномъ (стр. 28) примѣръ Eph. A. 1950 (=CIA. II, 591) ἐν στήλ]αις δυσί относится къ концу IV вѣка, такъ что δυσί употреблялось раньше „римскаго времени". Что касается не склоняемаго δύο, то нельзя не видѣть случайности въ томъ, что только одинъ примѣръ этого употребленія открылся въ надписи, и притомъ относящейся къ римскому времени: вопервыхъ, число 2 нерѣдко выражается въ надписяхъ знакомъ || (ср., напримѣръ, Meisterh., p. 50, not. 487), а не словомъ, такъ что не извѣстно, какъ сказали бы аттики при чтеніи надписи; вовторыхъ, встрѣчается у аттическихъ писателей такое большое число мѣстъ съ не склоняемымъ δύο (въ такомъ случаѣ всегда съ множеств. числ., а не двойств., какъ, напримѣръ, Dem. XLI, 3 οὐσῶν δ'αὐτῷ δύο θυγατέρων), что нельзя думать объ ошибочности преданія. По Кеку, (l. c., p. 39 sq.) находится δύο въ косв. пад. у Демосθена 1 (2) разъ, у Платона 4 (2 сомнительныхъ), 7 разъ у Θукидида, 6 разъ у Ксенофонта—вездѣ съ род. множ. числ.; съ дат. мн. ч. имѣется δύο въ 6 примѣрахъ у Θукидида [1]) и въ одномъ у Ксенофонта.

---

[1]) Такъ какъ δυοῖν у Θукидида всегда соединяется съ род. пад., то VIII, 79, 1 слѣдуетъ читать ναυσὶ δύο съ codd. Cl. Ven., а не δυοῖν съ прочими рукописями. *Stahl*, p. 59.

Извѣстія грамматиковъ о формахъ δύο, δύω, δυοῖν, δυεῖν, δυσί противорѣчатъ нерѣдко другъ другу и отчасти составляютъ смѣсь вѣрнаго съ невѣрнымъ, отчасти даже содержатъ ложное. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ свидѣтельствъ для того, чтобы однимъ поражающимъ примѣромъ доказать, какъ мало довѣрія иногда заслуживаютъ грамматики. Phryn. p. 210 δυσὶ μὴ λέγε ἀλλὰ δυοῖν· δυεῖν δ᾽ ἔστι μὲν δόκιμον, τῷ δὲ ἀλλοκότως αὐτῷ χρῆσθαι ἐπιταράττεται· ἐπὶ γὰρ μόνης γενικῆς τίθεται, οὐχὶ δὲ δοτικῆς. Противъ этого говоритъ Thom. Mag. p. 90 R. δυοῖν, οὐ δυσίν... καὶ ταῦτα μὲν Φρύνιχος ἀπαγορεύων καθάπαξ τὸ δυσίν, εὕρηται μέντοι καὶ τοῦτο παρὰ τοῖς ῥήτορσι. Θουκυδίδης (VIII, 101, 1, гдѣ наши рукописи дѣйствительно читаютъ такъ, какъ говоритъ Θома) ἐπισιτισάμενοι δυσὶν ἡμέραις (въ нашихъ изданіяхъ теперь исправлено: δυοῖν ἡμέραιν) καὶ Ἀριστείδης (II, 4)... κρεῖττον μέντοι τὸ δυοῖν. Etym. Magn. 289, 30 κοινῶς μὲν γὰρ τοῦ ο μικροῦ, Ἀττικῶς δὲ διὰ τοῦ ω μεγάλου· καὶ ποῖόν ἐστιν ἀναλογώτερον; τὸ διὰ τοῦ ω μεγάλου.

Διττοί, часто употребляемое трагиками вмѣсто δύο и встрѣчающееся также иногда у Платона въ этомъ смыслѣ, находится такъ и въ надписяхъ: CIA. II, 836, B, c—k, 19, 62, 64, 107 ὀφθαλμοὶ διττοί. Bamb. Jb. XII, p. 38.

πέντε удерживаетъ въ классическое время въ сложныхъ словахъ свое конечное ε: πεντέπους, πεντέποδε, πε]ντεπαλάστω, πεντεπάλαστα CIA. I, 332, a, 21, 26, 28, 51, 77 (409 a. C.); πεντεβάλανον ib. 766, 27 (340—338 a. C.). πεντέδραχμον Mitth. VIII, 211 (330 a. C.). Meisterh., p. 71, пропустилъ πεντετηρίς (не πενταετηρίς, какъ, напримѣръ, Thuc. VIII, 104, 2 имѣютъ нѣкоторыя рукописи, Stahl, p. 47), находящееся CIA. II, 756, 15; 758 A, 19; 816, 12; 818, 14, и πεντεβάλανον CIA. II, 765, 27; Riem. Rev. IX, p. 67. Лишь въ послѣклассическое время ε переходитъ въ α: πεντάμνουν CIA. II, 476, 34 (II—I вв.). Phryn. p. 412 πεντάμηνον πεντάπηχυ· μετάθες τὸ α εἰς τὸ ε, πεντέμηνον λέγων καὶ πεντέπηχυ.

ἕξ можетъ лишиться своего ς не только въ сложныхъ словахъ: μῆκος ἓκ ποδῶν CIA. I, 322, a, 67 (409 a. C.), ἓκ χοίνικες (329 a. C.) ἓγ δακτύλων (329 a. C.). Въ сложныхъ словахъ не вставляется α: ἕκπους (не ἑξάπους) CIA. I, 322, a, 11. 54 (409 a. C.), ἑξδάκτυλος и ἑγδάκτυλος.

ὀκτώ не обращаетъ ω въ α: ὀκτώπους CIA. I, 322, a, 33, 37 (409 a. C.); ὀκτωδάκτυλος CIA. II, 807, a, 114 sqq. (330 a. C.).

Ἐννέα (и ἐννεακαίδεκα) имѣетъ два ν, прочія формы (ἐνενήκοντα,

ἔνατος, ἐνακόσιοι) одно ν: ἐννέα CIA. II, 163, 11; ἐνενήκοντα ib. I, 273, f, 40; ἐνάτης ib. I, 188, 15; другія формы не встрѣчаются въ аттическихъ надписяхъ. Syll. 170, 252, 255.

δέκα, какъ и πέντε, лишается своего гласнаго передъ гласнымъ, слѣдовательно δεκέτης, πεντέτης, а не δεκαέτης, πενταέτης. Riem. Rev. IX, p. 67. Согласно съ этимъ требуетъ Stahl, p. 47, измѣненія рукописнаго чтенія Thuc. V, 25, 1 δεκαετῆ въ δεκέτη и V, 26, 3 δεκέτει. Риманъ приводитъ еще δεκώβο[λον CIA. II, 837, 23.

Числа *12*, *13*, *17*, *18* обозначаются въ надписяхъ (кромѣ обыкновенныхъ формъ δώδεκα, ἑπτακαίδεκα, ὀκτωκαίδεκα) иногда такъ, что бо̀льшее число предшествуетъ: δέκα δύο CIA. II, 476, 31 (II—I вѣка), δέκα τρεῖς CIA. I, 324, c, II, 16 (408 a. C.), δέκα ἑπτά CIA. II, Add. 834, b, II, 5 (329 a. C.), δέκα ὀκτώ CIA. II, 1054, 47 (347 a. C.).

Τρεῖς καὶ δέκα и τέτταρες καὶ δέκα встрѣчаются въ надписяхъ только какъ склоняемыя формы: CIA. I, 171, 11 τ]ρεῖς καὶ δέκα (433 a. C.); ib. 322, 87 (409 a. C.) τριῶν καὶ δέκα ποδῶν; τρισὶ καὶ δέκα μησίν CIA. II. Add., 834, c, 7 (317—307 a. C.); ταῖς τέ[τ]ταρσι καὶ δέκ[α ν]αυσίν CIA. II, 794, c, 80 (356 a. C.). Такъ какъ, слѣдовательно, τρισκαίδεκα въ качествѣ indeclinabile не существуетъ, то Riem. Rev. IX, p. 84 sq. совершенно вѣрно полагаетъ, что единственныя мѣста аттическихъ авторовъ, цитуемыя съ τρισκαίδεκα какъ род. или дат., а именно Thuc. VIII, 22, 1 τρισκαίδεκα ναυσίν и Isae. VIII, 35 τρισκαίδεκα μνῶν, слѣдуетъ измѣнить, первое τρισὶ καὶ δέκα, второе τριῶν καὶ δέκα, тѣмъ болѣе, что Θукидидъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ τριῶν καὶ δέκα II, 97; τρισὶ καὶ δέκα VIII, 108, и Исей самъ нѣсколькими строками выше (въ томъ же §) употребляетъ τριῶν καὶ δέκα. Съ Риманомъ согласенъ Stahl, p. 59. Такъ какъ въ им. и вин. пад. встрѣчается исключительно τρεῖς καὶ δέκα, и въ другихъ нарѣчіяхъ также соблюдается это правописаніе (ср. Syll. 353, 134; 137, 1; 367, 20 sq. 233, 61), то нельзя сомнѣваться въ томъ, что у аттическихъ авторовъ τρισκαίδεκα вездѣ слѣдуетъ устранить: „la confusion de ι et de ει dans les mss. est un fait bien connu", говоритъ Риманъ (l. c.); такія мѣста приводитъ Stahl, p. 59, изъ Θукидида: III, 69, 1; VIII, 88; III, 79, 2 τρεῖς δὲ καὶ δέκα вм. τρισκαίδεκα δὲ большинства рукописей. Такимъ же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, поступать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читается τεσσαρεσκαίδεκα или τεσσαρακαίδεκα какъ indecl. Напримѣръ, Xen. Mem. II, 7, 2 читается невѣрно τεσσαρεσκαίδεκα τοὺς ἐλευθέρους. Вѣрно преданіе: τρία καὶ δέκα Arist. Plut. 194. 846. Pac. 990. Andoc. III, 4; τριῶν καὶ δέκα Thuc. II, 97. Isae. VIII, 35;

τρισὶ καὶ δέκα Thuc. VIII, 108. Dem. IX, 25. XXXIV, 25. Ср. Riem. Rev. IX, p. 84, note 3.

„Число 29 является въ надписяхъ выраженнымъ: ἑνὸς δέοντες τριάκοντα, а не ἑνὸς δέοντος τριάκοντα (Krüger, Gr. Spr. I, § 24, 2. A. 9): CIA. I, 325, 10 (раньше 403 г. до Р. Х.) ἄ]νδράσιν ἑνὸς δέουσι τριάκ[οντα“.

„$2^1/_2$ дня значитъ не δύο καὶ ἡμίσεια ἡμέρα, а δύο καὶ ἥμισυ ἡμέρας: CIA. II, Add. 834, c, 73 (послѣ 329 г. до Р. Х.) ἐν δυοῖν καὶ ἡμίσει ἡμέρας“. Ср. Herodian. ed. Lob. p. 465: μέσον ἡμέρας καὶ μεσημβρία, οὐχὶ μέση ἡμέρα. Meisterh. p. 73. Tom. Mag. p. 237, 7.

„При порядковыхъ числительныхъ отъ 13—19 отдѣлялись всегда въ до-римское время единицы и десятки: τρίτης καὶ δεκάτης. Лишь непосредственно передъ битвой при Акціи является сложная форма ἑπταχαιδεκάτῃ CIA. II, 482, 23 (39/32 a. C.). Во избѣжаніе недоразумѣній примѣнялось часто для обозначенія чиселъ мѣсяца описаніе съ ἐπὶ δέκα: τετράδι ἐπὶ δέκα [Βοηδ]ρομιῶνος CIA. I, 189, a, 22 (407 a. C.), πρὸ τῆς ἕκτης ἐπὶ δέκα (послѣ 350 a. C.), ἄχρι τῆς τρίτης ἐπὶ δέκα (329 a. C.) и т. д. „Двадцать первый“ означается εἷς (не πρῶτος) καὶ εἰκοστός, прочія числа образуются правильно: δεύτερος καὶ εἰκοστός и т. д. Μ]ιᾶς καὶ εἰκοστῆς CIA. II, 660, 30“. Meisterh., p. 73. Къ этому прибавляетъ Bamb. Jb. XII, p. 38, что, по Syll., 337, 6 (320/19 a. C.) и CIA. II, 263, 5 (303/2 a. C.) видно, что говорили и μιᾷ καὶ τριακοστῇ, и что CIA. II, 978, 2 дополненіе μι]ᾷ καὶ τε[σσαρακοστῇ не подлежитъ сомнѣнію.

Рядомъ съ οὐδείς, οὐδέν, μηδείς, μηδέν возникаютъ съ 378 г. до Р. Х. формы οὐθείς, οὐθέν, μεθείς, μηθέν (но никогда οὐθεμία, μηθεμία), которыя послѣ 330 г. становятся господствующими. Относительно объясненія формы οὐθείς, μηθείς = οὐδὲ εἷς, μηδὲ εἷς Мейстергансъ (p. 37) согласенъ съ Буттманомъ (Ausf. Sprachl. I, p. 281. Anm. 3) и Курціусомъ (Leipz. Stud. 1883, p. 189—192); для подтвержденія этого объясненія можно указать на CIA. II, 789, 24 (373/2 a. C.) σκεῦος ἔχει οὐδὲν οὐθ' οἱ ὀφθαλμοὶ ἔνεισιν, гдѣ ΟΥΘΟΙ можетъ быть только = οὐδ' οἱ. Meyer Gr.², p. 215, производитъ οὐθείς отъ οὔτε εἷς и предполагаетъ смѣшеніе словъ οὔτε и οὐδέ. Подъ вліяніемъ аттикистовъ эти формы опять вытѣсняются.

Спряженіе.

Глагольныя окончанія. Meisterh., p. 74—77.

а) Изъявительное наклоненіе. Труднаго вопроса объ окончаніи

II л. двойств. ч. историч. временъ съ помощью надписей рѣшить нельзя, такъ какъ эта форма тамъ не встрѣчается [1]). Эльмслей (ad Arist. Ach. 733 и Eur. Med. 1041) и согласно съ нимъ Кобетъ (Mnemos. VIII, p. 408) и А. Наукъ (Euripid. Stud. II, p. 57 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 40) предполагаютъ, что, такъ какъ у аттиковъ въ 9 мѣстахъ читается форма на -την (Plat. Euthyd. 273 E, ib. 294 E, Leg. VI, 753 A, Symp. 189 C, Eryx. 399 D; Athen. XV, p. 695, Soph. OR. 1511 — гдѣ чтеніе εἰχέτην обезпечено размѣромъ—Eur. Alc. 661 и, можетъ быть, Arist. Nub. 1056), то сообразно съ ними слѣдуетъ измѣнить другія мѣста, гдѣ рукописное преданіе говоритъ въ пользу формы на -τον, тѣмъ болѣе, что у поэтовъ нѣтъ мѣста, гдѣ размѣръ защищалъ бы формы на -τον (напримѣръ, Aesch. Ag. 1207. Soph. O. C. 1379. 1756. Eur. El. 1300). Зенодотъ хотѣлъ даже въ Иліадѣ (Θ 448, K 545, Λ 782) читать χαμέτην, λαβέτην, ἠθελέτην. Ср. Curtius Verb. I, p. 77. Meyer Gr.[2], p. 416.

III лицо двойств. ч. истор. вр. встрѣчается въ прозаическихъ надписяхъ лишь съ окончаніями -την, -σθην: ἀνεθέτην CIA. I, 351 (VI в.); ib. 375. 396 (начала V в.); ἐποιησάτην ib. 375. 376 (V в.); εἰσηγέσθην ib. 319, 19 (417 a. C.). Другіе примѣры даетъ Lautens., p. 2. Окончаніе -τον въ той же формѣ, встрѣчающееся уже у Гомера (Il. K 364 διώκετον, N 346 ἐτεύχετον, Σ 583 λαφύσσετον), является въ надписяхъ только въ одномъ стихотворномъ примѣрѣ II вѣка до Р. X: Kaibel. Epigr. 1110, 3. 5 ἴτον. Шанцъ читаетъ теперь въ своемъ изданіи Plat. Euthyd. 274 A ἐφάτην, вопреки чтенію рукописей. Thuc. II, 86, 3 имѣется въ изданіи Шталя διέχετον, тогда какъ Классенъ удержалъ рукописное чтеніе διείχετον.

О I и III лицахъ единств. ч. plsqpf. act. трактуетъ Schanz. Plat. XII, p. XIII—XV и приходитъ къ тому заключенію, что окончаніе I лица -ειν рукописями Платона не достаточно удостовѣрено, тогда какъ въ пользу окончанія -η прямо говорятъ слѣдующія свидѣтельства: Eustath. ad Odyss. ψ p. 1946, 22 παραδίδωσι Ἡρακλείδης, ὅτι Ἀττικοὶ τοὺς τοιούτους ὑπερσυντελικοὺς ἐν τῷ η μόνῳ περατοῦσιν, ἤδη λέγοντες καὶ ἐνενοήκη καὶ ἐπεποιήκη· καὶ οὕτω φησὶ Παναίτιος ἔχειν τὰς γραφὰς παρὰ Πλάτωνι и Phot. ἑωράκη τὸ πρῶτον πρόσωπον, ὡς ἐπεπόνθη καὶ ἐπεποιήκη καὶ ᾔδη ᾔδειν. Πλάτων τοῖς τοιούτοις χρῆται σχηματισμοῖς. Окончаніе III лица -ειν передъ гласнымъ сохранилось въ одномъ Paris. A (ср. Cobet. Mnemos., III, p. 196).

---

[1]) По Кеку (стр. 50), ея нѣтъ и у ораторовъ.

III л. множ. ч. того же времени оканчивается въ надписяхъ еще въ македонское время на -εσαν, а не на -εισαν: CIA. II, 811, c, 89 παρειλήφε[σ]αν (323 a. C.), и окончаніе -εσαν защищено размѣромъ Arist. Eq. 651. 674. Plut. 744, и съ этимъ согласно свидѣтельство грамматика Phryn., p. 149: Ἠκηκόεσαν, ἐγεγράφεσαν, ἐπεποιήκεσαν, ἐνενοήκεσαν ἐρεῖς· ἀλλ' οὐ σὺν τῷ ι, ἠκηκόεισαν. По Bamb. Jb. XII, p. 39, даетъ Резерфордъ (Rutherford) въ своемъ изданіи Фриниха, стр. 237, слѣдующій образецъ аттическаго давно-прошедшаго:

ἐλελύκη		ἐλελύκεμεν
ἐλελύκης	ἐλελύκετον	ἐλελύκετε
ἐλελύκει(ν)	ἐλελυκέτην	ἐλελύκεσαν

и ссылается относительно I и II лицъ мн. ч. на Eur. Bacch. 1345

ὀψ' ἐμάθεθ' ἡμᾶς, ὅτε δ' ἐχρῆν, οὐκ ᾔδετε

и Arist. Lys. 1098

ὦ Πολυχαρείδαν δεινά κα 'πεπόνθεμες.

Отъ II лица средн. зал. настоящ. и буд. вр. не встрѣчается въ надписяхъ ни одного примѣра [1]). Что эта форма оканчивалась первоначально на η, а не на -ει, слѣдуетъ заключить по происхожденію ея изъ -εαι; за это предположеніе говоритъ еще то обстоятельство, что II лицо гл. δέομαι, сливающагося вездѣ, гдѣ происходитъ слитный слогъ ει, имѣетъ всегда двусложную форму; Bamb. Jb. XII, p. 40, приводитъ Arist. Thesm. 264: σὺ τοῦτο γίγνωσκ' ἀλλ' ἔχεις γὰρ ὧν δέῃ. Если тѣмъ не менѣе окончаніе -η замѣнено было окончаніемъ ει, то, по всей вѣроятности, въ этомъ нужно видѣть слѣдствіе возникшей въ IV вѣкѣ привычки вм. всякаго HI писать EI (ср. выше стр. 81 сл.), вытѣсненной впослѣдствіи реакціей грамматиковъ, старавшихся посредствомъ правописанія отличить изъяв. наклон. отъ сослаг. ср. Blass., p. 41. Относительно трагиковъ имѣется прямое свидѣтельство грамматика въ пользу -η, а именно Херобоскъ у Bekk. Anecd. Gr. p. 1290, объяснивъ формы τύπτει, ποιεῖ, говоритъ: οἱ τραγικοὶ τοῦτο οὐ ποιοῦσιν, ἀλλ' ἀκολουθοῦσι τοῖς κοινοῖς и согласно съ нимъ окончаніе -η считаютъ свойственнымъ трагикамъ Bergk, Griech. Lit. III, p. 102 Anm., Riem. Rev. IX, p. 87 и Bamb. Jb. XII, p. 40.

---

[1]) φανήσει, что приводитъ *Weckl.*, p. 32, изъ CIG. I, 956, 15 подлежитъ сильному сомнѣнію. *Kaibel*, Epigr. 153, читаетъ вм. этого: φάνη· σὺ δέ.

Съ другой стороны Диндорфъ полагаетъ (Poet. scen., p. IX), что Херобоскъ не могъ заимствовать своего утвержденія у Геродіана и что онъ самъ сдѣлалъ упомянутое заключеніе, будучи введенъ въ заблужденіе рукописями его времени. Древнимъ аттикамъ приписываютъ окончаніе ει слѣдующія свидѣтельства грамматиковъ: Eustath ad Od. μ 295 p. 1723, 18 τὰ δεύτερα παθητικὰ πρόσωπα τῶν εἰς μαι ληγόντων ῥημάτων, ὁποῖον τὸ τύπτομαι τύπτῃ καὶ τὰ λοιπὰ ὅλα κατὰ τὴν παλαιὰν Ἀτθίδα διὰ τῆς ει διφθόγγου γραφόμενα, ὡς καὶ ἐν τοῖς τοῦ κωμικοῦ πέφηνεν, οἱ ὕστερον Ἀττικοὶ γράφαντες διὰ τοῦ η σὺν τῷ ἰῶτα προσγεγραμμένῳ κτλ. Schol. ad Arist. Plut. 40 πεύσει· οἱ Ἀττικοὶ τὰ τῶν παθητικῶν χρόνων δεύτερα πρόσωπα ἀεὶ διὰ διφθόγγου γράφουσιν, ὡς καὶ ἐνταῦθα καὶ ἐν τοῖς ἑξῆς εὑρήσεις· οὗτος γάρ, εἴπερ τις, τῇ Ἀττικῇ διαλέκτῳ χρῆται. ἡ δὲ κοινὴ διάλεκτος μόνου τοῦ βούλει, καὶ ὄψει καὶ οἴει τὰ ἐνεργητικὰ μὴ ἐν χρήσει εὑροῦσα τῇ Ἀττικῇ ἑπομένῃ συνηθείᾳ ἀεὶ διὰ διφθόγγου τὰ τρία ταῦτα ἐκφέρει. Cp. Scholl. ad Arist. Ran. 469. Nub. 490. Vesp. 943. Stahl, p. 62, приписываетъ Θукидиду окончаніе -ει, сохранившееся въ рукописяхъ, напримѣръ, VI, 14, 1 ἡγεῖ.

Основы, оканчивающіяся на согласный, образовывали, судя по надписямъ, III лицо множ. ч. perf. и plsqpf. Pass. на -αται и -ατο по 420 г. до Р. X.: ἀν]αγεγράφαται CIA. I, 38, e, 3 (424—420 a. C.), γεγράφαται ib. 40, 10 (424 a. C.), ἐτετάχατο ib. 40, 9. 31 (424 a. C.). Послѣ этого времени встрѣчаются только описательныя формы съ причастіемъ: ἐστὶν ἐψηφισμ[έ]να CIA. I, 32, A, 5 (420—416 a. C.); εἰσὶ γεγ[ραμμένοι CIA. IV, 61, a, 36 (409/8 a. C.); ἀγαγεγραμμένα ἦσαν Mitth. II, 142, 31 (363 a. C.). и др. Основы на гласный имѣютъ окончаніе -νται: κεκώπηνται CIA. II, 791, 73 (377/6 a. C.). Около конца IV вѣка находится въ одной надписи (CIA. II, 167, 59. 70) два раза описательная форма даже отъ этихъ основъ: εἰσὶν οἰκοδομη[μ]ένοι и εἰσ[ὶν] κείμεναι. Описаніе проникло, кажется, не только въ повелит. наклон. CIA. II, Add. 1, c, 22 (399/8 a. C.) [ἔστω ἐψ]ηφισμένα, но и въ III л. plsqpf. med. CIA. II, 380, 14 (ок. 229 г. до Р. X.), если та и другая надпись дополнена вѣрно. Lautens., p. 3.

b) Сослагательное наклоненіе. „Вслѣдствіе перехода звука ῃ въ ει (ок. середины IV в.) 3 л. ед. ч. сослаг. накл. наст. дѣйств. зал. глаголовъ на -ω совпадаетъ съ соотвѣтствующею формой изъяв. накл.: ἐὰν τις ἀδικεῖ CIA. II, 811, c, 154 (323 a. C.). Однако односложныя основы на -έω удерживаютъ не слитную форму: CIA. II, 809, b, 32 (325 a. C.) ἐὰν δέ του προσδέει". Meisterh., p. 75. Впро-

чемъ встрѣчаются исключенія: Syll. 126, 8 (304—3 а. С.) ἐὲν δὲ δεῖ; ib. 337, 10—11 ὡς ἂν προσδεῖται = προσδῆται = προσδέηται; Syll. 353, 62. Обыкновенная форма δέῃ читается CIA. II, 61, a, 22. Riem. Rev. IX, p. 88.

c) Желательное наклоненіе. Meisterh., p. 75, говоритъ, будто по стиху Ἐχθροὶ στάσαιεν Ζηνὶ τρόπαιον ἕδος (Kaibel, Epigr. 24, 2 „ante med. IV saec.) эпиграммы на павшаго на войнѣ аѳинянина видно, что поэты IV вѣка пользовались и безъ принужденія со стороны размѣра неаттическими формами желат. аориста. Bamb. Jb. XII, p. 41, возражаетъ справедливо, что изъ приведеннаго стиха уже по причинѣ формы Ζηνί нельзя сдѣлать никакихъ заключеній объ аттическомъ нарѣчіи.

Для рѣшенія спорнаго вопроса объ окончаніяхъ -ειας, -ειε(ν) -ειαν и -αις, -αι, -αιεν въ opt. aor. I act. аттическаго нарѣчія надписи не даютъ много матеріала: всѣ прозаическія надписи, открытыя до сихъ поръ, представляютъ во всякомъ случаѣ лишь такъ-называемыя эолическія формы; CIA. IV, 116, a, 10 (450—400 a. C.) δήσειε; CIA. II 167, 93 (вскорѣ послѣ 307/6 гг. до Р. Х.) ὑ]ποφορήσ[ε]ι[ε; Ἀθ. X, 541 22 προστάξειεν, ib. 23 ἄρξειεν (II в. по Р. Х.). Lautens., p. 24. Рукописи и для этого вопроса мало надежны. На основаніи матеріала, собраннаго у Bamb. Jb. III, p. 11 sqq. XII, p. 40 sqq. и Stahl p. 63 мы даемъ здѣсь слѣдующее короткое обозрѣніе результатовъ, добытыхъ изслѣдованіями разныхъ ученыхъ.

Платонъ, кажется, предпочелъ во II лицѣ окончаніе -αις, избѣгаетъ -αι въ III л. ед. ч. почти совсѣмъ (Leg. II p. 667 E читаетъ Шанцъ ὀνομάσαι), а въ III л. множ. ч. употребляетъ одинаково часто формы на -αιεν и -ειαν. Ѳукидидъ болѣе всѣхъ прозаиковъ придерживается эолическихъ формъ по примѣру сценическихъ поэтовъ и Stahl. p. 63, пишетъ поэтому III, 29, 3 φθάσειαν вм. φθάσαιεν; V, 111, 1 νομίσειαν вм. νομίσαιεν; II, 49, 3 στηρίξειεν вм. στηρίξαι и II, 84, 2 ἐκπνεύσειεν вм. ἐκπνεύσαι. На основаніи данныхъ, собранныхъ В. Рёдеромъ въ его статьѣ (Über den Gebrauch der nichtäolischen Optativformen bei den Attikern), приходитъ Bamb. Jb. XII, p. 41, къ тому заключенію, что въ нашихъ текстахъ слѣдуетъ вездѣ возстановить эолическія формы тамъ, гдѣ рукописное преданіе не исключаетъ ихъ совершенно. Точное изслѣдованіе, въ которомъ были бы приняты въ разчетъ всѣ подходящія мѣста Платона, Ѳукидида, Ксенофонта и ораторовъ, до сихъ поръ еще не предпринято.

Что касается сценическихъ поэтовъ, то у Софокла [1]) устранена теперь въ нашихъ текстахъ единственная форма на -αις (OR. 446). Такимъ же образомъ и у Еврипида исправлены всѣ мѣста, имѣвшія прежде еще -αις: Med. 1109 пишутъ Диндорфъ и Принцъ χορήσει; Ib. 325 исправилъ Шталь ἀναπείσεις ποτέ вм. ἂν πείσαις ποτέ рукописей; Iph. T. 1184 предлагаетъ Шталь σώσῃς вм. σώσαις. Bacch. 747 читаетъ теперь Веклейнъ по рукописямъ ξυνάψαι вм. ξυναίψαις. Относительно Аристофана Шталь говоритъ, что четыре мѣста не поддаются исправленію (два изъ нихъ, Vesp. 572 и 728 находятся въ анапестическихъ стихахъ и этимъ самымъ оправдываются, о двухъ остальныхъ—Plut. 1036. 1134 см. ниже). Изъ семи мѣстъ Аристофана съ окончаніемъ -αις, приведенныхъ Лярошемъ (La Roche) въ его статьѣ: Grammatische Untersuchungen (Zeitschr. f. oesterr. Gymn. 1874, p. 405 sqq.) ни одно, говоритъ Бамбергъ, не осталось безъ возраженій, отчасти не исключительно по поводу формы; вотъ эти мѣста: Vesp. 573. Nub. 776. Plut[2]. 1036 [2]). 1134. Pax 405. Vesp. 726. 819; къ нимъ надо прибавить еще Lys. 506. Въ III лицѣ ед. ч. окончаніе -αι совершенно теперь устранено изъ Θукидида: Шталь пишетъ Thuc. II, 49, 3 στηρίξειεν вм. στηρίξαι; II, 84, 2 ἐκπνεύσειεν вм. ἐκπνεύσαι; IV, 62, 2 онъ принимаетъ толкованіе Гервердена и пишетъ неопредѣленныя παῦσαι и ξυνδιασῶσαι. У Аристофана нѣтъ формы на -αι; Еврипидъ употребляетъ разъ ἐλπίσαι въ триметрѣ (Hec. 820) и нѣсколько разъ находится такая же форма у него въ хоровыхъ пѣсняхъ (Alc. 117. Suppl. 620. 830). При преобладающемъ числѣ формъ на -εις, у Эсхила желательныя оканчиваются иногда на -αι въ лирическихъ частяхъ (Suppl. 660. 662. Eum. 983); а въ другихъ мѣстахъ (Ag. 170. Suppl. 624. Eum. 608) чтеніе спорно.

Окончаніе -αιεν III л. множ. ч. устранили изъ Еврипида Диндорфъ, исправивъ Hel. 75 и Herc. fur. 183, а изъ Θукидида Шталь, написавъ Thuc. III, 49, 3 φθάσειαν и V, 111, 1 νομίσειαν.

Bamb. Jb. III p. 14 даетъ, на основаніи собранныхъ Лярошемъ мѣстъ, слѣдующую таблицу, заключающую въ себѣ тѣ окончанія желательнаго накл. слитныхъ глаголовъ, которыя слѣдуетъ считать употребительными въ аттическомъ нарѣчіи:

---

[1]) Aesch. Suppl. 589 χορήσαις, находящееся въ лирическомъ мѣстѣ, не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

[2]) Kappeyne исправляетъ этотъ стихъ такъ:

διὰ δακτυλίου μὲν οὖν με διελκύσειας ἄν.

αω	εω	οω
φῴην (φῶμι)	οἰήν (οἶμι)	οἰήν
φῴης	οἰής (οἶς)	(οἶς)
φῴη	οἰή (οἶ) [2]	οἰή [4] (οἶ)
φῷτον	οἶτον	
	οἰτην	
φῷμεν [1]	οἶμεν [3]	οἶμεν
φῷτε	οἶτε	οἶτε
φῷεν	οἶεν	οἶεν

И относительно прочихъ желательныхъ (на -αίην, -οίην, -είην) всѣхъ временъ и залоговъ слѣдуетъ принять за правило, что они у аттиковъ въ двойств. и множ. ч. η не имѣютъ: слѣдовательно, нужно читать ξυμφαῖμεν Eur. Ion 943 съ Диндорфомъ (рукоп. φαίημεν). Soph. Ant. 926 форма ξυγγνοῖμεν требуется размѣромъ; ср. Arist. Thesm. 1230 ἀνταποδοίτην. Знаменательно, что I и II л. множ. ч. являются у сценическихъ поэтовъ лишь съ болѣе короткими окончаніями -εῖμεν, -εῖτε, тогда какъ въ текстахъ прозаиковъ, гдѣ переписчики не были стѣсняемы размѣромъ, рукописи часто имѣютъ болѣе длинныя окончанія. Isocr. IV, 99 и 160 читаетъ Cod. Urbin. отъ первой руки ἀξιωθεῖμεν и βουληθεῖμεν: въ обоихъ мѣстахъ позднѣйшая рука надписала η. Много матеріала о всѣхъ формахъ желат. накл. собрали O. Riemann, Qua rei criticae etc., p. 83—86, и Rutherford, The new Phrynichus, p. 436. 451, Послѣдній требуетъ окончаній -οίην, -οίης, οίη и для opt. perf. act. по аналогіи слѣдующихъ мѣстъ: Soph. O. R. 840 ἐκπεφυγοίην, Arist. Ach. 940 πεποιθοίη, Cratin. fr. 320 Kock. ἐδηδοκοίη, Xen. Cyr. II, 4, 17 προεληλυθοίης. Ср. Bamb. Jb. XII, p. 43 sq. Надписи, къ сожалѣнію, не даютъ намъ ничего для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ; только CIA. II, 578, 12 ἐπιορκο[ί]ην (послѣ 440 г. до Р. X.) подтверждаетъ то, что̀ выше сказано о жел. накл. слитныхъ гл. на -εω.

---

[1]) Eur. Cycl. 132 принята теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Девеса ξυνδρῷμεν вм. рукописнаго δρῴημεν.

[2]) Въ рукописяхъ такъ часто читаются формы на -οῖ, что врядъ ли правъ Кобетъ, желающій вездѣ писать οίη. Ср. Элія Діонисія у Фотія: εὐδοκιμοῖ καὶ εὐδοκιμοίη τὸ εὐκτικὸν ῥῆμα καὶ ποιοῖ καὶ ποιοίη καὶ τἆλλα τὰ ὅμοια σὺν τῷ η καὶ ἄνευ τούτου.

[3]) Eur. Hol. 1010 читается теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Порсона ἀδικοίην вм. ἀδικοίημεν рукописей.

[4]) Soph. OR. 829 ὀρθοίη. Arist. Pax 924 μεσοίη. Форма ὑμεναιοῖ Arist. Pax 1076 находится въ эпическомъ гексаметрѣ.

d) Повелительное наклоненіе. Meisterh., p. 75—77.

Поразительный примѣръ малонадежности рукописнаго преданія представляетъ 3 л. множ. ч. повел. накл. Оказывается по надписямъ, что окончаніе -ωσαν стало употребляться лишь съ 300 г. до Р. Х.; а именно на 112 примѣровъ съ окончаніемъ -ντων или -σθων, открытыхъ въ надписяхъ (Lautens., p. 2), до названнаго времени не приходится ни одного съ окончаніемъ -τωσαν или -σθωσαν; въ III, II и I вѣкахъ послѣднія окончанія становятся почти исключительно господствующими. Что окончаніе -ωσαν не свойственно аттикамъ, подтверждаютъ и грамматики: Moeris ed. Piers., p. 15, ἀγόντων, ᾀδόντων, Ἀττικῶς. ἀγέτωσαν, ᾀδέτωσαν, Ἑλληνικῶς. Etym. M. 6, 56 ἀγγελλόντων ἀντὶ τοῦ ἀγγελλέτωσαν οἱ Ἀττικοί φασιν. Въ текстахъ сценическихъ поэтовъ классическаго времени имѣется только два раза форма на -ωσαν Eur. Iph. T. 1480 ἴτωσαν εἰς σὴν ξὺν θεᾶς ἀγάλματι, вм. чего предложено исправленіе εἰς σὴν ἰόντων, и Ion. 1131 παροῦσι δαῖτες ἔστωσαν φίλοις, вм. чего Л. Диндорфъ написалъ δαῖτας ἑστία φίλοις. Ср. Riem. Qua rei crit., p. 76. Bamb. Jb. VIII, p. 205.—Stahl, p. 63, исправляетъ Thuc. I, 34, 1 μαθόντων, III, 39, 6 κολασθέντων, III, 67, 2 ὠφελείσθων, IV, 92, 7 κτάσθων; VIII, 18, 3 онъ предлагаетъ ἔστων вм. рукописнаго ἔστωσαν, а не ὄντων (встрѣчающихся исключительно въ надписяхъ), потому что считаетъ невѣроятнымъ происхожденіе чтенія ἔστώσαν изъ ὄντων. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ мѣста, приведенныя у Кюнера (Ausf. Gr². I, p. 529, 537) и Маттіэ (Matthiae. Ausf. Gr³. I, p. 442), не стѣсняясь преданіемъ, слѣдуетъ исправить, и что Эльмслей правъ, утверждая, что формы на -ωσαν встрѣчаются лишь у Архестрата (во время Аристотеля); послѣ Эльмслея высказалъ то же мнѣніе Кобетъ (Var. Lect., p. 327).

Замѣчательна форма μισθωσάντωσαν CIA. II, 600, 45, (300 a. C.), относящаяся къ переходному времени. Meisterh., p. 77.

Въ среднемъ залогѣ является въ надписяхъ форма, изъ литературы совершенно неизвѣстная, а именно повелительныя, оканчивающіяся на -όσθων, которая по 424 г. до Р. Х. въ надписяхъ исключительно встрѣчается, а съ этого времени по 378 г. до Р. Х. преобладаетъ надъ другою формой на -έσθων. Взаимное отношеніе обѣихъ формъ можно выразить такъ:

450—424 гг. до Р. Х.	-όσθων : -έσθων=5 : 0
421—378 гг. до Р. Х.	-όσθων : -έσθων=6 : 4

Мы даемъ тутъ всѣ примѣры, тѣмъ болѣе, что списокъ Мейстерганса не полонъ.

α) 450—424 гг. до Р. Х.: ἐπιμελόσθων CIA. IV, 22 a, c, 21; ἐπιμελ[ό]σθων ib. frg e—d, 8 (450—446 a. C.); ἐπιμελόσθων ib. 27, a, 19 и 44. συνεπιμελόσθων ib. 68. εὐθυνόσθων CIA. IV², 27, b, 20= Syll. 13='Aθ. VIII, 408 (439 a. C.), εὐθυνόσ[θων CIA. IV², 34, a, 10 (раньше 440 до Р. Х.), вмѣсто чего Кирхгофъ читалъ въ I томѣ εὐθύνος=εὐθύνους.

β) 424—378 гг. до Р. Х.: συσσημαινόσθων CIA. I, 32, A, 17 (420—416 a. C.); ε]ὑρισκόσθων ib. IV, 71, 19 (420—413 a. C.); ἐπιμελόσθων ib. IV², 35 b, c, 18 и ἑλόσθων ib. 29 (V вѣка); χρώσθω[ν CIA. I, 78, 5 (раньше 403 г. до Р. Х.); ἐπιμελόσθων ib. II, 92, 5 (378 a. C.);—εὐθυνέσθων CIA. I, 40, 38 (424 a. C.); ἐπ]αρᾶσθων ib. IV, 71, 25 (420—413 a. C.); ἐπιμελέσθων ib. I, 94, 7 (до 403 a. C.), δεχέσθων ib. IV, 116, c, 9 (до 403 a. C.).

Curtius, Verb. II, p. 65 приводитъ дорическую надпись съ формой ἀνελόσθω (множ. ч.!). Ср. Meyer. Gr²., p. 500.

e) Что неопредѣленное накл. не имѣетъ ι προσγεγραμμένον, доказываютъ примѣры ὁρᾶν CIA. II, 1054, 91 (347—329 a. C.), τιμᾶν CIA. II, 467, 92, (I в.), νικᾶν Mitth. X, 111 (IV в.). Meisterh., p. 77. Lautens., p. 25.

f) Причастіе женск. р. прошедш. соверш. дѣйств. зал. оканчивается въ V и IV вв. на -υια (υα), въ слѣдующихъ же трехъ вѣкахъ (III—I вв.) встрѣчается и дорическое окончаніе -εια: γεγονεῖα CIA. II, 398, 13 (III в.); 455, 16 (II в.), 467, 92 (I в.).

g) Глагольныя прилагательныя въ -τος въ надписяхъ не имѣютъ значенія возможности, а по смыслу равняются или страдательному причастію или прилагательному: τὴν πόλιν... ἀνάστατον CIA. IV, 27, a, 5 (ок. 445 до Р. Х.); ἀνυπόζωστος CIA. II, Add. 789, b. 79. 83. (374 a. C.); τὰς ἐξαιρέτους ib. II, 794, a, 39 (356 a. C.); κλεὶς ἀνάπαιστος 'Εφ. ἀρχ. 1883, 135, 22 (IV в.); σφραγὶς σύνθετος CIA. II, 766, 28 (341—333 a. C.). Lautens., p. 26.

Приращеніе и удвоеніе. Meisterh., p. 77—79.

a) Слоговое приращеніе.

Слогового приращенія давнопрошедшаго вр. надписи ни разу не пропускаютъ: ἐτετάχατο CIA. I, 40, 9 (428 a. C.), ἐδεδήμε[υτο ib. IV, 61, a, 9 (409 a. C.); ἐ[πε]γέγρα[π]το II, 754, 5 (349—344 a. C.), ἀνεγέγραπτο II, 809, c, 222 (325 a. C.), ἐτετίμητο Mitth. IX, 291, 37 (200—150 a. C.). La Roche, Das Augment d. griech. Verbums. Linz 1882, p. 3 и 35 sq., высказалъ мнѣніе, что пропускъ прираще-

нія въ литературѣ встрѣчается въ особенности въ сложныхъ глаголахъ. Противъ этого, относительно Платона говоритъ Шанцъ (Plat. XII p. XII), полагая, что онъ не могъ въ 4 мѣстахъ пропустить приращеніе, если 21 разъ онъ ставилъ его; поэтому Шанцъ пишетъ, вопреки рукописямъ, Apol. p. 36 A ἀπεπεφεύγη, Symp. p. 173 B παρεγεγόνει, p. 217 C ἐνεκεχειρήκη. Leg. III, p. 699 E ξυνεβεβήκει. Stahl, p. 59, того же мнѣнія относительно Θукидида: въ рукописяхъ читается Thuc. IV, 90, 2 καταπεπτώκει; V, 14, 3 γεγένητο; V, 35, 5 ἀποδεδώκεσαν; VIII, 15, 1 ἀνακεχωρήκεσαν, мѣста, которыя, конечно, нужно исправить.

Глаголы βούλομαι, δύναμαι, μέλλω имѣютъ въ надписяхъ приращеніе η лишь съ 284 г. до Р. Х. : ἐδύναντο CIA. II, 89, 5 (356—352 a. C), ἔμελλον ib. Add. 834, c, 28 (317—307 a. C.); ἠβούλοντο CIA. II, 314, 25 (284 a. C.). Ср. Thom. Mag. p. 130 ἐβουλόμην καὶ ἐβουλήθην πλειστάκις οἱ δοκιμώτατοι λέγουσιν, ἠβουλόμην δὲ καὶ ἠβουλήθην ἅπαξ. То же самое подтверждаютъ относительно δύναμαι, по Лярошу, (стр. 4 слл.) рукописи прозаиковъ, гдѣ, за исключеніемъ Демосѳена, при δύναμαι ε преобладаетъ, а при μέλλω η никогда не бываетъ. Размѣромъ защищено, впрочемъ, ἠδυνήθην Aesch. Prom. 206, ἠδύνω Philipp. Com. IV, p. 472, ἤμελλ' Arist. Ran. 1038, ἤμελλον Eccl. 597. Bamb. Jb. VIII, p. 204.

Глаголъ ἁλίσκομαι имѣетъ въ аористѣ въ надписяхъ только форму ἑάλων : ἑάλωσαν CIA. II, 38, 14 (раньше 380 г. до Р. Х.); ср. Thom. Mag. p. 146 ἑάλωκεν Ἀττικοί, οὐχ ἤλωκε καὶ ἑάλω, οὐχ ἥλω. Ἑάλω защищено размѣромъ Arist. Vesp. 355. Въ рукописяхъ Платона первая форма относится ко второй, какъ 4 : 1, у Эсхина какъ 2 : 2, у Демосѳена какъ 31 : 10, у Андокида, Лисія, Исея, Динарха и Ликурга какъ 12 : 0. Bamb. Jb. XII, p. 45.

Предлогъ πρό сливается съ ε приращенія до середины IV вѣка: προὔπεμψε Kaib. Ep. 39 (IV в.), προυβούλευσεν CIA. II, Add. 57, b, 16 (362 a. C.). Послѣ 350 г. кразисъ всегда избѣгается: προε[βούλευσεν] CIA. II, 236, a, 7 (послѣ 336 a. C.), προέστη Ἐφ. ἀρχ. 1884, 137, B, 4 (337—286 a. C.), προετρέψαντο ib. II, 628, 21 (I в.), προενοήθη ib. строка 28, etc. Lautens., p. 6. Meisterh., p. 78. Ср. Moeris, p. 302: προὔτρεψεν, οὐ προέτρεψεν. Riem. Rev. IX, p. 58, поэтому напрасно не соглашается съ Диндорфомъ и Кобетомъ, пишущими Xen. Hell. I 2, 18 προὔδοσαν, вопреки рукописямъ.

Κέκτημαι. Schanz Plat. XII, p. XVII sq., приходитъ на основаніи рукописнаго преданія къ тому заключенію, что Платонъ писалъ

ἔκτημαι послѣ согласныхъ, κέκτημαι послѣ гласныхъ. Aesch. Prom. 795 ὄμμ' ἐκτημέναι защищено размѣромъ; послѣдній требуетъ κέκτημαι Arist. Vesp. 615. Av. 379. Ran. 1146. Eccl. 601. Plut. 4. 755. Bamb. Jb. XII, p. 45. κ[ε]κτημένος читается CIA. II, 476, 2 (100—50 a. C.). У Өукидида никогда не встрѣчается ἔκτημαι; поэтому исправляется вѣрно Thuc. II, 62, 3 чтеніе большинства рукописей προσεκτημένα въ προκεκτημένα. Ср. Stahl., p. 60.

b) Временное приращеніе. Лобекъ (Phryn. p. 140 и ad Soph. Ai. 120) возставалъ противъ Эльмслея и другихъ, пишущихъ напримѣръ, Eur. Iph. T. 777 ηὑρήμεθα. Heracl. 305 ηὕρομεν, то-есть, противъ тѣхъ, которые полагали, что глаголы, начинающіеся съ ευ-, должны имѣть приращеніе. Дѣйствительно, мнѣніе Лобека основывается на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ древнихъ грамматиковъ, напримѣръ, Pseudo-Herod. ap. Lob. Phryn. p. 456 ηὐξάμην καὶ εὐξάμην, ηὐδόκουν καὶ εὐδόκουν καὶ ὅσα ἀπὸ τοῦ ευ ἄρχονται; id. ap. G. Herm. de emend. rat. gram. gr. p. 314 ἁμαρτάνουσιν οἱ λέγοντες ηὐξάμην καὶ ηὐχάμην λόγῳ τοιούτῳ ὅσα ἀπὸ τῆς ευ διφθόγγου ἄρχεται, ταῦτα τηρεῖ τὴν ευ δίφθογγον καὶ ἐπὶ πάντων τῶν χρόνων. Однако этому утвержденію противорѣчатъ другіе: ср. Etym. Magn. 400, 26 εὐχόμην καὶ εὐφραινόμην· ἰστέον ὅτι παρ' ἡμῖν φυλάττεται, παρὰ δὲ 'Αθηναίοις τρέπεται· ὥσπερ ἡ ει δίφθογγος ἔχουσα τὸ ε παρ' ἡμῖν μὲν οὐ τρέπεται κατὰ τὸν παρατατικὸν, οἷον εἴργω, εἶργον· οὕτω καὶ ἡ ευ ὡς ἔχουσα τὸ ε οὐ τρέπεται· παρὰ δὲ 'Αττικοῖς πολλάκις τρέπεται τὸ ε τῆς ει διφθόγγου· οἷον εἰκάζω ᾔκαζον. Τούτου χάριν καὶ τὸ ε τῆς ευ διφθόγγου εἰς η τρέπεται· οἷον εὔχομαι ηὐχόμην. Bekk. Anecd. II 804 εἰκάζω, εἴκαζον· οἱ δὲ 'Αττικοὶ διὰ τοῦ ι, οἷον ᾔκαζον, καὶ τὸ εὐφραίνομαι ηὐφραινόμην. Moeris p. 175 ηὐξάμην 'Αττικῶς, διὰ δὲ τοῦ ε 'Ελληνικῶς. Weckl., p. 34 sq. Однѣ надписи могутъ рѣшить спорный вопросъ, и по нимъ оказывается, что въ IV вѣкѣ аттики писали въ прошедш. вр. такихъ глаголовъ исключительно ηυ: ηὑρ[έθ]η CIA. II, 813, B, 16 (раньше 400 г. до Р. Х.), ηὑρέθη ib. 652, B, 16 (398 a. C.); 747, 4 (ок. 350 a. C.); ηὑρέθ[η 720, A, 24 (321 a. C.); ηὕρηται Kaib. Epigr. 35, 2 (ок. 350 г.); ηὖχθ[αι [1]) CIA. II, Add. 57, b, 12 (362 a. C.). Лишь въ I вѣкѣ находится ἀνεῦρον CIA. II, 628, 25. Meisterh., p. 78. Lautens., p. 5. Рукописи Өукидида сохраняли иногда ηυ, напримѣръ, Thuc. I, 58, 1 ηὕροντο; II, 18, 3 ηὐτρεπίζοντο; V, 42, 1 ηὗρον, Stahl, p. 60. Bamb. Jb. VIII, p. 204. Ж. М. Н. Пр. 1876 ноябрь, стр. 44. Глаголы, сложенные съ εὖ, на аттическихъ надписяхъ приращенія не

---

[1]) По *Riem.* Rev. IX, p. 180, въ CIA. напечатано невѣрно εὖχθ[αι.

имѣютъ: εὐεργετήκα[σι CIA. II, 283, 10 (ок. 300 a. C.), εὐε[ργ]έ[τ]ηκε[ν ib. 271, 4 (302 a. C.), προευχρήστηκεν 'Αθ. VIII, 295, 16 (III в.). Lautens. p. 5. Относительно рукописей сообщаетъ Bamb. Jb. XII, p. 46, что Arist. Plut. 835 codd. RVU читаютъ εὐεργέτησα, Plat. Crit. p. 43 A—Paris. A εὐεργέτηται, Isocr. IV, 56—cod. Urb. εὐεργέτησεν.

Правило у Moeris (p. 182 ed. Piers. ᾔκασα 'Αττικῶς, εἴκασα 'Ελληνικῶς, Etym. M. 400, 26 (см. выше) и Herodian. ed. Lentz II, p. 326, 5; 486, 12 подтверждается аттическою надписью классическаго времени 'Εφ. ἀρχ. 1885, p. 88, ἐξηκάσατο. У Θукидида II, 54, 5 имѣетъ одинъ cod. Laur. ᾔκαζον, Thuc. V, 92, 5 лучшія рукописи имѣютъ ᾔκαζον, другія — εἴκαζον. Stahl, p. 60. У Эсхила имѣетъ cod. Med. (prima manus безъ ι) ῆκασεν Choeph. 633, προσήκασεν Sept. 431, ἐξηκασμένον ib. 445. Weckl., p. 35.

Прош. соверш. гл. οἰκοδομεῖν иногда не имѣетъ приращенія въ надписяхъ: νεώσοικοι οἰκοδομημένοι CIA. II, 807, c, 28; 808, d, 95; 811, c, 6 (330—322 a. C.), однако ib. 809, e, 55 νεώσοικοι ᾠκοδο[μημένοι (325/4 a. C.); ἐξῳκοδόμησεν CIA. II, 240, b, 5 (307 a. C.); διῳκημέν[ων CIA. II, 240, b, 22 (307/6 a. C.); ᾠκονομημένων ib. 836, B, p, 7 (ок. 270 a. C.); ᾠκονόμηκεν ib. 329, 16 (ок. 270 a. C.); 444, 20 (160—150 a. C.); 446, 17 (ок. 150 a. C.). Bamb. Jb. XII, p. 46. Lautens. p. 4.

Глаголъ ἀναλόω принимаетъ приращеніе всегда послѣ предлога; слѣдовательно, ἀνήλωσα, ἀνήλωκα, а не ἀνάλωσα или ἠνάλωσα etc. Cp. CIA. I, 181, 1 ἀνήλωσαν (415 a. C.); ib. 181, 1 (410 a. C.); ἀνηλωκώς CIA. II, 444, 18 (начала II в.); ἀνηλώσαμεν ib. Add. 834, c, 24 (317—307 a. C.); ἀνηλώθη ib. строка 20; ἀνήλωκεν Mitth. IX, 289 (200—150 a. C.); ἀνηλώθη CIA. II, 814, A, a, 32 (374/3 a. C.); ἀνηλώθησαν ib. 766, 64 (341—333 a. C.); ἀνήλωται CIA. II, Add. 834, b, I, 41. II, 4 (329/8 a. C.). Эти формы не измѣняются, если присоединяется новый предлогъ: προανήλωσεν CIA. II, 379, 3 (вскорѣ послѣ 229 a. C.), προσανήλωσεν ib. II, 613, 11 (298/7 a. C.) и 379, 7. Cp. Moeris ἀνηλωμένον 'Αττικῶς, ἀναλωμένον 'Ελληνικῶς. Невѣрно утверждаетъ Thom. Mag. p. 141, 16 ἀνάλωκα καὶ ἀνάλωσα 'Αττικοί, τὸ δὲ μετὰ αὐξήσεως ταῦτα λέγειν οἷον ἀνήλωκα καὶ ἀνήλωσα κοινόν. Riem, Rev. IX, p. 86. Lautens, p. 5 sq. Meisterh., p. 78.

Aor. и imperf. гл. ἐργάζομαι встрѣчаются въ надписяхъ IV вѣка семь разъ съ начальнымъ звукомъ η, одинъ разъ съ ει: ἠργάζον[το CIA. II, 14, a, 17 (387/6 a. C.), ἐξ]ηργάσατο ib. 834, 10, 23 (330—300 a. C.), ἐξηργάσα[το 240, b, 6 (307/6 a. C.), ἠργάζετο 780, 8 (ок. 300 a. C.),

782, 11 (ок. 300 a. C.), ἠργάσατο Bull. II, 547 (IV вѣка); однако κατειργάσθησαν CIA. II, 809, b, 117 (325/4 a. C.). Отъ perf. имѣется въ надписяхъ того же времени пять [1]) примѣровъ съ начальнымъ ει: κατειργασμένα CIA. II, 757, 27 (335/4 a. C.), κατ]ειργασ[μένα ib. строка 3; κατειργ[ασμένα CIA. II, 762, 4 (IV в.), κατ]ειργα[σ]μένα ib. 758, B, 40 (послѣ 334 a. C.), κατειργασμένα ib. 751, B, b, 14 (350—314 a. C.). Lautens, p. 4.—Weckl., p. 36, и Herw., p. 79, считали правописаніе черезъ η ошибочнымъ, хотя оно упоминается уже у древняго грамматика Херобоска Cram. anecd. Ox. IV, p. 412, 22 ἐργάζομαι, εἰργαζόμην ὅπερ καὶ διφορεῖται, τινὲς μὲν γὰρ διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφουσιν αὐτό, τινὲς δὲ διὰ τοῦ η. Riem. Rev. V, p. 145, принималъ формы, начинающіяся съ η, за народныя, въ литературномъ языкѣ не употребительныя. Очень вѣроятно мнѣніе Вакернагеля (Philol. Anzeig. XVI, p. 80), предполагающаго, что ει свойственно удвоенію, η же приращенію: подтверждается эта разница формами ἑώρων, ἑάλων [2]) съ одной, и ἑόρακα, ἑάλωκα [3]) съ другой стороны. Методичнѣе будетъ во всякомъ случаѣ ΕΡΔ CIA. IV², 321, I, 39 читать ἠργ[άζετο. чѣмъ εἰργάζετο, какъ читаетъ Кирхгофъ въ транскрипціи; такимъ же образомъ мы читаемъ поэтому ib. II, 26 ἠ[ργ]άζετο и II, 30 ἠργάζετο. Кромѣ того, встрѣчается еще отъ того же корня, отъ котораго происходитъ ἐργάζομαι, форма συνήρ[γησ]εν CIA. II, 313, 11 (286/5 a. C.) и изъ другихъ нарѣчій дорическое ἐξηργάξατο CIA. I, 423, 5 (раньше 430 a. C.); ἠργά[σ]ατο Kaib. Epigr. 778 (Kalymna), συνήργησαν Mitth. I, 240, 15 (Andros). Lautens., p. 4. Въ папирусѣ Hyperid. IV, col. 44 читается также ἠργάζετο. Meyer. Gr.², p. 425.

Глаголъ ἕλκω имѣетъ въ классическое время приращеніе ει: κα]θείλκυσεν CIA. II, 791, 23 (377/6 a. C.), εἵλκυσε ib. Add. 834, b, I, 23. 56 (329/8 a. C.), Add, 834, c, 53 (317—307 a. C.); но въ I вѣкѣ η: καθῆλκον CIA. II, 470, 20 (69—62 a. C.). Lautens., p. 4.

Форма ἐξέταζεν CIA. II, 835, a—b, 16, говоритъ Riem. Rev. IX, p. 86, основывается или на ошибочномъ чтеніи со стороны издателя, или на ошибкѣ рѣзчика; вѣрно читается ἐξητάσθη CIA. II, 716, 13.

Аористъ εἰπεῖν считаютъ теперь обыкновенно происшедшимъ изъ

---

[1]) Двухъ надписей не слѣдуетъ принимать въ разчетъ, такъ какъ онѣ относятся къ I вѣку до Р. Х.: Mitth. VIII, 59, 12 (начала I вѣка) τῶν ἠργασμένων (Meisterh., p. 80, пишетъ ошибочно ἠργασαμένων) и Ἐφ. ἀρχ. 1884, 170, 21 ἐπειργάσαντο.

[2]) Cp. Arist. Vesp. 355.

[3]) Cp. Aesch. Ag. 30.

ϝεϝεπεῖν. Meisterh., p. 79, видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что еще до Евклида писали постоянно ΕΙΠΕ, а не ΕΠΕ, доказательство того, что ι принадлежитъ къ корню. Lautens., p. 14, справедливо возражаетъ, что и другія слова встрѣчаются до Евклида часто съ дифтонгомъ ει, хотя и въ нихъ ι не коренная. Такъ, напримѣръ, находится часто уже въ V вѣкѣ εἶναι рядомъ съ ἕναι, какъ CIA. I, 1, B, 4, 25. 36. 36, 13. 57, a, 36; εἰμι съ ει въ VI вѣкѣ CIA. I, 475, 484, 492, 7; εἶχε CIA. I, 324, c, II, 18 (408/7 a. C.). Если же пишется постоянно εἶπε, то это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что оно употребляется постоянно въ извѣстныхъ формулахъ, такъ что такое правописаніе вошло въ привычку. Lautens., p. 14.

Perf. act. гл. ὁράω въ надписяхъ не встрѣчается. У трагиковъ находится только ὄπωπα, такъ что остаются одни только комики, у которыхъ форма ἑόρακα часто защищена размѣромъ; ср. Arist. Nub. 767. Plut. 98. 1045, Thesm. 33. 35. Av. 1573. Ту же форму упоминаетъ Herodian. ed. Lentz II, p. 170 not. τὸ δὲ ἑώθουν ὥσπερ καὶ τὸ ἑώρων πλεονασμὸν ἔχει τοῦ ε ὡς καὶ τὸ ἑώρακα, ὅπερ καὶ διὰ τοῦ ο λέγεται „πολλοῦ γὰρ αὐτοὺς οὐχ ἑόρακά πω χρόνου“ Ἀριστοφάνης ἐν Πλούτῳ (v. 98), гдѣ впрочемъ называется и другая форма ἑώρακα (ср. и Herod. II, 788, 25). Послѣдняя форма основывается, кромѣ приведенныхъ мѣстъ изъ грамматика, только на рукописномъ преданіи, никакой доказательной силы не имѣющемъ. Такъ какъ форма ἑόρακα сохранилась нѣсколько разъ въ cod. Parisin. Σ Демосѳена, то методичная критика должна признать за единственно аттическую форму ἑόρακα. Того же мнѣнія держатся А. Наукъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, іюнь, стр. 245, Stahl, p. 59, Диндорфъ и др.; за ἑώρακα стоитъ Бамбергъ Zeitschr. f. d. G. 1874, p. 21 sq.

На основаніи Herod. ed. L. II, p. 790 μεγεθύνεται δὲ πολλάκις ἐν τοῖς Ἀττικοῖς τοῖς ἀπὸ βραχείας ἀρχομένοις, ὀμώμοκα ὠμωμόκειν, ἀγήοχα ἠγηόχειν и ib. 268, 18 sq. τὰ Ἀττικὰ παρακείμενα ἐν τῷ ὑπερσυντελίκῳ χρονικῶς μεγεθύνονται οἷον ἀλήλιφα ἠληλίφειν, ὀμώμοκα ὠμωμόκειν, ἀγήοχα ἠγηόχειν, ἐνήνοχα ἠνηνόχειν, ὄπωπα ὠπώπειν, ὄλωλα ὠλώλειν, ὄρωρα ὠρώρειν, ὄδωδα ὠδώδειν, πλὴν τοῦ ἐλήλυθα, ἐληλύθειν γὰρ ὁ ὑπερσυντέλικος (ср. Anecd. Ox. IV, 416 fol. 108 b; Etym. M. p. 330, 4) и рукописнаго преданія даетъ Бамбергъ Zeitschr. f. d. Gw. 1874, p. 19—21, слѣдующее правило о plsqpf. глаголовъ, имѣющихъ аттическое удвоеніе:

1) глаголы, начинающіеся съ ο, имѣютъ приращеніе: ἀπωλώλειν, ὠρωρύγμην, ὠρώρειν (Aesch. Ag. 653. Soph. OC. 1622; ὀρώρει въ эпи-

ческомъ гексаметрѣ Ar. Pax 1287) ὠμωμόχειν. Формы ὠπώπειν и ὠδώδειν не защищены рукописнымъ преданіемъ.

2) Глаголы, начинающіеся съ α, имѣютъ приращеніе: ἠκηκόειν (Arist. Vesp. 800, Pax. 616); относительно другихъ (ἠγηόχειν, ἠληλίφειν) рукописи не даютъ никакой опоры.

3) Глаголы, начинающіеся съ ε: рукописи и свидѣтельства грамматиковъ достаточно доказываютъ отсутствіе приращенія въ ἐληλύθειν. Въ пользу приращенія другихъ говорятъ вообще свидѣтельства грамматиковъ, ἠνηνόχειν даже прямо называется. Рукописное преданіе говоритъ противъ приращенія при ἐληλέγμην, ἐνηνόχειν, ἐγρηγόρειν (Arist. Eccl. 32. Plut. 744). По Фотію, Менандръ употреблялъ ἐγρηγόρειν и ἠγρηγόρειν.

Что касается мѣста приращенія въ сложныхъ глаголахъ, то рукописное преданіе въ общемъ подтверждается сохранившимися на надписяхъ глагольными формами; ср. Lautens., p. 6. Глаголъ ἀνορθοῦν имѣетъ двойное приращеніе: ἐπηνωρθώθη Syll. 373, 4 (съ остр. Микона). Глаголы, произведенные отъ сложныхъ именъ, принимаютъ, какъ извѣстно (Kühner. Ausf. Gr.[2] I, p. 517), приращеніе послѣ предлога, какъ видно по примѣрамъ изъ надписей: ἐπεστάτει (отъ ἐπιστάτης) CIA. I, 8, 3 (500—450 a. C.); 40, 4. 34 (424/3 a. C.); παρεσπονδηκότος (отъ παράσπονδος) CIA. II, 332, 32 (271—265 a. C.), συνήρ[γησ]ε (συνεργός) ib. 313, 11 (286/5 a. C.). Глаголъ ἐναντιοῦσθαι въ надписяхъ, кажется, не встрѣчается; по аналогіи другихъ глаголовъ слѣдовало бы ожидать формы ἐνηντιούμην ἐνηντίωμαι. Рукописи однако даютъ вездѣ только формы съ ἠναντ- начинающіяся; однако Arist. Av. 385 нельзя удержать рукописное чтеніе: ἄλλα μὴν οὐδ' ἄλλο σοί πω πρᾶγμ' ἠναντιώμεθα, и уже Бентли исправилъ по указанію размѣра ἐνηντιώμεθα. Кобетъ (Mnemos. III, p. 297) предлагаетъ такъ читать и Thuc. II, 40, 4 и видитъ подтвержденіе своего мнѣнія въ испорченномъ мѣстѣ Гезихія: ἤντησεν· ἀπήντησε, ἱκέτευσε. Θουκυδίδης δὲ τὸ ἠντιώμεθα ἐπὶ τῷ ἐναντιώμεθα. „Duae glossae in unam coaluerunt. Quid scripserit grammaticus apertum esse arbitror, quibus verbis scripserit non apparet. Habebat ἡ παλαιὰ 'Ατθίς formam ἐνηντίωμαι, pro qua recentiores constanter ἠναντίωμαι dicere solebant".

c) Неправильное употребленіе приращенія.

Приращеніе проникало иногда изъ историческихъ временъ въ изъяв. накл., причаст. и даже существительныя. Meisterh., p. 79 приводитъ εἱστηκότα CIA. I, 324 c, 19 (408/7 a. C.), что имѣетъ свою аналогію въ многочисленныхъ примѣрахъ съ формами εἴσχηκα, εἴσχημαι,

приведенныхъ у Meyer Gr.[2], p. 124, изъ неаттическихъ надписей; ἀνήλωμα CIA. II, 595, 12 и 624, 5 (II в.), ἀνηλώσας CIA. II, 594, 16 (127 a. C.) ср. 595, 4; εἰσάμενος Bull. V, 262 (I в.). Εἰλικτῆρες CIA. II, 698, II, 23 (353 a. C.) не произошло впрочемъ изъ приращенія, а слѣдуетъ признать здѣсь іонизмъ. Ср. Wackernagel, Phil. Anz. 1886, p. 80.

Производство временъ. Meisterh., p. 80—81.

a) Будущее время.

Отъ многосложныхъ глаголовъ на -ιζω буд. вр. образуется въ аттическихъ надписяхъ до II вѣка всегда безъ σ: ἐπψηφιῶ CIA. IV, 27, a, 10 (415 a. C.), λογιεῖσθαι CIA. II, 578, 13 (послѣ 340 a. C.), κομιοῦνται ib. 387, 13. Къ примѣрамъ Мейстерганса прибавляетъ Lautens., p. 17, συνφροντιεῖν 'Αθ. VIII, 295, 18; ib. 21 κομιοῦνται (III в.). Лишь въ одномъ сомнительномъ случаѣ имѣется въ прозѣ окончаніе -ίσω: περιενκεντρίσει CIA. II, 167, 62 рядомъ съ καλοπτεριεῖ строка 71 и μεριεῖται строка 110 (послѣ 307 a. C.). Herw., p. 69.

Глаголъ σκευάζω образуетъ по II в. до Р. X. буд. вр. правильно: ἐπισκευάσει CIA. II, 167, 46 (334—326 a. C.), κατασκευάσουσιν (III в.). Лишь во II половинѣ II в. встрѣчается отъ этого глагола fut. attic.: κατασκευῶσι[ν CIA. II, 405, 5; μετακατ]ασκευῶιν ib. 404, 14, но строка 32 μετακατασκευάσοντες.

Будущія καλῶ и τελῶ встрѣчаются въ надписяхъ по одному разу: ὑποτελῶ CIA. IV, 27, a, 26 (ок. 445 a. C.), παρακαλοῦσι CIA. II, 311, 47 (266 a. C.). παρακαλέ[σ]ουσιν CIA. II, 593, b, 20 относится лишь къ II вѣку.

Страдат. зал. буд. вр. на -ήσομαι имѣется въ надписяхъ лишь въ формѣ ἐγ[λ]εγήσεσθαι 'Αθ. VIII, 408, 16=CIA. IV[2], 27, b, 16 (раньше 429 a. C.) рядомъ съ ἐγλεχθῇ. Формы на -θήσομαι см. Lautens., p. 17.

b) Аористъ.

Глаголы на -αίνω и -ραίνω въ надписяхъ также имѣютъ aor. только на -ᾶναι: λειᾶναι CIA. I, 282, 8 (415 a. C.), ἐντετρά[ν]αντι CIA. II, Add. 834. b, II, 40 (329 a. C.). Arist. Thesm., 18 διετετρήνατο сказано, по мнѣнію Резерфорда (Bamb. Jb. XII, p. 48), для осмѣянія Еврипида.

„Окончанія I аориста проникаютъ мало по малу и во II-й аористъ", говоритъ Мейстергансъ, стр. 81, не только относительно глаголовъ ἔχω и εὑρίσκω, отъ которыхъ со временъ императоровъ находятся формы ἔσχα (CIA. III, 1363, 5), εὑράμενον (CIA. III, 900, 6 времени Адріана), εὕρατο (Kaib. Epigr. 873, 6; III в. по Р. X.), но

и относительно формъ εἶπας и εἰπάτω, которыя встрѣчаются въ надписяхъ будто бы лишь съ 300 г. до Р. Х. Послѣднее во всякомъ случаѣ не точно, такъ какъ Ἐφ. ἀρχ. 1884, 71, 19, приводится надпись V вѣка съ формой ἀνειπάτω, тогда какъ Мейстергансу извѣстенъ только примѣръ CIA. II, 614, 17 (ἀνειπάτω ок. 281 a. C.) и CIA. II, 681, 8 (IV — III в.) εἶπας = εἰπών. Совершенно вѣрно возражаетъ Riem. Rev. IX, p. 180, противъ поспѣшнаго вывода Мейстерганса изъ слишкомъ скуднаго матеріала, обнаружившагося въ надписяхъ. „Съ одной стороны", говоритъ онъ,—„извѣстныя формы I-го аориста, кажется, исключительно употреблялись въ аттическомъ нарѣчіи: такъ какъ надписи представляютъ столь же мало εἶπες, какъ εἶπας, столь же мало ἤνεγκες, какъ ἤνεγκας и т. д., то нѣтъ основанія не продолжать пока предполагать, что аттическія формы гласили εἶπας, ἤνεγκας, а не εἶπες, ἤνεγκες. Съ другой стороны, изъ того, что существуетъ два эпиграфическихъ примѣра въ пользу ἐνεγκέτω, и нѣтъ ни одного въ пользу ἐνεγκάτω, мы не имѣемъ никакого права заключить, что ἐνεγκάτω не аттическая форма; все, что можно сказать, это то, что ἐνεγκέτω, очевидно, хорошая аттическая форма".

Лишь во время римскихъ императоровъ проникаютъ формы I-го аориста и въ imperf.: ἤλπιζα (Kaib. Epigr. 167, 5), ἤφερα (ib. 168, 2=CIA. III, 1379; III в. по Р. Х.). Въ другихъ, неаттическихъ надписяхъ проникаютъ окончанія аориста даже въ perf.; ср. παρείληφαν (Syll. 171; 246—226 a. C. изъ Смирны), διατετέλεκαν, ἐντέτευχαν, εἴσχηκαν, πεποίηκαν (Syll. 255. I в. до Р. Х. изъ Лаконики). Аттическія надписи представляютъ только обыкновенныя формы, ср. διατετελέκασιν (Syll. 471, 41; I в. до Р. Х.), καθεστήκασιν (CIA. II, 478, c, 3; 68—48 a. C.).

Прошедшее совершенное и аористъ страдательнаго залога:

O perf. и aor. pass. Мейстергансъ умалчиваетъ. Мы дадимъ здѣсь, на основаніи замѣтокъ у Weckl., p. 60—62, Riem. Rev. V, 176, IX, p. 89, Bamb. Jb. XII, p. 48 и Lautens. p. 23, слѣдующій обзоръ новѣйшимъ разысканіямъ: По матеріалу, собранному у Веклейна (l. c.) видно, что у позднѣйшихъ грековъ существовала склонность прибавлять (а не выпускать, какъ говоритъ Lobeck ad Soph. Ai. v. 104) σ въ perf. и aor. pass., какъ, напримѣръ, Thuc. III, 61 читается въ рукописяхъ даже ᾐτιασμένων, III, 54 δεδρασμένων. Веклейнъ полагаетъ, что трагикамъ, Аристофану, Θукидиду, Ксенофонту и даже Платону свойственны однѣ болѣе древнія формы: σέ-

σωμαι, κέκλημαι, νένημαι [1]), κέκλαυμαι, κέκρουμαι, πέπρημαι, ἐκολούθην, ἐκαύθην, ἄλουτος, ἐγκαυτής. Тамъ, гдѣ существуютъ двѣ формы, можно заключить, что форма безъ σ есть болѣе древняя. Riem. Rev. V, p. 176, прибавляетъ, что при этомъ впрочемъ надо имѣть въ виду, что извѣстное число глаголовъ не имѣетъ σ въ perf. pass. и передъ суффиксомъ, начинающимся съ μ, а имѣетъ σ въ aor. pass. и передъ суффиксомъ, начинающимся съ τ, и приводитъ примѣры: ἐμνήσθην, μέμνημαι, ἐῤῥώσθην, ἔῤῥωμαι, ἐνεπρήσθην (πρηστήρ) πέπρημαι, ἐχρίσθην (χριστός), κέχριμαι (χρῖμα), ἐδράσθην (δραστικός, δραστήριος), δέδραμαι (δρᾶμα), ἐκλῄσθην или ἐκλείσθην, κέκλειμαι, ἔζωμαι (ὑποζώματα CIA. II, 728, B, 12. 20) ἐζώσθην (судя по формѣ Ζωστηρίας CIA. I, 273, f, 24). Въ надписяхъ встрѣчается προσκεκρουμέναι CIA. II, 720, B, 14. 20, поэтому Риманъ считаетъ оправданнымъ у Arist. Ach. 459 чтеніе ἀποκεκρουμένον (рукописи ἀποκεκρουσμένον), заключеніе, къ которому ужъ раньше пришелъ Диндорфъ, на основаніи чтенія codd. A и B у Athen. XI, p. 479 B и грамматика Bekk. Anecd. I, p. 429, 9 ἀποκεκρουμένον· οἷον ἠκρωτιασμένον καὶ κεκολοβωμένον καλίσκιον κτλ. οὕτως Ἀριστοφάνης Ἀχαρνεῦσιν [2]). По формѣ χώματι Syll. 112=CIA. II, 809, b, 16 (325 a. C.) можно заключить, что perf. pass. глагола χοῦν было κέχωμαι. Что καίω образовывало глагольн. прилагательное καυτός [3]), можно заключить по ἐγκαυταῖς CIA. I, 324, a, 42. 49; c, II, 12. 27. (408 a. C.). Στρωτῆρας CIA. II, 167, 60 (вскорѣ послѣ 307 a. C.) позволяетъ предполагать ἐστρώθην; за perf. pass. τέτεισμαι говоритъ ἀπ[ότ]εισμα CIA. II, 1058, 26 (350 — 300 a. C.), за κέκλασμαι—существительное κλάσματα CIA. II, 678, B, 33 (378—366 a. C.); за ἔξυσμαι—ξυσμάτων CIA. II, Add. 834, c, 36 (317 — 307 a. C.). Ср. еще ἀνυπ[όζωστ]ος CIA. II, 789, b, 79 и ἀνυπόζ[ωστο]ς строка 83 (374 a. C.; дополненіе на основаніи числа недостающихъ буквъ несомнѣнно). Что γιγνώσκω въ древнее время въ aor. pass. не имѣло σ, можно заключить на основаніи формъ: γνωτός (поэт. Kaib. Ep. 91; IV в.), ἄγνωτος, εὔγνωτος, πολύγνωτος, но σ, должно быть, была рано принята, удя по CIA. I, 9, 30 ˙κατα]γνωσθῇ (время Кимона); ср. καταγνωσ-

[1]) *Dindorf* ad Arist. Eccl. 839 ἐπινενημέναι: „Correxi ex Phrynicho in Bekk. Anecd. p. 13, 24 ἀγαθῶν πάντων ἐπινένηται ἡ τράπεζα: ἀντὶ τοῦ σεσώρευται, μεμέστωται, ut Nub. 1203 νενημένοι pro νενησμένοι vel νενασμένοι scribendum erat“.

[2]) κέκρουσμαι читается у Хиробоска Herodian. ed. L. II, p. 811 (подъ текстомъ) въ перечнѣ прошедш. соверш. безъ σ, гдѣ Риманъ считаетъ нужнымъ исправить κέκρουμαι.

[3]) Plat. Tim. 85 C читается въ рукописяхъ πυρίκαυτα. Bamb. Jb. XII, p. 49.

θέντος Mitth. II, 143, 30 (364 — 362 a. C.); Γνωστή CIA. II, 812, b, 57 (323 a. C.). Part. perf. pass. ν]ενημένη (отъ νάω, νῶ пряду [1])=poet. νήθω) имѣется CIA. II, 757, 23 (335 a. C.). Lautens., p. 22.

Въ σ обращается ν передъ μ въ ὑφαίνω: ἐνυφασμένα CIA. II, 754, 9 (349—344 a. C.); 755, 3 (349—344 a. C.); но ὑφάμματα ib. 678, B, 67 (378 — 366 a, C.); σημαίνω: σεσημασμένος CIA. II, 661, d, 29 (ок. 390 a. C.); 672, 41 (376 a. C.); 676, 13 (400—350 a. C.); 690, 10 (ок. 350 a. C.). Lautens., p. 20. III л. ед. ч. σεσ]ήμαν[τ]αι CIA. II, 666, 6 (ок. 385 a. C.). II л. ед. ч. такихъ глаголовъ не засвидѣтельствовано ни надписями, ни въ литературѣ; очень сомнительно поэтому, имѣемъ ли мы право образовать формы въ родѣ πέφανσαι, σεσήμανσαι, ὤξονσο.

Глаголы на -μι. Meisterh., p. 81—83.

1. τίθημι, ἵημι, δίδωμι, ἵστημι.

II л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ τίθημι и ἵημι гласило, судя по нашимъ грамматикамъ, τίθης и ἵης, и такимъ образомъ пишутъ въ своихъ изданіяхъ Диндорфъ и На́укъ (ср. Soph. Phil. 992. Ant. 403. El. 596. OC. 425. Eur. Cycl. 545), хотя во многихъ мѣстахъ лучшія рукописи имѣютъ форму τίθεις или τιθείς. Размѣръ въ этомъ случаѣ безполезенъ, а въ надписяхъ названная форма не встрѣчается, такъ что почти только на основаніи рукописей можно сдѣлать заключеніе о языкѣ древнихъ аттиковъ. Самое вѣское доказательство въ пользу формы ἱεῖς представляетъ стихъ Касторіона у Athen. X, p. 455 A, гдѣ, какъ самъ Аѳиней говоритъ, каждая диподія состоитъ изъ 11 буквъ и слѣдовательно писать нужно:

μωσοπόλε θήρ, κηρόχυτον ὃς μείλιγμ' ἱεῖς.

Рукописи имѣютъ ἱείς, ἵεις и ἵης. На необходимость писать ἱεῖς указалъ еще до Кобета (Var. Lect. p. 221) Порсонъ. Кобетъ (Mnemos. IX, p. 373) указалъ на то, что Plat. Soph. 238 E и 243 B. cod. Bodlei. вѣрно сохранилъ ξυνιεῖς, а Шанцъ (Nov. Comment. Platon. Wirceburgi 1871, p. 50) прибавляетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ такъ читаютъ и другія рукописи. Бамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 28) сообщаетъ, что Arist. Eq. 717, Lys. 895 и Plut. 45 рукописи имѣютъ формы ἐντιθεῖς, διατιθεῖς, ξυνιεῖς. На необходимости писать τιθεῖς,

---

[1]) Не νέω; ср. Etym. M. 344, 1=Herodian. ed. L. II, p. 302, 14: ἐννη· ἔστε νῶ, σημαίνει τὸ νήθω· ὁ παρατατικὸς καὶ ἐπὶ πρώτης συζυγίας καὶ ἐπὶ δευτέρας. εἰ γὰρ ἔστι νώμενος ὡς κλώμενος, δηλονότι ἐστὶ δευτέρας· τοῦ νῶ παρατατικὸς ἔνων, ἔνης, ἔνη κτλ.

ἱεῖς вновь настаиваетъ Наберъ (Mnemos. N. S. IX, p. 233). Кюнеръ (A. Gr.[2] I, p. 644 Anm. 4) во всякомъ случаѣ не правъ, защищая удареніе τίθεις и ἵεις и считая эти формы свойственными однимъ поэтамъ.—Meyer. Gr.[2], p. 85.

Въ III л. множ. ч. надписи имѣютъ только формы на -ασι : διδόασι CIA. IV, 51, e, 11 (410 a. C.), διδόασιν 'Αθ. VIII, 153, 20 (347 a. C.), ἀποτιθέασι ib. строка 34.

Ед. ч. несоверш. прош. имѣетъ формы, образованныя по аналогіи слитныхъ глаголовъ: ἀπεδίδου CIA. II, 811, c, 110 (323 a. C.); ἀφίει ib. 306, 15 (ок. 287 a. C.) Lautens., p. 8.

По Bamb. Jb. XII, p. 49, считаетъ Rutherford, p. 463, за одинаково хорошія аттическія формы: ἀνίστασο и ἀνίστω, ἐπίστασο и ἐπίστω, ἠπίστασο и ἠπίστω. Cp. Kühner, Ausf. Gr.[2] I, p. 540. Anm. 1 и p. 817. Софоклъ употребляетъ ἐπίστω и ἐπίστασο часто. Аристофанъ пишетъ въ триметрѣ ἵστω Eccl. 737, ἐξίστω Ach. 617, ἐπανίστω въ анапестахъ, ἀνίστασο въ лирическомъ мѣстѣ Vesp. 286, πρίω говоритъ Ach. 35 аѳинянинъ, πρίασο—ахарнянинъ. На этомъ основаніи можно, кажется, заключить, что аѳиняне употребляли въ разговорномъ языкѣ слитныя формы и что правъ Moeris, p. 19: ἀνίστω 'Αττικῶς, ἀνίστασο Ἑλληνικῶς. Cp. Thom. Mag. p. 12, 9: ἀνίστω 'Αττικοί, οὐκ ἀνίστασο. Suid. p. 441 Bernh. ἀνίστω ἀντὶ τοῦ ἀνίστασο.

Свѣдѣнія объ аористѣ у Lautens., p. 12, полнѣе, чѣмъ у Meisterh., p. 81. Первый говоритъ: Въ двойств. и множ. ч. употребляются въ VI и V вѣкахъ до Р. X. однѣ формы безъ κ : ἀνετέθην CIA. I, 351 (VI в.), παρέ]δομεν, ib. 294, 40 (452—444 a. C.). Эти формы преобладаютъ въ IV в. до 300 г. до Р. X. на столько, что съ 385—300 гг. на 133 формы безъ κ приходится лишь 10 съ κ. У Мейстерганса недостаетъ примѣровъ ἐδώκ]αμεν CIA. II, Add. 737, B, 28 (306—304 a. C.) и ἔδωκαν 'Εφ. ἀρχ. 1883, 121, β, 29 (329 a. C.); I л. мн. ч. съ κ встрѣчается въ первый разъ въ 329 г. до Р. X. : παρεδώκαμεν CIA. II, 808, d, 47 рядомъ съ 19 формами безъ κ: παρέδομεν, ἐπέδοσαν. Съ 300—30 гг. до Р. X. встрѣчаются только формы на -καν (26 примѣровъ). Со временъ императоровъ являются опять формы на -σάν, такъ что 5 формъ съ этимъ окончаніемъ приходится на 12 съ -καν. О драматическихъ поэтахъ сообщаетъ Bamb. Jb. VIII, p. 206, что находится въ триметрѣ ἔθηκαν Eur. Or. 1166. 1641. Phoen. 30. Herc. f. 590, fr. 455; въ лирическихъ частяхъ встрѣчается θῆκαν Bacch. 129; ἐδώκαμεν, ἔδωκαν и сложныя формы находятся Med. 629. Cycl.

296. Heracl. 463, fr. 488 и въ анапестич. стихѣ παρέδωκαν Nub. 969. Это всѣ мѣста, гдѣ встрѣчаются у сценическихъ поэтовъ формы съ κ.

Прошедшее совершенное вр.

Надписи представляютъ исключительно perf. τέθηκα: τ]εθη[κ]ότας CIA. II, 1053, 7 (400—350 a. C.), ἀνατέθηκεν ib. 835, A, d, 45 (320—317 a. C.), ἀνατεθηκότων 'Εφ. ἀρχ. 1884, 137, 44 (307—286 a. C.) и CIA. II, 403, 38 (конца III в.). Лишь въ I в. до Р. X. встрѣчается форма τέθεικα, извѣстная изъ нашихъ грамматикъ: ἀνατεθείκασιν CIA. II, 470, 71. 80 (69—62 a. C.). Кирхгофъ не имѣетъ права читать: CIA.I, 19, 2: ΘΕΚΟΣ τε]θεικώς, а слѣдовало бы транскрибировать τε]θηκώς. Херобоску (870, 5 = Herodian. ed. L. II, p. 836, 40) извѣстна форма τέθηκα, но онъ говоритъ, что τέθεικα имѣло перевѣсъ надъ τέθηκα: ἔστιν οὖν θήσω ὁ μέλλων καὶ τέθηκα ὁ παρακείμενος διὰ τοῦ η ὥσπερ ποιήσω πεποίηκα καὶ κατὰ τροπὴν Βοιωτικὴν τοῦ η εἰς τὴν ει δίφθογγον γέγονε τέθεικα διὰ τῆς ει διφθόγγου ὥσπερ ἥρωες, εἵρωες· οὕτως δὲ καὶ ἐπεκράτησε γράφεσθαι. Слѣдуетъ ли полагать, что вездѣ, гдѣ τέθεικα встрѣчается въ нашихъ текстахъ, оно искажено позднѣйшими переписчиками? Riem. Rev. IX, p. 181, того мнѣнія, что такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ и что, еслибъ τέθηκα было единственною аттическою формою, то грамматики должны бы были знать это. Во всякомъ случаѣ нужно ждать новыхъ открытій; но очевидно, что τέθεικα образовалось по аналогіи формы εἶκα (ἀφεῖκε CIA. II, 811, c, 119). Ср. Meyer Gr.^{2}, p. 86 и 490.

Судя по CIA. I, 324, c, 19 πρ]ο[σεστ]ῶτα и рядомъ съ этимъ ε⟨ἱ⟩στηκότα (408 a. C.) и ἕστ[ηκ]εν CIA. IV, 477 e (V в.), формы прош. сов. гл. ἵσταμαι, произведенныя отъ основы ἑστα-, не менѣе свойственны аттическому языку классическаго времени, чѣмъ болѣе длинныя отъ основы ἑστηκ-.

Надписи IV в., впрочемъ, представляютъ одни послѣднія образованія: ἐφεστήκασιν CIA. II, 564, 9 (350—300 a. C.), ἑστηκότι ib. 758, B, II, 32 (ок. 334 a. C.), καθ]εστηκότας ib. 809, a, 184 (325 a. C.), καθεστηκέναι ib. 812, a, 149 (323 a. C.) и др. Riem. Rev. IX, p. 90, not. 2, говоритъ о взаимномъ отношеніи обоихъ образованій въ литературѣ: онъ сообщаетъ наблюденіе Гервердена (Studia Thucydidea, p. 113 sqq.), что у Θукидида встрѣчаются только формы отъ основы ἑστα- за исключеніемъ род. пад. женск. р. (ἀφεστηκυίας), и даетъ затѣмъ длинный списокъ формъ обоихъ родовъ изъ трагиковъ и Аристофана; изъ его списка видно, что формы съ κ сравнительно рѣдки у этихъ поэтовъ: встрѣчаются только ἑστήκασι (Eur. Cycl. 681, Fragm. 994),

ἐπανεστήκη (Ar. Av. 554), καθεστήκοι (-η? Soph. Ai. 1074), ἑστηκώς (Eur. Hel. 438).

Средн. р. причастія ἑστώς въ надписяхъ не встрѣчается, такъ что съ ихъ помощью спорный вопросъ о начертаніи этой формы рѣшить нельзя. Древній грамматикъ Θеогностъ (Cram. Anecd. Oxon. II, p. 119, 31; ср. Herod. ed. L. I, p. 351, 11) говоритъ: πολλάκις αἱ εἰς ως μετοχαὶ ἀπὸ περισπωμένων κατὰ πάθος γενόμεναι καὶ φυλάττουσαι τὸ ω ἐπὶ τῆς γενικῆς τοῦ ἀρσενικοῦ, ἔχουσαι τὸ οὐδέτερον, εἰς ως ἔχει: τὸ βεβῶς, βεβῶτος, καὶ τὸ βεβῶς· ὁ γεγῶς, τοῦ γεγῶτος, καὶ τὸ γεγῶς· ὁ ἑστῶς, τοῦ ἑστῶτος, τὸ ἑστῶς. ὁ τεθνῶς, τοῦ τεθνῶτος, καὶ τὸ τεθνῶς и (p. 152, 15): αἱ εἰς ως πεπονθυῖαι μετοχαὶ τὸ οὐδέτερον ἔχουσι διὰ τοῦ ω μεγάλου γραφόμενον. οἷον τὸ ἑστῶς, τὸ βεβῶς, τὸ γεγῶς (Etym. M. p. 224, 7). Риманъ (Bull. III, p. 440 sqq.) высказывается на основаніи род. п. ἑστῶτος (а не ἑστότος) и образованія формы (изъ ἑσταός) за ἑστώς, которое имѣетъ противъ себя лишь авторитетъ нѣкоторыхъ рукописей, между ними, впрочемъ, Paris. A Платона (напримѣръ, Resp. VIII, 564 D, Tim. 46 B, 56 B, Crit. 113 C; вездѣ въ этихъ мѣстахъ вторая рука исправила ἑστώς, какъ Soph. OT. 633 ἑστός измѣнено въ ἑστώς). Другого мнѣнія Шанцъ (Plat. II, 2, p. XII), который въ виду лучшихъ рукописей считаетъ невѣроятнымъ, что форма ἑστός выдумка переписчиковъ. За первоначальную форму слѣдуетъ во всякомъ случаѣ считать ἑστώς, что̀ въ неизвѣстное время было замѣнено формою ἑστός. Meyer Gr.[2], p. 486, признаетъ одно ἑστώς.

Вмѣсто καθέστηκα является въ надписяхъ съ начала I вѣка до Р. Х. καθέσταμαι: καθεσταμένοις CIA. II, 471, 24, 80 (нач. I в.), καθεσταμένον ib. 476, 38, 61 (ок. 100 a. C.). Herw., p. 55.

За εἱστήκη говоритъ авторитетъ лучшихъ рукописей; Paris. A Платона нигдѣ не имѣетъ ἑστήκη. Ср. Schanz. Plat. VII, p. XIII. Herodian ed. L. II, p. 269, 12 ἐγένετο εἱστήκειν διὰ τῆς ει διφθόγγου.

2. εἰμί, εἶμι, φημί, οἶδα.

Вмѣсто ἔνεστι встрѣчаются въ отчетахъ 398 и 320 — 317 гг. до Р. Х. (CIA. II, 652 и 835) часто ἔνι.

Повелит. накл. гл. εἰμί является въ надписяхъ только въ формѣ ὄντων (не ἔστων): CIA. IV, 22, a, frg. c, 11 (450—447 a. C.); ib. 29, 6 (445—441 гг.); ib. 40, 46 (424 a. C.); ἔστωσαν встрѣчается лишь съ 200 до Р. Х.: CIA. II, 624, 12. 15 (II в.); III, 23, 36 (вр. имп.).

Прошедш. несоверш. гл. εἶμι: въ ед. ч. удостовѣрены формы ᾖα, ᾔεισθαι, ᾔει (ᾔειν) лучшими рукописями Платона; см. Schanz. Plat. VII, p. XIII, sq.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го МАРТА вышла и разослана подписчикамъ III-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Разсказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль.— II. Въ странахъ средней Азіи. Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извлеч. и перев. В. В. Тимощукъ.—III. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности.—IV. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1885 гг. (Окончаніе).—V. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина.—VI. Принцъ Карлъ-Эрнестъ Курляндскій въ Бастиліи съ 8-го января по 24-е апрѣля 1768 г. Сообщ. кн. А. Б. Л.-Р.—VII. Императрица Екатерина II. Житіе преподобнаго Сергія въ редакціи императрицы. — VIII. Николай Васильевичъ Гоголь: Не изданная его статья „1834 годъ“ и письма его къ гр. С. С. Уварову и П. Н. Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ.—Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. Н. В. Быковъ.—IX. Петръ Кононовичъ Меньковъ, р. 1814, † 1875 г. Эпизодъ изъ его жизни, 1848 г.—X. Историческіе документы, замѣтки и стихотворенія: Кн. В. В. Голицынъ, 1677 г.—Петръ I и А. Д. Меншиковъ.—Сергѣй Пушкинъ и Жуковы.—Бар. Гейкингъ.—Моисей Гумилевскій.—Сутерландъ и Рылѣевъ.—Маскарадъ 1799 г.—Университетскій пансіонъ.—Александръ и Ник. Тургеневы, 1830.—А. И. Герценъ въ 1820—41 гг.—А. Рубинштейнъ.—А. Ѳ. Гильфердингъ.—К. Д. Хрущовъ.—Вел. кн. Елена Павловна. — Замѣтки ко дню XXVII годовщины 19-го февраля. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Ред.—Стихотв. К. Р.—Поправки.—XI. Библіографическій листокъ.

Приложенія: I. Портретъ Ивана Александровича Анненкова, гравюра И. И. Матюшина съ портрета, писаннаго Кипренскимъ (1823 г.).—II. Портреты бухарскаго эмира Мозафаръ-Эддина и Кушъ-Беги, гравированы въ Парижѣ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ **С.-Петербургѣ** благоволятъ подписываться на 1888-й годъ въ книжномъ магазинѣ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ **Москвѣ** подписка принимается въ книжномъ магазинѣ **Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

☛ **Иногородные исключительно** обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. № 7.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семевскій.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.